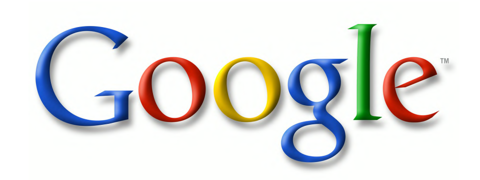


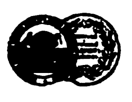
А. А. Потебня.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ
ПО
ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ.

Поэзія и проза. Тропы и фигуры. Мышленіе поэтическое и миѳическое. Приложенія.

ИЗДАНІЕ
М. В. Потебни.

ХАРЬКОВЪ.
Паровая Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
1905.



Печатать и выпустить въ свѣтъ разрѣшается согласно съ постановленіями состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ Историко-Филологическаго Общества, отъ 7 мая 1903 г. и 25 января 1905 г

Предсѣдатель Историко-Филологическаго Общества Профессоръ *Н. Сумцовъ*.

Въ настоящемъ изданіи собраны и сгруппированы по рубрикамъ замѣтки А. А. Потебни по теоріи миѳа, поэзіи и прозы, которыми онъ пользовался при чтеніи спеціальныхъ курсовъ теоріи поэзіи.

Въ посмертныхъ бумагахъ такихъ замѣтокъ оказалось цѣлыхъ три объемистыхъ папки въ четвертушку. Накоплялись онѣ въ теченіе долгаго времени, о чемъ можно было судить по внѣшнему виду листочковъ съ выписками и замѣтками. Матеріалъ подвергался авторомъ пересмотру, измѣненію, дополненіямъ, и вмѣстѣ съ этими пересмотрами, находящимися въ связи съ повторявшимися неразъ курсами теоріи поэзіи, намѣчался и ясно вырисовывался общій планъ работы, отдѣлывались цѣлыя статьи подъ особыми заголовками. Общій планъ работы заключался въ попыткѣ свести сложныя явленія поэзіи—искусства и прозы—науки къ простѣйшимъ элементамъ мысли и рѣчи, наблюдаемымъ въ отдѣльныхъ словахъ, выраженіяхъ. При изданіи этихъ матеріаловъ для новаго обширнаго изслѣдованія, примыкающаго къ третьему тому записокъ по грамматикѣ, руководились слѣдующими соображеніями:

а) издать по возможности все въ такомъ видѣ, какъ оно оставлено было покойнымъ профессоромъ,

б) обработку матеріала ограничить его группировкой по отдѣламъ и рубрикамъ,

в) въ виду разнообразія статей и замѣтокъ составить небольшой предметный указатель,

г) въ приложеніи помѣстить наброски, хотя и тождественные по содержанію со статьями, напечатанными въ одномъ изъ трехъ отдѣловъ, но отличающіеся иной группировкой матеріяла—нѣкоторыми обобщеніями.

Такъ какъ печатаніе происходило одновременно съ приведеніемъ въ порядокъ рукописи, то въ изданіи неизбѣжно могли вкрасться нѣкоторыя погрѣшности редакціоннаго характера. Что до опечатокъ, то они объясняются нѣкоторыми неблагопріятными условіями корректуры, и мы просимъ снисхожденія читателей.

Главной цѣлью изданія настоящихъ матеріаловъ было желаніе дать лицамъ, занимающимся вопросами теоріи и исторіи языка, интересную, глубокопродуманную программу для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ томъ направленіи, отъ котораго можно и слѣдуетъ ожидать весьма важныхъ и плодотворныхъ результатовъ.

В. Харціевъ.

Опредѣленіе поэзіи (родовой признакъ и видовое отличіе).

Наиболѣе общій родъ—*человѣческая дѣятельность*. Разсматриваемая въ общемъ, въ предѣлахъ человѣческаго познанія, эта дѣятельность неимѣетъ внѣшней цѣли, т. е. человѣкъ трудится и отдыхаетъ, или иначе, наслаждается для того, чтобы и впредь можно было дѣлать тоже и лучше. Мы преслѣдуемъ при этомъ двѣ цѣли: сохраненіе себя (дѣятельность эгоистическая) и другихъ (семьи, рода, племени, народа и пр.—дѣятельность, истекающая изъ любви къ другимъ). Эта дѣятельность направлена или а) преимущественно къ произведенію (т. е. собственно видоизмѣненію, приспособленію и уничтоженію) вещей: пищи, одежды, жилья и того, что косвенно къ нимъ относится, какъ напр., средства передвиженія, охота, война; или б) преимущественно къ видоизмѣненію самаго производства, т. е. сначала — производителя, человѣка, (дѣятельность воспитательная).

Это и практика и теорія (въ широкомъ смыслѣ слова [1]), стороны, различимыя только мыслью, а въ дѣйствительности тѣсно связанныя. Первая (практика) сама по себѣ была бы недостаточна для продолженія дѣятельности, ибо недавала бы возможности измѣнить ее при измѣнившихся условіяхъ. Исключительная практичность, если бы была возможна, была бы смертью человѣчества. Напр., къ чему было бы пріученіе воловъ, приготовленіе плуга и запасы сѣмянъ, если бы человѣкъ незналъ и несообщалъ другимъ, что, когда и какъ съ ними дѣлать? Тоже и на счетъ исключительной теоретичности [2]).

---

[1]) Теорія въ тѣсномъ смыслѣ есть наука.

[2]) Противополагая *utile* и *dulce*, можно прійти къ тому, что искусство безполезно, т. е. вредно—средины нѣтъ. „Какъ цѣль сама въ себѣ, красота ничему служить не можетъ; въ практическомъ и житейскомъ смыслѣ она есть чистая безполезность... (но) за какое свое собственно внутреннее свойство цѣнится эта чистая безполезность“? Вл. Соловьевъ, „Красота въ природѣ“. Вопросы философіи I, 8.

Все входящее въ теорію, хотя бы и неимѣло видимой связи съ производствомъ вещей, практично въ томъ смыслѣ, что оно измѣняетъ производителя; но есть степени практичности, т. е. силы и распространенія видоизмѣненія человѣка, зависящія отъ теоріи[1]).

Выдѣленіе искусства въ тѣсномъ смыслѣ или *изящныхъ* искусствъ, основанное на томъ, что произведенія ихъ имѣютъ отличительнымъ признакомъ красоту, порождаетъ трудный вопросъ, что такое красота? Отвѣтъ: „единство въ разнообразіи"—слишкомъ общій, потому что подъ него подойдетъ всякое орудіе и всякое произведеніе природы.

„Искусства изящныя отличаются отъ ремеслъ, во-первыхъ, тѣмъ, что только люди со врожденными къ тому способностями могутъ быть ихъ представителями; во-вторыхъ, тѣмъ, что произведенія ихъ служатъ не къ удовлетворенію обыденныхъ житейскихъ потребностей человѣка, а къ удовлетворенію потребностей его духа и стремленій къ красотѣ, истинѣ" (Колосовъ, Теорія поэзіи, § 20). Неладно, хотя и есть доля истины.

Ремесленныя произведенія. Пользованіе результатами практической дѣятельности происходитъ при посредствѣ, какъ низшихъ чувствъ (общаго чувства, осязанія, вкуса, обонянія), такъ и высшихъ (зрѣнія и слуха—напр., зрительная и слуховая труба). Пользованіе теоретической дѣятельностью—только при помощи зрѣнія и слуха, такъ какъ впечатлѣнія низшихъ чувствъ сообщаются другимъ и то до извѣстной степени лишь посредствомъ слова. Въ этомъ отношеніи теоретическая дѣятельность раздѣляется такъ. *Зрѣніе:* зодчество, ваяніе, живопись, мимика (независимо отъ пляски); *зрѣніе и слухъ*: пляска (подъ музыку); *слухъ*: музыка и слово (поэзія, наука).

Отнесеніемъ искусствъ (вмѣстѣ съ наукой) къ теоретическому отдѣлу дѣятельностей уже въ извѣстной мѣрѣ направляется и предрѣшается вопросъ о приложимости искусства и объ искусствѣ для искусства.

---

[1]) Приказанія и распоряженія, когда не самъ человѣкъ дѣлаетъ вещи, а учитъ, какъ ихъ дѣлать, а приказываетъ, какъ дѣлать и учитъ, какъ учить=блоки и колеса, посредники между тяжестью и силою.

Первыя три всетаки производятъ вещи, т. е. видоизмѣняютъ матеріалъ, внѣшній по отношенію къ человѣку, и поэтому болѣе сродни съ дѣятельностью практическою, чѣмъ остальныя, которыя лишь суть видоизмѣненія непосредственныхъ обнаруженій человѣка: его движеній, голоса.

Созданія первыхъ *устойчивы*. Пользованіе произведеніями зодчества, ваянія и живописи страдательно въ томъ смыслѣ, что зритель ненуждается въ возсозданіи этихъ произведеній. Произведенія остальныхъ суть *чистыя дѣятельности*. Для новаго пользованія ими, необходимо каждый разъ ихъ воспроизведеніе. Каждый разъ они рождаются вновь. Состояніе закрѣпленія ихъ видимыми знаками есть не дѣйствительное ихъ существованіе, а лишь пособіе для ихъ воспроизведенія.

Тѣмъ не менѣе произведенія и первыхъ трехъ невещественны въ томъ смыслѣ, что матеріалъ имѣетъ въ нихъ лишь второстепенное значеніе сравнительно съ формою. Въ художественномъ зданіи, статуѣ, картинѣ для насъ существенны лишь отношенія, воспринимаемыя зрѣніемъ. Такимъ образомъ они формальны.

Съ вещественностью произведеній зодчества, ваянія и живописи связано то, что въ произведеніяхъ ихъ можетъ сочетаться практичность, ремесленность съ теоретичностью и художественностью. Ремесленное произведеніе можетъ быть въ тоже время художественнымъ и бывало такимъ со временъ пещернаго человѣка; но пользованіе имъ разграничиваетъ въ немъ эти стороны. Такъ столъ, какъ произведеніе архитектуры, скульптуры и живописи, платье, какъ произведеніе скульптуры и живописи, могутъ быть цѣнны для насъ лишь со своей формальной стороны, лишь по тому впечатлѣнію, которое они производятъ на зрѣніе, независимо отъ удобства и прочности. Художественность въ нихъ можетъ несовпадать съ практическою годностью (напр., неудобныя прически дикихъ и цивилизованныхъ, болѣзненныя татуировки дикихъ).

Художественное и теоретическое произведеніе вообще и въ частности слово (по мысли В. Гумбольдта) отличается отъ ремесленнаго произведенія, въ частности—внѣшняго орудія, тѣмъ, что

въ послѣднемъ категоріи цѣли и средства по времени раздѣлены, а въ первомъ совпадаютъ. Пища сначала приготовляется, потомъ потребляется. Орудіе сначала дѣлается, т. е. само служитъ цѣлью, потомъ употребляется, т. е. служитъ средствомъ для внѣшней по отношенію къ нему цѣли и при этомъ портится. Улучшеніе орудія отъ употребленія, напр., когда отъ игры улучшается скрипка, входитъ въ понятіе его приготовленія.

Между тѣмъ единственная цѣль теоретическаго (художественнаго и научнаго) произведенія есть видоизмѣненіе внутренняго міра человѣка, и такъ какъ эта цѣль по отношенію къ самому создателю достигается одновременно съ созданіемъ, то можно сказать, что художественное (и научное) произведеніе въ одно и тоже время есть столько же цѣль, сколько и средство, или что въ немъ категоріи цѣли и средства, совпадая во всѣхъ признакахъ, немогутъ быть различены. Лишь кажется, что такое разграниченіе есть въ ораторской рѣчи, направленной на волю слушателей. Ораторская, какъ всякая рѣчь, есть прежде всего орудіе мысли для самого оратора: она во время произнесенія впервые объективируетъ, создаетъ эту мысль въ ея окончательной формѣ; во-вторыхъ, въ слушателѣ она, одновременно съ пониманіемъ, усвоеніемъ, является пружиною настроенія (которое и есть цѣль), которое можетъ имѣть послѣдствіемъ другія дѣйствія.

Художественное зданіе, статуя, картина портятся, но не отъ того, что ихъ смотрятъ, а независимо отъ этого,—отъ разложенія вещества; искаженіе пѣсни, ученія происходятъ не отъ пользованія ими, а отъ неполнаго использованія, стало быть отъ непользованія, отъ недостаточнаго усвоенія. Напротивъ, полное усвоеніе есть усовершенствованіе. (Напр., народная пѣсня, воспроизведенная талантомъ, вооруженнымъ всѣми средствами современнаго искусства и знанія).

Въ различіи вещи (зданіе, статуя, картина) и дѣятельности (мимика и пр.) заключено уже то, что впечатлѣнія отъ первыхъ трехъ пространственны, отъ остальныхъ—временны. Въ первыхъ глазу дано одновременно разнообразіе цвѣтной поверхности. Они изобра-

жаютъ одинъ моментъ, заключающій въ себѣ разнообразіе воспріятій; изображеніе движенія имъ частью вовсе недоступно (зодчество) частью (въ статуѣ, картинѣ) возможно лишь такимъ образомъ, что художникъ изображаетъ такой моментъ дѣйствія, который заставляетъ зрителя угадывать моменты, предшествующіе данному и слѣдующіе за нимъ (Лессингъ, Лаокоонъ). Наиболѣе общее содержаніе остальныхъ есть движеніе, дѣйствіе. Въ нихъ впечатлѣнія зрѣнія (мимика, пляска) и слуха (музыка, поэзія) составляютъ рядъ, цѣпь, звенья которой отодвигаются въ прошедшее, оставаясь лишь въ воспоминаній, по мѣрѣ появленія слѣдующихъ.

Всѣ виды словеснаго поэтическаго и прозаическаго изложенія сводятся къ одному, повѣствованію, ибо оно превращаетъ рядъ одновременныхъ признаковъ въ рядъ послѣдовательныхъ воспріятій, въ изображеніе движенія взора и мысли отъ предмета къ предмету; а разсужденіе есть повѣствованіе о послѣдовательномъ рядѣ мыслей, приводящихъ къ извѣстному заключенію.

Въ рѣчи описаніе, т. е. изображеніе чертъ одновременно существующихъ въ пространствѣ, возможно только потому и лишь настолько, насколько описаніе превращено въ повѣствованіе, т. е. въ изображеніе послѣдовательности воспріятій.

Раздѣленіе теоретическихъ дѣятельностей на двѣ группы, пространственную и временную, имѣетъ и генетическое, родословное значеніе. Сходство въ основныхъ чертахъ искусствъ, входящихъ въ эти 2 группы, можетъ служить указаніемъ на то, что искусства обособились, выдѣлились изъ 2-хъ основныхъ. Скульптура и живопись отдѣлились отъ зодчества. Музыка инструментальная, и донынѣ неразрывно связываемая съ поэзіею, вышла изъ пѣнія, соединеннаго съ пляскою (хоры древней трагедіи, нынѣшніе хороводы, нынѣшняя опера).

И донынѣ, несмотря на свою самостоятельность, искусства сочетаются между собою въ названныя двѣ группы и даютъ въ этомъ сочетаніи болѣе строгое единство впечатлѣнія, чѣмъ при сочетаніи двухъ этихъ группъ между собою (въ оперѣ=музыка, пѣніе и мимика съ одной и декорація съ другой стороны).

Разница между искусствами состоитъ въ различіи употребляемыхъ ими средствъ.

По предмету наиболѣе близки между собою живопись (resp. ваяніе) и поэзія; но „живопись... употребляетъ (какъ знаки) тѣла и краски въ пространствѣ“—поэзія—„члено-раздѣльные звуки во времени“. Отсюда слѣдуетъ, что „знаки располагаемые другъ подлѣ друга, должны и представлять только такіе предметы или ихъ части, которые въ дѣйствительности представляются расположенными другъ подлѣ друга“, т. е. „тѣла съ ихъ видимыми свойствами“; что „знаки слѣдующіе другъ за другомъ, (слова) могутъ выражать только предметы, которые и въ дѣйствительности представляются намъ въ послѣдовательности времени, т. е. что „дѣйствія составляютъ настоящій предметъ поэзіи“ [1]) (Лаокоонъ, XVI гл.). Какъ расширяетъ живопись доступное ей изображеніе момента?

Когда живописецъ (какъ многіе старинные) „на одной картинѣ изображаетъ два необходимо удаленные другъ отъ друга момента времени, напр., Маццуоли—похищеніе Сабинянокъ и примиреніе ихъ мужей съ ихъ родственниками, или, какъ Тиціанъ—цѣлую исторію блуднаго сына: его развратную жизнь, бѣдственное положеніе и раскаяніе“; то онъ вторгается „въ чуждую ему область поэзіи“ (Лаок., XVIII гл.), при томъ тщетно, потому, что здѣсь столько картинъ, сколько моментовъ [2]).

Когда поэтъ, перечисляя одинъ за другимъ различные предметы, „которые необходимо увидѣть разомъ, для того чтобы представить образъ цѣлаго“, думаетъ, что „такимъ способомъ можно успѣть дать полный и живой образъ описываемой вещи“; то онъ „вторгается въ область живописца и понапрасну тратитъ много воображенія“ (ib. XVIII). Онъ самъ замѣнилъ пространственныя

[1]) Скульптурное изображеніе момента въ поэзіи превращается въ разсказ (рядъ моментовъ). Стихотв. Пушкина:

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! раздавайся, народъ любопытный;
Врозвь разступись: не мѣшай русской удалой игрѣ.

(На статую работы Н. Пименова—игрокъ въ бабки).

[2]) Буслаевъ, Очерки, о старинныхъ русскихъ миніатюрахъ.

отношенія послѣдовательными, разложивъ (одновременное) цѣлое на части, а отъ читателя требуетъ исполненія „несравненно труднѣйшей, часто невыполнимой задачи: возстановленія одновременно цѣлаго изъ этихъ частей“.

Чѣмъ труднѣе выполненіе такой задачи, чѣмъ болѣе понапрасну тратится усилій, тѣмъ менѣе удовольствія и тѣмъ, значитъ, несовершеннѣе описаніе въ художественномъ отношеніи.

Перечисленіе одновременныхъ признаковъ бываетъ необходимо для составленія отвлеченнаго понятія о предметѣ. Это дѣло прозаика, нетребующаго отъ читателя усилій воображенія. Слабы описанія промежуточныя, недающія ни ясности понятія, ни живости поэтическаго образа.

Волею-неволею языкъ заставляетъ насъ разлагать одновременно данные образы на рядъ послѣдовательныхъ дѣйствій мысли [1]), изъ коихъ каждое (слово) даетъ не болѣе одного признака. Добровольно подчиняясь этому, поэтъ нейдетъ дальше. „Гомеръ не изображаетъ ничего, кромѣ послѣдовательныхъ дѣйствій, и всѣ тѣла, всѣ отдѣльные предметы онъ рисуетъ лишь по мѣрѣ участія ихъ въ дѣйствіи, при томъ обыкновенно не болѣе, какъ одною чертою“ (ib. XVI гл.). Напр., хочетъ ли онъ показать колесницу Геры, онъ заставляетъ Гебу составлять ее по частямъ (Ил. V, 722). Одежду Агамемнона мы видимъ въ то время, какъ поэтъ изображаетъ самое одѣванье (Ил. II, 43—7): „другой изобразилъ бы одежду до послѣдней складки, и въ тоже время мы невидѣли бы дѣйствія“ (Лаок. XVI гл.) [2])

Выстрѣлъ изъ лука, то, что у живописца мы могли бы увидѣть лишь въ готовомъ видѣ, у Гомера превращено въ рядъ дѣйствій, начиная съ охоты за серной, изъ роговъ коей сдѣланъ лукъ. (Ил. IV, 105—126). Мы видимъ у него не щитъ Ахилла, а дѣланье щита, (Ил. XVIII, 476, 606—7).

---

[1]) *Словъ*, ибо каждое слово есть актъ мысли.

[2]) Въ русскихъ былинахъ замѣчается излишество такихъ *генетическихъ* описаній одѣванья, скидки портокъ и пр. Гильферд. № 59 и др.

Тоже относительно красоты наружности. Поэтъ „долженъ чувствовать, что элементы красоты, изображенные въ послѣдовательности времени, никакъ не могутъ произвести того дѣйствія, какое производятъ, будучи представлены одновременно, одинъ возлѣ другого; что сосредоточивающій взглядъ, который мы бы хотѣли обратить на нихъ назадъ, по ихъ исчисленіи, не соберетъ намъ стройнаго образа; что задача представить себѣ, какой бы эффектъ произвели такой-то ротъ, носъ и такіе-то глаза, соединенные вмѣстѣ, превосходитъ силы человѣческаго воображенія“, если намъ „въ природѣ или произведеніи искусства недано готовое сочетаніе этихъ частей“ (Лаок. XX гл.).

„Для глаза (въ картинѣ, статуѣ или въ натурѣ) разсматриваемыя части остаются постоянно на виду; онъ можетъ неразъ обозрѣть ихъ снова“ (ib. XVII гл.). При томъ опредѣленность впечатлѣнія зрѣнія такова, что мы можемъ сохранять въ памяти, живо представлять себѣ, воспроизводить очертанія, краски лица, мѣстности. Точно такъ мы можемъ живо помнить и воспроизводить послѣдовательность музыкальныхъ звуковъ, несмотря на то, что звукъ исчезаетъ, смѣняясь другимъ. Между тѣмъ слово, смѣняясь подобно звуку другимъ, отличается тѣмъ, что служитъ лишь очень неопредѣленнымъ знакомъ очертанія, цвѣта, звука. „И относительно изображенія красоты Гомеръ является мастеромъ первой руки. Онъ говоритъ: Нирей былъ прекрасенъ, Ахиллъ еще прекраснѣе (Ил. II 673—4). Елена обладала божественной красотой; но нигдѣ непускается онъ въ подробное описаніе красоты. А между тѣмъ содержаніемъ всей поэмы служитъ красота Елены“ (Лаок. XX гл.). Онъ мимоходомъ упоминаетъ, что у Елены были бѣлыя руки (Ил. III, 121) и прекрасные волосы; но то, чего нельзя описать по частямъ и въ подробностяхъ, Гомеръ умѣетъ показать другимъ образомъ, именно дѣйствіемъ его на другихъ:

„Старцы народа... уже не могущіе въ брани, но мужи совѣта... сильные словомъ“, лишь только увидѣли идущую къ башнѣ Елену, „тихія между собой говорили крылатыя рѣчи“:

„Нѣтъ осуждать невозможно, что Трои сыны и Ахейцы
Брань за такую жену и бѣды столь долгія терпятъ:
Истинно, вѣчнымъ богинямъ она красотою подобна“.

Иліада III, 150—158.

Сходные пріемы замѣчены [1]) не въ однихъ гомерическихъ пѣсняхъ. Много примѣровъ можно найти въ русской и сербской народной поэзіи. Съ изображеніемъ лука Пандарова ср. стрѣлы Дюка Степановича (Кирѣев. III, 101—2); генетическое изображеніе стрѣльбы изъ лука встрѣчается въ нѣсколькихъ великорусскихъ былинахъ, между прочимъ въ былинѣ о Потокѣ (Кирѣев. IV, 53, 94); съ изображеніемъ красоты по впечатлѣнію, производимому на другихъ ср. изображеніе красоты Росанды (Караджичъ, II, № 40), описаніе красоты церкви (Карад. II, № 36); а также малор. кол.:

Оришечка... Убіралася, наряжалася
До церкви пішла, якъ зоря зійшла,
У церков війшла и засіяла.
Тамъ пани стояли да ії питали:
„Чи ти царівна, чи королівна?“
Я не царівна, не королівна,
Батькова дочка...

Правило изображать дѣйствіе не моментомъ, а протяженіемъ, рядомъ моментовъ выражается въ великорос. и малорус. пѣсняхъ въ самомъ употребленіи нашихъ несовершенныхъ глаголовъ тамъ, гдѣ современный человѣкъ поставилъ бы совершенный.

Современный поэтъ самою быстротою теченія своей мысли поставленъ въ нѣсколько другія условія; но есть требованія поэтической изобразительности и вмѣстѣ сбереженія силъ читателя, обязательныя для него въ той же мѣрѣ, въ какой они были для древняго поэта.

Въ силу того вниманія ко внѣшней природѣ и той степени ея изученія, которыя сказались въ нынѣшнемъ развитіи ландшафтной живописи, современному поэту приходится изображать пей-

[1]) Буслаевъ, Очерки I, 63—64; Шевыревъ, Ист. рус. слов. I, 104.

зажи чаще и подробнѣе, чѣмъ древнему. Ему больше искушеній перейти мѣру, больше возможности злоупотребленій.

Нельзя обойтись безъ простого сопоставленія частей ландшафта, но при этомъ должны быть приняты мѣры для облегченія читателю синтеза:

а) Нужно избѣгать дробности частей. Стихотвореніе Фета, при всѣхъ недостаткахъ (непослѣдовательность, тавтологія), благодаря отсутствію дальнѣйшихъ подробностей, представляетъ сносную картину:

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна,
Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ.

б) Помня одинаковое отношеніе слова къ явленіямъ свѣта и звука, неостанавливаться исключительно на точкѣ зрѣнія живописца, но не оставлять ее совсѣмъ, связывая явленія, подлежащія другимъ чувствамъ съ видимымъ предметомъ.

в) Ради конкретности изображенія держаться субъективной точки зрѣнія, т. е. своей, или точки воображаемаго зрителя.

г) Незаставлять произвольно мѣнять эту точку, напр. то отдалять или возвышать ее такъ, что картина превращается въ географическую карту, то приближать ее на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ или даже вытянутой руки. Или тамъ, гдѣ необходимость заставляетъ дѣлать это, т. е. гдѣ самъ поэтъ мѣняетъ точку, естественно дѣлать это, вести за собою читателя.

„Если цѣлое должно представлять живую картину, то ни одна часть его не должна выдаваться впередъ, но сильное освѣщеніе должно быть равномѣрно распредѣлено по всѣмъ частямъ, воображеніе наше съ одинаковою скоростью должно обѣжать ихъ всѣ.

для того чтобы соединить изъ нихъ въ одно цѣлое то, что... (глазами) обозрѣвается разомъ“ (Лаок. XVII гл.).

д) Помнить, что „всякая поэтическая картина требуетъ отъ читателя предварительнаго знакомства съ описываемыми предметами“ (ib).

Образцы, превращающіе описанія природы въ рядъ послѣдовательныхъ воспріятій (=повѣствованія) съ опредѣленной точки, на которую легко поставить себя слушателю:

Изъ сербской пѣсни „Женидба кралья Вукашина“. Вукашинъ, желая прельстить Видосаву, говоритъ: что у васъ тутъ? Посмотришь вверхъ—горы, покрытыя снѣгомъ и льдомъ; посмотришь внизъ—скалы и утесы, да мутная Тара ворочаетъ камни. Не то у меня въ ровномъ приморьѣ, въ Скадрѣ на Боянѣ:

А какав je Скадар на Бojaни!
Кад погледаш брду (вверхъ) изнад града,
Све порасле смокве и маслине,
И joш они грозни виногради;
Кад погледаш стрмо (внизъ) изпод града,
Ал узрасла шеница бjелица,
А око ње зелена ливада,
Кроз њу тече зелена Бojaна,
По њоj плива риба свакоjака,
Кадкоћ хоћеш, да je тазе (свѣжую) jедеш.

Вук. Кар. II, 105—6.

Слушатель перемѣняетъ точку зрѣнія, но каждый разъ разсказчикъ предупреждаетъ эту перемѣну (посмотри вверхъ, внизъ). Другой примѣръ у Пушкина „Обвалъ“:

Дробясь о мрачныя скалы
Шумятъ и пѣнятся валы;
А надо мной кричатъ орлы
И ропщетъ боръ
И блещутъ средъ волнистой мглы
Вершины горъ.

Примѣръ несоблюденія единства и опредѣленности точки зрѣнія—*степь* въ „Тарасѣ Бульбѣ“ Гоголя: „Ничего въ природѣ не могло быть лучше (для кого?); вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. *Сквозь* тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный Богъ знаетъ откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. *Подъ* тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи“.

Въ *Войнѣ* и *Мирѣ* нѣтъ описаній красоты женской, но читатель не можетъ смѣшать и по наружности жены кн. Андрея, Hélène, Наташи. Такъ присутствіе высокихъ цѣлей искусства, можетъ быть, безсознательно ведетъ къ соблюденію частныхъ его правилъ (умѣренности въ описаніяхъ) и наоборотъ, когда поэту нечего сказать болѣе важнаго онъ описываетъ.

„Когда плохой поэтъ“ говоритъ Горацій, „не въ силахъ ничего сдѣлать, онъ начинаетъ описывать рощу, жертвенникъ, ручей, вьющійся по злачнымъ лугамъ, шумящій потокъ, радугу“. (Лаокоонъ, XVII гл.).

Если объективный покой превращается поэтическимъ изображеніемъ въ движеніе, то и наоборотъ, когда изображается движеніе, лучше (экономнѣе) недѣлать зрителя участникомъ движенія каждой части, а заставлять движеніе проходить передъ его глазами.

Сюда примѣръ изъ Гомера, Иліада III, 171 и сл.: Елена съ башни называетъ Пріаму замѣчаемыхъ имъ героевъ Греціи. Въ сербскихъ пѣсняхъ это обычный пріемъ—обозначать присутствіе зрителя:

Мили Боже, чуда великога
Да je коме погледати било,

а далѣе описаніе. (Караджичъ II, 111, 561). Лицо обозрѣвающее подымается на башню (Караджичъ, № 45, „Цар Лазар и царица Милица“. Царица выходитъ на башню и распрашиваетъ каждаго проходящаго героя о боѣ на Коссовомъ полѣ. Такой же пріемъ

въ другой пѣснѣ № 51: Дјевојка Коссовка). У Л. Толстого въ „Войнѣ и Мирѣ“: „Въ срединѣ моста, слѣзши съ лошади, прижатый своимъ толстымъ тѣломъ къ периламъ, стоялъ князь Несвицкій... Поглядѣвъ за перила внизъ, князь Несвицкій видѣлъ быстрыя шумныя, невысокія волны Энса... Поглядѣвъ на мостъ, онъ видѣлъ столь же однообразныя живыя волны солдатъ, кутасы, кивера съ чехлами, ранцы, штыки, длинныя ружья и изъ-подъ киверовъ лица съ широкими скулами, ввалившимися щеками и беззаботно усталыми выраженіями (далѣе передъ генераломъ проходятъ по мосту отдѣльныя части войска), Война и Миръ I, 219—225, изд. 1889 г.

Примѣръ отсутствія перспективы и нарушенія только что указаннаго правила—у Гоголя въ описаніи сада Плюшкина:

„Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее, какъ темная пасть; оно все было окинуто тѣнью, и чуть чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перила, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиной вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной гущины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья и, *наконецъ* молодая вѣтвь клена, протянувшая сбоку свои зеленыя *лапы*—листы, подъ *одинъ* изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ“.

Родословная искусства. Въ раздѣленіи искусствъ на 2 вѣтви: пространственную и временную, заключено указаніе на ихъ родословныя отношенія.

Когда, при нынѣшней обособленности и самостоятельности искусствъ, они всѣ пускаются въ ходъ для произведенія общаго впечатлѣнія, какъ въ оперѣ, мы видимъ, что декораціи (т. е. архитектура, скульптура и живопись) съ одной стороны, музыка, пляска и мимика, поэзія съ другой—образуютъ между собою болѣе тѣсныя сочетанія, чѣмъ эти группы другъ съ другомъ.

Такія два сочетанія, данныя одновременно, всегда болѣе менѣе оспариваютъ другъ у друга силу впечатлѣнія и стремятся оттѣснить другъ друга назадъ [1]).

Архитектурныя формы, обнимая собою скульптурныя и живописныя, даютъ общія указанія на распредѣленіе, величину и до нѣкоторой степени и на характеръ этихъ послѣднихъ, непредрѣшая ихъ частнаго содержанія. Подобныя отношенія связи общности и частности существуютъ между музыкою и поэзіей. Нынѣшняя сложность музыкальныхъ произведеній и самостоятельность инструментальной музыки умаляется по направленію къ прошедшему; чѣмъ дальше въ старину, тѣмъ служебнѣе отношеніе инструментальной музыки къ пѣнію и поэзіи. Чѣмъ болѣе музыкальный инструментъ сводится на нѣтъ, замѣняясь человѣческимъ голосомъ, тѣмъ общѣе становится правило, что пѣсня поется ради содержанія. „Дядюшка пѣлъ такъ, какъ поетъ народъ, съ тѣмъ полнымъ и наивнымъ убѣжденіемъ, что въ пѣснѣ все значеніе заключается только въ словахъ, что напѣвъ самъ собой приходитъ, и что отдѣльнаго напѣва небываетъ, а что напѣвъ—такъ только для складу. Отъ *этого*-то этотъ безсознательный напѣвъ, какъ бываетъ напѣвъ птицы, и у дядюшки былъ необыкновенно хорошъ“ (В. и М. II, 372). Противоположное явленіе—когда, какъ въ концертномъ и отчасти оперномъ пѣніи, пѣніе независитъ отъ пѣсни и голосъ разсматривается, какъ музыкальный инструментъ. Эта крайность вызываетъ новыя попытки къ сліянію музыки и поэзіи и созданію выразительнаго пѣнія и изобразительной музыки. Тоже—о балетѣ. На относительно первобытной ступени связи музыки и поэзіи, напр. въ русской народной пѣснѣ, можно усмотрѣть, какъ музыкальный періодъ и его части соотвѣтствуетъ синтактическому; но

[1]) Man soll sich alles praktisch denken und deshalb auch dahin trachten, dass verwandte Manifestationen der grossen Idee, insofern sie durch Menschen zur Erscheinung kommen sollen, auf eine gehörige Weise ineinander wirken. Malerei, Plastik und Mimik stehen in einem unzertreunlichen Bezug; doch muss der Künstler, zu dem einen berufen, sich hüten, von dem andern beschädigt zu werden: der Bildhauer kann sich vom Maler, der Maler vom Mimiker verführen lassen und alle drei können einander so verwirren, dass keiner derselben auf den Füssen stehen bleibt. Göthe, Sprüche, 144—5.

тутъ же усматривается разница въ средствахъ и цѣляхъ поэзіи и музыки.

Музыка относится къ поэзіи, какъ архитектура къ ваянію и живописи.

Распредѣленіе пѣсенъ по напѣвамъ научное было бы только возстановленіемъ, исправленіемъ и закрѣпленіемъ ассоціацій уже существующихъ въ мысли пѣвцовъ. Когда Ст. Верковичъ спросилъ у Дафины изъ Сереча, отъ которой онъ записалъ 270 пѣсенъ, какъ ей приходятъ на память пѣсни, она отвѣчала, что она находитъ пѣсни только по напѣву, т. е. какъ только вспомнитъ напѣвъ, слышанный еще въ молодости, тотчасъ же приходитъ ей на память и пѣсня (Ст. Верковичъ, Нар. п. Макед. бугара, I, XVI).

По количеству частей музыкальнаго періода можно судить о количествѣ синтактическихъ частей размѣра; но угадать, каковы именно будутъ эти послѣдніе, невозможно, ибо напр., та же музыкальная фраза соотвѣтствуетъ въ одномъ случаѣ опредѣленію и опредѣляемому (червоная калиночька,) въ другомъ обстоятельству и подлежащему + сказуемое (тамъ дівчина журилася).

Невозможно точное соотвѣтствіе напѣва и лексическихъ значеній словъ пѣсни.

Знаменательность словъ даетъ каждому тѣ же представленія, возбуждающія опредѣленныя образы и черезъ ихъ посредство чувство. Ни отдѣльные звуки напѣва, ни его фразы не имѣютъ и той знаменательности, которая остается за отдѣльными словами, вырванными изъ связной рѣчи. Напѣвъ, какъ единство частей, тоже не имѣетъ той непосредственной знаменательности, какую имѣютъ произведенія изобразительныхъ искусствъ: живопись, поэзія. Онъ, какъ произведеніе архитектурное, неизображаетъ ничего внѣшняго, даннаго въ природѣ; онъ возбуждаетъ первоначально лишь неопредѣленныя чувства удовольствія съ безчисленными оттѣнками радости, веселья, бодрости до невольныхъ ритмическихъ движеній, грусти или печали до слезъ, покоя до усыпленія; а эти чувства при благопріятныхъ условіяхъ могутъ вызвать ряды образовъ.

Примѣры:

„И зачалъ тутъ Ставръ поигрывати, сыгрышъ сыгралъ Царяграда, Танцы повелъ Іерусалима, Величалъ князя со княгинею, Сверхъ того игралъ еврейской стих". Посолъ задремалъ и спать захотѣлъ (Кирѣев., IV, 67, Кирша Дан.). Ср. Караджичъ, II, 250—6: Марко Краљевичъ проситъ спѣть воеводу Милоша:

„А мај брате, војвода Милошу
Тешко ме је санак обрвао
Певај брате те ме разговарај"
...Онда Милош поче да попева
А красну је песму започео
Од сви наши бољи и старији,
Како ј' који држ'о краљевину
По честитој по Маћедонији,
Како себе има задужбину;
А Марку је песма омилила,
Наслони се седлу на облучје
Марко спава, Милош попијева, Кар. II, 215—6.

Примѣры (изъ новѣйшей русской литературы) изображенія дѣйствія музыки: Тургеневъ „Дворянское гнѣздо" (музыка Лемма), Л. Толстой „Альбертъ", „Люцернъ", „Война и Миръ" (II, 84)— Николай Ростовъ слушаетъ пѣніе Наташи: „И вдругъ весь міръ для него сосредоточился въ ожиданіи слѣдующей ноты, слѣдующей фразы, и всё въ мірѣ сдѣлалось раздѣленнымъ на три темпа: Oh, mio crudele affetto... Разъ, два, три... разъ, два, три... разъ. Эхъ жизнь наша дурацкая!—думалъ Николай. Все это—и несчастіе и деньги, и Долоховъ, и злоба, и честь—все это вздоръ... а вотъ оно настоящее... Ну, Наташа, ну, голубчикъ, ну, матушка!... какъ она этотъ si возьметъ? взяла! слава Богу! И онъ самъ, не замѣчая того, что онъ поетъ, взялъ втору въ терцію высокой ноты. „Боже мой, какъ хорошо! Неужели это я взялъ? какъ счастливо!"—подумалъ онъ (можно зарѣзать, украсть,—и все таки быть счастливымъ).

Словесныя изображенія музыки (сладкая, страстная мелодія... вся сіяла... росла, таяла и пр.) и ея дѣйствія приводятъ только

къ тому, что мы папередъ знаемъ, что музыка словами неизобразима, т. е., что она есть самостоятельное, незамѣнимое искусство, и что хотя она шевелитъ „отрадное мечтанье", т. е. можетъ входить въ ассоціацію съ извѣстными образами, но не даетъ имъ развиться и сама по себѣ лишена и той доли объективности и опредѣленности мысли, какая свойственна слову.—Музыка не изобразима словами; но возможны изображенія моментовъ наибольшаго воспріятія. Сюда и по поводу эстетическаго воспитанія вообще Гёте: Echt ästetisch - didaktisch könnte man sein, wenn man mit seinen Schülern an allem Empfindungswerthen vorüberginge, oder es ihnen zubrächte im moment, mo es kulminiert und sie höchst empfänglich sind. Da aber diese Forderung nicht zu erfüllen ist, so müsste der höchste Stolz des Kathederlehrers sein, die Begriffe so vieler Manifestationen iu seinem Schülern dergestalt zum Leben zu bringen, dass sie für alles Gute, Schöne, Grosse, Wahre empfänglich würden um es mit Freuden aufzufassen, wo es ihnen zur rechten Stunde begegnete. Ohne das sie es merkten und wüssten, wäre somit die Grundidee, woraus alles hervorgeht, in ihnen lebendig geworden, G. Spr. 144.

Если музыка возникла изъ пѣнія, поэзіи, то стихотворство, размѣръ—изъ связи слова съ пѣніемъ. Выдѣленію инструментальной музыки соотвѣтствуетъ выдѣленіе сложныхъ поэтическихъ произведеній, несвязанныхъ ритмичностью.

Слово и его свойства. Рѣчь и пониманіе.

Понять дѣйствіе слова и въ частности поэзіи можно, конечно, только наблюдая свойства самаго слова.

Отношеніе говорящаго къ употребляемымъ словамъ двояко [1]).— Во-первыхъ, къ значительной части этихъ словъ онъ относится

[1]) По отношенію къ слову возможны два вопроса: *что* оно значитъ и *какъ* (какимъ *образомъ*) значитъ? Отвѣтомъ на второй вопросъ служитъ указаніе на *значеніе* предшествующаго слова и на *отношеніе* этого значенія къ новому.

2

почти такъ, какъ ребенокъ, который впервые знакомится съ ихъ звуками и значеніемъ. Мы говоримъ ребенку, указывая на вещи или изображенія: это *домъ*, *лѣсъ*, *соль*, *сыръ*,—это растеніе—*донникъ*. Дитя по нашимъ указаніямъ, но самостоятельно составляетъ себѣ соотвѣтственные образы и понятія. Мы умышленно или неумышленно не позволяемъ ему сойти съ пути, намѣченнаго преданіемъ, т. е. назвать, напримѣръ, *домъ лѣсомъ*, *соль сыромъ*; но обыкновенно, даже при желаніи, не можемъ объяснить, почему *соль* неназывается *сыромъ* и наоборотъ. Единственное объясненіе: такъ говорятъ, такъ говорили изстари. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ подъ давленіемъ преданія значеніе непосредственно и безотчетно примыкаетъ къ звуку [1]).

Во-вторыхъ, къ другой части словъ мы относимся болѣе активно. Именно, стоитъ употребить такія слова въ переносномъ, производномъ смыслѣ или образовать отъ нихъ новыя, и основанія такого дѣйствія скажутся, будутъ тѣмъ явственнѣе, хотя бы мы и не въ состояніи были дать въ нихъ отчета [2])—напримѣръ, когда мы говоримъ: я здѣсь (т. е. въ этомъ дѣлѣ, въ этомъ кругу мыслей) „*дома*“, или „я тутъ (какъ) въ лѣсу“, „чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ“, „волка какъ ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ“. Въ послѣднемъ примѣрѣ „въ лѣсъ“ значитъ приблизительно тоже, что „вонъ“, т. е. въ сторону противоположную домашнему, дружескому, симпатичному, и это значеніе изображено, или, говоря психологическимъ терминомъ, *представлено* признакомъ взятымъ изъ значенія „*въ лѣсъ*“. Всякое удачное изслѣдованіе этимологически неяснаго слова приводитъ къ открытію въ немъ такого представленія, связующаго это слово съ значеніемъ предшествующаго слова и т. далѣе въ недосягаемую глубину вѣковъ [3]).

---

[1]) Таковы, напримѣръ, *домъ*, (ибо сближеніе съ глаголомъ, означающимъ „укрощать“ (*дам*-) „вязать“ (*да-дâ*-) не все разъясняетъ), нар. *дома*, *лѣсъ*.

[2]) Примѣры, сюда относящіяся,—въ соч. „Мысль и Языкъ“ въ I томѣ „Записокъ по русской грамматикѣ“, „Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня, пословица, поговорка“.

[3]) Въ сказкахъ: „Избушка, избушка! стань *къ лѣсу* задомъ, а ко мнѣ передомъ“. „Вънъ“ (изъ винит. ед.), „вънѣ“ (мѣстн. ед.), существ. „извъна“ („всю извъну (церкви) украси“, Новг. I, 32) не можетъ быть сравниваемо съ сскр. *винâ*, безъ (Pott, Et.

Тоже самое и въ примѣненіи къ отдѣльнымъ формальнымъ элементамъ слова, напр. *а* въ дом|*а*.

Изъ примѣровъ, разобранныхъ ниже (см. метафора, метонимія) будетъ видно, что производныя значенія тоже могутъ быть даны преданіемъ; но они могли бы и дѣйствительно быть произведены вновь. Дѣло здѣсь не въ этомъ, а лишь въ томъ, что преданіе можетъ передавать слово съ явственнымъ представленіемъ.

Всякое созданіе новаго слова изъ прежняго создаетъ вмѣстѣ съ новымъ значеніемъ и новое представленіе. Поэтому можно сказать, что первоначально всякое слово состоитъ изъ трехъ элементовъ: единства членораздѣльныхъ звуковъ, т. е. *внѣшняго знака* значенія; *представленія*, т. е. *внутренняго знака* значенія и самаго *значенія*. Другими словами, въ это время въ двоякомъ отношеніи есть (имѣется на лицо) *знакъ значенія*: какъ звукъ, и какъ представленіе.

Звукъ и значеніе навсегда остаются непремѣнными условіями существованія слова, представленіе же теряется[1]) (см. ниже). Такая потеря объясняется слѣдующимъ. При помощи слова совершается познаніе. Познаніе есть приведеніе въ связь познаваемаго (Б) съ прежде познаннымъ (А), сравненіе *Б* съ *А* при помощи признака общаго и тому и другому, взятаго изъ *А*, признака, который мы обозначимъ *а*. Жизнь слова состоитъ въ его употребленіи, т. е. въ примѣненіи къ новымъ случаямъ. При этомъ количество признаковъ *Б* увеличивается и ихъ связь между собой закрѣпляется; вновь входящій въ *Б* признакъ напр. б''' примыкаетъ уже не непосредственно къ *а* и *А*, а черезъ б', б''. Т. о. *а* въ числѣ призна-

---

Forsch. I, 718, Micl. Lexic.) а) потому что изъ *ви* должно выйти *вь*—, а не *въ*—, какъ въ *въ-нъ*; б) потому что явственность падежныхъ значеній заставляетъ предполагать уже въ славянскихъ языкахъ существительное со значеніемъ столь же вещественнымъ, какъ то, которое предполагается сходнымъ по значенію выраженіемъ *foras* и foris, *на дворъ* (рус. серб.) и *на дворѣ*, серб. *на поље, на пољу*, внѣ; *с поља*, с-извнѣ, снаружи; лотыш. *ârâ*, внѣ, *ârau*, вонъ; литов. *orê* = сскр. *arê* внѣ при лотыш. *aras* — все внѣ дома. Поэтому можно согласиться съ Ягичемъ (Podmladjena Vokaliz. 29, Rad, IX), что *вънъ* примыкаетъ къ сскр. *вана*—лѣсъ, т. е. что въ этомъ словѣ значеніе *foras* представлено признакомъ, взятымъ изъ значенія *въ лѣсъ*.

[1]) Напр. *щитъ*, за-щита; лаять, брехать.

ковъ Б становится несущественнымъ. Говорящій незаинтересованъ въ востановленіи этого *а*, скорѣе наоборотъ, оно ему мѣшаетъ. Поэтому *а* все рѣже и рѣже входитъ въ сознаніе и наконецъ исчезаетъ, вмѣстѣ съ чѣмъ *Б*, какъ зрѣлый плодъ, выросшій на *А*, отрывается отъ него [1]) и черезъ посредство взятыхъ изъ нихъ представленій б′, б″, б‴ становится основаніемъ для образованія В, Г и т. д. Примѣромъ можетъ служить образованіе ряда значеній *защита* (*Б*) изъ *щитъ* (А), кожа [2]).

Иначе: дѣйствіе мысли въ возникающемъ словѣ есть сравненіе двухъ мысленныхъ комплексовъ, вновь познаваемаго (*X*) и прежде познаннаго (А) посредствомъ представленія (*a*), какъ tertium comparationis. Такъ какъ упомянутые комплексы всегда болѣе или менѣе разнородны, то возникающее слово всегда *иносказательно* въ двоякомъ отношеніи: какъ по различію X и A, такъ и по различію *а* и *А*. Сравненіе слѣдуетъ отличать отъ уравненія, въ коемъ обѣ величины готовы въ мысли до своего сближенія, напр. ∠ ABC = ∠ CBD, причемъ все равно, сравнивается ли первое со вторымъ, или наоборотъ. Въ словѣ это не безразлично. Теченіе мысли направлено отъ *А* къ *X* и интересъ сосредоточенъ на послѣднемъ. Познаваемое есть не только отношеніе *X* къ *А*, но и самое *X*.

Представленіе выдѣляетъ *а* (изъ *Б*.) (корова, зенд. çрва роговой, *κεραός* рогатый (эпитетъ оленя), cervus); оно даетъ а) сознаніе единства данныхъ воззрѣнію комплексовъ; б) установленіе единства связокъ (комплексовъ), которыя даны лишь въ своихъ стихіяхъ; в) чрезъ устраненіе несущественнаго (*идеализацію*) *облегчаетъ* обобщеніе, стало быть, увеличиваетъ разстояніе между человѣческой абстракціей и конкретностью животной мысли; г) создаетъ категорію объектовъ мысли. Предметъ мысли *А* не есть $а + б + с$ (признаки), а вмѣстѣ возможность неизвѣстныхъ х, у... (Мысль и языкъ, 153). Представленіе замѣщаетъ собою образъ. Отсюда большая быстрота мысли (М. и яз., 168—9). Посредст-

---

1) Мысль и языкъ, гл. IX, 157—160, гл. X, 205—7.

2) См. этимологію слова „верста“. Изъ записокъ, т. I, 1—5.

вомъ соединенія представленія съ другими представленіями производится расчлененіе образа, *превращеніе его въ понятіе*, установленіе связи между мыслями, ихъ подчиненіе и соподчиненіе, (классификація). Разложеніе комплекса признаковъ въ рядъ признаковъ, мыслимыхъ послѣдовательно, прямо вліяетъ на вѣрность умозаключеній. (См. ниже о миѳѣ).

Уже при самомъ возникновеніи слова между его значеніемъ и представленіемъ, т. е. способомъ, какимъ обозначено это значеніе, существуетъ неравенство: *въ значеніи всегда заключено больше чѣмъ въ представленіи*. Слово служитъ лишь точкой опоры для мысли. По мѣрѣ примѣненія слова къ новымъ и новымъ случаямъ, это несоотвѣтствіе все увеличивается. Относительно широкое и глубокое значеніе слова (напр. защита) стремится оторваться отъ сравнительно ничтожнаго представленія (взятаго изъ слова *щитъ*), но въ этомъ стремленіи производитъ лишь *новое слово*. Добытыя мыслью новыя точки прикрѣпленія усиливаютъ ея ростъ. Такимъ образомъ эта непрерывная борьба мысли со словомъ, „при надлежащей свѣжести духовныхъ силъ производитъ все большее и большее усовершенствованіе языка и обогащеніе его духовнымъ содержаніемъ [1]).“

Что могло заключаться въ мысли до языка? То, что останется, если вычесть изъ наличнаго состава мысли все, что недано чувственными воспріятіями. Чувствами недана ни субстанція, ни качество, ни дѣйствіе. Ими объединены лишь такія связки впечатлѣній, какъ *звѣрь*, *растеніе*, *камень*, но и эти связки нерасчленены; затѣмъ—масса несвязныхъ впечатлѣній.

При помощи слова человѣкъ вновь узнаетъ то, что уже было въ его сознаніи. Онъ одновременно и творитъ новый міръ изъ хаоса впечатлѣній и увеличиваетъ свои силы для расширенія предѣловъ этого міра.

---

[1]) W. Humboldt Ueber die Verschiedenheit, Ed. Pott. II, 121. Примѣчаніе Потта ib. 460, гдѣ между прочимъ примѣры: *virtus*, первоначально только „мужество“; англ. *humour* изъ теоріи соковъ въ человѣческомъ тѣлѣ; нѣм. laune сравн. lûne, лат. luna, луна—отъ первоначальнаго представленія о фазахъ луны къ измѣнчивости счастья и настроенія. Въ этомъ отношеніи любопытна этимологія словъ *основа, почва*.

Этимологія, будетъ ли ученая или народная, весьма мало измѣняетъ количественное отношеніе между словами, которыя въ данное время первообразны (т. е. словами съ потеряннымъ представленіемъ, безóбразными) и словами производными, переносными, съ яснымъ представленіемъ, óбразными. Пусть этимологія объяснитъ мнѣ, что *донникъ* есть растеніе, употреблявшееся въ болѣзни *днa*, что *соль* предполагаетъ значеніе *соленой воды*, *защита*—значеніе *кожи*, *оборона*—значеніе *бороны* и т. п.; это не заставитъ меня мыслить въ подобныхъ словахъ ихъ значенія *образно*, ибо это неизмѣнитъ разъ установившейся несоотвѣтственности между значеніемъ и представленіемъ и ненужности этого послѣдняго. Такъ исторія искусства можетъ показать, почему извѣстные дошедшіе до насъ образы производили глубокое впечатлѣніе на современниковъ; она можетъ обострить нашъ умъ и косвенно повліять на нашу собственную художественную дѣятельность, но разъ устарѣвшій для насъ образъ „нешевелитъ“ въ насъ „отраднаго мечтанья“, исторія этому непоможетъ. Изъ сказаннаго вытекаютъ слѣдующія положенія: одновременное существованіе въ языкѣ словъ образныхъ и безóбразныхъ условлено свойствами нашей мысли, зависимой отъ прошедшаго и стремящейся въ будущее. Развитіе языка совершается при посредствѣ *затемнѣнія* представленія и *возникновенія*, въ силу этого и въ силу новыхъ воспріятій, новыхъ образныхъ словъ. Надо думать, что въ отдѣльныхъ лицахъ, говорящихъ тѣмъ же языкомъ количественная разница между образными и безóбразными словами можетъ быть очень велика; но что должны быть средніе предѣлы колебаній, выходъ изъ коихъ возможенъ лишь при ненормальномъ состояніи народа.

До сихъ поръ мы разсматривали слово со стороны его значенія для самого говорящаго; но въ дѣйствительности языкъ возможенъ только въ обществѣ. Уединенная работа мысли можетъ быть успѣшна только на значительной ступени развитія, при пользованіи письменностью, отчасти замѣняющей бесѣду. Лишеніе общества и его суррогатовъ можетъ довести до отупѣнія или сумашествія даже высоко развитаго человѣка. Какъ въ одушевлен-

номъ разговорѣ личная рѣчь течетъ свободнѣе и пріобрѣтаетъ достоинства незамѣтныя при уединенной мысли; такъ усовершенствованіе языка народа находится въ прямомъ отношеніи со степенью живости обмѣна мысли въ обществѣ (Ср. Humboldt, § 9, 67), обмѣна, возможность коего условлена сходствомъ человѣческой природы вообще и въ частности еще большимъ сходствомъ лицъ того же народа и племени. „Одна головня негоритъ, а тлѣетъ". Собираясь ночью пробраться въ троянскій станъ, Діомедъ:

„Несторъ! меня возбуждаетъ душа и отважное сердце
Въ станъ враждебный войти, недалеко лежащій троянскій.
Но когда и другой кто со мною итти пожелаетъ,
Болѣе бодрости мнѣ и веселости (= смѣлости) болѣе будетъ:
Двумъ совокупно идущимъ, одинъ предъ другимъ вымышляетъ,
Что для успѣха полезно; одинъ же хотя бы и мыслилъ,
Медленнѣй дума его и слабѣе рѣшительность духа".
Ил. X, 220.

Для пріобрѣтенія достоинствъ слога, популярности изложенія, мало личнаго старанія: необходимы внѣшнія условія. Невозможно стать дѣйствительно писателемъ для дѣтей, для малограмотнаго народа, для общества, непровѣривъ и непровѣряя постоянно понятности и силы своихъ словъ на тѣхъ, кому они предназначены. Имѣя передъ собой не дѣйствительныхъ слушателей, а лишь воображаемыхъ на основаніи нѣсколькихъ предварительныхъ данныхъ, непремѣнно попадешь въ просакъ. Чтобы письменная рѣчь получила легкость и ясность разговорной, нужно, чтобы разговоръ предшествовалъ письму и оставался мѣриломъ во время писанья. Нужно сначала жить въ обществѣ, чтобы не напрасно писать для него. Такъ было во Франціи въ XVIII в. „Тогда не выходило книги, написанной не для свѣтскихъ людей, даже не для свѣтскихъ женщинъ... Сочиненія исходили изъ салона и, прежде чѣмъ публикѣ, сообщались ему... Характеръ общества дѣлалъ записныхъ философовъ свѣтскими людьми по болѣе общему правилу

и въ большей мѣрѣ, чѣмъ гдѣ бы и когда бы ни было... Публика обязывала такого человѣка быть писателемъ еще болѣе, чѣмъ философомъ, заботиться о способѣ выраженія столько же, сколько о мысли... Ему нельзя было быть человѣкомъ кабинетнымъ. Онъ здѣсь не просто ученый, погруженный, какъ нѣмецъ, въ свои фоліанты и размышленія, имѣющій слушателями только записывающихъ студентовъ, а читателями ученыхъ, согласныхъ принять на себя этотъ трудъ, не Кантъ, который, составивъ себѣ особый языкъ, ждетъ, что публика ему выучится, и выходитъ изъ своей рабочей комнаты, лишь чтобы отправиться въ аудиторію. Здѣсь, напротивъ, относительно слова (en fait de parole) всѣ знатоки, даже записные. Математикъ Даламберъ обнародовываетъ трактатъ о краснорѣчіи; натуралистъ Бюффонъ произноситъ рѣчь о слогѣ; законовѣдъ Монтескье составляетъ сочиненіе о вкусѣ; психологъ Кондильякъ пишетъ книгу объ искусствѣ писать". Taine, Les origines de la France contemtoraine, L'ancien regime 2, 231—4.

Мы говоримъ не только тогда, когда думаемъ, что насъ слушаютъ и понимаютъ, но и про себя и для себя [1]). Хотя мысль существуетъ и до слова и хотя не всякая мысль прошедшая сквозь слово выразима словомъ, тѣмъ не менѣе отчасти правъ старинный книжникъ, объясняющій a potiori мысль, какъ скрытую рѣчь: „гаданіе—съкрънвенъ глаголъ (т҃лъкованіе неудобь познаваемомъ въ писаныхъ речемъ" 1431 г. Калайдовичъ, „Іоаннъ Экзархъ Болгарскій", 197, Буслаевъ, „О преподаваніи отечественнаго языка").

Чѣмъ сложнѣе то, что мы намѣрены сказать другимъ, тѣмъ явственнѣе для насъ различіе и разновременность двухъ моментовъ рѣчи: 1-го, когда обдумываемъ и говоримъ для себя, и 2-го, когда говоримъ другимъ. Тоже различіе, только менѣе ощутительное, и въ простѣйшемъ словѣ.

По этому можно отдѣльно разсматривать: 1) дѣйствіе рѣчи на самого говорящаго и 2) дѣйствіе ея на слушающаго и пони-

---

[1]) То, что слово существуетъ для говорящаго раньше, чѣмъ для слушателей, объясняетъ явленія регрессивной ассимиляціи и аттракціи и hysteron-proteron въ фонетикѣ и синтаксисѣ.

мающаго, *пониманіе*. А такъ какъ элементы слова и словеснаго произведенія тождественны, то также раздѣльно можно разсматривать и дѣйствіе словеснаго (въ частности поэтическаго, вообще художественнаго) произведенія на самого автора и на понимающаго.

Дѣйствіе слова на самого говорящаго. Міръ является намъ лишь какъ ходъ измѣненій, происходящихъ въ насъ самихъ. Задача, исполняемая нами, состоитъ въ непрерывномъ разграниченіи того, что мы называемъ своимъ *я* и всего прочаго *не я*, міра въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Познаніе своего *я* есть другая сторона познанія міра, и наоборотъ.

Но какъ возможно самопознаніе, когда *я* есть непрерывное теченіе, когда познаваемое въ мгновеніе познанія уже ушло, уже неуловимо?

„Erkenne dich!“ Was soll das heissen?
Es heisst: “Sei nur!“ und „Sei auch nicht!“
Es ist eben ein Spruch der lieben Weisen,
Der sich in der Kürze widerspricht.
„Erkenne dich!“—Was hab’ ich da für Lohn?
Erkenn’ ich mich, so muss ich gleich davon.
Als wenn ich auf den Maskenball käme
Und gleich die Larve vom Angesicht nähme.

Göthe, Sprüche, 32.

Противорѣчіе, заключенное въ понятіи самопознанія, устраняется тѣмъ, что мы познаемъ не свое настоящее, неуловимое, а свое прошедшее (какъ познаемъ лишь прошедшее міра: я вижу звѣзду не какъ она есть, а какъ она была, когда послала лучъ ко мнѣ; теперь можетъ быть ея и нѣтъ). Всякое познаніе по существу исторично и имѣетъ для насъ значеніе лишь по отношенію къ будущему.

Но какъ возможно самопознаніе и, въ этомъ смыслѣ, познаніе и своего прошедшаго?

Niemand wird sich selber kennen
Sich von seinem Selbst-Ich trennen;
Doch probier’ er jeden Tag,

Was nach aussen endlich, klar,
Was er ist und was er war,
Was er kann und was er mag. Göthe, Spr. 85.

Wie kann man sich selbst kennen lernen? Durch Betrachten niemals, wohl aber durch Handeln (въ нравственномъ смыслѣ): Versuche deine Pflicht zu thun, und du weisst gleich, was an dir ist.—Was aber ist deine Pflicht? Die Forderung des Tages. Göthe, ib. 107.

Непосредственное самопознаніе невозможно. Первообразное невольное дѣйствіе, предполагаемое самопознаніемъ, состоитъ въ томъ, что непрерывно утекающее состояніе нашего я оставляетъ болѣе ощутительный слѣдъ въ членораздѣльномъ звукѣ. Воспроизведеніе звука облегчаетъ, впрочемъ всегда неточное, воспроизведеніе мысли. Звукъ становится намекомъ, *знакомъ прошедшей мысли*. Въ этомъ смыслѣ *слово объективируетъ мысль*, ставитъ ее передъ нами, служитъ тѣмъ *дѣломъ*, безъ котораго невозможно самосознаніе, какъ первоначально, до пріобрѣтенія навыка, невозможно считать, не указывая на считаемыя вещи или не передвигая ихъ, невозможно играть въ шахматы, не передвигая шашекъ.

Слово дѣлитъ непрерывное теченіе воспріятій на отдѣльные акты и такимъ образомъ создаетъ объекты мысли, подлежащіе дѣйствію другихъ такихъ же.

Пониманіе происходитъ слѣдующимъ образомъ. Произнося слово „корова", говорящій думаетъ слѣдующее: то, что я вижу, представляется мнѣ рогатымъ. Такимъ образомъ требующее объясненіе новое, чисто личное воспріятіе черезъ посредство представленія, признака, общаго ему съ прежнимъ запасомъ мысли, объясняется этимъ послѣднимъ. Слушающій получаетъ отъ этого процесса только звуки: „корова", которые будятъ въ немъ отношеніе къ комплексу мысли, который онъ самъ объективировалъ въ подобныхъ звукахъ. Сужденіе, происходящее въ немъ при пониманіи этого слова, таково: „Эти звуки значатъ нѣчто, представляемое рогатымъ". Допустимъ, что оба они видятъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, и что пониманіе облегчено жестами, указаніемъ со стороны гово-

рящаго. При этомъ окажется, что чувственное воспріятіе „корова“ въ томъ и другомъ различны; что объясняющіе комплексы въ томъ и другомъ различны еще болѣе, ибо разница ихъ состава зависитъ не только отъ различія прежнихъ воспріятій, но и отъ различія сочетаній, въ которыя вошли эти воспріятія съ другими. Общимъ между говорящимъ и слушающимъ, понимающимъ окажется только звуки и представленіе, а въ случаѣ затемнѣнія представленія (рогатый)—только звуки. Такимъ образомъ, „никто недумаетъ при словѣ именно того самого, что другой“. Поэтому „всякое пониманіе есть вмѣстѣ непониманіе; всякое согласіе въ мысляхъ—разногласіе“ (Humboldt, 78). „Въ душѣ нѣтъ ничего, кромѣ созданнаго ея самодѣятельностью“ (Humboldt, 68). Пламя свѣчи, отъ которой зажигаются другія свѣчи, не дробится; въ каждой свѣчѣ воспламеняются свои газы. Такъ при пониманіи мысль говорящаго не передается слушающему; но послѣдній, понимая слово, создаетъ свою мысль, занимающую въ системѣ, установленной языкомъ, мѣсто, сходное съ мѣстомъ мысли говорящаго. Думать при словѣ именно то, что думаетъ другой, значило бы перестать быть самимъ собою. Поэтому пониманіе въ смыслѣ тождества мысли въ говорящемъ и слушающемъ есть такая же иллюзія, какъ и та, въ силу коей мы принимаемъ собственныя ощущенія за внѣшніе предметы.

Тѣмъ не менѣе наше слово дѣйствуетъ на другихъ. Оно устанавливаетъ между замкнутыми въ себѣ личностями связь, не уравнивая ихъ содержанія, а такъ сказать „настраивая ихъ гармонически“ (Humboldt, 68).

Въ процессѣ пониманія сказываются тѣже основныя черты слова, что и въ рѣчи. „Рѣчь и пониманіе суть лишь разныя стороны одного и того же явленія“ (Humb., 68). Такимъ образомъ разсмотрѣніе процесса пониманія служитъ новымъ подтвержденіемъ того, что языкъ мыслимъ только какъ средство (или точнѣе система средствъ), видоизмѣняющее созданія мысли; что его невозможно бы понять, какъ выраженіе готовой мысли, ибо будь оно таково, оно имѣло бы значеніе только для своего создателя или для тѣхъ, которые съ нимъ сговорились (что имѣетъ мѣсто отно-

сительно условныхъ знаковъ), или же, что невозможно, пониманіе состояло бы въ передачѣ мысли, а не ея возбужденіи.

Ученію о значеніи слова соотвѣтствуетъ критика художественнаго произведенія. Параллель между словомъ и сложнымъ словеснымъ произведеніемъ здѣсь выражается въ слѣдующемъ. *Въ словѣ*: 1) *среда*, изъ которой берется образъ (A): N поймалъ (при такихъ-то условіяхъ) такого-то звѣря, что заключено въ словѣ *хытръ*; 2) *примѣненіе* къ другому такому же случаю x_1, x_2, x_3 и проч. или къ случаю отличному (N поймалъ не звѣря, а взялъ невѣсту, уловилъ чужую мысль); 3) общее между A и x_1, x_2, x_3, т. е. признакъ отъ нихъ отвлекаемый (a).

Въ словесномъ произведеніи: тоже A (изъ среды α, β и пр.), x и a. Изслѣдованіе этихъ трехъ моментовъ и есть содержаніе критики.

Три составныя части поэтическаго произведенія.

Предлагаемыя ниже опредѣленія поэзіи не представляютъ интереса новизны, но, быть можетъ, покажутся не совсѣмъ лишними въ виду того, что въ нашихъ учебникахъ, а отчасти и въ журнальной критикѣ до сихъ поръ, какъ въ 40-хъ, 50-хъ годахъ, о поэзіи говорятъ поэтическими образами, сравненіями. Тогда говорилось: „поэзія это не что иное, какъ благоуханіе розы, сонъ дѣвы, мечта юноши и т. п. (см. ниже). Поэзія объясняется терминами, которые сами требуютъ объясненія, а часто и вовсе необъяснимы. Напр. „поэзія, *какъ искусство*, представляетъ *сущность* предметовъ, ихъ *идеи*, не отвлеченно, т. е. *не въ сужденіяхъ*, а конкретно, т. е. въ образахъ, посредствомъ слова. Образы создаются творческой способностью, фантазіей. Отъ степени ея силы зависитъ большее или меньшее достоинство созданныхъ образовъ. Наибольшая сила обнаруживается въ созданіи такихъ образовъ, которые въ совершенной чистотѣ и истинѣ воплощаютъ въ себѣ идеи и образуютъ съ ними нераздѣльное *органическое* единство“. (Галаховъ) „Тѣ же вопросы, о степени соотвѣтствія формы

идеѣ былиприлагаемы до недавняго времени и къ оцѣнкѣ произведеній скульптуры и живописи". (Буслаевъ. М. Дос. II, 104).

„Если поэтическое произведеніе отличается такимъ сочетаніемъ идеи и образа (какъ формы идеи), что форма вполнѣ соотвѣтствуетъ идеѣ и даетъ возможность ясно созерцать ее, то оно получаетъ названіе художественнаго" (Галах. Ист. Рус. Слов. учеб. для сред. учеб. зав. Спб. 1891, 186). „Поэзія, какъ искусство"... Значитъ есть поэзія не какъ искусство, а какъ что же? Если имѣется въ виду возможность поэтическихъ произведеній нехудожественныхъ, т. е. дурныхъ, то это напрасно. Спрашивается, что такое сапогъ и сапожникъ, а отвѣчаютъ, что сапоги и сапожники бываютъ хорошіе и дурные. „Поэзія представляетъ *сущность идеи предметовъ*". А что такое *сущность*, идея?. Платоново *νούμενον*? Есть ли разница между ними и понятіями? Въ поэзіи Державина выражается идея „правды" (Шевыр. у Гал. Ист. Р. Сл. I, Отд. 2, 184). Такое блѣдное отвлеченіе принимаютъ за *сущность*. Въ такомъ случаѣ уже лучше Плотонова *οὐσία*.

Поэзія говоритъ *не сужденіями*; но мы привыкли думать, что сужденіе есть такая форма, безъ коей никакое движеніе вполнѣ человѣческой мысли невозможно. Что также фантазія? Если форма можетъ вполнѣ соотвѣтствовать идеѣ, то, чтобы судить объ этомъ, мы должны знать идею автора, что безусловно невозможно. Если же идея произведенія въ каждомъ понимающемъ другая, то полное соотвѣтствіе образа и идеи невозможно.

Изъ двухъ состояній мысли, сказывающихся въ словѣ съ живымъ и въ словѣ съ забытымъ представленіемъ, въ области болѣе сложнаго словеснаго (происходящаго при помощи слова) мышленія, возникаетъ поэзія и проза. Ихъ опредѣленіе въ зародышѣ лежитъ уже въ опредѣленіи 2-хъ упомянутыхъ состояній слова. Та и другая подобно языку и другимъ искусствамъ суть столько же извѣстные способы мышленія, извѣстныя *дѣятельности*, сколько и *произведенія*.

Элементамъ слова съ живымъ представленіемъ соотвѣтствуютъ элементы поэтическаго произведенія, ибо такое слово и само по себѣ есть уже поэтическое произведеніе. Единству членораздѣльныхъ звуковъ (внѣшней формѣ слова) соотвѣтствуетъ внѣшняя форма поэтическаго произведенія, подъ коей слѣдуетъ разумѣть не одну звуковую, но и вообще словесную форму, знаменательную въ своихъ составныхъ частяхъ.

Уже внѣшнею формою условленъ способъ воспріятія поэтическихъ произведеній и отличіе отъ другихъ искусствъ. Представленію въ словѣ соотвѣтствуетъ образъ (или извѣстное единство образовъ) въ поэтическомъ произведеніи.

Поэтическому образу могутъ быть даны тѣ же названія, которые приличны образу въ словѣ, именно: знакъ, символъ, изъ коего берется представленіе, внутренняя форма.

Значенію слова соотвѣтствуетъ значеніе поэтическихъ произведеній, обыкновенно называемое идеей. Этотъ послѣдній терминъ можно бы удержать, только очистивъ его отъ приставшихъ къ нему трансцедентальностей.

Поэтическій образъ служитъ связью между внѣшнею формою и значеніемъ.

Внѣшняя форма обусловливаетъ образъ.

Образъ *примѣняется* „примѣряется“ (мр. „не до васъ примірючи“ напр. образную пословицу); поэтому образъ можетъ быть назнанъ *примѣромъ*, въ стар. русс. *притъча*, потому что она *притычеться*, примѣняется къ чему либо и этимъ получаетъ значенія. Этимъ установляется граница между внѣшнею и внутреннею поэтическими формами. Все предшествующее примѣненію при пониманіи поэтическихъ произведеній есть еще внѣшняя форма Так. обр. въ пословицѣ „небуло снігу, небуло сліду“ ко внѣшней формѣ относятся не только звуки и размѣръ, но и *ближайшее значеніе.*

Еслибы примѣненія непослѣдовало, то могли бы быть поэтичны отдѣльныя слова (чего въ приведенномъ примѣрѣ нѣтъ), но цѣль-

наго поэтическаго произведенія небыло бы. (Мысль и языкъ[2] 151—5).

..."Для создателя пѣсни отношеніе между образомъ и ближайшимъ значеніемъ было вполнѣ опредѣленное, т. к. образность была именно средствомъ созданія мысли, какъ въ словѣ представленіе есть средство значенія".

Моя реценз. Нар. пѣс. Галицк. Р., Я. Ф. Головацк. 81—8.

Значеніе поэтическаго произведенія для самаго создателя (автора).

Поэтъ и публика, критика, толпа. Стыдливость творчества.

Слово, по вышесказанному, не можетъ быть понято, какъ выраженіе и средство сообщенія готовой мысли. Оно вынуждается у человѣка работою мысли — служитъ необходимымъ для самого мыслящаго средствомъ созданія мысли изъ новыхъ воспріятій при помощи прежде воспринятаго.

Заключая отъ противнаго, предположивъ, что поэзія (и вообще слово) есть средство не созданія, а лищь выраженія готовой мысли [1]), приходимъ къ двумъ равно невѣроятнымъ выводамъ:

а) "Т. к. человѣкъ удовлетворяется не образомъ самимъ по себѣ, а его значеніемъ, т. е. пробуждаемыми образомъ мыслями, то художникъ, имѣя готовое значеніе, неимѣлъ бы надобности выражать его въ образѣ, а художественное произведеніе не имѣло бы важности для самого создателя". (Мысль и языкъ[2], 159). Такимъ образомъ нераздѣльность искусства съ жизнью человѣчества была бы безпричинна.

б) Еслибы готовое значеніе было вложено въ образъ, то, конечно, для сообщенія другимъ людямъ, иначе для насъ было бы безразлично, жило ли бы значеніе въ образѣ или нѣтъ. Но передача готовой мысли невозможна. Слѣдовательно, существованіе искусства было бы безцѣльно.

---

[1]) Т. н. „общій" языкъ въ лучшемъ случаѣ можетъ быть только техническимъ языкомъ, п. ч. онъ предполагаетъ готовую мысль, а не служитъ средствомъ къ ея образованію. Онъ существенно прозаиченъ (безъ представленій). Но проза безъ поэзіи существовать не можетъ: она постоянно возникаетъ изъ поэзіи.

Сказанное выше о словѣ должно разумѣть о поэтическомъ *произведеніи.* [1])

Оно, какъ бы ни было сложно, сводится на слѣдующее. *Нѣчто (x),* *неясное* для самого автора, является передъ нимъ вопросомъ. Отвѣтъ онъ можетъ найти только въ прошедшемъ своей души, въ пріобрѣтенномъ уже, или нарочно расширяемомъ ея содержаніи (*A*). Въ этомъ *A*, говоря иносказательно, хотя быть можетъ не слишкомъ удаляясь отъ истины, подъ вліяніемъ вопроса „*x* (что?)" производитъ нѣкоторое безпокойство, движеніе, волненіе; *x* отталкиваетъ изъ *A* все для себя неподходящее и привлекаетъ сродное. Это послѣднее кристализуется въ образъ *A*, сложившійся изъ бродившихъ элементовъ.

Происходитъ сужденіе „*x* есть *a* (изъ *A*) и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоеніе, заканчивающее актъ развитія.

Среди громовъ, среди огней,
Среди клокочущихъ зыбей,
Въ стихійномъ пламенномъ раздорѣ,
Она съ небесъ слетаетъ къ намъ
Небесная — къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во взорѣ,
И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей.

Ѳ. Тютчевъ.

Чѣмъ настойчивѣе вопросъ, чѣмъ тревожнѣе потуги рождающей мысли, чѣмъ желаннѣе успокоеніе чувства, проясненіе мысли, чѣмъ необходимѣе все это для поэта, тѣмъ, при равенствѣ прочаго, совершеннѣе и милѣе для другихъ его произведеніе.

Тургеневъ пишетъ Л. Толстому 15 ноября 1878 г.: Радуюсь тому, что вы всѣ физически здоровы, и надѣюсь, что и „умственная" хворь, о которой Вы пишите, прошла. Мнѣ и она была знакома: иногда она являлась въ видѣ внутренняго броженія передъ началомъ дѣла; полагаю, что такого рода броженіе совершилось

[1]) Mutatis mutandis о всякомъ художественномъ и научномъ произведеніи, даже о всякомъ дѣлѣ.

и въ васъ. (1-ое *собр. писемъ*). О безпокойствѣ, предшествующемъ вдохновенію, Пушкинъ,—„Египетскія ночи“. *Бѣлинскій* о „Кавк. Пл.“ Пушкина: „Осуществить въ творческомъ произведеніи идеалъ, мучившій поэта, какъ его собственный недугъ, — для поэта значитъ навсегда освободиться отъ него.“

Въ доказательство схематической вѣрности сказаннаго можно бы собрать немало признаній, въ родѣ—Лермонтова:

.... „этотъ дикій бредъ
„Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ;
„Но я, разставшись съ прочими мечтами,
„И отъ него отдѣлался стихами.

(Сказка для дѣтей).

Но это ненужно, такъ какъ общепризнано, что произведеніе „служитъ поворотною точкою“ душевной жизни художниковъ. М. и яз.[2] 165—7.

Изъ трехъ стихій X, a и A, существовавшихъ въ душѣ художника, объективно и доступно постороннимъ только A, т. е. совокупность внѣшней и внутренней формы, словà и образы.

О средѣ, изъ коей взято A, и объ X посторонніе могутъ судить только по догадкамъ, только по тому, чтò въ этихъ величинахъ есть объективнаго. Такъ, въ составъ той среды, изъ которой возникаетъ образъ, кромѣ личныхъ условій жизни поэта, входитъ усвоенное имъ преданіе, доступное изслѣдованію до момента этого усвоенія.

Критика, обращенная къ прошедшему даннаго образа, стремится установить его связь съ другими предшествовавшими, его родословную, вообще преемственность типовъ. Такъ, образы народной поэзіи имѣютъ родословную, теряющуюся во мглѣ вѣковъ. Точно такъ въ X, въ томъ вопросѣ, на который отвѣчаетъ данный образъ, опредѣлимы только доступные внѣшнему наблюденію условія жизни поэта, напр. пребываніе Пушкина и Лермонтова на Кавказѣ по отношенію къ стихотвореніямъ того и другого, изображающимъ кавказскую природу. Но все это лишь незначительно уменьшаетъ разстояніе между X и A.

X неопредѣлимо уже потому, что для самого поэта оно уясняется лишь на столько, на сколько выражается въ образѣ, т. е. лишь отчасти. Такимъ образомъ и въ личной жизни „всякое пониманіе себя“ есть непониманіе. Отсюда жалоба художниковъ на невыразимость мысли:

„Какъ сердцу высказать себя?
„Другому какъ понять тебя?
„Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
„Мысль изреченная есть ложь.
„Взрывая, возмутишь ключи:
„Питайся ими и молчи.“

Тютчевъ „Silentium“.

.... Мои дѣла
Не много пользы Вамъ узнать,
А душу можно-ль разсказать!.

Лермонтовъ „Мцыри“.

Не вѣрь, не вѣрь себѣ мечтатель молодой,
Какъ язвы, бойся вдохновенья....
Оно—тяжелый бредъ души твоей больной
Иль плѣнной мысли раздраженье....

Лермонтовъ.

Поэтъ создаетъ прежде для себя, потомъ для публики (для личныхъ цѣлей, какъ слава, деньги, и гражданскихъ). Признанія самихъ поэтовъ. *Свидѣтельства того, что поэтъ создаетъ для себя*:

Wer dem publikum dient, ist ein armes Thier;
Er quält sich ab, niemand bedankt sich dafür.

Göthes Sämtliche Werke, mit einleitungen von Carl Goedeke, IV band, Sprüche und ctr., 25 стр.

Всякое слово, хотя бы и глупое и пустое, есть актъ мысли, завершеніе ея усилія; но акты мыслей—не одинаковой цѣнности. И чѣмъ важнѣе для кого дѣятельность мысли, тѣмъ болѣе будетъ онъ цѣнить находку подходящаго слова. Такъ и въ сложной поэтической дѣятельности важность произведенія, какъ завершенія

періода для самаго автора и для другихъ, будетъ замѣтна, тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сильнѣе и успѣшнѣе потуги мысли. Поэтому наблюдать это явленіе слѣдуетъ въ жизни настоящихъ художниковъ, ибо „es giebt auch Afterkünstler, Dilettanten und Spekulanten: jene treiben die Kunst (только) um des Vergnügens, diese um des Nutzens willen“, Goethe, Spr. 138.

Стыдливость творчества:

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Какъ я любилъ, за что страдалъ:
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

Лермонтовъ.

.... Тогда въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ;
И музы сладостныхъ даровъ
Неунижалъ постыднымъ торгомъ;
Я былъ хранитель ихъ скупой:
Такъ точно, въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы младой
Хранитъ любовникъ суевѣрный.

1824. Пушк. Разгов. книгопрод. съ поэтомъ.

Нельзя обойтись безъ участія слушателя, какъ безъ любви, но есть разница между жаждою любви и ея продажностью; между продажей рукописи и писаньемъ (не скажу творчествомъ) для продажи.

X уясняется поэту исподоволь, нерѣдко въ нѣсколько пріемовъ. Если настроеніе субъективно, то этими послѣдовательными пріемами обозначаются ступени самопознанія.

Всякая, не только лирическая поэзія субъективна. Поэтъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ прозаикъ, дѣйствуетъ на насъ личными свойствами.

Поэтическія прозведенія автобіографичны:

Dichter gleichen Bären
Die immer an eignen Pfoten zehren.

G. Spr, 34.

Dichter lieben nicht zu schweigen,
Wollen sich der Menge zeigen;
Lob nnd Tadel muss ja sein!
Niemand beichtet gern in Prosa,
Doch vertraun wir oft sub Rosa
In der Musen stillen Hain.
Was ich irrte, was ich strebte,
Was ich litt und was ich lebte,
Sind hier Blumen nur im Strauss;
Und das Alter wie die Jugend
Und der Fehler, wie die Tugend
Nimmt sich gut in Liedern aus.

An die *Günstigen*—какъ предисловіе къ пѣснямъ (Göthe, Lieder). См. ниже Гете о поэтич. достоинствахъ Библіи.

„Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Неждалъ за чувство воздаянья....
.... Обманчивѣй и сновъ надежды!"

т. е. на воздаянье отъ публики („Разгов. книг. съ поэтомъ").

Die grösste Achtung, die ein Autor für sein Publikum haben kann, ist, dass er niemals bringt, was man evwartet, sondern was er selbst, auf den jedesmaligen Stufe eigner und fremder Bildung, für recht und nützlich hält, Göthe, Spr. 120.

Если подъ публикой разумѣть ту часть ея, которая наиболѣе разборчиво для поэта выражаетъ свое мнѣніе, т. е. ближайшую современную ему критику, то писать для нея невозможно, ибо критика, какъ всякая наука, говоритъ о свершившемся; она лишь закрѣпляетъ сознаніемъ то, что сдѣлано поэтомъ. Дѣло другое—учиться у прошедшаго.

Всякое крупное поэтическое произведеніе есть новость, застающая критику и публику врасплохъ, приводящая ее въ изумленіе и недоумѣніе, нерѣдко въ заблужденіе, тѣмъ большее и болѣе продолжительное [1]), чѣмъ крупнѣе само произведеніе.

Если бы было иначе, то по правилу. „Du gleichst dem Geist, den du begreifst“ произведенія поэтовъ не представляли бы для насъ ничего поучительнаго.

Eigentlich lernen wir von Büchern, die wir nicht beurteilen können. Der Autor eines Buchs, das wir beurteilen könnten, müsste von uns lernen. Göthe, Maximen. 139.

„Es giebt, sagt man, für den Kammerdiener keinen Helden. Das kommt aber bloss daher, weil der Held nur von Helden anerkannt werden kann. Der Kammerdiener wird aber wahrscheinlich seinesgleichen zu shätzen wissen. Göthe, Spr. 152.

Тург. 1 янв. 1881: „Помните, какъ въ Спасскомъ Як. Петр. (Полонскій) несовѣтовалъ мнѣ печатать „Пѣснь“ (торжеств. любви), не сопровождая ее другимъ моимъ очеркомъ въ прежнемъ моемъ родѣ. Онъ боялся, что публика останется совершенно равнодушной къ „Пѣсни“. А вышло, что эта пѣснь имѣла неожиданный, чуть не огромный успѣхъ; и б. м. „Отчаянный“ (типъ, который я нахожу знаменательнымъ въ соотношеніи съ нѣкоторыми современными явленіями) пройдетъ совершенно незамѣченнымъ. Выводъ изъ этого такой: пиши, что тебѣ на душу прійдетъ, несправляясь заранѣе съ мнѣніями публики. Впрочемъ я долженъ отдать себѣ справедливость, что я такъ и поступалъ до сихъ поръ. Да и какъ это писать для публики? (1-е собр. писем. 399).

Послѣ „Нови“ (1876) въ февр. 1878 г. Тургеневъ личнымъ опытомъ комментируетъ стих. Пушкина „Поэту“ (1830 г.) „Услышишь судъ глупца“.

Der appell an die Nachwelt entspringt aus dem reinen lebendigen Gefühl, das es ein unvergängliches gebe und, wenn auch

---

[1]) Такъ было со всѣми лучшими произведеніями русской литературы, Пушкина, Гоголя. Тургеневъ, Литературныя воспоминанія (о Рудинѣ, Наканунѣ, Отцахъ и дѣтяхъ Дымѣ, Нови).

Sie zerren an der Schlangenhaut,
Die jungst ich abgelegt.
Und ist die nächste reif genug,
Abstreif ich die sogleich
Und wandle neubelebt und jung
Im frischen Götherreich.

Ihr guten Kinder,
Ihr armen Sünder
Zupft mir am Mantel
Lasst nur den Handel!
Ich werde wallen
Und lass' ihn fallen;
Wer ihn erwischet,
Der ist erfrischet.

G. Spr. 83 – 4.

Пѣвецъ—королю въ балладѣ „Der Sänger":

„Die goldne Kette gib mir nicht,
„Die Kette gib den Rittern...
Gib sie dem Kanzler, den du hast....
Ich singe, wie der Vogel singt,
„Der in den Zweigen wohnet;
„Das Lied, das aus der Kehle dringt,
„Ist Lohn, der reichlich lohnet.

Göthe.

„Süsser Wohllaut shläft in der Saiten Gold
„Der Sänger singt von der Minne Gold...
„Wie in den Lüften der Sturmwind saust
„Man weiss nicht von wannen er kommt und braust
„Wie der Quell aus verborgenen Tiefen;
„So des Sängers Lied aus den Innern schallt
„Und wecket der *dunkeln Gefühle* Gewalt
„Die im Herzen wunderbar schliefen".

(Schiller. D. Gr. von Habsburg).

Строфы Пушкина въ „Родословной моего героя“:

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ степь и пыль несетъ,
Когда корабль въ недвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшенъ,
На пень гнилой? Спроси его!
Зачѣмъ Арапа своего
Младая любитъ Дездемона,
Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?
Затѣмъ, что вѣтру и орлу
И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
Гордись! таковъ и ты, поэтъ,
И для тебя закона (вар.-условій) нѣтъ.

„Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“ (1822 г.)—отвѣтъ кудесника:

Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.

„Поэту“ сонетъ 1830 г.:

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Условія царственнаго и жреческаго (Пророкъ, Поэтъ) служенія—внутреннее совершенствованіе, служеніе высшимъ цѣлямъ.

Въ послѣднее время своей жизни, Пушкинъ согласно съ своимъ мнѣніемъ о превосходствѣ эпоса надъ лирикой, стремился къ эпическому изображенію того вопроса, на который прежде отзывался болѣе лирически. *Египетскія ночи* (1835):

Раздвоеніе личности поэта: Чарскій и импровизаторъ.

Въ Чарскомъ—противоположность поэта и свѣтскаго человѣка, момента творчества и времени ему предшествующаго. Тоже въ „Пока нетребуетъ поэта" (1827); разница—въ способѣ изображенія.

Въ импровизаторѣ—противоположность между гордостью и независимостью, съ одной, и уничиженіемъ и продажностью, съ другой стороны. Тема ему: *„Поэтъ самъ избираетъ предметъ для своихъ пѣсень; толпа* (въ томъ числѣ и правительство, „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ") *не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ*". Отвѣтомъ—(его импровизаціей) было, вѣроятно, „Чернь" (1828)

Бѣлинскій (Тургеневъ, Литературныя воспоминанія): „Бѣлинскій не былъ поклонникомъ принципа: искусство для искусства.... Помню я, съ какой комической яростью онъ однажды при мнѣ напалъ на отсутствующаго, разумѣется, Пушкина за его два стиха въ „Поэтъ и Чернь".

„Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь!

—„И конечно" твердилъ Бѣлинскій, сверкая глазами и бѣгая изъ угла въ уголъ: конечно, дороже. Я не для себя одного, я для своего семейства, я для другого бѣдняка въ немъ пищу варю,— и прежде чѣмъ любоваться красотой истукана, будь онъ распрефидіасовскій Аполлонъ, мое право, моя обязанность накормить себя и своихъ, на зло всякимъ негодующимъ баричамъ и виршеплетамъ" Но Бѣлинскій былъ слишкомъ уменъ..... чтобы отрицать искусство.... его естественность, его физіологическую необходимость.

„Отвѣтъ анониму", 1830 г.:

„Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на *заѣзжаго фигляра*: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный тяжкій стонъ,

И выстраданный стихъ пронзительно унылой
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой—
Она въ ладоши бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой;
Постигнетъ ли пѣвца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье,—
„Тѣмъ лучше“, говорятъ любители искусствъ,
„Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
„И намъ ихъ передастъ“. Но счастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно.

„Изъ VI Пиндемонте“ 1836 г.:

Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода....
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними!.... Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи....

Противоположность свободы, которой ищетъ и требуетъ поэтъ, и стѣсненій, налагаемыхъ жизнью въ обществѣ, есть только частный случай общечеловѣческаго столкновенія правъ личности и среды, впрочемъ случай, въ коемъ это столкновеніе наиболѣе явственно. Поэтъ можетъ настаивать на своемъ правѣ потому, что цѣль его дѣятельности не можетъ быть опредѣлена ни имъ самимъ, ни другими заранѣе. Но вѣдь и тамъ, гдѣ эта цѣль заранѣе со стороны опредѣлима, вмѣшательство въ самый способъ ея достиженія портитъ дѣло. И извощикъ, нанятый до мѣста, или на часъ, хочетъ, чтобы его не дергали и не мѣшали править лошадьми.

Такъ, чтецъ читаетъ конечно для слушателей, актеръ играетъ для зрителей; однако плохи они, если постоянно объ этомъ помнятъ:

„Гоголь читалъ превосходно.... Дикенсъ, тоже превосходный чтецъ, можно сказать разыгрываетъ свои романы; чтеніе его—драматическое, почти театральное: въ одномъ его лицѣ является

нѣсколько первоклассныхъ актеровъ, которые заставляютъ васъ то смѣяться, то плакать; Гоголь, напротивъ, поразилъ меня чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и въ то же время наивной искренностью, которой словно и *дѣла нѣтъ, есть ли тутъ* слушатели, и что они думаютъ. Казалось, Гоголь только и заботился о томъ, какъ бы вникнуть въ предметъ, для него самого новый, и какъ бы вѣрнѣе передать собственное впечатлѣніе. Эффектъ выходилъ необычайный, особенно въ комическихъ мѣстахъ; не было возможности не смѣяться.... а виновникъ всей этой потѣхи продолжалъ, не смущаясь общей веселостью и какъ бы внутренно дивясь ей, все болѣе и болѣе погружаться въ самое дѣло.... (далѣе разсказъ о томъ, какъ случайная помѣха портитъ настроеніе чтеца) Тург. X, 70, изд. 1891.

Свобода творчества, какъ и вообще свобода совѣсти, есть право, налагающее обязанности: „Ты самъ свой высшій судъ; Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ".

Но какъ умѣнье дѣлать, такъ и строгость и чуткость оцѣнки своего дѣла, художественная, научная, нравственная совѣсть пріобрѣтаются.

„*Poetae nascuntur*, oratores fiunt:

Конечно, чтобы пѣть соловьемъ, нужно родиться соловьемъ, но даже соловьи учатся [1]).

Тургеневъ (Литературн. воспомин.): „И такъ мои молодые собратья, къ вамъ идетъ моя рѣчь: „Greift nur hinein in's volle Menschenleben! сказалъ бы я вамъ со словъ нашего общаго учителя Гёте—

---

[1]) Молодыхъ соловьевъ хорошо къ старымъ подвѣшивать, чтобы учились. Повѣсить ихъ надо рядомъ. И тутъ надо примѣчать: если молодой, пока старый поетъ, молчитъ и сидитъ—не шелохнется, слушаетъ—изъ того выйдетъ прокъ: въ двѣ недѣли, пожалуй, прокъ будетъ; а какой не молчитъ, самъ туда же вслѣдъ за старикомъ бурлитъ, тотъ развѣ на будущій годъ запоетъ, да и то сомнительно (О соловьяхъ, Турген. Литературн. воспомин.). Замѣчено, что въ лѣсахъ и садахъ, изъ которыхъ много лѣтъ водрядъ вылавливаютъ лучшихъ пѣвцовъ, остальные начинаютъ пѣть хуже (G. Freitag, Verlorene Handschrift). Оттого можетъ быть лучшими соловьями всегда считались курскіе: но въ послѣднее время они похужѣли и теперь лучшими считаются соловьи, которые ловятся около Бердичева (Турген., X, 183).

[illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже къ своему народу, къ своей исторіи—немыслимъ истинный художникъ; безъ этого воздуха *дышать нельзя*.

„Что же.... до окончательной оцѣнки т. н. литературной карьеры, то и тутъ приходится вспомнить слова Гёте: „Sind's Rosen-nun, sie werden blühen". „Всякій рано или поздно попадетъ на свою полочку" говаривалъ Бѣлинскій. Уже и на томъ спасибо, коли въ свой часъ ты принесъ посильную лепту. Лишь одни избранники въ состояніи передать потомству нетолько содержееніе, но и *форму* своихъ мыслей и воззрѣній, свою личность.... Обыкновенные индивидуумы осуждены на исчезновеніе въ цѣломъ, на поглощеніе его потокомъ; но они увеличили его силу, расширили и углубили его круговоротъ—чего же больше?" (X, 110—12).

Тургеневъ Л. Н. Толстому 15 ноября 1878 г.: Хотя Вы просите не говорить о Вашихъ писаніяхъ, однако не могу не замѣтить, что мнѣ никогда неприходилось „даже немножко" смѣяться надъ вами; иныя ваши вещи мнѣ нравились очень, другія очень не нравились.... но съ какой стати смѣхъ? Я полагалъ, что вы отъ подобныхъ „возвратныхъ" ощущеній давно отдѣлались. Отчего они знакомы только литераторамъ, а не живописцамъ, музыкантамъ и прочимъ художникамъ? Вѣроятно, оттого, что въ литературное произведеніе все таки входитъ больше той части души, которую несовсѣмъ удобно показывать. Да; но въ наши уже не молодые сочинительскіе годы пора къ этому привыкнуть" (1-е собр. писемъ Тург. 338—9).

Серьозный художникъ, не диллетантъ и не спекулянтъ, каждымъ актомъ творчества рѣшаетъ важную для себя задачу, и, если личность его выдается изъ ряду, то вмѣстѣ съ тѣмъ и задачу важную для современниковъ.

„Mein ganzes inneres Wirken erwies sich als eine lebendige Heuristik, welche, eine unbekannte, geahnete Regel annerkennend, solche in der Aussenwelt zu finden und in die Aussenwelt einzuführen trachtet. Göthe, Spr. 138.

Если настроеніе поэта эпическое, произведеніе его имѣетъ значеніе рѣшенія исторической задачи, и „Geschichte schreiben ist eine Art, das Vergangene vom Halse zu schaffen“. (Göthe Spr. 122).

Если онъ преимущественно лирикъ (куда и сатира), онъ пишетъ исторію своей души (и косвенно исторію своего времени), и это есть для него средство саморазвитія: освобождаться отъ своихъ недостатковъ, надѣляя ими своихъ героевъ (Гоголь, Выбранныя мѣста, по поводу „Мертвыхъ душъ“). Автобіографичность лирическихъ (и сатирическихъ) произведеній, не должна быть понимаема односторонне: „не думай, говоритъ Гоголь, чтобъ я самъ былъ такой же уродъ, какъ мои герои“.... (3-е письмо по пов. М. Д.), „Мнѣ жаль, что никто незамѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей пьесѣ.... Лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея, это честное благородное лицо былъ смѣхъ“ (Театр. разъѣздъ).

Бѣлинскій: „Кавказскій плѣнникъ“ Пушкина засталъ общество въ періодѣ его отрочества и почти на переходѣ изъ отрочества въ юношество. Главное лицо его поэмы было *полнымъ* (!) выраженіемъ этого состоянія общества. И Пушкинъ былъ самъ этимъ плѣнникомъ, но только на ту пору, пока писалъ его. Осуществить въ творческомъ образѣ идеалъ, мучившій поэта, какъ его собственный недугъ,—для поэта значитъ навсегда освободиться отъ него. Это же лицо является и въ слѣдующихъ поэмахъ Пушкина, но уже не такимъ, какъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“: слѣдя за нимъ, вы безпрестанно застаете его въ новомъ моментѣ развитія, и видите, что оно движется, идетъ впередъ, дѣлается сознательнѣе, и потому интереснѣе для васъ. Тѣмъ-то Пушкинъ, какъ великій поэтъ, и отличается.... отъ своихъ подражателей, что, неизмѣняя сущности своего направленія, всегда крѣпко держась дѣйствительности, которой былъ органомъ, всегда говорилъ новое....“ Пушкинъ самъ о „К. плѣнникѣ“: „Кавказскій плѣнникъ“ первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни написалъ, благодаря

нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но за то Н. и А. Р. и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись". Слова „характеръ, съ которымъ я насилу сладилъ" ....показываютъ, что поэтъ силился изобразить внѣ себя (объективировать) настоящее состояніе своего духа, и потому самому не могъ вполнѣ этого сдѣлать" 1844. Бѣл. соч. VIII, 440—1.

У искреннихъ поэтовъ, даже повидимому случайный образъ имѣетъ глубокое основаніе въ личной жизни. Сравн.:

„Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонный,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой." Онѣг. I, 47.
„Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу"....и Онѣг. VII. 53:
„Ей душно здѣсь...." она мечтой
Стремится къ жизни полевой"— разработка того же мотива „какъ въ лѣсъ зеленый". Личными обстоятельствами (Одесса, мечты о заграничной поѣздкѣ) объясняется въ I, 48 „Но слаще средь ночныхъ забавъ напѣвъ торкватовыхъ октавъ".

„Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! Взываю къ ней" (Он., I, 50) = „Узникъ":
Мы—вольныя птицы: пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора.

Сюда же „Кавказъ":

„Терекъ играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной...."

Онѣг. VI, 46: „Дай оглянусь. Простите, сѣни" и пр.... первоначально относится къ тому, что Пушкинъ изъ Михайловскаго думалъ бѣжать за-границу. Сюда отрывокъ:

Презрѣвъ и шопотъ укоризны,
И зовъ обманутыхъ надеждъ,
Иду въ чужбину, прахъ отчизны
Съ дорожныхъ отряхнувъ одеждъ.
Умолкни, сердца шопотъ сонный,
Привычки и довольства гласъ,

Прости, предѣлъ неблагосклонный,
Гдѣ свѣтъ узрѣлъ я въ первый разъ!
Простите, сумрачныя сѣни,
Гдѣ дни мои прошли въ тиши,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души....

(Къ біогр. Пушк. Изъ черновыхъ его рукописей, хранящихся въ Моск. публ. музеѣ. Русск. Арх. 1884. 5, 197).

„Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ", (1822) имѣетъ отношеніе къ Пушкину и Императору Александру I (послѣ Наполеоновск. войны): „Твой щитъ на вратахъ Цареграда.... Разговоръ волхва съ княземъ. „Волхвы небоятся и пр. Что Пушкинъ мысленно не разъ ставилъ себя въ подобное положеніе, см. „Воображаемый разговоръ съ Императ. Алекс. Павлов." (въ срединѣ 1825 года). Изд. Обществ. V, 37.

Гете въ одномъ мѣстѣ, подъ пониманіемъ поэтическаго произведенія разумѣетъ именно чутье того особеннаго личнаго повода, который послужилъ основой образа.

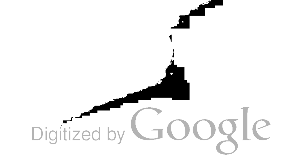
Ich bin uberzeugt, das die Bibel immer schöner wird, je mehr man sie versteht, d. h. je mehr man einsieht und anschaut (и чѣмъ нагляднѣе—то) das jedes Wort, das wir allgemein auffassen und im besonderen auf uns anwenden, nach gewissen Umständen, nach Zeit und Ortsverhältnissen einen eigenen, besondern individuellen Bezug gehabt hat. (Spr. 162).

Содержаніе, превращаемое въ образъ безсознательно, (т. е. элементы А) дается предварительнымъ изученіемъ. Это содержаніе слагается изъ *самонаблюденія* и *наблюденія*.

Преувеличеніе способности *угадывать*—у Бѣлинскаго: По поводу „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ" Гоголя онъ говоритъ въ 1835 г.: „И все это не придумано, не списано съ разсказовъ или съ дѣйствительности, но *угадано* чувствомъ въ минуту поэтическаго *откровенія* (Бѣл. I, 217). Хорошо говорить объ откровеніи тому, кто вмѣшиваетъ въ дѣло поэтическаго творчества Божество, но не критику нашего времени.

„Народность, чтобъ отразиться въ поэтическомъ произведеніи, нетребуетъ такого глубокаго изученія со стороны художника, какъ обыкновенно думаютъ. Поэту стоитъ только мимоходомъ взглянуть на ту или другую жизнь, и она уже усвоена имъ. Какъ малороссу, Гоголю съ дѣтства знакома жизнь малороссійская, но народность его поэзіи неограничивается однюю Малороссіею. Въ его „Запискахъ сумасшедшаго", въ его „Невскомъ проспектѣ" нѣтъ ни одного хохла, все русскіе и въ добавокъ еще нѣмцы; а каково изображены имъ эти русскіе и эти нѣмцы?.... Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что, право, пора бы намъ перестать хлопотать о народности.... ибо эта народность очень похожа на „Тѣнь„ въ баснѣ; Гоголь о ней ни мало не думаетъ, и она сама напрашивается къ нему, тогда какъ многіе изъ всѣхъ силъ гоняются за нею и ловятъ одну тривіяльность (ib. 222).

Въ повѣстяхъ Полевого „удивительная многосторонность". „Въ „Симеонѣ Кирдяпѣ", этой живой картинѣ прошедшаго, начертанной могучей и широкой кистью, поэзія русской древней жизни еще въ первый разъ была постигнута во всей ея истинѣ".... Въ другихъ повѣстяхъ „увидите.... черты, схваченныя съ жизни.... выдержанность и оригинальность характеровъ, вѣрность положеній, которыя основываются не на разсчетахъ возможностей, но *единственно* на способности автора понимать всевозможныя положенія человѣческія, положенія, въ которыхъ онъ самъ можетъ быть никогда небылъ и немогъ быть. Профаны, люди непосвященные въ таинства искусства, часто говорятъ: „да, это очень вѣрно, да и немогло быть иначе: авторъ такъ много страдалъ, слѣдовательно писалъ по опыту, а не съ чужого голоса". Мнѣніе нелѣпое! Если есть поэты, которые вѣрно и глубоко воспроизводили міръ собственныхъ, извѣданныхъ ими страстей и чувствъ, собственныя страданія и радости; изъ этого еще неслѣдуетъ, чтобы поэтъ только тогда могъ пламенно и увлекательно писать о любви, когда былъ самъ влюбленъ и пр.... Отличительная черта, то.... что дѣлаетъ истиннаго поэта, состоитъ въ его страдательной и живой способности всегда и *безъ всякихъ отношеній* къ своему *образу мыслей понимать*



всякое человѣческое положеніе. И вотъ почему поэтъ такъ часто противорѣчитъ себѣ въ своихъ созданіяхъ, воспѣвая нынче прелести разгульной жизни, завтра поетъ о живомъ трудѣ и пр. (Бѣл. I, 197—8, 1834). И черезъ 10 лѣтъ (1844) Б. пишетъ „объ удивительной способности Пушкина переноситься „въ самыя противоположныя сферы жизни....“ „Превосходнѣйшія пьесы въ антологическомъ родѣ, запечатлѣнныя духомъ древнеэллинской музы; подражанія Корану, *вполнѣ* передающія духъ исламизма и красоты арабской поэзіи....“ „Пѣсни западныхъ славянъ“ болѣе, чѣмъ что-нибудь, доказываютъ непостижимый поэтическій тактъ Пушкина и гибкость его таланта. Извѣстно происхожденіе этихъ пѣсенъ и продѣлка даровитаго француза Мериме, вздумавшаго посмѣяться надъ колоритомъ мѣстности.... Незнаемъ, каковы вышли на французскомъ языкѣ эти поддѣльныя пѣсни, обманувшія Пушкина; но у Пушкина онѣ дышатъ *всею роскошью мѣстнаго колорита*, и многія изъ нихъ превосходны, несмотря на однообразіе—неизбѣжное впрочемъ свойство всѣхъ народныхъ произведеній. „Подражанія Данту“ можно счесть за отрывочные переводы изъ „Божественной комедіи“, и они даютъ о ней лучшее и вѣрнѣйшее понятіе, чѣмъ всѣ доселѣ сдѣланные по русски переводы въ стихахъ и прозѣ. „Начало поэмы“ („Стамбулъ гяуры нынѣ славятъ“) какъ будто написано туркомъ нашего времени“ (Б., соч. VIII, 407—8). „Никто изъ русскихъ поэтовъ неумѣлъ съ такимъ непостижимымъ искусствомъ спрыскивать живою водою своей творческой фантазіи немножко дубоватые матеріалы нашихъ народныхъ пѣсенъ. Прочтите: „Жениха“, „Утопленника“, „Бѣсовъ“, „Зимній вечеръ“, и вы удивитесь, увидя, какой очаровательный міръ поэзіи умѣлъ вызвать Пушкинъ своимъ волшебнымъ жезломъ изъ такихъ скудныхъ стихій“ (ib. 404).

На это можно сказать: „Сладки гусиныя лапки!“—А ты ихъ ѣдалъ?—„Видалъ, какъ дядя ѣдалъ“. Дѣтская заносчивость этихъ мнѣній можетъ быть лишь отчасти оправдана вѣрою въ способность апріорной философіи къ идеальному построенію міра.

Въ 1848 г. опять: (Поэтъ) „обладаетъ способностью быстро постигать всѣ формы жизни, переноситься во всякій характеръ, во

всякую личность, и для этого ему нужны *не опытъ, не изученіе*, а достаточно иногда одного намека или одного быстраго взгляда. Два три факта,—и его фантазія возстановляетъ цѣлый отдѣльный, замкнутый въ самомъ себѣ міръ жизни, со всѣми его условіями и отношеніями, со свойственнымъ ему колоритомъ и оттѣнками. Такъ Кювье *наукою* (!) дошелъ до искусства по одной ископаемой кости возстановлять умственно цѣлый организмъ животнаго, которому она принадлежала. Но тутъ дѣйствовалъ геній, развитый и вспомоществуемый наукою; поэтъ же преимущественно опирается на свое чувство, на свой поэтическій инстинктъ". Бѣл. соч. XI, 375—80.

Это сравненіе говоритъ однако нѣчто другое. Поэту, какъ палеонтологу, нужно предварительное *изученіе*.

Гоголь, (Авторск. Исповѣдь): „Ни я самъ, ни мои сотоварищи (школьные).... не думали, что мнѣ прійдется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ, хотя, несмотря на мой меланхолическій отъ природы характеръ, на меня часто находила охота шутить и даже надоѣдать другимъ своими шутками; хотя въ самыхъ раннихъ сужденіяхъ моихъ о людяхъ находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ людей, какъ крупныя, такъ мелкія и смѣшныя. Говорили, что я умѣю не то что передразнить, но *угадать* человѣка, т. е. угадать, что онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержаніемъ самого склада и образа его мыслей и рѣчей.... „На меня находили припадки тоски.... [1]) ....Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе незаботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому отъ этого выйдетъ какая польза".... [2])

Затѣмъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что для достиженія высшихъ цѣлей поэзіи необходимо знаніе души человѣческой и нравственное усовершенствованіе:

---

[1]) по деревнѣ, по родинѣ.... Письма къ матери, Максимовичу.

[2]) Свѣдѣній о Малороссіи онъ имѣлъ мало. Проситъ свѣдѣній у матери и сестры. Описаніе степи—по наслышкѣ.

„Я увидѣлъ.... математическо ясно, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ человѣка нельзя по воображенью: нужно ясно заключить въ себѣ самомъ хоть небольшую крупицу этого,—словомъ, нужно сдѣлаться лучшимъ“.... ib.

Далѣе, когда „жажда знать человѣка вообще удовлетворилась, во мнѣ родилось желаніе сильное знать Россію.... Я сталъ знакомиться съ людьми, отъ которыхъ могъ чему-нибудь научиться и разузнать, что дѣлается на Руси.... я старался завести переписку съ такими людьми, которые могли мнѣ-что нибудь сообщить.... Все это было мнѣ нужно не затѣмъ, чтобы въ головѣ моей небыло ни характеровъ, ни героевъ: ихъ было у меня уже много; они выработались изъ познанія природы человѣческой гораздо полнѣйшаго, чѣмъ какое было во мнѣ прежде; но свѣдѣнія эти мнѣ, просто, нужны были, какъ *нужны этюды съ натуры* художнику, который пишетъ большую картину своего собственнаго сочиненія. Онъ непереводитъ этихъ рисунковъ къ себѣ на картину, но развѣшиваетъ ихъ вокругъ по стѣнамъ, затѣмъ, чтобы держать передъ собою неотлучно, чтобы непогрѣшить ни въ чемъ противъ дѣйствительности, противу времени, или эпохи, какая имъ взята. *Я никогда ничего несоздавалъ въ воображеніи* и неимѣлъ этого свойства. *У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной* изъ дѣйствительности, *изъ данныхъ мнѣ извѣстныхъ.* Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности. Я *никогда неписалъ* портрета, въ смыслѣ простой копіи. Я *создавалъ* портретъ, создавалъ его вслѣдствіе *соображенія*, а *не воображенія*. Чѣмъ болѣе вещей принималъ я въ соображенье, тѣмъ у меня вѣрнѣй выходило созданье. Мнѣ нужно было знать гораздо больше сравнительно со всякимъ другимъ писателемъ, потому что стоило мнѣ нѣсколько подробностей пропустить, непринять въ соображенье,— и ложь у меня выступала ярче, нежели у другого. Этого я никакъ немогъ объяснить никому, а потому и никогда почти неполучалъ такихъ писемъ, какихъ я желалъ. Всѣ только удивлялись тому, какъ могъ я требовать такихъ мелочей и пустяковъ,

тогда какъ имѣю такое воображеніе, которое можетъ само творить и производить. Но воображенье мое до сихъ поръ неподарило меня ни однимъ замѣчательнымъ характеромъ и несоздало ни одной такой вещи, которую гдѣ-нибудь не подмѣтилъ мой взглядъ въ натурѣ. IV, ib. 266—7, изд. X-ое.

...."Нынѣ избранные характеры и лица моего сочиненія (2-я ч. М. Д.) крупнѣе прежнихъ. Чѣмъ выше достоинство взятаго лица, тѣмъ ощутительнѣе, тѣмъ осязательнѣе нужно выставить его передъ читателемъ. Для этого нужны всѣ тѣ безчисленныя мелочи и подробности, которыя говорятъ, что взятое лицо дѣйствително жило на свѣтѣ; иначе оно станетъ идеальнымъ, будетъ *блѣдно* и, сколько ни навяжи ему добродѣтелей, будетъ все ничтожно. Нужно, чтобы русскій читатель дѣйствителъно почувствовалъ, что выведенное лицо взято именно изъ того самаго тѣла, изъ котораго созданъ и онъ самъ, что это живое и какъ бы его собственное тѣло. Тогда только сливается онъ самъ со своимъ героемъ, и *нечувствительно принимаетъ отъ него тѣ внушенія, которыхъ никакимъ разсужденіемъ* и *никакою проповѣдью невнушишь*. Это полное воплощеніе въ плоть, это полное округленіе характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу въ умѣ своемъ весь этотъ прозаическій существенный дрязгъ жизни: когда, содержа въ головѣ всѣ крупныя черты характера, соберу въ то же время вокругъ его все тряпье до малѣйшей булавки, которое кружится ежедневно вокругъ человѣка,—словомъ, когда соображу все отъ мала до велика, ничего непропустивши. У меня въ этомъ отношеніи умъ тотъ самый, какой бываетъ у большей части русскихъ людей, т. е. способный больше выводить, чѣмъ выдумывать. (IV, 263).

Тургеневъ—о необходимости писать съ натуры (по поводу "Отцовъ и дѣтей", "Наканунѣ": "исходною точкою не идею, а живое лицо").

Полонскому, 1869: "Я очень хорошо понимаю, что мое постоянное пребываніе за-границей вредитъ моей литературной дѣятельности, да такъ вредитъ, что пожалуй и совсѣмъ её уничтожитъ; но этого измѣнить нельзя. Такъ какъ я въ теченіе моей сочини-

тельской карьеры никогда неотправлялся *отъ идей*, а всегда отъ *образовъ* (самому даже Потугину лежитъ въ основаніи извѣстный образъ): то при болѣе и болѣе оказывающемся недостаткѣ *образовъ* музѣ моей не съ чего будетъ писать свои картинки. Тогда я кисть подъ замокъ, и буду смотрѣть, какъ другіе подвизаются". (І-е собр. писемъ 154, та же мысль ib 195 —6. (1871 г.), 329, 339 (1878).

Публика.... какъ всякая старушка.... упорно придерживается ходячихъ или предвзятыхъ мнѣній, какъ бы они ни были неосновательны. Напр., она постоянно утверждаетъ, что послѣ „Зап. Ох." всѣ мои сочиненія плохи вслѣдствіе моего отсутствія изъ Россіи, которую я, будто бы поэтому, и знать немогу. Но этотъ упрекъ можетъ относиться только къ тому, что я написалъ послѣ 63 года: до того времени (т. е. до моего 45-лѣтняго возраста) я почти безвыѣздно жилъ въ Россіи, за исключеніемъ 1848—50 годовъ, въ теченіе которыхъ я написалъ именно „Записки охотника", между тѣмъ какъ „Рудинъ", „Дворянское гнѣздо", „Наканунѣ" и „Отцы и дѣти" написаны въ Россіи...." 1-е собр. писемъ 238—9. Ср. *Гоголь*, о воспитаніи себя для Россіи внѣ Россіи, о потребности уединенія, сосредоточенія, потребности отодвинуть современное въ прошедшее. Авт. исп., IV, 259.

Объективный писатель. „Если васъ изученіе человѣческой физіономіи, чужой жизни интересуетъ *больше*, чѣмъ изложеніе собственныхъ чувствъ и мыслей; если напр. вамъ *пріятнѣе* вѣрно и точно передать наружный видъ нетолько человѣка, но простой вещи, чѣмъ красиво и горячо высказать то, что вы ощущаете при видѣ этой вещи, или этого человѣка,—значитъ вы объективный писатель и можете взяться за повѣсть или романъ. Что же касается до труда, то безъ него, безъ упорной работы, всякій художникъ непремѣнно останется диллетантомъ; нечего тутъ ждать такъ называемыхъ благодатныхъ минутъ вдохновенія; придетъ оно — тѣмъ лучше; а ты всетаки работай. Да нетолько надъ своей вещью работать надо, надъ тѣмъ, чтобы она выражала именно то, что вы хотѣли выразить, и въ той мѣрѣ, и въ томъ

видѣ, какъ вы этого хотѣли: нужно еще читать, учиться безпрестанно, вникать во все окружающее, стараться нетолько уловлять жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, но и понимать ее, понимать тѣ законы, по которымъ она движется, и которые невсегда выступаютъ наружу; нужно сквозь игру случайностей добиться до типовъ—и со всѣмъ тѣмъ всегда оставаться вѣрнымъ правдѣ, недовольствоваться поверхностнымъ изученіемъ, чуждаться эффектовъ и фальши. Объективный писатель беретъ на себя большую ношу; нужно, чтобы его мышцы были крѣпки.... Прежде я такъ работалъ, и то невсегда; теперь я облѣнился да и устарѣлъ (1-е Собр. Пис. 295).

Противорѣчіе между „*для себя*“ (для внутреннихъ цѣлей, для удовлетворенія потребности самого автора) и „*для другихъ*“, (для внѣшнихъ цѣлей, каковы деньги, слава, гражданское служеніе), какъ и противорѣчіе между процессомъ созданія (*ἐνέργεια*) и созданнымъ (*ἔργον*) и отношеніемъ автора къ тому и другому, непримиримы, лишь пока разсматриваются, какъ одновременные моменты. Въ дѣйствительности они разновременны.

Процессъ творчества и *созданное*:

„Dir warum doch verliert
Gleich alles Wert und Gewicht?“
—Das Thun interessiert,
Das Gethane nicht.

Göthe. Spr. 42.

Das Rechte, das ich viel gethan,
Das ficht mich nun nicht weiter an;
Aber das Falsche, das mir entschlüpft,
Wie ein Gespenst mir vor Augen hüpft. G. Spr. 30,

потому что вѣрное—закончено, ошибочное—еще нѣтъ (см. ниже о томъ что поэтическія созданія заканчиваютъ собою періоды развитія). [1])

[1]) Созданіе „Фауста“ Гете относится ко времени между 1769 г. (Гретхенъ раньше) и 1831 (окончаніе 2-й части).

У Пушк. Книгопродавецъ—поэту:

Вамъ ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипитъ, бурлитъ воображенье;
Оно застынетъ, и тогда
Постыло вамъ и сочиненье.
Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

Пониманіе (критика). Формальность поэзіи.

Разъ созданный образъ освобождается изъ-подъ власти художника, является чѣмъ-то постороннимъ для него самого (Мысль и языкъ[2], 186). Объясняя свое произведеніе (измѣняя *a*, общее между *A* и *x*), онъ становится уже въ ряды критиковъ и можетъ ошибаться вмѣстѣ съ ними. Поэтому такія объясненія, стоящія внѣ самаго произведенія, бываютъ иногда ненужны, даже комичны, какъ подпись подъ картиной „се лева, не собака". (Этого случая не слѣдуетъ смѣшивать съ параллелизмомъ мысли, заключеннымъ въ самомъ произведеніи). Во всякомъ случаѣ цѣнность поэтическаго произведенія, его живучесть,—т. е. то, что, наприм. цѣлые вѣка „пjесма иде отъ уста до уста", образная пословица рѣшаетъ споры, служитъ правиломъ жизни,—зависитъ не отъ того неопредѣленнаго *x*, которое стояло въ видѣ вопроса передъ авторомъ въ моментъ созданія; не отъ того объясненія, которое даетъ самъ авторъ или постоянный критикъ, не отъ его цѣлей, а отъ силы и гибкости самаго образа [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть доказано, что вліяніе художественнаго произведенія, напр., на измѣненіе общественной жизни вовсе невходило въ намѣренія ихъ автора, который заботился только о созданіи образовъ, былъ поглощенъ, какъ Гоголь, дѣломъ своей души.

---

[1]) Быть можетъ..., Его умолкнувшая лира
Гремучій непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла.
(Онѣг. VI, 37).

Какъ слово своимъ представленіемъ побуждаетъ понимающаго создать *свое* значеніе, опредѣляя только направленіе этого творчества; такъ поэтическій образъ въ каждомъ понимающемъ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ пониманія вновь и вновь создаетъ себѣ значеніе. Каждый разъ это созданіе (конечно, не въ чудесномъ смыслѣ рожденія изъ ничего, а въ смыслѣ извѣстной кристаллизаціи находящихся въ сознаніи стихій) происходитъ въ новой средѣ и изъ новыхъ элементовъ.

Выводъ изъ этого для способа объясненія поэтическихъ произведеній въ школѣ: объяснять составъ и происхожденіе внѣшней и внутренней формы, приготовляя только слушателя къ созданію значенія. Кто разъясняетъ идеи, тотъ предлагаетъ свое собственное научное или поэтическое произведеніе.

Свойство поэтическаго произведенія—относительная неподвижность образа (А) и измѣнчивость его значенія x_1, x_2, x_3 и пр. т. е. то, что оно при каждомъ случаѣ пониманія вновь оживаетъ, стало быть, какъ языкъ, по словамъ Гумбольдта, есть столько же произведеніе (ἔργον), сколько дѣятельность (ἐνέργεια). Этимъ объясняется, „почему произведенія темныхъ вѣковъ сохраняютъ свое художественное значеніе во времена высокаго развитія, до тѣхъ поръ, пока неисчезаютъ изъ памяти людей тѣ черты, изъ коихъ сложены ихъ образы“.

Такимъ образомъ, утвержденіе, что сочетаніе и полное соотвѣтствіе образа и идеи находятся въ самомъ художественномъ произведеніи, есть миѳъ. Мнѣніе, что все то, къ чему примѣнялась образная пословица въ теченіе вѣковъ, заключено въ ней самой—не менѣе сказачно, чѣмъ превращеніе стихотворнаго размѣра въ сокола, похищающаго божественный напитокъ. Это случай перенесенія субъективнаго явленія въ объектъ.

Столь же странно притязаніе, чтобы поэтическія произведенія говорили то самое, что вздумается сказать по ихъ поводу намъ. Вѣдь насъ много, а толкуемый нами образъ одинъ! Говорятъ: „Русскіе романы и повѣсти никогда нестояли на высотѣ русской

критики (разумѣется критика, обращенная не къ объективному прошедшему даннаго произведенія, т. е. не къ происхожденію и ближайшему значенію заключенныхъ въ немъ образовъ, а къ настоящему, т. е. къ значенію этихъ образовъ для насъ). Критика уясняла беллетристическія произведенія не только читателямъ, но и самымъ авторамъ; нерѣдко она говорила то, что авторъ и не думалъ говорить. Такъ Добролюбовъ въ „Темномъ царствѣ" повторилъ басню объ Орлѣ и Паукѣ и унесъ съ собою на облака Островскаго, который никогда не предполагалъ улетѣть такъ высоко". (Дѣло, 1875, іюнь).

То, что принято здѣсь за превосходство критики предъ художественнымъ произведеніемъ, есть дѣйствіе самихъ произведеній. Поэтому, когда „критика во имя практическихъ требованій объявила войну „художественности" и начала цѣнить литературныя произведенія не по талантливости ихъ исполненія, а по ихъ содержанію, по силѣ идеѣ, по ихъ прогрессивнымъ мыслямъ" (ib), то она повторила басню о свиньѣ, которая подрывала дубъ, наѣвшись подъ нимъ желудей. Ср. Гёте:

„Sie wollten dir keinen Beifall gönnen,
Du warst niemals nach ihrem Sinn!"
—Hätten sie mich beurtheilen können,
So wär' ich nicht, was ich bin. Spr. 81.

Формальность поэзіи. Упреки художественнымъ произведеніямъ и ихъ авторамъ могутъ быть однако и справедливы. Ибо много ошибочнаго въ представленіи всякой поэтической дѣятельности „священною жертвою", а поэта — „жрецомъ и вѣщимъ" (польск. wieszcz), поэтическаго возбужденія — „вдохновеніемъ" (inspiratio), „наитіемъ, посѣщеніемъ демона" „божественнымъ глаголомъ".

Мнѣніе, что „настоящее поэтическое произведеніе должно быть хорошо и плодотворно, и что если оно не таково, то оно непоэтично, столь же дѣтское, какъ и распространенный у насъ способъ выраженія: „это научно" или „ненаучно". Раздаватели этихъ эпитетовъ какъ будто думаютъ, что наука сидитъ въ нихъ

самихъ, или что она имъ тетка или сестра, уполномочившая ихъ для выборовъ. Произведеніе можетъ быть совершенно ложно и для своего и для всѣхъ послѣдующихъ временъ и тѣмъ неменѣе научно. И лучшія произведенія современемъ оказываются ложными. Но куда же ихъ отнести, какъ не къ наукѣ?

Поэзія, какъ и наука, есть лишь способъ мышленія, употребляемый взрослыми и дѣтьми, цивилизованными и дикими, нравственными и безнравственными. Она не только тамъ, гдѣ великія произведенія, (какъ электричество не тамъ только, гдѣ гроза), а какъ видно уже изъ ея эмбріональной формы, т. е. слова, вездѣ, ежечасно и ежеминутно, гдѣ говорятъ и думаютъ. Ея опредѣленіе не должно заключать въ себѣ никакихъ указокъ на содержаніе и достоинство образа.

Поэзія есть преобразованіе мысли (самого автора, а затѣмъ всѣхъ тѣхъ, которые (иногда многіе вѣка) примѣняютъ его произведеніе), *посредствомъ конкретнаго образа*, *выраженнаго въ словѣ*, иначе: „*она есть созданіе сравнительно обширнаго значенія при помощи единичнаго* сложнаго (въ отличіе отъ слова) ограниченнаго *словеснаго образа* (знака)“.

Это неполное опредѣленіе. Какъ первичное созданіе поэтическаго образа, такъ и пользованіе имъ (вторичное созданіе) сопряжено съ извѣстнымъ волненіемъ, иногда столь сильнымъ, что оно становится замѣтнымъ постороннему наблюдателю: „Лицо его (импровизатора) страшно поблѣднѣло; онъ трепеталъ, какъ въ лихорадкѣ; глаза его засверкали чуднымъ огнемъ; онъ.... отеръ платкомъ высокое чело, покрытое каплями пота“. (Пушкинъ, Ег. ночи, гл. III).—Это чувство отлично отъ того, которое сопровождаетъ болѣе спокойное отвлеченное мышленіе, хотя между тѣмъ и другимъ существуютъ среднія ступени.

Отмѣтивъ необходимость 3-хъ моментовъ во всякомъ поэтическомъ произведеніи (A, x, a), слѣдуетъ помнить, что конкретности, образности недостаточно; въ противномъ случаѣ яркія сновидѣнія были бы художественнымъ творчествомъ.

Поэтичность содержанія. Идеальность въ поэзіи и наукѣ.

Риторичность,—стремленіе сознательно изображать содержаніе чертами далекими отъ дѣйствительности, возвеличивающими ее, основана на cum hoc ergo propter hoc. Гёте: „Der Schulmann, indem er lateinisch zu schreiben und zu sprechen versucht, kommt sich höher und vornehmer vor, als er sich in seinem Alltagsleben dünken darf. Sprüche, 161. Рабское изученіе образцовъ приводитъ къ заключенію, что впечатлѣніе, производимое ими, не можетъ существовать безъ средствъ, которыя въ нихъ. Такимъ образомъ возникаетъ манера. Отсюда между прочимъ ложно-классическіе пріемы. Освобожденіе отъ манеры есть освобожденіе личности. Новая русская поэзія—съ Ломоносова до насъ—представляетъ интересъ такого освобожденія.

Объ этомъ—Бѣлинскій, VIII, 210: Всё это (стрѣлы, мечи, копья, щиты и пр. въ „Пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ")—признакъ риторики; ибо поэзія проста: она не чуждается *обыкновенныхъ* предметовъ дѣйствительности, не боится сдѣлаться отъ нихъ прозою, но *поэтизируетъ* самыя *прозаическія вещи*". Здѣсь, какъ и ниже, предполагается какая-то особая „*поэтичность содержанія*": „Заслуга Жуковскаго:... далъ возможность содержанія для русской поэзіи (VIII, 349). „Пушкинъ.... .употребилъ стихъ: „Но тынъ обросъ крапивой дикой...." Изъ прежнихъ поэтовъ, едва-ли бы кто неиспугался пошлости и прозаичности этого слова (тынъ)" (VIII, 325). *Есть прозаическіе предметы:* „замѣтимъ еще его (Пушкина) удивительную способность дѣлать поэтическими самые прозаическіе предметы. Что, напримѣръ, можетъ быть прозаичнѣе выѣзда въ саняхъ франта, въ сюртукѣ съ бобровымъ воротникомъ? Но у Пушкина это—поэтическая картина:

Ужъ темно: въ санки онъ садится:
Пади! пади! раздался крикъ;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.

VIII, 337, и друг. пр. 338 (Одесская грязь), 442 (Черкешенка учитъ плѣнника языку ея родины) [1]).

Отождествленіе искусства съ дѣйствительностью мы находимъ въ утвержденіяхъ, что „жизнь—поэзія", „мѣстность—живописна". Ландшафтная живопись усовершенствована не въ Швейцаріи или другой странѣ, изобилующей такъ называемыми красотами природы.... Русскіе поэты, Марлинскій, Пушкинъ, Лермонтовъ и особенно Грибоѣдовъ, не красотамъ кавказской природы обязаны своими произведеніями.

„Искусство—подражаніе природѣ"—не примѣнимо къ архитектурѣ и музыкѣ. Доля правды есть однако въ этомъ утвержденіи. Какъ въ жизни отдѣльныхъ художниковъ, такъ и въ исторіи художественныхъ школъ различаютъ періоды изученія природы, которымъ мы обязаны лучшими произведеніями, и періоды, когда люди отворачиваются отъ природы или поставляютъ цѣлью подражаніе себѣ и другимъ (отсюда манерность, риторичность). (Тенъ Чтен. объ искусствѣ 10—4). Безусловное подражаніе не есть цѣль искусства. (Тенъ ib. 14—6). Художественное произведеніе подражаетъ лишь взаимнымъ отношеніямъ и зависимости частей въ предметахъ (ib. 16—7.) Оно измѣняетъ эти отношенія, выдвигая впередъ признакъ, служащій представителемъ или замѣстителемъ многихъ другихъ. (ib., 18 слѣд.). Такой признакъ (resp. признаки) называютъ существеннымъ.

Это м. б. справедливо лишь съ дополненіемъ „существенный лишь для извѣстной точки зрѣнія", а не безусловно. Эта существенность не выраженіе неизвѣстной „сущности вещи", а субъективный актъ объединенія признаковъ, дѣйствительная связь коихъ намъ неизвѣстна. Поэтому художественное произведеніе даетъ всегда лишь одностороннее неполное познаніе предмета и явленія. Хвастливо-легкомысленно утверждать, что въ языкѣ, (resp. въ живописи, поэзіи) *вполнѣ* отразился вѣкъ, народъ. Запахъ можетъ намъ

---

[1]) Это даетъ поводъ остановиться на отношеніи поэзіи (resp. искусства) къ дѣйствительности.

напоминать весь цвѣтокъ, но только, если онъ былъ намъ раньше извѣстенъ. Изъ запаха мы неможемъ вывести формы растенія.

Никакой живописецъ или ваятель несоздалъ бы изображенія льва, еслибы ему былъ данъ лишь признакъ, выдаваемый за сущность, а въ дѣйствительности являющійся лишь блѣднымъ отвлеченіемъ: „большое четвероногое хищное животное", или фигура: „пасть, поднявшаяся на четыре лапы;" ни Фальстафа—изъ сластолюбія или хвастливости. Языкъ, или поэзія или искусство—только одна изъ дѣятельностей человѣка. Лишь совокупность проявленій даетъ внутренній міръ человѣка. По одному нельзя узнать всѣхъ. Искусство сводитъ разнообразіе явленій къ относительно немногимъ символическимъ формамъ (образамъ; музыкальная пьеса—образъ настроенія ея создателя.) Но есть разница въ способахъ идеализаціи. См. замѣтку Пушкина о характерахъ Мольера и Шекспира, сравненіе способовъ идеализаціи романскихъ и германскихъ народовъ, Вогюэ, Revue de d. m. 1884. Juillet, 2, 276—7.

Требуютъ правды отъ художественнаго произведенія. Что такое эта правда? Тенъ: „Un caractère essentiel.... c' est une qualité, dont toutes les autres, ou du moins beaucoup d'autres, derivent suivant des liaisons fixes, (Philos. de l'art" I[3], 37). Т. о. свойства льва выводятся изъ того, что онъ большое плотоядное (но и тигръ и крокодилъ?); свойства Голландіи (ib 38—41)—изъ того, что она *аллювіальная* страна (но понизовья Днѣпра, Волги, Нила?) Vous devinez maintenant, et par la *seul* force du raisonnement, l'aspect du pays.... ib 39.— C'est lui (le caractère fondamental) que l'art a pour but de mettre en lumière, et, si l'art entreprend cette tâche, c'est que la nature n'y suffit pas. Car dans la nature le caractère n' est que dominant; il s'agit dans l'art de le rendre dominateur. (42)

То, что изъ X (объясняемаго) выдвигается извѣстная черта, зависитъ отъ свойства A (объясняющихъ комплексовъ), т. е. *существенный* (!) характеръ—субъективенъ. Въ объясняемомъ, если вообразимъ себѣ его объективно существующимъ, нѣтъ черты, изъ которой par la seul force du raisonnement можно было бы

вывести всѣ остальныя, ибо каждый признакъ (напр. аллювіяльность страны) есть произведеніе множества другихъ признаковъ и измѣняется, смотря по этому множеству. Поставить аллювіяльную страну подъ другую широту и долготу, населить ее другимъ племенемъ, или дать тому же племени другую исторію, другое сосѣдство и пр., и мы получимъ не Голландію. Такимъ образомъ чистое самообольщеніе, когда намъ кажется, что свойства Голландіи мы вывели изъ одного существеннаго признака—аллювіяльности.

Изъ односторонности художественныхъ произведеній вытекаетъ, что самое пользованіе ими предполагаетъ извѣстное предварительное знаніе предметовъ, которые оно изображаетъ. Отсюда необходимость комментаріевъ для извѣстныхъ устарѣвшихъ или неродныхъ намъ произведеній. Отсюда возможность того, что старѣютъ даже совершеннѣйшія произведенія.

„Le grand malheur du realisme, c'est qu'il faut connaître le milieu reproduit pas le photographe pour apprecier le mérite de ses chefs-d'oeuvre, qui est dans l'exacte ressemblance. La description des courses de Zarckoé selo, qui a charmé tous les lecteurs russes, risque de vous laisser aussi indifférent, que le seraient les Moscowites pour la brillante description du grand prix de Paris dans Nana. Вогюэ, Revue d. d. m. 1884, juillet 2-me l., 299.

Объ отношеніи искусства къ природѣ и наукѣ:—Бѣлинскій: „Ландшафтъ, созданный.... талантливымъ живописцемъ, лучше всякихъ живописныхъ видовъ въ природѣ“. Бѣл. IV, 269.

„Въ наукѣ и искусствѣ дѣйствительность болѣе похожа на дѣйствительность, чѣмъ въ самой дѣйствительности, и художественное произведеніе, основанное на вымыслѣ, выше всякой были [1]); а историческій романъ Вальтеръ Скотта въ отношеніи къ нравамъ, обычаямъ, колориту и духу извѣстной страны, *достовѣрнѣе* всякой исторіи, ib 271 (Сюда же „Пушкинъ вполнѣ Испанецъ въ „Донъ Жуанѣ“ и пр.). Гёте иначе: Die frage: wer höher steht, der Historiker

---

[1]) Бѣлинскій здѣсь согласенъ съ Шеллингомъ, Шевыревъ „Теорія поэзіи въ историческ. развитіи.“ 163—4.

oder der Dichter? darf dar nicht aufgeworfen werden: sie konkurrieren nicht miteinander, so wenig als der Wettläufer und der Faustkämpfer. Jedem gebührt seine eigene Krone". Göthe Sprüche Max. und. Reflex., 147—какъ совѣтъ—познай себя (свои силы и средства), протягивай ножки по одежкѣ, а то—„бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ".

Объ идеальности искусства, отношении его къ дѣйствительности — Гёте:

Das Zufällig-Wirkliche, an dem wir weder ein Gesetz der Natur, noch der Freiheit für den Augenblick entdecken, nennen wir das Gemeine. Göthe., Spr. 122.

Das Schöne ist eine Manifestation geheimer Naturgesetze, die uns ohne dessen Erscheinung ewig wären verborgen geblieben. ib. 130.

Wem die Natur ihr offenbares Geheimniss zu enthüllen anfängt, der empfindet eine unwiderstehliche Sehnsucht nach ihrer würdigsten Auslegerin, der Kunst. ib. Spr. 132.

Erst hört man von Natur und Nachahmung derselben, dann soll es eine schöne Natur geben. Man soll wählen; doch wohl das Beste! und woran soll man's erkennen? Und wo ist denn die Norm? Doch wohl nicht auch in der Natur?

Und gesetzt, der Gegenstand wäre gegeben, der schönste Baum im Walde, der in seiner Art als vollkommen auch vom Förster anerkannt würde. Nun, um den Baum in ein Bild zu verwandeln, geh

[illegible]

[illegible]

— [illegible]

Такъ [illegible] XVII в. [illegible]

ich um ihn herum und suche mir die schönste Seite. Ich trete weit genug weg, um ihn völlig zu übersehen: ich warte ein günstiges Licht ab, und nun soll von dem Naturbaum noch viel auf das Papier übergegangen sein! Der Laie mag das glauben; der Künstler hinter den Kulissen seines Handwerks sollte aufgeklärter sein. Gerade das, was ungebildeten Menschen am Kunstwerk als Natur auffällt, das ist nicht Natur (von aussen), sondern der Mensch (Natur von innen). Объ идеальности поэтической (и вообще художественнаго образа) см. Мысль и языкъ, 2 изд. стр. 190—191.

Яблоко, которое я вижу, держу, нюхаю, ѣмъ, не выдумано мною, но оно существуетъ для меня настолько и въ такомъ видѣ, насколько и какъ оно воспринимается мною, и насколько эти воспріятія вызываютъ прежнія или сходныя воспріятія и мысли.

Вообще все то, что мы называемъ міромъ, природою, что мы ставимъ внѣ себя, какъ совокупность вещей, дѣйствительность, и самое наше *я* есть сплетеніе нашихъ душевныхъ процессовъ, хотя и не произвольное, а вынужденное чѣмъ-то находящимся внѣ насъ. Въ этомъ смыслѣ все содержаніе души можетъ быть названо идеальнымъ. Но въ этой всеобъемлющей идеальности мы различаемъ низшія и высшія теченія: сырые матеріалы и продукты различной степени сосредоточенности. Въ тѣсномъ смыслѣ только эти сырые матеріалы наиболѣе субъективные, наименѣе выразимые, называемъ реальными, а мысль—идеальною. Въ этомъ уже заключено, что мысль, все равно, художественная или научная, также неможетъ быть тождественна съ дѣйствительностью, какъ спиртъ и сахаръ съ зерномъ, картофелемъ и свекловицей. Требованіе, чтобы искусство было подражаніемъ природѣ, т. е. той же дѣйствительности, похоже на требованіе, чтобы высшіе организмы питались не сосредоточенной пищей и не химическими продуктами, а какъ земляные черви—даже больше: чтобы при питаніи небыло претворенія веществъ въ болѣе тонкія и нужныя, т. е. чтобы самого питанія небыло. Если бы это требованіе было исполнено, оно было бы безцѣльно, ибо зачѣмъ подражаніе, когда есть сама природа?

Толки объ объективно прекрасномъ и также о томъ, что и *жизнь* со своими мѣлочами—такой *художественный фактъ*, что неумѣлая художественность скорѣй ослабляетъ ея впечатлѣніе, чѣмъ концентрируетъ его (Дѣло 1875, VII. Ст. Языкова), основаны на qui pro quo. Если жизнь (природа, дѣйствительность) есть художественный, то она же и научный фактъ. Такимъ образомъ прійдемъ къ ненужности науки. Но дѣйствительность въ смыслѣ низшихъ сферъ душевной дѣятельности человѣка, соотвѣтствующихъ душевной дѣятельности животныхъ, ни художественна, ни научна.

Каждый разъ, когда намъ кажется, что природа непосредственно производитъ на насъ художественное впечатлѣніе, между этими впечатлѣніями и природою стоитъ нѣчто весьма сложное; ибо тотъ взглядъ, результатомъ коего является нынѣшняя пейзажная живопись, былъ недоступенъ даже живописцу XVI вѣка, не говоря уже о болѣе раннемъ времени.

Wenn Künstler von Natur sprechen, so intelligieren sie immer die Idee, ohne sich's deutlich bewusst zu sein. Göthe Spr.

Требованіе, чтобы искусство было подражаніемъ природѣ, заключаетъ въ себѣ другое: чтобы стремленіе къ совершенству въ искусствѣ было стремленіемъ къ уничтоженію разницы между произведеніемъ искусства и природы, между сахаромъ и свекловицей. Но искусство и природа несоизмѣримы.

„Какъ повидимому ни нелѣпа мысль французскихъ эстетиковъ прошлаго столѣтія, что искусство должно украшать природу, но въ ней есть своя часть истины; только они не поняли самихъ себя и, по разсудочному противорѣчію, отрицая простое списываніе съ природы, приняли подражаніе природѣ, хотя и украшенной. И если ихъ подражанія были манерны, искусственны и мертвы, то не дальше ихъ ушли и эти quasi-романтическія списыванія съ натуры, въ которыхъ красуются мужицкія побранки и поговорки во всей ихъ неопрятной естественности“. Бѣлинскій, IV, 267.

„Наука отвлекаетъ отъ фактовъ дѣйствительности ихъ сущность—идею; а искусство, заимствуя у дѣйствительности матеріалы,

возводитъ ихъ до общаго, родового, типическаго значенія, создаетъ изъ нихъ стройное цѣлое“. Бѣл., IV, 267.

„Къ живописи примѣняется то же, что и къ литературѣ, — ко всякому искусству: кто всѣ детали передаетъ — пропалъ; надо умѣть схватывать однѣ характеристическія детали. Въ этомъ одномъ и состоитъ талантъ и даже то, что называется творчествомъ“. Тургеневъ, 1-ое собр. писемъ, 490.

Поэзія (искусство), какъ и наука, есть *толкованіе* дѣйствительности, ея переработка для новыхъ, болѣе сложныхъ, высшихъ цѣлей жизни. Степень совершенства этой дѣятельности, имѣющая только временную и субъективную мѣрку, безразлична при сужденіи о необходимости этой дѣятельности вообще.

Поэтическій образъ можетъ быть названъ идеальнымъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ не какъ „воплощеніе идеи“ (мысль непонятная), а въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ можетъ быть названо идеальнымъ представленіе въ словѣ. Именно идеализація, какъ созданіе поэтическаго образа, состоитъ въ выдѣленіи изъ основного комплекса воспріятій, въ объединеніи извѣстныхъ чертъ и въ устраненіи другихъ, присутствіе коихъ сбивало бы мысль съ пути, по которому направляетъ ее образъ. Это тоже отвлеченіе, отличающееся отъ научнаго лишь видовыми признаками. Вытекающею отсюда односторонностью и вмѣстѣ сосредоточенностью дѣйствія художественнаго произведенія объясняется то явленіе, которое иногда приписываютъ неправильному развитію людей, именно слезы, восторги и пр., вызываемые поэтическими образами, и равнодушіе къ дѣйствительности, изъ коей взяты эти образы. Зло было бы здѣсь лишь тогда, если бы слезы и т. п., вызываемыя романами и проч. притупляли воспріимчивость, что бываетъ однако лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Согласно съ этимъ поэтическій образъ, какъ обыкновенно говорится, можетъ быть вѣрнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, т. е. *со стороны своего содержанія* онъ можетъ (ничего) незаключать въ себѣ, чтобы немогло заключаться въ самой трезвой научной мысли и въ самомъ повседневномъ, ничтожномъ по своей стоимости для насъ воспріятіи.

Такъ въ стихотв. Фета:

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ вдали;
Конный или пѣшій—
Невидать въ пыли.
Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ.
Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ!

только форма настраиваетъ насъ такъ, что мы видимъ здѣсь не изображеніе единичнаго случая, совершенно незначительнаго по своей обычности, а знакъ или символъ неопредѣлимаго ряда подобныхъ положеній и связанныхъ съ ними чувствъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно разрушить форму. Съ какимъ изумленіемъ и сомнѣніемъ въ здравомысліи автора и редактора встрѣтили бы мы на особой страницѣ журнала слѣдующее: „Вотъ что-то пылитъ по дорогѣ, и неразберешь, ѣдетъ ли кто, или идетъ. А теперь видно... Хорошо бы если-бы заѣхалъ такой-то!“ Этотъ примѣръ ведетъ къ разсмотрѣнію слѣдующаго.

Виды поэтической иносказательности.

Въ словѣ съ живымъ представленіемъ всегда есть и по мѣрѣ забвенія представленія увеличивается несоразмѣрность между этимъ представленіемъ и его значеніемъ, т. е. признакомъ, средоточіемъ которыхъ оно становится. Такъ и поэтическій образъ, каждый разъ, когда воспринимается и оживляется понимающимъ, говоритъ ему нѣчто *иное* и *большее*, чѣмъ то, что въ немъ непосредственно заключено. Такимъ образомъ поэзія есть всегда *иносказаніе*, *аллегорія* въ обширномъ смыслѣ слова.

Отдѣльные случаи поэтической иносказательности, въ дѣйствительности переходящіе другъ въ друга и потому трудно-разграничимые, слѣдующіе:

А. Иносказательность въ тѣсномъ смыслѣ, переносность (метафоричность), когда образъ и значеніе относятся къ *далекимъ другъ отъ друга порядкамъ явленій*, каковы напр. *внѣшняя природа* и *личная жизнь*: Гейне, Ein Fichtenbaum steht einsam.... Лермонтовъ, *Сосна*: „На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко

На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

(Переводъ Тютчева сохраняетъ противоположность половъ „Ein Fichtenbaum„ и „die Palme“ и вмѣстѣ съ тѣмъ большую степень иносказательности):

На сѣверѣ мрачномъ, на дикой скалѣ
Кедръ одинокій подъ снѣгомъ бѣлѣетъ,
И сладко заснулъ онъ въ инистой мглѣ
И сонъ его вьюга лелѣетъ.
Про юную пальму все снится ему,
Что въ дальнихъ предѣлахъ Востока,
Подъ пламеннымъ небомъ, на знойномъ холму,
Стоитъ и цвѣтетъ одинока.

Или *несходныя положенія человѣческой жизни*. Пушкинъ „Аріонъ“ (1830):

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я—безпечной вѣры полнъ—
Пловцамъ я пѣлъ.... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ-налету вихорь шумный....

Погибъ и кормщикъ и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою;
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ подъ скалою.

Б. *Художественная типичность* (синекдохичность) образа, когда образъ становится въ мысли началомъ ряда подобныхъ и однородныхъ образовъ. Цѣль поэтическихъ произведеній этого рода, именно обобщеніе, достигнута, когда понимающій узнаетъ въ нихъ знакомое: „я это знаю", „это такъ", „я видалъ, встрѣчалъ такихъ", „такъ на свѣтѣ бываетъ". И тѣмъ не менѣе образъ является откровеніемъ, колумбовымъ яйцомъ.

Изобильные примѣры такого познанія при помощи созданныхъ поэзіей типовъ представляетъ жизнь (т. е. примѣненіе) всѣхъ выдающихся произведеній новой русской литературы, съ „Недоросля" и до сатиръ Салтыкова; у послѣдняго сверхъ его собственныхъ типовъ, имена коихъ стали нарицательны, еще (какъ въ древне-греческой трагедіи, выросшей на эпическихъ основахъ, какъ въ итальянскихъ кукольныхъ комедіяхъ съ постоянными характерами)—пользованіе извѣстными уже типами (Молчалинъ, Чацкій, Ноздревъ, Расплюевъ). Условія такой типичности и вмѣстѣ примѣръ познанія при помощи готовыхъ поэтическихъ образовъ отмѣчены Пушкинымъ:

„Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей и пороковъ.... Но нигдѣ, можетъ быть, геній Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣль.... Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ коемъ природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его геніальное созданіе.*** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, хвастливъ, неглупъ, забавенъ безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную: онъ былъ женатъ. Шекспиръ

неуспѣлъ женить своего холостяка.... Сколько сценъ потерянныхъ для кисти Шекспира! Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехлѣтній сынокъ его, вылитый отецъ, маленькій Фальстафъ III, однажды въ его отсутствіи, повторилъ про себя: „Какой папенька хлаблій! Какъ папеньку госудаль любитъ!“ Мальчика подслушали и кликнули: „Кто тебѣ это сказалъ, Володя!“—Папенька, отвѣчалъ Володя (Шейлокъ, Анджелло и Фальстафъ Шекспира).

О синедкохичности образовъ—Тургеневъ (1-е собраніе писемъ, 104, 106 и сл., 239): „Графчикъ С-съ неправъ, говоря, что лица, подобныя Н. П. и П. П. (въ „Отцахъ и дѣтяхъ“)— наши дѣды: Н. П., это—я, Огаревъ и тысячи другихъ; П. П. — Столыпинъ, Есаковъ, Боссетъ, — тоже наши современники. Они лучшіе изъ дворянъ — и именно потому и выбраны мною, чтобъ доказать ихъ несостоятельность.“ — „Я никакъ не могу согласиться, что даже „Стукъ-Стукъ“ нелѣпость. Что же оно такое? спросите вы. А вотъ что: повальная студія русскаго самоубійства, которое рѣдко представляетъ что-либо поэтическое или патетическое, а напротивъ почти всегда совершается вслѣдствіе самолюбія, ограниченности, съ примѣсью мистицизма и фатализма.“

Сюда—поэтическія описанія, аналогичныя съ ландшафтной живописью мертвой природы, напримѣръ „Обвалъ“ Пушкина; Тютчева: Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ,
Какъ на небѣ звѣзды рдѣютъ!
Какъ подъ сумрачнымъ ихъ свѣтомъ
Нивы дремлющія зрѣютъ!....
Усыпительно-безмолвны,
Какъ блестятъ въ тиши ночной.
Золотистыя ихъ волны,
Убѣленныя луной. (LXXVI).

Его же „Полдень“ (*IV*): Лѣниво дышетъ полдень знойный; *V*, Песокъ сыпучій по колѣни...; *XCIV*, Не остывшая отъ зноя ночь іюльская блистала; *LXXIV*, Первый листъ: „Листъ зеленѣетъ молодой“.... *LXXV*, „Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь.“

Сюда же изображенія лицъ, характеровъ, событій, чувствъ, сводящія безконечное разнообразіе жизни на сравнительно небольшое число группъ. Здѣсь поэзія, какъ и пластическое искусство въ своихъ областяхъ, является могущественнымъ донаучнымъ средствомъ познанія природы, человѣка и общества. Она указываетъ цѣли наукѣ, всегда находится впереди ея и незамѣнима ею во вѣки.

Это одинъ изъ случаевъ синекдохи. Неизмѣнный ходъ познанія здѣсь—отъ образа къ познаваемому. Отсюда—непоэтичность, т. е. безцѣльность холодныхъ и блѣдныхъ конкретными чертами, придуманныхъ иносказаній, напр. олицетвореній готовыхъ отвлеченныхъ понятій, ничего неприбавляющихъ къ этимъ понятіямъ. Евангельскія и другія подобныя притчи поэтичны постольку, поскольку допускаютъ и другія примѣненія.

Сохраняя эту типичность, при дальнѣйшемъ возбуждаемомъ имъ движеніи мысли, образъ можетъ стать для насъ иносказательнымъ въ тѣсномъ смыслѣ (метафоричнымъ). Есть много поэтическихъ произведеній, которыя могутъ быть понимаемы такъ или иначе, *смотря по свойствамъ понимающаго, степени пониманія, жизненному настроенію.* Держать понимающаго на вѣсу между одною и другою иносказательностью; говорить то, что хорошо и для понимающаго ребенка, но что будетъ хорошо и при разнообразныхъ болѣе глубокихъ примѣненіяхъ въ смыслѣ, могутъ только натуры глубокія. Таковы —„Кавказъ", „Обвалъ" Пушкина. Сюда рядъ стихотвореній Тютчева.

„Утро въ горахъ" (II-ое изд., 1868 г.)

Лазурь небесная смѣется,
Ночной омытая грозой,
И между горъ росисто вьется
Долина свѣтлой полосой.
Лишь высшихъ горъ до половины
Туманы покрываютъ скатъ,
Какъ бы воздушныя руины
Волшебствомъ созданныхъ палатъ.

„Снѣжныя горы“ (III.... И между тѣмъ какъ, полусонный, нашъ дольній міръ....);

„Яркій снѣгъ сіялъ въ долинѣ
Снѣгъ растаялъ и ушелъ...:
А который вѣкъ бѣлѣетъ
Тамъ, на высяхъ снѣговыхъ“ (XXXII).

„Надъ виноградными холмами“ (XXXIV). *Женева*:

„Утихла буря, легче дышетъ
Лазурный сонмъ женевскихъ водъ....
А тамъ въ торжественномъ покоѣ,
Разоблаченная съ утра
Сіяетъ Бѣлая гора,
Какъ откровенье неземное“.

„Хотя я и свилъ гнѣздо въ долинѣ“ (CXLV) Ср. Пушкина „Монастырь на Казбекѣ“:

Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ:
Туда бъ въ заоблачную келью
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ“.

Въ томъ случаѣ, когда поэтъ прямо, или же недопускающими двусмысленности намеками направляетъ мысль къ такому, а не другому пониманію образа, этотъ послѣдній становится подчиненнымъ моментомъ болѣе сложнаго образа, заключающаго въ себѣ и толкованіе, сдѣланное самимъ поэтомъ. Получается новая форма: параллелизмъ мысли, иногда явственный и въ расположеніи и въ выраженіи, иногда болѣе или менѣе скрытый. Таковъ напр. рядъ стихотвореній Тютчева, какъ бы служащихъ отвѣтомъ на вопросъ: „*Что внизу?*“, сосредоточивающихъ интересъ не столько на самомъ образѣ, сколько на его примѣненіи. Стих. Тютчева, *Ива* (VIII):

„Что ты клонишь надъ водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листами,
Словно жадными устами
Ловишь бѣглую струю?

Хоть томится, хоть трепещетъ
Каждый листъ твой надъ струей,
Но струя бѣжитъ и плещетъ,
И, на солнцѣ нѣжась, блещетъ
И смѣется надъ тобой".

(Неудовлетворимость стремленій къ наслажденію и счастью, равнодушная природа).

Фонтанъ (XXVIII): „Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится...."

(Неудовлетворимость стремленій къ знанію, роковой предѣлъ человѣческой жизни—явственный параллелизмъ въ выраженіи и расположеніи частей).

„Какъ надъ горячею золой
Дымится свитокъ и сгараетъ....
Такъ грустно тлится жизнь моя...."

(Жажда полной, хотя бы и мгновенной жизни—явственная подчиненность образа „какъ-такъ"):

„Дума за думой, волна за волной—
Два проявленья стихіи одной....
Тотъ же все призракъ тревожно пустой (CXIV).

„Не разсуждай, не хлопочи.... Безумство ищетъ, глупость судитъ.... Чего желать, о чемъ тужить?" (CXV).

„*Равнодушная природа*": Пушкинъ, Евг. Он., VII, 1—3: „Гонимы вешними лучами" и пр. Тютчевъ, „Весна": „Какъ ни гнететъ рука судьбины.... Что устоитъ передъ дыханьемъ и первой встрѣчею весны?".... (IX); „И гробъ опущенъ ужъ въ могилу.... А небо такъ нетлѣнно чисто (противоположность тлѣнья и нетлѣнности); „Гроза прошла. Еще курясь, лежалъ высокій дубъ, перунами сраженный.... А ужъ давно звучнѣе и полнѣй пернатыхъ пѣснь по рощѣ раздалася.... (LXXXV)—здѣсь, какъ совершившееся, то, что, какъ *желаніе*, въ стих. Пушкина „Аквилонъ": „Пускай же солнца ясный ликъ отнынѣ радостью блистаетъ" и пр.; „Конченъ пиръ, умолкли хоры.... Какъ надъ этимъ дольнимъ чадомъ.... Звѣзды чистыя горѣли...." (CVI); Est in arundineis

modulatio musica ripis: „Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ,... И отчего же въ общемъ хорѣ Душа не то поетъ, что море, И ропщетъ мыслящій тростникъ?“ (CLX); „Смотри, какъ западъ загорѣлся Вечернимъ заревомъ лучей, Востокъ померкнувшій одѣлся Холодной сизой чешуей! (предвѣстія войны) Въ враждѣ ль они между собою? Иль солнце не одно для нихъ и, неподвижною средою дѣля, не съединяетъ ихъ?“ (XXXV) — „Жалкій человѣкъ! Чего онъ хочетъ? Небо ясно, подъ небомъ мѣста много всѣмъ“.... *Валерикъ* Лермонтова; ср. его же „Парусъ“.

Равнодушная новая жизнь: XVIII „Какъ птичка раннею порою“.... Какъ грустно полусонной тѣнью,

Съ изнеможеніемъ въ кости,
На встрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести!“

Уйти! („Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть. Лерм.)—Тютчевъ: „Душа хотѣла-бъ быть звѣздой, Но не тогда, какъ съ неба полуночи.... Но днемъ, когда сокрытыя, какъ дымомъ“.... (XXIV). „Еще шумѣлъ веселый день.... И мнѣ казалось, что меня какой-то миротворный геній, Изъ пышнозолотого дня Увлекъ незримо въ царство тѣней!“ (XXVI).

Когда, что звали мы своимъ,
На вѣкъ отъ насъ ушло....
Пойдемъ и взлянемъ вдоль рѣки....
.... Душа впадаетъ въ забытье,
И чувствуетъ она,
Что вотъ умчала и ее
Великая волна.... (CXXXI).

(Ср. CLVII). „Какъ хорошо ты, о море ночное... Волны несутся, гремя и сверкая, Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты.... Въ этомъ волненьи, въ этомъ сіяньи, Вдругъ онѣмѣвъ, я потерянъ стою, И какъ охотно бы въ ихъ обаяньи Всю потопилъ бы я душу свою“.

Душа „съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться“ (Тютчевъ, XXIII).

„Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ....
.... За льдиной льдина вслѣдъ плыветъ....

.... Всѣ вмѣстѣ—малыя, большія....
.... Сольются съ бездной роковой!...
О нашей мысли обольщенье,
Ты, человѣческое я!
Не таково ль твое значенье?
Не такова ль судьба твоя? (LXIV).

А пока: „Какъ ни гнетъ рука судьбины.... И ринься, бодрый, самовластный, Въ сей миротворный океанъ!... И жизни божески-всемірной, Хотя на мигъ причастенъ будь! (Весна, IX).

Уйти въ себя: Silentium: „Молчи скрывайся и таи И чувства и мечты свои“.... (XVII); „Душа моя—элизіумъ тѣней“. (XXI).

Въ міръ безсознательнаго, въ міръ сновидѣній: „Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной, Земная жизнь кругомъ объята снами..... (XI). Этому настроенію сродни ночь: *Видѣніе* (XLII): „*Есть нѣкій часъ всемірнаго молчанья*“...; *День и ночь* (XXXVIII):

На міръ таинственный духовъ,
Надъ этой бездной безымянной,
Покровъ наброшенъ златотканный....
Но меркнетъ день, настала ночь,
Пришла, и съ міра рокового
Ткань благодатную покрова
Собравъ, отбрасываетъ прочь,
И бездна намъ обнажена....

„Святая ночь на небосклонъ взошла
И день отрадный, день любезный,
Какъ золотой коверъ свила,—
Коверъ, накинутый надъ бездной....
И, какъ видѣнье, внѣшній міръ ушелъ....
И человѣкъ, какъ сирота бездомный,
Стоитъ теперь и немощенъ и голъ,
Лицомъ къ лицу предъ этой бездной темной.

И чудится давно минувшимъ сномъ
Теперь ему все свѣтлое живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаетъ наслѣдье родовое.... (XCV).

Первоначальное мѣсто образа въ тѣсномъ смыслѣ (=представленіе въ словѣ) въ говорящемъ (поэтѣ)—до опредѣленнаго значенія, въ понимающемъ—до всякаго значенія. Но при созданіи сложныхъ поэтическихъ образовъ матеріяломъ могутъ служить и прежніе продукты поэтическаго познанія. Отъ вышеприведеннаго случая, когда главнымъ является примѣненіе, слѣдующее за образомъ,—одинъ шагъ къ тому случаю, когда примѣненіе и по мѣсту является первымъ, а образъ въ тѣсномъ смыслѣ, при помощи коего нѣкогда создано было примѣненіе, вторымъ, какъ по придаточности значенія, такъ и по мѣсту. Эта поэтическая перестановка (inversio) можетъ быть названа сравненіемъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Біографъ Тютчева разсказываетъ, что разъ Тютчевъ, воротившись домой въ ненастную осеннюю ночь на открытыхъ извощичьихъ дрожкахъ, весь промокшій, сказалъ дочери, помогавшей ему снимать мокрое платье: „я сложилъ нѣсколько стиховъ“. Это было стихотвореніе (XCVI):

Слёзы людскія, о слёзы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя
Неистощимыя, неисчислимыя
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую ночною порой.

Премиссы этого стихотворенія: а) готовое, извѣстное съ незапамятныхъ временъ сравненіе: “дождь, это слезы“; б) общее печальное настроеніе, вызванное слышаннымъ или видѣннымъ, можетъ быть, въ тотъ вечеръ. Подъ вліяніемъ этого настроенія впечатлѣніе минуты (глухая пора, дождь льетъ, льетъ, льетъ) сли-

вается съ первымъ членомъ сравненія *а* и объясняется вторымъ выдвигая въ немъ признаки (постоянство, безвѣстность, незримость, неистощимость), которыя опять обращаютъ мысль къ дождю. Такимъ образомъ въ инверсіи тотъ же путь проходится мыслью дважды. Ср. Пушкина „Я пережилъ свои желанья"—*образъ, лежащій въ основѣ стихотворенія,—въ концѣ*:

„Такъ позднимъ хладомъ пораженный,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженный
Трепещетъ запоздалый листъ".

(Бѣлинскій, VIII, 331).

„Узникъ"—орелъ въ клѣткѣ:

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ...?

Вакхическая пѣсня—„Что смолкнулъ веселія гласъ...?

Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума"...

Вліяніе поэзіи. Героизмъ.

Случаи *А* и *Б* могутъ разсматриваться не только, какъ направленные къ познанію, имѣющіе теоретическое значеніе, но и со стороны практической, какъ вліяющіе на измѣненіе дѣйствительности черезъ посредство чувствъ, производимымъ ими въ понимающемъ. Эта сторона поэтической иносказательности (метонимичное заключеніе отъ причины къ дѣйствію) сходна съ практическимъ значеніемъ музыки, возбуждающей бодрость или уныніе, радость или печаль и посредствомъ этихъ чувствъ вліяющей на дѣйствія. Всякій поэтическій образъ, черезъ посредство своей метафоричности въ тѣсномъ смыслѣ или типичности (т. е. черезъ

моментъ познанія), можетъ производить такое вліяніе мимоходомъ. На этомъ основано распространенное мнѣніе о нравственномъ, воспитательномъ, облагораживающемъ значеніи поэзіи вообще,— мнѣніе, къ которому надобно прибавить и обратное.

Но есть роды поэзіи, которые небудучи дидактичны въ тѣсномъ смыслѣ, достигаютъ практической цѣли возвеличеніемъ или умаленіемъ дѣйствительности. Сюда, во 1-хъ, обширный—древній родъ величаній, выродившійся между прочимъ въ лжеклассическое хвалебное стихотворство. Въ русской народной поэзіи этотъ родъ представленъ между прочимъ обширнымъ и прекраснымъ разрядомъ малорусскихъ колядокъ и щедровокъ. Пѣсни эти, по случаю начала новаго періода земледѣльческой жизни (отчасти и пастушеской), „новаго лѣта", ставятъ лица, коимъ поются (хозяина, хозяйку, сына, дочь) въ идеальныя, желанныя положенія; иногда явственно апотеозируютъ ихъ, для того чтобы „дім звеселити", чтобъ это желанное осуществилось. Они основаны на вѣрѣ въ таинственную силу слова, въ то, что слово есть сущность, слово— дѣло; что произнесеніе настоящаго слова, если и не есть еще осуществленіе, то прямо ведется къ нему: „від сёго слова бувай же здоров!" или вр. „кому поёмъ, тому выпоемъ", „тому сбудется, неминуется".

Мы давно пережили эту вѣру и удержали память о ней лишь въ немногихъ выраженіяхъ, какъ „будьте здоровы" и т. п.; но есть область, въ которой и мы должны признать слово за дѣло, въ которой казаться тоже, что быть.

Склонность дѣтей къ героизму наблюдается отъ времени до времени въ слѣдующемъ: гимназистъ 3-го класса, начитавшись Майнъ-Рида, отправляется странствовать, съ намѣреніемъ переплыть океанъ и пр. Жаль только, если для этого онъ крадетъ у родныхъ и знакомыхъ; жаль, если онъ при этомъ обнаруживаетъ весьма скудныя географическія познанія. Если мальчикъ, вообразивши себя сказочнымъ героемъ, размахиваетъ линейкой, какъ мечомъ, то по какимъ признакамъ можемъ его счесть не дѣйствительнымъ героемъ въ ту минуту? Если потомъ въ жизни

ему случится съ напряженіемъ силъ или съ потерею здоровья и жизни сдѣлать что-либо доброе и великое, то не будетъ ли это дѣло (практическій героизмъ) корениться въ томъ (идеальномъ) размахиваньи линейкою? И не можетъ ли случиться, что при этомъ дѣлѣ онъ будетъ такъ поглощенъ его техникой, что для чувства неостанется мѣста? Если такъ, то героизмъ, какъ чувство полноты силъ, какъ счастье, скорѣе тогда, когда ребенокъ размахиваетъ линейкой, чѣмъ послѣ. Кто воображаетъ себя счастливымъ, тотъ дѣйствительно счастливъ. Тутъ не можетъ быть разницы между дѣйствительнымъ и мнимымъ.

Мысль, что истинный героизмъ не зависитъ отъ того, совершено ли дѣйствіе, выдерживающее критику или нѣтъ, находитъ себѣ иллюстрацію у Гейне и у Гёте.

(Die Tyroler).... von der Politik wissen sie nichts, als dass sie einen Kaiser haben, der einen weissen Rock und rothe Hosen trägt.... Als nun die Patrioten zu ihnen hinaufkletterten und ihnen beredtsam vorstellten, dass sie jetzt einen Fürsten bekommen, der einen blauen Rock und weisse Hosen trage, da griffen sie zu ihren Büchsen, und küssten Weib und Kind und stiegen von den Bergen hinab, und liessen sich todtschlagen für den weissen Rock und die lieben alten rothen Hosen. Im Grunde ist es auch dasselbe, fur was man stirbt, wenn nur für etwas liebes gestorben wird, und so ein warmer treuer Tod ist besser, als ein kaltes, treuloses Leben. Schon allein die Lieder von einen solchen Tode, die süssen Reime und lichten Worte erwärmen unser Herz, wenn feuchte Nebelluft und dringliche Sorgen es betrüben wollen. Heine, Reisebilder.

Ср. Гёте (Der neue Amadis): „Als ich noch ein Knabe war.... du warst mein Zeitvertrieb, goldne Phantasie; und ich war ein warmer Held, wie der Prinz Pipi, und durchzog die Welt.

Страданія и радости отъ воображаемыхъ и дѣйствительныхъ причинъ одинаково дѣйствительны. У Л. Толстого („Отрочество“) есть параллель къ Гётевскому Амадису: глава XV „мечты“ въ чуланѣ—„И какъ скоро вхожу въ колею прежнихъ мечтаній, я вижу, что продолженіе ихъ невозможно и, что всего удивительнѣе,

не доставляетъ мнѣ никакого удовольствія". Гёте: „Ach!. wer hat sie mir entführt? Hielt kein Zauberband sie zurück vom schnellen Fliehn? Sagt, wo ist ihr Land? Wo der Weg dahin? (D. n. Amadis),

Такимъ образомъ, хотя бы и пошатнулась и исчезла вѣра въ чудесную силу слова, но если героическіе образы, пѣсни таковы, что слушающіе примѣняютъ ихъ къ себѣ; то практическая цѣль величанья достигается.

Въ письменной поэзіи созданіе положительныхъ идеаловъ, направленныхъ къ этой цѣли, затруднено нашей разборчивостью:

„Мечты поэта!
„Историкъ строгій гонитъ васъ".

А такъ какъ этотъ историкъ болѣе—менѣе въ каждомъ изъ насъ, то мы неможемъ сказать:

„Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ";

ибо то, что мы признаемъ за обманъ, уже неспособно насъ возвышать.

Но если трудно найти натуру и краски для „насъ возвышающаго" цѣльнаго лица, то можно ее найти для взаимодѣйствія образовъ, событій, чувствъ, коихъ совокупность можетъ произвести тоже (веселящее) бодрящее, облагораживающее дѣйствіе. Кромѣ того, есть и другой протертый путь, косвенно ведущій къ той же цѣли—сатира, въ коей дѣйствуетъ „одно честное благородное лицо"—„смѣхъ".

Счастлива литература, обладающая образами, которые способны давать такое направленіе героизму отрочества и юности. Счастливы поколѣнія, которыя такими впечатлѣніями молодости предохранены отъ скуки жизни. Поэзія способна формировать, давать форму мечтамъ юности. Потребность положительныхъ типовъ глубоко чувствовалъ Гоголь (онъ искрененъ въ этомъ). Онъ сознавалъ и невозможность создавать такіе типы безъ увѣренности въ ихъ существованіи въ дѣйствительности, и опасность пессимизма.

Великіе люди невсегда велики въ глазахъ не однихъ своихъ каммердинеровъ; но великъ міръ, человѣчество, народы, событія даже до ежедневныхъ, если понято ихъ значеніе.

„Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей". Евг. Онѣг. I. XLVI.

Это истина, однако, неполная. Принятая за полную, она ведетъ къ теоретическимъ заблужденіямъ и разрушаетъ нравственность. Въ приложеніи къ „народу" воспитательно дѣйствуетъ идеализація мужика, знакомство съ народной поэзіей. Пусть мужикъ дуренъ, но между прочимъ поэзія его хороша. Слѣдовательно, онъ не весь дуренъ и главное въ немъ, какъ и въ человѣкѣ вообще, можетъ быть не то, что онъ дуренъ, а то, что онъ способенъ къ хорошему.

Цѣль въ искусствѣ. Чистая и дидактическая поэзія. Картина Крамского „Христосъ".

„Выраженіе „*искусство безцѣльно*"—образно и, какъ всякое образное выраженіе, можетъ посредствомъ ложныхъ толкованій легко быть доведено до абсурда.[1] Одно изъ самыхъ слабыхъ возраженій—заимствованное изъ сравненія съ тѣмъ, что само внѣ научнаго познанія: „искусство также не можетъ быть безцѣльно, какъ не безцѣльны созданія его небеснаго первообраза, божественнаго всемогущества" Wackernagel, Poetik. Но человѣкообразное представленіе Бога, имѣющаго *цѣли*, слѣдовательно, нѣчто въ данный моментъ имъ недостигнутое, его ограничивающее,—несовмѣстимо съ безпредѣльностью и совершенствомъ Божества. Оставаясь на человѣческой почвѣ, слѣдуетъ разсмотрѣть сначала безспорныя стороны вопроса.

Художественныя произведенія, вызванныя изъ нѣкотораго стремленія художника, заключаютъ собою это стремленіе и служатъ

[1] Осуждая излишнюю науку, какъ она нынѣ водится, Толстой: „я знаю, что по своему опредѣленію наука должна быть безполезна, т. е. наука для науки, но вѣдь это очевидная отговорка. Если наука служитъ народу" —„Наука еще можетъ ссылаться на свою лучшую отговорку, что наука дѣйствуетъ для науки, а что, когда она разработается учеными, она станетъ доступною и народу; но искусство, если оно искусство, должно быть доступно всѣмъ, и въ особенности тѣмъ, во имя которыхъ оно дѣлается".

его цѣлью. Такимъ образомъ вопросъ состоитъ только въ присутствіи или отсутствіи внѣшнихъ цѣлей. Безспорно также отличіе цѣли отъ дѣйствія: имѣло ли *цѣль художественное произведеніе или нѣтъ*, дѣйствіе, вліяніе его, если оно воспринимается, неподлежитъ сомнѣнію. Наконецъ, безспорно, что самъ художникъ можетъ имѣть внѣшнія цѣли и можетъ неимѣть ихъ. Уже изъ этого вытекаетъ, что изреченіе „безцѣльность искусства", понятое безусловно,—ошибочно. И такъ вопросъ состоитъ въ оцѣнкѣ послѣдствій присутствія или отсутствія внѣшнихъ цѣлей въ искусствѣ.

Безъ образа нѣтъ искусства, въ частности поэзіи. Безъ многосложности, конкретности нѣтъ образа. Искусство всѣхъ временъ направляетъ усилія къ достиженію внутренней цѣли. Извѣстная множественность чертъ и прочность ихъ связи, т. е. легкость, съ которою ихъ совокупность схватывается и сохраняется понимающимъ, есть мѣра художественности. Если кто-либо рѣшилъ заранѣе доказать или внушить нѣчто и такимъ образомъ сознательно стремится къ опредѣленной цѣли и доказываетъ *примѣромъ*, изъ котораго вытекаетъ только то, что имѣло быть доказано; то онъ—прозаикъ, ученый, моралистъ, проповѣдникъ, пророкъ, но не художникъ. Если онъ, выбравъ примѣръ, находитъ удовольствіе въ его изображеніи и, увлеченный, сообщаетъ своему примѣру жизненность, конкретность; [1]) то неизбѣжно примѣръ будетъ говорить больше того, или вовсе не то, что предположено. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ натуры художника, дидактическая цѣль явится чѣмъ-то второстепеннымъ.

Поэтическое дидактическое произведеніе удалится отъ прозы и приблизится къ чисто поэтическимъ произведеніямъ. Такимъ образомъ по присутствію или отсутствію внѣшней сознательной цѣли поэзія дѣлится на дидактическую въ обширномъ смыслѣ и чистую.

Чтобы быть дидактикомъ и въ тоже время поэтомъ, нужно обладать любовью къ истинѣ, недопускающею искаженія примѣра

[1]) Das ist die wahre Symbolik, wo das Besondere das Allgemeinere repräsentiert, nicht als Traum und Schatten, sondern als lebendig augenblickliche Offenbarung des Unerforschlichen. Göthe, Spr. 137.

въ угоду тому, что имъ должно быть доказано. Подъ этимъ условіемъ дидактическая поэзія равноцѣнна съ чистою. Достоинство дидактической поэзіи зависитъ также отъ того, что ею должно быть доказано. Это demonstrandum можетъ быть образомъ характера и настроенія самаго поэта. Такимъ образомъ дидактическая поэзія является субъективной и въ извѣстномъ смыслѣ лирической. Этотъ лиризмъ и дидактичность—въ лицахъ романовъ, драмъ, устами коихъ говоритъ самъ авторъ.

Мое отношеніе къ Шиллеру, говоритъ Гёте, основывалось на опредѣленномъ направленіи къ одной цѣли; наша дѣятельность сообща (unser Gemeinsamthätigkeit)—на различіи средствъ, какими мы старались достигнуть этой цѣли. По поводу тонкаго различія между нами, которое было предметомъ нашего разговора, и о которомъ напоминаетъ мнѣ одно мѣсто Шиллерова письма, мнѣ пришли слѣдующія мысли: большая разница, ищетъ ли поэтъ частнаго ко всеобщему, или же видитъ онъ въ частномъ всеобщее. Изъ перваго пріема возникаетъ аллегорія, гдѣ частное имѣетъ лишь значеніе примѣра (Beispiel, Exempel), образца всеобщаго; второй же пріемъ есть сущность поэзіи въ собственномъ смыслѣ (ist eigentlich die Natur der Poesie): онъ высказываетъ частное, не думая объ общемъ или неуказывая на него. Кто живо восприметъ это частное, тотъ вмѣстѣ съ нимъ получаетъ и общее, незамѣчая этого вовсе или замѣтивъ лишь поздно" (Göthe, Sprüche IV, 149). Тѣмъ неменѣе Шиллеръ все также поэтъ.

(Mahomet).... heftig behauptet und betheuert, er sei Prophet und nicht Poet, und daher auch sein Koran als göttliches Gesetz und nicht etwa als menschliches Buch, zum Unterricht oder zum Vergnügen, anzusehen.

Wollen mir nun den Unterschied zwischen Poeten und Propheten näher andeuten, so sagen wir: beide sind von einem Gott ergriffen und befeuert; der Poet aber versendet die ihm verliehene Gabe im Genuss um Genuss hervorzubringen, Ehre durch das hervorgebrachte zu erlangen, allenfalls ein bequemes Leben. Alle übrigen Zwecke versäumt er, sucht mannigfaltig zu sein, sich in Gesin-

nung und Darstellung gränzenlos zu zeigen. Der Prophet hingegen sieht nur auf einem einzigen bestimmten Zweck; solchen zu erlangen bedient er sich der einfachsten Mittel. Irgend eine Lehre will er verkünden und, wie um eine Standarte, durch sie und um sie die Völker versammeln. Hiezu bedarf er nur, das die Welt glaube; er musst also einsönig werden und bleiben; denn das Mannigfaltige glaubt man nicht, man erkennt es". Göthe, Westöst. Diwan.

Стасовъ, И. Н. Крамской по его письмамъ и статьямъ (ст. 2-я В. Евр. 1887. Дек.).

Крамской о своей картинѣ „Христосъ въ пустынѣ": уже пять лѣтъ неотступно онъ стоялъ передо мною; я долженъ былъ написать его, *чтобы отдѣлаться*.... Во время работы за нимъ я, много думая, молился и страдалъ.... Бывало вечеркомъ уйдешь гулять и долго по полямъ бродишь, до ужаса дойдешь,—и вотъ видишь фигуру старую. На утрѣ, усталый, измученный, изстрадавшійся, сидитъ одинъ между... печальными, холодными камнями. Руки судорожно и крѣпко сжаты; пальцы впились, ноги поранены и голова опущена. Онъ крѣпко задумался, давно молчитъ, такъ давно, что губы даже какъ будто запеклись, глаза незамѣчаютъ предметовъ, и только время отъ времени брови шевелятся, повинуясь законамъ мускульнаго движенія. Ничего онъ нечувствуетъ; нечувствуетъ, что холодно немножко, нечувствуетъ, что у него всѣ члены уже какъ будто окоченѣли отъ продолжительнаго и неподвижнаго сидѣнья. Нигдѣ ничего нешевельнется, только у горизонта чорныя облака плывутъ отъ востока да нѣсколько волосковъ по воздуху стоитъ горизонтально отъ вѣтерка. И онъ все думаетъ, все думаетъ.... Вы спрашиваете: „могу ли я написать Христа?...." совершилъ можетъ быть профанацію, но немогъ неписать. Долженъ былъ написать.... не могъ обойтись безъ этого.... мнѣ иногда кажется, что это какъ будто и похоже на ту фигуру, которую я по ночамъ видѣлъ, то вдругъ—никакого сходства. Словомъ грустное сознаніе (извѣстной степени прозаичности изобра-

женія), что мнѣ нѣтъ другого удѣла, какъ изображать самые тривіальные портреты съ самыхъ обыденныхъ личностей.... (468—9).

Съ натуры ли пишетъ художникъ? „Фигура Христа меня очень долго преслѣдовала.... я видѣлъ эту думающую, тоскующую, плачущую фигуру.... я видѣлъ ее, какъ живую. Однажды слѣдуя за нею, я вдругъ почти натолкнулся на нее, именно на разсвѣтѣ: именно она такъ сидѣла, сложивши руки, опустивши голову; ротъ отъ долгаго молчанія почти помертвѣлъ. Онъ меня незамѣтилъ. Я тихонько, на цыпочкахъ удалился, чтобы не мѣшать, и затѣмъ ужъ я забылъ немногое... Мнѣ надо было сдѣлать, чтобы *хотя сколько-нибудь [illegible]*. Все это такъ есть, невыдумано; я все такъ видѣлъ. Случайно вся обстановка была именно такова". 469—70.

Спустя 5 лѣтъ онъ пишетъ о той же картинѣ: „подъ вліяніемъ ряда впечатлѣній у меня осѣло очень тяжелое ощущеніе отъ жизни (Какое? А—для критики недоступно). Я вижу ясно, что есть одинъ моментъ въ жизни каждаго человѣка, мало-мальски созданнаго по образу и по подобію Божію, когда на него находитъ раздумье: пойти ли направо или налѣво? Я, по собственному опыту, по моему маленькому, могу догадываться о той страшной драмѣ, какая разыгрывалась во времена историческихъ кризисовъ. И вотъ у меня является страшная потребность разсказать другимъ то, что я думаю. Но какъ разсказать?

Чѣмъ, какимъ способомъ я могу быть понятъ? *По свойству натуры*, языкъ *іероглифа* для меня доступнѣе всего (здѣсь — разница между художникомъ и ученымъ). И вотъ я *однажды*, когда особенно былъ этимъ занятъ, гуляя, работая, лежа и пр. и пр., вдругъ увидалъ фигуру, сидящую въ глубокомъ раздумьѣ. Я очень осторожно началъ всматриваться, ходить около нея, и во время моего наблюденія, очень долгаго, она не пошевелилась, меня не замѣчала. Его дума была такъ серьезна и глубока, что я заставалъ его постоянно въ одномъ положеніи. Онъ сѣлъ такъ, когда солнце было еще передъ нимъ, сѣлъ усталый, измученный, сначала проводилъ глазами солнце, затѣмъ незамѣтилъ ночи, и на зарѣ уже,

когда солнце должно было подняться сзади его, онъ все продолжалъ сидѣть неподвижно.... Мнѣ стало ясно, что онъ занятъ важнымъ для него вопросомъ, настолько важнымъ, что къ страшной физической усталости онъ нечувствителенъ. Онъ точно постарѣлъ на 10 лѣтъ. Но всеже я догадывался, что это такого рода характеръ, который, имѣя силу все сокрушить, одаренный талантами покорить себѣ весь міръ, рѣшается несдѣлать того, куда влекутъ его наклонности. Кто это былъ? *Я незнаю.* По всей вѣроятности, это была галлюцинація; я въ дѣйствительности, надо думать, невидалъ его. Мнѣ показалось, что это всего лучше подходитъ къ тому, что мнѣ хотѣлось разсказать. Тутъ мнѣ даже ничего ненужно было придумывать: я только старался скопировать. И когда кончилъ, то далъ ему дерзкое названіе. Я знаю только, что утромъ, съ восходомъ солнца человѣкъ этотъ исчезъ. И я *отдѣлался отъ постояннаго его преслѣдованья*. То есть, я незнаю, кто это. Это есть выраженіе моихъ личныхъ мыслей“ 470—1.

„Какъ надо понимать, спрашиваетъ Стасовъ, утвержденіе Крамского въ 1878 г., что картина названа „Христомъ“ только по окончаніи ея, между тѣмъ какъ изъ письма еще 1872 г. мы знаемъ, что картина носила именно это названіе и имѣла именно эту задачу еще до приступа къ писанью ея? Кажется, все это произошло изъ желанія сдѣлать не картину, а, говоря словами самого Крамского, *іероглифъ*, т. е. произошло отъ того, что художественныя цѣли были тутъ второстепенны, а на мѣсто ихъ на лицо была лишь задача разсудочная (а плакалъ?!), заимствовавшая отъ искусства лишь форму. Тѣмъ неменѣе къ картинѣ было немало достоинствъ *истинно художественныхъ*. Общее расположеніе, поза, освѣщеніе, драпировка, даже отчасти тонъ, были прекрасны. ....Былъ у нея одинъ сильный недостатокъ, много портившій все дѣло: это элегическое, меланхолическое выраженіе, приданное лицу Христа. *Всѣмъ дорогъ, важенъ и нуженъ* въ картинѣ Христосъ дѣйствующій, проповѣдующій, совершающій великія дѣла, а не сомнѣвающійся и разслабленный, затрудненный и нерѣшительный, какимъ вздумалъ его представить Ге (Тайная вечеря) и Крамской.

Это было только дѣломъ ихъ личнаго настроенія и характера" (этого мало!). Еще въ дневникѣ 1873 г. Крамской называетъ своего Христа „меланхолическимъ". Онъ пишетъ въ 1876 г. „Васильевъ часто меня (въ 1871 г.) спрашиваетъ: зачѣмъ у меня въ большинствѣ случаевъ такое горестное выраженіе, когда я счастливъ? Онъ того не могъ понять, что личное счастье еще не заполняетъ жизни". Какая разница — Ивановъ съ его „Явленіемъ Христа Народу": здѣсь Христосъ является твердымъ, рѣшительнымъ, увѣреннымъ въ себѣ и въ своемъ дѣлѣ, идущимъ мужественно навстрѣчу великимъ событіямъ" (471).

Отсюда слѣдуетъ, что какъ субъективенъ художникъ, такъ и зритель, слушатель, читатель, и что художнику остается искать своего цѣнителя. Въ „Людяхъ 40-хъ годовъ" Писемскаго герой читаетъ свой романъ двумъ женщинамъ. „Онъ полагалъ, что раздирающія душу и въ тоже время, какъ ему казалось, исполненныя житейской правды сцены непремѣнно поразятъ его слушательницъ", но одну „просто мучила ревность" (такъ какъ въ изображенной имъ женщинѣ она узнавала другую, а не себя), а другая „m-lle Прыхина... полагала, что дѣлу писателя всего приличнѣе описывать какого-нибудь рыцаря или по крайней мѣрѣ хоть и штатскаго молодого человѣка, но ѣдущаго на конѣ, и съ нимъ встрѣчается его возлюбленная въ платьѣ амазонки и тоже на конѣ и т. п.". „Зачѣмъ описывать то, что мы знаемъ, видимъ и встрѣчаемъ каждый день? Это уже и безъ того наскучило"... „никогда, ни на какой картинѣ мужикъ не можетъ быть интересенъ! никогда!" А „Монте-Кристо — прелесть, чудо!" (Писемск. Соч. XVI. 92—3).

Въ 1872 г. Крамской писалъ: „Надо написать еще Христа... т. е. не собственно его, а ту толпу, которая хохочетъ во все горло, всѣми силами своихъ громадныхъ животныхъ легкихъ. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите: написанъ хохотъ. „Я, говоритъ, знаю одинъ, гдѣ спасеніе. Меня послалъ Онъ, и я Его сынъ. Я знаю, чего Онъ хочетъ. Идите за мною!" Его схватили. „Попался. Ага! Вотъ онъ!" — „Постойте, пока наша власть! Знаемъ его", говорятъ солдаты: „онъ царь, говоритъ! Ну хорошо, нарядимъ его шутомъ

царемъ!“ (изъ другого письма).—Чудесно! Сейчасъ все готово, и господамъ докладываютъ. И вотъ все высыпало на крыльцо, на дворъ, и все, что есть, покатывается со смѣху. На важныхъ лицахъ благосклонная улыбка, сдержанная, легкая: тихонько хлопаютъ въ ладоши; чѣмъ дальше отъ интеллигенціи, тѣмъ шумнѣе веселость, а на низменныхъ ступеняхъ развитія—гомерическій хохотъ. Христосъ блѣденъ, прямъ и спокоенъ, только кровавая пятерня отъ пощечины горитъ на щекѣ.

Изъ 1-го письма: „И пошла гулять по свѣту слава о бѣдныхъ сумасшедшихъ, захотѣвшихъ указать дорогу въ рай. И такъ это понравилось, что вотъ до сихъ поръ все еще покатываются со смѣху“ (472—3). „Не знаю какъ вы, а я вотъ уже который годъ слышу всюду этотъ хохотъ“.

Въ 1878 г. К. писалъ Гаршину: „Художниковъ — двѣ категоріи, рѣдко встрѣчающихся въ чистомъ видѣ: одни объективные, наблюдающіе жизненныя явленія и ихъ воспроизводящіе добросовѣстно, точно; другіе субъективные. Эти послѣдніе формулируютъ свои симпатіи и антипатіи... подъ впечатлѣніемъ жизни и опыта... Я вѣроятно принадлежу къ послѣднимъ. Позднѣе, въ 1885 г. подъ впечатлѣніемъ картины Рѣпина „Иванъ Грозный съ сыномъ“: „Я былъ очень благополученъ, придумавъ теорію, что историческая картина постольку интересна, нужна.... поскольку она параллельна... къ современности, и поскольку можно предложить зрителю намотать себѣ что-нибудь на усъ.... но теперь къ чорту полетѣли всѣ теоріи“. 476.

Стасовъ: „Въ этихъ его картинахъ не само событіе, не самъ Христосъ были ему важны и нужны, а та отвлеченная идея, которая была у него въ головѣ. У Крамского въ эту минуту были въ головѣ *примѣръ*, *доказательство*, *указаніе*, выводъ, и онъ употреблялъ искусство, какъ іероглифъ, какъ полезную формулу.... Свою мысль.... онъ могъ бы доказать и показать на сто разныхъ другихъ манеровъ“. (Точно ли? А признаніе Крамского, что этотъ образъ преслѣдовалъ его много лѣтъ?). Совершенно другое было всегда въ созданіяхъ великихъ живописцевъ, незадававшихся мыслью

поучать картинами, они ничего не хотѣли ни доказывать ни указывать (?); имъ былъ важенъ, дорогъ самъ изображаемый фактъ; имъ нужна была вотъ эта самая изображаемая личность. а никакая другая (слѣдовательно. художественны только этюды, портреты?). Для ихъ чувства и представленія въ эту минуту несуществовало никакой другой сцены и личности, небыло возможности замѣнить ихъ какою-то другою сценою и личностью. Такова и картина Иванова „Явленіе Христа народу". Тутъ нѣтъ никакой разсудочной подкладки. никакого намѣренія что бы то ни было доказать. Иванову страстно хотѣлось только изобразить дорогое и высокое для него событіе. какъ оно въ самомъ дѣлѣ было (!) или, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ только Ивановъ способенъ былъ его схватить и выразить *во всей правдѣ*.... И это стало ясно Крамскому только очень поздно, уже тогда. когда картина его была давнымъ давно рѣшена и написана".

Заранѣе опредѣлить границы. въ коихъ долженъ держаться художникъ, нельзя: но ясно. что субъективизмъ и дидактичность, доведенные до краю, приводятъ (при здравомысліи) къ научному обобщенію. для котораго тотъ или другой примѣръ безразличенъ, т. е. примѣръ схематиченъ: объективизмъ. доведенный до краю, прежде всего дѣлаетъ невозможной историческую живопись (ибо здравомыслящій художникъ долженъ же сознавать, что его изображенія прошедшаго въ высокой мѣрѣ субъективны), затѣмъ доводитъ до абсурда копированіе дѣйствительности, ибо зачѣмъ работа Данандъ—переносить на полотно неизмѣримо малую часть впечатлѣній одинаково безразличныхъ. при томъ съ сознаніемъ. что наша копія воспріятія все таки вполнѣ субъективна.

Вдохновеніе.

Съ точки миѳическаго міросозерцанія всякое выходящее изъ ряда душевное движеніе есть внушеніе божества. демона [1].

[1] Ср. въ лѣтописи: „вложи Богъ въ сердце N-у", такъ же, какъ о сумасшествіи: божевілний, „мов несамовитий", бѣшеный; объ обладаніи человѣкомъ (наслажденій),

Платонъ различаетъ 4 рода восторга (*μανία*): 1-й—въ прорицаніяхъ сообщается отъ Аполлона, 2-й—въ таинствахъ очищенія—отъ Вакха, 3-й—въ поэзіи—отъ музъ, 4-й—отъ Эрота и Афродиты.

О 3-мъ: „Кто безъ маніи (*κατοχή*—одержаніе), внушаемой музами, приходитъ къ вратамъ поэзіи, думая, что искусствомъ (*ἐκ τέχνης*, т. е. сознательно, умышленно) сдѣлается изъ него хорошій поэтъ, тотъ никогда недостигнетъ совершенства, и *поэзія его*, какъ поэзія благоразумнаго (*τοῦ σωφρονοῦντος*), будетъ отличаться отъ *поэзіи безумствующихъ*". (Федръ), Шевыревъ „Теор. поэз.", 22.

Какъ цѣпь желѣзныхъ колецъ заимствуетъ свою силу отъ магнита, такъ муза посылаетъ вдохновеніе поэтамъ, которые сообщаютъ его другимъ, и такъ составляется цѣпь людей вдохновенныхъ (*διά δέ τῶν ἐνθέων τούτων ἄλλων ἐνθουσιαζόντων ὁρμαθός ἐξαρτᾶται*). Въ самомъ дѣлѣ, не искусствомъ, но энтузіазмомъ и вдохновеніемъ великіе эпическіе поэты сочиняютъ свои.... произведенія. Славные лирики также, подобно людямъ, волнуемымъ безуміемъ корибантовъ (жрецовъ фригійской Кибеллы), пляшущихъ внѣ себя, неостаются въ умѣ своемъ, когда творятъ изящныя пѣснопѣнія: какъ скоро вошли они въ ладъ гармоніи и ритма, то преисполняются безуміемъ, объемлются восторгомъ, подобнымъ восторгу вакханокъ, которыя во время упоенія черпаютъ въ рѣкахъ млеко и медъ, чего небываетъ съ ними во время покоя. Въ душѣ поэтовъ лирическихъ на самомъ дѣлѣ совершается то, чѣмъ они хвалятся. Они говорятъ намъ, что черпаютъ въ медовыхъ источникахъ, что подобно пчеламъ летаютъ они по садамъ и до-

---

несвой: „Яга (фурія), під пелену підкравшись,
Гадюкой в серце поповзла,
По всіх куточках позвивавшись,
В Аматі рай собі знайшла;
В отравлену її утробу
Наклала злости, мов би бобу;
Амата стала несвоя:
Сердита (-лась?) лаяла, кричала" и пр. (Котл. Эн. 122, изд. 1875 г.).

Несамовитий: „Зробився Турн несамовитий
Ярився, лютовав" и пр. (ib. 162).

линамъ музъ, и въ нихъ собираютъ пѣсни, которыя поютъ намъ. (*Они говорятъ правду* [1]). Поэтъ въ самомъ дѣлѣ есть существо легкое, крылатое и святое; онъ можетъ творить тогда только, когда восторгъ его обыметъ, когда онъ выйдетъ изъ себя, и разсудокъ покинетъ его. Но покамѣстъ онъ съ нимъ, человѣкъ неспособенъ творить вовсе и произносить пророчества"..... „Каждый изъ нихъ, по жребію Божію, успѣваетъ только въ томъ родѣ, къ которому муза его призываетъ (въ диѳирамбѣ, похвальной одѣ, пляссовой пѣснѣ, эпосѣ, ямбахъ), и всѣ будутъ слабы во всякомъ другомъ родѣ, потому что не искусство, а сила божественная внушаетъ имъ. Если бы искусствомъ они умѣли творить, то могли бы успѣть въ разныхъ родахъ. А конецъ, на какой Богъ, отъемля у нихъ смыслъ, употребляетъ ихъ какъ служителей своихъ наравнѣ съ пророками и гадателями, есть тотъ, чтобы мы, внимая имъ, познавали, что не сами собою они говорятъ намъ вещи дивныя, ибо они внѣ своего разума, но что самъ Богъ намъ черезъ нихъ глаголетъ" (Іонъ).

„И для того чтобъ судить о поэтѣ", для критика нужно, по Платону, вдохновенное сообщеніе съ поэтомъ. (Шевыр. „Теор. п." 23—4).

Итакъ, *искренность*, отсутствіе самонаблюденія и самонаслажденія въ моментъ поэтическаго творчества, полное погруженіе въ созданіе.

Ja, das ist das rechte Gleis,
Dass man nicht weiss,
Was man denkt,
Wenn man denkt;
Alles ist als wie geschenkt. (G. Bd. 4 S. 45.)
All unser redliches Bemühn
Glückt nur im unbewussten Momente.
Wie möchte denn die Rose blühn,
Wenn sie der Sonne Herrlichkeit erkennte! (ib. S. ?).

[1] Вдохновенный до безумія.

„Грусть, овладѣвшая Неждановымъ, была то чувство, присущее всякой перемѣнѣ мѣстопребыванія, чувство, которое испытываютъ всѣ меланхолики, всѣ задумчивые люди; людямъ характера бойкаго, сангвиническаго оно незнакомо: они скорѣе готовы радоваться, когда нарушается повседневный ходъ жизни, когда мѣняется ея обычная обстановка". — „Неждановъ до того углубился въ свои думы, что понемногу, почти безсознательно началъ передавать ихъ словами; бродившія въ немъ ощущенія уже складывались въ мѣрныя созвучія.... — Фу ты чертъ! — воскликнулъ онъ громко. Я, кажется, собираюсь стихи сочинять! — Онъ встрепенулся, отошелъ отъ окна; увидавъ на столѣ десятирублевую бумажку.... сунулъ ее въ карманъ и принялся разхаживать по комнатѣ.

— Надо будетъ взять задатокъ, размышлялъ онъ.... „Пока онъ велъ въ головѣ эти разсчеты, прежнія созвучія опять зашевелились въ немъ. Онъ остановился, задумался.... и устремивъ глаза въ сторону, замеръ на мѣстѣ.... Потомъ руки его, какъ бы ощупью, отыскали и открыли ящикъ стола, достали изъ самой ея глубины исписанную тетрадку....

„Онъ опустился на стулъ, все не мѣняя направленія взгляда, взялъ перо и, мурлыча себѣ подъ носъ, изрѣдка взмахивая волосами, перечеркивая, марая, принялся выводить строку за строкою....

„Дверь отворилась.... Неждановъ не замѣтилъ.... и продолжалъ работу.... (затѣмъ).... вдругъ выпрямился, оглянулся и, промолвивъ съ досадой: „А! вы!" — швырнулъ тетрадку въ ящикъ стола" (Тург. „Новь").

Пушкинъ 1824 г.: *Книг.* О чемъ вздохнули такъ глубоко?
Нельзя ль узнать?
Поэтъ. Я былъ далеко:
Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы....
.... Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;

За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались".

(Разгов. кн. съ поэтомъ).

—„Что, спросилъ импровизаторъ, каково?" —„Удивительно!"— отвѣчалъ поэтъ. „Какъ! чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностью, какъ будто вы съ нею носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно. Итакъ для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденья, ни этого безпокойства, которое предшествуетъ вдохновенью? Удивительно, удивительно!" Импровизаторъ отвѣчалъ: „Всякій талантъ неизъяснимъ. Какимъ образомъ ваятель въ кускѣ каррарскаго мрамора видитъ сокрытаго Юпитера и выводитъ его на свѣтъ, рѣзцомъ и молотомъ раздробляя его оболочку? Почему мысль изъ головы поэта выходитъ уже вооруженная четырьмя риѳмами, размѣренная стройными, однообразными стопами? Никто, кромѣ самого импровизатора не можетъ понять эту быстроту впечатлѣній, эту тѣсную связь между собственнымъ вдохновеніемъ и чужой внѣшней волею. Тщетно я самъ захотѣлъ бы это изъяснить". (Пушк. „Египт. ночи").

....„О комъ твоя вздыхаетъ лира?
Кому въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ
Ты посвятилъ ея напѣвъ?...
...Кого твой стихъ боготворилъ?
—И, други! Никого, ей Богу!
Любви безумную тревогу
Я безотрадно испыталъ.
Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
Горячку риѳмъ: онъ тѣмъ удвоилъ

Поэзіи священный бредъ,
Петраркѣ шествуя во слѣдъ,
А муки серца успокоилъ,
Поймалъ и славу между тѣмъ;
Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.
Прошла любовь, *явилась муза*
И *прояснился* темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не тоскуетъ....
....Я все грущу, но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ.
Тогда то я начну писать
Поэму пѣсенъ въ двадцать пять.

(П. „Евг. Онѣг.“ 1, LVII—LIX).

„Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и къ *объясненію* оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ спокойствіе, необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго. Трагедія, комедія, сатира, всѣ болѣе ея требуютъ творчества, fantaisie, воображенія, *знанія* природы“. (Пушк. „О вдохновеніи и восторгѣ“).

„Искать вдохновенія всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудой: вдохновенія несыщешь; оно само должно найти поэта“. (П. „Пут. въ Арзр.“ 1829 г.).

Възтъргъ—І. Экз. Шестодневъ: Всякое животное смотритъ внизъ, человѣкъ—вверхъ, потому что сроденъ съ небомъ и туда восходитъ умомъ: „Или небоудеши самъ искоусилъ чл҃вче другоици

на млтвѣ стоюе, како ти се възимлеть оумъ выше н҃бсъ и акы бо҃ждѣнная та мѣста виде се творящи.... и съ тѣми с҃тыи радуе се хвалящи Б҃а". (с. 199).

Бѣлинскій: „Если я подъ словомъ „вдохновеніе" разумѣю нравственное опьяненіе, какъ бы отъ пріема опіума или дѣйствія виннаго хмеля, наступленіе чувствъ, горячку страсти, которыя заставляютъ непризваннаго поэта изображать предметы въ какомъ-то безумномъ круженіи, выражаться дикими, натянутыми фразами, неестественными оборотами рѣчи, придавать обыкновеннымъ словамъ насильственное значеніе: то какъ вразумите вы меня, что „вдохновеніе" есть состояніе духовнаго ясновидѣнія, кроткаго, но глубокаго созерцанія таинства жизни, что оно, какъ бы магическимъ жезломъ, вызываетъ изъ недоступной чувствамъ области мысли свѣтлые образы, полные жизни и глубокаго значенія, и окружающую васъ дѣйствительность, нерѣдко мрачную и нестройную, являетъ просвѣтленною и гармоническою? Поэзія и наука тождественны, если подъ наукою должно разумѣть не однѣ схемы знанія, но сознаніе кроющейся въ нихъ мысли. Поэзія и наука тождественны, какъ постигаемыя не одною какою-нибудь изъ способностей нашей души, но всею полнотою нашего духовнаго существа, выражаемою словомъ „разумъ". Въ этомъ отношеніи онѣ рѣзкою чертою отдѣляются отъ такъ называемыхъ „точныхъ" наукъ, нетребующихъ ничего, кромѣ разсудка и развѣ еще воображенія.... „Подъ словомъ „точныхъ" истинъ разумѣются тѣ истины, которыхъ очевидности и непреложности неможетъ непризнать ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, не лишенный здраваго смысла... „Въ этомъ отношеніи наука въ высшемъ ея значеніи, т. е. философія и поэзія, тождественны: та и другая равно далеки отъ того, что имѣетъ хотя видъ „точности". Бѣлинск. Сочин. IV. 253—4, 1841 г.).

Поэзія и проза. Ихъ дифференцированіе.

Если смотрѣть на поэзію прежде всего и главнымъ образомъ, какъ на извѣстный способъ мышленія и познанія, то также нужно будетъ смотрѣть и на прозу [1]). Каково бы ни было въ частности рѣшеніе вопроса, почему поэтическому мышленію болѣе (въ его менѣе сложныхъ формахъ), чѣмъ прозаическому, сродна музыкальность звуковой формы, т. е. темпъ, размѣръ, созвучіе, сочетаніе съ мелодіей; оно неможетъ подорвать вѣрности положеній, что поэтическое мышленіе можетъ обходиться безъ размѣра и пр., какъ наоборотъ, прозаическое можетъ быть искусственно, хотя и не безъ вреда, облечено въ стихотворную форму; что въ эмбріональной формѣ поэзіи, словѣ, явственность представленія или его отсутствіе несказывается въ звукахъ (внѣшней, звуковой формѣ).

Какъ для опредѣленія поэзіи обращаемся къ ея простѣйшей формѣ, т. е. къ слову съ живымъ представленіемъ; такъ для генетическаго опредѣленія прозы слѣдуетъ взять во вниманіе слѣдующее. Жизнь такого слова съ внутренней стороны состоитъ въ томъ, что около представленія собираются выдѣленные изъ чувственныхъ образовъ признаки, пока представленіе нестанетъ съ ними въ противорѣчіе или непотеряется въ ихъ массѣ, какъ несущественное. Тогда слово теряетъ представленіе и остается лишь звуковымъ посредникомъ между познаваемымъ или объясняемымъ и объясненіемъ (первообразная форма прозы). Въ рѣчи оно является лишь краткой формулой, которой цѣнность—въ томъ, что она можетъ быть превращена непосредственно въ опредѣленную величину, или рядъ такихъ величинъ каждый разъ, когда на ней остановили вниманіе. Поэтому, если значеніе слова для мысли вообще, безъ различія двухъ его состояній, можно сравнить съ употребленіемъ условныхъ цѣнностей въ торговлѣ; то слово образное—деньги, безобразное—ассигнаціи и векселя. При этомъ прозаическое слово нестанетъ образнымъ отъ того, что мы, такъ сказать, размѣняемъ его на конкретный образъ, что, на пр., по

[1]) Бѣлинскій IV, 253—4: поэзія и философія.

поводу услышаннаго выраженія „картина такого-то „Еловый лѣсъ“, мы одновременно представимъ себѣ знакомую намъ картину (ея образъ), а нестанемъ вызывать въ сознаніе послѣдовательно возникающаго ряда ея признаковъ (понятія) [1]). Въ обоихъ случаяхъ, т. е. замѣняется ли прозаическое слово образомъ или понятіемъ, то и другое стремится къ уравненію съ познаваемымъ при помощи этого слова. Уравненіе понятія съ познаваемымъ есть его опредѣленіе. Усложненіе этой послѣдней дѣятельности создаетъ науку.

Наиболѣе общія категоріи науки, *фактъ* и *законъ*, напоминаютъ категоріи искусства, въ частности поэзіи: *образъ* и *значеніе*, но во многомъ отличны отъ этихъ послѣднихъ.

а) Установленіе факта предполагаетъ въ предѣлахъ всеобъемлющей субъективности человѣческой мысли совершившееся разграниченіе областей объективнаго и субъективнаго; онъ есть результатъ критики, т. е. сомнѣнія, завершившагося сознательнаго отнесенія мыслимаго къ первой изъ этихъ областей.

На раннихъ ступеняхъ развитія человѣчества и человѣка господствуетъ вѣра въ объективность, истинность мысли. Наука и тождественная съ нею критика предполагаетъ уже появившееся сознаніе, что мысли, вызывающія другъ друга, могутъ себѣ противорѣчить, что ихъ теченіе можетъ быть истинно и ложно (Zeit. f. Völkerpsychol. VIII, 168).

Поэтическій образъ ненуждается въ такой повѣркѣ. Поэтическая правда, напр., выраженія „безумныхъ лѣтъ *угасшее* веселье“ состоитъ въ способности или неспособности вызывать въ мысли извѣстное значеніе, а не въ повѣркѣ тождества, или нетождества веселья со свѣтомъ, способности или неспособности веселья угасать. Поэтическая правда — мѣткость слова. Тоже и въ примѣненіи къ болѣе сложнымъ поэтическимъ образамъ.

---

[1]) Если ученое возстановленіе представленія въ словѣ недѣлаетъ этого слова для насъ поэтичнымъ, то изъ этого слѣдуетъ: поэтическое мышленіе есть то, для котораго образъ существенно важенъ, такъ или иначе направляя мысль, измѣняя результаты мышленія; когда же значеніе обобщилось и окрѣпло, то наглядный способъ его обозначенія (=дидактичность, напр. нѣсколько пословицъ на одну тему) несдѣлаетъ мышленія поэтичнымъ.

б) Та вещь кубической формы и пр., которая лежитъ передо мною, есть не фактъ, а совокупность безчисленнаго множества фактовъ и соотвѣтственныхъ законовъ математическихъ, геометрическихъ, механическихъ, физическихъ, химическихъ, естественно-историческихъ и пр. Отъ конкретнаго явленія въ научномъ фактѣ остается только то, что имѣетъ отношеніе къ соотвѣтственному закону. Общая формула науки есть уравненіе: *фактъ = закону*. Что неподходитъ подъ нее, есть заблужденіе, ведущее къ отыскиванію новаго тождества. Само собою, что безъ постояннаго нарушенія и возстановленія закона тождества небыло бы человѣческой науки; какъ если бы равновѣсіе, спокойствіе было не стремленіемъ только, то небыло бы жизни съ ея ростомъ и умаленіемъ. Однако мы можемъ наблюдать случаи продолжительнаго сохраненія равенства между фактами и законами не только въ математическихъ положеніяхъ, въ родѣ: „треугольникъ А — съ точки зрѣнія равенства внутреннихъ угловъ двумъ прямымъ"; но и въ другихъ, въ родѣ: „русское слово А, кончающееся на согласную", по отношенію къ положенію, что „всякое такое слово (если незаимствовано) потеряло гласную на концѣ", или „слово А безъ представленія имѣло нѣкогда представленіе".

Фактъ, понятый въ этомъ смыслѣ, возникаетъ въ мысли изъ болѣе сложныхъ комплексовъ одновременно съ возникновеніемъ или возстановленіемъ въ ней закона. Но если, согласно съ обычнымъ способомъ выраженія, подъ фактомъ разумѣть эти болѣе сложные комплексы: то можно сказать,что научное мышленіе есть заключеніе отъ факта, какъ частнаго, разсматриваемаго въ извѣстномъ отношеніи къ однородному съ нимъ закону; что *законъ одинаково выражается во всѣхъ однородныхъ фактахъ; что законъ постояненъ, неподвиженъ, опредѣленъ,* между тѣмъ какъ *факты*, въ коихъ онъ выражается, *измѣнчивы*, *подвижны*, *неопредѣленны*. При этомъ можно разумѣть то, что для поясненія примѣромъ такого-то общаго свойства треугольниковъ можно взять любой изъ безчисленнаго множества возможныхъ треугольниковъ; при добываніи общаго положенія „всякое слово рождается съ представле-

ніемъ и стремится, къ его потерѣ", качество и количество частныхъ случаевъ, съ коихъ мы начинаемъ, неизмѣнитъ результата[1]). Законъ относительно неподвиженъ и въ другомъ смыслѣ. Онъ представляется болѣе объективнымъ, чѣмъ частныя воспріятія, ибо въ силу большей отвлеченности разница въ его пониманіи разными людьми можетъ быть выпущена изъ вниманія.

Отлично отъ этого общая формула поэзіи (resp. искусства) есть „A (образъ) < X (значеніе)", т. е. между образомъ и значеніемъ всегда существуетъ такого рода неравенство, что A меньше X. Установленіе равенства между *A* и *X* уничтожило бы поэтичность, т. е., или превратило бы образъ въ прозаическое обозначеніе частнаго случая, лишеннаго отношенія къ чему-либо другому (см. вышесказанное по поводу стихотв. Фета „Облакомъ волнистымъ"), или превратило бы образъ въ научный фактъ, а значеніе въ законъ. X по отношенію къ A есть *всегда* нѣчто *иное*, часто даже неоднородное. Поэтическое мышленіе есть поясненіе частнаго другимъ неоднороднымъ съ нимъ частнымъ [2]).

Поэтому, если поэзія есть иносказаніе, *ἀλληγορία* въ обширномъ смыслѣ слова, то проза, какъ выраженіе элементарнаго на-

---

[1]) *Проза:* (Кн. Андрей) видѣлъ въ Сперанскомъ „разумнаго, строго мыслящаго, огромнаго ума человѣка.... Сперанскій въ глазахъ князя Андрея былъ именно тотъ человѣкъ, разумно объясняющій всѣ явленія жизни, признающій дѣйствительнымъ только то, что разумно, и ко всему умѣющій прилагать мѣрило разумности, которымъ онъ самъ (кн. Андрей) хотѣлъ быть.... Непріятно поражало кн. Андрея слишкомъ большое презрѣніе къ людямъ, которое онъ замѣчалъ въ Сперанскомъ, и разнообразность пріемовъ въ доказательствахъ.... Онъ употреблялъ всѣ возможныя орудія мысли, *исключая сравненія*, и слишкомъ смѣло, какъ казалось кн. Андрею, переходилъ отъ одного къ другому. То онъ становился на почву практическаго дѣятеля и осуждалъ мечтателей, то на почву сатирика и иронически подсмѣивался надъ противниками, то становился строго логичнымъ, то вдругъ поднимался въ область метафизики (это послѣднее орудіе доказательства онъ особенно часто употреблялъ). Онъ переносилъ вопросъ на метафизическія высоты, переходилъ въ опредѣленія пространства, времени, мысли и, вынося оттуда опроверженія, опять спускался на почву спора.

Вообще главная черта ума Сперанскаго, поразившая кн. Андрея, была неизмѣнная, непоколебимая вѣра въ силу и законность ума. Видно было, что никогда Сперанскому немогла прійти въ голову та обыкновенная для кн. Андрея мысль, что нельзя всетаки выразить всего того, что думаешь, и никогда неприходило сомнѣніе въ томъ, что не вздоръ ли все то, что я думаю, и все то, во что я вѣрю". В. и М. II, 244—5.

[2]) *Примѣры:* Всякая сосна своему бору шумитъ (своему лѣсу вѣсть подаетъ). Далеко сосна состоитъ, а своему лѣсу вѣетъ. Въ связи съ „за моремъ веселье да чужое,

блюденія, и наука стремится стать въ нѣкоторомъ смыслѣ тождесловіемъ ($\tau\alpha\upsilon\tau o\lambda o\gamma \acute{\iota}\alpha$).

X (значеніе поэт. образа) замѣтно измѣняется при каждомъ новомъ воспріятіи A (образа) однимъ и тѣмъ же лицомъ, а тѣмъ болѣе—другимъ; между тѣмъ A (образъ), единственное объективно данное въ поэтическомъ произведеніи, при воспріятіи остается приблизительно неизмѣннымъ. Поэтому, въ противоположность отношенію закона и факта, въ *поэзіи образъ неподвиженъ, значеніе измѣнчиво, опредѣлимо лишь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ*, а въ ряду случаевъ *безгранично*.

в) Въ наукѣ отношеніе частнаго случая къ закону (треугольникъ ABC—къ положенію, что „внутренніе углы равны двумъ прямымъ") доказывается посредствомъ разложенія частнаго случая. Полнота и точность анализа есть мѣра силы доказательствъ, вѣрности общаго положенія. Въ поэзіи (и вообще въ искусствѣ) связь образа и значенія недоказывается. Образъ возбуждаетъ значеніе, неразлагаясь, а непосредственно. Если бы попытаться превратить изгибы поверхностей, образующихъ статую, въ рядъ математическихъ формулъ, то, неговоря уже о томъ, что при этомъ многое осталось бы неанализированнымъ, совокупность этихъ формулъ, воспринимаемыхъ послѣдовательно, недала бы впечатлѣнія статуи. Рядъ цифръ, означающихъ мелодію, чтобы дать музыкальное впечатлѣніе, долженъ быть превращенъ въ воображаемые или дѣйствительные звуки.

Случаи, когда картина требуетъ надписи (се левъ, а не собака) музыка—(словесной) программы, поэтическое произведеніе—объясненія, могутъ приготовить насъ къ пользованію художественностью этихъ произведеній; но въ ту минуту доказываютъ

а у насъ горе да свое" ср. Салтык. „За рубежомъ", Спб. 1881, 241 сл. 280—97. Хоть въ ордѣ, да въ добрѣ (ubi bene, ibi patria).

Субъективность: Всякая птичка своимъ носкомъ клюетъ. *Своекорыстіе, эгоизмъ:* Спаси меня, Богородица, и помилуй деревни Виткуловы самый крайній домъ (а прочихъ, какъ знаешь), Д. 666. (Всѣ недовольны) „и всякій требуетъ лично для себя конституціи, а прочіе пусть по прежнему довольствуются ранами и скорпіонами". За рубежемъ, 24. Своя рубашка къ тѣлу ближе. Своя подоплека къ сердцу ближе. Сурово не бѣлье, свое рукодѣлье (всякому свое и немыто бѣло).

отсутствіе этого пользованія и временную, или постоянную негодность для насъ этихъ произведеній. Наоборотъ легкость апперцепціи художественнаго образа соразмѣрна его совершенству (для насъ) и испытываемому нами удовольствію.

Когда возникаетъ проза? Проза [1]) для насъ есть прямая рѣчь не въ смыслѣ первообразности и несложности, а лишь въ смыслѣ рѣчи, имѣющей въ виду или только практическія цѣли, или служащей выраженіемъ науки. Прозаичны—слово, означающее нѣчто непосредственно, безъ представленія, и рѣчь, въ цѣломъ недающая образа, хотя бы отдѣльныя слова и выраженія, въ нее входящія, были образны.

Лишь время возникновенія прозы, какъ выраженія степеней науки, уже предполагающихъ письменность, можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ указано съ приблизительною точностью. Но появленіе науки въ письменности не есть время ея рожденія, а рѣчь съ незапамятныхъ временъ имѣла и значеніе чисто практическое и вмѣстѣ подготовляла науку. Нельзя себѣ представить такого состоянія человѣка, когда бы онъ, говоря, непроизводилъ въ себѣ усложненія мысли, влекущаго за собой потерю представленій. Уже въ глубоко древнихъ слояхъ праиндоевропейскихъ языковъ находимъ прозаичные и вмѣстѣ научные элементы: мѣстоименія и происшедшія изъ нихъ грамматическія стихіи словъ, выраженія формальныхъ разрядовъ мысли; числительныя, представлявшія свое содержаніе непосредственно, а не, какъ донынѣ въ нѣкоторыхъ американскихъ и африканскихъ языкахъ, при помощи образовъ: рука, двѣ руки, двѣ руки и двѣ ноги, человѣкъ; извѣстные глаголы, *ас*, *и* или *ја*.

Если прозаическіе элементы рѣчи и проза вообще—производны, то *не будетъ* ли *когда либо поэзія* вовсе *вытѣснена*

[1]) Лат. prosa sc. oratio, locutio изъ prosa, provorsa (какъ susum изъ sursum, subvorsum, retrosum изъ retrorsum, retrovorsum)—собственно, обращенная впередъ (какъ prosa sc. dea-богиня правильныхъ родовъ, головою ребенка впередъ), прямая въ томъ смыслѣ, что ее неизогнулъ стихъ (prorsa oratio, quam non inflexit cantilena) или въ смыслѣ простой. Zeitschr f. Völkerps. II, 5, VIII, 22, Pott, Etymol. Forsch. 218

прозою? Къ предварительному рѣшенію этого вопроса можно подойти, заключая по аналогіи.

Разграниченіе дѣятельностей вообще неведетъ къ ихъ умаленію. Напр., въ индо-европейскихъ языкахъ нѣкоторыя музыкальныя свойства словъ (какъ различіе долготы и краткости гласныхъ, различіе восходящаго и нисходящаго ударенія, протяжность, приближающая простую рѣчь къ речитативу, повышенія и пониженія, усиленія и ослабленія голоса, какъ средства разграниченія отдѣльныхъ словъ) стремятся исчезнуть. Вмѣстѣ съ этимъ существуетъ и возрастаетъ съ одной стороны благозвучность связной рѣчи и стиха, и развитіе пѣсни, вокальной музыки, съ другой. Языки дикарей Африки и Америки, какъ утверждаютъ путешественники, настолько нуждаются въ поясненіяхъ указательными движеніями рукъ и губъ, что разговаривать для нихъ въ потемкахъ трудно. Вѣроятно, такъ было нѣкогда и во всѣхъ языкахъ. Если теперь даже ораторская рѣчь на англійскомъ, русскомъ и пр. можетъ вовсе несопровождаться жестами, то это выдѣленіе мимики неуничтожаетъ ея важности на сценѣ, при обученіи глухонѣмыхъ и возможности, дѣйствительности ея совершенствованія. Сюда же— разграниченіе чисто инструментальной и вокальной музыки и т. п. Такимъ образомъ вообще слѣды прежнихъ ступеней развитія, раздѣляясь, неизглаживаются, а углубляются.

Дифференцированье поэзіи и прозы неведетъ къ гибели поэзіи.

а) Образность языка въ общемъ неуменьшается. Она исчезаетъ только въ отдѣльныхъ словахъ и частяхъ словъ, но не въ языкѣ; ибо новыя слова создаются постоянно, и тѣмъ больше, чѣмъ дѣятельнѣе мысль въ языкѣ, а непремѣнное условіе такихъ словъ есть живость представленія. [1]) Чѣмъ сильнѣе развивается языкъ, тѣмъ болѣе въ немъ количество словъ этимологически прозрачныхъ. Поэтому нельзя утверждать, что степень звуковой первообразности языковъ соотвѣтствуетъ степени ихъ поэтичности.

---

[1]) О романскихъ языкахъ въ этомъ отношеніи см. Гена „Италія".

Эта первообразность, иначе консервативность, скорѣе можетъ указывать на медленность развитія лексической стороны языка. Литовскій языкъ въ звуковомъ отношеніи первообразнѣе славянскаго; но онъ скорѣе менѣе, чѣмъ болѣе, славянскаго возбуждаетъ поэтическое творчество, если судить по тому, что народная поэзія русскихъ, сербовъ, болгаръ гораздо обширнѣе и выше литовской, насколько она намъ извѣстна по существующимъ сборникамъ Нессельмана, Шлейхера, Юшкевичей.

б) Элементарная поэтичность языка т. е. образность отдѣльныхъ словъ и постоянныхъ сочетаній, какъ бы ни была она замѣтна, ничтожна сравнительно съ способностью языковъ создавать образы изъ сочетанія словъ, все равно, образныхъ или безобразныхъ. Слова: *гаснуть* и *веселье* для насъ безобразны; но „безумныхъ лѣтъ *угасшее веселье*“ заставляетъ представлять *веселье* угасаемымъ свѣтомъ, что лишь случайно совпадаетъ съ образомъ этимологически заключеннымъ въ этомъ словѣ (скр. *вас*—свѣтить; сюда же, а не къ *вас*—покрывать, мр. „*веселая* весна звеселила усі зірочки“).

в) Эти уже вторичные и производные мелкіе образы по дѣйствію мгновенны и малозамѣтны сравнительно съ болѣе сложными, какъ напр. сравненіе, въ свою очередь входящее, какъ черта, въ еще болѣе сложный образъ:

Какъ часто лѣтнею порою....
....Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонный,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой. (Онѣгинъ. 1, XLVII).

Два предпослѣднихъ стиха—представленіе, два послѣднихъ—значеніе: вся строфа вмѣстѣ—представленіе. Ср. ib. 2, XVIII, 7—14; XXI, 9—14 и пр.

г) Еще далѣе: такіе образы оставляютъ лишь мимолетныя впечатлѣнія сравнительно со всей картиной характеровъ и положеній въ толпѣ второстепенныхъ лицъ, среди картинъ природы, на фонѣ духа времени и мѣста,—картиной, развиваемой въ названномъ романѣ и др. подобныхъ.

Когда начинать съ мѣлочей и частностей, вліяніе языка намъ осязательно, ибо невозможность или возможность и эффектъ сочетанія двухъ словъ, дающихъ образъ, условлены даннымъ языкомъ. Но, по мѣрѣ приближенія къ цѣлой картинѣ, мы чувствуемъ возможность отдѣленія ея отъ словъ и частныхъ образовъ, которыми она написана. Такъ, живописная картина можетъ быть отвлечена отъ полотна и красокъ и извѣстныхъ пріемовъ и до нѣкоторой степени передана тѣмъ или другимъ способомъ рисованья, гравюры, мозаики, даже вышиванья на канвѣ квадратиками, изъ чего, конечно, неслѣдуетъ, чтобы она могла быть первоначально написана однимъ изъ послѣднихъ способовъ. Это—образъ того, что называютъ общечеловѣчностью искусства и науки. Только наука прямолинейнѣе и безцвѣтнѣе искусства, а потому отвлеченнѣе.

Такимъ образомъ въ правильномъ развитіи языка, въ разграниченіи въ немъ поэтическихъ и прозаическихъ стихій нельзя усмотрѣть ничего ведущаго къ ослабленію поэтической дѣятельности, напротивъ, многое ведущее къ усложненію и усовершенствованію поэтическихъ образовъ.

д) Обращаясь за тѣмъ прямо къ наблюденію поэтической производительности нашего времени, мы видимъ, что мнѣнія о ея паденіи могутъ быть основаны развѣ на недоразумѣніяхъ. Напр., иные безсознательно поддаются непровѣренному наукой пессимизму, подъ вліяніемъ устарѣлыхъ теорій смѣшиваютъ возвышенность съ поэзіей и пошлость съ прозой и, небудучи въ состояніи усмотрѣть вокругъ себя ничего, кромѣ пошлости, создаютъ себѣ миѳъ о поэтическомъ прошедшемъ, напримѣръ о поэтичности среднихъ вѣковъ сравнительно съ прозаичностью новаго времени. Иные смѣшиваютъ поэзію съ извѣстными стихотворными

формами или вообще поэтическимъ направленіемъ и въ отживаньи ихъ видятъ упадокъ поэзіи.

Ничего общаго съ этимъ неимѣетъ совершающійся въ литературной жизни нашего вѣка переворотъ, о которомъ говорилъ уже Пушкинъ (Онѣгинъ, гл. 3, XI—XIV), какъ наблюдатель и участникъ:

„Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало пламенный творецъ
Являлъ намъ своего героя,
Какъ совершенства образецъ....
... И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.
А нынче (1826—7) всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на насъ наводитъ сонъ....
.... Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы....
Друзья мои! Что жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы.
Тогда романъ на старый (?) ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но *просто* вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства....

—Сквозь спокойный эпическій разсказъ пробьется лирическая струя:

„Я поведу ихъ (дѣтей) подъ вѣнецъ....
Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
Слова тоскующей любви,

Которыя въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Мнѣ приходили на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвыкъ".

Если устранить частности предположеннаго Пушкинымъ романа, то то, о чемъ онъ говоритъ, тотъ „новый бѣсъ смиренной прозы", простоты пересказа и замысла, противополагаемыхъ ходульности прежнихъ направленій, есть лишь переходъ къ высшей, болѣе сложной поэтической формѣ повѣсти и романа, поглотившей мѣлкія поэтическія формы и съ избыткомъ вознаградившей за ихъ потерю (Буслаевъ „О знач. соврем. романа", Мои досуги II).

Противъ мнѣнія о непоэтичности нашего времени [1]) можно выставить слѣдующія положенія:

Повѣсти и романы во всей Европѣ появляются тысячами и находятъ милліоны усердныхъ читателей; нерѣдко обогащаютъ авторовъ, въ болѣе образованныхъ странахъ дѣлаютъ особу ихъ неприкосновенною, окружаютъ ее большимъ уваженіемъ, чѣмъ то, которымъ пользуются сильные міра. Если неслучится непредвидѣннаго мірового переворота, это должно итти все прогрессивно, въ виду возрастанія грамотности и любви къ чтенію и въ виду огромныхъ массъ народа, еще незахваченныхъ этимъ литературнымъ теченіемъ. Количественно поэтическая производительность нашего времени или неуступитъ массѣ произведеній, накопленныхъ тысячелѣтіями, или превзойдетъ ее.

Какъ ни всеобъемлющи признанныя формы повѣсти и романа, но поэзія только тамъ, гдѣ она сосредоточеннѣе и сильнѣе, чище. Если есть основаніе находить ее напр. въ старинныхъ межевыхъ записяхъ; то съ гораздо большимъ основаніемъ мы можемъ видѣть ее въ раздробѣ и въ смѣси съ прозаичностью и

[1]) —Даже Буслаевъ („Мои досуги", II, 260): „Въ *наше* (?!) вовсе непоэтическое время".... —Годы тутъ ничего незначатъ, а если *наше* время—вѣкъ, то Шиллеръ, Гете и пр.; Байронъ, Вальтеръ Скоттъ, Диккенсъ и др.; В. Гюго и плеяда романистовъ съ Бальзакомъ и Ж. Зандомъ; Пушкинъ, Лермонтовъ и плеяда романтиковъ, и т. д. —какой вѣкъ поэтичнѣе нашего?

въ ученой, и въ повседневной газетной литературѣ. Послѣдняя, удовлетворяя лишь злобѣ дня и незавѣщая потомству ничего великаго, цѣльнаго, быть можетъ, не только относительно общаго развитія, но и относительно поэтическаго творчества играетъ роль, сходную съ ролью мелкихъ животныхъ въ образованіи пластовъ земли. Мы можемъ видѣть поэзію во всякомъ словесномъ произведеніи, гдѣ опредѣленность образа перевѣшиваетъ текучесть значенія, т. е. *настроенія* за немногими чертами образа и при посредствѣ ихъ *мыслимо* многое въ нихъ незаключенное; гдѣ даже безъ умысла автора или наперекоръ ему появляется иносказаніе.

Какъ вообще, такъ и здѣсь форма не есть нѣчто отдѣльное отъ содержанія, а относится къ нему органично, какъ форма кристалла, растенія, животнаго къ образовавшимъ ее процессамъ. Свойства и признаки поэтической формы [illegible] свойствами мысли, [illegible] совершенствомъ [illegible] [illegible]

но и искусство изображать человѣка подвинулось впередъ. Тоже и въ поэзіи.

Художественность образа и эстетичность впечатлѣнія, будучи постоянною принадлежностью искусства, есть величина чрезвычайно измѣнчивая. Что нехудожественно для насъ, то въ иныхъ случаяхъ было таково для тѣхъ состояній, изъ коихъ мы выросли. Мы сами въ дѣтствѣ бывали въ восторгѣ отъ кукольнаго театра, а о впечатлѣніи настоящаго и очень плохого могли бы сказать словами пословъ Володимеровыхъ, пораженныхъ „красотою церковною“: „несвѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли“.

Наша требовательность относительно совершенства художественнаго образа такъ далека отъ притупленности чувствъ, какъ та масса знанія и любви къ ней, при помощи коей, напримѣръ, современный романистъ удовлетворяетъ насъ, далека отъ невѣжества и равнодушія полудикаря.

Недѣйствующій органъ атрофируется. Возрастаніе требованій отъ поэтическихъ произведеній и вообще развитіе художественнаго чувства было бы невозможно, если бы это чувство неудовлетворялось. Наша требовательность относительно достоинствъ поэтическаго произведенія свидѣтельствуетъ противъ предполагаемаго паденія поэзіи.

Это, по сказанному выше объ органичности формы вообще, относится не только къ внутреннимъ свойствамъ образовъ, но и къ ихъ внѣшней формѣ.

Замѣчено, что послѣ того какъ побѣждены трудности стихотворства на русскомъ литературномъ языкѣ нашего вѣка, мы расположены строже судить о самой техникѣ стиха. Нельзя сказать, чтобы послѣ того какъ

„Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ
И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ“,

самая стихотворная форма была пережита, а невведена въ должныя границы.

Конечно, усиленіе поэтическаго чутья идетъ быть можетъ не во всѣхъ слояхъ народа равномѣрно. Наблюденіе отдѣльныхъ слу-

чаевъ повело къ предположенію, что самою неизмѣнною природою вещей предустановлено обратное отношеніе между народною поэзіей и литературою грамотныхъ классовъ: возникаетъ послѣдняя, падаетъ первая. Правда, мы видимъ у себя вытѣсненіе народныхъ пѣсенъ высокаго художественнаго и нравственнаго достоинства произведеніями лакейской, солдатской и острожной музы. Мы должны предположить вмѣстѣ съ этимъ въ той средѣ, гдѣ это происходитъ, пониженіе эстетическаго чутья. Но мы невидимъ, чтобы это было условлено свойствами самой народной поэзіи и самой литературы. Это лишь временная болѣзнь нашего развитія. Литература, личная поэзія могли бы примкнуть къ преданію, поддержать его и недать въ немъ погибнуть тому, что достойно жизни.

Критика, сосредоточенность знаній и взаимодѣйствіе наукъ [1]).

Художественное, въ частности поэтическое произведеніе, подобно человѣку, растенію, животному, является средоточіемъ обширнаго круга наукъ. На поэтическое произведеніе можно смотрѣть съ точекъ зрѣнія, которыя можно сравнить съ точками зрѣнія химіи, морфологіи, физіологіи. Элементарный морфологическій составъ поэтическаго произведенія и его дѣйствіе, подобно всему существующему, имѣетъ свою исторію. Вся совокупность знаній, въ примѣненіи къ изученію поэтическаго произведенія, составляетъ *критику* [2]).

Если всякая отрасль знанія есть продуктъ великихъ усилій мысли, то сосредоточенность знаній, условленная тѣмъ, что поэтическое произведеніе важно для насъ, какъ конкретное цѣлое, есть дѣло тѣмъ болѣе трудное. Поэтому „l'art est difficile, la critique est aisée“ можетъ быть справедливо лишь въ примѣненіи къ фырканью по поводу художественнаго произведенія, а не къ научной критикѣ. Замѣчательные критики болѣе рѣдки, чѣмъ замѣчательные

---

[1]) Эта глава, повидимому, составляла введеніе къ публичной лекціи объ Одиссеѣ.

[2]) Нельзя сказать, какого рода знанія ненужны при объясненіи состава, дѣйствія и происхожденія поэтическаго произведенія. Критика идетъ какъ бы противъ начала раздѣленія труда. Художественное произведеніе, какъ и человѣкъ, есть микрокосмъ.

художники и поэты. Великихъ критиковъ нѣтъ, но великая критика есть. Это справедливо и относительно русской словесности.

Чего можно ожидать въ будущемъ?—Фаустъ въ „Русскихъ ночахъ“ (изд. 1844 г.) Одоевскаго указываетъ, какъ на одно изъ главныхъ золъ нашего времени на гибельную *специальность*, которая нынѣ почитается единственнымъ путемъ къ знанію,—и обращаетъ человѣка въ камеръ-обскуру, вѣчно наведенную на одинъ и тотъ же предметъ: цѣлые годы она отражаетъ его безъ всякаго сознанія, зачѣмъ и для чего и въ какой связи этотъ предметъ съ другими? Еще до сихъ поръ есть люди, которые увѣрены, что чудеса англійской промышленности происходятъ отъ того, что тамъ, если человѣкъ дѣлаетъ винтъ, то дѣлаетъ его цѣлую жизнь и ничего, кромѣ этого винта въ мірѣ незнаетъ. Для этихъ господъ *сосредоточенность вниманія*, эта высшая духовная сила, могущая втянуть въ свою сферу всю природу, есть не иное что, какъ машинка, которая колотитъ цѣлые годы по одному и томуже мѣсту“ (346—7).

„Отъ безвѣрія въ возможность общихъ началъ, отъ навыка довольствоваться второстепенными случайными причинами, отъ непривычки къ высшему движенію духа“ (ib. 345), къ „сосредоточенности вниманія“, втягивающей въ свою сферу всю природу, происходитъ „раздоръ и разрозненность въ наукѣ и въ жизни.... анархія, споры неоконченные и труды безсвязные.... безсиліе человѣка предъ природой. Коснитесь какого угодно предмета.... соберите отвѣты людей *специальныхъ*, этихъ кандидатовъ въ *немогузнайки*, какъ говорилъ Суворовъ“ и „этотъ повальный обыскъ“ (ib. 347) подтвердитъ, что „ученые разбрелись въ разныя стороны, и каждый говоритъ языкомъ, котораго другой непонимаетъ“ (ib. 352), что они безсильны передъ природой.

Затѣмъ Фаустъ приводитъ рядъ мудреныхъ вопросовъ, безотвѣтность коихъ является упрекомъ современной наукѣ. Почему напр. химикъ неможетъ объяснить „нѣкоторыхъ историческихъ происшествій вліяніемъ химическаго состава веществъ, въ разныя времена употреблявшихся въ пищу человѣкомъ“? (ib. 347). Почему

человѣкъ, занимавшійся изученіемъ Китая, ни ботаникъ, ни медикъ неможетъ объяснить свойства и употребленія чудеснаго цѣлебнаго растенія жинсенка? и т. д.—Рядъ подобныхъ вопросовъ безконеченъ, какъ область познанія.

Я думаю, что, хотя значительная часть современной публики и отнесется съ недовѣріемъ или отрицаніемъ къ утвержденію, что связь наукъ потеряна, но когда-то она существовала, остальному она можетъ глубоко сочувствовать.

Трагизмъ положенія глубже, чѣмъ это можетъ казаться, потому что рекомендуемыя для выхода изъ него средства безнадежнѣе. Въ видѣ сожалѣнія объ утраченномъ лучшемъ прошедшемъ (котораго небыло)—желаніе лучшаго будущаго. Послѣднее въ разсматриваемомъ отношеніи лишь въ малой мѣрѣ зависитъ отъ усилій отдѣльныхъ лицъ.

Нельзя думать, что философія можетъ явиться распредѣлительницей ролей = главною распорядительницею умственной фабрики. Тотъ, который незанимается моимъ дѣломъ, большею частью и незнаетъ, каковъ тотъ винтъ, который я фабрикую. Какъ же онъ можетъ наставить меня относительно значенія этого винта въ машинѣ?

Ученый, по крайней мѣрѣ второстепенный, большею частью поставленъ матеріальными условіями своей жизни въ необходимость искать лишь второстепенныхъ ближайшихъ причинъ („лучча синиця в жмені, ніж журавель в небі"). Если у него—достатокъ и досугъ, онъ дѣлаетъ тоже, потому что, оставаясь въ привычной колеѣ, мысль его достигаетъ болѣе цѣнныхъ продуктовъ на научномъ рынкѣ. Искусственно вліять на ученыхъ приманками—понижать цѣнность продуктовъ ихъ мысли. Съ теченіемъ времени человѣкъ все глубже врѣзывается въ свою колею. Одно лѣкарство—смерть и смѣна поколѣній; въ примѣненіи къ формирующемуся поколѣнію—обученіе. Цѣль дидактики—изыскать, что́ при данномъ состояніи наукъ можетъ наиболѣе содѣйствовать универсальности мысли, привычкѣ къ высшему движенію духа, что можетъ сообщить наиболѣе возвышенную точку зрѣнія на міръ.

Ранняя спеціализація можетъ быть оправдана лишь какъ слѣдствіе матеріяльной нужды. Она противна природѣ дѣтскаго и юношескаго возраста. Одоевскій говоритъ, что дѣти научили его универсальности. Они хотятъ знанія вещей, а не сторонъ ихъ. Односторонняя гимнастика вредна даже въ томъ случаѣ, если бы гимназіархи сами были въ ней мастерами.

Міръ ученыхъ не есть особый, автономный міръ. Въ ученомъ лишь интенсивнѣе совершается та дѣятельность мысли, что и въ другихъ. Онъ конденсаторъ разсѣянной въ людяхъ силы. Поэтому, если бы точно въ мірѣ ученыхъ усиливались раздоръ и взаимное непониманіе, то это значило бы, что весь человѣческій міръ находится въ періодѣ разрушенія, стремленія элементовъ врозь.

Противъ этого говоритъ многое. Содраганія собирательныхъ общественныхъ единицъ указываютъ на единство чувства. Собирательныя единицы становятся болѣе нервными. Усиливается начало національности и вмѣстѣ солидарности между народами (т. е. не только любви, но и вражды) въ связи съ большею силою взаимнаго пониманія. Чтобы сознательно не только любить, но и ненавидѣть человѣка, для этого нужно его знать. Ошибочно думать, что народныя антипатіи лишь слѣдствія недоразумѣній. Гдѣ нѣтъ ненависти, тамъ нѣтъ любви. Никогда понятіе о человѣчествѣ несуществовало въ такой полнотѣ и раздѣльности, какъ теперь. Наименѣе раздѣльно оно у тѣхъ, которые представляютъ себѣ человѣчество будущаго въ видѣ одного стада или многихъ одинаковыхъ стадъ, мирно пасущихся на одной нажити. Это—противъ указаній исторіи органической жизни земли, противъ указаній и исторіи въ тѣсномъ смыслѣ и палеонтологіи: универсальность типа есть его первобытность и несложность, обособленія личности безъ обособленія народности несуществуетъ.

Широта воззрѣнія не въ томъ, чтобы видѣть все, а въ томъ, чтобы напр. *въ наукѣ* сознательно стоять на своей точкѣ зрѣнія, недумая, что съ нея видно все, признавая законность, необходимость другихъ точекъ зрѣнія (противъ этого правила ученые, по крайней мѣрѣ второстепенные, часто погрѣшаютъ); *въ поли-*

[illegible]—стоять на точкѣ своей національности болѣе широкой, чѣмъ точки партіи, и недумать, что міръ и цивилизація рушатся, когда высыхаетъ лишь то болото, въ коемъ мы квакаемъ.

Если въ дѣйствительности всякъ идетъ прямо, куда глаза глядятъ, гонитъ свою борозду, жнетъ свою полосу; если намѣренныя усилія захватить и смежныя борозды частью приводятъ къ незначительнымъ результатамъ, частью безуспѣшны; если нѣтъ такихъ надсмотрщиковъ, которые бы давали порядокъ работѣ, или они и есть, да ихъ никто неслушаетъ; если тѣмъ не менѣе раздѣленіе труда приводитъ къ его сосредоточенію: то должны быть самодѣйствующіе регуляторы этого труда.

Какъ абсолютная истина, такъ и абсолютная универсальность недостижимы, но стремленіе къ нимъ доводитъ до новаго развитія силъ и новаго усложненія и углубленія содержанія.

Возвращаюсь къ вопросу о взаимодѣйствіи наукъ. Никогда оно небыло столь возможно и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такъ дѣйствительно, какъ теперь. [illegible] механичности регулятора, наука, преслѣдуя свои узкія цѣли, достигаетъ возможности вліянія внѣ своей сферы. Спеціализація труда въ зрѣломъ возрастѣ, настолько она увеличиваетъ успѣшность личной дѣятельности, единственный путь къ возможной универсальности. Говорю *настолько*, потому что „заставь дурака Богу молиться“ и пр.

Наше время представляетъ примѣръ взаимодѣйствія наукъ и избранія лицами срединныхъ путей: языкознаніе и физіологія, языкознаніе и психологія, языкознаніе и исторія; психологія и физіологія.[1]

Il faut cultiver notre jardin. Этимъ мы оплодотворимъ смежныя поля. Значительное совершенство въ изображеніи человѣческой фигуры оказало вліяніе на возникновеніе современной ландшафтной живописи; изобразительныя искусства вліяютъ на теоретическое изученіе природы и обратно. Въ нѣкоторыхъ, при томъ не [illegible]

[1] Иловайскій говорить о [illegible] въ вопросахъ историко-археологическихъ. [illegible] которая достигается [illegible] въ запрещеніи [illegible] пріемомъ.

ростепенныхъ, а очень существенныхъ отношеніяхъ художникъ лучше знаетъ природу, чѣмъ ботаникъ, зоологъ, анатомъ. Между художникомъ и естествоиспытателемъ въ тѣсномъ смыслѣ—отношеніе, какъ между художникомъ слова и филологомъ или лингвистомъ.

Вниманіе къ простѣйшимъ, постоянно повторяющимся явленіямъ жизни даетъ возможность понимать явленія сложныя. Наука и состоитъ именно въ расчлененіи этихъ послѣднихъ. Такъ въ частности, наблюденіе и пониманіе того, что происходитъ въ насъ каждый разъ, когда мы думаемъ словами и говоримъ, если не вполнѣ разъяснитъ намъ свойства поэзіи и науки, то значительно измѣнитъ тѣ мысли объ этихъ явленіяхъ, которыми мы пробавляемся по старой памяти.

Твердо держась правила измѣрять большое, неопредѣленное, лишь исподоволь обхватываемое мыслью, малымъ и опредѣленнымъ; въ частномъ случаѣ, придерживаясь сравненія слова съ одной— и поэзіи и науки съ другой стороны, можно прійти по меньшей мѣрѣ къ одному выводу, нелишенному практической важности: поэзія не разъ когда-либо въ прошедшемъ человѣчества и не изрѣдка, отъ времени до времени, а постоянно служитъ источникомъ науки, которая въ свою очередь питаетъ новое поэтическое творчество. И такъ, мы вѣримъ, будетъ, пока живутъ люди. Но жизнь человѣчества течетъ волнами съ измѣнчивымъ уровнемъ, быстротою, силою. Нельзя изсушить источника поэзіи, но можно временно засорить его. „Взрывая, возмутишь ключи", говоритъ Тютчевъ, и то, что направлено къ ослабленію поэтическаго творчества, косвенно ослабляетъ и науку, и наоборотъ. Таковы, напримѣръ, насильственныя измѣненія въ языкѣ, его дезорганизація отъ чрезмѣрнаго вторженія постороннихъ стихій. Въ концѣ все перемелется—мука будетъ; но, пока она будетъ, проходятъ столѣтія. Такъ, старинная русская письменность, за исключеніемъ Слова о полку Игоревѣ, представляетъ почти пустыню въ смыслѣ отсутствія поэтическаго творчества....

Условія процвѣтанія и паденія поэзіи.

Потребность исходить отъ образа есть всегда. Рѣчь — не объ измѣненіи количества разсѣянныхъ въ языкѣ поэтическихъ элементовъ, а объ ихъ сосредоточеніи въ болѣе видныя и крупныя цѣлыя.

Языки создаются тысячелѣтіями, и если-бы напр. въ языкѣ русскаго народа, письменность коего лѣтъ 900 была лишена поэзіи, небыло поэтическихъ элементовъ, то откуда взялось бы ихъ сосредоточеніе въ Пушкинѣ, Гоголѣ и послѣдующихъ романистахъ? Откуда быть грозѣ, если въ воздухѣ нѣтъ электричества? Даже болѣе: поэтическія стихіи языка даже и немогутъ существовать только въ видѣ элементовъ. Сила сберегается только трудомъ. Должны были быть и поэтическія произведенія, но лишь въ другихъ сферахъ. Расцвѣтъ поэзіи (т. е. письменной) есть результатъ извѣстной степени взаимодѣйствія до того различныхъ теченій мысли.

Есть двѣ стороны поэтическихъ произведеній: образъ и значеніе. Что содѣйствуетъ конкретности, прочности, значительности образовъ, то содѣйствуетъ процвѣтанію поэзіи и наоборотъ.

Говорятъ о практичности нашего вѣка, выражающейся въ томъ, что мы не хотимъ искусства для искусства и отъ любимой поэтической формы нашего времени (романа), кромѣ забавы, требуемъ поучительности, въ силу чего уже неудовлетворяемся сказками, съ похожденіями невѣроятныхъ героевъ, которыя еще въ 40-хъ годахъ выдавались за романы („Вѣчный Жидъ“, „Монте-кристо“). Бусл. О знач. совр. романа. Въ этомъ много неяснаго. Конечно, человѣчество жило недаромъ и накопило къ нашему времени больше знаній, чѣмъ ихъ было прежде. Въ смыслѣ большого умѣнья пользоваться природой нашъ вѣкъ можетъ быть практичнѣе другихъ. Можетъ быть, можно назвать большей практичностью и то, что это большее знаніе вошло, какъ матеріялъ,

въ поэзію и условило собою бо́льшую конкретность и поучительность ея образовъ. Но какой же вѣкъ небылъ практиченъ по-своему, по своему знанію и вѣрѣ? Развѣ при извѣстномъ воззрѣніи невполнѣ практично отвращаться отъ міра и умерщвлять плоть ради благъ будущей жизни? И какъ никакой вѣкъ непроповѣдовалъ искусства для искусства, разумѣя подъ этимъ, что искусство, нерасширяя знанія и невозвышая чувства, неприносясь осязательной пользы, должно производить только мимолетные, безслѣдные результаты; такъ и въ нашъ вѣкъ „искусство для искусства"—сбивчивое выраженіе требованія художественности, способности образа дѣйствовать, производить практическія послѣдствія.

Мы, которые, какъ доказано, вовсе не враги фантастичности, если она намъ по плечу, дѣйствительно находимъ извѣстные романы устарѣлыми вовсе не потому, что они фантастичны, а потому, что они поэтически невѣроятны.

Все, что съуживаетъ кругъ наблюдаемыхъ явленій, дѣлаетъ односторооннѣе точки зрѣнія, ограничиваетъ средства выраженія, ведетъ къ паденію искусства. Паденіе или отсутствіе письменной поэзіи наступаетъ, когда письменность сосредоточена въ ограниченномъ классѣ народа, забывающемъ, что избранные существуютъ для среды, изъ коей избраны судьбою; что интересы рода выше интересовъ вида и недѣлимыхъ. Литература, въ частности поэзія, всегда, т. е: и во времена своего процвѣтанія, аристократична въ томъ смыслѣ, что создается и движется умами, стоящими выше толпы; но, говоря образомъ знакомымъ русской поэзіи, пророкъ остается пророкомъ лишь до тѣхъ поръ, пока проникнутъ своимъ призваніемъ „глаголомъ жечь сердца людей", т. е. людей безъ ограниченія видомъ. Это предполагаетъ въ высшемъ умѣ стремленіе къ массѣ, любовь къ ней; ибо невозможно ни любить, ни дѣлать добро тѣмъ, кого презираешь. Говорить уму и сердцу

людей можно лишь зная то, что они знають и кое-что сверхъ того, и лишь на ихъ языкѣ.

Отчужденность литературнаго класса общества, ограниченность круга наблюдаемыхъ явленій, односторонность точекъ зрѣнія и бѣдность средствъ выраженія, въ частности языка, и результатъ всего этого—слабость или отсутствіе поэзіи, находятся въ такой зависимости, что отъ одного изъ этихъ моментовъ можно заключать ко всѣмъ прочимъ.

Въ Европѣ, насколько извѣстно, времена литературнаго коснѣнія или паденія поэзіи, съ одной, и процвѣтанія, съ другой стороны, находятся въ зависимости отъ отношенія пишущихъ къ традиціи (преданію, образцамъ).

Бываютъ условія, порождающія въ верхнихъ слояхъ презрѣніе къ окружающей дѣйствительности и устремляющія надежды лишь къ возстановленію прошедшаго или построенію будущаго. При этомъ прошедшее усвояется односторонне. Изученіе прошедшаго неокрыляетъ мысли, а опѣшиваетъ ее. Въ словесности (разсматривая часть вмѣсто цѣлаго) прежнія средства кажутся прекрасными не относительно своего содержанія, а безусловно. При пользованіи ими является ошибочное заключеніе—cum hoc ergo propter hoc: это было цѣлесообразно въ свое время, стало быть, оно таково и теперь и всегда. Отказавшись отъ своего ума, даже умный отъ природы писатель становится рабскимъ и глупымъ подражателемъ и продѣлываетъ исторію дурня въ извѣстной пѣснѣ: „Задумалъ дурень на Русь гуляти", поступаетъ по пословицѣ: „заставь дурака Богу молиться, онъ и лобъ разобьетъ".

Является умышленное, требующее подчиненія отъ другихъ стремленіе изображать дѣйствительность традиціонными чертами ей несвойственными, далекими отъ нея, исключающими огромную долю ея содержанія и искажающими остальную, ради мнимаго ея украшенія и возвеличенія. Это въ области выраженія имѣетъ надутость образовъ, риторичность или, съ другой стороны, вредную для мысли отвлеченность и блѣдность, вообще манерность въ значеніи отличномъ отъ смысла—слова, понимаемаго преимущественно въ

хорошемъ смыслѣ. Языкъ стремится при этомъ стать мертвымъ, и чѣмъ онъ мертвеннѣе, тѣмъ выше толпы и аристократичнѣе кажется себѣ самому пишущій на немъ. Этотъ личный мотивъ играетъ важную роль *въ стремленіи* безплодныхъ въ поэзіи, замкнутыхъ въ себѣ литературныхъ классовъ, obscurorum virorum, рожденныхъ въ ретортѣ, но неспособныхъ свѣтить гомункуловъ (Фаустъ Гёте), *къ мертвенности* литературнаго языка. Гёте говоритъ: Der Schulmann indem er lateinisch zu schreiben und zu sprechen versucht, kommt sich höher und vornehmer vor, als er sich in seinem Alltagsleben dünken darf (Goethe, Sprüche 161). Это примѣняется не къ одному латинскому языку [1]), подавившему высокое развитіе національной поэзіи въ Италіи въ XVII в. [2]), сдѣлавшему тоже въ Польшѣ, въ коей за временемъ блестящихъ писателей, пользовавшихся туземнымъ языкомъ, истинныхъ знатоковъ древности и истинныхъ патріотовъ, какъ Кохановскій, Шимановичъ, Кленовичъ,

---

[1]) Враждебное отношеніе православнаго духовенства къ мѣстнымъ нарѣчіямъ основано, повидимому, на устарѣломъ и дурно понятомъ фактѣ, что первыя произведенія на чисто-малорусскомъ языкѣ имѣли характеръ пародій; или на предположеніи, что вообще мѣстные говоры могутъ заключать въ себѣ лишь вульгарныя (площадныя, бранныя) и шутливыя выраженія; или на забвеніи того, что самъ Христосъ говорилъ, какъ выражаются нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ о малорусскомъ народномъ языкѣ, на жаргонѣ. Въ 26 № (26 января 1888 г.) Новостей перепечатано:

„Одинъ изъ наблюдателей въ отчетѣ своемъ о церковно-приходскихъ школахъ его уѣзда донесъ .... Херсонскому Епархіальному училищному совѣту, что у нѣкоторыхъ изъ законоучителей церковно-приходскихъ школъ замѣчается стремленіе упрощать библейскія и евангельскія выраженія словами мѣстнаго нарѣчія; напримѣръ, слово „Евангеліе“ объясняется „то, що пипъ у церкви чытае“, „діяволъ“—„брехунець“, и что этотъ недостатокъ замѣчается у законоучителей нетолько церковно-приходскихъ школъ, но и земскихъ. Вслѣдствіе этого, какъ сообщаютъ „Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости“, мѣстный Епархіальный училищный совѣтъ, въ силу опредѣленія своего отъ 30 Іюня и 29 Іюля 1887 г. за № 11 ст. 6 предлагаетъ духовенству, при преподаваніи Закона Божія, избѣгать вульгарныхъ и шутливыхъ выраженій изъ мѣстнаго нарѣчія, несоотвѣтствующихъ важности предмета“.

[2]) Въ XVII ст. побѣда (древняго стиля надъ новымъ) совершилась: Италія утратила духъ творчества, удаляясь болѣе и болѣе въ міръ латинскій, и почти промѣняла свой новый, свѣжій языкъ, сотворенный подвигами Данте, Петрарки, Аріосто, Тасса, на языкъ латинскій. Число писателей латинскихъ въ Италіи XVII вѣка превышаетъ число итальянскихъ, а сіи послѣдніе заклеймены отверженнымъ (то есть ставшимъ презрительнымъ) именемъ seicentisti (шестисотенные, то есть писатели тысяча шестисотыхъ годовъ), писателей XVII вѣка, какъ самаго безплоднаго и несчастнаго для словесности итальянской. Шевыревъ С. (Теорія поэзіи въ ист. разв. 82—3).

слѣдуетъ XVII вѣкъ макаронизма, іезуитства и крайняго развитія шляхетской замкнутости, вѣкъ рѣшившій политическую гибель Польши. Тоже въ общемъ слѣдуетъ сказать и о другихъ языкахъ.

Такъ на Руси односторонность, неполнота, слабость дѣйствія просвѣтительнаго начала сказывается въ томъ, что въ письменности въ X по XVII ст. включительно нѣтъ ни одного стихотворца; кромѣ „Слова о П. Иг., ни одного поэтическаго произведенія, достойнаго этого имени—между тѣмъ какъ въ нелитературныхъ слояхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, живая струя поэзіи непрекращалась.

„*Отсутствіемъ стихотворства*“, преобладаніемъ требованій литературы греческой (византійской) въ книжной (русской) литературѣ среднихъ вѣковъ объясняется.... отсутствіе въ ней стихотворнаго отдѣла“.... тѣмъ „она такъ отличается отъ литературъ западныхъ того времени.... Въ Византіи нецвѣло стихотворство, стихотворцевъ художниковъ небыло: небыло ихъ между книжниками и тамъ, гдѣ господствовало вліяніе Византійской литературы... какъ на Руси.... такъ у Сербовъ православныхъ и у Болгаръ, между тѣмъ какъ у Сербовъ въ приморьи Адріатическомъ расцвѣло стихотворство уже въ XV вѣкѣ“.

„Изъ этого неслѣдуетъ, что и у Сербовъ и у Болгаръ, и у насъ небыло прежде любви къ стихамъ въ народѣ: пѣсни пѣлись болѣе, тѣмъ послѣ.... но книжной литературѣ, организованной по мѣрѣ Византійской, *до нихъ небыло дѣла*. Съ другой стороны,—между тѣмъ какъ размѣръ русскаго народнаго стиха немогъ въ ней казаться приличнымъ, немогъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе отдѣлялись языкъ и слогъ этого стиха отъ языка и слога книжной прозы,—немогли утвердиться въ ней и размѣры стиха, допущенные піитикой Византійской: они были слишкомъ ненародны, слишкомъ дики для смысла русскаго человѣка. Какъ немогла русская литература допустить изъ народной словесности ничего, что явно противорѣчило требованіямъ литературы Византійской (а силлабическія вирши въ польской?) такъ немогла она допустить и изъ Византійской того, что явно противорѣчило народному вкусу. До XVI—XVII вѣка

литература русская оставалась безъ стихотворнаго отдѣла. Только съ ослабленіемъ Византійскаго вліянія на нашу литературу могло прекратиться въ ней отреченіе отъ стихотворнаго лада; только вслѣдствіе сближенія Русской литературы съ западной Европейской, гдѣ господствовали размѣры стиховъ болѣе сходные съ нашимъ народнымъ.... могло возродиться стихотворное направленіе въ нашей литературѣ (Срезневскій, Мысли объ ист. русск. яз. 93) [1]).

Къ XIV в. становится очень замѣтно, а далѣе усиливается раздѣленіе письменнаго языка на языкъ свѣтскихъ грамотъ и языкъ духовныхъ произведеній. Первый несопротивляется теченію времени, второй старается упорно держаться старины, измѣняя ее лишь по невѣжеству пишущихъ, и все болѣе и болѣе мертвѣетъ. Первыя изображаютъ дѣйствительность для удовлетворенія практическимъ потребностямъ, какъ планъ или карту, а не какъ картину: во вторыхъ дѣйствительность проникаетъ лишь украдкой. Выдѣлившаяся въ XIV вѣкѣ западная и южная письменность до конца XVIII вѣка находится относительно проникновенія въ нее народнаго языка и годности для поэзіи еще въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ сѣверно-русская того же времени. На сѣверѣ туземный элементъ языка при существованьи только областныхъ видоизмѣненій, всетаки былъ цѣленъ и настолько силенъ, что пробивался наружу въ значительной чистотѣ и свѣжести въ цѣломъ рядѣ довольно обширныхъ сочиненій міpянъ, а иногда и духовныхъ лицъ. Пришлыя стихіи церковно-славянскія съ греческими успѣли стать до нѣкоторой степени туземными. На западѣ и югѣ русскій элементъ былъ двойственъ (бѣлорусс. т. е. въ основ. вр. и мр.), для собственной Литвы чуждъ, по причинамъ политическимъ—слабъ и податливъ.

Къ иноземнымъ стихіямъ церковно-славяно-греческимъ въ немъ съ самаго XIV вѣка и затѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ въ боль-

---

[1]) Параллель къ этому: отсутствіе крупныхъ стихотворцевъ на русскомъ литературномъ языкѣ изъ малороссіянъ. Для Гоголя это языкъ—весвой: „Сочиненіе мое будетъ на иностранномъ языкѣ". Россія у него противополагается Малороссіи (Письма Гоголя).

шей мѣрѣ присоединяется языкъ польскій, рабски подчиненный латинской конструкціи и уснащенный лексическими заимствованіями изъ латинскаго и нѣмецкаго. Преобладаніе этихъ дезорганизирующихъ примѣсей въ письменномъ языкѣ становится такъ велико, что нерѣдко онъ остается русскимъ лишь по письменамъ, лишь ради мнимаго соблюденія закона, называвшаго оффиціяльный языкъ Литовскаго княжества—русскимъ. Оторванность этого языка отъ почвы, непримиримость входящихъ въ него стихій, его неуклюжесть и негодность для поэзіи, какъ она понималась въ XVII вѣкѣ, были такъ велики, что сами православные іерархи, напр Л. Барановичъ, для стихотворной рѣчи предпочитали языкъ польскій. Такимъ образомъ письменный языкъ Великой Руси до XVII вѣка включительно заключалъ въ себѣ несравненно болѣе задатковъ литературнаго возрожденія, чѣмъ языкъ юго-западной Руси. Поэтому, кромѣ чисто политическихъ причинъ, самое возрожденіе въ Великой Руси наступаетъ столѣтіемъ раньше и съ неизмѣримо большею силою, чѣмъ въ Южной, и получаетъ общерусское значеніе [1]).

Цивилизація и народная поэзія.

Litteratur ist das Fragment der Fragmente: das wenigste dessen, was geschah und gesprochen worden, ward geschrieben; vom Geschriebenen ist das wenigtse übrig geblieben. Göthe. Sprüche. 147.

Положеніе, что цивилизація и народная поэзія противоположны и несовмѣстимы,—ошибочно. Развѣ тѣ формы жизни, о

---

[1]) Настоящая глава, которой въ рукописи дано заглавіе „Условія процвѣтанія и паденія поэзіи", заканчивается конспективно слѣдующими замѣтками подъ заголовкомъ „Успѣхи новой русской письменности и въ частности поэзіи". 1. Превращеніе литературы въ свѣтскую, т. е. признаніе, что есть духовные высшіе интересы не исключительно религіознаго характера. 2. Въ связи съ этимъ и между собой: а) все большее и большее признаніе правъ просторѣчія, а стало быть и классовъ говорящихъ просторѣчіемъ. Въ отдѣльномъ лицѣ большее и большее проникновеніе двухъ теченій; б) увеличеніе способности наблюденія и конкретности образовъ.

которыхъ свидѣтельствуютъ устныя поэтическія произведенія, какъ VI-ая и слѣдующія пѣсни Одиссеи (Навсикая и пр.) не цивилизація? Вѣрнѣе, что господство письменности несовмѣстимо съ господствомъ устнаго преданія, съ той оговоркою, что письменность мертва, что она никогда небыла и неможетъ быть полнымъ отраженіемъ жизни, и что, стало быть, пользованіе ею возможно лишь настолько, насколько она оживляется и дополняется устнымъ преданіемъ. Такимъ образомъ противоположность *письменности* и вытекающаго изъ нея способа измѣненія поэтическаго образа и *устной поэзіи* небезусловно. Письменность, литературное преданіе можетъ питать устную поэзію [1]). Смѣна устнаго преданія письменностью есть рядъ разнообразныхъ и длинныхъ процессовъ; при наблюденіи отдѣльныхъ случаевъ и ихъ моментовъ, нужно спрашивать, насколько первое вытѣснено вторымъ и замѣнено имъ. Нерѣдко эти вопросы смѣшиваются, такъ что выходитъ, что вытѣсненіе есть вмѣстѣ и замѣна въ смыслѣ вознагражденія.

Бываетъ пора, когда судно, влекомое вѣтромъ или теченіемъ рѣки, несетъ сѣдоковъ всѣхъ вмѣстѣ; наступаетъ другая, когда это судно можетъ двигаться впередъ только завозомъ: нѣсколько человѣкъ сходитъ съ него въ лодку и завозятъ впередъ якорь, къ нему притягивается судно. Всегда ли ихъ силы соразмѣрны тяжести судна?

Такъ, говорятъ, въ народной жизни настаетъ пора, когда „общее, безличное творчество" (какъ въ языкѣ) уже недостаточно; мы требуемъ индивидуальности, потому что теперь она усвоила себѣ *лучшее* изъ народнаго духа, и самый этотъ духъ стоитъ на такой высотѣ, что дальнѣйшіе его успѣхи вытекаютъ уже не изъ него самого" (въ его цѣльности) непосредственно, а при посредствѣ индивидуальныхъ усилій. Въ некультурное время это было иначе, и *народная поэзія должна приходить въ упадокъ*, какъ скоро общій духъ (Gesammtgeist) достигъ такой степени развитія,

---

[1]) Христіанскіе мотивы въ народной поэзіи; церковно-славянизмы въ малорусскихъ думахъ.

такого богатства, что проявляться въ большей силѣ онъ можетъ лишь индивидуально. Тогда „*люди болѣе сильные и благородные духомъ и вмѣстѣ съ ними высшіе классы* общества отстраняются отъ народнаго творчества (Volksdichtung), послѣднее опускается до простонародности (пошлости, грубости, Gemeinheit), становится базарнымъ (wird Bänkelsängerei); *но за то возникаетъ искусственная поэзія*. Конечно, *одновременное процвѣтаніе* искусственной и народной поэзіи весьма возможно, но лишь при условіи, что народъ раздѣлится такимъ образомъ, что и на пользу народной поэзіи останется въ дѣйствіи много благородныхъ силъ" (H. Steinthal, Das Epos, Zeitschr. f. Völk. V,—1868,10).

Подобныя мысли высказывались и въ болѣе конкретномъ и интересномъ видѣ раньше и у насъ. Кулишъ (З. О. Ю. Р. I 1856, 180—2): „Отчего Галицкій (ib 165)... не воспѣтъ нашими слѣпцами такъ, какъ Палій...? Мнѣ скажутъ, что этому причиной общій упадокъ малорусскаго народнаго творчества, происходящій вслѣдствіе *обобщенія національностей*, или что причиною этому *отсутствіе* старосвѣтской *централизаціи* Малороссіи. Но то и другое будетъ справедливо только отчасти, и не въ приложеніи къ вопросу о слѣпцахъ. Я прибавлю третью причину, можетъ быть, сильнѣе обѣихъ первыхъ, именно: что *духъ народный* ослабѣлъ въ массѣ населенія, которая управлялась инстинктивнымъ стремленіемъ темной для нея исторической цѣли, и *возродился* въ просвѣщенномъ, небольшомъ слоѣ общества, ближайшемъ къ народу по своей *любви* къ нему и *сознательно продолжающемъ* его духовную жизнь въ новыхъ формахъ цивилизаціи. Лирическія, эпическія и драматическія произведенія этого слоя общества, *на какомъ бы языкѣ они ни были написаны*, суть продолженія первыхъ твореній малороссійскаго поэтическаго генія и никакимъ образомъ недолжны быть отъ нихъ отдѣляемы. Мы всѣ... ведемъ свое происхожденіе отъ своихъ рапсодистовъ, какъ греческіе писатели образованнаго вѣка вели его отъ Гомера, и какъ самъ Гомеръ—отъ предшествовавшихъ ему очевидцевъ дѣяній старой Греціи....

... Великія явленія въ исторіяхъ литературъ неповторяются въ точной параллели между собою, но по одинаковости натуры общаго генія человѣческаго, они болѣе или менѣе имѣютъ между собою общее; и потому наши пѣсни, сложенныя народомъ, послужатъ, если непослужили уже отчасти, къ возсозданію вѣрнаго образа прошедшаго въ произведеніяхъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ вкуса новаго цивилизованнаго общества *Мы* и *народъ—одно* и *тоже*, по нравственному развитію малороссійскаго населенія; но только онъ, съ его изустною поэзіею, представляетъ въ духовной жизни, *первый* періодъ образованія, а *мы*—начало новаго *высшаго* періода“. . . . „*Наша* литература построена прямо на началахъ *его* изустной словесности“, но.... „приняла въ себя новыя начала жизни“. *Мы*, слѣдовательно, только *многостороннѣе* своихъ предшественниковъ, украинскихъ бардовъ, но они не лишили насъ наслѣдства по себѣ ни въ какомъ отношеніи. Какимъ же послѣ этого образомъ, современные намъ слѣпцы, непринадлежа къ развивающейся (преимущественно передъ прочими) части малороссійскаго населенія, а, составляя только его отребье, могутъ творить новыя думы, въ уровень съ понятіями и требованіями идущихъ впередъ представителей своей національности?“

Приведя это мѣсто, Пыпинъ. (Обз. мр. этногр. VI, В. Евр. 1885. XII, 788) замѣчаетъ: „Мысли въ общемъ справедливыя, хотя можно бы сказать ихъ проще. Дѣло въ томъ, что народная поэзія *вообще* исчезаетъ, становится *невозможной*, когда жизнь становится болѣе сложной—не только съ распространеніемъ цивилизаціи, но съ укрѣпленіемъ государственнаго быта; когда народная масса, за дѣйствіемъ новаго механизма національной жизни, теряетъ возможность отожествляться съ нею (какъ бывало во времена болѣе патріархальныя) или даже слѣдить за ея явленіями: народъ можетъ слагать эпосъ лишь о томъ, въ чемъ онъ участвуетъ своей массой, что по своей простотѣ невыходитъ изъ предѣловъ его пониманія, а сложная государственная жизнь, какъ и сложныя явленія цивилизаціи, становятся недоступны этому пониманію“.

Да, это такъ: народъ неможетъ воспѣвать Вѣнскаго конгресса, или административныхъ и судебныхъ преобразованій такого-то царствованія; но неужели любовь или печаль и радость стали по нынѣшнимъ цивилизованнымъ временамъ такъ сложны, что воспѣвающая *ихъ* народная поэзія стала *вообще* невозможной? Пусть народъ неможетъ создать оркестровой симфоніи или оперы; но почему же существованіе оперы, въ которую мужикъ неходитъ, должно производить то, что онъ, если это правда, забываетъ и замѣняетъ худшими свои простые напѣвы?

Далѣе Пыпинъ прилагаетъ свою аппробацію и къ слѣдующимъ мыслямъ Кулиша. „Кулишъ, говоритъ онъ, справедливо возстаетъ противъ превратнаго представленія цивилизаціи, какъ чего-то враждебнаго истинно народнымъ началамъ“: „Цивилизація раздѣлила наше общество на двѣ части.... и слѣпцы остались за предѣлами нашего круга. Но она *не въ силахъ* была *расторгнуть* внутреннюю связь цивилизованнаго человѣка съ остатками прежняго общества, и потому *народная поэзія возродилась* въ новомъ малорусскомъ мірѣ *со всѣми* признаками своего происхожденія отъ поэзіи стараго міра. *Противъ цивилизаціи* возстаютъ любители старины, какъ противъ смертоноснаго начала въ народной жизни. Но это—только вопли, безъ которыхъ несовершается въ народѣ ни одинъ переворотъ. *Истинно-философскій умъ стоитъ выше сожалѣній* о томъ, что старое исчезаетъ, уступая мѣсто новому, и *успокаиваетъ* себя убѣжденіемъ, что *всякій* переворотъ обнаруживаетъ движеніе жизни, а жизнь, двигаясь впередъ, непремѣнно создастъ для себя новыя и новыя формы“.

Что выйдетъ изъ малороссійскаго цивилизованнаго общества.... мы незнаемъ, но неможемъ потерять вѣры.... что эта сумятица понятій.... скрываетъ вѣрный ходъ къ *высшему*, духовному развитію.... Залоги грядущей жизни часто скрываются глубоко въ народѣ (разумѣя подъ этимъ словомъ не однихъ простолюдиновъ). Исторія уже много разъ насъ изумляла обнаруженіемъ.... новой жизненной силы подъ омертвѣлыми.... остатками прошедшаго.... и

слишкомъ бурными массами новыхъ, еще безобразныхъ явленій.... (З. о. Ю. Р. I, 182—3).

И такъ, начавши съ науки, мы договорились до вѣры.

На рѣкѣ Удахъ, на пѣскѣ, когда-то былъ общественный лѣсъ, стоялъ и шумѣлъ, давая тѣнь и убѣжище звѣрю и птицѣ, укрывая землю листомъ. Его срубили, частью сожгли, частью продали и деньги отнесли для высшихъ цѣлей цивилизаціи въ кабакъ и казначейство. Долго еще торчали пни и задерживали на мѣстѣ тонкій слой лиственнаго перегноя; но пни выкорчевали, скотъ истолокъ землю въ пыль, вѣтеръ разнесъ её, дожди смыли въ въ рѣку, и теперь тамъ голый пѣсокъ; неростетъ ни чебрецъ, ни полынь, и скотъ незабродитъ... Истинно философскій умъ долженъ стоять выше сожалѣній о шумѣ и тѣнистой зелени, успокаивая себя тѣмъ, что вещество негибнетъ, но преобразовывается все въ новыя и новыя формы, и что хотя у мужиковъ нѣтъ лѣса, а у скотины—пастьбища, но гдѣ-нибудь около Таганрога мѣлѣетъ отъ наносовъ море, и когда оно совсѣмъ обмѣлѣетъ, тамъ, быть можетъ, выростетъ лѣсъ лучше прежняго.

Вѣра въ совершенствованіе этого міра, лучшаго изъ міровъ, потому что онъ одинъ только намъ сколько-нибудь извѣстенъ, поддерживаемая научными соображеніями о возникновеніи высшихъ формъ органической жизни, нужная для успокоенія духа, необязываетъ закрывать глаза на колебанія уровня жизни; и тотъ философскій умъ, который небудетъ жалѣть о лѣсѣ на Удахъ, будетъ умъ, который надъ лѣсомъ видитъ, а подъ носомъ невидитъ. Что было, то было, и неслучиться не могло при данныхъ условіяхъ; но вопросъ въ томъ, точно ли эти условія всеобщи и неизмѣнны. Съ этой точки зрѣнія всеобщія утвержденія въ разсужденіяхъ, подобныхъ приведеннымъ, превращаются въ рядъ вопросовъ:

Всегда ли высшіе классы, являющіеся носителями индивидуальнаго развитія, усвоиваютъ себѣ все лучшее изъ народнаго духа?

Всегда ли они вмѣщаютъ въ себѣ все болѣе сильное и благородное духомъ изъ народа, такъ что можно сказать, что духъ народный, ослабѣвъ въ безсознательно жившей массѣ, *всегда воз-*

развивается и находитъ *продолженіе* своей дѣятельности въ высшихъ классахъ?

Все ли равно для народа, на какомъ бы языкѣ ни продолжалась избранными ея дѣятельность?

Всегда ли мы и народъ одно и тоже, съ тою разницею, что мы многостороннѣе и совершеннѣе его?

Всегда ли отношеніе личнаго творчества къ безличному такое, какъ въ древней Греціи? И можетъ ли, напримѣръ, новая Греція считаться достойнымъ продолженіемъ древней, высшей формой существованія этой послѣдней?

Всегда ли искусственная поэзія является, какъ возмѣщеніе безыскусственной и вознагражденіе за ея паденіе, да и всегда ли въ высшихъ классахъ появляется какая бы то ни была искусственная, т. е. личная поэзія?

На это мы отвѣтимъ словами Буслаева, котораго нельзя обвинить ни въ незнаніи, ни въ отсутствіи любви къ русской словесности. Буслаевъ говоритъ: „Сочувствія къ народности (=къ язычеству), [illegible] въ язычествѣ, небыло и не могло быть между грамотными людьми древней Руси. Языческая словесность и христіанская литература шли у насъ двумя совершенно различными путями. Столкновеніе между тою и другою оказывалось только въ томъ, что люди лучшіе, просвѣщенные христіанствомъ, обличали пристрастіе къ языческимъ повѣрьямъ и обрядамъ, къ невоздержности и къ нечистотѣ семейной жизни"... [illegible] рассказывать сказки и басни почиталось дѣломъ языческимъ, забавою [illegible]. Въ [illegible] слова Христолюбца... къ [illegible] играмъ, которыхъ [illegible] христіанинъ [illegible], [illegible] [illegible] т. е. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] XIV-го вѣка [illegible] [illegible] т. е. [illegible] [illegible] [illegible]... „И такъ [illegible] игры и забавы, всѣ [illegible]— [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

дямъ той эпохи дѣломъ предосудительнымъ, наважденіемъ дьявольскимъ“ (Оч. II, 68—9). [1])

Весьма существенно то, что, по словамъ Кулиша, *возрожденіе* духа народнаго въ дѣятельности небольшого верхняго слоя зависитъ отъ *близости* этого слоя къ массѣ и *любви* къ ней. Но всегда ли отношеніе продолжателей къ массѣ любовно, и какова эта любовь? Она можетъ быть различна. Одиссей:

„Я же скажу, что великая нашему сердцу утѣха
Видѣть, какъ цѣлой страной обладаетъ веселье; какъ всюду
Сладко пируютъ въ домахъ, пѣснопѣвцамъ внимая, какъ гости
Рядомъ по чину сидятъ за столами, и хлѣбомъ и мясомъ
Пышно покрытыми; какъ изъ кратеръ животворный напитокъ
Льетъ виночерпій и въ кубкахъ его опѣненныхъ разносятъ.
Думаю я, что для сердца ничто быть утѣшнѣй неможетъ.

Одисс. IX, 5 сл.

Это τέλος=конецъ, цѣль, идеалъ Одиссея, языческаго героя. Есть и такая (любовь), о которой говоритъ мр. пѣсня: „Мій батенько мене любить, то він мене з світа згубить.“ Есть и такая любовь, предметъ которой не ближній, а наша честь, нашъ идеалъ, и которая есть не любовь, а себялюбіе. Такое чувство можетъ только уничтожать дѣйствительность, а не преобразовывать ее въ высшія формы, и если невсегда дѣйствуетъ лишь разрушительно, то лишь потому, что невсегда встрѣчается въ безпримѣсномъ видѣ.

Если нравственность есть то, что расширяетъ и укрѣпляетъ связи между людьми, то такое чувство безнравственно, хотя бы и говорилось, что носители его, проникнутые высшими идеалами, совершаютъ гражданскій или религіозный подвигъ. Къ этимъ носителямъ, оправдываютъ ли они себя своими гражданскими идеа-

---

[1]) (Pfaffen) Der Gottes—Erde lichten Saal
Verdüstern sie zum Jammerthal.
Daran entdecken wir geschwind,
Wie jämmerlich sie selber sind, Göthe, Zahme Xenien, VI, 87. Безнаказанно такъ можно было говорить только въ XVIII—XIX вв.

лами, или представленіями объ отношеніи этой жизни къ загробной, можно примѣнить стихи Полонскаго „Поэту гражданину“:

Нѣтъ правды безъ любви къ природѣ, [1])
Любви къ природѣ [2]) нѣтъ безъ чувства красоты,
Къ познанью нѣтъ пути намъ безъ пути къ свободѣ,
Труда—безъ творческой мечты“.

Гдѣ нѣтъ любви, невозможной безъ чувства красоты, тамъ нѣтъ свободы и творчества, т. е. преобразованія низшихъ формъ мысли и жизни въ высшія. Оправданія этого радикализма и отрицанія дѣйствительной жизни, этого, употребляя терминъ нашего времени „разрушенія эстетики“ едва ли основательны: „Нельзя неотдать нѣкоторой справедливости обличителямъ, потому что *своего* веселья, *своего* поэтическаго досуга, какъ свидѣтельствуютъ наши древніе писатели, *народъ не умѣлъ*, въ ихъ глазахъ, облагородить идеями новой религіи, неумѣлъ искупить своихъ языческихъ забавъ ревностью къ тому высокому ученію, которое проповѣдывалось избранными умами послѣдней эпохи“ (Бусл., Оч. II. 69). Откуда въ народѣ могло взяться побужденіе оправдывать существованіе своего нравственнаго облика передъ обличителями? Послѣдніе явились въ роли преобразователей. Они и должны были возвысить существовавшее до новыхъ идей, различить, что въ прежнемъ было согласно съ новыми идеями, а что нѣтъ. Вмѣсто этого они, съ односторон[illegible] ограниченіемъ относясь ко всему и тѣмъ отступивъ [illegible] дѣятельность [illegible] умѣли только повторять жалобы на пристрастіе народа къ пѣснямъ и [illegible] и равнодушіе его къ [illegible]. Они не только [illegible] они дѣйствовали для [illegible] [illegible] самыхъ идеаловъ на мѣстѣ жизни, [illegible] силою [illegible] [illegible] съ [illegible]. [illegible] народъ явились бы [illegible].

Не можетъ быть [illegible] лишь никакой словесности? [illegible] „[illegible] письменности“.

1) Къ [illegible].
2) Къ природѣ [illegible].

судя „по нѣкоторымъ даннымъ“, дѣйствительно существовала словесность народная въ пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ, миѳическихъ сказаніяхъ и въ цѣломъ рядѣ народныхъ произведеній, состоявшихъ въ связи съ миѳическими обрядами. Даже въ концѣ XII вѣка простой народъ.... въ самыхъ коренныхъ основахъ своей жизни, въ бытѣ семейномъ, держался до-христіянской старины. Въ „Церковномъ правилѣ“ митрополита Іоанна между прочимъ говорится, что простой народъ въ его время игралъ свадьбы по языческимъ преданіямъ съ плясаніемъ и гудѣніемъ, полагая, что церковное *вѣнчаніе нужно только боярамъ* и *князьямъ* (Бусл., Оч. II, 67). И не одни свадьбы. По свидѣтельству одного слова въ Паисіевомъ сборникѣ, были и другія игрища, позорища, „сборища идольскія“, которыя, несмотря на то, что на этихъ позорищахъ небыло „ни покрова, ни затишья“, привлекали людей настолько, что церкви стояли пусты (ib 69—70). Были языческіе годовые праздники. Весь кругъ домашней и хозяйственной жизни сопровождался пѣснями. Косвенно объ этомъ свидѣтельствуетъ нынѣшняя народная поэзія, ибо, какъ бы ни было велико вліяніе на нее христіянства, до сихъ поръ, сколько знаю, никто еще нерѣшался утверждать, что оно внушило любовь къ пѣнію, то есть столько же и даже больше къ поэзіи, чѣмъ къ музыкѣ; что оно выучило возводить къ идеаламъ дѣйствительныя житейскія отношенія, величать князя съ княгинею (молодыхъ), поѣзжанъ, участниковъ игрищъ, отца и мать семейства, сына, дочь, какъ въ колядкахъ. Пусть Боянъ Сл. о П. Иг. есть миѳъ, пусть Гомеръ будетъ миѳъ; но такіе миѳы немогутъ создаваться безъ соотвѣтствующей дѣйствительности, какъ невозможенъ миѳъ о солнечной колесницѣ у людей, незнающихъ колесницы. И такъ Сл. о. П. Иг. свидѣтельствуетъ, что были героическія пѣсни, величавшіе подвиги отдѣльныхъ лицъ (Янъ Усмошвецъ).

Были ли пѣсни, величавшіе боговъ? Были ли человѣкообразные боги, которыхъ можно было величать пѣснями? Старинная письменность до 50-хъ годовъ включительно въ этомъ несомнѣвалась, хотя сохранила объ этомъ очень мало свѣдѣній. Въ бли-

жайшее къ намъ время изъ противодѣйствія увлеченіямъ „нашихъ миѳологовъ“ (которыхъ, если разумѣть болѣе менѣе самостоятельныя изслѣдованія, было, можетъ быть, въ сотни разъ менѣе, чѣмъ въ Германіи) стали говорить о *неразвитости* славянской миѳологіи. Если бы подъ этимъ разумѣлось только то, что сказанія о богахъ небыли увѣковѣчены письменностью, и служеніе имъ непородило, какъ въ Греціи, пластики и архитектуры; то споръ былъ бы невозможенъ. Но говорится нѣчто другое.

Буслаевъ здѣсь умѣренъ, хотя невполнѣ ясенъ: „Славянскій миѳологическій эпосъ *неуспѣлъ* создать полныхъ округленныхъ типовъ божествъ, подобно эпосу греческому, скандинавскому или финскому“. Хотя онъ находится „въ родственной связи съ миѳической стариною“, безъ чего „невозможно было бы процвѣтаніе такого благоуханнаго народнаго эпоса“, какъ русскій, сербскій и болгарскій“.

„Славянскій эпосъ“ и доселѣ живетъ.... вѣрою въ цѣлый рядъ миѳическихъ существъ, но существъ мелкихъ немногозначительныхъ: это не крупныя величавыя личности греческаго Зевса, финскаго Вейнемейнена, скандинавскаго Тора или Одина съ опредѣленнымъ нравственнымъ характеромъ, развитымъ во множествѣ подвиговъ и похожденій, но рядъ существъ несамостоятельнаго, неотдѣльнаго бытія: это цѣлыя толпы вилъ, русалокъ, дивовъ, полудницъ и т. п. Какъ существа стихійныя, всѣ эти миѳологическія лица *могли предшествовать* образованію нравственныхъ, опредѣлительныхъ характеровъ въ типахъ божествъ; но могли они быть и остаткомъ, который сохранился въ памяти народа отъ этихъ человѣкообразныхъ идеаловъ. Такимъ образомъ господство вилъ, дивовъ, русалокъ въ народномъ эпосѣ можетъ означать *не то, чтобы* въ *вѣрованьяхъ* народа *неуспѣли еще сложиться* болѣе крупныя миѳологическія личности, но—что эти личности *неполучили* болѣе *опредѣленныхъ формъ* въ поэзіи *эпической* и потому современемъ забылись, оставивъ по себѣ своихъ спутниковъ, эту, такъ сказать, собирательную мелочь народной миѳологіи“.

„И такъ главный характеръ славянскаго эпоса—героическій или юнацкій". Сложившись въ миѳическую эпоху, этотъ эпосъ „проникнутъ вѣрованіемъ въ связь героевъ съ міромъ сверхъестественнымъ" (Бусл. Оч. II, 6—7). Казалось бы, что здѣсь—признаніе миѳологическаго основанія народной поэзіи. Но а) вилы—южнославянскіе, о дивахъ ничего неизвѣстно (Дивъ кличетъ, Марья Дивовна сестра Владиміра), русалки, можетъ быть, въ значительной степени христіянскаго образованія; б) если крупныя божества неполучили формъ въ эпической (или лирической?) поэзіи, то они и вовсе несложились, потому что, гдѣ же они могли бы сложиться, кромѣ поэзіи. Внѣ поэзіи нѣтъ сферы, гдѣ могутъ создаваться миѳы. Можемъ ли себѣ представить эпосъ безъ лицъ (за исключеніемъ позднѣйшей описательной и дидактической поэзіи)? Если нѣтъ, то эпоса, воспѣвшаго стихійныя массовыя божества, небыло. Стало быть, вообще миѳическаго славянскаго эпоса, съ точки зрѣнія Буслаева,—небыло.

Веселовскій: „невсегда старые боги сохранились въ памяти средневѣковаго христіанина, прикрываясь только именами новыхъ святыхъ..... Образы и вѣрованія средневѣкового Олимпа могли слагаться" прямо изъ непониманія евангельскихъ разсказовъ, легендъ и т. п. „Такого рода созданіе ничуть непредполагаетъ, что на почвѣ, гдѣ оно произошло, было предварительное сильное развитіе миѳологіи. Ничего такого могло и небыть, то есть *миѳологіи, развившейся до олицетворенія божествъ*, до признанія между ними человѣческихъ отношеній, типовъ и т. п.; *достаточно было особаго склада мысли*, никогда *неотвлекавшейся отъ конкретныхъ формъ жизни* и всякую абстракцію *низводившей до ихъ уровня*. Если въ такую умственную среду попадетъ остовъ какого-нибудь нравоучительнаго аполога, легенда, полная самыхъ аскетическихъ порывовъ, они выйдутъ изъ нея сагой, сказкой, миѳомъ; неразглядѣвъ ихъ генезиса, мы легко можемъ признать ихъ за таковые. Такимъ процессомъ скотій богъ Волосъ могъ также естественно выработаться изъ святого Власія, покровителя животныхъ, какъ, по принятому мнѣнію, св. Власій—подставиться на мѣсто коренного языческаго Волоса. Я недоказываю перваго, но позволю себѣ

пожалѣть, что съ указанной мною точки зрѣнія исторія средневѣковаго двоевѣрія слишкомъ мало изучена" (О Солом. и Китовр. XIII—XIV).

Хотя здѣсь неутверждается, что такъ именно было на Руси, но, судя по совокупности изслѣдованій Веселовскаго, можно думать, что онъ склоненъ принимать это предположеніе за дѣйствительность.

Согласно съ этимъ состояніе мысли русскихъ и другихъ славянъ до усвоенія и преобразованія ими заимствованныхъ христіанскихъ мотивовъ характеризовалось тѣмъ, что *они никогда* до того времени *неотвлекались отъ конкретныхъ формъ жизни*, что *они до той поры несоздавали олицетвореній божествъ.*

Что до перваго, то древнѣйшіе переводы Священнаго писанія застаютъ уже языкъ славянскій (отъ котораго русскій немогъ многимъ отличаться) весьма развитымъ и способнымъ къ отвлеченіямъ. Если приписать это вліянію христіанства, на четыре—пять столѣтій предшествующему Кириллу и Меѳодію (Бусл. „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ"), то тѣмъ самымъ отодвинется настолько же время, когда въ языкѣ олицетворенія божествъ (если они были) были явственны.

Что до втораго, то а) для олицетворенія божествъ нетребуется высокаго развитія. Такое олицетвореніе безспорно приписывается разнымъ народамъ земнаго шара, стоящимъ гораздо ниже славянъ.—Если славяне не успѣли развить этихъ олицетвореній (Буслаевъ), а не забыли ихъ, то они составляютъ рѣдкое и необъяснимое исключеніе.

б) Ученые, какъ Максъ Мюллеръ, думаютъ, что спеціально греческому миѳологическому періоду предшествовалъ періодъ до раздѣленія арійскаго племени, въ которомъ существовали уже личныя божества: Діаус = Ζεύς, Варуна = Οὐρανός, Ушас = Ἠώς, Сарамју = Ἑρμείας и нѣкоторыя др. (Essais II, 163 и пр.). Было бы странно думать, что славяне составляютъ исключеніе изъ арійскихъ племенъ—что они неуспѣли образовать личныхъ божествъ, тогда какъ другія сродныя племена имѣли ихъ уже въ незапамятную старину, до прихода въ Европу. Вѣроятнѣе думать, частью,

что славяне имѣли эти олицетворенія, но забыли ихъ (Ср. Литов. dëws слав. богъ); частью же, что слѣды доисторической старины еще скрываются въ народныхъ вѣрованіяхъ и языкѣ, но остаются неизвѣстны ученымъ: кто прилагалъ къ славянской миѳологіи то знаніе и умѣніе, какія прилагались къ миѳологіи индійской, иранской, греческой, латинской и германской?

в) Еслибы оказалось, что слѣдовъ личныхъ божествъ точно нѣтъ, то и въ такомъ случаѣ заключеніе отсюда къ тому, что личныя божества неуспѣли развиться, было бы ошибочно: гдѣ слѣды греческаго Олимпа у новыхъ грековъ? [1])

Итакъ болѣе вѣроятно, что и у славянъ были личныя божества, поэтическія сказанія объ нихъ, миѳологическій эпосъ, но все это *забыто*. *Почему?* Вслѣдствіе глубокаго разъединенія грамотныхъ и неграмотныхъ классовъ и невниманія или отвращенія первыхъ къ послѣднимъ; вслѣдствіе отсутствія той любви, которая одна дѣлаетъ возможнымъ творческое взаимодѣйствіе высшихъ и низшихъ, новыхъ и старыхъ теченій мысли. Сверху—радикализмъ, узость пониманія, незнаніе, сухость сердечная. (Кто любитъ и знаетъ, тотъ неможетъ быть радикаломъ).

Вездѣ ли такъ было? Буслаевъ: „Справедливость требуетъ замѣтить, что и на западѣ, со временъ св. Бонифація (+755) постоянно встрѣчаемъ въ постановленіяхъ соборныхъ и въ правилахъ запрещеніе духовнымъ и свѣтскимъ пѣть народныя пѣсни“. „Однако доисторическая народная поэзія тѣмъ не менѣе состояла въ такой живой связи съ просвѣщеніемъ нѣмецкихъ племенъ, основаннымъ на началахъ христіанскихъ, что собраніемъ древнѣйшихъ пѣсень Эдды мы обязаны духовному лицу, современнику нашего перваго лѣтописца“ (Оч. II, 68). Въ XII—XIII в. въ Германіи—Нибелунги, Гудруна.

Слѣдствіе односторонняго исключительно религіозно-аскетическаго направленія старинной русской словесности—ея скудость, неэстетичность. Такъ называемое „разрушеніе эстетики“ нашего времени есть явленіе совершенно ничтожное въ сравненіи

[1]) Слѣды личныхъ божествъ у русскихъ славянъ, см. въ Словѣ о П. И.

съ тѣмъ, которое совершалось отъ принятія христіанства въ теченіе восьми вѣковъ. Поразительно отсутствіе за все это время стихотворной формы, если несчитать виршей Симеона Полоцкаго XVII в. и т. п. Отсутствіе прекрасной формы указываетъ на то, что красота жизни или вовсе нечувствовалась, или навязывалась мысли невольно, безсознательно и враждебно, какъ бѣсовское наважденіе („И рече единъ отъ бѣсовъ, глаголемый Христосъ: возьмѣте сопѣли, бубны и гусли, и ударяйте, ать ны Исаій спляшеть“ Лавр.[2]) 187).

„Въ Германіи блистательное развитіе духовной пѣсни пошло отъ такъ называемыхъ Кирелейсовъ, почему и самая пѣснь называется *leise* (Буслаевъ Оч. II 75); у насъ, хотя въ XII—XIII в. народъ или дружина пѣли „Киріе Элейсон“ (ib 76), однако никакого развитія непослѣдовало.

„Только при развитіи свѣтской литературы, въ которой выражаются нравственныя и умственныя потребности не одного.... круга писателей духовныхъ, но цѣлаго народа, возможно повсемѣстнос *распространеніе.... идей христіянства....* Свѣтская литература и вообще искусство, вначалѣ враждебныя религіи, становятся наконецъ ея служителями“ (Но для этого нужно, чтобы они небыли уничтожены; гдѣ они уничтожебы, тамъ они и не служили). „Высоко-религіозныя поэмы и мистеріи древней и средневѣковой литературы на западѣ возможны были только потому, что христіянская идея привилась къ литературѣ чисто народной. Высочайшія произведенія архитектуры и живописи на западѣ въ XIII—XV в., свидѣтельствуя о сочувствіи народа къ идеямъ христіянскимъ, вмѣстѣ служатъ выраженіемъ художественнаго настроенія, которое чуждо было у насъ и младенчествовавшему народу, съ одной стороны, и строгому пуризму грамотныхъ людей, съ другой“ (Оч. II 71).

„Отсутствію художественной литературной дѣятельности соотвѣтствуетъ въ древней Руси недостатокъ дѣятельности артистической вообще“ (ib 71). Строители храмовъ были византійцы,

нѣмцы, итальянцы. Свѣтская живопись отсутствовала. Объ эстетическомъ достоинствѣ иконописанія нечего и упоминать. „Копированіе съ чужихъ рисунковъ до того господствовало между древнерусскими живописцами, что самое понятіе о сочиненіи, о художественномъ воспроизведеніи они выражали словами *переводъ*, и *переводить* значило для нихъ *сочинять*“ (Оч. II, 72).

Естественная смерть, то есть перерожденіе народной поэзіи— явленіе необычное, рѣдкое. Мы большею частью видимъ смерть насильственную. При измѣненныхъ условіяхъ въ новое время мы видимъ повтореніе перерыва въ преданіи. Съ новой народной поэзіей (въ Мр. съ XVI—XVII в.) повторяется тоже, что было съ древней. Наблюдатели единогласно говорятъ о вытѣсненіи въ неграмотномъ народѣ стараго хорошаго новымъ дурнымъ, о замѣнѣ высшихъ музыкальныхъ и поэтическихъ формъ низшими.

Въ высшемъ слоѣ тоже нельзя говорить о перерожденіи народной поэзіи въ высшія формы. Разница съ древней Русью та, что въ XIX в. сдѣланы нѣкоторые коллекціи. Сравненіе съ ботаническими или зоологическими коллекціями показываетъ, что собранія произведеній народной поэзіи уступаютъ естественно-историческимъ въ систематичности. Сохраненъ большею частью только изуродованный трупъ пѣсни: искусство и знаніе непридало ему даже вида жизни. Тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о литературѣ на народныхъ основахъ. Отъ народа взято очень мало. Для народа сдѣлано мало.

Къ случаямъ въ народной жизни, сходнымъ съ насильственною смертью въ индивидуальной, могутъ очень легко относиться, съ такъ называемой *объективностью*, которая въ сущности не есть *болѣе широкое знаніе*, а лишь *болѣе полное равнодушіе*. Пыпинъ (Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ, В. Евр. 1886 февр. 729): „всякія подобныя историческія связи, вліяніе одного національнаго элемента на другой, преобладаніе одного и подчиненность другого, составляютъ всегда явленіе двухстороннее: одинъ элементъ беретъ верхъ, потому что уступаетъ другой, и если результатъ оказывается тяжелымъ и

бѣдственнымъ для элемента подчиняемаго, то вина такого результата падаетъ также и на этотъ послѣдній, на его собственную слабость, недостаточное развитіе его силъ, и ссылки на „коварство,“ „насиліе“ и пр. почти всегда свидѣтельствуютъ о нежеланіи понять историческій фактъ съ общихъ его сторонъ.“ Черепица провалила черепъ, который самъ виноватъ, потому что мягче черепицы. Прошедшее невозвратимо; но сердечное отношеніе къ нему даетъ урокъ для будущаго: „не убій.“

Поэзія устная и письменная.

Народная поэзія. Исходя отъ ближайшихъ къ намъ явленій, мы подъ народной поэзіей разумѣемъ прежде всего поэзію низшихъ слоевъ современнаго общества, слоевъ почти незнающихъ письменности, школы, науки. Въ этомъ смыслѣ народная поэзія, какъ заключающая въ себѣ меньшую долю сознательности, безыскусственна. Она несовсѣмъ правильно противополагается не поэзіи только высшихъ, письменныхъ, учоныхъ слоевъ, но всей словесной продуктивности этихъ слоевъ, т. е. какъ поэзіи, такъ и прозѣ. *Народная поэзія* и *литература* служатъ представителями двухъ различныхъ состояній человѣческой мысли, которыя относятся другъ къ другу, какъ степени, предшествующая и послѣдующая.

Было время, когда литературы небыло. Тогда, какъ обыкновенно говорится, народная поэзія господствовала (точнѣе: тогда она была наиболѣе виднымъ продуктомъ человѣческой мысли) исключительно. Дѣленія слоевъ на высшіе болѣе культурные и низшіе небыло.

Поэтому подъ народной поэзіей мы разумѣемъ поэзію всего народа до его раздѣленія на классы, замѣтно различные по степени культуры. Такъ какъ переходъ отъ такого состоянія цѣльности народа къ его культурной раздробленности, по общему закону природы и человѣческой жизни, можетъ произойти лишь исподоволь, то мы должны напередъ быть готовы къ тому, что

охарактеризовать состоянія мысли, соотвѣтствующія народной поэзіи и литературѣ, можно будетъ лишь приблизительно. Въ извѣстныхъ произведеніяхъ народной, т. е. устной и безличной поэзіи мы должны быть готовы встрѣтить подготовку литературныхъ явленій; наоборотъ, первоначальные продукты литературы должны во многомъ напомнить настроеніе мысли, свойственное народной поэзіи. Рѣзкимъ признакомъ остается только то, что заключается въ самомъ словѣ „литература", именно, то что литературное произведеніе при самомъ возникновеніи своемъ предполагаетъ письменность.

Положеніе: „поэтическій образъ *неподвиженъ относительно къ измѣнчивости содержанія*" выдерживаетъ всяческую повѣрку. Само собою, относительная неподвижность есть относительная измѣнчивость. Въ способѣ измѣненія образа состоитъ разница между устною и письменною поэзіей.

Давно замѣчено, что въ Европѣ паденіе народной поэзіи, то есть искаженіе и забвеніе ея прежнихъ произведеній и отсутствіе новыхъ, идетъ отъ запада къ востоку. Не всѣ роды народной поэзіи вымираютъ равномѣрно. Вѣроятно, нѣтъ въ Европѣ народа, въ коемъ несохранилось бы, съ одной стороны, остатковъ или болѣе позднихъ продуктовъ лирической народной пѣсни, преимущественно женской, съ содержаніемъ болѣе-менѣе подчиненнымъ музыкѣ, съ другой—остатковъ миѳическаго эпоса въ видѣ сказки, повѣрья, предразсудка. Между тѣмъ эпосъ, еще въ средніе вѣка жившій въ Германіи и Франціи, нынѣ сохраняется лишь у Финновъ, миѳическія пѣсни коихъ собраны и соединены въ нѣкоторую цѣлость финскимъ ученымъ Лённротомъ уже въ 30-хъ годахъ нашего вѣка, и у восточныхъ Славянъ. Въ приднѣпровьѣ дума, вѣроятно весьма поздняя форма историческаго и нравоучительнаго эпоса, очевидно вымираетъ. Въ глухихъ мѣстностяхъ сѣверной Россіи народъ еще пробавляется остатками стариннаго полуисторическаго эпоса, неприбавляя къ нему ничего существеннаго. На Балканскомъ полуостровѣ болгары лучшимъ, что у нихъ сохранилось въ эпическомъ

родѣ, обязаны сосѣдству съ сербами, которые сами здѣсь непредставляютъ единства. Лишь въ Босніи, Герцоговинѣ, Черногоріи и гористыхъ частяхъ княжества Сербіи живетъ еще полною жизнью мужеская эпическая пѣсня, рецитируемая подъ звуки однострунной скрипки (*гусле*—на нихъ играютъ смычкомъ, *гудало*). Здѣсь до послѣдняго времени въ рѣдкомъ домѣ небыло этого инструмента. Почти всѣ мужчины и многія женщины умѣли владѣть имъ. Между тѣмъ въ Сремѣ, Бачкѣ, Банатѣ гусли стали исключительно слѣпецкимъ инструментомъ, юнацкія пѣсни поются подъ нихъ только слѣпцами, да и тѣ предпочитаютъ просить подъ гусли милостыню. Гдѣ общенародны гусли, тамъ и способность воспроизведенія „юнацкихъ пѣсень“ и созданія ихъ велика. Караджичъ знавалъ такихъ, которые помнили до сотни пѣсень, въ нѣсколько сотъ стиховъ каждая. Важныя въ историческомъ смыслѣ событія до послѣдняго времени порождали новыя пѣсни, неотличающіяся отъ старыхъ по стилю и красотѣ. Весьма вѣроятно, что нѣкоторыя изъ этихъ пѣсень, записанныя Вукомъ, сочинены тѣми, отъ коихъ были записаны.

Въ этихъ мѣстностяхъ встрѣчаемъ въ наибольшей чистотѣ условія жизни, существовавшія нѣкогда вездѣ, гдѣ процвѣтало народное творчество. Эти условія приблизительно таковы:

Масса народа—нерасчленена [1]) вліяніемъ письменности, школы и науки, условливающихъ возможность сосредоточеннаго,

---

[1]) Въ гомерическое время масса народа въ общественномъ отношеніи была уже расчленена. Кромѣ царей, ведущихъ свой родъ отъ боговъ (διοτρεφεῖς, διογενεῖς βαδιλῆες), старшинъ народныхъ (γέροντες), были еще знатные (ἀριδτῆες). Этому противополагался δήμου ἀνήρ—простой человѣкъ, κακός—подлый. Таковъ былъ Ѳерситъ (Ил. II, 212 сл.), на изображеніе котораго пѣвецъ непожалѣлъ черныхъ красокъ, хотя то, что онъ говоритъ противъ Агамемнона, такъ справедливо, что многоумный Одиссей ненаходитъ другихъ возраженій, кромѣ брани и палки. Менелай спрашиваетъ у Писистрата и Телемаха: „Какіе вы люди? Въ васъ неувяла, я вижу, порода родителей вашихъ; Оба, конечно, вы дѣти царей, порожденныхъ Зевесомъ, скиптродержавныхъ; подобные вамъ не отъ низкихъ родятся“ (Од. IV, 61 сл.). Навсикая—Одиссею: „Странникъ, конечно, твой родъ знаменитъ: ты, я вижу, разуменъ. Дій же и низкимъ, и рода высокаго людямъ съ Олимпа счастье даетъ безъ разбора“ (ib. VI, 187—8). Въ старѣйшихъ и лучшихъ сербскихъ юнацкихъ пѣсняхъ есть указаніе на существованіе и даже антагонизмъ аристократіи и простого народа. На пр. царь (князь) Стефанъ Лазарю:

неравномѣрнаго и односторонняго развитія личностей. Затѣмъ— свобода, т. е. не столько полное отсутствіе угнетенія, сколько гнетъ, неусовершенствованный средствами цивилизаціи, грубый, дѣйствующій больше издали, неразлагающій семейной и общественной жизни, при томъ равномѣрный, возбуждающій энергію сопротивленія; равномѣрное распредѣленіе достатка, всеобщая бѣдность (сравнительно со странами болѣе цивилизованными), непроизводящая однако вырожденія породы; равномѣрное по качеству и количеству распредѣленіе труда и талантовъ. Когда, при болѣе сложныхъ состояніяхъ общества, письменность даетъ перевѣсъ грамотнымъ классамъ надъ безграмотными; богатство, умственный трудъ, созерцательность, а нерѣдко и бездѣльная жизнь сосредоточивается въ однихъ слояхъ, а механическій трудъ въ другихъ, низшихъ: то все болѣе наклонное къ умственному труду, болѣе талантливое и энергическое частью выходитъ изъ низшихъ слоевъ и ослабляетъ ихъ своимъ выходомъ, частью насильственно подавляется и лишается энергіи; происходитъ различеніе между *urbanum* и *rusticum*, *paganum*, между большимъ городомъ и провинціей, деревней, между цивилизованными классами и грубою чернью, несовмѣстимое со всенароднымъ поэтическимъ творчествомъ. Гдѣ есть это творчество, тамъ нѣтъ образованныхъ и богатыхъ, высоко стоящихъ надъ массой, но нѣтъ и черни; развитіе каждой особи разностороннѣе, гармоничнѣе, а такъ какъ бóльшее нарушеніе равновѣсія вызываетъ больше движенія, то и состояніе народа

„Oj Бога ми, вјеран слуго Лазо!
Iа немогу тебе оженити
Свињарицомъ ни говедарицомъ;
За те тражим госпођу ђевојку....
Iа самъ за те нашао ђевојку....
У онога стара Iуг-Богдана....
Но се Iугу поменут несмије,
Није ласно њему поменути,
Iер је Богдан рода господскога,
Неће дати за слугу ђевојку“ (Кар. II, 181—2).

Такъ и въ мр. колядкахъ идеалы—знатные, богатые, полководцы, судьи, обладатели обширныхъ полей, стадъ, „царі та пани та отецькі сини“.

тамъ устойчивѣе, движеніе его въ смыслѣ прогресса или регресса медленнѣе и равномѣрнѣе.

Лишь продолжительное преемственное пользованіе письменностью и ея усовершенствованіями даетъ личной мысли замѣтную степень самоувѣренности, свойственное нашему времени отношеніе къ прошедшему. Быть можетъ, никогда человѣкъ несознавалъ такъ ясно, какъ теперь, своей зависимости отъ прошедшаго и несчиталъ столь важнымъ его изученіе. Но это есть не вѣра въ авторитетъ, какъ образецъ для подражанія, сознательное или безсознательное признаніе его важности, какъ исходной точки для дальнѣйшаго движенія мысли. Исторія есть vitae magistra не потому, что прямо учитъ, какъ быть въ данномъ случаѣ (такого случая въ ней небыло), а потому, что избавляетъ отъ напрасной траты силъ, указывая на пройденные пути, по которымъ ходить уже нельзя. Всеобщее господство извѣстнаго мнѣнія является доказательствомъ не его безусловной истины, а того, что оно уже созрѣло и готово измѣниться подъ напоромъ личной мысли, на немъ основанной. Безусловность и необходимость истины, напр. „всѣ люди смертны", есть лишь способность мышленія изъ ряда произвольно взятыхъ мыслей извлекать общіе признаки.

Наоборотъ, чѣмъ ближе къ полному отсутствію письменности и науки, сложившейся раздѣльными личными усиліями, тѣмъ робче личная мысль жмется къ авторитету и тѣмъ больше—наклонность жить по *пошлинѣ* (какъ повелось, по-хорошему, въ отличіе отъ болѣе поздняго смысла слова *пошлый*). „Что говорятъ всѣ, то истинно, что всѣ дѣлаютъ, то правильно", при чемъ самое понятіе „всѣ" сводится на околотки и т. д. Что только лично, то ложно и грѣшно, ибо vox populi-vox Dei. Лучшимъ хранителемъ преданія, настраивающимъ на свой ладъ и все общество, является старчество, само по себѣ наклонное видѣть зло впереди и счастье въ прошедшей юности (пессимизмъ и ретроспективность мысли). Поэтому, чѣмъ дальше назадъ отъ науки, тѣмъ болѣе замѣчается наклонность къ вѣрѣ въ золотой вѣкъ назади и въ возможность возрожденія міра лишь чудомъ.

При господствѣ этихъ условій и поэзія, хотя и перерабатываетъ новыя впечатлѣнія, но „обращена назадъ, къ прошедшему“ (Буслаевъ, Оч. I, 596). Личное произведеніе при самомъ своемъ появленіи столь подчинено преданію относительно размѣра, напѣва, способовъ выраженія, начиная отъ постоянныхъ эпитетовъ, до сложныхъ описаній [1]), что можетъ быть названо безличнымъ. Самъ поэтъ ненаходитъ основаній смотрѣть на свое произведеніе, какъ на свое, на произведенія другихъ того же круга, какъ на чужія. Разница между созданіемъ и воспроизведеніемъ, между самодѣятельностью и страдательностью почти сводится на нѣтъ. Слушающій замѣчаетъ и запоминаетъ только то, что создано въ общемъ стилѣ, къ усвоенію чего онъ приготовленъ; но этотъ стиль есть общій и въ томъ смыслѣ, что онъ неисчерпывается мыслью отдѣльнаго лица. Услышанное другимъ при повтореніи почти неизбѣжно измѣняется не только по формѣ, но и по содержанію, ибо и самъ первый пѣвецъ, при жизненности народной поэзіи, неможетъ повторить пѣсни именно такъ, какъ спѣлъ первый разъ. Такимъ образомъ *пѣсня* на протяженіи своей жизни *является не однимъ произведеніемъ, а рядомъ варіянтовъ*, коего концы могутъ быть до неузнаваемости далеки другъ отъ друга, а промежуточныя ступени незамѣтно между собою сливаются. Измѣненія образа и выраженія относятся другъ къ другу не какъ варіянты рукописи (лучшіе—болѣе близкіе къ подлиннику и худшіе—его искаженія; этого рода разница появляется лишь когда отлетѣла жизнь народной пѣсни), а лишь какъ одновременные и разновременные, а послѣдніе—какъ предшествующіе и послѣдующіе. Народная поэзія, какъ языкъ, по выраженію В. Гумбольдта, не произведеніе

[1]) Ср. постоянность размѣра и слога въ др.-греч., серб., ст.-нѣмецк., ст.-франц. эпосѣ („Ueber das volksthümliche epos der Franzosen“ Z. f. Völkerps. IV, 150—60). По поводу постоянныхъ эпитетовъ и эпическихъ повтореній можно развѣ съ особымъ ограниченіемъ говорить о „свѣжести впечатлѣнія произведеннаго предметомъ на пѣвца“ (Бусл. Оч. I, 73). Въ названіи всякаго берега *крутымъ*, всякой дѣвицы *красною;* въ повтореніяхъ въ родѣ гомерическихъ: „Встала младая съ перстами пурпурными Эосъ“, „Въ край нашъ (это, конечно, я знаю и самъ) не пѣшкомъ же пришелъ ты“—столько же свѣжести личнаго впечатлѣнія, сколько въ сохраненіи представленія въ отдѣльномъ словѣ.

(*ἔργον*), а дѣятельность (*ἐνέργεια*), *не пѣсня*, *а*—nomen actionis, *пѣніе* (Steinthal „Epos.“, Z. f. Völkerps. V, 7). Отсюда видно нерѣдко неизбѣжное и непоправимое зло того способа закрѣпленія народно-поэтическихъ произведеній письменностью и изданія въ свѣтъ, при коемъ намъ дается лишь нѣсколько точекъ движенія, недостаточныхъ для опредѣленія промежуточнаго пути. Для исторіи и теоріи народной поэзіи необходимо возможно большее число варіянтовъ, выхваченныхъ изъ теченія въ возможной конкретности и точности. Критика народной поэзіи неможетъ обойтись безъ указанія лучшихъ изъ варіянтовъ. (Моя ст. о сб. Головацкаго).

Языкъ, вѣроятно, навсегда останется первообразомъ и подобіемъ такого гуртового характера народно-поэтическаго творчества.

Это положеніе лишь ограничивается, но неотрицается другимъ, что письмена, особенно звуковыя, наиболѣе совершенныя и свойственныя наиболѣе совершеннымъ языкамъ, превращая мимолетное объективированіе мысли въ словѣ въ болѣе постоянное, содѣйствуютъ обособленію личности и усиленію ея вліянія на языкъ. Письмена эти частью съ самаго начала, частью по мѣрѣ усовершенствованія въ ихъ употребленіи принуждаютъ пишущаго разлагать рѣчь на періоды, предложенія, слова, звуки, т. е. ведутъ его къ раздѣльному пониманію рѣчи. Разъ понятое въ томъ же видѣ сознательно передается ученику. Сознательный консерватизмъ въ письменномъ употребленіи рѣчи образуетъ привычку, проявляющуюся и въ разговорѣ и отчасти противодѣйствующую стремленію говорящаго къ сбереженію мышечной силы посредствомъ уподобленій, стяженій, сокращеній, опущеній. Въ силу этого, при другихъ причинахъ, расчленяющихъ общество, возникаетъ различіе между письменнымъ и устнымъ языкомъ гораздо большее, чѣмъ то, которое до письменности было между относительно архаичною рѣчью мѣрной пѣсни, пословицы, заговора и немѣрнымъ просторѣчіемъ. Къ различіямъ грамматическимъ присоединяются лексическія и синтактическія. Пишущій, имѣя передъ глазами написанное и говоря для читателя, можетъ болѣе говорящаго заботиться о выборѣ словъ, устраненіи повтореній, обобщеніи частностей для

усиленія дѣйствія рѣчи [1]). Такъ въ письменномъ человѣкѣ—два теченія языка, хотя въ лучшихъ случаяхъ и нелишенныя взаимодѣйствія, но раздѣльныя. Это раздвоеніе ведетъ къ наблюденію, сравненію, обобщенію явленій языка, лишь по степени отличное отъ строгаго языкознанія, съ особою силою возникавшаго каждый разъ тамъ, гдѣ представлялась необходимость и удобство для сравненія разныхъ наслоеній языка или разныхъ языковъ, какъ въ древней Индіи (толкованіе Ведъ), Александріи, Римѣ, въ Европѣ времени возрожденія и въ XIX вѣкѣ. Вліяніе письменности сходно съ вліяніемъ знакомства съ иностранными языками: сознаніе разницы между способами выраженія и выраженіемъ ведетъ къ наблюденію, что элементы мысли могутъ быть между собою несогласны и мысли въ цѣломъ—ложны.

Знаніе независимо отъ своей степени ведетъ къ умышленному вліянію на познаваемое. Отсюда мы не безъ основанія относимъ къ извѣстнымъ лицамъ, какъ извѣстные общіе характеры литературныхъ языковъ, впрочемъ заключая обыкновенно a potiori (языкъ Ломоносова, Карамзина, Пушкина), такъ и извѣстныя слова и обороты. И тѣмъ не менѣе въ цѣломъ мы по отношенію къ языку остаемся на степени безличнаго творчества.

При всѣхъ условіяхъ литературнаго языка мы чувствуемъ безсиліе отдѣльной личности по отношенію къ звуковымъ измѣненіямъ, забвенію и созданію грамматическихъ категорій (а творчество языка и въ этомъ послѣднемъ отношеніи продолжается непрерывно и во всѣхъ слояхъ народа). Но и по отношенію къ болѣе зависимымъ отъ личности сторонамъ языка, напр. къ вы-

[1]) Въ изустной поэзіи въ связи съ относительною простотою мысли стоитъ обыкновенно медленность ея теченія и слабость обобщенія. Вниманіе столь же долго останавливается на важномъ и несущественномъ съ позднѣйшей точки зрѣнія (Бусл. Оч. I 63-5). Для облегченія памяти слушателя сказанное много разъ затѣмъ повторяется буквально. Напр. сказано, что послу дано такое-то порученіе, потомъ, когда говорится объ исполненіи, то самое порученіе повторяется дословно. (Tobler «Ueber das volksthüml». Epos der Franz. Z. f. Völkerps. IV, 160). Эта растянутость долгое время остается и въ письменности. Поразительные образцы ея, а также отсутствіе соподчиненія понятій и замѣны частнаго общимъ—во многихъ вр. грамотахъ до XVIII в. Въ нашей литературѣ, въ силу отсутствія хорошей школы до сихъ поръ терпимо нестерпимое многословіе. Сжатость мр. пѣсни, повидимому,—продуктъ новаго времени.

бору, заимствованію словъ изъ старинныхъ, простонародныхъ, иностранныхъ, къ измѣненію значенія, къ лексическимъ новообразованіямъ, къ слогу, общество терпитъ произволъ личности, лишь будучи само въ ненормальномъ состояніи, какъ бываетъ при началѣ литературъ или ихъ возрожденіи послѣ долгаго перерыва. Такъ мы ограничиваемся иронической улыбкой, видя, что писатель въ простотѣ души считаетъ полезнымъ и важнымъ сказать „глупь" вмѣсто „глупость", или, если ему недаютъ покою сложныя нѣмецкія слова, и онъ обогащаетъ русскій языкъ „судоговореніемъ", „законопроэктомъ", чаштрубочкой и чашелистникомъ"; но недали бы ходу переводу понятному только при подстрочномъ сравненіи съ подлинникомъ, каковы многіе церковно-славянскіе переводы съ греческаго, бывшіе въ употребленіи (но въ какомъ!) цѣлые вѣка (ср. напр. одно изъ относящихся сюда свидѣтельствъ у Соловьева XIII², 185). Въ организованномъ обществѣ, съ серьезнымъ отношеніемъ къ литературѣ слагается и по отношенію къ письменному языку общественная совѣсть, чутье пользы, мѣры и красоты, равно связывающее писателя и читателя. Мысль должна развиваться, стало быть, и языкъ долженъ расти, но незамѣтно, какъ трава ростетъ. Все, что останавливаетъ на самомъ словѣ, всякая не только неясность, но замѣтная необычность его, отвлекаетъ вниманіе отъ содержанія. Лишь прозрачность языка даетъ содержанію возможность дѣйствовать легко, сильно, художественно. Здѣсь же причина, почему кругъ дѣйствія литературнаго языка ограниченъ, почему извѣстный языкъ можетъ оказаться дурнымъ проводникомъ мысли въ массы, и при невозможности преобразованія долженъ быть замѣненъ другимъ. Само собою, что такъ какъ этотъ другой является затѣмъ, чтобы устранить зло, связанное съ непонятностью перваго, то онъ будетъ безцѣленъ, если непримкнетъ къ просторѣчію массы, а начнетъ съ такъ называемаго обогащенія ея языка.

Итакъ и при господствѣ письменности нормальный ростъ языка есть незамѣтное измѣненіе, подобно измѣненію образовъ въ народной поэзіи. Противоположность безличнаго и личнаго

творчества сказывается въ характерѣ преемственности литературныхъ произведеній.

Закрѣпленіе такихъ произведеній письменностью сразу отодвигаетъ воспроизведеніе отъ новаго созданія, ибо даетъ возможность точнаго повторенія и тѣмъ предохраняетъ повторяемое отъ медленнаго перерожденія безсознательнымъ варьированіемъ.

Преемникъ воспитывается не только итогами мысли предковъ, извлекаемыми изъ общенія съ людьми (мыслями, какъ говорится, носящимися въ воздухѣ, никому въ частности непринадлежащими), но и произведеніями прежнихъ вѣковъ, слагаемыми этихъ итоговъ, взятыми порознь, произведеніями современниковъ и предшественниковъ въ ихъ особности. Чѣмъ богаче прошедшее литературы и обширнѣе пользованіе имъ, тѣмъ, при равенствѣ прочаго, разнообразнѣе могутъ быть новыя произведенія.

Въ частности сказанное примѣнимо къ преемственности поэтическихъ образовъ. Въ народной поэзіи, несмотря на неизвѣстное множество промежуточныхъ формъ, мы большею частью неможемъ установить разницы между варіянтами и новою пѣснею. И для слушателя личный авторитетъ пѣвца и авторитетъ носимаго имъ преданія большею частью нераздѣлимы. Между тѣмъ при господствѣ письменности установляется разница въ степени прочности и существенности произведеній мысли.

Все примыкающее къ данному произведенію, какъ варіянтъ, имѣетъ лишь значеніе перехода къ другому дальнѣйшему и минуетъ незамѣтно, неоставляя *раздѣльныхъ* слѣдовъ не только въ собирательной памяти общества, но и въ личной памяти автора. Произведенія, какъ отдѣльнаго автора, такъ и школы, связанной преемственностью, даже глазамъ историка, отыскивающаго связь явленій, представляются обособленными, явственно разграниченными ступенями генеалогической лѣстницы. Въ этомъ отношеніи поучительно наблюденіе различія личностей поэтовъ и ихъ произведеній при преемственности образовъ, напр. (чтобы остаться въ кругу явленій, указанныхъ выше) въ слѣдующемъ:

а) Пушкинъ, Онѣг. гл. VII, строфа I („Гонимы вешними лучами и пр.—объективное изображеніе весны); стр. II—III—чувства, возбуждаемыя весною въ поэтѣ, между прочимъ:

„Или, нерадуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ?
Или съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной
Мы увяданье прежнихъ лѣтъ...?

Ср. Тютчева (изд. С. Пет. 1886 г., LI) „Весна".—Въ изображеніе весны (строфы 2—4) вплетены, какъ отрицательныя черты, субъективные элементы.

„Не о быломъ вздыхаютъ розы...
И страхъ кончины неизбѣжной
Несвѣетъ съ древа ни листа. (строфа 4).

Примѣненіе образа у Тютчева (стр. 1 и 5) другое:

„И жизни божески-всемірной
Хотя на мигъ причастенъ будь".

Стихи Пушкина ib. строфа II:

„Или мнѣ чуждо наслажденье
И все, что радуетъ, живитъ,
Все, что ликуетъ и блеститъ,
Наводитъ скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?

Ср. со ст. Тютчева (ib. XLIII) „Какъ птичка раннею зарею":

„Какъ грустно полусонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
На встрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести!

б) Пушкинъ „Аквилонъ", 1824 г.:

„За чѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?...

Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.
Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и *славой*—
И бурны тучи разогналъ
И дубъ низвергнулъ величавый.
Пускай же солнца ясный ликъ...
Отнынѣ радостью блистаетъ...
И тихо зыблется тростникъ".

(= паденіе Наполеона; ненужность реакціи во 2-й половинѣ царствованія Александра I). Ср. Тютчевъ (XLIII) „Гроза прошла":... Образъ поставленъ такъ, что даетъ возможность широкаго, заранѣе неопредѣлимаго примѣненія. Ближе всего — постоянная мысль автора „о равнодушіи природы".

в) Пушкинъ „Подражаніе корану": „И путникъ усталый на Бога роптатъ"—1824 г.=Лерм. „Три пальмы" 1839 г.

г) Пушкинъ „Узникъ" („Сижу за рѣшоткой въ темницѣ сырой")—1824 г.=Лерм. „Плѣнный рыцарь"—1841 г.

д) Пушкинъ „Отрывки изъ путешествія Евгенія Онѣгина":

„Иныя нужны мнѣ картины:
Передъ избушкой двѣ рябины...
Передъ гумномъ соломы кучи...
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака.

=Лермонтовъ „Родина", стихи—15 и слѣд. и по размѣру явственно отличные отъ стиховъ 1—14 того же стихотворенія. (Относительно мотива „любовь къ отчизнѣ наперекоръ разсудку"—ср. признанія Бѣлинскаго и стих. Тютчева „Умомъ Россію не понять").

е) Пушкинъ „Пророкъ" (1826 г.)=„Пророкъ" Лермонтова (1841 г.).

ж) Пушкинъ „Цвѣтокъ" (1828 года) („Цвѣтокъ засохшій, безуханный"...)=Лермонтовъ „Вѣтка Палестины" (1836 г.).

Пессимизмъ и ретроспективность мысли.

Характерная черта тѣхъ слоевъ народа, для которыхъ наибольшее практическое значеніе имѣетъ повѣрье, обычай и вообще народная поэзія, состоитъ въ глубокомъ и радикальномъ пессимизмѣ. Этимъ неисключается свѣтлый, радостный тонъ отдѣльныхъ произведеній и цѣлыхъ разрядовъ произведеній. Молодость, здоровье берутъ вездѣ свое. Но свойственное человѣку стремленіе къ лучшему находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ этимъ пессимизмомъ. Примиреніе общее, теоретическое здѣсь и невозможно, а возможны лишь частныя сдѣлки съ вѣрованіемъ, т. е. человѣкъ этого образа мыслей можетъ думать: „я надѣюсь устроиться лучше прежняго, несмотря на то, что свѣтъ идетъ къ худшему".

Первобытный радикальный пессимизмъ не долженъ быть смѣшиваемъ съ пессимизмомъ нѣкоторыхъ ученій нашего времени. Нынѣ существуетъ, какъ частное явленіе, вѣра въ вырожденіе всѣхъ классовъ общества, въ увеличеніе страданій низшихъ слоевъ человѣчества, во всеобщее гніеніе цивилизацій вслѣдствіе ненормальности устройства общества. Однако это современное вѣрованіе сопряжено съ другимъ: что упомянутая ненормальность есть лишь ошибка человѣчества, и что человѣчеству предстоитъ возможность, даже необходимость, сдѣлавъ надъ собой гигантское усиліе, разомъ стряхнуть съ себя тысячелѣтнія заблужденія и водворить на землѣ царство правды и добра. Это направленіе мысли вѣритъ въ золотой вѣкъ на землѣ въ будущемъ, а прошедшее представляетъ въ мрачныхъ краскахъ.

Какъ на иллюстрацію того, что такое современный пессимизмъ и какъ онъ въ концѣ концовъ есть оптимизмъ, вѣра въ силу человѣческаго духа, въ себя, въ свой кружокъ, въ свой народъ, въ человѣчество [1], я укажу на характерныя признанія

[1] Напрасно, слишкомъ узко понимая вѣру, видятъ ея оскудѣніе въ современномъ обществѣ. Вѣра—одна изъ неотъемлемыхъ сторонъ человѣческой жизни. Она не исчезаетъ, но принимаетъ такія направленія, что скрывается изъ глазъ тѣхъ, которые ждутъ ее встрѣтить въ заранѣе опредѣленномъ мѣстѣ.

человѣка 40-хъ годовъ—Бѣлинскаго, признанія непредназначавшіяся для печати, совершенно искреннія и неутратившія своего интереса и для насъ.

Бѣлинскій перешелъ отъ апріорнаго, все оправдывающаго взгляда на жизнь къ апостеріорному осужденію ея явленій. Въ этомъ послѣднемъ періодѣ своего развитія онъ пишетъ:

„Скажи Грановскому, что чѣмъ больше живу и думаю, тѣмъ больше, кровнѣе люблю Русь, но начинаю сознавать, что это—съ ея *субстанціяльнай* стороны; но ея *опредѣленіе* (т. е. акциденція), ея дѣйствительность настоящая начинаетъ приводить меня въ отчаяніе: грязно, мерзко, возмутительно, нечеловѣчески“ (Бѣлинскій, ст. Пыпина, Вѣст. Евр. 1874 г. Декабрь, 498).... „Любовь моя къ родному, къ русскому стала грустнѣе. Это уже не прекраснодушный энтузіазмъ, но страдальческое чувство. Все *субстанціяльное* въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе грустно, грязно, подло“ (ib. 593).

Но признаніе величія субстанціяльной стороны русскаго народа наперекоръ свидѣтельству того, что Бѣлинскій называетъ опредѣленіемъ, и дѣйствительности, т. е. наблюденія и опыта, равносильно признанію credo quia absurdum. То отечество, которое, какъ ему казалось, любилъ Бѣлинскій, было субстанція; но субстанція неподлежитъ наблюденію: поэтому Б., указывая на то, что для него и его кружка русское общество неслужитъ почвою, какъ на одну изъ причинъ своей скорби, прямо называетъ свое отечество призракомъ:

„Человѣкъ—великое слово, великое дѣло, но тогда, когда французъ, нѣмецъ, англичанинъ, русскій. А русскіе ли мы? Нѣтъ! Общество смотритъ на насъ, какъ на болѣзненные наросты на своемъ тѣлѣ, а мы на общество смотримъ, какъ на.... (пропущено непечатное выраженіе). Общества европейскія въ большей или меньшей степени имѣютъ свои общественные интересы, въ которыхъ всѣ члены ихъ могутъ чувствовать свое родство, свое нравственное, разумное единство“, чего ненаходилъ Бѣлинскій въ своемъ обществѣ. „Мы люди безъ отечества, нѣтъ, хуже, чѣмъ

безъ отечества, мы—*люди*, которыхъ *отечество призракъ*, и диво-ли что, сами мы призраки, что наша дружба, наша любовь, наши стремленія, наша дѣятельность *призракъ*" (1841 г. ib. В. Е. 1875 г, февр., 614). „Это—содержаніе безъ формы, слѣдовательно, не дѣйствительность, а призрачность" (ib. 615).

Объективно эти мнѣнія совершенно невѣрны: связь Бѣлинскаго и его кружка съ обществомъ была дѣйствительна, дѣятельность ихъ небыла призрачна, по его собственному признанію; но слова Бѣлинскаго совершенно истинны, какъ характеристика его настроенія, противорѣчія между сознанною мыслью и чувствомъ, вытекающимъ изъ глубины безсознательности.

„Я невѣрю моимъ убѣжденіямъ и неспособенъ измѣнить имъ. Я смѣшнѣе Донкихота; тотъ по крайней мѣрѣ отъ души вѣрилъ, что онъ рыцарь, что онъ сражается съ великанами, а не съ мельницами, и что его безобразная и толстая Дульцинея—красавица; а я знаю, что я не рыцарь, и все таки сражаюсь; что Дульцинея моя (жизнь) безобразна и грустна и все таки *люблю ее на зло здравому смыслу и очевидности*" (ib. 622). Разница съ Донкихотомъ несомнѣнна: Донкихотъ былъ человѣкъ непосредственный, чуждый рефлекса, при томъ визіонеръ. Бѣлинскій—человѣкъ рефлексія, самонаблюденія и самоосужденія, но вмѣстѣ и человѣкъ способный къ трезвымъ наблюденіямъ внѣшнихъ явленій; но онъ взводитъ на себя напраслину, говоря о себѣ, что не рыцарь: онъ настоящій герой своего времени, не менѣе, если не болѣе, чѣмъ Печоринъ, съ которымъ у нихъ, какъ увидимъ, есть сходство. Весьма замѣчательно, какъ Бѣлинскій отъ осужденія себя и другихъ переходитъ къ своей *вѣрѣ*:

„Учоные профессоры наши—педанты, гниль общества; полуграмотный купецъ Полевой даетъ толчокъ обществу, а потомъ вдругъ... отступаетъ... Я самъ, я самъ—фактъ русской жизни, но что же это за уродливый фактъ! Я понимаю Гете и Шиллера лучше тѣхъ, которые ихъ знаютъ наизусть, а незнаю по-нѣмецки... Такъ неволить ли мнѣ себя? О нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Мнѣ кажется, дай мнѣ свободу дѣйствовать для общества хоть на 10

лѣтъ... и я можетъ быть въ три года возвратилъ бы (т. е. вознаградилъ бы) свою потерянную молодость... полюбилъ бы трудъ, нашелъ бы силу воли. Да, въ иныя минуты я глубоко чувствую, что это—свѣтлое сознаніе своего призванія, а не голосъ мелочного самолюбія, которое силится оправдать свою лѣность... и ничтожность натуры“ (ib. 603). И такъ Бѣлинскій, какъ герой нашего времени“, чувствовалъ въ себѣ силы необъятныя“, и не только въ себѣ и въ субстанціи народа, но и въ болѣе реальномъ явленіи общества“:

„Я встрѣчалъ и внѣ нашего кружка людей прекрасныхъ, которые дѣйствительнѣе насъ; но нигдѣ невстрѣчалъ я людей съ такою ненасытною жаждою, съ такими огромными требованіями на жизнь, съ такою способностью самоотреченія въ пользу идеи, какъ мы (т. е. кружокъ). Вотъ отчего *все къ намъ льнетъ, все подлѣ насъ измѣняется*“ (ib. 615). Чего же больше?

„Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: Зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?... А, вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя“ (Лерм. „Герой нашего времени“).

Замѣчательное совпаденіе съ грустною любовью къ Россіи и вѣрою въ идеалъ Бѣлинскаго представляетъ написанное позже нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ его писемъ стихотвореніе Лермонтова: „Люблю отчизну я, но странною любовью“. „Я люблю за что, незнаю самъ—Ея степей холодное молчанье, Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье, Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ.... Съ отрадой, многимъ незнакомой, я вижу полное гумно, Избу покрытую соломой, съ рѣзными ставнями окно“.... (1841 г.). Сюда же относится и стихотвореніе Тютчева; имѣющее впрочемъ нѣсколько славянофильскій оттѣнокъ:

„Умомъ Россію непонять,
Аршиномъ общимъ неизмѣрить!
У ней особенная стать:
Въ Россію можно только вѣрить“.

И такъ изъ приведеннаго мы видимъ, что вѣра въ общество и въ свои личныя силы, какъ источникъ его жизни, какъ рычагъ его движенія, обхватываетъ современнаго человѣка со стихійною силою, наперекоръ тому, что онъ называетъ требованіемъ разсудка, но согласно съ его истинными потребностями. Ибо, „если вѣра въ Бога есть сила армій, если глубокая сосредоточенность чувства заставляетъ человѣка на все рѣшаться, все выполнять; если на войнѣ сильные люди становятся еще сильнѣе отъ поддержки сильныхъ вѣрованій“ (Беджготъ „Естествозн. и Полит., 117—8); то тоже слѣдуетъ сказать и о рыцаряхъ другого рода, безкровно воюющихъ мыслью и словомъ и дѣломъ за идею. И имъ для борьбы и побѣды необходима вѣра въ себя и въ общество.

Эта вѣра есть непремѣнное условіе здороваго нравственнаго состоянія современнаго цивилизованнаго человѣка. Безъ нея современному человѣку предстоитъ или мрачное корпѣніе или самоубійство, какъ тому изъ героевъ Достоевскаго, который путемъ выкладокъ дошелъ до отчаянія въ будущности русскаго народа и застрѣлился.

Господствующій типъ среди найболѣе развитыхъ классовъ современнаго общества—люди сознательной, самоувѣренной мысли, люди живущіе, глядя впередъ на носящійся передъ ними (болѣе-менѣе смутный) образъ лучшаго будущаго, люди, которыхъ жалобы на настоящее основаны не на томъ, что когда-либо было лучше, а на томъ, что по ихъ мнѣнію теченіе, уносящее ихъ отъ прошедшаго, слишкомъ медленно. Между тѣмъ именно при этомъ настроеніи движеніе исторіи совершается быстрѣе, чѣмъ когда-либо.

Не то представляютъ намъ тѣ изъ низшихъ слоевъ современнаго народа, которые живутъ еще преданіемъ, и не то предполагаемъ мы въ древности, въ такъ называемый эпическій или народно-поэтическій періодъ. Характерная черта этихъ слоевъ и этого періода состоитъ въ радикальномъ безпримѣсномъ пессимизмѣ.

Гриммъ указываетъ на связь съ германскими преданіями греческихъ сказаній о смѣнѣ вѣковъ. Гезіодъ говоритъ о пяти поколѣніяхъ: 1-омъ, золотомъ — блаженныхъ демоновъ, 2-мъ, серебряномъ — болѣе слабыхъ, но божественныхъ существъ, 3-мъ, мѣдномъ—поколѣніи воиновъ, рожденныхъ отъ ясени (*μελία* — ясень, древко копья), 4-мъ, героевъ, 5-мъ, желѣзномъ—нынѣшнихъ людей. Платонъ знаетъ только три преемственныхъ поколѣнія: демоновъ, героевъ и людей. (Gr. Myth. 541).

Аѳанасьевъ полагаетъ, что золотой вѣкъ есть свѣтлая и счастливая пора весны и лѣта, а вѣкъ желѣзный—холодная ледяная зима, которая должна уступить мѣсто возрожденному и просвѣтленному міру, т. е. новому лѣту. „Впослѣдствіи, когда позабытъ былъ первоначальный смыслъ этихъ метафорическихъ выраженій, человѣкъ, ненаходя въ своемъ дѣйствительномъ быту ни полнаго счастья, ни твердой, незыблемой справедливости, отодвинулъ преданіе о золотомъ вѣкѣ въ незапамятное прошедшее и въ далекое будущее“ (Аѳ. П. В. II, 446).

Неотвергая того, что въ основѣ этого рода сказаній лежитъ смѣна временъ года, я думаю однако, что какъ вообще, такъ и здѣсь, такое основаніе миѳа есть лишь заключенное въ немъ представленіе, неисчерпывающее и необъясняющее его значеній.

Такимъ же образомъ и историческія воспоминанія, напр., память о смѣнѣ каменнаго и бронзоваго вѣка желѣзнымъ, или о дѣйствительно совершившихся общественныхъ измѣненіяхъ въ родѣ водворенія гдѣ-либо крѣпостного права, хотя и должны приниматься въ соображеніе, но немогутъ служить достаточнымъ объясненіемъ всеобщаго пессимистическаго взгляда на жизнь природы и человѣка, болѣе сильнаго и живучаго, чѣмъ вѣра въ возрожденіе міра въ то время, когда зло достигнетъ найбольшей силы. (Серб. „спрашиваютъ у волка: „когда найбольшій холодъ?“ — Когда рождается солнце“).

Эта вѣра, которую можно обозначить именемъ вѣры въ наступленіе царства Божія, является скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ. При томъ же она заключаетъ въ себѣ мысль не о

совершенствованіи существующаго міра (онъ напротивъ клонится къ паденію), а о смѣнѣ его новымъ, подобно тому какъ христіянское вѣрованіе видитъ впереди безконечное царство Божіе (впрочемъ для немногихъ избранныхъ) не на этой землѣ.

Въ русской народной поэзіи мысль о торжествѣ правды надъ кривдой отнесена въ область сказки, между тѣмъ какъ противуположная мысль о томъ, что „кривда правду переспорила" многократно повторяется въ пословицахъ, пѣсняхъ, преданіяхъ, т. е. въ произведеніяхъ, стремящихся къ болѣе правдивому изображенію жизни, чѣмъ сказка.

Группируя свидѣтельства такихъ произведеній русской поэзіи, мы видимъ:

а) Было такое время, когда звѣри и птицы говорили человѣческимъ языкомъ. Въ связи съ этимъ—преданія о происхожденіи различныхъ животныхъ, между прочимъ, собаки, медвѣдя, а также растеній (братъ и сестра) изъ людей.

б) Хлѣба было больше.

в) Люди были больше ростомъ, сильнѣе, долговѣчнѣе.

г) Между ними царствовали правда и счастье.

Въ связи съ такимъ взглядомъ находится общій печальный колоритъ по крайней мѣрѣ русской лирической поэзіи. Между прочимъ, почти всѣ звуки внѣшней природы (вѣтра, звѣрей, птицъ, кромѣ развѣ соловья) въ народной русской поэзіи представляются печальными и „вѣщуютъ" печаль.

Современный намъ нѣмецъ, говоря о такъ называемомъ нигилизмѣ у русскихъ, замѣчаетъ: „Es ist schwer ein Russe und kein pessimist zu sein".

Насколько во всемъ этомъ участвуютъ особенности русской и вообще славянской народной жизни, этого я опредѣлить немогу; но, допуская нѣкоторую долю этого участія, я думаю, что такое настроеніе должно характеризовать первобытнаго человѣка вообще, такъ какъ оно согласно съ другими явленіями первобытной жизни, изъ которыхъ должна вытекать, такъ сказать повальная несамоувѣренность личной мысли.

Представимъ себѣ, что письменность, печать, школа несуществуетъ. При этомъ хранителями преданія являются преимущественно старики. Они даютъ тонъ обществу. Старческій возрастъ самъ по себѣ располагаетъ къ пессимизму. Современный намъ старикъ можетъ бороться съ этимъ настроеніемъ лишь при помощи науки, сообщающей точныя наблюденія; но онъ борется невсегда успѣшно съ субъективными основаніями такого настроенія, состоящими въ томъ, что дѣйствительно съ лѣтами изсякаютъ источники личнаго счастья. Даже образованные старики, каркающіе на молодежь и превозносящіе время своей молодости, и теперь весьма обыкновенны.

Нравственный перевѣсъ старчества, подчиненіе другихъ возрастовъ его авторитету является причиною медленности измѣненія жизни. Новыхъ данныхъ личнаго наблюденія и опыта мало. Оборачиваясь назадъ и глядя на прошедшее глазами стариковъ, человѣкъ подвергается иллюзіи въ родѣ той, по которой кажется, что деревья аллеи, по мѣрѣ удаленія отъ насъ, стоятъ все тѣснѣе. Образы прошедшаго служатъ тогда недосягаемыми образцами для подражанія. Эта иллюзія существуетъ и для насъ, но въ силу навыка къ исторической перспективѣ принимается нами не болѣе, какъ за иллюзію. Нынѣ практическое значеніе исторіи состоитъ не въ томъ, что она учитъ, какъ быть, а лишь въ томъ, что она, указывая пройденный путь, избавляетъ отъ напрасной траты силъ, предостерегаетъ, что по пройденному пути ходить нельзя. Въ этомъ отношеніи характеристична смѣна значеній слова *пошлый*.

Несамоувѣренность мысли заставляетъ древняго человѣка искать опоры своему мнѣнію во мнѣніяхъ упомянутаго авторитетнаго старческаго большинства. Періодъ народной поэзіи есть время крѣпкой вѣры въ авторитетъ. И мы придаемъ величайшее значеніе авторитету и вообще опыту прежнихъ вѣковъ, но для насъ свидѣтельства исторіи имѣютъ особый смыслъ. Мы знаемъ, что такъ называемая истина входитъ въ міръ узкими вратами личныхъ мнѣній. Господство извѣстнаго мнѣнія, его популярность въ данное время служитъ для насъ не доказательствомъ его истин-

ности, а напротивъ указаніемъ на то, что это мнѣніе достигло поры, когда оно должно измѣниться, и на то, въ какомъ направленіи должно произойти это измѣненіе.

Человѣкъ авторитета и преданія думаетъ иначе: „что говорятъ всѣ, то должно быть истиною; что всѣ дѣлаютъ, то должно быть правильно"; „quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est, hoc est vere prorprieque catholicum" (Тейл. „Перв. культ." I, 12); что лично, то тѣмъ самымъ ложно и грѣшно, ибо авторитетъ, недовольствуясь фактическою властью, всегда стремится обезпечить и освятить себя, приписывая своей власти происхожденіе свыше. Первобытное время есть время господства привычки, переносящей вѣрованія, обряды и обычаи въ новое состояніе общества, отличное отъ того, среди коего они возникли (Survivals, Тейл. I, 15). Быстрыя измѣненія жизни новаго времени связаны съ твердою вѣрою въ себя, въ превосходство личной мысли (основанной на коллективной) передъ этою послѣднею, настоящаго и будущаго—передъ прошедшимъ; напротивъ относительная неподвижность низшихъ слоевъ новаго общества, указывающая на такую же и большую неподвижность всего общества въ древнее время, связана съ мечтательно любовнымъ отношеніемъ къ прошедшему, съ его идеализаціей и обоготвореніемъ.

Подобно тому, какъ въ рядахъ организмовъ по направленію отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ увеличивается сила сопротивленія вліянію среды и различіе между процессами совершающимися въ организмахъ и ихъ средѣ; и въ человѣческомъ мірѣ есть рядъ ступеней развитія, характеризуемыхъ все бо́льшею и бо́льшею силою самодѣятельности, т. е. меньшею степенью подражательности, обнаруживаемой лицомъ подъ вліяніемъ другихъ лицъ и общества. Слово „самодѣятельность" должно быть здѣсь и вообще понимаемо не какъ дѣятельность безъ внѣшняго толчка или дѣятельность количествомъ превосходящая этотъ толчокъ (такого неравенства дѣйствія и воздѣйствія въ мірѣ нѣтъ), а какъ сравнительно высшая степень качественнаго различія между дѣйствіемъ и воздѣйствіемъ.

По господствующему нынѣ взгляду, народная поэзія есть массовое, гуртовое творчество, имѣющее мѣсто тогда, когда продуктивность лица столь сходна по качеству съ продуктивностью другихъ лицъ той же коллективной единицы, что лицо само не находитъ основаній смотрѣть на свою продуктивность, какъ на свою исключительную собственность и, наоборотъ, на произведенія другихъ, какъ на чужія. Такое состояніе лишь градуально отлично отъ позднѣйшаго. Въ подобномъ состояніи находимся и мы каждый разъ, какъ высказываемъ мысли, какъ говорится, носящіяся въ воздухѣ, въ тоже время и наши и ненаши; когда чувствуемъ себя поднятыми или залитыми волною своего времени. Но въ насъ такое состояніе быстро прекращается, именно, между прочимъ, всегда, когда мы формулируемъ и закрѣпляемъ свою мысль на бумагѣ; для такъ называемаго эпическаго, точнѣе народно-поэтическаго времени такое состояніе длительно.

Въ народной поэзіи, при самомъ первомъ появленіи произведенія въ устахъ одного лица это произведеніе носитъ столь слабую печать индивидуальности въ выборѣ содержанія, выраженій, размѣра, музыкальнаго мотива, что безсознательно усвояется окружающими и безсознательно же, хотя непремѣнно, варьируется ими въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Языкъ и народность [1])

Довольно распространено мнѣніе, что своеобразность народности находится въ прямомъ отношеніи къ степени ея отчужденности отъ другихъ и въ обратномъ къ степени цивилизаціи. Послѣдователи этого мнѣнія поясняютъ его приблизительно такимъ образомъ.

Мы видимъ, говорятъ они, что въ настоящее время своеобразность нравовъ, обычаевъ, костюмовъ можно найти лишь въ какихъ-либо глухихъ углахъ Европы, между тѣмъ какъ въ ста-

[1]) Статья, напечатанная въ В. Евр. 1895, сент.

рину было иначе. Теперь житель какого-нибудь нѣмецкаго или французскаго захолустья смотритъ даже не нѣмцемъ или французомъ, но носитъ совершенно особый отпечатокъ, только и принадлежащій данной мѣстности. Напротивъ, у цивилизованнаго человѣка, особенно человѣка, много путешествовавшаго по Европѣ, является общекультурный типъ, характеризующій уже не француза, англичанина, нѣмца, а вообще цивилизованнаго человѣка. Между образованными людьми всѣхъ націй болѣе общаго не только въ теоретическихъ убѣжденіяхъ, но и въ чертахъ характера, чѣмъ между образованными людьми извѣстнаго народа и ихъ необразованными соотечественниками. Въ этомъ убѣждаетъ, между прочимъ, сравненіе себя и своихъ знакомыхъ, съ одной стороны—съ героями иностранныхъ романовъ, находящихся въ подобномъ общественномъ положеніи, съ другой стороны—съ лицами изъ простонародья въ русскихъ повѣстяхъ.

Это явленіе представляется произведеніемъ двухъ факторовъ, дѣйствующихъ совмѣстно, именно: успѣховъ человѣческой мысли, направленной на изученіе природы, и врожденной человѣку подражательности.

Откуда бы ни происходило различіе народностей, во всякомъ случаѣ оно поддерживается пространственнымъ разобщеніемъ и различіемъ географическихъ вліяній. Но сношенія между людьми облегчаются и увеличиваются, благодаря изобрѣтеніямъ, какъ пароходы, желѣзныя дороги, телеграфы и пр. Принудительность географическихъ условій теряетъ свою силу, по мѣрѣ того какъ, благодаря власти надъ пространствомъ, человѣкъ получаетъ возможность мѣнять мѣсто жительства и создавать себѣ искусственную среду, болѣе благопріятную для жизни, чѣмъ какая-либо изъ данныхъ природою. Смѣшеніе между людьми различныхъ народовъ влечетъ за собою скрещиваніе видовъ и образованіе общихъ типовъ. Все, что увеличиваетъ сношенія между людьми, усиливаетъ нивеллирующее дѣйствіе подражательности, искони свойственной человѣку, сначала рефлективной, непроизвольной, потомъ сознательной и критической. Подражательность производитъ сліяніе

племенъ въ народы, аналогично съ чѣмъ можно предвидѣть, что рано или поздно, положимъ черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, народы сольются въ одну общечеловѣческую народность. Указаніемъ на возможность такого явленія служатъ въ прошедшемъ и настоящемъ явленія, какъ распространеніе культуры извѣстнаго народа на многіе другіе, какъ смѣна народныхъ культовъ христіянствомъ, непризнающимъ народныхъ различій. Когда изъ двухъ народовъ одинъ заимствуетъ у другого, напр., устройство суда присяжныхъ, а второй у перваго устройство быта крестьянъ, то оба становятся сходнѣе другъ съ другомъ, чѣмъ были прежде.

Препятствія заимствованію и подражанію, поставляемыя въ настоящее время различіемъ языковъ, могутъ сгладиться и исчезнуть. Указанія на это есть въ настоящемъ. И прежде были языки, какъ греческій, латинскій, вліяніе коихъ простиралось далеко за ихъ первоначальныя границы. Теперь есть международные языки образованныхъ людей всѣхъ націй, зная которые, можно объѣхать весь земной шаръ. И кромѣ этой исключительной общеупотребительности такъ-называемыхъ всемірныхъ языковъ, мы видимъ, что какъ скоро въ данной мѣстности поселяется нѣсколько племенъ, и какъ скоро необходимость заставляетъ ихъ стремиться ко взаимному пониманію, между ними установляется общность языка двумя путями: или тѣмъ, что языкъ сильнѣйшаго племени вытѣсняетъ языкъ слабѣйшаго, который при этомъ исчезаетъ (напр., нарѣчія обрусѣлыхъ финновъ), или тѣмъ, что изъ смѣшенія происходятъ амальгамированные языки, каковы: англійскій, французскій, итальянскій, испанскій, венгерскій.

Къ этому присоединяется мнѣніе, что все увеличивающееся число переводовъ съ одного языка на другой, т.-е. увеличеніе количества и напряженности усилій передать средствами одного языка сказанное на другомъ, должно сглаживать ихъ различія. Кромѣ того, полагаютъ, что высшее развитіе ослабляетъ въ языкѣ звуковой элементъ и усиливаетъ логическій, считаемый общечеловѣческимъ, выводитъ изъ употребленія своеобразные обороты и поговорочныя выраженія,

Одинъ изъ сильныхъ авторитетовъ по части славянскаго языкознанія, Миклошичъ, того мнѣнія, что въ языкахъ Европы возникаетъ общій новоевропейскій синтаксисъ, основанный на синтаксисѣ классическихъ языковъ.

Таковы извѣстныя намъ соображенія, заставляющія предположить, что ходъ развитія человѣчества, направленный къ освобожденію человѣка отъ давленія внѣшней природы, исподволь слагаетъ съ него и оковы народности. При этомъ предполагается, что существованіе одного общечеловѣческаго языка было бы настолько согласно съ высшими потребностями человѣка, насколько выгодны для насъ искусственныя условія жизни, благодаря которымъ уже теперь въ Петербургѣ можно имѣть тропическіе плоды.

Этимъ соображеніямъ мы противопоставляемъ другія, имѣющія для насъ болѣе силы.

1) Какое значеніе имѣетъ подражательность въ личной жизни? Особь во всѣхъ сферахъ жизни есть нѣчто въ высокой степени самодѣятельное по отношенію къ вліяніямъ другихъ особей и остальной природы. Человѣкъ въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, есть конецъ ряда низшихъ существъ. Всякая сила дѣйствуетъ на него не иначе, какъ видоизмѣняясь въ немъ и вызывая въ немъ противодѣйствіе. Подражаніе, вызываемое въ человѣкѣ извѣстнымъ дѣйствіемъ, неможетъ быть точнымъ повтореніемъ этого дѣйствія, по той причинѣ, что для такого повторенія подражающему нужно бы было быть тождественнымъ съ тѣмъ, что произвело это дѣйствіе, и притомъ въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ; послѣднее невозможно уже по одному физическому закону непроницаемости, неговоря о болѣе сложныхъ законахъ мысли. Если апріорныхъ соображеній недостаточно, то можно простымъ наблюденіемъ увѣриться, что непроизвольное, недоходящее до сознанія субъекта подражаніе движеніямъ и звукамъ другого даетъ движенія, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, только сходныя, а не тождественныя. На болѣе высокихъ ступеняхъ душевной жизни подражаніе другому лицу или есть пониманіе его движеній и звуковъ,— такъ что, перефразируя: „du gleichst

dem Geist, den du begreifst", можно сказать, что „das Gleichen" есть только „das Begreifen",—или предполагаетъ это пониманіе.

Но извѣстно, что взаимное пониманіе не есть перекладываніе одного и того же содержанія изъ одной головы въ другую, но состоитъ въ томъ, что лицо *А*, связавшее содержаніе своей мысли съ извѣстнымъ внѣшнимъ знакомъ (движеніемъ, звукомъ, словомъ, изображеніемъ), посредствомъ этого знака вызываетъ въ лицѣ *Б* соотвѣтственное *содержаніе*. Понимающіе другъ друга могутъ быть сравнены съ двумя различными музыкальными инструментами, приведенными между собою въ такую связь, что звукъ одного изъ нихъ вызываетъ не такой же, но соотвѣтственый звукъ другого. Какимъ образомъ подъ словомъ „свѣча", я могу понимать точно то же, что мой собесѣдникъ, когда органы воспріятій у насъ различны, а накопленіе воспоминаній (объ этомъ) различно гораздо болѣе того? Этимъ объясняется парадоксъ, что всякое, даже самое полное пониманіе есть въ то же время непониманіе. Человѣкъ неможетъ выйти изъ круга своей личной мысли [1]). То, что называется общимъ уровнемъ мысли между людьми, возможно лишь благодаря способности отвлеченія, то-есть сведенія дѣйствительнаго различія мыслей въ различныхъ субъектахъ на извѣстный минимумъ различія, и благодаря фикціи, состоящей въ принятіи этого минимума за эквивалентъ полныхъ мыслей.

Эти элементарныя, но многими игнорируемыя положенія объясняютъ намъ многое. Во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни „несамостоятельность", „подражательность" выражаютъ лишь извѣстныя, болѣе или менѣе низкія степени различія самостоятельности, своеобразности мыслей и дѣйствій. Въ другомъ, безусловномъ смыслѣ эти понятія немыслимы.

Такъ, напр., можно поддѣлывать подписи, но увеличительное стекло откроетъ поддѣлку; можно тщательно списывать прописи,

---

[1]) Мысль и чувства человѣка невыразимы, хотя для насъ необходимо противоположное этому убѣжденіе, такъ что эта невыразимость сознается и даже становится руководящимъ принципомъ лишь въ исключительныхъ настроеніяхъ: „Молчи, скрывайся и таи" (Silentium Тютчева).

но образовать себѣ точно такой почеркъ, какъ у другого, невозможно. Можно воспитаніемъ достигнуть многаго: сдѣлать человѣка болѣе или менѣе энергичнымъ, свѣдущимъ, правдивымъ; но обезличить его, сдѣлать совершенно похожимъ на образецъ, невозможно.

Понятно, что такъ какъ народы состоятъ изъ лицъ и соприкасаются между собою черезъ посредство лицъ, то все сказанное о своеобразности и замкнутости лица примѣняется и къ народу настолько, насколько его единство сходно съ единствомъ лица. Взаимное вліяніе народовъ есть тоже лишь взаимное возбужденіе [1]). Распространеніе культуры одного народа на другіе кажется намъ объединеніемъ народовъ лишь до тѣхъ поръ. пока мы витаемъ на холодныхъ высотахъ абстракціи. Но если мы сообразимъ, что немногіе признаки, повтореніе коихъ мы замѣчаемъ въ жизни разныхъ народовъ, существуютъ въ дѣйствительности лишь въ группахъ множества другихъ признаковъ, какъ конкретныя явленія, то мы принуждены будемъ говорить, напр., не о томъ, что единое въ себѣ и неизмѣнное христіянство разлилось по цивилизованному міру, а лишь о томъ, что христіянство въ видѣ первоначально-опредѣленнаго возбужденія было поводомъ возникновенія цѣлой цѣпи христіянствъ, весьма различныхъ между собою, если разсматривать ихъ въ ихъ конкретности. Есть не только восточное и западное, но и русское, польское, нѣмецкое христіянство и даже нѣмецкія христіянства. Вся сила въ томъ, чтобы непринимать своихъ абстракцій за сущности, что, однако, дѣлается когда разсматриваютъ, напр., христіанство независимо отъ среды, въ коей оно проявляется.

Другой примѣръ, поясняющій свойства традиціи, представляютъ странствующіе повѣсти и разсказы. О многихъ изъ нихъ мы, благодаря мастерамъ особаго рода литературныхъ изслѣдованій, какъ Бенфей, Либрехтъ и многіе другіе, можемъ сказать, что ихъ мотивы обошли безъ малаго весь земной шаръ, перебывали и остались у множества народовъ. начиная отъ японцевъ и

[1]) О подражательности, какъ средствѣ образованія національностей: Беджготъ, Естествознаніе и политика, стр. 134 и слѣд.

готтентотовъ. Казалось бы, что эти странствованія суть очевидныя доказательства способности всѣхъ народовъ воспроизводить одно и тоже содержаніе. Но спрашивается, имѣемъ ли мы основаніе назвать эти географическія и хронологическія передвиженія жизнью въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы приписываемъ жизнь языку? Конечно, да. Если же такъ, то къ странствующимъ литературнымъ мотивамъ долженъ быть приложенъ тотъ взглядъ, котораго мы держимся относительно формъ языка. Важность грамматической формы состоитъ въ ея функціи, которая, конечно, должна имѣть мѣсто прикрѣпленія. Подобнымъ образомъ главное въ странствующемъ разказѣ есть то, какъ онъ дѣйствуетъ, т.-е понимается и примѣняется на каждой точкѣ своего пути. Весьма почтенныя литературныя изслѣдованія такихъ разсказовъ со стороны ихъ абстрактнаго тождества по своему характеру и значеніе равняются такимъ грамматическимъ изслѣдованіямъ, которыя разсматриваютъ не формы, а ихъ препараты, лишенные функцій, т.-е. жизни. Признаніе, что мотивы странствующихъ повѣстей неизмѣнны, равносильно съ господствующимъ мнѣніемъ, что значеніе корня остается неизмѣннымъ во всемъ семействѣ словъ и падаетъ вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ.

Тоже самое можно сказать о всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ. Жизнь ихъ состоитъ въ томъ, что они понимаются, и какъ понимаются. Въ противномъ случаѣ о нихъ стоитъ говорить не болѣе, какъ о глыбѣ камня, кускѣ полотна и пр. Если же такъ, то кто станетъ утверждать, что пониманіе и вліяніе произведеній греческаго ваянія одно и тоже въ цвѣтущія времена Греціи и теперь? Тогда и теперь—это совершенно различныя произведенія искусства, имѣющія лишь одинъ и тотъ же матеріяльный субстратъ, но не одну и туже, такъ сказать, душу. Эти различія измѣняются не только по времени, но и по народамъ.

Если бы языки были только средствами обозначенія мысли уже готовой, образовавшейся помимо ихъ, какъ дѣйствительно думали въ прошломъ, отчасти и въ нынѣшнемъ вѣкѣ, то ихъ различія по отношенію къ мысли можно бы сравнить съ различіями почер-

ковъ и шрифтовъ одной и той же азбуки: намъ болѣе или менѣе все равно, какимъ почеркомъ ни написать, какимъ шрифтомъ ни напечатать книгу, лишь бы можно было разобрать; такъ было бы безразлично для мысли, на какомъ языкѣ ее ни выразить. При такомъ положеніи дѣла было бы вѣроятно, что какъ скоро распространилось бы убѣжденіе, что разница между языками лишь внѣшняя и несущественная, что привязанность къ своему языку есть лишь дѣло привычки, лишенной глубокихъ основаній, то люди стали бы мѣнять языкъ съ такою же легкостью, какъ мѣняютъ платье. Въ результатѣ можно бы ожидать того, что подобно тому, какъ ради извѣстныхъ удобствъ филологи приспособляютъ латинскія письмена ко множеству различныхъ языковъ, и какъ установляются общія системы мѣръ и вѣсовъ, рано или поздно былъ бы принятъ скорѣе всего совершенно искуственный, наиболѣе легкій и простой общій языкъ. Можно бы ожидать, что такой языкъ, зародившись на вершинахъ интеллигенціи, имѣющей уже и теперь общіе искусственные языки для глазъ, каковы цифры, алгебраическіе, химическіе и метеорологическіе знаки, постепенно спускался бы въ низшія сферы и, наконецъ, обнялъ бы все человѣчество. Но нашему вѣку принадлежитъ открытіе, что языки потому только служатъ обозначеніемъ мысли, что они суть средства преобразованія первоначальныхъ, до-язычныхъ элементовъ мысли и поэтому могутъ быть названы средствами созданія мысли. Языки различны не только по степени своего удобства для мысли, но и качественно, то есть такъ, что два сравниваемые языка могутъ имѣть одинаковую степень совершенства при глубокомъ различіи своего строя. *Общечеловѣческія* свойства языковъ суть: по звукамъ — членораздѣльность, съ внутренней стороны — то, что всѣ они суть системы символовъ, служащихъ мысли. Затѣмъ всѣ остальныя ихъ свойства суть *племенныя*, а не общечеловѣческія. Нѣтъ ни одной грамматической и лексической категоріи, обязательной для всѣхъ языковъ,

Хотя въ настоящее время языкознаніе большею частью не въ состояніи услѣдить за тѣмъ, какимъ образомъ первоначальная

техника мысли, условленная языкомъ, сказывается въ сложныхъ произведеніяхъ мысли; но тѣмъ не менѣе стоитъ прочно то положеніе, что эта техника гораздо важнѣе для совершенства и качества произведенія мысли, чѣмъ, напр., пріемы, орудія и матеріялы рисованія, живописи, гравюры для произведеній этихъ искусствъ. Эта техника, знаемъ ли мы объ этомъ, или нѣтъ, непремѣнно сказывается во всемъ, что бы мысль ни создала черезъ посредство языка [1]). Разсматривая языки, какъ глубоко различныя системы пріемовъ мышленія, мы можемъ ожидать отъ предполагаемой въ будущемъ замѣны различія языковъ однимъ общечеловѣческимъ — лишь пониженія уровня мысли. Ибо если объективной истины нѣтъ, если доступная для человѣка истина есть только стремленіе, то сведеніе различныхъ направленій стремленія на одно не есть выигрышъ. Языкъ не есть только извѣстная система пріемовъ познанія, какъ и познаніе необособлено отъ другихъ сторонъ человѣческой жизни. Познаваемое дѣйствуетъ на насъ эстетически и нравственно. Языкъ есть вмѣстѣ путь сознанія эстетическихъ и нравственныхъ идеаловъ, и въ этомъ отношеніи различіе языковъ не менѣе важно, чѣмъ относительно познанія [2]).

Языкъ можно сравнить съ зрѣніемъ. Подобно тому какъ малѣйшее измѣненіе въ устройствѣ глаза и дѣятельности зрительныхъ нервовъ неизбѣжно даетъ другія воспріятія и этимъ вліяетъ на все міросозерцаніе человѣка; такъ каждая мѣлочь въ устройствѣ языка должна давать безъ нашего вѣдома свои особыя комбинаціи элементовъ мысли. Вліяніе всякой мѣлочи языка на мысль въ своемъ родѣ единственно и ничѣмъ незамѣнимо.

Человѣкъ, говорящій на двухъ языкахъ, переходя отъ одного языка къ другому, измѣняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ и направленіе теченія своей мысли, при томъ такъ, что усиліе его

---

[1]) Лишь при помощи языка созданы грамматическія категоріи и параллельные имъ общіе разряды философской мысли; внѣ языка онѣ несуществуютъ и въ разныхъ языкахъ различны. Самое содержаніе мысли относится къ этимъ категоріямъ различно въ разныхъ языкахъ даже народовъ сродныхъ и живущихъ въ сходныхъ физическихъ условіяхъ.

[2]) Необязательность эстетическихъ идеаловъ см. выше стр. 109 сл.

воли лишь измѣняетъ колею его мысли, а на дальнѣйшее теченіе ея вліяетъ лишь посредственно. Это усиліе можетъ быть сравнено съ тѣмъ, что дѣлаетъ стрѣлочникъ, переводящій поѣздъ на другіе рельсы (Это сознавалось съ большею или меньшею ясностью уже давно, въ посвященіи грамматики Ломоносова) И наоборотъ, если два и нѣсколько языковъ довольно привычны для говорящаго, то вмѣстѣ съ измѣненіемъ содержанія мысль невольно обращается то къ тому, то къ другому языку. Мнѣ кажется, это можно наблюдать въ нѣкоторыхъ западно-русскихъ грамотахъ, въ коихъ, смотря по содержанію рѣчи, выбивается наверхъ то польская, то малорусская, то церковно-славянская струя. Это же явленіе составляетъ реальное основаніе ломоносовскаго дѣленія слога на возвышенный, средній и низкій.

Примѣромъ того же служить двуязычность высшихъ классовъ русскаго общества.

Въ этомъ, вполнѣ русскомъ, семействѣ Тютчевыхъ, говоритъ Аксаковъ, „почти исключительно господствовалъ французскій языкъ, такъ что не только всѣ разговоры, но и вся переписка родителей съ дѣтьми и дѣтей между собою, какъ въ ту пору, такъ и потомъ въ теченіе всей жизни велась не иначе, какъ по французски. Это господство французской рѣчи неисключало у Екатерины Львовны (матери Ѳ. И. Тютчева, ум. въ 1866, на 90-мъ году жизни) приверженности къ русскимъ обычаямъ и удивительнымъ образомъ уживалось рядомъ съ церковно-славянскимъ чтеніемъ псалтырей, часослововъ, молитвенниковъ у себя въ спальной, и вообще со всѣми особенностями русскаго православнаго и дворянскаго быта. Явленіе, впрочемъ, очень нерѣдкое въ концѣ XVIII и въ самомъ началѣ XIX, когда русскій литературный языкъ былъ еще дѣломъ довольно новымъ, еще только достояніемъ любителей словесности, да и дѣйствительно небылъ еще достаточно приспособленъ и выработанъ для выраженія всѣхъ потребностей перенятаго у Европы общежитія и знанія. Вмѣстѣ съ готовою западною цивилизаціею заимствовалось и готовое чужое орудіе обмѣна мыслей. Многіе русскіе государственные люди, превосходно излагавшіе

свои мнѣнія на французскомъ, *писали* по-русски самымъ неуклюжимъ, варварскимъ образомъ, точно съѣзжали съ торной дороги на жесткія глыбы только-что поднятой нивы. Но часто, одновременно съ чистѣйшимъ французскимъ жаргономъ и... изъ однихъ тѣхъ же устъ можно было услышать живую, почти простонародную, идіоматическую рѣчь, *болѣе народную* во всякомъ случаѣ, чѣмъ наша настоящая, книжная или разговорная. Разумѣется, такая *устная* рѣчь служила чаще для сношеній съ крѣпостною прислугою и съ низшими слоями общества, но тѣмъ не менѣе эта грубая противоположность, эта рѣзкая бытовая черта, рядомъ съ вѣрностью бытовымъ православнымъ преданіямъ, объясняетъ многое и очень многое въ исторіи нашей литературы и нашего народнаго самосознанія“ [1]). „Не странно ли, что при всей рѣзкости *народнаго* (?) направленія мысли въ Тютчевѣ, нашъ высшій свѣтъ, high life, не только неотвергалъ Тютчева и неподвергалъ равному съ славянофилами осмѣянію и гоненію, но всегда признавалъ его своимъ,—по крайней мѣрѣ интеллигентный слой этого свѣта. Конечно, этому причиною было то обаяніе всесторонней культуры, которое у Тютчева было такъ нераздѣльно съ его существомъ и влекло къ нему всѣхъ, даже несогласныхъ съ его политическими убѣжденіями. Эти убѣжденія признавались достойными сожалѣнія крайностями, оригинальностью, капризомъ, парадоксальностью сильнаго ума и охотно прощались Тютчеву ради его блестящаго остроумія, общительности, привѣтливости, ради утонченно-изящнаго европеизма всей его внѣшности. Къ тому же всѣ „національныя идеи“ Тютчева представлялись обществу чѣмъ-то *отвлеченнымъ* (чѣмъ, повидимому, онѣ и были въ немъ отчасти), дѣломъ *мнѣнія* (une opinion comme une autre!), а не дѣломъ жизни. Дѣйствительно, онѣ невносили въ отношенія Тютчева къ людямъ ни исключительности, ни нетерпимости; онъ непринадлежалъ ни къ какому литературному лагерю и былъ въ общеніи съ людьми всѣхъ круговъ и становъ; онѣ невидоизмѣняли его привычекъ, непересоздавали его частнаго быта, неналагали на него никакого клейма

[1]) И. Аксаковъ, біографія Ѳ. И. Тютчева. М. 1886 г. Стр. 9—10.

ни партіи, ни національности.... Но точно ли этотъ русскій элементъ въ Тютчевѣ былъ одною отвлеченностью, мыслью, только дѣломъ одного мнѣнія? Нѣтъ: любовь къ Россіи, вѣра въ ея будущее, убѣжденіе въ ея верховномъ историческомъ призваніи владѣли Тютчевымъ могущественно, упорно, безраздѣльно, съ самыхъ раннихъ лѣтъ и до послѣдняго издыханія. Онѣ жили въ немъ на степени какой-то стихійной силы, болѣе властительной, чѣмъ всякое иное личное чувство. Россія была для него высшимъ интересомъ жизни; къ ней устремлялись его мысли на смертномъ одрѣ. А между тѣмъ странно подумать, что стихотвореніе по случаю посѣщенія русской деревни („Ахъ, нѣтъ, не здѣсь, не этотъ край безлюдный былъ для души моей родимымъ краемъ") и стихотвореніе „Эти бѣдныя селенья", написаны однимъ и тѣмъ же поэтомъ [1]).

Ѳ. И. Тютчевъ служитъ превосходнымъ примѣромъ того, какъ пользованіе тѣмъ или другимъ языкомъ даетъ мысли то или другое направленіе, или, наоборотъ, какъ въ предчувствіи направленія, которое приметъ его мысль въ слѣдующее мгновеніе, человѣкъ берется за тотъ или другой изъ доступныхъ ему языковъ. Два рода умственной дѣятельности идутъ въ одномъ направленіи, переплетаясь между собою, но сохраняя свою раздѣльность, черезъ всю его жизнь, до послѣднихъ ея дней. Это—съ одной стороны, поэтическое творчество на русскомъ языкѣ, съ другой стороны—мышленіе политика и дипломата, свѣтскаго человѣка въ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ—на французскомъ.

„Въ 22 года его почти безвыѣзднаго пребыванія за границей,—говоритъ его біографъ,—онъ почти неслышитъ русской рѣчи, а по отъѣздѣ Хлопова (бывшаго крѣпостного дядьки Тютчева, взаимно связаннаго съ нимъ тѣсной дружбой) и совсѣмъ лишается того немногого, хотя и благотворнаго соприкосновенія съ русскою бытовою жизнью, которое доставляло ему присутствіе его дядьки въ Мюнхенѣ. Его первая жена ни слова незнала порусски, также какъ и вторая, выучившаяся русскому языку уже по переселеніи въ Россію (и собственно для того, чтобы понимать

[1]) Тамъ же, стр. 75—76.

стихи своего мужа). Слѣдовательно, самый языкъ его домашняго быта былъ чуждый. Съ русскими путешественниками бесѣда происходила, по тогдашнему обычаю, всегда по-французски; по-французски же, исключительно, велась и дипломатическая корреспонденція, и его переписка съ родными“ [1]).

„По собственному его признанію, онъ тверже выражалъ свою (прозаическую) мысль по-французски, нежели по-русски, свои письма и статьи писалъ исключительно на французскомъ языкѣ и, конечно, на девять десятыхъ болѣе говорилъ въ своей жизни по-французски, чѣмъ по-русски.“ А между тѣмъ стихи у Тютчева творились *только по-русски*. Значитъ, изъ глубочайшей глубины его духа била ключомъ у него поэзія, изъ глубины, недосягаемой *даже для его собственной воли*,—изъ тѣхъ тайниковъ, гдѣ живетъ наша первообразная природная стихія, гдѣ обитаетъ самая правда человѣка“ [2]). Стихи у него не были плодомъ *труда*, хотя бы и вдохновеннаго, но все же труда, подчасъ даже усидчиваго у иныхъ поэтовъ“... „Онъ ихъ неписалъ, а записывалъ“. Лучшіе созданы мгновенно.

Тютчевъ представляетъ поучительный примѣръ не только того, что различные языки въ одномъ и томъ же человѣкѣ связаны съ различными областями и пріемами мысли, но и того, что эти различные сферы и пріемы въ одномъ и томъ же человѣкѣ разграничены и вещественно. Во время предсмертной болѣзни, съ половиною тѣла пораженной параличемъ, Тютчевъ почти до смерти сохранялъ способность къ блестящей французской рѣчи и живой интересъ къ политикѣ. Разъ, послѣ продолжительнаго обморока, первыми словами его были: „какія послѣднія новости изъ Хивы?“ Между тѣмъ власть надъ стихомъ и чувство стихотворной мѣры оставили его гораздо раньше. Онъ порывался слагать стихи, но ничего невыходило.

Знаніе двухъ языковъ въ очень раннемъ возрастѣ не есть обладаніе двумя системами изображенія и сообщенія одного и

[1]) Тамъ же, стр. 53.
[2]) Тамъ же, стр. 85.

того же круга мыслей, но раздвояетъ этотъ кругъ и напередъ затрудняетъ достиженіе цѣльности міросозерцанія, мѣшаетъ научной абстракціи. Если языкъ школы отличенъ отъ языка семейства, то слѣдуетъ ожидать, что школа и домашняя жизнь небудутъ приведены въ гармоничныя отношенія, но будутъ сталкиваться и бороться другъ съ другомъ. Ребенокъ, говорящій: „du pain“ къ родителямъ и гувернанткѣ и (тайкомъ) „хлѣбца“ къ прислугѣ, имѣетъ два различныя понятія о хлѣбѣ.

Когда два лица, говорящія на одномъ языкѣ, понимаютъ другъ друга, то содержаніе даннаго слова въ обоихъ различно, но представленіе настолько сходно, что можетъ безъ замѣтнаго вреда для изслѣдованія приниматься за тождественное. Мы можемъ сказать, что говорящіе на одномъ языкѣ при помощи даннаго слова разсматриваютъ различныя въ каждомъ изъ нихъ содержанія этого слова подъ однимъ угломъ, съ одной и той же точки. При переводѣ на другой языкъ процессъ усложняется, ибо здѣсь не только содержаніе, но и представленіе различны.

Если слово одного языка непокрываетъ слова другого, то тѣмъ менѣе могутъ покрывать другъ друга комбинаціи словъ, картины, чувства, возбуждаемыя рѣчью; соль ихъ исчезаетъ при переводѣ; остроты непереводимы. Даже мысль, оторванная отъ связи съ словеснымъ выраженіемъ, непокрываетъ мысли подлинника[1]). И это понятно. Допустимъ на время возможность того, что переводимая мысль стоитъ передъ нами, уже лишенная своей первоначальной словесной оболочки, но еще неодѣтая въ новую. Очевидно, въ такомъ состояніи эта мысль, какъ отвлеченіе отъ мысли подлинника, неможетъ быть равна этой послѣдней. Говоря, что изъ мысли подлинника мы беремъ существенное, мы разсуждаемъ подобно тому, какъ еслибы сказали, что въ орѣхѣ существенное не скорлупа, а зерно. Да, существенное (geniessbar) для насъ, но не для орѣха, который немогъ бы образоваться безъ скорлупы, какъ мысль подлинника немогла бы образоваться

[1]) Мысль извѣстная, не требующая ссылокъ въ подтвержденіе. Ср. однако: Mommsen, Die Kunst des deutschen Uebersetzens aus neueren Spr. Leipz. 1858, стр. 9 и pass.

безъ своей словесной формы, составляющей часть содержанія. Мысль, переданная на другомъ языкѣ, сравнительно съ фиктивнымъ отвлеченнымъ ея состояніемъ, получаетъ новыя прибавки, несущественныя лишь съ точки зрѣнія первоначальной ея формы. Если при сравненіи фразы подлинника и перевода мы и затрудняемся нерѣдко сказать, насколько ассоціяціи, возбуждаемыя тою и другою, различны, то это происходитъ отъ несовершенства доступныхъ намъ средствъ наблюденія.

Поэзія въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, указываетъ пути наукѣ. Существуетъ анекдоты, изображающіе невозможность высказать на одномъ языкѣ то, что высказывается на другомъ. Между прочимъ, у Даля: заѣзжій грекъ сидѣлъ у моря, что-то напѣвалъ про себя, и потомъ слезно заплакалъ. Случившійся при этомъ русскій попросилъ перевести пѣсню. Грекъ перевелъ: „сидѣла птица, незнаю, какъ ее звать по-руски, сидѣла она на горѣ, долго сидѣла, махнула крыломъ, полетѣла далеко, далеко, черезъ лѣсъ, далеко полетѣла... И все тутъ. По-русски не выходитъ ничего, а по-гречески очень жалко!“

Въ дѣйствительности, всякій переводъ болѣе или менѣе похожъ на извѣстную шуточную великорусскую передѣлку малорусскаго „ой бувъ та нема“... „Эхъ былъ, да нѣтути“. Даже легкое измѣненіе звука, повидимому, нисколько некасающееся содержанія слова, замѣтно измѣняетъ впечатлѣніе слова на слушателя. Вѣроятно, многіе испытали на себѣ непріятное впечатлѣніе фальши, неискренности, слушая пѣвца или актера, говорящаго въ угоду мѣстной публикѣ на непривычномъ для него нарѣчіи. Искусство переходитъ здѣсь въ лицемѣріе.

Можно ли поэту писать на чужомъ языкѣ? Тургеневъ: „Я никогда, ни одной строки въ жизни не напечаталъ не на русскомъ языкѣ; въ противномъ случаѣ я былъ бы не художникъ, а просто дрянь, Какъ это возможно писать на чужомъ языкѣ, когда и на своемъ-то, на родномъ, едва можно сладить съ образами, мыслями,“ и т. д. [1])

[1]) Первое собраніе писемъ стр. 261.

Трудность самого наблюденія различій въ эффектахъ увеличивается, когда мы имѣемъ дѣло со словами одного происхожденія въ обоихъ языкахъ; сходное въ двухъ языкахъ одного происхожденія происходитъ не отъ того, что пути ихъ развитія дѣйствительно сходятся, а отъ того, что, расходясь отъ одной точки, они нѣкоторое время идутъ почти параллельно другъ подлѣ друга. Впрочемъ то, что переводъ съ одного языка на другой есть не передача той же мысли, а возбужденіе другой, отличной, примѣняется не только къ самостоятельнымъ языкамъ, но и къ нарѣчіямъ одного и того же языка, имѣющимъ чрезвычайно много общаго. „Я попросилъ разъ одного хохла,—говоритъ Пигасовъ въ „Рудинѣ“ Тургенева,—перевести слѣдующую, первую попавшуюся мнѣ фразу: грамматика есть искусство правильно читать и писать. Знаете, какъ онъ это перевелъ? „Храматыга е выскуство правыльно чытаты и пысаты“... Что же это языкъ по-вашему? самостоятельный языкъ?“ Именно то, что переводъ съ литературнаго языка на областное нарѣчіе и съ одного областного нарѣчія на другое весьма часто кажется пародіею, именно это служитъ доказательствомъ, что, предупреждая рѣшеніе науки, вѣрное чутье понимаетъ самыя сходныя нарѣчія, какъ различные музыкальные инструменты, быть можетъ, иногда относящіеся другъ къ другу, какъ церковный органъ и балалайка, но тѣмъ не менѣе незамѣнимые другъ другомъ. Для того чтобы такъ было, нѣтъ никакой нужды лѣзть изъ кожи, чтобы сдѣлать фразу нарѣчія совершенно непохожею на фразу литературнаго языка, какъ это дѣлали у насъ нѣкоторые ревнители самостоятельности малорусскаго языка. Это значитъ возить дрова въ лѣсъ. Есть чувства и мысли, которыхъ не вызвать на обще-литературномъ языкѣ извѣстнаго народа никакому таланту, но которыя сравнительно легко вызываются на областномъ нарѣчіи. Есть писатели, которые—сама посредственность, когда выбираютъ своимъ органомъ литературный языкъ, но которые на родномъ нарѣчіи глубоко художественны и правдивы. Ихъ творенія, какъ научные матеріалы, незамѣнимы никакими изданіями памятниковъ народной поэзіи, сборниковъ словъ и обо-

ротовъ, обычаевъ, повѣрій и пр. Мы имѣемъ такихъ писателей, имѣютъ ихъ и нѣмцы и высоко цѣнятъ ихъ вліяніе на общенѣмецкій языкъ и литературу.

Такое мнѣніе о нарѣчіяхъ и поднарѣчіяхъ общераспространено и ненуждается въ подкрѣпленіи авторитетовъ. Впрочемъ, такихъ подкрѣпленій можно найти довольно. Сравн., между прочимъ, мнѣніе Гримма, что еслибы нарѣчія чешское и польское исчезли въ общеславянскомъ языкѣ, какъ это представляютъ себѣ нѣкоторые возможнымъ и желательнымъ, то это было бы достойно сожалѣнія, ибо каждое изъ этихъ нарѣчій имѣетъ свои ничѣмъ незамѣнимыя преимущества [1]). Здѣсь рѣчь только о формахъ въ родѣ двойственнаго числа, но съ большимъ основаніемъ можно бы это сказать, имѣя въ виду весь строй языка. „Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ,—говоритъ В. Гумбольдъ,—можно распознать опредѣленную связь звуковъ языка съ его духомъ. Однако же, даже въ нарѣчіяхъ (того же языка) незначительныя измѣненія гласныхъ, мало измѣняющія языкъ въ общемъ, по праву могутъ быть относимы къ состоянію духа народа Gemüthbeschaffenheit), подобно тому, что замѣчаютъ уже греческіе грамматики о болѣе мужественномъ дорическомъ *α* сравнительно съ болѣе нѣжнымъ іонійскимъ *оε*“ [2]).

Возвращаясь къ вліянію иностранныхъ языковъ, мы видимъ, что еслибы знаніе ихъ и переводы съ нихъ были во всякомъ случаѣ нивеллирующимъ средствомъ, то были бы невозможны ни переводчики, сильные въ своемъ языкѣ, ни переводы, образцовые по своеобразности и художественности языка. Между тѣмъ извѣстны переводы, между прочимъ, книгъ священнаго писанія, по упомянутымъ свойствамъ и вліянію на самостоятельное развитіе литературы превосходящіе многія оригинальныя произведенія. Даже въ школѣ переводы съ иностранныхъ языковъ на отечественный, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, оказываются могущественнымъ средствомъ укрѣпленія учащихся въ духѣ и преданіяхъ отечествен-

[1]) Kleine Schriften, IV, стр. 105.

[2]) Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues, стр. 272. ed. Pott.

наго языка и возбужденія самостоятельнаго творчества на этомъ языкѣ. Упомянутыя условія состоятъ, съ одной стороны, въ томъ, чтобы ознакомленіе учащихся съ иностранными языками начиналось лишь тогда, когда они достаточно укрѣпились въ знаніи своего; съ другой стороны—въ томъ, чтобы языкъ учениковъ былъ для учителя родной, и чтобы учитель въ состояніи былъ требовать отъ переводовъ точности и согласія съ требованіями отечественнаго языка. Пристрастіе многихъ русскихъ изъ классовъ, покровительствуемыхъ фортуной, къ обученію дѣтей новымъ иностраннымъ языкамъ заслуживаетъ осужденія не само по себѣ, а по низменности своихъ мотивовъ. Такіе русскіе смотрятъ на знаніе иностранныхъ языковъ, какъ на средство отличаться отъ черняго люда, и какъ на средство сношенія съ иностранцами. Въ послѣднемъ отношеніи они стараются не снискать уваженіе иностранцевъ, а лишь говорить, какъ они. Въ языкѣ видятъ только звуки, а не мысль, а потому, ради чистоты выговора, начинаютъ обученіе иностранному языку чуть не съ пеленокъ и, какъ во времена „Недоросля", поручаютъ дѣтей Вральманамъ. Такъ, изъ дѣтей съ порядочными способностями дѣлаются полуидіоты, живые памятники безсмыслія и душевнаго холопства родителей.

Что до замѣчательныхъ людей, въ родѣ Тютчева, съ дѣтства усвоившихъ себѣ иностранный языкъ вмѣстѣ съ богатымъ запасомъ содержанія и непотерявшихъ способности производить на отечественномъ языкѣ, то въ нихъ дѣятельность мысли на иностранномъ языкѣ, безъ сомнѣнія, происходила въ ущербъ не только мысли на отечественномъ, но и общей продуктивности. Въ самомъ Тютчевѣ можно замѣтить узость сферы, обнимаемой его русскимъ языкомъ. Онъ сдѣлалъ бы больше, еслибы при томъ же талантѣ и такихъ же занятіяхъ владѣлъ лишь однимъ языкомъ и зналъ другіе лишь ученымъ образомъ настолько, насколько это нужно для возбужденія мысли, идущей по колеѣ родного языка.

Хотя двуязычность въ людяхъ высшаго круга—не рѣдкость въ русскомъ обществѣ XVIII и XIX вѣка, но тѣмъ не менѣе она составляетъ, предъ лицомъ русскаго народа, не правило, а

исключеніе. При томъ мы идемъ же отъ этого состоянія, а не къ нему. Вліяніе двуязычности на болѣе обширные классы населенія, почти на цѣлые, впрочемъ немногочисленные, народы, какъ чехи, я думаю, тоже неблагопріятно.

Можно принять за правило, по крайней мѣрѣ для новаго времени, что расцвѣту самостоятельнаго народнаго творчества въ наукѣ и поэзіи всегда предшествуютъ періоды подражательности, предполагающіе болѣе или менѣе теоретическое или практическое, болѣе или менѣе глубокое и распространенное знаніе иностранныхъ языковъ; что, соразмѣрно съ увеличеніемъ количества хорошихъ переводовъ, увеличивается въ народѣ запасъ силъ, которыя рано или поздно найдутъ себѣ выходъ въ болѣе своеобразномъ творчествѣ. Собственно здѣсь о подражательности и самостоятельности судятъ такъ, какъ о необходимости и свободѣ воли. Гдѣ виденъ еще первый толчокъ, какъ въ первомъ отраженіи шара отъ билліарднаго борта, тó называютъ подражательностью, необходимостью; гдѣ между возбужденіемъ и воздѣйствіемъ является промежуточная среда, маскирующая это возбужденіе, тó называютъ самостоятельностью и свободою. Но подражательность есть тоже своеобразность, очевиднымъ доказательствомъ чего служитъ, между прочимъ, наша подражательная литература. Наоборотъ, въ ней болѣе самостоятельныхъ продуктовъ мысли; только научное наблюденіе открываетъ слѣды внѣшняго импульса.

Говоря объ отношеніяхъ равноправныхъ народовъ, можно думать, что ихъ своеобразность стиралась бы, если бы ихъ общеніе съ другими возрастало въ большей прогрессіи, чѣмъ ихъ внутренняя связь. Но для увеличенія ихъ особности достаточно даже того, чтобы ихъ внутреннее и внѣшнее общеніе усиливалось въ равной мѣрѣ. Между тѣмъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что среди большихъ народныхъ массъ Европы внутреннее общеніе народовъ увеличивается въ бóльшей мѣрѣ, чѣмъ международное, разумѣется, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ правильное теченіе дѣлъ измѣняется силою оружія или политическаго шахрайства.

Дифференцированіе первоначально сходныхъ языковъ незначитъ, что въ народахъ уменьшается способность возбужденія со стороны другихъ языковъ; но оно, мнѣ кажется, значитъ, что, какъ человѣку, такъ и народу съ каждымъ годомъ становится труднѣе выйти изъ колеи, прорываемой для него своимъ языкомъ, именно настолько, насколько углубляется эта колея. Съ этой точки зрѣнія кажется, что чѣмъ архаичнѣе языкъ народа, чѣмъ менѣе рѣзкіе перевороты въ немъ совершаются въ теченіе времени, отдѣляющаго его отъ начала, тѣмъ болѣе возможна для него денаціонализація.

Крайне наивно думать, что хорошій переводчикъ имѣетъ способность выскакивать изъ своей народной шкуры и входить въ инородную мысль; что будто бы то самое, что дѣлаетъ нѣмцевъ „лучшими въ мірѣ" переводчиками, облегчаетъ имъ перемѣну народности и производитъ то, что, напр., такъ много нѣмецкихъ фамилій между славянами (Rüdiger,[1]) 118). Нѣтъ спору, въ нѣмецкой литературѣ множество превосходныхъ переводовъ со множества языковъ земного шара. Германія—страна филологіи, родина сравнительнаго языкознанія. Но все это главнымъ образомъ зависитъ отъ степени образованности, отъ количества запроса на ученыхъ и количества сихъ послѣднихъ, употребляющихъ разумный трудъ на изученіе иностранныхъ языковъ и литературъ, и лишь въ меньшей степени отъ общихъ свойствъ ихъ народности и языка. Здѣсь надобно различать теоретическое и практическое знаніе языка, т.-е. легкость думать и говорить на немъ. Въ послѣднемъ отношеніи нѣмцы ниже славянъ, и, если вообще можно гордиться чѣмъ-либо, могутъ на этомъ основаніи гордиться большею замкнутостью и устойчивостью своей народности. Если бы близость и географическое сосѣдство языковъ были главными факторами, дающими имъ теоретическое знаніе, то также знаніе литовскаго языка было бы достояніемъ русскихъ и поляковъ, и мы учились бы этому у нихъ, а не у Шлейхера. Между тѣмъ извѣстно, что, не говоря уже о звукахъ, многія категоріи славянскихъ языковъ на практикѣ представляютъ для взрослаго нѣмца, образованнаго и престоло-

¹) Ueber Nationalität. Z. f. Völkerps. III. 1865.

дина, затрудненія, неодолимыя въ цѣлые десятки лѣтъ. По этому мы можемъ судить о ихъ способности владѣть языками, менѣе сродными съ нѣмецкимъ.

Относительно этого вопроса я незнаю точныхъ наблюденій, но мнѣ кажется, что врядъ ли между нѣмецкими простолюдинами найдется столько практически владѣющихъ какими-либо иностранными языками, какъ между русскими, находящимися въ сношеніяхъ съ инородцами, напр. на Кавказѣ, въ Сибири. Хотя я недумаю, чтобы взрослый русскій могъ вполнѣ усвоить какой-либо иностранный языкъ, даже въ звуковомъ отношеніи (хотя гамма звуковъ, которою владѣетъ русскій,—въ особенности бывалый и знающій польскій языкъ, и, наоборотъ, полякъ, знающій по-русски, чтó нерѣдко,—гораздо обширнѣе той, какою владѣетъ нѣмецъ), но это не мое лишь личное мнѣніе, что онъ скорѣе выучится по-нѣмецки и по-французски, чѣмъ нѣмецъ и французъ по-русски. Трудно выдумать что-либо болѣе поверхностное, чѣмъ мнѣніе, что нѣмецъ по складу своей народности космополитъ, что французъ, напр., только французъ, и одинъ нѣмецъ—человѣкъ. Жалобы германофиловъ на то, что нѣмцы-переселенцы, гдѣ они неизолированы, какъ въ Россіи, теряютъ свою народность,—предполагаютъ странное и неосуществимое желеніе, чтобы вліяніе отдаленнаго, покинутаго отечества на второе и третье поколѣніе нѣмецкихъ переселенцевъ было сильнѣе вліянія окружающей ихъ среды.

Само собою разумѣется, что если нельзя признать непремѣнно денаціонализирующимъ того изученія иностранныхъ языковъ и того литературнаго (вліянія), которыя мы можемъ наблюдать въ наше время, то то же можно сказать о подобныхъ явленіяхъ древняго времени. Доисторическіе слѣды, оставленные взаимнымъ вліяніемъ народовъ, имѣютъ если не исключительно, то преимущественно лексическій характеръ; но именно лексическая сторона языка наиболѣе способна безъ перерожденія выдерживать напоръ внѣшнихъ вліяній. Говоря à priori, всякое иностранное слово на новой почвѣ должно переродиться; но безчисленны примѣры того,

что такое перерожденіе и въ звукахъ и въ значеніи столь очевидно, что нетребуетъ доказательствъ. Можно думать, что особность и своеобразность народовъ существуетъ не наперекоръ ихъ взаимному вліянію, а такъ, что возбужденіе со стороны, меньшее того, какое получается извнутри, является однимъ изъ главныхъ условій, благопріятствующихъ развитію народа, подобно тому какъ, по мысли В. Гумбольдта, вліяніе личности говорящаго на другую состоитъ не въ вытѣсненіи этой послѣдней, а въ возбужденіи ея къ новой плодотворной дѣятельности [1]). Взаимное возбужденіе народовъ предполагаетъ не ассимиляцію, а лишь взаимное приспособленіе, которое можно сравнить съ тѣмъ, какое возникаетъ между цвѣтами, питающими насѣкомыхъ, и насѣкомыми, содѣйствующими оплодотворенію цвѣтовъ.

Какой же смыслъ имѣетъ послѣ этого *денаціонализація?* Она состоитъ въ такомъ преобразованіи народной жизни, при которомъ традиція народа, заключенная главнымъ образомъ въ языкѣ, прерывается или ослабляется до такой степени, что является лишь второстепеннымъ факторомъ преобразованія. Случаи полнѣйшей денаціонализаціи могутъ быть наблюдаемы только въ жизни отдѣльныхъ личностей, еще неговорящими перенесенныхъ въ среду другого народа. Въ такихъ случаяхъ жизнь предковъ такой личности вносится въ ея собственное развитіе лишь въ видѣ физіологическихъ слѣдовъ и задатковъ душевной жизни. Въ примѣненіи къ цѣлымъ народностямъ, необходимо состоящимъ изъ лицъ разныхъ возрастовъ, такіе случаи и невозможны. Здѣсь денаціонализація предполагаетъ непремѣнно лишь ослабленіе традиціи между взрослымъ и подростающимъ поколѣніемъ, т.-е. частное изъятіе этого послѣдняго изъ вліяній семейства. Допустимъ самыя благопріятныя условія денаціонализаціи, именно, что подавляемый народъ нелишается имущества и необращается въ рабство въ его грубой формѣ, и что подростающему его поколѣнію, въ замѣнъ семейства, дается лучшій изъ воспитательныхъ суррогатовъ семейства, — школа. Но школа эта, по предположенію, непользуется

[1]) Ueber die Verschied., стр. 213.

языкомъ учениковъ, какъ готовымъ образовательнымъ средствомъ, но, обучая ихъ новому языку, тратитъ время на то, чтобы приготовить изъ сознанія учениковъ родъ палимпсеста. Очевидно, что воспитанники такой школы, при равенствѣ прочихъ условій, будутъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже тѣхъ, которымъ при поступленіи въ нее нужно было не забывать, а лишь учиться, прилагая школьныя крохи къ огромному запасу до-школьныхъ запасовъ мысли. Подобные результаты мы получимъ, если вмѣсто школы поставимъ другія образовательныя средства, обнимаемыя понятіемъ жизни въ обществѣ. Такимъ образомъ, для денаціонализируемаго народа естественнымъ теченіемъ дѣлъ создаются неблагопріятныя условія существованія, вытекающія изъ умственной подчиненности, которая будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ менѣе подавляемый народъ приготовленъ къ усвоенію языка подавляющаго. При подобной ломкѣ неизбѣжно на мѣстѣ вытѣсняемыхъ формъ сознанія воцаряется мерзость запустѣнія, и занимаетъ это мѣсто до тѣхъ поръ, пока вытѣсняющій языкъ нестанетъ своимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неприноровится къ новому народу. Люди, по правилу, добровольно неотказываются отъ своего языка, между прочимъ, въ силу безсознательнаго страха передъ опустошеніемъ сознанія. Ибо, пока мы не научены чему-либо лучшему, мы держимся мнѣнія В. Гумбольдта, что „никакой народъ немогъ бы оживить и оплодотворить чужого языка своимъ духомъ, безъ того, чтобы непреобразовать этого языка въ другой“ [1]) Другими словами: народность, поглощаемая другою, вноситъ въ эту послѣднюю начала распаденія, которыя, конечно, произведутъ замѣтные результаты тѣмъ скорѣе, чѣмъ многочисленнѣе и нравственно сильнѣе и своеобразнѣе поглощаемая народность, и наоборотъ [2]).

[1]) Ueber die Verschiedenheit, стр. 203.

[2]) Это мѣсто рукописи было использовано А. А. въ разборѣ „Народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси, собранныхъ Я. Ѳ. Голавацкимъ“, стр. 32—34. Здѣсь въ академической рецензіи денаціонализація формулируется опредѣленнѣе: „Вообще денаціонализація сводится на *дурное воспитаніе*, на нравственную болѣзнь: на неполное пользованіе наличными средствами воспріятія, усвоенія, воздѣйствія, на ослабленіе энергіи мысли; на мерзость запустѣнія на мѣсто вытѣсненныхъ, но ничѣмъ незамѣненныхъ формъ сознанія; на ослабленіе связи подростающихъ поколѣній со взрослыми, замѣняемой лишь слабою связью съ чужими; на дезорганизацію общества, безнравственность, оподлѣніе.“

Примѣняя это къ Россіи, я думаю, что à priori, вліяніе финскихъ и другихъ племенъ, не вымершихъ, а поглощенныхъ русскими, на образованіе русской народности неподлежитъ сомнѣнію; но указанія на частные случаи этого вліянія, кромѣ нѣкоторыхъ лексическихъ заимствованій, большею частью ложны. Такъ мнѣніе, что великорусскія племена со стороны языка своимъ существованіемъ обязаны вліянію финновъ, остается ложнымъ, такъ какъ при нынѣшнихъ средствахъ языкознанія въ граматическомъ строѣ великорусскихъ нарѣчій неможетъ быть открыто никакихъ слѣдовъ постороннихъ вліяній....

Возвращаясь къ денаціонализаціи и разрыву съ преданіемъ, слѣдуетъ прибавить, что съ точки зрѣнія языка подъ этимъ понятіемъ слѣдуетъ разумѣть вовсе не то, что̀ разумѣютъ подъ нимъ поборники идеи народности, когда, напр., жалуются на расколъ между высшими и низшими слоями русскаго народа, между до-Петровской и послѣ-Петровской Русью. Народная традиція или развитіе народной жизни безъ выхода изъ колеи имѣетъ много общаго съ традиціею извѣстной религіи или научнаго направленія. То,что̀ съ одной точки кажется измѣною извѣстнымъ началамъ, съ другой—представляется лишь ихъ развитіемъ, ибо развитіе здѣсь есть лишь другая сторона предыдущаго момента. Человѣкъ, воспитанный въ догматахъ извѣстной религіи и потомъ дошедшій до ихъ отрицанія, по своему нравственному облику принадлежитъ къ ней настолько же, насколько послушный сынъ этой религіи. Западный протестантизмъ принадлежитъ къ школѣ католицизма, русскіе диссиденты —къ школѣ православія. Мысль эту, которая у насъ давно высказана, если неошибаюсь, кѣмъ-то изъ славянофиловъ, теперь я нахожу у Штейнталя. Католикъ, протестантъ и еврей, сходящіеся въ религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ, даютъ этимъ воззрѣніямъ каждый свою историческую подкладку [1]). То же въ области науки. Послѣдователи Гримма и Боппа камень за камнемъ разрушаютъ сложенное ими зданіе, но въ то же время они продолжаютъ ихъ дѣло такъ, что Гриммъ

[1]) Zeitschr. für Völkerpsychologie VIII. 1875, 266—7. (Zur Religionsphilosophie).

и Боппъ при новыхъ условіяхъ немогли бы поступить иначе. Подобно этому, напр., въ русскомъ народѣ отчужденіе отъ народности мы можемъ наблюдать только въ отдѣльныхъ лицахъ, въ силу сословныхъ предразсудковъ съ дѣтства дрессируемыхъ для этого. Но образованный человѣкъ, участвующій въ созданіи литературы и науки на русскомъ языкѣ, или добровольно и сознательно отдающійся ихъ теченію, какой бы анаѳемѣ ни предавали его изувѣры за отличіе его взглядовъ и вѣрованій отъ взглядовъ и вѣрованій простолюдина, не только неотдѣленъ отъ него какою-то пропастью, но, напротивъ, имѣетъ право считать себя болѣе русскимъ, чѣмъ простолюдинъ. Ихъ связываетъ единство элементарныхъ пріемовъ мысли, важность которыхъ неослабляется отъ сложности работъ, на которыя они употреблены. Но литературно-образованный человѣкъ своего народа имѣетъ передъ простолюдиномъ то преимущество, что на послѣдняго вліяетъ лишь незначительная часть народной традиціи, именно, почти исключительно устное преданіе одной мѣстности, между тѣмъ какъ первый, въ разной мѣрѣ, приходитъ въ соприкосновеніе съ многовѣковымъ теченіемъ народной жизни, взятымъ какъ въ его составныхъ частяхъ, такъ и въ конечныхъ результатахъ, состоящихъ въ письменности его времени.

Согласно съ этимъ, образованный человѣкъ несравненно устойчивѣе въ своей народности, чѣмъ простолюдинъ. Послѣдній на чужбинѣ почти совершенно разрываетъ связи съ родиной, и хотя съ трудомъ и плохо выучивается чужому языку, но съ необыкновенной быстротой забываетъ свой, какъ напр., поляки солдаты въ русскомъ войскѣ. Для перваго и на чужой сторонѣ лучшая часть вліяній своей народности можетъ сохраниться. Замѣчу между прочимъ, что не-русскіе элементы языка одного изъ блистательнѣйшихъ русскихъ писателей, долго жившаго и умершаго за границей, происходятъ въ гораздо меньшей мѣрѣ отъ этого обстоятельства, чѣмъ отъ воспитанія.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что если цивилизація состоитъ, между прочимъ, въ созданіи и развитіи литературъ, и если литературное образованіе, скажемъ больше, если

та доля грамотности, которая нужна для пользованія молитвенникомъ, библіею, календаремъ на родномъ языкѣ, есть могущественнѣйшее средство предохраненія личности отъ денаціонализаціи, то цивилизація не только сама по себѣ не сглаживаетъ народностей, но содѣйствуетъ ихъ укрѣпленію. Предполагая, что въ будущемъ смѣшеніе племенъ на той же территоріи увеличится, слѣдуетъ принимать въ разсчетъ, что къ тому времени увеличатся и препятствія къ образованію смѣшанныхъ языковъ, состоящія, кромѣ упомянутаго увеличенія въ каждомъ народѣ привычки къ своему языку, и въ облегченіи средствъ поддерживать связь между отдаленными концами одной и той же народности. Мы видимъ и теперь напр., какъ группируются нѣмцы у насъ и въ Сѣверной Америкѣ.

Но, говорятъ намъ, неужели мы невидимъ, что образованіе національныхъ литературъ предполагаетъ сліяніе племенъ въ націи, объединяемыя литературнымъ языкомъ? И развѣ неговорятъ намъ замѣчательные филологи, что подъ вліяніемъ общенія мысли языки становятся все болѣе и болѣе сходными въ важнѣйшихъ сторонахъ своего строенія? Не вправѣ ли мы продолжить это стремленіе до полнаго сліянія по крайней мѣрѣ европейскихъ языковъ арійскаго племени? Конечно, мы вправѣ были бы это сдѣлать, если бы посылки были вѣрны.

Между тѣмъ общія очертанія исторіи арійскихъ языковъ, по которой, до дальнѣйшаго, мы можемъ судить объ остальныхъ, представляются намъ въ видѣ ихъ дифференцированія не только въ звукахъ, но и въ формахъ, взятыхъ въ ихъ употребленіи. Отъ одного общаго языка пошло десять, одиннадцать или двѣнадцать, смотря по тому, какъ считать, славянскихъ нарѣчій. Отдѣльные народы денаціонализованы и нарѣчія вымерли, но въ общемъ это несоставляетъ большого расчета, и врядъ ли кто-либо въ состояніи доказать, что когда-либо славянскихъ нарѣчій было больше, чѣмъ теперь. Между тѣмъ доказательства противнаго весьма сильны.

Если бы кто вздумалъ понимать объединеніе племенъ въ народъ, напр. русскій, какъ дѣйствительное сліяніе нѣсколькихъ

нарѣчій и поднарѣчій въ одно, какъ говорятъ, органическое цѣлое, тотъ создалъ бы себѣ миѳъ. Конечно, отдѣльные русскіе говоры вѣроятно возникли вслѣдствіе смѣшенія племенъ и взаимнаго проникновенія элементовъ двухъ или нѣсколькихъ сосѣднихъ говоровъ. Но не таково возникновеніе того, что мы называемъ русскимъ языкомъ. Этотъ языкъ есть совокупность русскихъ нарѣчій.

Народность съ точки зрѣнія языка есть понятіе отличное отъ такъ называемой „идеи національности". Тѣмъ не менѣе эти понятія настолько связаны другъ съ другомъ, что требуютъ тщательнаго разграниченія.

Кажется очевиднымъ, что не только чутье, но и сознаніе народнаго единства, въ смыслѣ общенія мысли, установляемаго единствомъ языка, есть явленіе глубоко древнее, при томъ такое, время происхожденія коего неможетъ быть опредѣленно съ точностью. Въ отличіе отъ этого мы слышимъ, что идея національности родилась впервые въ началѣ нашего вѣка, что она дала толчокъ „постепенному выдѣленію личностей народовъ цивилизованныхъ" „изъ первоначальнаго безразличія дикихъ народовъ", что „великая заслуга сообщенія этого толчка" можетъ быть приписана опредѣленнымъ личностямъ, въ Германіи—между прочимъ Фихте старшему, у насъ—славянофиламъ" (Градовскій [1]), 246). Подобныя мнѣнія высказываются и другими, но лишь отчасти справедливы. Конечно, въ отличіе отъ Экклезіаста, мы думаемъ, что подъ солнцемъ все ново и небываетъ повторенія событій. Идея національности нашего времени запечатлѣна своеобразностью, но подобныя появлялись и раньше. Родовое ихъ сходство состоитъ, мнѣ кажется, въ слѣдующемъ. Такая идея есть не непремѣнный признакъ народа, а возникающій отъ времени до времени умыселъ отдѣльныхъ лицъ и кружковъ сдѣлать извѣстныя черты, приписываемыя народу, руководящимъ началомъ намѣренной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, обществъ, правительствъ этого народа,—сообщить бо́льшую энергію дѣятельности, возвеличить ея

[1]) Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ, Спб. 1873.

начала. Такимъ образомъ эта идея есть частью извѣстное содержаніе мысли, частью общее душевное настроеніе личности, кружка, общества, иногда, въ рѣдкія критическія минуты народной жизни—значительной части народа. Въ этомъ смыслѣ эту идею мы признаемъ вездѣ, гдѣ въ народѣ, подъ вліяніемъ враждебнаго столкновенія съ другими народами, возникаетъ апотеоза извѣстныхъ народныхъ признаковъ, и гдѣ на знамени пишется нѣчто въ родѣ: „съ нами Богъ, разумѣйте языци и покоряйтеся"; или: „съ нами цивилизація" и потому опять-таки „покоряйтеся".

Идея національности есть всегда родъ мессіанизма. Усматривая всеобщность этихъ чертъ, въ различныхъ, иногда противоположныхъ взглядахъ, окрашенныхъ „идеею національности", мы приходимъ къ мысли, что они суть неизбѣжное слѣдствіе извѣстныхъ условій народной жизни, и лишаемся и права и охоты относиться съ насмѣшкою къ явленіямъ, какъ наше славянофильство. Извѣстное стихотвореніе Хомякова выражаетъ весьма вѣрно настроеніе славянофиловъ и намекаетъ на необходимость возникновенія ихъ ученія, какъ противодѣйствія подобному и столь же одностороннему ученію культуртрегеровъ:

„Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
Мы соль земли....
Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ словахъ смиренья не рядилъ...
Онъ съ тѣмъ, кто все зоветъ народы
Въ духовный міръ, въ Господень храмъ".—

(Гр., 220, 233), т. е. Онъ со славянофилами, несмотря на то, что со стороны въ ихъ смиреніи была замѣтна гордость. Безъ этой гордости, будетъ ли ея мотивомъ извѣстная утрировка положительныхъ преимуществъ народа, неизмѣряемыхъ „общимъ аршиномъ", или вѣра въ грядущее, въ высокое назначеніе своего народа, пока усматриваемое только пророческимъ взоромъ, нельзя обойтись, какъ скоро обстоятельства—такія ли, какъ наши, или такія, какъ въ Германіи начала нынѣшняго вѣка—требуютъ удаленія „духа унынія". Передъ страхомъ [illegible] тѣхъ правыхъ.

но въ свое время, а отчасти и въ наше, славянофилы имѣли право сказать своимъ противникамъ, искавшимъ истины лишь внѣ себя:

„Цивилизація для нихъ фетишъ....
Какъ передъ ней ни гнитесь, господа,
Вамъ не снискать признанья отъ Европы:
Въ ея глазахъ вы будете всегда
Не слуги просвѣщенья, а холопы. *(Тютчевъ)*.

Эти противники невидѣли того, что нѣмецкое культуртрегерство по меньшей мѣрѣ столь же односторонне. Упрекая славянофиловъ въ томъ, что они, будучи небольшимъ кружкомъ, всегда имѣли слабость говорить отъ лица всей Россіи, они невидѣли того, или мирились съ тѣмъ, что культуртрегеры берутся рѣшать за все человѣчество. Въ статьѣ Рюдигера, обратившей на себя ихъ вниманіе и переведенной на русскій языкъ, мы находимъ слѣдующее. Идея національности, или просто національность, возникла лишь въ наше время наперекоръ успѣхамъ цивилизаціи, единственно лишь потому, что та же цивилизація устранила нѣкоторыя вліянія, враждебныя національности, что она ослабила аскетизмъ христіянства, измѣнила взглядъ на династическія права, разрѣшила муниципальную и сословную замкнутость, дала побѣду демократіи. Такимъ образомъ, сама цивилизація вызвала силу, враждебную высшимъ интересамъ человѣчества, ибо *національное стремленіе удержать народныя различія вопреки* нивеллирующей цивилизаціи неизбѣжно переходитъ въ несправедливое пристрастіе къ своему, въ незнаніе чужого, въ пренебреженіе и вражду къ нему (98). Образованіе, неразлучное со стремленіемъ за предѣлы одного народнаго, старается пренебрегать несущественными различіями. Образованный умъ отъ всякаго мнѣнія требуетъ истины, отъ художественнаго произведенія—красоты, отъ учрежденія—цѣлесообразности. Но во всякомъ народѣ многое невыдерживаетъ такой повѣрки, и нужна особенная любовь къ своему, чтобы считать сказку о древнихъ вѣкахъ народной исторіи за истину, грубую образину грубыхъ вѣковъ—за мастерское произведеніе искусства, нелѣпый законъ—за произведеніе глубочайшей государственной

мудрости. Во многихъ народахъ толпа вѣритъ подобнымъ вещамъ, а знающіе больше несмѣютъ ей противорѣчить (119). Національность можетъ служить и прогрессу, и реакціи, смотря по тому, что именно до сихъ поръ препятствовало національному развитію. Такъ, напр., національныя стремленія либеральны въ Германіи, гдѣ свободѣ и единству противодѣйствуютъ государи; но онѣ враждебны прогрессу тамъ, гдѣ онъ враждебенъ національности. „Такъ въ славянскихъ земляхъ ненавидятъ нѣмецкую образованность т.-е. почти всю образованность, какая тамъ есть, и ясно стремятся къ варварству прежнихъ вѣковъ" (103).

Здѣсь подъ національностью мы должны разумѣть „идею національности", а не народность въ обширномъ смыслѣ, ибо если подъ этою послѣднею будемъ понимать не болѣе какъ сосудъ цивилизацій; то и въ такомъ случаѣ мы не въ состояніи будемъ понять, какъ развитіе содержимаго могло неразрушить сосудъ, (какъ птица, выклевываясь изъ яйца, разрушаетъ скорлупу), а напротивъ укрѣпить этотъ сосудъ. При этомъ, повидимому, идеѣ національности, какъ силѣ, враждебной цивилизаціи, приписывается, какъ постоянный признакъ—ложь. Но, исключивъ недобросовѣстныхъ людей, которые есть во всякомъ обществѣ, образованномъ или нѣтъ, развѣ можно сказать, что необразованный умъ принимаетъ то, что̀ про себя считаетъ ложью, безобразіемъ, нецѣлесообразностью, за нѣчто противоположное, только потому, что такъ думаютъ его соотечественники? И носители національной идеи, какъ поклонники единой вселенской цивилизаціи, считаютъ мысль истинною только до тѣхъ поръ, пока неубѣдились въ ея ложности. Приписывать имъ требованіе, что личное мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ большинства, должно быть подавляемо—крайне несправедливо. Даже тогда, когда ихъ идеалы позади, эти носители являются всегда представителями началъ движенія, а не застоя.

Именно поэтому съ гораздо большимъ основаніемъ ихъ можно упрекнуть въ телеологической точкѣ зрѣнія на исторію какъ на исполненіе призванія, развитіе предначертанныхъ началъ, вопло-

щеніе заранѣе готовой идеи. Это замѣтно, между прочимъ, у А. Градовскаго, несмотря на то, что онъ старается возвыситься надъ точкою зрѣнія славянофиловъ. Онъ говоритъ: „народное творчество—вотъ послѣдняя *цѣль, указываемая наукой* каждому племени, цѣль, безъ которой неможетъ быть достигнуто совершенство рода человѣческаго“ (Град., 146). Особенность Градовскаго состоитъ въ томъ, что у него „послѣдняя цѣль“ указывается не провидѣніемъ, а наукою, отъ чего дѣло теряетъ большую часть своей ясности. Что̀ можетъ значить „указаніе цѣли“ Сущему наукой, т.-е. въ концѣ концовъ вами лично, ибо наука, какъ извѣстно, говоритъ только устами отдѣльныхъ своихъ представителей? Неможетъ быть, чтобы русскій народъ до сочиненія такого-то профессора неимѣлъ цѣли. Вѣроятно, слѣдуетъ понимать по прежнему, что эта цѣль была предначертана, и только открыта, говоря возвышеннымъ слогомъ, наукою, а по просту—такимъ-то [1]). Но если наука не въ состояніи вмѣстѣ съ тѣмъ (какъ это и есть въ дѣйствительности) открыть, гдѣ кончается подражаніе и начинается творчество, то открытіе это пустое. И если когда-либо будетъ достигнуто совершенство рода человѣческаго, такъ что дальше некуда будетъ ити, то наука не въ состояніи будетъ этого замѣтить. Въ отличіе отъ національной идеи понятіе народности, опредѣляемое языкомъ, кажется несовмѣстимымъ съ орудованіемъ идеями, какъ конечная цѣль и достиженіе совершенства. Народъ, какъ и языкъ, имѣетъ безчисленное множество цѣлей, достигаетъ ихъ именно тѣмъ самымъ, что живетъ, но для земного наблюдателя неимѣетъ ни одной конечной.

Странность взглядовъ Рюдигера объясняется тѣмъ, что его „цивилизація“, какъ общечеловѣческое начало, есть въ дѣйствительности цивилизація съ точки зрѣнія нѣмецкой національной идеи, столь же узкой, какъ и славянская. Онъ на себѣ доказываетъ свои слова, что „національные взгляды необходимо односторонни, и національ-

[1]) И кромѣ Градовскаго у многихъ ученыхъ есть эта замашка говорить отъ имени науки, какъ будьто они, или нѣкто подразумѣваемый, у нея по особымъ порученіямъ, иногда вступаться за ея честь, какъ будьто она имъ тетка или сестра, или другая близкая особа слабаго пола.

ное чувство немыслимо безъ несправедливости къ чужимъ" (118). Въ сущности Рюдигеръ говоритъ: благо, если „свое" хорошо, какъ у нѣмцевъ; тогда его охраненіе и развитіе законно. Но у славянъ „свое" дурно, и потому любовь къ нему и ея послѣдствія суть преступленія противъ человѣчества. Но кто сказалъ, что „свое" у нѣмцевъ хорошо, и что оно должно стать общечеловѣческимъ? Кто опредѣлилъ содержаніе этого прогрессивнаго „своего" и рѣшилъ его несовмѣстимость съ инонародною формою? Сами же носители нѣмецкой національной идеи, которые хотятъ быть судьями въ своемъ дѣлѣ и выдаютъ личную мѣрку за абсолютную. Ихъ идеалъ въ концѣ концовъ сходенъ съ идеаломъ славянофиловъ. Какъ эти мечтали о денаціонализаціи славянскихъ племенъ русскими, такъ тѣ видятъ всемірное назначеніе нѣмцевъ въ денаціонализаціи сосѣднихъ народовъ. Взявши денаціонализацію въ самомъ мягкомъ ея видѣ, мы получимъ, что развитіе цивилизаціи съ точки зрѣнія культуртрегеровъ должно совершиться на чужой счетъ; за обученіе враговъ цивилизаціи добру, истинѣ и красотѣ, и учителямъ должно перепадать коечто въ видѣ матеріяльнаго богатства или менѣе вещественныхъ удовлетвореній, сопряженныхъ съ властью. Такимъ образомъ и здѣсь мы можемъ перефразировать слова Мефистофеля: „Was man den Geist der Zeiten heisst, das ist im Grund der Herren eigner Geist"—то, что̀ вы называете общечеловѣческимъ, есть только ваше; оно еще необязательно для всѣхъ, но вы хотите его сдѣлать такимъ, получить за это плату и сверхъ того сохранить при этомъ убѣжденіе, что даромъ потрудились на благо человѣчеству. Вы говорите: „съ нами Богъ", но этого Бога создали вы сами, хотя и не безъ достаточнаго основанія, не безъ нужды для вашей собственной жизни, но безъ вниманія къ тому, годится ли этотъ Богъ для другихъ и захотятъ ли, и могутъ ли другіе увѣровать въ него добровольно, или же вѣра въ него должна быть вколочена. Если это послѣднее справедливо, то допустивши даже, что извѣстной народности предстоитъ всемірное значеніе, мы должны будемъ признать, что развитіе цивилизаціи совершается

въ видахъ всего человѣчества, ибо все человѣчество заключаетъ въ себѣ и подавляемые народы, то есть частью обращаемые въ прахъ и пепелъ, частью денаціонализуемые, которымъ при этомъ неможетъ быть по себѣ.

Какъ попытка устранить односторонность идеи національности и ограничить позывы къ обнѣмечиванію, обрушенію и т. д., выставляется *право* національныхъ культуръ, то есть право народовъ на самостоятельное существованіе и развитіе.

Измѣненіе взглядовъ на отношеніе между общечеловѣческимъ и народнымъ, между общенароднымъ и свойственнымъ части народа, между этимъ послѣднимъ и личнымъ, объясняется до нѣкоторой степени, если будетъ поставлено въ рядъ движенія человѣческой мысли, состоящаго въ переходѣ отъ признанія объективной связи между изображеніемъ и изображаемымъ, къ ограниченію и отрицанію этой связи.—Типомъ этого движенія можетъ служить любой изъ случаевъ, въ огромномъ количествѣ собранныхъ изслѣдователями первобытной исторіи мысли. Напримѣръ, сначала человѣкъ, думая и говоря о враждебномъ существѣ, какъ волкъ, приписываетъ своей мысли не ту лишь долю бытія, какую она имѣетъ, какъ проявленіе его личной мысли, а гораздо бо́льшую, состоящую въ непосредственной силѣ приблизить, удалить, прогнѣвать или умилостивить это существо. Мысль лица представляется здѣсь сначала непосредственнымъ рычагомъ внѣшняго объективнаго бытія. Затѣмъ ея могущество приводится лицомъ въ тѣ границы, которыя намъ кажутся естественными: ей приписывается непосредственное вліяніе только на само дѣйствующее лицо. Изъ примѣра видно, что подъ *изображеніемъ* разумѣется здѣсь не только *выраженіе* мысли въ рисункѣ, словѣ, обрядѣ, но и сама эта мысль, по отношенію къ своему объекту.

Убѣжденіе въ тождествѣ или объективной связи изображенія въ этомъ обширномъ смыслѣ слова и изображаемаго свойственно не одному лишь дѣтству человѣческой мысли, какъ думаютъ многіе. Это убѣжденіе лишь мѣняетъ свое содержаніе съ успѣхомъ знаній. Усилія мысли снимаютъ съ истины одинъ покровъ за

другимъ; но то, что въ первыя минуты открытія казалось голою истиною, вслѣдъ затѣмъ непремѣнно оказывается лишь новою ея оболочкой. Борьба съ предразсудками есть безконечная работа. У насъ нѣтъ мѣрки, которая давала бы право сказать, что въ наше время предразсудковъ убавилось. До сихъ поръ оскорбленіе словомъ, какъ унизительное для оскорбленнаго, считается за оскорбленіе дѣломъ и нерѣдко влечетъ за собою весьма реальную месть, несравненно бо́льшую, чѣмъ та, какой можно бы ожидать, если бы при этомъ принималось во вниманіе не предразсудочное отождествленіе слова и вещи, а лишь вліяніе слова на мнѣніе другихъ лицъ и на проистекающія отсюда дѣйствія. Науку напрасно стараются нѣкоторые отгородить рѣзкими и неподвижными границами отъ миѳической мысли, ибо разница здѣсь лишь въ степени. Въ противоположность тѣмъ, которые видятъ начало критической мысли въ такой-то опредѣленной точкѣ исторіи, можно думать, напр., не только то, что каннибализмъ имѣлъ раціональныя основанія, но и то, что основанія ему положены именно критической мыслью, совершенно аналогичной съ тою, которая нынѣ стремится измѣнить и улучшить строй общества.

И въ наукѣ донынѣ продолжается отождествленіе изображенія и изображаемаго въ видѣ субстанціяціи понятій. Давно ли душевныя способности принимались за нѣчто реальное, и самая душа считалась чѣмъ-то реальнымъ, а не мысленнымъ объединеніемъ извѣстнаго ряда признаковъ. Развѣ недумаютъ многіе, что матерія есть вещь, а прочее все гиль? Давно ли считалось общепризнаннымъ, что общечеловѣческая мысль воплощается въ языкѣ, такъ что, если мы, поставимъ передъ собою эту мысль, откроемъ извѣстныя ея свойства, то можемъ быть увѣрены, что изслѣдованіе языка обнаружитъ намъ тѣ же свойства? Пріемъ несомнѣнно ученый, но представляющій аналогію съ тѣмъ, когда, наприм., по сновидѣнію, по чертамъ на бараньей лопаткѣ и пр. гадаютъ о внѣшнихъ для этихъ предметовъ и явленій событіяхъ.

Само столь обычное и необходимое для насъ противоположеніе мысли и объекта есть тоже субстанціяція мысли, ибо „безусловно—

объективное“, то, чѣмъ въ концѣ концовъ условлена наша мысль, намъ совершенно недоступно, а то, что мы называемъ объектомъ, при самомъ правильномъ пониманіи, оказывается тоже мыслью, но еще неотдѣлившейся отъ чувственныхъ воспріятій, еще регулируемою ими. То, что называется ходомъ объективированія мысли, есть терминъ неточный и состоитъ въ равной мѣрѣ въ признаніи элементовъ объекта субъективными.

Переходя къ *общечеловѣческому* и *народному*, посмотримъ, какъ судитъ о нихъ А. Градовскій, авторъ сочиненія, вообще весьма хорошаго, несмотря на то, что въ „Отечественныхъ Запискахъ“ оно было представлено чуть ли не преступленіемъ противъ общества.

До сихъ поръ мысль, что „идея человѣчества воплощается въ исторіи отдѣльныхъ народовъ“, иными считается за глубокую философскую истину и понимается такъ, что идея, какъ воплощающаяся въ чемъ-то независимомъ отъ меня, говорящаго это, и сама независима отъ меня и существуетъ сама по себѣ. „Но,— говоритъ Градовскій,—отношеніе между общечеловѣческимъ и народнымъ таково, какъ между логическимъ понятіемъ и реальнымъ явленіемъ“. „Наше представленіе объ общечеловѣческомъ есть продуктъ... обобщенія частныхъ явленій“. „Оно неимѣетъ реальнаго бытія“ и существуетъ только въ мыслящемъ лицѣ и черезъ него (239). Кажется, это довольно ясно. Отсюда нравоученіе, что неслѣдуетъ и невозможно жертвовать народнымъ, какъ живымъ и реальнымъ, общечеловѣческому, какъ призрачному и отвлеченному.

Между тѣмъ рѣшимость автора оказывается шаткою. „Неужели,—говоритъ онъ,—по нашему мнѣнію, общечеловѣческое есть только логическая фикція, плодъ абстракціи, неимѣющій никакого значенія въ жизни народовъ? О, нѣтъ! это значило бы отрицать достоинство одной изъ драгоцѣннѣйшихъ способностей человѣческаго духа и ума—способности... къ составленію общихъ понятій“ (240). До сихъ поръ это то же, что мы видѣли и выше. Казалось бы даже, что излишне и говорить объ этомъ, такъ какъ

признаніе *общечеловѣческаго* понятіемъ незаключаетъ въ себѣ его отрицанія. Но дѣло въ томъ, что авторъ и самъ, по слѣдамъ предшественниковъ, впадаетъ въ миѳологію, приписывая этому понятію иное существованіе, чѣмъ то, какое ему подобаетъ, какъ обобщенію, исходящему отъ лица: „Вмѣсто того чтобы говорить объ общечеловѣческой цивилизаціи, правильнѣе говорить объ общечеловѣческомъ въ цивилизаціи, т.-е. о совокупности такихъ условій культуры, которыя *должны быть* усвоены цѣлымъ кругомъ народовъ, какъ бы эти народы ни расходились во всемъ остальномъ“ (237—8). Если общечеловѣческое имѣетъ принудительную силу для всѣхъ народовъ, то, значитъ, оно представляется чѣмъ-то болѣе существеннымъ, чѣмъ другія обобщенія.

Далѣе авторъ спеціализируетъ эти условія. Это, во-первыхъ, „тѣ условія, безъ которыхъ немыслима нормальная жизнь человѣка и цѣлаго народа, каковы бы ни были особенности его культуры“... напр. личная безопасность, свобода совѣсти, мысли, слова, обезпеченіе условій народнаго здравія, продовольствія, образованія и т. д. „Понятіе общечеловѣческаго является (здѣсь) даже основаніемъ для критики національныхъ несовершенствъ“, напр., когда съ этой точки отвергается утвержденіе, что „рабство есть естественное призваніе негра“. Во-вторыхъ, это внѣшнія условія осуществленія человѣческихъ цѣлей, напр.: пути сообщенія, орудія обмѣна, машины, техника въ поэзіи и искусствѣ и т. д. (240—1).

Нетрудно однако возразить, что все это можетъ разсматриваться только, какъ народное, т.-е., напр., съ одной стороны, личная безопасность, свобода и пр. каждымъ народомъ понимается различно; съ другой стороны, даже въ употребленіи и пониманіи вещей, переходящихъ отъ одного народа къ другому, существуетъ большое разнообразіе. Такъ, напр., дикарь можетъ носить подаренный ему мундиръ безъ рубашки и панталонъ. Еще менѣе замѣтна общечеловѣчность въ пріемахъ производства. Неужели, напр., авторъ думаетъ, что силлабическое стихосложеніе на русской почвѣ было равно польскому или французскому, или что есть, напр., въ живописи и гравюрѣ не только два народа, двѣ школы,

но даже два художника съ одинаковой техникой? Если бы рѣчь шла только о возможности дѣлать отъ всего отвлеченія, то нестоило бы приводить частныхъ примѣровъ; но дѣло идетъ о большемъ, именно о возможности критики *народнаго*, съ точки зрѣнія *общечеловѣческаго*. Такая критика однако настолько же миѳологична, насколько была таковою попытка вывести нормальныя условія жизни песца, или же возможности его акклиматизаціи тамъ-то изъ свойствъ рода, обнимающаго собаку, волка, шакала и пр.

Но наиболѣе очевидна субстанціяція мысли въ самомъ противоположеніи общечеловѣческаго, какъ понятія, народному, какъ реальному явленію. То и другое реально и идеально ровно настолько, насколько реально и идеально понятіе. Такъ, видъ въ зоологіи и ботаникѣ имѣетъ никакъ не болѣе правъ на объективное бытіе, чѣмъ родъ понятія. Русскій народъ такъ точно, какъ и понятіе „общечеловѣческое въ цивилизаціи“,—если будемъ на него смотрѣть сверху внизъ [1]) т.-е. по направленію къ элементамъ, изъ коихъ оно возникло,—немедленно распадется на частныя: племена, классы, милліоны недѣлимыхъ въ разные вѣка. Очевидно, что крайне ошибочно было бы реальность приписать личности въ отличіе отъ идеальности понятія „народъ“, ибо личность, мое *я* есть тоже обобщеніе содержанія, измѣняющагося каждое мгновеніе. Ключъ къ разгадкѣ явленій личной, семейной, родовой, племенной, народной жизни скрытъ глубже, чѣмъ въ абстракціи, называемой личностью. Отсюда слѣдуетъ, что противоположеніе реальности народа идеальности человѣчества есть весьма плохое лекарство отъ неумѣренныхъ претензій національной идеи, выдающей себя за общечеловѣческое. Единственное лекарство отъ такихъ ошибокъ мысли состоитъ въ томъ, чтобы держать понятіе незамкнутымъ, открывать его приливу новыхъ элементовъ, который незамедлитъ разрушить понятіе, преобразовавъ его въ новое. Въ иныхъ случаяхъ эти спекуляціи инымъ кажутся болѣе опасными, чѣмъ...[2]). Напр., если бы кто сказалъ, что понятіе о единомъ

[1]) Съ этого мѣста рукопись утрачена, и статья воспроизводится такъ, какъ напечатана въ Вѣстн. Евр.

[2]) Пропускъ.

народѣ (такомъ-то) заключаетъ въ себѣ несовмѣстимыя противорѣчія и потому разрушается, то иной могъ бы подумать, что отъ этого пошатнутся столбы государственнаго и народнаго зданія. Но въ успокоеніе такихъ опасеній можно указать на то, что идеи начинаютъ руководить жизнью лишь послѣ, чрезъ длинные періоды, какіе нужны для превращенія ихъ, такъ сказать, въ черноземъ мысли, т.-е. въ нѣчто, о чемъ больше неразсуждаютъ.

Преимущество понятія *народнаго*, опредѣляемаго языкомъ, предъ общечеловѣческимъ, или народнымъ въ смыслѣ „идеи національности", состоитъ въ томъ, что первое объективнѣе въ томъ смыслѣ, что менѣе апріорно, а потому, оно сильнѣе возбуждаетъ изслѣдованіе. Штейнталь [1]), сказавши о возникновеніи обособленной личности, какъ продукта духовнаго развитія изъ общаго (das Gemeine, общее и вмѣстѣ пошлое), даннаго природою, продолжаетъ: „Но затѣмъ болѣе благородныя души (Geister) постолько преодолѣваютъ ограниченность индивидуальности, что изображаютъ общій законъ и идеалы (das allgemeine, das gemeinsame Gesetz und Ideal)". Стало быть, по его мнѣнію, расходящіяся линіи дифференцированья преломляются въ высшихъ сферахъ развитія и вновь сближаются другъ съ другомъ. Подобную мысль высказываетъ и Орестъ Миллеръ, говоря о дифференцированіи личности и народа. Появленіе самостоятельной личной мысли и сохраненіе ея при помощи письменности сообщаетъ движеніе народной жизни. „Разнообразясь въ проявленіяхъ своей жизни и движась впередъ, народъ не только неперестанетъ быть, но именно черезъ это дѣлается въ полномъ смыслѣ самимъ собою; чѣмъ болѣе возникаетъ въ народѣ отдѣльныхъ физіогномій, тѣмъ болѣе всѣми этими физіогноміями *выяснится*, опредѣлится и выступитъ весь наружу общій складъ народнаго духа или *народный типъ*. Именно въ эпоху первобытную, т.-е. въ эпоху почти рѣшительнаго несуществованія личностей, народы своими нравами, своею духовною жизнью мало рознятся между собою; потому-то и первобытная пора ихъ устной словесности представляетъ безъ всякаго

[1]) Zeitschrift für Völkerpsychol., II, 1862.

умышленнаго заимствованія другъ у друга несравненно болѣе сходствъ, чѣмъ особенностей. Позже и въ устной словесности, въ силу долгой работы понемногу проникающей и въ нее личной мысли, начинаютъ выражаться и особенности народныя. Но только въ литературѣ — конечно здоровой, самостоятельной, и *окончательно* и *вполнѣ* можетъ выразиться личная физіогномія народа.

„Между тѣмъ въ *этомъ проявленіи личности не только не исчезаютъ общечеловѣческія основы*, но, напротивъ, именно въ ней и *достигаютъ онѣ своего настоящаго окончательнаго развитія*. Такъ точно типъ человѣческаго лица своего *высшаго* и полнѣйшаго развитія достигаетъ именно въ тѣхъ людяхъ, которые имѣютъ характерную, опредѣлившуюся физіогномію, а не въ тѣхъ, въ которыхъ незамѣтно ничего, кромѣ общихъ составныхъ частей человѣческаго лица.

„Про лицо, въ которомъ есть только глаза, носъ, ротъ и пр... и во всемъ этомъ ничего особеннаго, ничего такого, что бы принадлежало только одному этому лицу, такъ и хочется сказать: „какое это пошлое, нечеловѣческое лицо!" Главное въ человѣческомъ типѣ именно и составляетъ способность, во всѣхъ человѣческихъ лицахъ, сохраняя общія свои основанія, въ то же время становиться въ каждомъ изъ нихъ чѣмъ-то единственнымъ въ своемъ родѣ. Поэтому-то и то, что выражаетъ собою всего полнѣе не физическій, а духовный типъ человѣческаго рода — словесность, своего полнаго развитія достигаетъ и со всею ясностью выводитъ наружу *всю глубину человѣческаго духа* именно тогда, когда являются въ словесности произведенія отдѣльныхъ лицъ, т.-е. личнаго творчества, изъ которыхъ каждое составляетъ нѣчто единственное въ своемъ родѣ" [1]).

Здѣсь прежде всего нужно устранить ошибочную мысль (или, быть можетъ, лишь ошибочное, безъ нужды миѳологическое выраженіе), что „личное творчество выводитъ наружу всю глубину человѣческаго духа". Какъ будто эта глубина не тогда только и возникла, когда обнаружилась! Какъ будто полнота развитія есть

[1]) Ор. Миллеръ, Опытъ истор. обозрѣнія русск. слов., стр. 18—19. 1866.

нѣчто заранѣе данное, но лишь скрытое и спящее до поры, какъ, по миѳологическому воззрѣнію, искра въ кремнѣ. Затѣмъ: вѣрно, что дифференцированіе народовъ связано съ обособленіемъ въ нихъ личностей; но думать, что дифференцированіе народовъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ общечеловѣчности, это все равно, что думать, что человѣкъ, возвышаясь надъ своими звѣрообразными предками, стремится къ общеживотности. Приближеніе къ общечеловѣчности мы можемъ представить себѣ лишь позади нынѣшняго уровня развитія человѣчества, тамъ, гдѣ и Миллеръ видитъ сходство между народами, независимое отъ заимствованія, Но по направленію къ будущему общечеловѣчность, въ смыслѣ сходства, можетъ только уменьшаться. Она увеличивается лишь въ смыслѣ силы взаимнаго вліянія, подобно тому, какъ съ возникновеніемъ человѣка усиливается его вліяніе на животныя и растенія и наоборотъ.

Отдѣлъ второй.

ТРОПЫ И ФИГУРЫ.

О тропахъ и фигурахъ вообще.

Gust. Gerber. „Die Sprache als Kunst“ 2-te auflage, 1885. Г. I, 561; Г. II, 526. Berlin.

Основное воззрѣніе Гербера характеризуется его дѣленіемъ искусствъ: 1) искусства *зрѣнія*: а) зодчество, б) ваяніе, в) живопись; 2)—*слуха*: а) музыка, б) Sprachkunst, в) Dichtkunst (I, 32; II, 339), при чемъ членамъ 1б и 2б особенно, преимущественно передъ 1а и 2а свойственна-дѣ аллегоричность. Къ 2б относятся, кромѣ „эстетическихъ фигуръ“, отличаемыхъ отъ соотвѣтственныхъ формъ внутри языка (троповъ и грамматическихъ фигуръ), еще „die selbständigen Werke der Sprachkunst“, т. е. между прочимъ пословица, басня, притча.

Начиная отъ древнихъ грековъ и римлянъ и съ немногими исключеніями до нашего времени опредѣленіе словесной фигуры вообще (безъ различія тропа отъ фигуры) необходится безъ противопоставленія рѣчи простой, употребленной въ собственномъ, *естественномъ*, первоначальномъ значеніи, и рѣчи украшенной, переносной. Ср. напр. съ одной стороны—новыхъ:

„Фигурой рѣчи называется уклоненіе отъ обыкновеннаго способа выражаться, съ цѣлью усилить впечатлѣніе“ (*Бэнъ* „Стилистика и пр.“ перев. Грузинскій, М. 1886 стр. 8).

„Der tropus ist ein zum Schmuck der Rede von seiner ursprüngichen natürlichen Bedeutung auf eine andere übertragener Ausdruck, oder, wie die Grammatiker meist definiren, eine von der Stelle, wo sie eigentlich ist, auf eine andere, wo sie uneigentlich ist, übertragene Redeweise (Volkmann, Rhetorik der Griechen und Römer, p. 391 [1]). (Это—переводъ изъ Квинтиліана).

---

[1]) Цит. изъ сочиненія: Figure u našom narodnom pjesničtvu s njiohovom teorjom. Napisao Luka Zima. Na sviet izdala Jugosl. Akad. znanosti i umjetnosti. U Zagrebu, 1880, (335 стр.), стр. 5.

„Figur ist eine kunstmässig geänderte Form des Ausdrucks, eine bestimmte und von den gewöhnlichen und *zuerst* sich darbietenden Art entfernte Gestaltung der Rede (ib. Zima, 6).

—Съ другой стороны—древнихъ:

„*Ornari* orationem Graeci putant, si verborum immutationibus utantur, quas appellant *τρόπους* et sententiarum orationique formis, quae vocant *σχήματα*“ (Cic. Brut. 17, 69).

„Tropus est verbi vel sermonis a *propria* significatione in aliam cum virtute mutatio (Quint, VIII. 6 [1]).

„Est igitur tropus sermo a naturali vel principali significatione translatus ad aliam, ornandae orationis gratia, vel (ut plerique grammatici finiunt) dictio ab eo loco, in quo propria est, translata in eum. in quo propria non est“ (Quint, IX, 1, 5).

„Figura.... est conformatio quaedam orationis, remota a communi et primum ee offerente ratione (Quint. у Зимы, 6).

„*Τῆς δέ φράσεως εἴδη εἰσὶ δύο, κυριολογία τε καὶ τρόπος. Κυριολογία μέν οὖν ἐστιν ἡ διὰ τῆς πρώτης θέσεως τῶν ὀνομάτων τὰ πράγματα σημαίνουσα—τρόπος δέ ἐστι λόγος κατά παρατροπὴν τοῦ κυρίου λεγόμενος κατά τινα δήλωσιν κοσμιωτέραν ἢ κατὰ τὸ ἀναγκαῖον*“ (Tryphon „*Περί τρόπων*“, ed. Spengel, III, 191, Zima, 5).

Говоря объ украшеніи рѣчи, мы предполагаемъ, что мысль въ словѣ можетъ явиться и неукрашенною, подобно тому какъ можно построить зданіе, а потомъ, неизмѣняя общихъ его очертаній, прибавить къ нему скульптурныя и живописныя подробности. Такимъ образомъ украшеніе будетъ роскошью, исключающею мысль о необходимости.

Однако уже и древніе должны были допустить, что украшеніе рѣчи можетъ быть и необходимо:

„Illustrant (orationem), quasi stellae quaedam, translata verba atque immutata. Translata ea dico, quae per similitudinem ab alia re aut suavitatis, aut *inopiae* causa transferuntur; immutata, in quibus pro verbo proprio subjicitur aliud, quod idem significet,

---

[1]) Тропъ есть перенесеніе слова отъ собственнаго значенія къ несобственному, напр, *острый* умъ (собств. *острая* сабля)“ (Мининъ, Теор. сл. 8, Спб. 1872 г.).

sumptum ex re aliqua consequenti (Cic. Or. 27, Gerb. I, 332. translata—по аналогіи (метафора), immutata—по болѣе тѣсному сочетанію представленій).

„Translatio ita est ab ipsa nobis concessa natura, ut indocti quoque ac non sentientes ea frequentes utantur.... *Copiam* quoque *sermonis auget* permutando aut mutuando, quae non habet; quodque difficillimum est, praestat, ne ulli rei nomen deesse videatur. Transfertur ergo nomen aut verbum ex eo loco, in quo proprium est, in eum, in quo aut *proprium deest*, aut translatum proprio melius est. Id facimus, aut quia *necesse* est, aut quia significantius est aut quia decentius" (Quint. VIII, 6, 4, y Gerb. I, 332).

Усвоивъ себѣ основныя понятія нынѣшняго языкознанія и спрашивая себя затѣмъ, какъ возникло богатство (copia sermonis) наличныхъ языковъ, мы отвѣчаемъ:

Независимо отъ отношенія словъ первообразныхъ и производныхъ, всякое слово, какъ звуковой знакъ значенія, основано на сочетаніи звука и значенія по одновременности или послѣдовательности, слѣдовательно есть метонимія.

Нѣсколько сотъ тысячъ словъ языка, какъ русскій (у Даля около 200 т.) и т. п., возникли изъ небольшого числа корней (500 — 1000). Поэтому, если бы даже допустить невѣроятное, что эти корни были собственными выраженіями, количество словъ переносныхъ, возникшихъ по необходимости, inopiae causa, въ нѣсколько сотъ разъ превосходило бы количество собственныхъ. Но и эта уступка невозможна. То, что является корнемъ относительно своихъ производныхъ, было словомъ съ тѣми же тремя элементами значенія, какіе различаютъ во всякомъ вновь образуемомъ словѣ: образъ, собственно значеніе и его связь съ образомъ. Всѣ значенія въ языкѣ по происхожденію образны, каждое можетъ съ теченіемъ времени стать безобразнымъ. Оба состоянія слова, образность и безобразность, равно естественны. Если же безобразность слова сочтена была за нѣчто первоначальное (тогда какъ она всегда производна), то это произошло отъ того, что она есть временный покой мысли (тогда какъ образность есть новый ея

шагъ), а движеніе болѣе привлекаетъ вниманіе и болѣе вызываетъ изслѣдованіе, чѣмъ покой.

Спокойный наблюдатель, разсматривая готовое переносное выраженіе или болѣе сложное поэтическое созданіе, можетъ найти въ своей памяти соотвѣтственное безобразное выраженіе, болѣе образнаго соотвѣтствующее его (наблюдателя) настроенію мысли. Если онъ говоритъ, что это безобразное есть „communis et primum se offerens ratio“, то онъ свое собственное состояніе приписываетъ создателю образнаго выраженія. Это въ родѣ того, какъ если бы ожидать, что среди горячей битвы возможно такое же спокойное разсужденіе, какъ за шахматной доской, если играютъ заочно. Если же перенестись въ условія самаго говорящаго, то легко перевернуть утвержденіе холоднаго наблюдателя и рѣшить, что primum se offerens, хотя и не „communis“, есть именно образное. И въ случаяхъ, когда мы мысленно устраняемъ вполнѣ или отчасти безобразное выраженіе и замѣняемъ или дополняемъ его образнымъ, послѣднее не необходимо лишь въ томъ случаѣ если оно нехорошо. Понятія достоинства выраженія, его красоты тождественны съ его соотвѣтствіемъ мысли, его необходимостью. Побужденія эстетическія и логическія (цѣли познанія) здѣсь нераздѣльны.

Въ примѣненіи къ сложнымъ поэтическимъ произведеніямъ случаи, когда первое приходящее на мысль есть рядъ отвлеченныхъ понятій, а второе — образы, не измѣняющіе этихъ понятій — суть случаи ненужности поэтическихъ произведеній, отсутствія плодотворности движенія мысли, низкаго достоинства образовъ.

Примѣръ ненужности образа: стихотвореніе Плещеева „*Два пути*“ (посв. И. С. Аксакову) обращено въ дѣятелямъ 60-хъ годовъ, которымъ хорошо было извѣстно отношеніе къ двумъ дорогамъ, и новаго авторъ, исходившій изъ отвлеченнаго положенія, ничего имъ несказалъ. (Ср. Ксенофонта „Меморабиліи, кн. II, гл. I, 20, 23. — Ев.: „внидѣте узкыми враты“, „широкъ путь вводяй въ пагубу“). Тотъ же образъ является необходимымъ въ устахъ Іоанна Вишенскаго (изъ Вишни).

Какъ нынѣ германизація говоритъ чехамъ и охотно сказала бы Руси, а полонизація говоритъ Руси: „отдай мнѣ свое *я*, а я отдамъ свою цивилизацію, а недашь души, значитъ нехочешь и цивилизаціи“, такъ было и издавна. И много нужно было силы душевной, чтобы непойти на эту сдѣлку и, *примѣняя къ себѣ и своимъ*, какъ Іоаннъ изъ Вишни, слѣдующее мѣсто Евангелія: „и поятъ его діаволъ на гору высоку зѣло и показа ему вся царствія міра и славу ихъ, и глаголa ему: сія вся тебѣ дамъ, аще падъ поклониши ми ся. Тогда глаголa ему Іисусъ: иди *за мною* (*ὕπαγε Σατανᾶ*), писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши“ (Мат. 4, 8) *сказать сатанѣ*:

„Чтожъ ми дашъ, діяволе, именуй, да знаю напередъ?“ — Если хочешъ бискупомъ... арцибискупомъ, кардиналомъ... быти, падъ поклони ми ся, я тебе дамъ... И если хощеши подкоморымъ или судіею... старостою... воеводою, гетманомъ и канцлеромъ быти, падъ поклони ми ся... я тебѣ и кролевство дамъ....если хочешъ хитрецемъ, мастеромъ, ремесникомъ рукодильнымъ быти и другихъ вымысловъ (=омъ?) превозыйти, чемъ бы еси и отъ сусѣдъ прославитися и деньги собрати моглъ, падъ поклонимися, я тебе упремудрю, научю, наставлю и въ досконалость твоего променія мысль твою приведу“. „Чтожъ за пожитокъ съ того твоего даpoванія... коли я живота вѣчнаго отпаду?“ (Арх. Ю. З. Р. т. VII, ч. I, 19 — 24).

Какъ и нынѣ, [1]) нужно было говорить: „Не бо азъ хулю граматичное ученіе и ключь къ познанію складовъ и рѣчей, яко же нѣцыи мнятъ и подобно глаголютъ: „занеже самъ неучился, того ради и намъ завидитъ и возбраняетъ“... Не вѣдомость хулю художества, але хулю, што теперешніе наши новые русскіе философы незнаютъ въ церкви ничто же читати, ни тое самое псалтыри и часослова. А снадь (s. вм. *знать*), если бы хто што с-трохи и зналъ, якъ южъ досягнетъ стиха якого басней аристотельскихъ, тогды южъ псалтыри читати ся соромѣетъ, и прочее правило церковное ни за что вмѣняетъ, и яко простое и дурное быти разумѣетъ. А тежъ невижу иншихъ, толко прóстою наукою нашего

[1]) Читано въ 1888 году.

благочестія воспитавшіеся, тые и подвигъ церковный и отправують; а латинскихъ басней ученицы, зовемыи казнодѣи, трудитися въ церкви нехочють, толко комедіи строють и играють". И недивно! Приведу притчю: Коли южъ хто наказанія внѣшнего с-троху (s. вм. страху) досяглъ, подобенъ коневи въ стайни хованому и на узахъ держаному, который часу пролѣтного дождавши, коли траву ощутитъ и выпущенъ будетъ, невѣда якъ ся поймати дасть отъ игранья, скаканья и шаленья, ради своеволное владности. Такъ власне, коли хто зъ благочестія догматъ до латынскаго мудрованія и хитрости выпущенъ будетъ, невѣда, какъ его южъ ухватити, и обуздати, и къ благочестію привлечи; бо есть такъ сладкая латинское прелести трава, ижъ ее воли на широкомъ поли вкусивый заживати, нижли въ тайни благочестія, на привязехъ законныхъ, найлепшимъ овсомъ истинное науки питатися хочетъ. Тамъ бо есть у Латыни своевмля, тамъ есть чистецъ по смерти мудрымъ безецникомъ, вшетечникомъ и роскошникомъ, а у насъ, *дурное Руси*, чистца по смерти немашъ, только въ терпѣливомъ страданіи и покаяніи прежде умертія. И для того въ тѣснотѣ сей мало изволяють быти: вси ся на широту роскоши вергнися" (Іоаннъ Виш. „Посланіе къ старицѣ Доминкіи", ib. 28—30).

Такъ было, и нынѣ *опять* діаволъ торжествуя говоритъ: „Вижу, мало ихъ собирается и знаходитъ на тотъ тѣсный гостинецъ хотящихъ и любящихъ ходити. Всѣ пали и поклонилися славѣ царства, красоты и любве вѣка того настоящаго многовладомаго. Отъ начальныхъ и до послѣднихъ, отъ духовно зовомыхъ и до простыхъ, отъ властей до подручныхъ, всѣ полюбили тотъ мечтъ, блискъ и пестроты красоты царства моего мірскаго, которую есми Христовы обнажилъ и показалъ". (Арх. Ю. З. Р. т. VII, ч. I).

И вотъ „отъ борeнія плоти и страстей и воздушныхъ злобныхъ духовъ поднебесныхъ" онъ уходитъ въ святую гору (скалы и пещеры), а „хотяй во святѣй горѣ жировати..., или буди железенъ или сребренъ" (ib. 36).

Какъ нужно устранить или ослабить внѣшнія впечатлѣнія, чтобы нѣчто вспомнить, рѣшить, такъ во всѣ времена люди уда-

лялись въ своего рода пустыню, скитъ, монастырь, чтобъ облегчить себѣ работу надъ собою, для нравственнаго усовершенствованія, и наоборотъ стремились въ міръ. Другой мотивъ—отреченіе отъ своей воли. Ср.: Н. Толстой: поступивъ опять въ полкъ и „почувствовавъ себя лишеннымъ свободы и закованнымъ въ одну узкую неизмѣнную рамку... Ростовъ испыталъ... успокоеніе... послѣ проигрыша Долохову.... Онъ рѣшился загладить свою вину, служить хорошо и быть вполнѣ отличнымъ товарищемъ и офицеромъ, т. е. прекраснымъ человѣкомъ, что представлялось столь труднымъ *въ міру*, а въ полку столь возможнымъ“. (Война и миръ, II, 180).

Останавливая свое вниманіе на первообразныхъ поэтическихъ формахъ (образности языка), древне-греческіе а за ними римскіе риторы установили два разряда поэтическихъ и риторическихъ выраженій: *σχήματα*—figurae и *τρόποι*—tropi. По недостаточности этимологическаго анализа, они разумѣли подъ ними почти исключительно сочетанія словъ; но сюда же относятся не только слова, представляющія явную двойственность состава (бѣлоснѣжный, мр. сивозалізний), но и слова образованныя посредствомъ замѣны ряда возможныхъ признаковъ однимъ (борзая; мр. осточортіти, пополотніти), слова безъ явственнаго представленія въ своей вещественной части, но своей граматическою формой (родомъ, числомъ, выраженіемъ одушевленности и неодушевленности и пр.) производящіе психологическое сужденіе и дающіе образъ.

Всякое искусство есть образное мышленіе, т. е. мышленіе при помощи образа. Образъ замѣняетъ множественное, сложное, трудно уловимое по отдаленности, неясности, чѣмъ-то относительно единичнымъ и простымъ, близкимъ, опредѣленнымъ, нагляднымъ. Такимъ образомъ міръ искусства состоитъ изъ относительно малыхъ и простыхъ знаковъ великаго міра природы и человѣческой жизни. Въ области поэзіи эта цѣль достигается сложными произведеніями въ силу того, что она достигается и отдѣльнымъ словомъ.

Если обозначить вновь обозначаемое значеніе черезъ x, а прежнее черезъ A, то въ отношеніи x къ A можно различить три случая:

Изъ двухъ значеній, приводимыхъ въ связь выраженіями:

1) значеніе A вполнѣ заключено въ x, или наоборотъ x обнимаетъ въ себѣ все A безъ остатка; напр., *человѣкъ* (A) и *люди* (x). Представленіе такого x въ видѣ A, или наоборотъ, называютъ *συνεκδοχή*, соподразумѣваніе, совключеніе, съ-приѩтиѥ, pars proto et vice verso.

Съ-приѩтиѥ же ѥсть слово раздрѣлѧѩ (?) а другоѥ съ собѫ ѩвлѧѩ, яко же, мироу сѫштѫ, въ него же ѥ мѣста решти „нѣ рати" речемъ „нѣсть ороужиѩ ратьнааго" или „праздьно ѥсть ороужиѥ нꙑнѣ". Georgii Cherobosci de figuris, Изб. 1073 г. Бусл. Ист. Хр. 269,

2) понятіе A заключается въ x лишь отчасти; напр. птицы (x) и лѣсъ (A) въ (лѣсныя птицы). Представленіе такого x въ видѣ A, или наоборотъ, называется *μετονυμία*, переименованіе, замѣна имени другимъ, напр.: „лѣсъ поетъ" (лѣсныя птицы); „отъ шума всадниковъ и стрѣльцовъ разбѣгутся всѣ *города*; они уйдутъ въ густые лѣса и взлѣзутъ на скалы". Іерем. IV, 29.

3) понятіе A и x на первый взглядъ несовпадаютъ другъ съ другомъ ни въ одномъ признакѣ, напротивъ исключаютъ другъ друга, напримѣръ, *подошва обуви* и *часть горы*. Но психологически сочетанія A и x приводятся въ связь тѣмъ, что оба непосредственно или посредственно приводятъ на мысль третье сочетаніе $Б$, или же оба производятъ сходныя чувства. Представленіе такого A въ видѣ $Б$ et vice verso называется *μεταφορά*, именемъ, которое греческими риторами и Цицерономъ (translatio) понималось не только въ этомъ частномъ, но и въ общемъ смыслѣ тропа и фигуры.

Такъ напр., логически нѣтъ связи между хрустальнымъ бокаломъ шампанскаго и женщиной №, ибо даже очертанія стана женщины нетождественны съ очертаніями бокала; но отъ вина — хмель, отъ женщины — опьяненіе любви, и отсюда № названа кри-

сталломъ и фіаломъ (φιάλη чаша для вина, широкая и плоская); отсюда—сравненіе и затѣмъ метафора:

....Да вотъ въ бутылкѣ засмоленой,
Между жаркимъ и бланманже,
Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ таліи твоей,
Зизи, *кристаллъ* души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви приманчивый *фіалъ*,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ! Он. V, 32.

Совмѣщеніе троповъ. Дѣленіе поэтической иносказательности по способу перехода отъ А къ x есть сильное отвлеченіе; конкретные случаи могутъ представлять совмѣщеніе многихъ троповъ: Subiit argentea proles, *auro* deterior, fulvo pretiosior *aere*. Ovid. Met. I, 114: aurum, aes=totum pro parte (aurea aenea proles)=synecdoche; но въ то же время aurum—вещество вмѣсто того, что изъ него сдѣлано=metonymia; все вмѣстѣ *argentea proles*, *aurum*, *aes*—вѣка, различаемые по степени счастья=metaphora (Gerber, II, 48).

Синекдоха и эпитетъ.

Синекдоха есть такой переходъ отъ A къ x, при которомъ въ x, т. е. въ искомой совокупности признаковъ, *одновременно* дано воспріятіемъ или же мыслимо и A, но такъ, что A почему-либо выдѣляется изъ ряда признаковъ x, напр.: *Адріатическія волны* (A)=*Адріатическое море* (x); просить на *чашку чаю, стаканъ вина* (A, разсматривая независимо отъ метонимичности)= на чай, вино(x); ср. *хлѣбъ—соль*.

Этотъ пріемъ имѣетъ огромную важность въ словообразованіи, такъ какъ сюда относятся названія вещей по заключеннымъ въ нихъ всегда или большею частью признакамъ, напр.: скр. *дантин*, слонъ (зубатый. т. е. клыкастый), *кѐсин*, левъ (волосатый, т. е. гривастый); *кожанъ*, *ушанъ*, *дятелъ*, *cervus* (серна, корова),

schlange (çrank, ire); дрврхнѣм. *sneccho* (schnecke, snakan, repere); др.-сканд. *snaca*=anguis, англ. *snake* — id.; *полозъ*, *ужъ*=anguis, *ἔχις*.

Можно съ перваго разу подумать, что въ случаяхъ, какъ *дантин*,—переходъ отъ общаго (мало-ли что зубато?) къ частному; на самомъ дѣлѣ въ моментъ наименованія признакъ мыслится лишь въ предѣлахъ искомаго x и будетъ по отношенію къ нему частнымъ.

Сюда же (если не къ метонимія) можно бы отнести *названіе вещи по дѣйствію*, которое хотя и недано одновременно съ пространственными признаками, но сочетается съ ними такъ именно, что кажется съ ними одновременнымъ: *данта* (какъ ѣдящій), *перстъ* (к. прикасающійся), *рука* (к. берущая); *будякъ*, лит. dagys, лот. *dadzis*, Distel (колоть, жечь); *осока* (колючая,рѣзучая) лит. aszaka, лот. asaka gräte (рыбья к.), *ость* въ печеномъ хлѣбѣ); *груздь* (жгущій).

Трясина. „Есть болота *зыбкія*, которыя народъ несовсѣмъ вѣрно называетъ трясинами, ибо они нетрясутся, а зыблются, волнуются подъ ногами человѣка, „ходенемъ ходятъ", (С. Аксаковъ).

Буслаевъ: „обширнѣйшее примѣненіе въ образованіи языка имѣетъ метафора, т. е. перенесеніе слова отъ одного значенія къ другому по подобію. Она оказывается производствомъ названій предметовъ, свойствъ и дѣйствій *отъ одного и того же корня*". Такъ, отъ *скакать*—*скакунъ*, кузнечикъ и *скакуха*, лягушка;.... отъ *бучáть* (издавать звукъ)—*бучало*, водоворотъ и *бýчень*, шмель; отъ *махать*—*махало*, крыло, *махалка*, хвостъ у рыбы, *махáвка*, флюгеръ и пр.;.. отъ *ходить*—*ходило*, лопатка въ тѣлѣ животнаго.... *ходули*, ноги, *ходунъ*, дрожди".... (Оч. I, 165).

О метафорѣ могла бы быть рѣчь, если бы значеніе лягушки, какъ прыгающей, предполагало значеніе кузнечика (пруга), подобно тому, какъ *перо* рыбье предполагаетъ *перо*, какъ орудіе летанья, но не въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ говоритъ Буслаевъ. Парность здѣсь произвольна.

Если назовемъ синекдохой случай *кесин*, то сюда же въ конечномъ результатѣ *epitheton ornans*—*косматый* левъ. Эпитетъ есть форма общая по отношенію къ отдѣльнымъ тропамъ, т. е. фигура, а

не тропъ. Въ эпитетѣ синекдоха можетъ покрывать собою метонимію (конюшня *стоялая*) и метафору (муравьище кипучее).

Останемся пока при обычномъ пониманіи эпитета, какъ приложенія опредѣлительнаго прилагательнаго къ опредѣляемому существительному.

Всякое опредѣлительное, уменьшая объемъ и увеличивая содержаніе понятія, приближаетъ это понятіе къ конкретности; но уже древніе различаютъ, какъ Квинтиліанъ, эпитетъ поэтическій отъ риторическаго—*epitheton ornans*, поэтическое опредѣлительное, отъ прозаическаго [1]). Прозаическій эпитетъ производитъ разграниченіе, совсѣмъ исключаетъ изъ мысли извѣстное значеніе. Напр., если есть два Дона, великій и малый (Донецъ), а разумѣется только первый, то эпитетъ *великій*, необходимый для ясности, будетъ прозаическій: (у)спала князю (у) умъ похоть(и) искусити Дону великого", „Половьци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому", „Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великого Дону до малаго Донца". „Синее"—прозаическій эпитетъ въ слѣдующемъ: „Отъ Перекопи до Ахтубского устья, внизъ къ Синему морю". 1575. Ак. Ист. I, 356.

Epitheton ornans производитъ не устраненіе изъ мысли видовъ, незаключающихъ въ себѣ признака, имъ обозначеннаго, а замѣщеніе опредѣленнымъ образомъ одного изъ многихъ неопредѣленныхъ. По этому epitheton ornans можетъ означать признакъ общій всему роду, съ точки зрѣнія прозаической ясности, излишній, напр.: „Мои малыя пташечки, ахъ вы, свѣтъ мои носатыя"; у Квинтиліана примѣръ—humida vina.

Если epitheton ornans означаетъ признакъ видовой (resp. свойственный предмету не постоянно, а временно), то онъ не только не запрещаетъ, а напротивъ побуждаетъ подъ видомъ разумѣть родъ, подъ временнымъ постоянное: „а всядемъ братіе на свои *бръзыя* комони, да позримъ синего Дону" (Донъ невсегда

---

[1]) Противоположеніе, какъ и самые термины, epitheton necessarium et ornans, неудобно, потому что основано на признаніи того, что считается украшеніемъ, ненужнымъ. Zima, 169.

представляется *синимъ*). Такимъ образомъ epitheton ornans есть тропъ, синекдоха (отъ частнаго къ общему, отъ одного признака къ предмету).

Отсюда видна логическая ошибочность дѣленія: *эпитеты* и *фигуры* (напр. Бѣлоруссовъ, Учебн. слов., 10).

Будучи всегда синекдохой, ep.' ornans можетъ въ тоже время связывать два разнородные комплекса признаковъ, сравнивать два предмета, обозначая одинъ свойствами другого, т. е. быть метафорой, напр. „Безъ дыму безъ смороду, безъ чаду *кудрявого*", „Муравьище *кипучее*" Бусл. Оч. I, 74. Лерм. „Ландышъ серебристый". „О Донче! немало ти величія лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ" Сл. о П. Иг.

Отсюда видна логическая неправильность выраженія „Кромѣ *уподобленій* и *метафоръ*, эпитеты составляютъ существенную принадлежность эпическаго разсказа." (Бусл. 73).

Поэтическій эпитетъ можетъ двояко относиться къ опредѣляемому слову:

а) Обыкновенный въ современной поэзіи случай тотъ, когда эпитетъ берется изъ новаго наблюденія надъ явленіемъ и неимѣетъ ничего общаго съ этимологіей опредѣляемаго слова:

„Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада *сумрачной* дубровы,
Журчанье *тихаго* ручья. Пушк. Он. I, 44.

б) Эпитетъ согласуется съ представленіемъ (этимологическимъ значеніемъ) опредѣляемаго, напр. „*крутой берегъ*", серб. „жуто злато", „грязи топучія", такъ что, при свѣжести представленія въ опредѣляемомъ, все сочетаніе было бы тавтологично (ср. „старые старики", мр. „молодая молодица"), а при забвеніи представленія въ опредѣляемомъ—имѣло бы видъ возстановленія этого представленія (*бѣлая* лебедь, „крапива жгучая да и осока то рѣзучая" Бусл. Оч. I, 74, бѣлый день). Или же эпитетъ тавтологиченъ не по отношенію къ своему опредѣляемому, а по отношенію къ его синониму, напр. „*зелена* травиця" при „мурава, зелье,

гр. *χλόη* зелень, трава; серб. *вити* ребра К. II, 465, по отношенію къ *вити* плеħи К. I, 613. (*плек* въ „плету, подоплека, бѣлоплекій"); лютый звѣрь („лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже", Поуч. Мон.) по отношенію къ „волкъ"; „на черныя грязи, на топучія болота", Бусл. Оч. I, 79.

Случаи эти въ древней поэзіи врядъ ли были особенно часты. Кажется ошибочнымъ изъ нихъ выводить постоянные эпитеты народной поэзіи вообще, какъ Колосовъ: „связь звуковъ съ мыслію или вѣрнѣе съ впечатлѣніемъ (т. н. ясность представленія) поддерживалась въ народномъ сознаніи эпитетами (какъ „крутой берегъ"), которые потому и являются въ народной поэзи постоянными". (Колосъ, Теор. поэз. 25).

Такіе случаи теряются въ массѣ постоянныхъ эпитетовъ и другихъ постоянныхъ выраженій народной поэзіи. Это постоянство стиля зависитъ не отъ частнаго случая (связи эпитета и вообще поэтическаго образа съ этимологіей даннаго слова), а отъ общаго подчиненія народнаго пѣвца преданію.

Постоянные эпитеты сербской народной поэзіи: „jарко и жарко сунце, зора бијела, ведро небо, тавна ноħ), црна земља К. I. 142, 243, III, 56, равно поле I, 318, 333, 365, 477, 532, поље широко I, 394, Сријем земля равна II, 576, II, 581, Ломна гора II, 534, Ломна Херцеговина III, 55, Ломан Шекуларъ III, 55, 67, Сине и слано море I, 318, II, 71, 74, 81, весо Ђурђев дан I, 334, ситна роса I, 330, тиха роса II, 2, плахи дажд II, 2, киша росна, ситна вода ладна I, 475, дебел лад I, 478, тихо Дунаво II, 52, 66, 70, 445, црна гора I, 532, град бијели II 96, III 53, 6, танка стаза I, 348, добар јунак II, 98, 119, добар конь II, 101, 103, 170, сив соко II, 44 руса глава II, 391, 428, III, 91, 280, прси широке I, 486, бијело лице II, 1, 68, бијела рука II, 471, вити плеħи I, 613, вити ребра II, 465, ноги лагане I, 254, 323, танана робиња II, 23, 66, 67, танана невјеста II, 121, танка латинка II 534, лако здравље II, 170, вјерна љуба, стара мајка II, 471, млада мајка I, 674, рујно вино; дебело месо, бијело платно I, 491, 610, бијеле даре II,

22—3, танко рухо, кошуља I, 567, жуто злато, 491, суво злато, лака носила I, 553, лађа I, 556 ситна мрежа II, 52 бјело стадо I, 374, змија љута II, 53, 86, камен становити ib. 88, Рјечн. станован, станац=вр. стоячій; мач зелен II, 150, итар лов II, 73, живо срце II, 23, жива жеља II, 77=живи огањ 86—87, ватра жива II, 87, грозне сузе II, 186, сухо злато, сува муња Аѳ. Поэт. В. I, 195—6. Кад је било о зори бијелој. Чојк 59= био данак сване ib.

Эпитетъ сростается съ опредѣляемымъ: „Какую ты полную праву имѣешь“?

Која ти је голема невоља,
Те ти ниси свате дочекала. Кар. II, 22.
.... Он диже млогу силну војску. ib. 107.

„Тавница клѣта“ не только въ устахъ узника или пѣвца ему сочувствующаго, но и въ устахъ палача, который вызываетъ узника къ ея дверямъ, чтобы отрубить ему голову:

Ко је овђе Селак Волојевић?
Нек изиђе пред тавницу клету.... Кар. IV, 25.

Такимъ образомъ грязное бѣлье, которое Навсикая беретъ для мытья (Од. VI, 26) всетаки *Εἵματα σιγαλόεντα*, а Несторъ *днемъ* подымаетъ руки *εἰς οὐρανὸν ἀστερόεντα* (И. XV, 371) [1]),

Бог убио сваку *милу* мајку
Која вали браца нег' срдашце (сына).
Рајковић, Срп. н. п. 168.

(говоритъ голова сына убитаго по винѣ матери).

Πυκινός ἔπος (Ил. VII, 375), *μῦθος* (Od. III, 23) = річи вимовні (густое, плотное, твердое = убѣдительное слово). Загов.: Будь мои слова *крѣпки* и *лѣпки*.... Єй (невѣсты) мамонька По під небеса ходит, Богу ся твердо молит.... Гол. IV, 371 (ср. Дай же нам, Боженьку, повязати Марисю твердо ib. 392, ср. 439).

На *чорну* земленьку Гол. IV, 371, *μέλας*, *μέλαινα* (*γαῖα*, *ἤπειρος*); вѣтеръ *буйный*, вѣтры буйные, Барс. passim; пески сыпучіе Барс.

---

1) ἀστερόεις—*Варуна*, небесный сводъ въ связи съ ночью и въ противоположность *Митрѣ*, дню (M. Müller, Ess. II, 60—2).

55 и pass.; камешки катучіе, Барс. 55; *гнѣздо*, вито тепло гнѣздышко 73. (Ср. ,,тепло-вито гнѣздо", что напоминаетъ ,,тепловито мое солнышко" ib. 72). Гвóздики *шеломчатые*, Барс. Прич. 74. Днемъ ѣздить по унылымъ по свадебкамъ, Ввечерý да по смиреныимъ бесѣдушкамъ, 118; по зимнымъ тихомѣрнымъ бесѣдушкамъ ib. Ступистая лошадушка, бѣлая лебедушка, косата ластушка; снѣжочки перистые (21), кружки хоботистые (93)—хороводы извивающіеся подобно хвосту. Огонь *муравейный*: „тутъ издула огонечки *муравейныи*, затопляла я кирпичну свою печеньку" Барс. Причит. 27. „Горите вы слѣдочки да Добрынины, Во той было во печки въ *мурáвленой*, Гильф. Онеж. был. 26.

„Уточка водоплавная", ,,водоплавающая дичь". С. Акс. Недѣля, годъ—*учетные*: ,,цѣлыхъ три этыхъ учетныхъ недѣлюшки Я лежу да во тяжелой во постелюшкѣ, Барс. Пр. 128. Онъ былъ во тяжелой во постелюшкѣ Цѣлыхъ двѣ этыхъ урѣчныихъ недѣлюшки 137. *Ретиво сердце* (общее врусс.)—быстрое, скорое на гнѣвъ и другіе эффекты, какъ „ретивый конь". Ср. „Была на слово она да не спѣсивая, На ричахъ она да *небросливая*. Барс. Пр. 82. Крѣпче камня и булата, остраго ножа и *борзомѣткаго* копья. Майк. Вр. закл. 438. (Отсюда мурзамецкое? безъ отношенія къ Мурзѣ). *Вѣтляная* неслушушка, Барс, Пр. pass,— привѣтливая невѣстка.

Увиваться (ухаживать и пр.). Дочь говоритъ: Недай Господи на семъ да на бѣломъ свѣту поостаться отъ родителя отъ матушки: Надо ластушкой летать да кругомъ людушекъ, Нáдо плеточкой кругъ ихъ да обвиватися, Точно бѣлочкѣ въ глаза да имъ посматривать, Барс. Прич. 66.

Точка зрѣнія синтактическая, съ которой подъ эпитетомъ разумѣютъ только прилагательное опредѣлительное, удерживаемая въ піитикѣ и риторикѣ, вноситъ въ эти ученія чуждую имъ категорію.

Съ точки зрѣнія піитической къ эпитетамъ слѣдуетъ отнести всякія парныя сочетанія словъ, изображающія вещи, качества, дѣйствія *ихъ признакомъ*.... Такимъ образомъ сюда не только:

а) прилагательныя опредѣлительныя,

но и б) существительныя аппозитивныя. Неустраняя разницы не только грамматической, но и нераздѣльнаго съ ними поэтическаго значенія между „црвено вино, мокрая трава“ и „црвеника вино, мокрица травица“, надо думать, что если первые изобразительны, то вторые болѣе конкретны и подавно. [1])

Въ выраженіи: „конь добра лошадь“ парное сочетаніе *добра-лошадь*“ есть эпитетъ по отношенію къ *конь*. Ср. Л. Толстого „Козаки“: „Лукашка разъ огрѣлъ его (коня) плетью по сытымъ бокамъ, огрѣлъ другой, третій, и *кабардинецъ* (замѣна опредѣляемаго приложеніемъ), оскаливъ зубы и распустивъ хвостъ, фыркая заходилъ на заднихъ ногахъ и на нѣсколько шаговъ отдѣлился отъ кучки козаковъ.

„Эхъ, добра лошадь!“ сказалъ хорунжій. Что, значитъ *добра лошадь*, а не *конь*? это означало особенную похвалу коню.

„Левъ конь“, подтвердилъ одинъ изъ старыхъ козаковъ“ (II, 8, 477).

„Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся“ (Он. I, 43).
„Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ таліи твоей,
Зизи, *кристалъ* души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви приманчивый фіалъ,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ“ (ib. V. 32).

Свѣтъ глазъ моихъ.... „Што ћеш сане, мој очињи виде“, (Чуб. Чојк. 312).

в) Прилагательное при другомъ прилагательномъ:

„Ой ясна-красна въ лузі калина
А ясній-красній Орися въ батька“.

г) Нарѣчіе при прилагательномъ: „Дуго-млого“ (Кар. I, 607).

д) Нарѣчіе и нарѣчный падежъ при глаголѣ: Срб.

„Мајка Лази тијо одговара“ (Кар. II. 23).
„Па је њему тијо беседила“ (ib.)

[1]) Примѣры см. А. А. Потебни Изъ записокъ по русской грамматикѣ III. Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго, 180 сл. et passim.

„Па je старац тихо говорио“ (ib. 70)
„Кротко ходи, док до њега приђе,
„Кротко ходи, тихо бесједаше“ (ib. 121).

Ср. мр.—„тихая розмова“; „Ситни танче, мој“! (Кар. I, 326); „Iел᾿ слободно на весељу твоме поиграти *ситно* калуђерски“ (Кар. II, 372). „Зезгицею кычеть“—изобразительнѣе, чѣмъ просто „кычеть“.

—Почему нельзя сюда отнести отношенія предикативнаго? Если муравьище *кипучее,* облако *ходячее,* лѣсъ *стоячій*—есть (кромѣ метафоричности)—поэтическій эпитетъ, то почему *лѣсъ стоитъ* неназвать также?

е) Глаголъ при глаголѣ: „Думає—гадає“.

„Непокорився—непоклонився,
Шапочки незнявъ, неподяковавъ“.

Περίφρασις, описаніе. Хуже—*обинякъ,* рѣчь околицею, околичнословіе, ибо поэтическая перифраза, чтобы достигнуть поэтической изобразительности, должна необвивать образа тряпицей, необходить его околицей, („обойтись посредствомъ платка“; „невыразимые“; „оно“ (г—но); „нельзя ли нашему чайничку возымѣть купное сообщеніе съ вашимъ самоварчикомъ“), а выставлять его наиболѣе характерныя черты.

Описаніе, какъ и эпитетъ, вмѣсто отвлеченнаго слова ставитъ образъ:

„И вы, красотки молодыя,
Которыхъ позднею порой
Уносятъ дрожки удалыя
По петербургской мостовой,
И васъ покинулъ мой Евгеній“ (Он. I, 43).

—Совсѣмъ оставилъ чтеніе:

„Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги
И полку съ пыльной ихъ семьей
Задернулъ траурной тафтой“ (ib. I, 44).

—Въ комнатѣ, въ которой жилъ дядя:

„Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ“ (ib. II, 3).

—Онѣгинъ невѣжда и опасный человѣкъ (ib. II, 5).

Поэтическому эпитету при опредѣляемомъ соотвѣтствуетъ болѣе сложная форма, состоящая въ томъ, что при названномъ явственно общемъ ставится характеристическая частность. Напр.:

....„*Лѣтнею порою*,
Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невою,
И водъ веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны“ (Он. I, 47).

„Ой вже *весна*, ой вже красна:
Из стріх вода капле“....

Выраженію опредѣляемаго эпитетомъ соотвѣтствуетъ указаніе на частное, признакъ, при отсутствіи явственнаго указанія на общее:

Ишли корова из діброви, а овечки з поля.
Виплакала карі очи, край казака стоя.
Ой куди ж ти одлітаєш, сизокрилий орле?
Ой хто ж мене молодую до серця пригорне?
Білиця з Дунаю, з Дунаю тихого, бережка крутого.

Синекдоха. 1. Часть вмѣсто цѣлаго. Однородное множество представлено единственнымъ числомъ а. именно конкретнаго: „иде москаль, як трава“; [illegible] и т. п. пословицы образца „человѣкъ предполагаетъ а проч.“.

Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ,
„И *рабъ* судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся...

Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его разчетливѣй *сосѣдъ*;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чудакъ. Онѣг. II, IV.

б) имени собирательнаго: „Русь, чадь и пр., насколько такое собирательное не есть другой тропъ, напримѣръ, метонимія“: высушася весь городъ къ С-ю, Нов. I, 8. Сюда же собирательныя получившія потомъ значеніе множественнаго числа (братья, княжья) или послужившія темою для его образованія (клинья и проч.). [1])

в) Часть вещи, по обстоятельствамъ, въ какихъ находится говорящій, обращающая на себя его вниманіе, вмѣсто всей вещи: „хозяйскій глазъ“. Это можетъ быть или часть вмѣсто цѣлаго (синекдоха), или орудіе вмѣсто дѣйствователя (метонимія).

Поэтъ, задумчивый мечтатель,
Убитъ пріятельской *рукой*. Онѣг. II, 40.

Копье вмѣсто *воинъ*: бысть же у поганыхъ 9 сотъ копій, а у Руси девяносто, Лавр.[2] 341 (1169) Ипат.[2] 381. Сюда Бусл. Оч. I, 173: ни рога, ни копыта. Срав. „Изъ запис.“ II,[2] 460: „перомъ (соколовъ), (бѣлокъ) шерстью, вернуть что лицемъ“. Ср. „мѣнять ухо на ухо“, „шерсть на шерсть“. Вмѣсто мечъ—ст. нѣм. *Ort*, die spitze des Schwertes, v. *Ecke*—остріе мечъ, v. schneide v. Heft; вмѣсто щитъ—лат. *umbo*, Buckel, ст. нѣм. *rant* (желѣзная рама щита изъ досокъ v. плетеная); вм. корабль — *kiel*, Segel; вм. *море*—Wellen; вм. 100 всадниковъ— hundert Pferde, v. Helme, v. „Lanzen“.

---

[1]) Сюда, повидимому, слѣдующіе примѣры: а) отъ единицы ко множеству—по происхожденію собирательныя: *животъ* въ значеніи скота вообще: хлѣбъ да животъ, и безъ денегѣ *живетъ* (безлично), т. е. можно жить. Даль, Посл. 54. *Птица*, *рыба* (рыбу ловить). *Скотъ* (девятеро скоту), — *ина*. „Гдѣ вода была, тамъ и будетъ; куда деньга пошла, тамъ и копится“. *Деньга* деньгу наживаетъ Д. ib. Безъ рубля—безъ ума ib. 56. Копейка обозъ гонитъ ib. 57. Деньга и камень долбитъ ib. 58. Песъ косматъ—ему тепло; мужикъ богатъ—ему добро, ib. 58. Богатый, что быкъ рогатый: въ тѣсныя ворота невлѣзетъ, ib. 59.

На берегу пустынныхъ *волнъ*
Стоялъ онъ думъ великихъ полнъ, Мѣд. В. Пушк. [1])
Адріатическія волны!
О Брента! Он. I, 49.
Брожу надъ моремъ, жду погоды,
Маню *вѣтрила* кораблей, Он. I, 50.

Сюда же, неразнесенныя по рубрикамъ, подъ общимъ заголовкомъ „синекдоха—часть вм. цѣлаго“: „Ту яша Половци языкъ и приведоша къ Гюргеви, Ип.² 315. „Игорь Святославичь совокупивъ полки свои и ѣха въ поле за Воръсколъ и стрѣте Половцѣ, иже ту ловять языка“ Ип.² 387. Такъ и до послѣдняго времени: „добыть, достать языка“=плѣнника, отъ котораго узнають о положеніи и пр. непріятеля; „оговорщикъ, докащикъ“.

Одна книга опредѣляетъ характеръ чтенія. Въ слѣдующемъ—вмѣстѣ метонимія (авторъ вмѣсто сочиненія) и синекдоха.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея
Я безмятежно процвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея
А Цицерона нечиталъ.... Он. VIII, 1.
Идетъ купецъ взглянуть на флаги
Провѣдать, шлють ли небеса
Ему знакомы паруса? Он. (П.⁸ III, 186)
Отсель грозить мы будемъ шведу;
„Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду“ М. Вс. П.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы, одинъ и пр. М. Вс.
„Сюда по новымъ имъ волнамъ
Всѣ *флаги* въ гости будутъ къ намъ. ib.
.... Мрачный *валъ*,
Плескалъ на пристань, ропща пени

[1]) *Вселенная*—обитаемая земля въ отличіе отъ пустыни: (заблудившіеся въ безводной пустинѣ) „идохомъ дрꙋгыꙗ дни три не пивъше и тогда дойдохомъ въ вьселенуꙗ“ (Патер. Синайск. XII, в., Бусл. Хр. 334); весь миръ—Бусл. Оч. I, 174.

И бьясь о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему невнемлющихъ судей. ib.
.... Мой Езерскій
Происходилъ отъ тѣхъ вождей
Чей въ древни вѣки *парусъ* дерзкій
Поработилъ брега морей. П. Родосл.
Во время смуты безначальной,
Когда то *ляхъ*, то гордый *шведъ*
Одолѣвалъ нашъ край печальный
И гибла Русь отъ разныхъ бѣдъ.... ib.

„Мое серце“, вр. „надежная головушка“—мужъ по отношенію къ женѣ и наоборотъ. Барс. Прич. I, 133; „нога человѣческая здѣсь небывала“.

Стопа, черностопъ: „Гнавъ самого (Кончака) необрѣте, бяшеть бо *тала* стопа за Хороломъ Ип.[2] 430.

Хохолъ съ точки зрѣнія великоросс.—малороссіянинъ.

Знамя вм. *отрядъ*. Позрѣвъ же семь и сѣмь, и види стягъ Василковъ стояще и добрѣ борющь и Угры гонящь. Ип.[2] 512 n. chorągiew; „промышляй о своей головѣ“=о себѣ, своей безопасности, Л. 248; „одна голова не бѣдна“.... „жить одною головою (одиноко, безсемейно), „Тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее, Л.[2] 250. Голову сложить. „Не рокъ *головы* ищетъ, сама голова на рокъ идетъ. Даль. „На свою голову“! „Не сносить ему головы“! (но метонимія: была бы *голова* (умъ), будетъ и булава, и наоборотъ: была бы булава, найдется и голова). Синекдоха: столько-то подати съ головы; столько-то головъ скота. Мр. головонька моя бідная! и пр. Головою незнаю, невидалъ (вовсе), Даль, *самъ* незнаю; „сколько головъ, столько умовъ; сто головъ—сто умовъ; выдать кого *головою*. *Моя голова=я*: головонька жъ моя бідная; въ мене ненька та нерідная и пр.“ „Голово моя козацькая! Бувала ти у земляхъ Турецькихъ, у вірахъ бусурманьськихъ, А тепер припало на безвідді на безхлібьї погибати. Ант. и Драгом. I, 118. Оженився, зажурився.... чи дітками, чи жоною, чи своею головою.

М. 75. Ты ночуй, ночуй невѣжа за в'ратами...: „Каково тебѣ невѣжа за в'ратами. Таково же мнѣ, невѣжа, за тобою, за твоею дурацкой головою. Шейн. Р. П. 347 [1]).

Тешко чекам да неђеља дође
Да изађем на авлиjнска врата
Да погледам и горе и доле
Окле ће се помолити драги,
Јали драги, јали драгог перје.
„Б'јело перје, куда ми се вијеш?
—Драга моја, око двора твога.
„Бјело перје, кад ћеш довијати?
—Драга моја, тамо до јесени.
„Бјело перје, чекати те нећу,
—Драга моја молити те нећу:
Даница је чекала мјесеца
Крај горице четир годинице
А ти мене ни годину нећеш.

Ђ. Рајковић, С. н. п. жен. 10.

г) Опредѣленное число, мѣра, наглядная величина, вмѣсто неопредѣленнаго множества. „Я тебѣ сто разъ говорилъ.... „Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ.... Он. IV, 51.

Рогато—много, *стогомъ*—много; нарѣчіе отъ „народъ, людъ"—*людно*—много, *семейно*—многолюдно, *обельно*—кругомъ. Бусл. Оч. I, 173. (съ переходомъ въ метафору).

Ворохъ—куча обмолоченныхъ, но непровѣянныхъ хлѣбныхъ зеренъ, Новг. Барсовъ, *върьшь* frumentum, quod tritonatur. Mikl. Gr. II, 56. *Куча,* непочатой уголъ.

Війська 40000—въ мр. п.; 40000 убитыхъ, Лавр.[2] 261.

Отрицательное опредѣленіе числа для выраженія большого неопредѣленнаго: „Сердешна Пріська выкупáла ёго недесять разів

[1]) *Метафора,* покрывающая синекдоху: *Голова* дѣлу. „Стрѣлецкій, волостной, градской *голова.* Голова *рѣки,* голова капусты, головки, головы сапоговъ. *Нога* стола, ножка цвѣтка, листка. „Ногою твердой стать при морѣ. Пушк. М. Вс.
—Якъ маю клапятись постолу, такъ (вже лучче) поклонюсь чоботу. Ср. Je ne veux faire la cour à personne, mais moins encore au peuple qu'au ministre (Stendhal).

и изпід караулу и из колоди, а раз прийшлось из острога выкупати. Квитка Мертв. Великдень.

„Ой у полі криниченька на чотирі зводи; любив козак дівчиноньку не чотирі годи. Метл. 7. Хорутанск. jezer. f.=1000. Tri jezeri ljudi 3000. м. б. того же происхожденія, что jezero, lacus, именно въ знач. *кучи*, множества (ср. тьма).

Это—синекдохи, пока ими представляется однородное съ ними, затѣмъ метафора (куча пароду).

Сюда же—рядъ примѣровъ подъ заголовкомъ:

Опредѣленное представленіе количества:

„Мы и толикая рать и народъ таковый, какъ Данаи, Тщетныя битвы вели и безплодной войной воевали.

Съ меньшею ратью враговъ и конца неузрѣли.
Ибо, когда бъ возжелали Ахейцы и граждане Трои,
Клятвой миръ утвердивши, народъ обоюдно исчислить;
И Трояне собрались бы, всѣ сколько есть ихъ во градѣ;
Мы же, Ахейскій народъ, раздѣляся тогда на десятки,
Взяли бъ на каждый изъ нихъ отъ троянскихъ мужей виночерпца;
Многимъ десяткамъ у насъ недостало бъ мужей виночерпцевъ!
Столько, еще повторяю, числомъ превосходятъ Ахейцы
Въ градѣ живущихъ Троянъ, Иліада. II, 120 сл.

(Это вмѣсто генетическаго изображенія счисленія, вмѣсто указанія на готовое число. Въ концѣ сравненія, какъ часто въ Иліадѣ, повторяется, какъ заключеніе, то, что вызвало сравненіе).

Сто разъ, тысячу разъ говорено (вмѣстѣ и гипербола): иде ляхівъ 40000.

Цѣна.... И въ средѣ ихъ явилась Паллада,
Въ длани вращая эгидъ, драгоцѣнный, нетлѣнный безсмертный:
Сто на эгидѣ бахромъ развѣвалося, чистое злато,
Дивно плетенныя всѣ, и цѣна имъ стотельчіе каждой.
Ил. II, 446 сл.=ἑκατόμβοιος δὲ ἕκαστος).

Вообще *волы*—цѣна, Ил. XXI, 79:... Треножникъ огромный мѣдный; въ двѣнадцать воловъ оцѣнили его Аргивяне, Ил. XXIII, 703.=τὸν δὲ (τρίποδα) δυωδεκάβοιον ἐνὶ σφίσι (между собою, т. е. глядя на него) τῖον Ἀχαιοί. Стоїть *вола*, Къ ист. зв. IV, 84—5.

Низкая цѣна, *малость*, ничтожество, ничего:

„Ни за цапову душу (Къ ист. звук. 84—5). Ні гаріля, ни цяточки; ни за понюшку табаку—Οὐδ' ἅλα δοίης, Od. XVII, 455—ты бы не далъ „ані *дрібка* солі“ (у Жуковск. соли щепотку)=ничего.

Уметъ=ничтожная вещь.... „апостоли.... и до крове за Христово имя пострадаша и вся *уметы* створше (все поставивъ ни во что) въ слѣдъ его текоша. Кир. Тур. Калайд. 5. Іосифъ не рече: жьрци на мя въстануть и озлобять Іюдеи.... Ничтоже сихъ не рече, нъ вся *уметы* сътвори и о своемь бо нерадивъ животѣ.... дьрзнувъ въниде къ Пилату.... ib. 32.

Вѣхоть соломы. „Посла Володимѣръ слугу своего, доброго, именемъ Рачтьшю, ко брату своему Мьстиславу, тако река: „молви брату моему: прислалъ, рци, ко мнѣ сыновѣць мой Юрьи просить у мене Берестья, азъ же ему недалъ ни города, ни села, а ты рци, недавай ничегоже“. И вземь соломы въ руку отъ постеля своее, рече: „хотя быхъ ти, рци, братъ мой, тотъ вѣхоть соломы далъ, того недавай по моемь животѣ никомуже Ип.[2] 600.

Трынъ—трава. *Мало*, *нисколько*. Ни черта, ни х., ни души. Ни синь пороха. Мр. Як кіт наплакав, як в зайця, як шилом борщу (патоки). Ном. 148. *Сильно*, *много*. На всі заставки. Ном. 149. „Стара.... жена—честна та *ани раз* не фудульна. Федьк., Люба—згуба, 22.

Много народу (тѣсно): „чорт напхав“; на річці тій жили батьки мої и панства *чортів тиск*: Василь, Иван, Микола. Греб. 34. Много войска: москаля як трави; ἦλθον (конные и пѣшіе) ἔπειθ' ὅσα φύλλα καὶ ἄνθεα γίγνεται ὥρῃ ἠέριοι, Od. IX, 5=Вдругъ ихъ явилось тамъ много, какъ листьевъ древесныхъ иль раннихъ весеннихъ цвѣтовъ. Можетъ быть, сюда сербск. „одоше (сви) листом“, „Ајте листомъ у љетницу бјелу“.

ἔσταν δ' ἐν λειμῶνι Σκαμανδρίῳ ἀνθεμόεντι μυρίοι, ὅσσα τε φύλλα καὶ ἄνθεα γίγνεται ὥρῃ. Ἠΰτε μυιάων αδινάων ἔθνεα πολλά, αἵτε κατὰ σταθμὸν ποιμνήϊον ἠλάσκουσιν ὥρῃ ἐν εἰαρινῇ, ὅτε τε γλάγος ἄγγεα δεύει, τόσσοι ἐπὶ Τρώεσσι καρηκομόωντες Ἀχαιοὶ ἐν πεδίῳ ἵσταντο διαῤῥαῖσαι μεμαῶτες. Jl. II, 467—73.

Боръ (*не боровъ*): „иноплеменьници (Половци) собраша полки своя многое множество и выступиша, яко борове великіе, Ипат. 2. 21; Шварко съ Володимеромъ поиде во силѣ тяжьцѣ, бяхуть бо полци видѣніемъ, акы борове велицѣи, ib. 203—29; (полци) сташа около города, аки борове велицѣи, ib. 209—38. И поидоша полкове, акы борове, и не бѣ презрѣти ихъ, и Русь поидоша противу имъ. Л.[2] 268. „Бојна копља, као црна гора, А барјаци, као и облаци". Од мрамора до сува јавора.... Све је Турска войска притиснула: Коњ до коња, јунак до јунака, Бојна копља као чарна гора, Све барјаци као и облаци, А чадори као и сњегови... Кар. II, 313.

„Завади се мајка и ђевојка
Не о граде, ни о винограде,
Већ о једну танану кошуљу. Кар. II, 22.

Много: тьма тьмущая Д. П, 600. Куры не клюютъ (въ метоним.). Хоть пруды пруди, мосты мости. *Людно*: нѣкуда изъ тучи каплѣ капнуть. *Густо*, рясно: нѣкуда мачинкѣ пасть (гипербола).

Синекдохическое отрицательное обозначеніе: немного = мало. Gerb. I, 363—4.

Ой не разъ не два выкупляла Объясн. малор. пѣс. I, 249 = много разъ—скорѣе метонимія. Сколько душъ людей, головъ скота: „Нема нікого, аж ні духа, ні лялечки". Манжура, Сказки.

Трудьнъ: „на своею нетрудною крыльцю". Сл. о П. Иг. „И скоро съвъкупишася святіи отци, по суху же и по морю, *нетрудьно* путьшествующе, яко корабли пълни духовнаго богатьства, ли яко орли, апостольскымъ въкриливъшеся ученіемь, льгъци суще тѣломъ, постьници бо бѣша. (Кир. Тур. Калайд. Пам. 76).

д) Особое названіе „*ἀντονομασία*“, [1]) перемѣна имени, переименованіе, носитъ синекдоха, состоящая или *α*) въ замѣнѣ видового или собственнаго имени родовымъ, напр. *Господь* вм. Богъ (о чемъ ниже), или *β*) въ замѣнѣ собственнаго имени по родовому признаку или нарицательнаго имени другимъ собственнымъ, напр. *Цицеронъ*—ораторъ (ср. итал. cicerone), *Соломонъ*—судья, Меценатъ, Катонъ (цензоръ нравовъ), спартанецъ, эпикуреецъ, сибаритъ, Менторъ, вандалъ, *перейти черезъ Рубиконъ* (сдѣлать рѣшительный шагъ подобно Цезарю, перешедшему черезъ Рубиконъ). [2])

Общее названіе антономасіи *β*) есть *allusio*, намекъ (поэтическая ссылка на преждеизвѣстное). Аллюзія шире, потому что подъ нею можно разумѣть и другіе тропы, метафору, метонимію и фигуры (напр., иронію), насколько они намекаютъ на извѣстные разсказы, хотя бы въ нихъ собственнаго имени и небыло („*варганить*“ о легкой цыганской работѣ; „пшикъ“ отъ разсказа о неумѣломъ кузнецѣ: лемѣшъ, подкова, гвоздь, и наконецъ пшикъ). Условія поэтичности и умѣстности антономасіи *β* заключаются въ томъ, чтобы она и для говорящаго и для слушающаго была понятна, т. е. легко замѣщала конкретнымъ образомъ сложные ряды мыслей. Въ противномъ случаѣ она становится пустымъ хвастовствомъ, напыщенностью, риторичностью въ дурномъ смыслѣ слова.

Господствующія антономасіи этого рода указываютъ на запасъ знаній и вкусы даннаго времени, на литературныя вліянія, коимъ оно подчиняется. Такъ, періодъ ложнаго классицизма характеризуется на западѣ и у насъ, до Пушкина включительно, намеками (въ томъ числѣ и антономасіями *β*) на лица и событія классической древности.

.... „Сельскіе Циклопы
Передъ медлительнымъ огнемъ

---

[1]) Обычное явленіе въ языкѣ—вытѣсненіе опредѣляемаго эпитетомъ(=антономасія), напр. *борзая, косой*. См. Изъ записокъ по р. грамм., между прочимъ III, т. „Объ измѣненіи значенія и зам. им. сущ.“ Стр. 49 и др.

[2]) Если отъ частаго употребленія поэтическій характеръ такъ сживается со своимъ собственнымъ именемъ, что это послѣднее получаетъ характеръ условной цѣнности, то употребленіе этого имени будетъ антономасія.

Россійскимъ лѣчатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы. Онѣг. VII, 34.
„Дорога зимняя гладка,
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки ib. 35.

(*Αὐτομέδων,—οντος*—возница Ахилла). Другія аллюзія у Пушк.:

„Мы почитаемъ всѣхъ нулями,
А единицами себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны:
Двуногихъ тварей (антономасія *α*) милліоны (синекдоха)
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно. Онѣг. II, 14.

„Poor Jorick“, Онѣг. „Подъ небомъ Шиллера и Гете“, Он. Переименованіе рѣдко является безъ примѣси одобренія, возвеличенія или осужденія, насмѣшки.

„Предметомъ ставъ насмѣшекъ шумныхъ,
Несносно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ [1]),
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,
Иль даже „Демономъ“ моимъ. Он. VIII, 12.
„Кузина, помнишь Грандисона? ib. VII, 41.
„Съ блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы, ib. VIII, 16.
Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій;
Пора намъ въ оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень, Орфей.

Антономасія—одинъ изъ моментовъ вліянія литературныхъ типовъ на жизнь, почему исторія этого вліянія неможетъ обойтись безъ указаній на антономасіи (Митрофанушка, Простаковъ,

---

[1]) „Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ?“ Он. VII, 124.

Чацкій, Молчалинъ, Скалозубъ, Загорѣцкій, Хлестаковъ, Чичиковъ, Печоринъ, Ташкентцы, Помпадуры и Помпадурши, Разуваевъ и Колупаевъ, Донъ-Жуанъ, Чайльдъ Гарольдъ, Он. I, 38; IV, 34. Фальстафъ, Фаустъ, Маркизъ Поза, Донъ-Кихотъ, Гамлетъ. Армиды I, 33; Ловласы IV, 7).

Для исторіи небезразлично, какого происхожденія такое собственное имя: собственно историческаго или поэтическаго; но разница эта до нѣкоторой степени изглаживается тѣмъ, что и дѣйствительное лицо становится достояніемъ преданія и исторіи языка не иначе, какъ прошедши сквозь среду мысли и словеснаго выраженія, стало-быть, во всякомъ случаѣ, какъ типъ поэтическій.

При переходѣ собственнаго имени въ нарицательное можетъ случиться или то, а) что такой переходъ остается въ предѣлахъ синекдохи, т. е. значеніе нарицательнаго вмѣщаетъ въ себѣ значеніе собственнаго, напр. Дунай—рѣка вообще, или даже вода вообще. (Бусл. Оч. I, 175. Jag. Arch.: „Ой піду я піду понад Дунаями", „Дунай море плисти"), или б) что синекдоха переходитъ въ *метонимію*, когда подъ извѣстною антономасіею, напр. „omne tempus Clodios, non omne Catones feret" понимать не „такихъ, какъ Клодій, Катонъ...", а въ смыслѣ преобладающаго ихъ качества: „во всякое время возможенъ *порокъ*, не во всякое добродѣтель". (Gerb. II,² 61 [1]). Иначе: синекдоха переходитъ въ метонимію, такъ какъ вновь обозначаемое вмѣщаетъ въ себѣ уже не тотъ признакъ, по которому оно первоначально названо извѣстнымъ собственнымъ, а лишь признакъ сходный съ первымъ, напр. ит. cicerone уже не есть ораторъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ былъ М. Т. Cicero. Въ Россіи прозывали малороссіянъ въ XVII вѣкѣ измѣнниками, въ XVIII и XIX вѣкѣ Мазепами. Ср. Малюта Скуратовъ, Аракчеевъ, (эпигр. Пушк.). Такимъ образомъ *москаль* — великороссіянинъ (синекдоха), солдатъ, хотя бы и не великороссіянинъ, (метонимія);

---

[1]) Сюда случаи, какъ *virtus*, мужьство, комоньство (доблесть коня): Што се сjаjе преко Саве? Ал je сунце *сунчевито*, А *мjесец* мjесечити. Или гори град градишки? Ђ. Рајковић, Серб. н. п. 89. Мjесец мjесечити=тьма тьмущая, сила силенна, дубъ дубомъ, Чеш. kluka klukovská, žid židovská, donebak donebácka, dub dubová. (Vondrák, Schimpfwörter im Böhmischen. Arch. XII, 1—2, 62).

обмоскалити—на основанiи „якъ скаже москаль „сухо“ пiдiймайсь по ухо“ (метонимiя).

Лот. *krêws* (собств. Кривичь), Русскiй (синекдоха); солдатъ, kréewôs eet—итти въ солдаты (метонимiя), kréewu putraimi—пшонная крупа (ср. русск. гречка, гречиха, нѣм. heidekorn, чешск. pahanka, польск, tatarka, франц. blé sarrazin.).

Литовск. *Gudas,* (вѣроятно соб. Готъ) полякъ, русскiй (метонимiя), преимущественно съ презрительнымъ оттѣнкомъ, Pervolf. Arch. VII, 595.

Постороннiя миѳическiя значенiя, присоединяясь къ значенiю чужого, враждебнаго народа, превращаютъ собственное имя народа въ названiе великана. Таковъ скандинавск. йотунъ, нѣм. Hüne (Гунъ), *Enz* (*? Антъ*), славянск. сполинъ, исполинъ, обръ, поль. olbrzym (собств. Obrzin), цркcл. штоудъ, gigas (Чудь *Σκύθος*) сиб. чудàки, первобытные жители Сибири (Ирк.), они же волоты (при тульскомъ *волотъ*, богатырь, малор. велетень). Новг. Ряз. *Гольда*, бродяга, нищiй, какъ бранное слово. Ср. подъ 1058: „побѣди Изяславъ (Кiев.) Голяди“, Лавр.[2] 158 м. б. лотыш. племя но м. б. отъ *гол-*. Волог. *чудь* (ругательное), невѣжда. Сарат. *мящерый*, неучтивый, неуклюжiй. Влад. Ряз. *дулебый*, косой, разноглазый, Бусл. Оч. I, 176.

Servus, *sclavus*, Davus, Geta. „Сословiе рабовъ носитъ у горскихъ татаръ (на сѣверномъ склонѣ Кавказа, между протокомъ Терека Урухомъ, населеннымъ осетинами—Дигорцами и Эльбрусомъ, по верховьямъ р. Черека—Чеима и Боксана) одно названiе съ тѣмъ, которое принадлежитъ ихъ вѣковымъ противникамъ черкесамъ въ осетинскомъ языкѣ. У горскихъ татаръ *рабъ* назывался *касакъ*, а это имя, повидимому тожественно съ осетинскимъ названiемъ черкесовъ: Касагъ, извѣстнымъ въ нашей лѣтописи въ формѣ *косогъ*. Въ этомъ мы имѣемъ прямое указанiе на то, что основанiе рабству положила война, и что (здѣсь) первоначальными рабами были военноплѣнные изъ черкесъ“. „(Въ горскихъ обществахъ Кабарды“, изъ путеш. Вс. Миллера и Макс. Ковалевскаго. Вѣст. Евр. 1889. IV, 572. Ср. въ другомъ отношенiи *козакъ* и *черкасъ*.

2. *Цѣлое вмѣсто части.*

Представленіе единицы множествомъ:

а) для наглядности [1])—множественное число дѣлимаго вещества; множ. ч. вещей, представляющихъ множество частей: *сани.*

б) для возвеличенія—plur. maiestatis, ὑπερβολή: по правилу „громада великий чоловік“.

Цѣлое вмѣсто части, общее вмѣсто частнаго само по себѣ неможетъ служить изобразительности; но оно служитъ поэтическимъ цѣлямъ не какъ синекдоха (понятію коей оно противорѣчитъ), а какъ другая фигура. Такъ, du kehrst mir gas *ganze Haus* um, когда рѣчь только о безпорядкѣ, произведенномъ въ комнатѣ (Gerb. II,[2] 32), есть гипербола.

Подъ антономасіей, какъ вышеупомянуто, разумѣлись и случаи „цѣлое вм. части“, или даже, судя по мѣсту въ Изборн. 1076 г. изъ соч. Georgi Choerobosci, De figuris, только этотъ случай: „Въименимѣстьство ѥсть рѣчь съ прилогъı или съ знамении само то истоѥ (то самое), обавлѧꙗ имѧ, ѥгда дъва или многи намъ навѣдоми (извѣстны) чл҃ци истовоѥ имѧ имоуште, ти хоштемъ ѥдинаго отъ нихъ помѧнути, тожде да не речемъ истааго имени, нъ отъ сълоучившиихъсѧ „кръчиѭ“ рекъше или „дрѣводѣлю“ наричѫште; аще ли и тѣлесьныꙗ имѣуштѧ врѣды, хромьца рекъше или плѣшива наричѫште“. Бусл. Хр. 270. Отсюда можно понять, что антономасія бываетъ, когда для различенія двухъ Ивановъ мы называемъ одного (по прозванію) кузнецомъ, другого плотникомъ.

Вакернагель говоритъ, какъ о видѣ синекдохи, объ употребленіи названія рода вм. вида и лица, напр.: *художникъ* вмѣсто *живописецъ*; *смертные* вмѣсто *люди*: *Господь* (Herr) вмѣсто *Богъ*. Въ школѣ—„французъ“, „нѣмецъ“ въ смыслѣ „такой-то преподаватель французскаго, нѣмецкаго языка“.

[1]) Сюда и такіе случаи: множ. число названія конкретнаго для выраженія общаго и отвлеченнаго: „возьми самъ въ руки топоръ или косу: это будетъ тебѣ въ добро и полезнѣе для твоего здоровья всякихъ маріенбадовъ—медицинскихъ маціоновъ и вялыхъ прогулокъ. Гоголь, Выбранныя мѣста.

У Аристот. (Poet., 26)—примѣръ перехода отъ рода къ виду: *νηῦς δέ μοι ἥδ' ἕστηκε*, Од. 24, 308, гдѣ *стоять* (будьто) родовое по отношенію къ *ὁρμεῖν*, стоять на якорѣ (Gerber, П, 24).

Однако цѣль такого наименованія есть образность, наглядность: предметъ представленъ однимъ изъ своихъ признаковъ, который мыслится при этомъ не въ своей возможной всеобщности, а какъ принадлежащій именно этому предмету. Такимъ образомъ и здѣсь можно видѣть не общее вмѣсто частнаго, а наоборотъ, какъ и выше. Ср. напр. „Приде Ярославъ (на Святополка) и сташа противу оба полы Днѣпра, и несмяху ни си онѣхъ, ни они сихъ начати.... И воевода нача Сватополчь, ѣздя възлѣ берегъ, укоряти Новгородьцѣ, глаголя: что придосте съ *хромьцемъ симъ*! о (=а) вꙑ плотници соуще, а приставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ", 1016 Лав.,[2] 138.

Сюда же случай перехода отъ собирательности къ единичности, при чемъ иногда измѣняется родъ. (Ср. Эд. Вольтеръ, Розыск. о грам. родѣ. Спб. 1882).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ названіе единицъ собирательнымъ именемъ по основаніямъ неясно: бѣлье, платье, ружье. Въ иныхъ случаяхъ можетъ быть частное значеніе общаго получилось отъ перехода общаго къ людямъ, которымъ оно чуждо: солдатъ извѣстнаго *ружья* (общее), знаетъ только *свое ружье* (Gewähr) [1]).

Въ другихъ—личность обозначаемаго теряется въ собирательности, вслѣдствіе чего собирательное, какъ предикативный или аппозитивный аттрибутъ, затѣмъ вытѣсняющій подлежащее, пред-

---

[1]) *Ружье* (отъ собирательнаго къ единичному): „А возятъ тѣ пушки, и всякіе пушечные запасы и запасное всякое воинское *ружье* на царскихъ домовыхъ лошадяхъ. Котош. 113. Да *ружье* же, корабины и пистоли съ олетры и мушкеты и бонделеры на царской обиходъ покупаютъ вьиныхъ государствахъ ib 90. Да имъ же (рейтаромъ) исъ царскіе казны дается *ружье*: корабины и пистоли и порохъ и свинецъ, а лошади и платье покупаютъ сами ib. 108... а у ружья что попортится или на бою отобьютъ, и въ то число ружье дается иное. ib. Да солдатомъ же дастся исъ царскіе казны ружье: мушкеты, порохъ, фитиль, бердыши, пики малые. ib. 110,

[2]) О *мужчина, женщина*, мр. *дружина* см. Ш, Изъ записокъ по грам. Gerber (II, 61) принимаетъ abstracta вм. concreta въ случаяхъ Das Essen steht auf dem Tisch Stickerei—за метонимію, а не за синекдоху.

ставляетъ это послѣднее худшимъ, меньшимъ, презрительнымъ. Ср. навье бьють полочаны, 1092, Лавр.[2], 208. можетъ быть не собират., а мн. ч. Въ нынѣш. Орл. и др. *навье*—мертвецъ.

Сложная форма синекдохи. Если общее положеніе синекдохично сводится на частное, то, (какъ уже различали древніе, Аристотель), получается двоякая форма (по отношенію къ наклоненію, изъявительн. v потенціальное):

а) частное есть дѣйствительное, т. е. нѣчто принимаемое за историческій фактъ. Это *παράδειγμα*, exemplum. Напр., „Стансы" Пушкина 22 дек. 1826 г.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни;
Но правдой онъ привлекъ сердца и пр.

Примѣръ (das Beispiel) рядомъ съ общимъ даетъ частные его характеризующіе моменты, взятые изъ этого общаго.

Ohne Wahl vertheilt die Gaben,
Ohne Billigkeit das Glück,
Denn Patroclus Liegt begraben
Und Thersitus kehrt zurück. Schiller, Siegesfest (Gerber, II, 41)

б) частное есть возможное: „ὥσπερ εἴ τις λέγοι, οἷον εἴ τις λέγοι (см. о баснѣ, ниже=παραβολή. Gerber II[2], 45). (Шекспиръ, Венеціянскій купецъ).

Сложная синекдоха есть поэтичная *типичность*. (См. „Виды поэтической иносказательности", стр. 70). Примѣръ, (*παράδειγμα*), Zima 94—5: Срмо моја зар ме чекат нећеш? Даница је чекала мјесеца За горицу седам годиница. А ти мене нећеш ни годину, Ни годину, ни пе половину.

(Здѣсь мнеичность съ нашей точки есть въ тоже время историчность съ точки говорящаго).

Примѣръ (составляющій одно съ общимъ) въ формѣ hendiadys:

Plerumque gratae divitibus vices
Mundaeque parvo sub lare pauperum
Coenae sine aulaeis et ostro
Sollicitam explicuere frontem, Horat. Od. III, 29.

Примѣръ метафориченъ съ позднѣйшей точки: Три године, како драгог дворим, Нит' ме грли, нит' ме лице љуби, Ни ме пита, јесам ли му здрава. А мати му к'о аждаха љута, И с ње роним сузе често пута, Мене зове да сам нероткиња. Препрелећа ни воће нероди, Докле сунце не огрије зраком, А невјеста — док је нељубљена, Нељубљена и немилована. Ристић С. н. п. 74. Далѣе свекровь сыну: А мој сине, млаћане Јоване! Каква ти је воћка без пролећа, Док је сунце не огрије зраком, Онако је и моја снахица, Јер је досад нијеси љубио, Ни јој лицем лице угријао, ib. 75.

Чтобы примѣръ могъ имѣть силу доказательства, нужна его однородность съ доказываемымъ, т. е. чтобы метафора еще отсутствовала, чтобъ на ея мѣстѣ была еще синекдоха:

Ој ђевојко ситна љубочице,
Љубио б'ти, али си малена!
Љуб' јуначе, бићу и голема:
Малено је зрно бисерово
Ал се носи на госпоцком врату.
Малена је тица ластовица
Ал' умори коња и јунака. Н. Беговић, С. н. п. 107.

Метонимія.

Если при переходѣ отъ образа (А., напр, части, особи) къ значенію (x, напр. цѣлому роду), это послѣднее неисключаетъ изъ себя образа (какое исключеніе есть принадлежность метафоры, напр.: *голова* въ смыслѣ чего-либо главнаго, „мое золото“ въ смыслѣ „мой дорогой“), но сверхъ этого (въ отличіе отъ синекдохи) получаетъ новое качество, напр.: „Эхъ ты, голова!“, „стоять, лежать въ головахъ“ — то это будетъ метонимія.

Это новое качество x (сравнительно съ даннымъ въ A) можетъ получиться лишь въ силу того, что оно при извѣстныхъ условіяхъ сопровождаетъ въ мысли A.

Потъ—признакъ труда, а трудъ земледѣльца ведетъ къ жатвѣ (въ значеніи продукта); поэтому *потъ*=хлѣбъ на поляхъ: „Zertreten liegt der Schweiss des Landmanns“ (Schiller).

Можно бы распредѣлить случаи метониміи по различію основаній сочетанія A съ x, т. е. а) или по тому, что A одновременно существуетъ съ x въ пространствѣ, одновременно съ нимъ дается воспріятіемъ; б) или по тому, что A предшествуетъ x-у во времени, в) или слѣдуетъ за нимъ; г) или по тому, что A связано съ x причинно, Gerb. II[2], 55. Но въ моментъ наименованія, рѣчи, эти основанія несуществуютъ для говорящаго; они вносятся послѣ постороннимъ наблюдателемъ, съ которымъ можно и поспорить. Такъ кажется сомнительнымъ, что для говорящаго „*λεύκαινον ὕδωρ*“ есть слѣдствіе, дѣйствіе сильнаго движенія веселъ. (Gerber, II, 62). Для говорящаго то, что дано въ A (образѣ) есть ближайшее, первое по времени; x—всегда послѣдующее, болѣе отдаленное: такимъ образомъ для него всѣ упомянутыя основанія сочетаній A съ x, сводятся на *б*), которое служитъ основаніемъ и синекдохи и метафоры. Кажется болѣе удобнымъ распредѣлять примѣры метониміи по общимъ разрядамъ значенія (x), которое доходитъ до сознанія говорящаго.

x есть пространство (содержащее и пространственно измѣряемое содержимое), время, дѣйствіе (состояніе и свойство).

Метонимія—отъ примѣты къ тому на что, она указываетъ.

Представленія мѣста: пространство представляется тѣмъ, что въ немъ происходитъ. Человѣкъ привлеченъ восходомъ солнца; глядя на него, онъ находитъ, что южная сторона—правая: сскр. *дакшина*—правый и южный. Сближеніе *сѣверъ* съ сскр. *савја*—ошибочно. *Сѣверъ*=sziaurys, холодный сѣверный вѣтеръ, и отсюда страна свѣта. Гомеръ (правый—восточный):

Τύνη δ᾽ οἰωνοῖσι τανυπτερύγεσσι κελεύεις
Πείθεσθαι, τῶν οὔτι μετατρέπομ᾽ οὐδ᾽ ἀλεγίζω

Εἴτ' ἐπὶ δεξί' ἴωσι πρὸς ἠῶ τ' ἠέλιόν τε,
Εἴτ' ἐπ' ἀριστερὰ τοίγε ποτὶ ζόφον ἠερόεντα. Jl. XII, 237—40.
„Ты ширяющимъ (въ воздухѣ) птицамъ
Вѣрить велишь? Презираю я птицъ и о томъ незабочусь,
Вправо ли (птицы) несутся къ востоку денницы и солнцу,
Или налѣво они къ туманному западу (мчатся).

Цсл., серб. *югъ*, южный, теплый вѣтеръ, южная страна свѣта. Если бы первое значеніе было то, на которое указываетъ греческ. *αὐγή*, свѣтъ, блескъ, лучъ, то всетаки, такъ какъ оно забыто, *югъ* въ этомъ словѣ представлялся бы страною теплаго вѣтра.

Полдень—страна свѣта, гдѣ солнце въ полдень, а противоположная—*полночь* и *ночь*. *Сѣверъ*, *югъ*, какъ страны свѣта—вѣтры: „явилася звѣзда копейнымъ образомъ *съ теплаго вѣтра*, межи полудни и запада и днію и нощію хожаше къ востоку, и понемногу поступаше къ сѣверу. Пск. лѣт. I, 309.

Востокъ. Въ солнечно свѣтлой Итакѣ живу я.... много
Тамъ и другихъ островов, недалекихъ одинъ отъ другого:
Занъ и Дулихій и лѣсомъ богатый Закинѳъ; и на самомъ
Западѣ плоско лежитъ окруженная моремъ Итака
(Прочіе жъ ближе къ предѣлу, гдѣ Эосъ и Геліосъ
всходятъ). Одис. IX, 21 сл.

Близко увидишь другую скалу, Одиссей многославный:
Ниже она, отстоитъ же отъ первой на выстрѣлъ изъ
лука. Одис. XII, 101—2.

Какъ далеко, какъ высоко?

„Рукою подать“; „въ обхватъ толщиною.“

Верста, (Изъ зап. по рус. грам. I, 1—5 стр.); *сажень*, *локоть*, волока. Къ исторіи звуковъ IV, 17 (участокъ, который *волочатъ*, боронуютъ).

А святая святыхъ отъ Воскресенія Христова есть вдалѣ, яко двою дострѣлить мужъ, Дан. Пал. Сах. 16. И ту же е(сть) мѣсто близъ, яко *двою дострѣлу* вѣдалѣ (яко двою стрѣлити) отъ рекѣ, идѣ же Илья пророкъ восхищенъ бысть. ib Христ. Бусл. 664. И яко приблизися Игорь къ полкомъ своимъ и переѣхаша

поперекъ, ту яша единъ *перестрѣлъ* одале отъ полку своего, Ип.[2] 433. Люто (=ъ) бо бѣ у Чернигова, оже и таранъ нань (вар. на нъ) поставиша, меташа бо каменемъ полтора перестрѣла, яко же можаху 4 мужи силнии подъяти, Ип.[2] 515 (1234).

Есть бо печерка та и до сего дня мужа возвысше, Дан. Пал. Сах., 17.

„Як на воловий рык", Ном. 148.

Поплылъ быстрѣй онъ, ступить торопясь на твердую землю,
Но отъ нея на такомъ разстояньи, въ какомъ человѣчій
Внятенъ намъ голосъ, онъ шумъ буруновъ межъ скалами услышалъ. Од. V, 399 сл.,

....тамъ помѣстье царя Алкилая съ его плодоносным
Садомъ, въ такомъ разстояньи отъ града, въ какомъ человѣчій
Внятенъ намъ голосъ. Одис. VI, 293 сл.
....На такое отплывъ разстоянье, въ какомъ человѣчій
Явственно голосъ доходитъ до насъ, закричалъ я Циклопу. Од. IX, 473 сл.
Въ растояньи, въ какомъ призывающій голосъ бываетъ
Внятенъ, Сирены увидѣли мимо плывущій корабль нашъ. Од. XII, 181.

Но лишь предстали они на полетъ копья или меньше, лица враговъ онъ узналъ, Ил. X. 357. См. Ил. XXIII, 529; *τόσσον τίς τ'ἐπιλεύσσει, ὅσον τ'ἐπὶ γᾶαν ἵησιν*, Jl. III, 12—человѣкъ (*τίς*) видитъ сквозь него (туманъ) (лишь) такъ далеко, какъ (онъ же) броситъ камень; *ὅσον τ'ἐπὶ δουρὸς ἐρωὴ γίγνεται*—насколько раждается верженье копья—насколько хватаетъ брошеннаго копья, Ил. XV, 357.

Верста, юны: ....устремившись съ мѣста того, на которомъ стояли, пустилися разомъ,
Пыль подымая, они черезъ поприще: всѣхъ былъ проворнѣй
Клитонеонъ благородный: какую по свѣжему полю
Борозду плугомъ два мула проводятъ, настолько оставивъ
Братьевъ своихъ позади, возвратился онъ первый къ народу. Од. VIII, 120 сл.
Такъ сговорясь, они у дороги межъ грудами труповъ
Оба припали; а онъ мимо ихъ пробѣжалъ безразсудный,
Но лишь прошолъ настолько, какъ борозды нивы бываютъ
Мулами вспаханной (долѣе мулы воловъ тяжконогихъ
Могутъ плугъ составной волочить по глубокому пару),
Бросились гнаться герои.... Ил. X, 349 сл.

(Церковь) бѣ.... содѣлана при немъ (Мстиславѣ) выше, неже на кони стоячи рукою досячи, Кенигсб. сп. 104, Бусл. О препод. отеч. яз. 370; стружия възвыше (Дан. Пал.).

Конь: по три копља у пријеко скаче, по четири небу у висине, у напредак ни броја се незна, Кар. II, 140.

Цичи шара (бедевија), како змија љута,
На ноздрве модар пламен *лиже*,
Мећe пене преко господара,
По с три копља у висине скаче,
По с четири добре(=ѣ?)у напредак, ib. 453.

„Естли на берегу на рѣцѣ которая ся кому татьба станеть въ чомъ какъ бы отъ берега палицею докинути, тогды таковую татьбу побережную маетъ судити осмникъ воеводинъ. 1499. Ак. Зап. Рус. I, № 170. Якъ штихом докинуть (близько) Ном. 148. И бысть въ тъ день мьгла велика, яко не видити до конець копья, Ип.[2] 231.

Поприще, *пръпришmе*: „въ Сурии же бысть трусъ великъ, земли разсѣдшися трой поприщь, изиде дивно и-землѣ: мъска человѣчьскымъ гласомь глаголющи, Лавр.[2] 161.

Днище: „вземше у нихъ вѣсть, оже половци *днища* далѣе лежать, Ипат.[2] 455=день пути. Сравни сербск. *данишmе*, locus morae per diem=дановиште. Относительно—иште:

Шатор, пиње угрин Іанко.
Украј Саве воде ладне
На вилино игралиште
На јуначко разбојиште
И на вучје вијалиште (гдѣ воютъ волки), Кар. Рјечн.

Вообще имена мѣстъ на—ище, *изна* суть метонимiи.

Такое же метонимичное обозначенiе мѣста лежитъ въ основанiи метафоры *долой* (прочь), *кромѣ*, сербск. *ван* (кромѣ, какъ).

Долой въ значенiи *прочь*. Ср. Въ Новгородск. догов. гр. 1317. (С. г. гр. I, N 13): Или хто данъ на порукѣ Новгородѣчь или Новоторжанинъ, а съ тыхъ порука *на землю*; или кого къ целованью (тв. князь) привелъ, а съ тыхъ целованье *на землю*; или грамоты дерноватыи на кого написалъ, а тѣ грамоты подереть. Въ договорѣ Дм. Ив. съ кн. Тв. 1368 (ib. № 28): а что еси

привелъ ноугородцевъ и Новоторжцевъ къ целованью, а то целованье *доловъ*".

Въ этимологіи русскаго языка *мѣсто* представляется множественнымъ числомъ предмета, въ немъ находящагося: въ *головахъ*, въ старинномъ языкѣ „въ Угры"; независимо отъ множеств. ч. греческ. ἔλαιον Oelmarkt; σίδερος—желѣзная лавка ἰχθῦες—рыбный рынокъ; τα μύρα—Salbenbude; ὄψα—Gemüsemarkt, τα λάχανα—Krautmarkt (Gerb. II, 57).

Количество—пространствомъ: непочатой уголъ; „запасу небольшое *мѣсто* осталось, а первой разграбленъ весь.... и книги, и одежда"... (Житье Аввакума, 36). „Всѣ люди переморилъ, никуда неотпускалъ промышлять, осталось (людей) небольшое мѣсто по степамъ скитающеся. ib. 38. Ячменцу было посѣяно небольшое мѣсто.... выросъ да и сгнилъ было отъ дождевъ ib. 69. Полуголова Ив. Елагинъ былъ и у насъ въ Пустозерскѣ.... и взялъ у насъ сказку.... и иное тамъ говорено многонько и Никону, заводчику ересемъ, досталось небольшое мѣсто". ib. 90.

Значеніе единицы клади—изъ значенія постели и шкуры.

Время—мѣстомъ: „Азъ же нѣкогда видѣхъ у сосѣда скотину умерщу и, той нощи возставши, предъ образомъ плакався довольно о душѣ своей, поминая смерть, яко и мнѣ умереть, и съ *тѣхъ мѣстъ* обыкохъ по вся нощи молитися". Жит. Аввак. 11.

Время случайнаго событія опредѣляется другимъ относительно постояннымъ событіемъ:

„Другого дни велми рано кръвавыя зори свѣтъ повѣдають. (и въ это время) чърныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти Ї солнца". Мое слово о Пол. Игор. 39, прим. 42.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Ложе покинулъ тогда и возлюбленный сынъ Одиссеевъ. Од. II. 1. III, 404.
Эосъ, покинувши рано Тифона прекраснаго ложе.
На небо вышла свѣтъ дать для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ.
Боги тогда собралися на вышній совѣтъ. Од. V. 1.

Још зорица није забјелила
Ни даница лица помолила, (кад)
Бијела је вила покликнула

Са Авале зелене планине.
Вила зове у Бијоградъ Стојни
По имену два брата Јакшића, Караџ. II, 605. [1])
Весна: „зринулася водиця з Дунаю
З Дунаю тихого, бережка крутого.

Геліосъ съ моря прекраснаго всталъ и явился на мѣдномъ
Сводѣ небесъ, чтобъ сіять для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ,
Року подвластныхъ людей, на землѣ плодоносной живущихъ.
Тою порою достигнулъ корабль до Нелеева града
Пышнаго Пилоса, Од. III, 1.
Покуда длилося утро, пока продолжалъ подыматься священный
День, мы держались и ихъ отбивали сильнѣйшихъ; когда же
Геліосъ къ позднему часу воловъ отпряженья склонился,
Въ бѣгъ обратили Киконы осиленныхъ ими Ахеянъ. Од. IX, 55 сл.

Ср. „Йшли корови из діброви, а овечки съ поля; виплакала карі очи, край козака стоя; „въ свинячій голосъ“, Ном. 150, вр. въ свинной голосъ. „Як у саду такъ и в лісі.... соловейко на горисі, зосуленька на калині (т. е. весна въ полномъ разгарѣ); десь мій милий, и пр. Гей та вітер повіває, та рожа процвітае—під моїми воротами свистілочка грає, мене мати лає, гулять непускає.

Періодъ времени—его началомъ: *годъ, тыждень*.

Пушкинъ, Онѣгинъ: До окончанія балета I, 22; ѣдетъ съ бала раннимъ утромъ, Он. I, 35; лѣтнею ночью, I. 47; до зари, II, 28; ночью, III, 16; осенью, когда опустѣли поля, IV, 41; зима, IV, 42; бесѣда послѣ обѣда, IV, 47; когда сталъ зимній путь, V, 2. Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды струились тихо и пр. VII, 15.

Но поднялася звѣзда лучезарная, *вѣстница* свѣтлой
Въ сумракѣ раннемъ родившейся Эосъ; и, путь свой окончивъ,
Къ брегу Итаки достигнулъ корабль, обѣгающій море. Од. XIII, 23, ...я долго
Ждалъ, и ужъ около часа, въ который судья, разрѣшивши
Юношей тяжбу, домой вечерять утомленный уходитъ,
Съ площади выплыли вдругъ изъ Харибды желанныя бревна. Од. XII, 438.
Въ часъ же, какъ мужъ дровосѣкъ начинаетъ обѣдъ свой готовить,
Сѣвъ подъ горою тѣнистой, когда уже руки насытилъ,
Лѣсъ повергая высокій, и томность на душу находитъ,
Чувства жъ его обымаетъ алканіе сладостной пищи;
Въ часъ сей Ахеяне силой своей разорвали фаланги, Иліада, XI, 86.

[1]) *Зоря*, Къ исторіи звуковъ III, 22—4. Объясненія мир. п. I, 101 сл.

Архангелъ. „въ суткахъ *двѣ воды*". (т. е. 12+12 часовъ, дважды повторенные приливы и отливы); продолжительность выѣзда въ море опредѣляется на одну на двѣ и пр. воды (Подвысоцкій); промежутокъ въ 6 часовъ между приливомъ и отливомъ: „стоять цѣлую воду" (т. е. пережидать шесть часовъ). Годность судна: „судно на *пятой* водѣ", т. е. служитъ 5-й годъ.

Жатва = лѣто: „мѣню же весноу и жетвоу, и ѥсень и зимоу. І. Э. Шест. стр. 110, об.

> У нашої та Малашки під хатою крóвать;
> Додержала та Грицуля. вже й корови доять;
> „Нехай доять (2), до череди гонять".
> Ой ревнув товар, до череди йдучи,
> Ой погубив та Грицюнё та свої онучі.... Чубинск. V, 99.

Для писцовъ нѣкоторыхъ русскихъ грамотъ лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра или отъ Рождества Христова слишкомъ отвлеченно, и они опредѣляютъ годъ написанія частнымъ болѣе близкимъ къ пишущему событіемъ, какъ донынѣ при воспоминаніяхъ въ разговорѣ:

„А дана грамота іюля того лѣта, коли князь Александръ Ивановичъ (дающій) сѣлъ на своей отчинѣ на Новѣгородѣ". 1410—17. Ак. Арх. Экап. І, 13.

„А дана грамота Маія въ 8 того лѣта, коли князь великій Данило Борисовичъ (дающій) вышолъ на свою отчину отъ Махмета царя въ другій разъ. 1410, 17. ib. 14.

„А дана грамота, коли князь великій Московскій) княжну отдалъ во Царь, на ту зиму, на Берѣницу. 1414. гр. кн. Углицкаго Андр. Влад. ib. 14.

„А купилѣ тогды, коли былъ князь великій Василей Васильевичь въ великомъ Новѣгородѣ, ино опослѣ того, съ того лѣта съ того Петрова дни.... 1414, откупная грам. ib. 19.

„А дана грамота того лѣта, коли государь князь Михайло Ондреевичъ (дающій) женился 1457, ib. 29.

Въ языкѣ: лѣто, зима, годъ, рокъ, вѣкъ, трава (годъ: „быкъ по пятой травѣ", Бусл. Оч. I, 170); мѣсяцъ, недѣля, влр. упряжка, треть лѣтняго дня (паханье до отдыха лошади).

Мигъ, *разъ*, momentum, вр. *духовинка*, *душокъ*: давно ль онъ пришолъ?—есть духовинка, душокъ, какъ я здѣсь, Бусл. ib.; серб. за *трен*, у оноj трен (тренуће ока), momentum. Срб. *ȍд маха*, *ȍдмах*, *нȁмах*, *мȁхом*, тотчасъ, немедленно.

Названіе періодовъ времени, resp. мѣсяцевъ: *листопадъ*, *рѣкоставъ* (время, когда рѣки покрываются льдомъ), сѣноставъ; груд ень—ноябрь, Лавр.[2], 252.

Народно-календарныя названія дней: 16 янв. на Петра полукорма (вышла половина зимняго корма); 17 марта (на теплаго Олексія).

Метонимія здѣсь или въ обозначеніи дня празднованіемъ святого или вмѣстѣ и въ томъ, что этому святому приписывается дѣйствіе, характеризующее время его празднованія: 8 апр. Родіона Ледолома; 12 апр. Василій Парійскій—землю паритъ; 14 апр. Мартына лисогона (на Мартына переселеніе лисицъ изъ старыхъ въ новыя норы); 17 апр. Зосимы пчельника и пр. см. Даль. Этимъ объясняется то, что народныя названія мѣсяцевъ по грамматической формѣ суть имена дѣйствующихъ лицъ: Руєнь, Styczeń, Лютый, Цвѣтень, Kwiecień, Październik, Grodzień, Березозолъ.

Множественное число имени, характеризующаго время, напр. *зори*, время на зарѣ, менѣе изобразительно. Это важное средство словообразованія.

Метонимія—время. Къ случаямъ метонимическаго обозначенія времени относится:

Никогда: И створи миръ Володимеръ съ Болгары и ротѣ заходиша межю собѣ и рѣша Болгаре: „толи небудеть межю нами мира, оли камень почнеть плавати, а хмель тонути. Лавр.[2], 82.

Коли ж братцейку гостейком будеш?
—„Возьми, сестрице, білий каменец,
Білий каменец, лехкое перо,
Та пусти ёго во тихий Дунай:

Як білий каменец на верх сплине,
Лехкое пірейко на спід упаде,
Подумай, сестро, що с тога буде?
Коли сонейко на-зіпак зійде,
Вдоди, сестрице, гостём въ тя буду, Гол. II, 55.

Всегда: Стара мајка ке ме жали.
Ке ме жали, ке ме тъжи,
Дур да гарван побелѣе,
Дур да море да исахне,
Дур да гламня ластар пустне
Дур да врба гламня стане. Верков. Н. п. Мак. буг. 284.

Тоді тобі, козаченьку, ся отрута минетьця, як у полі край дороги сухий дуб розівъєтьця, Мет. 90. Чи видів єсь, мій миленький камінь над водою? Коли камінь той поплине, тоді буду твою. Гол. II, 748.

Ой упала (котилася) звізда з неба, у воду упала;
„Розвьяжи ми, мамко, світок, як єсь завьязала"!
— Ой як тяжко каменеви по воді плавати,
Тяжче єще, моя доню, світок розвьязати, Гол. II, 788.
Ой вийди, сестро, на круту гору,
Та подивися на бистру воду,
Та як там буде камінь плавати,
Тоді будемо з война вертати, Гол. III, 12.
Жен'се душо, жен'се срце, не браниmти ја:
Један листак краі Дунава, други крај мора,
Код се листак с листом саст'о, онда и ти с њом, Ђ. Рајк. 14.
Шта је, драги, неожинио се,
Док нероди јавор јабукама,
А не не никне чубер по камену.
Ту ј се момче добре досадило
Па накити јавор јабукама,
А пресади чубер по камену.
Ено, драга, ти се неудала,
Док не чула, гдје-но риба пјева.

Ено нико чубер по камењу.

Ено роди јавор јабукама, Давидовић, Н. п. ср. Босн., 26.

Дѣйствіе и состояніе представляется однимъ (болѣе наглядным и характеристичнымъ) моментомъ изъ многихъ. Напр. *уѣзжалъ изъ дому, когда къ нему пріѣзжали*:

„Сначала всѣ къ нему ѣзжали,
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышатъ ихъ домашни дроги;
Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ. Онѣг. II, 5.

„И повороти коня Мстиславъ съ дружиною отъ стрыя своего“, Лавр.[2], 326.

Ѣдетъ быстро: Ужъ темно: въ санки онъ садится;
Поди! Поди! Раздался крикъ.... Онѣг. I, 16.

Въ лѣтописномъ языкѣ: „Половци стояху на оной сторонѣ Трубежа исполчившеся. Святополкъ же и Володимеръ вбредоста въ Трубежъ къ Половцамъ, Володимеръ же хотѣ нарядити полкъ, они же непослушаша, *но удариша въ конѣ* къ противнымъ. Се видѣвше Половци и побѣгоша“. Лавр.[2] 224. 1178. (Всеволодъ Юрьевичъ) иде къ Торжку, въ волость ихъ (Новгородьць), и похотяше взять города, бѣша бо обѣщалися дань дати ему Новоторжьци, и неуправиша. Дружина же Всеволожа начаша князю жаловатися: „мы нецѣловатъ ихъ приѣхали.“ И се рекше, *удариша въ конѣ* и взяша городъ, мужи повязаша, а жены и дѣти *на щитъ*, и товаръ взяша, а городъ пожгоша весь. Лавр.[2] 366.

„Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода.... И рече ему буй-туръ Всеволодъ.... Сѣдлай, брате, свои бързыи комони, а мои ти готови, осѣдлани, у Курьска напереди“ Сл. о полку. „Всеславъ Смолнескъ ожьже, и азъ *всѣдъ* съ Черниговци въ двою коню, и незастахомъ въ Смолинскѣ“. Поуч. В. Мономаха, Лавр.[2] 239.

Рюрикъ же посла къ великому князю Всеволоду, река: „брате и свате! Романко отъ насъ отступилъ и *крестъ цѣловалъ* къ Ольговичамъ; а, брате и свате, пошли *грамоты хрестьныѣ поверзи* имъ, а самъ *поиди на конь*.... Всеволодъ.... ту зиму перестрянъ, на лѣто *всѣде на конь* (синекдоха: не онъ одинъ, а съ войскомъ, и метонимія) про свата своего и подъ Рюрикомъ твердя Кыевъ". Лавр.[2] 392.

Изяславъ.... (поча) ся слати въ Угры.... и въ Ляхы... и къ ческому князю.... прося у нихъ помоги, а быша всѣли на кони сами полки своими поити къ Киеву.... „Богъ вы помози, оже ми ся есте яли помогати; а язъ вы реку: „братье, съ Рожества Христова полѣзите на кони", и съ Рождества Христова полѣзоша на кони. Ип.[2] 268—9.

И тако скупя всю силу свою король и *полѣзе на кони*, а ко Изяславу посла мужи свои река ему: „азъ ти есмь съ братомъ твоимъ съ Володимиромъ отселѣ *уже пошолъ*, а ты поиди оттолѣ, скупяся весь. Ипат.[2] 282.

Царь на мя Грецкый въставаеть ратью, и сеѣ ми зимы и весны нелзѣ на конь къ тобѣ всѣсти. ib 283. „яз ти на конѣ уже всидаю (у)же и сына Мстислава съ собою поимаю; а ты полѣзи уже на конѣ". ib. 308. Половци же улюбивши думу его, *потоптавше* роту его дѣля и *всѣдоша на коня* и ѣхавше изъѣхаша городъ Чюрнаевъ ib. 450.

„Не выдадите ли (бояръ), а я поилъ есмь конѣ Тьхверью, а еще Волховомъ напою. Новг. 41, Бусл. Оч. I, 89 = нападу на Новгородъ.

(У) спало князю (у) умь похоти и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. Хощу бо рече копие преломити конець поля Половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону. Сл. о П. Иг. „Тогда Володимеръ и Мономахъ пилъ золотомъ шеломомъ Донъ". Ипат.[2] 480. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ *шеломы выльяти*, Сл. о п. Иг. Половци же вжасошася, отъ страха невъзмогоша и *стяга* поставити, по побѣгоша хватаючи конии. Ип.[2]

186—7. Хочемъ поринути стягъ, побѣгнути съ полкомъ своимъ въ Киевъ ib. 231; поверга стягы и поскачи къ жидовьскимъ воротамъ ib. 232; Изяславъ приѣха въ Киевъ и тако ударя йу трубы, съзва Кияны, Ип.[2] 278. Мр. звивъ корогов, польск. zwinął chorągiewkę, бѣжалъ въ прямомъ и переносномъ.

Се бо Мстиславь великыи (и) наслѣди отца своего *потъ* Володимера Мономаха великаго. Володимеръ самъ собою постоя на Дону и много *пота утеръ* за землю Русскую, а Мьстиславъ мужи свои посла, загна Половци за Донъ и за Волгу, за Яикъ. Ип.[2] 217.

Дорошенко.... оттуля испалъ ку Путивлю, алеже оному з двора зайшло непотѣшное, же жона оному *скочила черезъ плоть* з молодшимъ, зоставивши войну.... самъ повернулъ до Чигирина, Лѣт. Самовидца, 100.

Беспда ср. Рум. кувънт, sermo alb. кувънд id. kuvente, convivium, новогреч. *κουβεϱτάζειν* loqui. Mikl. (Die slav. elem. im Rum.) считаетъ рум. и новогр. слова албанскими, но это—лат. conventus; срб. хорв. *диванити*, бесѣдовать отъ диван=соборъ, вијеће, разговоръ и *зборити*—говоритъ, бесѣдовать—отъ *збор*, собраніе, разговоръ. *Беспдовать*—значеніе рѣчи отъ значенія сидѣнья вмѣстѣ, отъ значенія общественнаго собранія, какъ въ серб. збор и зборити.... Стояли бесѣды, что бесѣды дубовыя, исподернуты бархатомъ; Во бесѣдочкахъ тутъ сидѣли атаманы козачіе.... Древ. ст. 1818, 106; На томъ соколѣ кораблѣ сдѣланъ муравленъ чердакъ, въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ, подернута бесѣда рытымъ бархатомъ, На бесѣдѣ то сидѣлъ купавъ молодецъ ib. 3; при всемъ народѣ, при бесѣдѣ, вдову опозорили ib. 149. Бесѣдка—скамья около дома.

Жены поссорятъ:

Ласно би се, брате, иженили,
Ал'кад туђе сеје составимо,
Туђе ђе нас сеје завадити,
Башка ђе нам двори поградити,
Између њих трње посадити,
И кроз трње воду навратити,

Нека трње у висину расте,
Да се никад састат не можемо, Кар. II, 43.
Колико се браћа миловала
Под њима се добри коњи љубе, ib.
Појездише до два побратима
Напоредо језде добри коње.
Напоредо носе бојне копља
Један другом бело лице љуби
Од милоште до два побратима. ib. 215.
Ја не могу тебе оженити
Свињарицом ни говедарицом.
За те тражим Госпођу дјевојку
И за мене добра пријатеља.
Која ће ми сјести уз кољено.
Са којим ћу ладно вино пити, ib. 182.

Сочетаніе, или [illegible] съ [illegible]: „Быть въ солдатахъ = въ острогахъ.

Въ несчастій и т. п. отрицаніе конкретнаго случая стало (исключительно) представленіемъ невозможности повторенія того же случая. Изъ зап. по р. гр. II.² 236.

Избранный [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] его по бедрамъ [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible]:
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]... [illegible] XIII. 128.
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] по [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] съ [illegible] и [illegible]. [illegible]
Граж. II. 57. 59.
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]:
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. ib. 73.
Махнутъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] ib. 79.

[illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible] на [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]:

Iао мене до Бога милога!
Сад да су ми два сестрића моја
Два сестрића, два Воиновића,
Сад бы они на мејдан изишли. Кар. II, 144, 149.

Въ области влр. нар.—*скривить нос*—возгордиться; *ужимать губы*,—превозноситься, дуться; *ужиматься*—церемониться; *ужима*—скромность, *обмывать зубы*—смѣяться, улыбаться; *умилка*—улыбка, умильный—веселый. Бусл. Оч. I, 184. Сосѣдъ надулся. Пушк. Онѣг. II, 4. Облизываться, зариться на что; отойти съ неудачей, ни съ чѣмъ (удовольствоваться тѣмъ, что облизывался): ,,что, братъ, облизался?" ,,Облизнись!" (отказъ); ,,отойти съ облизнемъ". Мр. ,,облизня піймати". (у Даля и вр.). „И ѣхахомъ (изъ Чернигова) сквозѣ полки Половьчскиѣ не (=нѣ) въ 100 дружинѣ и съ дѣтьми и съ женами, и облизахутся на насъ акы волци, стояще и отъ перевоза и зъ горъ. Богъ и святыи Борисъ неда имъ мене въ користь: неврежени доидохомъ Переяславлю" Поуч. Моном. Лавр.[2] 240.

Громко воскликнулъ и въ бедра съ досады ударилъ руками Асій Гармонидъ и, ропщущій на небо, такъ говорилъ онъ. Ил., XII, 162, (*πεπλήγετω μηρὼ*), „вдаривсяˮ по бедрамъ).

Показать шишъ, мр. „дулю датиˮ. „Руки въ боки, глаза въ потолокъˮ (Даль)=„нашъ братъ самородокъ трень-брень вальсикъ или романсикъ, и, смотришь—уже руки въ панталоны и ротъ презрительно скривитъ: „я молъ геній!ˮ Тургеневъ.

Такимъ образомъ мы доходимъ до положенія, что всякое изображеніе v. представленіе явленія (вещи, дѣйствія и состоянія, качества) въ видѣ одного изъ его моментовъ, въ томъ числѣ въ видѣ впечатлѣнія—есть метонимія. Ср. Бусл. Оч. I, 168.

Если при этомъ есть сближеніе разнородныхъ комплексовъ, то метафоричность совмѣщается съ метонимичностью. Названіе золота по цвѣту или блеску въ словѣ *золото*, а равно и повтореніе того же пріема въ сочетаніи эпитета и опредѣляемаго *жуто злато* суть метониміи. Представленіе муравейника кипящимъ котелкомъ или горшкомъ („Въ лѣсу котелокъ кипитъ, а убыли нѣтъ

и пр. Худяковъ, Велкр. загадки, Этногр. сб. VI, 82) въ загадкѣ, а равно сочетаніе подлежащаго со сказуемымъ „муравейникъ кипитъ“, опредѣляющаго съ опредѣляемымъ „муравьище кипучее“, суть не только метонимія, но и метафоры. Здѣсь можно разсмотрѣть явленія, которыя можно по синекдохѣ „отъ части къ цѣлому“ назвать „поэтическими эпитетами“ (см. выше стр. 211. сл.).

Дѣйствіе однимъ (болѣе нагляднымъ, характеристичнымъ) *моментомъ*. *Рясть*. „Діждавъ расту топтати“! Номисъ 95. „уже на расть вилiз 90. „Вже ёму расту нетоптати! (=на Божій дорозі) 158 „Топчу, топчу рясть, рясть, Богъ здоровья дасть, дасть! Дай Боже потоптати и того року діждати! (Топчучи весною рясть), ср. Номисъ 7. Отсюда „Бодай ти расту нетоптав!=Бодай ти зозулі нечувавъ!=Щоб на той годъ діждати сону топтати. Ном. 7. (Переходъ въ метафору).

Сонъ. „Сонъ головоньку клонить“ т. е. самостоятельное существо *сонъ* заставляетъ человѣка клонить голову; но въ названіи растенія *сонъ* (anemone) онъ самъ склоняетъ свою голову (цвѣтокъ всегда склоненный внизъ) метафора.

Серб. „тако ме земља не нарадовала“. Посл. 298 (чтобъ нежилъ). Тако ме напријед ногама неносили 299. Тако ме прије сјутра у мртве очи нељубили. ib. Тако ми се крсна свијећа неугасила (тако сви одъ мога рода непомрли и неимао ко крснѣ имена славити и у славу устаючи свијеће палити! ib 304. Тако од мојега трага свијеће неостало. 308.

Сеоци (=притча)=поминование Ил.[2] 600—1. Тако ми троскоть (poligonum aviculare) на огнището неизникуо 308. Тако сједу косу неплела на очино огњиште II., 310. Вољела бих сједу косу плести У призрену, нашеј царевини. Но ја пођи у Прилипа града. Маркова се незнати дуба Кар., II. 238.

Челядоньки въ дому, щобъ мени не тому.

Дала бъ же я бѣлу руку, такъ незнаю кому.

Рукобитье, ударить по рукамъ „[illegible]“. Били намъ челомъ войти мѣста Кіевскаго и всѣ мѣщане“... 1566. Гр. С. Д. 3. II, 2 et passim—происхожденія независимаго отъ посольскаго само-

державія. Серб. *поклонити* подарить, *пòклонъ*—даръ. *Покориться*= поклониться; *повиновеніе*=покора, поклонъ. Капу скида, до земље се свија И краљици Божіу помоħ даје К. II, 67.

„И оттолѣ *мечь взимають* Роговоложи внуци противу Ярославича внукомъ". Лавр.², 285.

Здороваться. Серб. *здравица* (см. Рјечн.). Добрдошлица, добрдошка, добродошница, чаша вина или ракије, што се даје ономе, кои доħе за „добро дошао". Ср. *цѣловати* привѣтствовать (Лавр.²,247—4 и пр.) поздравлять съ именинами, Лавр.², 249.

Ой поможи Боже на рушничку стати, Тогді нерозлучить ні батько ни мати, Метл. 53. (дѣйствіе — составнымъ моментомъ) „Онда ħу ти отворити врата, „Све полако да не чује тата. Ако л' чује са кревета тата; Биħе тјесна ободвојим врата, ђ Рајков. С. н. п. 24.

Сонлива, лѣнива=често јој је на јастуку глава и бијеле низ пенџере руке, ib 89. Покрыть дѣвкѣ голову (выдать замужъ); *гладить* кого по головѣ; *поставить кого на ноги*=вылѣчить (и метафора, *поправить состояніе*, *дать ходъ*).

Давай Богъ ноги? Нога моя не будетъ тамъ. Поклонную голову и мечъ несѣчетъ (сначала метонимія, потомъ метафора).

Срб. прегорети=прежалити, verschmerzen, потомъ пожертвовать, лишиться *съ винит.*: Братъ говоритъ: „Сутра ħе ме на муке метати"—„Не бој ми се, мој брате једини! У секе (=у меня) су до три мила сина, једнога ħу прегорети за те". Рајковиħ С. н. п. 167. Мр. *розгорювати* (добыть горькимъ трудомъ), болг. спечѣли благо. „Удала се млада Видосава, за некога Дуку Сенковиħа, Пушħа Дуку у готову *муку* (т. е. „у богатство муком стечено") Zima, 39.

Сяг.: да.... опытаешь, которы есть преслушалъ заповѣди его и *присяглъ* къ невходнымъ безъ повелѣнія его (Кир. Тур. Калайд. Пам. 147.), т. е. вошелъ въ запретный виноградникъ. *Посягъ*,— прикоснулся: „За пущенаго отъ жены по невѣжеству, (незнанію) *посагъшия* (вышедшая за....) Вправ. Кюр. Калайд. Пам. 191.

У древнихъ клявшіеся, какъ Ганнибалъ отцу Гамилькару въ ненависти къ Риму, прикасались къ алтарю, гдѣ совершалось жертвоприношеніе.

Страданія. Какъ въ русскомъ старинномъ „желѣти“ лишиться=Gdy kto orze y sieie rolie czudze, tedy nasienia tego ma stradac. 1513. Lel. Ks. Ust. 61, et passim.

Переходъ мысли „ut e praecedentibus sequentia vel contra, intelligamus“ Квинтиліанъ относитъ къ синекдохѣ на томъ основаніи, что предшествующее и послѣдующее разсматриваются, какъ части одного дѣйствія. (Gerb. II,[2] 66), но это была бъ синекдоха, если бы части эти были однородны.

Необходимо ли раздѣлять относящіеся сюда случаи такъ, чтобы называть одни отъ предыдущаго къ послѣдующему, другіе наоборотъ, потому что всякая метонимія есть переходъ отъ субъективно-перваго, предшествующаго, т. е. наиболѣе бросающагося въ глаза, обращающаго на себя вниманіе. И лишь посторонній наблюдатель можетъ разсуждать, что λεύκαινον ὕδωρ (Од. XII 172) есть послѣдствіе того, что люди стали грести. Для мысли самого говорящаго первымъ было то, что они вспѣнили воду.

Дѣйствіе—знакомъ (вещественнымъ, символомъ въ тѣсномъ смыслѣ). *Столъ* (столомъ брата своего). Тяжела, ты, *шапка* Мономаха; пожинать *лавры*. Здѣсь—легкій переходъ къ метафорѣ. „Да поправимъ сего зла, еже ся створи се въ Русьскѣй и въ насъ, въ братьи, оже вверже въ ны ножь“. Лавр.[2]. 253 ....къ Святополку: Что се зло створилъ еси въ Русьстѣи земли и ввергль еси ножь въ ны? чему еси ослепилъ братъ свой? Лавр.[2]. 253. Нехочемъ ти дати стола Володимерьскаго занеже ввергль еси ножь въ ны, егоже небыло въ Русьскѣи земли ib. 264. (Даниилу, бывшему виновникомъ ослѣпленія Василька). Сербск. „крв и нож“ (кад се хоће да каже да је ко с ким у великој свађи или завади) Рјечн. „Ніхто не розлучить.... Тільки нас розлучить заступ та лопата.... дубовая хата“. М. н.

Дѣйствіе—мѣстомъ, гдѣ оно происходило: „Убитъ подъ Бородинымъ“. „При Калкѣ одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ схваткѣ“. Пуш.

Въ *формахъ* — выраженіе постояннаго многократнаго дѣйствія прошедшимъ однократнымъ или будущимъ = синекдоха?

„Веħ ме боли срце за ħевојком....
Она носи чердан до појаса,
На чердану цекин до цекина,
Цекин звекну, моје срце јекну!
До цекина динар до динара,
Динар сијну, мое срце кину!

Н. Беговиħ. Серб. нар. пѣсни I, 95.

Свойство дѣйствія приписывается *времени* (ибо время = совокупность составляющихъ его дѣйствій) — „свободное время". Скорый гонецъ: „До города Черкаського *скоримъ* часом пилною годиною прибувавъ" Мет., 387. Якъ сі слова зачувавъ, так скорим часом пилною годиною до ворітъ отхождав, Шкатулу зъ земли зъ кролевськими листами віймав, сам на доброго коня сідав, скорим часимъ, пилною годиною до города Чигрина прибувавъ Мет., 388.

Моментъ, представляющій дѣйствіе, можетъ относиться къ нему, какъ *причина*: *жалованье, миловати, милостыня*, милость.

„*Жаловати*, какъ теперь (в. мр. см. З. о Ю. Р. I, 66), такъ и встарину — *любить*, и *жалованье* — собств. любовь и то, что дается по любви, а потомъ и безъ нея, но такъ, что берущій неимѣетъ на полученіе юридическаго права, какъ напр. князь по отношенію къ царю татарскому (Новг. I, 78, 79, подъ 1338 г.), или получающіе „прощу": „отъ иконы пресвятыя Богородица явися жалованія и прощенія людемъ много: слѣпымъ, хромымъ, разслабленнымъ, глухымъ и инымъ", ib. 105 (подъ 1413). Ср. *миловати*, любить; *милостыни*, даръ нищему; *помилование*, тоже.... согласно съ чѣмъ можно думать, что для древняго русскаго человѣка „господи помилуй", значило не только „прости" но и „даруй", какъ наоборотъ это послѣднее въ пол. значитъ и „прости".

Милость въ Рус. Пр. есть то, что дается господиномъ закупу (resp. холопу).... Отсюда *милостьникъ*, закупъ или холопъ обельный. Въ стар. серб. *милость*, царское пожалованье и самая

жалованная грамота; въ нов. между проч. подарокъ по любви; ст. серб. *милостьникъ*, получившій царскую жалованную грамоту. Кажется, что тутъ тоже, что въ ст. русс., по перенесенное въ высшую сферу, такъ какъ въ числѣ милостниковъ есть лица знатныя. (Даниђ. Рјечн.).

Доказательствомъ древности значенія *давать изъ милости* въ *миловати* служитъ то, что въ Р. Пр. это значеніе породило уже другое: просто „давать", а съ *про*=лит. pra (gerti); нѣм. *ver*. (какъ въ „оже купецъ пропьется или пробіѥться, въ безумии чюжь товаръ испорътить") „терять давая". Къ ист. звуковъ, III, 53—54.

Чауши се поклонише Марку:
„Божја т'помоћ, господару Марко!"
А Марко их омилова руком:
„Добро дошли, моја ђецо драга! Кар. II, 192.

Моментъ, изображающій дѣйствіе или предметъ, заимствованъ отъ дѣйствія или состоянія лица воспринимающаго. Такъ какъ при этомъ предметъ изображаемый можетъ олицетворяться, то относящіеся сюда случаи вмѣстѣ и метафоры: *жилой* домъ, *пьяный* медъ. Другіе примѣры—Изъ зап.[2], 236—7.

Либонь моїх братиків на світі немає,
Альбо їхъ порубано, альбо їхъ постреляно
Альбо у горду *тяжку* позаймано", Ант. и Др. I, 117.

Ср. „з тяжкої неволі втікати". ib. 119. Буслаевъ объ этомъ слѣдующее:

„Созерцая природу, человѣкъ приписываетъ ей качества и дѣйствія своихъ воззрѣній, *не по подобію* или *метафорѣ*, а по врожденному своему стремленію сблизиться съ предметомъ наблюденія и познаванія, по свойству самого разума человѣческаго налагать отпечатокъ своей дѣятельности на всемъ томъ, чего коснется. Языкъ выражаетъ это дѣйствіе разума весьма просто, а именно: называетъ вещи не потому, что́ онѣ суть на самомъ дѣлѣ, а потому, ка́къ онѣ кажутся. Плавающіе по морю, конечно, знаютъ, что берега и горы стоятъ неподвижно, неплаваютъ; однако въ арханг. нарѣчіи говорится: *берегъ всплываетъ*, *сопка*

всплываетъ, т. е. выказывается, появляется изъ-подъ горизонта. Такое выраженіе составилось не по уподобленію берега чему-либо плывущему, а по наглядкѣ: потому что берегъ или сопка въ этомъ случаѣ дѣйствительно кажется всплывающими. Слѣдовательно, это вовсе не метафора, а скорѣе метонимія, и при томъ еще на самой начальной степени своего развитія, въ перенесеніи *кажущагося* впечатлѣнія на предметъ оное произведшій". Бусл. Оч. I, 168—9.

Здѣсь „*врожденное* сближеніе съ предметомъ познанія", зависящее отъ „свойства разума" налагать на все свой отпечатокъ отличается отъ *метафоры*, изъ чего слѣдуетъ, что метафора не есть *врожденный* способъ перехода мысли и независитъ отъ упомянутаго свойства разума. Вещи всегда называются по тому, чѣмъ *они кажутся*, и мыслятся такими, какими, кажутся, ибо то, что они *есть*, есть не сущность, а позднѣйшая измѣненная болѣе продолжительнымъ и многостороннимъ наблюденіемъ видимость. Когда пловцы, зная, что берегъ стоитъ, говорятъ: „берегъ всплываетъ", то тутъ именно и есть доступное сознанію заключеніе по аналогіи: *какъ плыву я*, такъ плыветъ на встрѣчу берегъ; тутъ и есть различеніе между образомъ и значеніемъ, т. е. поэтичность метафоры. Но была ли эта сознательность, это различеніе тогда, когда появилось это выраженіе?

Состояніе, *характеръ*—однимъ дѣйствіемъ изъ него вытекающимъ. Какова была до замужества:

„Вы раздайтесь, разступитесь, добры люди,
Вы на всѣ ли на четыре на сторонушки!
Покуль батюшко меня замужъ невыдалъ... и далѣе
Якушк. Соч. 609.

Дѣйствіе представлено тѣмъ, что его производитъ (*органомъ*, *орудіемъ*): Господареве *очи* коњи гоје. Малор. „очицями гуси пасе", „Да неоскудѣетъ рука дающаго".

Милош пева, вила му одпева:
Лепше *грло* у Милоша царско,
Јесте лепше него је у виле Кар. II, 216, 218.

Сердце—гнѣвъ. Гр. χόλος, χολή—желчь, гнѣвъ. Имѣть на кого зубъ=срб. он има зуб на њега, замышляетъ ему зло. См. О нѣкоторыхъ символахъ, 29. „Да нонѣ отселѣ имемся въ (v. по) едино *сердце* (будемъ согласны=голосъ въ голосъ ср. волосъ въ волосъ) и блюдемъ Рускыѣ земли. Лавр.[2] 297; „видиши ли, непомнишь тебе, ходя въ твоею *руку*"=находясь въ зависимости, Л.[2] 249; неволя ми было пристати въ с(ъ)вѣтъ, ходяче въ руку, ib 257.—взяста *копьемъ* градъ, Л.[2]258=приступомъ.

„Цуръ тобі, пекъ тобі, *осина* тобі." „Нехай ёму осичина". Ном., 99, 69. (А щобъ ти на осині повісився, ib. 73; "коломъ ёму въ спину", якъ що вмерло непевне).

Рука=почеркъ, подпись (руку приложилъ); *сердце*, любовь (метонимія); (метафора) серденько мое до твого пристало, М. 6.

Въ послѣднее время стали особенно чувствоваться полномочіе и развязанныя руки тамъ, гдѣ нужно препятствовать въ дѣйствіяхъ, и связанныя руки тамъ, гдѣ нужно споспѣшествовать имъ (?) Гоголь, Перен. IV, 718.

Голова въ значеніи ума (или вмѣстилище вмѣсто вмѣстимаго). Забрать себѣ что въ голову, выкинуть изъ головы, потерять голову, (незнать, что дѣлать); безмозглый, *уха* нѣтъ. безъ сердца. См. гомер. κῆρ, σπλάγχνα, φρένες, μυκτήρ (ноздря)—иронія, ὀφρύς—supercilium и Hochmuth, уста и сердце.

Что *водка* дѣлаетъ! *Хмель*—опьяненіе (состояніе и дѣйствіе). *Медъ* (уже независимо отъ этимологическаго значенія=опьяняющій)=μέθυ: „въ медоу неоуканемъ, мъногы бо погоубилъ медъ. Изборн. 1076, 151... Медъ и жены—творять неразумьныя. Лавр. 168. Съ моужатицею отинудь непосѣди и непобесѣдоуи съ нею въ вине, ꙗко да како отклонитьсꙗ душа твоя на ню и духъмь своимь поплъзнеши сѧ въ пагоубу злѣ. ib. 175. Сербск. И код јеку пију вино ладно, у вину их санак преварио. *Јемам* трче и ракија ваче, посл. (Zima 39). Обізвався козак на солодкім *меду*.

Содержащее (въ пространственномъ отношеніи) представляетъ содержимое: а) сосудъ въ значеніи содержимаго.

„Богданъ прими златну купу вина,

Купу прими, а пити је неће.

Перенесеніе свойства содержимаго (его дѣйствія) на содержащее: „пить горькую чашу“.

b) *Мѣсто и время—вмѣсто содержащагося въ нихъ.* Страна—вмѣсто *народа*: „Почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половци землю нашу несуть розно“. Лавр.[2] 247.

И плакашася по немь (Володимірѣ Глѣбовичѣ) вси Переяславци.... бѣ бо князь добръ и крѣпокъ на рати.... о немъ же Украйна много постона. Ипат.[2] 439. „За тобою, Морозенку, вся україна плаче“. Половцы говорятъ: „возмемъ *села* и поидемъ съ полономъ въ Половцѣ Л.[2] 340.

Купи свате ломну гору црну,

Гору црну и Бјелопавлиће, Кар. II, 534.

„Ту прислашася къ нему Черниі Клобуци и все Поросье. Лавр.[2], 230.

Святославъ же съ братьею.... совокупивше и Берендѣичѣ и Поросье и вьсю Русскую землю, полкы поидоша отъ Кыева къ Вышегороду. Лавр.[2], 321.

„А Петербургъ неугомонный

Ужъ барабаномъ пробужденъ“, Онѣг. I, 35.

„Напрасно ждалъ Наполеонъ,

Послѣднимъ счастьемъ упоенный,

Москвы колѣнопреклоненной

Съ ключами стараго Кремля;

Нѣтъ, непошла Москва моя

Къ нему съ повинной головою,

Не праздникъ, не пріемный даръ,

Она готовила пожаръ. Онѣг. VII, 37.

Тихо спитъ Одесса П. Соч.[8], III, 187.

Отсюда видно, что обыкновенно эта метонимія соединяется съ олицетвореніемъ, въ чемъ и причина ея образности.

„Бывало льстивый *голосъ свѣта*

Въ немъ злую храбрость выхвалялъ, Он. VI, 5.

„Были вѣчи Трояни, минули лѣта Ярославля.... Уже бо
братіе невеселая година въстала... Сл. о Пол. Игор.

„И за могильною чертою
Къ ней (тѣни поэта) недомчится гимнъ *временъ*,
Благословенія племенъ„ Он. VI, 37.

.... Два, три романа
Въ которыхъ отразился *вѣкъ*,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно. Он. VII, 22.

Уже въ нѣкоторыхъ случаяхъ „содержащаго въ значеніи содержимаго“ напр. „горькая чаша, легкомысленный Парижъ“, замѣтно слѣдующее:

Представленіе *обстоятельствъ* и объектовъ *дѣйствія* свойствами субъекта безотносительнаго (подлежащаго) или относительнаго (дополненія по отношенію къ опредѣленію):

а) сидѣть у *больной трудной* постелюшки. Изъ записокъ по грам.[2] 144.

б) прилагательныя и причастія согласуемыя, замѣняемыя въ позднѣйшемъ языкѣ нарѣчіями и дѣепричастіями.—Все то, что свидѣтельствуетъ о бо́льшей конкретности имени въ древн. языкѣ [1]).

Дѣйствующее въ значеніи *дѣйствія* или произведенія:

„Читалъ охотно Апулея
„А Цицерона нечиталъ. Онѣг.

(Выше этотъ примѣръ, какъ единств. въ значеніи множеств., частное въ значеніи общаго).

Полкъ, походъ, битва: „то было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицеи рати неслышано. Сл. о Пол. Игор.

„Бѣша бо многи на полку“. Лавр.[2], 70 = „въ битвахъ; отца надѣзохъ съ полку пришедше. Лавр.[2] 239; дивно ли оже мужь умерлъ въ полку томь Л. 245; воротишася опять на полчище, 288; остася Изяславъ съ малою дружиною на полчищи, 323; мы, княже, на полку томь со Мстиславомъ небыли, 359; Кыянъ одинѣхъ изгыбло на толку томь 10 тысячь, (1223), 424.

[1]) См. III т. Изъ записокъ, 487 и др.

Отъ nom. agentis къ nom. actionis: *Перунъ* и *piorun*; *лихорадка*—болѣзнь и виновница болѣзней. Бусл. Оч. I, 169. У древнихъ обычно имя божества о вещи или явленіи, отъ нихъ зависящихъ: Sine Cerere et Baccho friget Venus (Terent.); vario, incerto Marte, pinguis Minerva, Gerb. II[2], 64.

Лицо—въ значеніи того, *что ему принадлежитъ* или иначе съ нимъ связано: „сосѣдъ погорѣлъ". *Святой* вмѣсто *его церкви* и его изображенія [1]). *Сила, душа, демонъ* въ значеніи лица.

Τὸν δε μετ᾽ εἰσενόησα βίην Ἡρακληείην,
Εἴδωλον αὐτὸς δὲ μετ᾽ ἀθανάτοισιν θεοῖσιν
Τέρπεται ἐν θαλίῃς καὶ ἔχει καλλίσφυρον Ἥβην, Od. XI, 601 сл.

„Затѣмъ я увидѣлъ Ираклову силу, призракъ (одинъ), а самъ онъ среди безсмертныхъ боговъ „сладость блаженства" вкушаетъ (Жуковскій) и держитъ прекрасноногую Гебу".

И у людей и у безсмертныхъ есть двойственность, ибо *сильный Гефестъ=сила и Гефестъ*=Гефестова сила: „Съ сими словами разрушила цѣпи Ифестова сила=*μένος Ἡφαίστοιο*. Od. VIII, 359; „возбудилъ Алкиноеву силу святую=*ἱερὸν μένος Ἀλκινόοιο*, Od. VIII, 385. „Телемакова сила святая блеснула „легкой улыбкою въ очи отцу, непримѣтно Эвмею. Одис. XVI, 476. См. *ἴς Τελεμάχοιο* etc. Lex. „Самъ, разсудокъ и сердце". Од. XX, 10 слѣд. „Сказалъ своему сердцу", Од. VI, 464. „Демонъ враждебный Елену вовлекъ въ непристойный поступокъ, Собственнымъ сердцемъ она незамыслила бъ гнуснаго дѣла, Од. XXIII, 222.

Предводитель—вмѣсто войска: Hannibal ante portas.

Свойство—вмѣсто *лица*: „Як обступлять нашого брата циганьске навождениє, так незнаєш, що й робить". Квитка, Солд. патретъ. (Gerb. II, 61, наобор. *лицо*—типич. миѳолог.—вм. дѣйствія и качества, ib. 64). Его стиховъ плѣнительная сладость.... *младость, печаль, радость*, Пушк.

„Не всякое отвлеченное, означающее конкретныя вещи, слѣдуетъ принимать за метонимію. Juventus въ смыслѣ juvenes, sene-

[1]) См. Изъ записокъ по русской граммат., т. III. Стр. 211 сл.

ctus = senes, servitium = servi, nobilitas = nobiles, *ἡλικία=ἥλικες, συμμαχία=σύμμαχοι*, нѣм Jugend, Alter, Adel, показываютъ только то, что отвлеченныя употребляются, какъ собирательныя".

„Напротивъ, за метонимію слѣдуетъ считать: tua calamitas вм. tu calamitosus (Phaed. 1, 3, 16), mediocritas mea", „Ew. Majestät", „meine Wenigteit", Gerber, II², 60. (Миѳическія основанія этой метониміи—см. изъ записокъ по грамм. III, Hendiadys, „твой воръ" и пр.). Но если метонимично такое обозначеніе одного лица, то почему не метонимично такое же обозначеніе многихъ лицъ, какъ собирательной единицы?—У Л. Зимы изъ серб. пѣсн. 44 стр.:

Іао, Іово, моје несудјење!
Што је, Іово, моје миловање?
Имам Имбра, обречење моје,
Обречење, моје несудјење
Милане, прво гледање!
Ej Стојане, све моје уздисање!

Хвалила се хвала материна
Овданъ (об?) везем, по сву ноћцу предем!
....Али хвала на кревету спава
Ђерђев јој се по буњишту ваља, Рајков. С. н. п. 153.

Отъ дѣйствія, *признака* къ лицу. Слово=человѣкъ: Та нема цвіту найсинішого надъ ту ожиноньку, та нема *слова найвірнішаго* надъ ту дружиноньку (Метл. 243), въ поль. серб. vjara, вјера=человѣкъ вѣрный. О связи нѣкот. предст. 20.

„Туди пішла, поїхала любая *розмова*". „Славјо (v) слатко разговоре, Што ниј' чути пјесме твоје? Рајков. С. н. п. 102. Oj дјевојко, рано материна, Благо теби док те рани мајка, ib 89. О дјевојко, име племенито, ib.

Зафали се фала материна, Да обноћ преде, а дању везе. Код ја одо фали на пенџере, Али фала на душеку спава, Давидовић, С. н. п. изъ Босне, 35. Oj дјевојко, бриго материна, Све се бринеш, да се удат нећеш, ib. 45.

Мое сердце, милый, ая—не въ томъ смыслѣ, что дорогой, какъ для человѣка сердце, а въ смыслѣ любимаго *сердцемъ*. Срб. Бог убио сваку милу мајку, која воли браца нег' *срдашце* (Рајков. С. н. п. 168)—предпочитаетъ брата *сыну*, ношенному подъ сердцемъ v. въ сердцѣ=въ утробѣ.

Вещество вмѣсто формы, вещество вмѣсто вещи (гомер. *χαλκός*, въ значеніи сѣкиры, жертвеннаго ножа и пр., *σίδηρος*, желѣзо, въ смыслѣ сѣкиры и всего желѣзнаго, *μελίη*, ясень въ смыслѣ древка копья и всего копья; *дубъ*, лодка), если вещество бросается въ глаза больше, чѣмъ форма, или если форма безразлична (съ свинцомъ въ груди; въ шелку и бархатѣ, въ золотѣ; „все мое", сказалъ булатъ). Подобнымъ образомъ цвѣтъ вмѣсто платья: зелено да сине на сукиномъ сынѣ.

Отъ послѣдовательности къ *причинѣ*—потому, понеже, зане.

Отъ *общаго* къ *частному*: *година* (погода), *погода* (буря); вријеме—ненастье, буря: на пут га заста вријеме—(непогода), Рајковић, 100.

Время—мѣстомъ. „Жизни даль", Онѣг. V, 7. „За могилой, въ предѣлахъ вѣчности", Он. VII, 11. *Покамѣста* — покамѣстъ: „ѣдятъ и пьютъ до тѣхъ мѣстъ, какъ принесутъ ѣству третью, лебедя". Котоших.[2] 9.

Пространство—временемъ: „до сихъ поръ, по сіе время". *Для выраженія* „очень *далеко*, очень *высоко*", а равно для выраженія интенсивности дѣйствія, качества—формула: *више неба*, *выше лѣсу* стоячаго; *краща* злота, т. е. первоначально: высоко небо, а то-то выше: Szeroko daleko mojej matki pole, Ale szerzej, dalej pacierzenie moje. Zej. Pieśn. ludu polsk.

Ой високо клен дерево мое, А ще вище два соколи літає. М. 115. Ой горе, горе, що чужа украïна, А іще гірше невірна дружина. Ой високо клен дерево въється, А ще вище соколоньки граютъ, Об. мр. п. II, 732. „Високо се соколови грају, још су виша врата Цариграда, Шильбокъ (Schildwache) стоји сирота дивојка, Рајковић, Серп. нар. пѣс. 75. Высоко се орле тица вије, Іош су

виши Деанови двори, у двору је Деанова мајка.... ib 146. Сюда отнесенныя выше къ синекдохѣ выраженія для *много*: *не разъ*, *не два* (отрицаніе численнаго предѣла).

Метафора.

Аристотель (Poet, 21): *μεταφορὰ δ'ἐστὶν ὀνόματος ἀλλοτρίου ἐπιφορά ἢ ἀπὸ τοῦ γένους ἐπὶ εἶδος, ἢ ἀπὸ τοῦ εἴδους ἐπὶ γένος, ἢ ἀπο τοῦ εἴδους ἐπὶ εἶδος, ἢ κατὰ τὸ ἀνάλογον*. Метафора есть перенесеніе посторонняго слова (т. е. слова съ другимъ значеніемъ по отношенію къ значенію искомому: а) или отъ рода къ виду б) или отъ вида къ роду, в) или отъ вида къ виду, г) или по соотвѣтствію (сходству). а) и б)—синекдоха, в)—метонимія, г)—метафора въ тѣсномъ смыслѣ.

„Соотвѣтствіемъ называю (*τὸ δὲ ἀνάλογον λέγω*), когда второе такъ относится къ первому, какъ четвертое къ третьему. Тогда можно поставить вмѣсто второго—четвертое и вмѣсто четвертаго—второе".

Напр. такъ относится *фіалъ* (чаша) къ *Діонису*, какъ *щитъ* къ *Арею*, поэтому можно щитъ назвать *фіаломъ Арея*, а фіалъ *щитомъ Діониса*. Или: *старость* относится къ *жизни*, какъ *вечеръ* ко *дню*: поэтому можно назвать вечеръ *старостью дня*". Иногда, говоритъ Аристотель далѣе, возможна метафора, хотя недостаетъ слова въ одномъ изъ отношеній. Такъ *сѣяніе* относится къ недостающему слову для разсѣванія его лучей, какъ сѣмя къ *сѣянію*: поэтому можно говорить о сѣяньи солнечныхъ лучей". Gerber II, 25—7).

Герберъ распространяетъ мнѣніе Аристотеля о возможности обоюдной замѣны соотвѣтственныхъ членовъ пропорцій въ метафорѣ и на другіе тропы.

„Какъ въ синекдохѣ и метонимія въ силу связи переноснаго значенія съ собственнымъ дана возможность взаимной ихъ замѣны; такъ существенная черта пропорціи, изъ которой вытекаетъ метафора, та, что каждый разъ эта пропорція даетъ возможность обра-

зовать двѣ метафоры. Синекдохично говорится: „ввѣрять *волнамъ*“ = (морю); и „море врывается въ корабль“ (=волны); вонзи ему свое оружіе въ сердце (=мечъ) и „нашъ мечъ повсюду господствуетъ (=наше оружіе).

Метонимично: „онъ любитъ *бутылку*“ (=вино) и „поставь сюда вино (=бутылку); „измѣнника ждетъ пуля (=смерть) и „шлемъ смерть въ ряды враговъ“ (пулю). Подобнымъ образомъ, если дана пропорція: лучъ (strahl): солнце=стрѣла: лукъ; то изъ нея вытекаетъ двѣ метафоры: *стрѣла солнца* и *лучъ* (strahl) *лука*.

„Само собою, что не при всякой пропорціи должны встрѣтиться обѣ метафоры. Въ настоящемъ примѣрѣ обычно „стрѣлы солнца“; а что легко могло бы быть сказано „strahl des bogens“ видно изъ того, что въ ср. врхн. нѣм. *strâle* значитъ именно „стрѣла“. (ib. 73—74).

Здѣсь именно видна слабость этого разсужденія, потому что *strâle* значитъ стрѣла и могло быть употреблено въ значеніи луча солнечнаго, подъ вліяніемъ мысли о солнцѣ, разящемъ лучами; но нѣтъ основаній представлять лукъ посылающимъ свѣтлые и теплые лучи, и потому нѣтъ основаній говорить о лучахъ лука. Такимъ образомъ въ синекдохѣ можно сказать: „человѣкъ смертенъ“ (=люди), но нельзя сказать: „люди вошли въ комнату“ вмѣсто „(этотъ) человѣкъ“.

Разсужденіе Аристотеля объ обоюдной замѣнѣ членовъ пропорціи въ метафорѣ было бы справедливо, если бы въ языкѣ и поэзіи небыло опредѣленнаго направленія познанія отъ прежде познаннаго къ неизвѣстному; если бы заключеніе по аналогіи въ метафорѣ было лишь безцѣльною игрою въ перемѣщеніе готовыхъ данныхъ величинъ, а не серьознымъ исканіемъ истины.

Въ дѣйствительности такая игра въ перемѣщенія есть случай рѣдкій, возможный лишь относительно уже готовыхъ метафоръ. Нужная, стало быть, единственно-хорошая метафора вытекаетъ всегда изъ случая, который у Аристотеля является какъ бы исключеніемъ, именно когда (говоря схематически) дана пропорція съ четвертымъ членомъ неизвѣстнымъ: а : б = в : х. Здѣсь *а : б* — прежде

познанное, напр. *вода и ея капля*. Это—прочное основаніе дальнѣйшаго познанія. Затѣмъ входитъ въ мысль *жалость* (чувство), и спрашивается, какъ понять, представить, назвать слабую степень этого чувства. Отвѣтъ—„*капля жалости*“ (Пушк.) при позднѣйшемъ, чисто поэтическомъ пониманіи есть установленіе отношеній: *вода*: *капля*=*жалость*: *капля жалости*; при болѣе раннемъ миѳическомъ состояніи мысли это—уравненіе 2-го отношенія съ первымъ: *жалость*=*вода* (основанное, можетъ быть, на томъ, что *жалость* рождаетъ *слезы*, причемъ—опять уравненіе *слезы*=*жалость*). Но изъ этого никакъ неслѣдуетъ, чтобы второе отношеніе нужно было для уясненія перваго; вѣдь въ первомъ отношеніи нѣтъ неизвѣстной величины.

Дѣло другое, если представить себѣ не въ видѣ ребяческой забавы взрослыхъ людей, а въ видѣ серьезнаго труда хотя бы и дѣтской мысли, слѣдующее: x (сестры Фаэтона): *плакали* по немъ= янтарь: x (каплевидные кусочки): x=слезы сестеръ Фаэтона.

Уже древніе замѣтили, что не во всѣхъ случаяхъ метафоры возможно перемѣщеніе и поэтому дѣлили метафоры на двухсторонніе, обоюдныя (reciprocae) и односторонніи (unius partis). Такъ можно назвать *τὸν στρατηγὸν—κυβερνήτην τῆς πόλεως* и наоборотъ *τὸν κυβερνήτην ἄρχοντα τῆς νηός*: gubernator auriga carinae, auriga—gubernator currus. Но если говорится cacumen montis, то нельзя сказать „cacumen hominis“: или можно назвать *ὑπώρειαν τῆς Ἴδης—πόδα*, но нельзя *τὸν τοῦ ἀνθρώπου πόδα* назвать *ὑπώρειαν*, т. е. это можно было бы лишь въ случаѣ, если бы мы человѣка представляли горою. (См. Gerber, II[2], 78. Demetrius, Diomedes).

Квинтиліанъ (Instit. orat lib. VIII cap. 6) для этого общаго значенія (въ какомъ употребляетъ Аристотель *метафору*), вѣроятно, слѣдуя греческимъ риторамъ, употребляетъ слово tropus: „*tropus* est verbi vel sermonis a propria significatione in aliam cum virtute mutatio. Сюда онъ относитъ: *synecdoche*, (ut ex uno plures intelligamus, parte totum, specie genus, praecedentibus sequentia, vel contra), *μετωνυμία*, (quae est nominis pro nomine positio, cuius vis est, pro eo, quod dicitur ponere) и то, что у Аристотеля есть

μεταφορὰ κατὰ τὸ ἀνάλογον, именно metaphora v. translatio. Объ этой послѣдней онъ говоритъ: „metaphora brevior est similitudo... comparatio est, cum dico fecisse quid hominem *ut* leonem; translatio, cum dico de homine: leo est“. Согласно съ этимъ и Цицеронъ (De oratore, lib III, cap. 38—9. Ср. однако Zima, 79).

Это опредѣленіе отношенія между сравненіемъ и метафорою остается неизмѣннымъ до нашего времени. Такъ Вакернагель: [1]) при *сравненіи* (фигурѣ), рядомъ съ обычнымъ представленіемъ и его выраженіемъ, ставится другое представленіе и выраженіе, менѣе обычное, болѣе чувственное и наглядное; при метафорѣ (тропѣ) совсѣмъ устраняется обычное, менѣе чувственное представленіе и его выраженіе, а на мѣсто его становится его болѣе чувственный противень (Gegenbild). И такъ, однимъ словомъ, метафора есть сокращенное сравненіе. (Poetik. 520) Brinkman — Die metaphern, 1878, I, 23—5.

Можно бы возразить, что всякое совершившееся наименованіе даетъ намъ сравненіе двухъ мысленныхъ сочетаній: обозначающаго и обозначаемаго. Когда словесно выражается, какъ знакъ, такъ и обозначаемое, отношеніе между тѣмъ и другимъ можетъ быть, какъ синекдохично и метонимично, такъ и метафорично. Такимъ образомъ въ слѣдующемъ грамматически выраженное сравненіе ведетъ не къ метафорѣ, а антономасіи.

„Зарѣцкій мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,
Живетъ, какъ истинный мудрецъ,
Капусту садитъ, какъ Горацій,
Разводитъ утокъ и гусей
И учитъ азбукѣ дѣтей. Онѣг. VI, 7.
.... И путешествія ему (Онѣгину),
Какъ все на свѣтѣ, надоѣли;
Онъ возвратился и попалъ,
Какъ Чацкій, съ корабля на балъ. Он. VIII, 13.

---

[1]) Poetik, Rhetorik und Stilistik. von W. Wackernagel, Halle, 1888 г.

Тѣмъ не менѣе вѣрно, что сравненіе, какъ грамматическая форма, какъ словесное обозначеніе и образа и обозначаемаго, заключаетъ въ себѣ метафору, а не другіе тропы. Ибо: чѣмъ дальше образъ отъ обозначаемаго, тѣмъ труднѣе будетъ пониманіе образа и тѣмъ необходимѣе прилагать къ нему обозначаемое; наоборотъ, чѣмъ больше сродство знака и значенія, тѣмъ легче первый обходится безъ словеснаго обозначенія второго, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ синекдохи (напр. *рабъ* судьбу благословилъ) сравненіе есть лишь скоропреходящій моментъ процесса наименованія, моментъ, на которомъ мысль почти никогда неостанавливается, и который поэтому почти никогда нетребуетъ особаго словеснаго выраженія. Въ случаяхъ „какъ Горацій“, а также въ фигурѣ exemplum, явственное сравненіе вноситъ въ объясняемое новые признаки и потому до нѣкоторой степени метафорично.

Необходимость метафоры (или метафорическаго сравненія) сказывается особенно наглядно въ тѣхъ случаяхъ, когда ею выражаются сложные и смутные ряды мыслей, возбужденныхъ неопредѣленнымъ множествомъ дѣйствій, словъ и пр. Въ „Войнѣ и Мирѣ“ Л. Толстого Наташа, въ разговорѣ съ матерью, старается дать себѣ отчетъ во впечатлѣніи, которое на нее производятъ характеры Бориса Друбецкого, который за ней ухаживаетъ, и къ которому она какъ будьто неравнодушна, и Пьера Безухаго.

„Мама, а онъ очень влюбленъ (Борисъ)? Какъ на ваши глаза? Въ васъ были такъ влюблены? И очень милъ, очень, очень милъ! Только несовсѣмъ въ моемъ вкусѣ: *Онъ узкій такой, какъ часы столовые*.... Вы не понимаете? Узкій, знаете, сѣрый, свѣтлый...

—Что ты врешь! сказала графиня. Наташа продолжала:

—Неужели вы непонимаете? Николинька (братъ) бы понялъ... Безухій тотъ синій, темносиній съ краснымъ, а онъ (Борисъ) четвероугольный [1]).

—Ты и съ нимъ (Пьеромъ) кокетничаешь, смѣясь сказала графиня.

[1]) Иначе понимали древніе: τετράγωνος (о человѣкѣ)—цѣльный, хорошій, солидный (Аристотель у Gerb. II,2 79), homo quadratus—правильный, хорошій (о строеніи тѣла—стройный).

—Нѣтъ, онъ франмасомъ, я узнала. Онъ славный, темносиній съ краснымъ. Какъ вамъ растолковать.... Соч.[8], VI, В. и М. т. II, ч. III, 267—8 гл. 13.

Этого растолковать невозможно. Это понять можетъ только тотъ, кто продолжительною совмѣстною жизнью и обмѣномъ мыслей настроенъ гармонично съ Наташей, на кого Борисъ и Пьеръ съ одной стороны и привычные глазу вонъ тѣ столовые часы и темносинее съ краснымъ производятъ дѣйствія, сходящіеся въ темной глубинѣ воспріятія. Читателю остается замѣтить, что выдумать такое сближеніе трудно; его можно замѣтить въ себѣ и другихъ, потому что такъ бываетъ. Это необходимый пріемъ, сводящій сложное на простое и дѣлающій это сложное maniable, такимъ, что имъ можно орудовать.

Порядокъ знака и значенія. Въ готовомъ, данномъ словѣ—сначала представленіе, потомъ значеніе. (Мр. п. XVI в. 18—9).

При созданіи слова (и сравненіи) знакъ берется изъ ближайшей обстановки внѣшней и внутренней (т. е. того прошедшаго и отдаленнаго, которое въ данную минуту близко нашей мысли); но для того, чтобы изъ этой обстановки взять именно то-то, и для того, чтобы взятое получило для насъ именно такое-то значеніе, нужно, чтобы предварительно это значеніе было въ насъ (не въ той ясности, которая достигается лишь послѣ представленія, а) въ видѣ хотя бы и темнаго вопроса. Ближайшіе поводы выбора образа съ одной и толкованія съ другой стороны могутъ быть различны.

„Какъ красиво!“ подумалъ онъ, глядя на странную точно перламутровую раковину изъ бѣлыхъ барашковъ—облачковъ.... Какъ все прелестно въ эту прелестную ночь! И когда успѣла образоваться эта раковина.... Да вотъ такъ-то незамѣтно измѣнились и мои взгляды на жизнь!“ Л. Толстой, А. К. II, 64. и предыдущ. Т. е. явленіе внѣшней природы привлекаетъ къ себѣ вниманіе независимо отъ другого, господствующаго въ данную минуту интереса, которымъ будетъ направлено толкованіе этого явленія.

Другой примѣръ вопроса, прерывающаго ходъ мысли, выбора образа изъ воспоминаній подъ вліяніемъ этого хода и толкованія этого образа—Анна Карен. II, 156: .... „А какимъ образомъ знаніе сложенія и вычитанія и катехизиса поможетъ ему (народу) улучшить свое матеріальное состояніе, я никогда не могъ понять. Я третьяго дня встрѣтилъ бабу съ груднымъ ребенкомъ.... къ бабкѣ ходила, на мальчика крикса напала,... бабка ребеночка къ курамъ на нашестъ сажаетъ и приговариваетъ что-то“... Ну вотъ вы, сами говорите! Чтобы она не носила лѣчить криксу на нашестъ, для этого нужно... весело улыбаясь, сказалъ Свіяжскій.

Ахъ, нѣтъ!—съ досадой сказалъ Левинъ: это лѣченіе для меня только подобіе лѣченія народа школами“....

По общему *содержанію значеній* уже древніе дѣлили метафору по дѣленію предметовъ на одушевленные и неодушевленные, изъ котораго вытекаетъ четыре рода метафоры: или перенесеніе остается въ предѣлахъ одущевленности и неодушевленности: а) отъ одушевленнаго къ одушевленному: *ἡνίοχος νηός* въ зн. *ταύτης*; *Ποιμὴν λαῶν—βασιλεύς*; б) отъ неодушевленнаго къ неодушевленному: *σπέρμα πυρός* (Од. V, 490); или оно переходитъ за предѣлы этихъ разрядовъ: в) отъ одушевленнаго къ неодушевленному: *πούς Ἴδης=ὑπώρεια*; *οὖθαρ ἀρούρης=τὸ γόνιμον*: г) отъ неодушевленнаго къ одушевленному; *σιδήρειον ἦτορ=σκληρόν* (Gerb. II, 79).

По отношенію къ формѣ метафора выражается а) членомъ предложенія, б) цѣлымъ предложеніемъ или нѣсколькими. Въ послѣднемъ случаѣ метафора имѣетъ форму или *аллегоріи* или *уподобленія*, (сравненія въ ироническомъ смыслѣ, Gerb. II, 95). Аллегорія—Маѳ. 3, 10; 3, 12.

Метафора, выраженная членомъ предложенія. Буслаевъ говоритъ, что въ случаѣ метафоричности прилагательное и глаголъ отличаются отъ существительнаго тѣмъ, что „переносятъ свое значеніе не *сами* по *себѣ* (какъ существительныя), а только по отношенію къ существительнымъ, т. е. переносятъ свое значеніе, примѣняясь къ различнымъ предметамъ. Напр. *тухлый* (чуть слышный) *громъ*; *сочная* (глубокая), *сытая* (полная, покрывающая

меди) *вода*; *сладимый* (южный, обѣщающій плодородіе) *вѣтеръ*; *тѣшить* корову (доить), *замереть* (о листьяхъ), завянуть, поблекнуть. (Бусл. Оч. I, 166).

Это различеніе невѣрно. Какою бы частью рѣчи ни было не только метафорическое, но вообще иносказательное слово, его иносказательность узнается по контексту. Это вполнѣ примѣняется къ примѣрамъ существительныхъ, приведеннымъ тамъ же (стр. 165): *чело*—полныя зерна, падающія впереди прочихъ; *щеки*, утесы по обѣимъ сторонамъ рѣки; *шея*, проливъ; *рогъ*, уголъ, мысъ; *грива*, роща, длинное, неширокое возвышеніе между двумя логами или пропастями; *хвостъ*, конецъ острова, лежащій ниже по теченію рѣки, и прочія названія частей тѣла человѣка и животныхъ, употребляемыя въ переносномъ значеніи (многіе десятки подобныхъ примѣровъ преимущественно греч. и латинск. собраны у Гербера. „Die Sprache als Kunst“ I, 344—350).

Вообще всякое значеніе узнается только по контексту. Понятіе о грамматической самостоятельности (напр.именит. самостоятельный) или относительно (какъ оно и принимается) или, невозможно, ибо слово можетъ быть только частью рѣчи, т. е. чѣмъ-то несамостоятельнымъ.

Такимъ образомъ, для пониманія слова *πρόσωπον*, *facies*, *лицо*, необходима помощь того ближайшаго или дальнѣйшаго грамматическаго цѣлаго, въ которомъ оно дано: *πρόσωπον νεώς* передняя часть судна, facies prorae; *лицо* ткани, лицо дѣла (лицевая, показная его сторона).

Въ этомъ отношеніи метафоры, вошедшія въ языкъ, неотличаются отъ тѣхъ, которыя пока являются личными. Метафора въ части предложенія дѣлаетъ метафоричнымъ все то цѣлое, которое нужно для ея пониманія, т. е. напр. „хоть *каплю жалости* храня, (Пушк.): жалость—жидкость, которую хранить можно въ сосудѣ, какимъ, стало быть, представляется человѣкъ.

Формы метафоры (въ синтактическомъ отношеніи).

Метафора можетъ заключаться во всякомъ членѣ предложенія, причемъ остальные, первоначально (т. е. до сочетанія) неметафоричные, становятся метафоричны.

Объясняемое выражено словомъ; *оно* есть (относительное) подлежащее при метафорическомъ *а)* предикативномъ аттрибутѣ, *б)* приложеніи, *в)* обращеніи.

а) Метафора=предикативный аттрибутъ: Гість першого дня золото, другого серебро, а третёго мідь, хоть до дому їдь.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть сомнѣніе, разрѣшаемое только произношеніемъ, находится ли передъ нами предикативный аттрибутъ или приложеніе:

„Но наше сѣверное лѣто,
Каррикатура южныхъ зимъ,
Мелькнетъ и нѣтъ. Он. IV, 40.

Или: Но наше сѣверное лѣто—каррикатура южныхъ зимъ; мелькнетъ и нѣтъ.

б) и в) Татьяна предъ окномъ стояла....
.... Задумавшись, моя душа, Он. III, 37.

Сюда мр. сердце, рыбко: „Подай рученьку, моє золото.... Серце дівчино, дорогий кришталю. Кармелю серце,.. Ганнусю серце, Мет. 6. Ой ти дівчино, повная рожа... Ой ти казаче, Хрещатий барвинку.—Та вони, *суки*, торбу вкрали.—Дівчино моя, Переяславко, Дай мені вечеряти, моя ластівко, Мет. 5.

Такое приложеніе или обращеніе можетъ вытѣснить относительное подлежащее и стать на его мѣсто:

„Oj Омере, моje мило *перjе*!
Ajд Омере, рано материна,
Аіде, рано, да те жени маjка;
Ти се мани Мериме дjевоjке;
Љепшом ће те оженити маіка,
Љепшом Фатом, Атлагића *златом*. Кар. П. I, 267 (1891),

а дальше *злато* (т. е. Фата) уже какъ подлежащее v. дополненіе.

Неће маjка просити Мериму,
Нећ му проси Атлагића злато....
.... Пред њу теће Атлагића злато.... 258.
Oj Бога ти Атлагића злато....
Аjде, сними „злато“ (Фатиму) са коњица 269.

Сада ће ми моје злато (Мерима) рећи.... 270.
Леже злато (Фатима) у меке душеке, 270.
Момци сребро и древојке злато
Хоће сребро да се позлаћује;
Неће злато сребро свакојако,
Веће хоће по избор ковато, Рајковић, Ср. н. п. 79.
Прођ се шћери челембире (ср. „о јамборе, 38)
Іова.... У Іова је мајка жеравица,—
Ако му је мајка жеравица,
Іа сам млада студена водица,
Угасићу *живу* жеравицу, ib. 100 (ср. жива жеља, п. ч. жеља — огонь).

Метафора въ приложеніи: ...но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный,
Или разыгранный Фрейщюцъ
Перстами робкихъ учеництъ. Он. III, 31.
„И тайну сердца своего,
Завѣтный кладъ и слезъ и счастья,
Хранитъ безмолвно. Он. VII, 47.

Къ метафорическому приложенію можетъ примыкать дальнѣйшее развитіе заключеннаго въ немъ образа:

„Мој Даммоне, моје јасно сунце!
Льепо ти ме бјеше обосјао,
Ал' ми брже за горицу зађе.

Метафора—въ опредѣленіи, объясняемое—въ опредѣляемомъ. Сюда метафорическіе эпитеты: *Ἄσβεστος δ' ἄρ ἐνῶρτο γέλως μακάρεσσι θεοῖσιν*, Jl. I, 599. Пушк. „сыпать острыя слова", Он. I, 37; Веселый снѣгъ, IV, 42. Въ волненьи бурныхъ думъ своихъ, IV, 34

Поэта *пылкій* разговоръ
И умъ его въ сужденьяхъ *зыбкой*....
Онѣгину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать.... II, 15.

Метафора—въ подлежащемъ: „Теперь ревнивцу то-то праздникъ, Он. VI, 12. На всѣхъ различныя вериги, I, 44.

Метафора=подлежащее (*относительное*). при коемъ *въ родительномъ* стоитъ объясняющее.

„Но вы къ моей несчастной долѣ
Хоть *каплю жалости* храня,
Вы не оставите меня. Он. III, 31.
.... „Но *вихорь моды*....
Но *мнѣнья свѣтскаго потокъ*....
А милый полъ, какъ пухъ, легокъ....
Такъ ваша вѣрная подруга
Бываетъ въ мигъ увлечена, IV. 21. ib.
.... Евгеній былъ долженъ оказать себя
Не *мячикомъ предразсужденій*,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ. Он. VI, 10.
„Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ....
Чтобы прошло *минутъ волненье*:
Но въ персяхъ то же трепетанье
И не проходитъ *жаръ минутъ*,
Но ярче, ярче лишь горитъ. III, 40.

„Не потерплю, чтобъ развратитель *Огнемъ и вздоховъ и похвалъ* Младое сердце искушалъ. VI, 15. Условій свѣта свергнувъ *бремя*, I, 45. Яремъ барщины, II, 4; узы брака, II, 13. На самомъ *утрѣ* нашихъ *дней*, I, 45. Того *змія воспоминаній*. Того раскаянье грызетъ, I, 46. Постылой *жизни мишура*, VIII, 46.

Вездѣ относительное подлежащее указываетъ на образность дополненія: въ „*каплѣ жалости*" изъ „капли" видно, что жалость—какъ жидкость. Жажда знаній, VI, 31=thirst of knowledge, fames honorum, auri sacra fames etc.

Есть ли это въ народной поэзіи?

Метафора въ сказуемомъ. Метафорическое сказуемое заставляетъ представлять подлежащее согласно съ проистекающимъ изъ него дѣйствіемъ. Также вліяетъ оно на дополненіе: текутъ невинныя

бесѣды съ прикрасой легкой клеветы Он. VII, 47. Тщеславіе *кольнемъ* надеждой Он. III 25. День протекъ, III, 36. Уланъ умѣлъ ее плѣнить, VII, 8—10.

Увы, Татьяна *увядаетъ*;
Блѣднѣетъ, гаснетъ и молчитъ:
Ничто ея *незанимаетъ*,
Ея души *нешевелитъ*. IV, 24.
„Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ несвершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ—
Увялъ! VI, 36.
Ср. ....Младой пѣвецъ нашелъ безвременный конецъ:
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ,
Потухъ огонь на алтарѣ! VI, 31.
Кого жъ любить? кому же вѣрить?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ *неспьетъ*?
Кто насъ заботливо лелѣетъ? IV, 22.

Метафора—въ сказуемомъ простомъ:

З розуму звести (зъ ума), з глузду спасти, зсунутись.—Ой *гуде, гуде* молода дівчина, та як сива голубка. М. 55.

Не дав мені Господь пари,
Та дав мені таку долю
Та й та *пішла за водою*.
Иди, доле, за водою,
А я піду за тобою
Дівчиною молодою Мет. 57.
Чи я въ тебе, моя мати, увесь хліб поїла,
Що ти мене, моя мати, та на вік *заїла*?
Чи я въ тебе, моя мати, усе плаття поносила
Що ти мене, моя мати, та на віки затопила?

Ой *завьяжи*, моя мати, та білим платкомъ *очі*
....Веди мене, моя мати, де вода холоднійша,
Топи мене, моя мати, а що я найкращійша. Мет. 263.
Ой годі мати сим *очі вибивати*. М. 265.
Ой мати моя, що ти гадала,
Що за нелюба світъ завьязала....
....Ой мати моя, калиновий цвіт....
Що завьязала за нелюба світ, М. 244.
Нікуди пійти поговорити,
Въ серці печалі та розділити.—
Ой жінко моя, пійди до куми,
Пійди до куми огню набери,
Изъ серця печаль з кумою розділи, Мет. 246.

Метафора—въ сказуемомъ составномъ:
Ганнусю серце, щожъ ти мені дала
Що мене до себе такъ причаровала?
А въ мене чари, чари готові:
Білеє личко и чорні брови, Мет. 6.
Биље моје бјело литце
А манћије црне оћи, Рајковић, 117.
Какъ чужая-то жена—лебедь бѣлая моя,
А своя шельма жена полынь горькая трава,
Полынь горькая трава, стрекучая крапива,
Стрекучая крапива, что во полюшкѣ росла,
Въ чистомъ полѣ на межѣ, на широкомъ рубежѣ.
Шейнъ Рус. нар. п. 353.

Метафора—въ дополненіи ближайшемъ и дальнѣйшемъ.
Die Kirche hat einen guten Magen,
Hat ganze Länder aufgefressen,
Und doch noch nie sich übergesse. Göthe.
Не говоритъ она: отложимъ;
Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣе *въ сѣти* заведемъ...
А то, скучая наслажденьемъ,

Невольникъ хитрый *изъ оковъ*,
Всечасно вырваться готовъ. Он. III, 25.
Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей, IV, 7.

Метафора — въ обстоятельствѣ.

Изъ метафорическаго прилагательнаго можетъ выйти такое же нарѣчіе (пылко...); изъ метафорическаго глагола — дѣепричастіе („*Кипя* враждой нетерпѣливой, Он. VI, 12); изъ дополненія — тоже; къ послѣднему случаю *творительный* превращенія и сравненія: „Съ вечера разорвался туманъ, тучи разбѣжались *барашками*, прояснѣло. Л. Толст. „Языкъ дѣвическихъ мечтаній въ немъ думы *роемъ* возмутилъ, Он. IV, 11. „*Горой* кибитки нагружаютъ, VII, 32.

Сюда метафоры для обозначенія общихъ понятій: *времени*—мѣстомъ, причины—соприкосновеніемъ, сходствомъ, подобіемъ, количества—величиной вещи и пр.: *Трохи (немного):* Када ми се у њедра ватио (говоритъ дѣвица) *Мрва* ти се не насмија мајко, Мрва своје не одсјеков главе, Рајн. С. н. п. 178.)

Сравненія.

По степени равновѣсія между образомъ и значеніемъ *метафорическое сравненіе* народной пѣсни предполагаетъ три формы:

а) Грамматическій и лексическій параллелизмъ.

б) Отсутствіе явственно выраженнаго значенія.

„Иногда короткая пѣсня заключаетъ въ себѣ только одинъ образъ безъ объясненія, такъ что можетъ возникнуть сомнѣніе, точно ли предъ нами поэтическій образъ, а не прозаическая мысль, напр.:

Ой коби я була знала, що я твоя буду,
Выпрала бим сорочечку від чорного бруду, Гол. IV, 453.

Что значитъ „прать сорочку“, видно напр. изъ слѣдующаго: жінка, що од живого чоловіка та... прала другому сорочку и все прочес, Квитка, От тобі й скарб. Разборъ сборн. Головацкаго, 85.

в) Подчиненіе образа значенію. Сюда метафорическіе запѣвы. („Подчиненіе символическаго образа объясняемому (примѣненію, значенію) представляетъ нѣсколько видоизмѣненій: *сравненіе въ тѣсномъ смыслѣ* при инверсіи, напр. „№ мається, як горох при дорозі“, *припѣвъ, запѣвъ*“, Объясн. млр. п. I, 237).

Сравненіе *ante*: „Иногда Пьеръ вспоминалъ о слышанномъ имъ разсказѣ о томъ, какъ на войнѣ солдаты, находясь подъ выстрѣлами въ прикрытіи, когда имъ дѣлать нечего, старательно изыскиваютъ себѣ занятіе, для того чтобы легче переносить опасность. И Пьеру всѣ люди представлялись такими солдатами, спасающимися отъ жизни: кто честолюбіемъ, кто картами или женщинами, кто игрушками, кто лошадьми, кто политикой, кто охотой, кто виномъ, кто государственными дѣлами. „Нѣтъ ни ничтожнаго, ни важнаго, все равно: только бы спастись отъ *нея* (жизни), какъ умѣю,“ думалъ Пьеръ: „Только бы невидѣть *ее*, эту страшную *ее*,“ Война и Миръ, II. 438. (Ср. Калила и Димна: человѣкъ, висящій надъ змѣемъ и тянущійся къ ягодамъ).

—Какъ солнце и каждый атомъ эфира есть шаръ, заключенный въ самомъ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ составляющій только атомъ недоступнаго человѣку огромнаго цѣлаго: такъ каждая личность носитъ въ самой себѣ свои цѣли, и между тѣмъ носитъ ихъ для того, чтобы служить недоступнымъ человѣку цѣлямъ общимъ. (Слѣдуютъ цѣли жизни пчелы съ точекъ зрѣнія ребенка, поэта, пчеловода, ботаника и заключеніе:

„Чѣмъ выше поднимается умъ человѣческій въ открытіи этихъ цѣлей, тѣмъ очевиднѣе для него недоступность конечной цѣли. Человѣку доступно только наблюденіе надъ соотвѣтственностью жизни пчелы съ другими явленіями жизни. Тоже нужно сказать о цѣляхъ исторической жизни народовъ. Война и Миръ. IV. Примѣчанія 129—20.

Wie das Gestirn,
Ohne Hast,
Aber ohne Rast.
Drehe sich jeder
Um die eigne Last, Göthe, Xen. II, 43.

—*Какъ—послѣ*. Въ Москвѣ (Пьеръ) почувствовалъ себя *дома*, въ тихомъ пристанищѣ. Ему стало въ Москвѣ покойно, тихо, привычно и грязно, *какъ* въ старомъ халатѣ. В. и М. II, 432.

Еще (сверхъ того) Наташа была весела, потому что былъ человѣкъ, который ею восхищался: восхищеніе другихъ была та мазь колесъ, которая была необходима для того, чтобъ ея машина совершенно свободно двигалась. В. и М. IV, 392.

Москва была пуста, какъ пустъ бываетъ замирающій, обезматочивѣвшій улей. (развитое сравненіе ib. 429—32, 39.)

(*Какъ*—post. Zima. 75 сл. Сравненіе съ союзомъ соединительнымъ. Zima, 76. Сравненіе ante безъ союза, Zima, 78).

Метафора въ сравненіи съ *какъ*. Разстояніе между этой метафорой и метафорой въ опредѣленіи—невелико:

....поцілую
Да у тую губоньку да *золотую*
Да в той усочок, як *колосочок*
Да въ тиї брівоньки чорні, якъ *шнурочок*
Да въ той видочок, повен *як гурочок*. Мет. 5.

Ср. брови на шнурочку

Ой любив та кохав, собі дівчину мав, гей як у саду вишня М. 23. Що любив и кохав, собі дівчину мав, як зіроньку ясну М. 24. Моя врода, якъ певная рожа, М. 37. Въ хаті у неї, як у віночку, сама сидить, як квіточка, хліб випеченний, якъ сонце (Зап. о Ю. Р.).

„Я любив тебе, я кохав тебе, як батько дитину,
Извьялив себе, изсушив себе, як вітер билину. М. 12.
Ой гуде гуде молода дівчина, та як сиза голубка. М. 55.

Сравненіе относится не къ сказуемому, а къ подлежащему въ слѣдующемъ:

„Братіки мої старші рідненькі,
Якъ голубоньки сивенькі!
Не добре ми.... починали, Мет. 346.
„За річкою за бистрою десь мій милий живе,
А до мене що вечера, як рибонька пливе. М. 87.
„Любилися, кохалися, як голубки в парі,
А тепер розійшлися, якъ чорнії хмари, ib 63.

Сравненіе съ як и затѣмъ объясненіе:

Невтішайтеся, мої вороженьки, моїй пригоді, що як моя пригодонька, як літня(я) роса: якъ сонечко зійде, а вітер повіє, роса опаде; оттак моя пригодонька навік пропаде. Мет. 43. Ой женися, синку, да женися, небоже, да неберн вдови (удівоньки) молодої, несуди тобі Боже. Ой женися, синку, ой женися, небоже, [1]) ой бери, синку, молоду дівчину, поможи тобі Боже! Що(=бо) у вдови серце, да якъ зімнеє сонце: Ой хоть воно ясненько гріє, да холодний вітер віє: А въ дівчини серце да як літнеє сонце: Ой хоть воно хмарнесенько гріє, та тепленькій вітер віє. Мет. 240—1.

Разошлись Сава съ Моравой. Милад. 238. (Да) як ми любилися (Да) й обоє хороші (А) тепер розошлися, як шлях по дорозі, (Да) як ми любилися (Да) як голубів пара, (А) тепер разошлися, як чорная хмара. (Да) як ми любилися, як зерно въ орісі, А тепер розошлися, як туман по лісі. Да як ми любилися, як брат из сестрою, А тепер розошлися, як Дніпро з Десною (Черниг. губ.).

Двије се воде слијевале. По пољу се разлијевале, То небиле двије воде. Већ то биле двије дјевојке за драгог се завадиле. Једна другој говорила: Ој ти друго и недруго! Ајде да се искарамо. Да се право дијелимо: Теби ћурци и шињели. И све земље и градови. Мени драги у кошуљи. Ако ти је на то жао, Скини с њега и кошуљу. Рајков. 84.

Славянскія сравненія. Образы въ гомерическихъ уподобленіяхъ нетолько берутся изъ воспоминанія, но и изображаются такими, посредствомъ частицъ, какъ ως δ' ότε, какъ у новѣйшихъ поэтовъ:

---

[1]) [illegible]

„какъ... такъ“, или безъ „какъ“, лишь съ постпозитивнымъ союзомъ: „то-то случилось: такъ“.... Воспоминанію придается большая или меньшая полнота чертъ дѣйствительности, большая или меньшая конкретность, которая однако у Гомера, согласно съ общимъ спокойнымъ характеромъ матери музъ *Μνημοσύνη* (воспоминаніе) и богини поэзіи *Μοῦσα* (кор. *ман*, мнить, помнить), никогда недоходитъ до отождествленія иносказательнаго образа съ выраженіемъ непосредственнаго воспріятія дѣйствительности.

Славянскія пѣсни (имѣю въ виду преимущественно лучшія изъ нихъ, восточныхъ и южныхъ славянъ, русскія и сербскія) употребляютъ сравнительные союзы въ краткихъ сравненіяхъ (усочок, як колосочок; брівоньки тонкі, як шнурочок и т. п.); но общая грамматическая форма развитыхъ сравненій въ этихъ пѣсняхъ есть *ἀσύνδετον*, безсоюзіе. Развитость сравнительныхъ союзовъ въ славянскихъ языкахъ показываетъ, что безсоюзіе въ разсматриваемомъ случаѣ есть не необходимость, вынуждаемая скудостью мысли, какъ было нѣкогда до образованія чисто-формальныхъ союзовъ во всѣхъ арійскихъ языкахъ, а сознательный поэтическій пріемъ. Смыслъ, эффектъ этого пріема тотъ, что образъ въ уподобленіи представляется не воспоминаніемъ, а *наличнымъ впечатлѣніемъ*. Кромѣ этого, впечатлѣніе наличности и конкретности образа можетъ установиться и другими средствами, напр. олицетвореніемъ, обращеніемъ къ нему, какъ къ лицу.

„Грушице моя, чом ти незеленая? Милая моя, чом ти невеселая?“ (Метл., О св. нѣкотор. представл., 1; О нѣкотор. символахъ въ слав. нар. поэзіи, 3—4 стр.).

Конкретность образа достигается различными средствами и въ томъ случаѣ, если этотъ образъ данъ преданіемъ, а не свѣжимъ недавнимъ воспріятіемъ. Сюда: *Изображаніе пути*, которымъ пѣвецъ приходитъ къ возможности вспомнить традиціонный образъ. Объясн. млр. п. I, 2; „Ой зійду я на шпілечок, М. 79—80“. Вона його за ворота собаками випроводила, А по його сліду каменем покотила: Ой як мені важко сей камень котити, то так мени важко за Иваном жити, М. 115—6. „Ой возьму я снігу

въ руку", О нѣкотор. симв. 33. *Изображеніе лица*, которое видитъ, которое дѣлаетъ (Объясн. млр. п. I, 11); *Изображеніе символическаго образа* конкретнымъ воспріятіемъ (ib. 9, 10); *изображеніе символа лица* или состоянія *въ видѣ его обстановки* (Объясн. млр. п. 160—1, 179 сл. 242, Метл. 79). Чисто формальнымъ средствомъ такого изображенія можетъ служить соединительный союзъ, заставляющій насъ и образъ и его значеніе ставить на одну и туже сцену:

Облак се вије по ведром небу
И лепи Ранко по белом двору,
Опроштај иште од своје мајке, Кар. I, 16.
Одби се грана од јерговата, И лепа Смиља од своје мајке,
Од своје мајке и од свег рода, Кар. I, 34.
Сунце намъ је на заходу, брзо ће нам заћ',
А невјеста на отходу, брзо ће нам поћ', ib. 35.
Тешко земљи, куда војска прође,
И девојци, која сама дође
Прво јој је јутро прекорено;
Да с ваљала, неби сама дошла, Н. Бег. I, 173.
Ой на дворі зілля,
А в хаті весілля =
Около двора јасење,
У овомъ двору весеље, Кар. I, 58.
Пала магла на Бојану,
А сватови на ливаду, ib. 67 =
Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй тоска во ретиво сердце.—
„Зелененький барвіночку, стелися низенько,
А ти милий чорнобривий, присунься близенько."
Ой горе, горе, що чужа украіна,
А ще гірше невірна дружина (Сравн.)
Синђир-гвѳжђе мука је велика
Да велика мука на јунака,
Тавница је гора од синђира,

А зла памет горе од обоје
А зла жена горе од све троје, Н. Бег. С. н. п. I, 173.

Тешко вуку за ниме нелају, и јунаку за ним неговоре (послов.).—Има доста горе несјечене, и господе младе нељубене.... ће се кујдикоји поћи, И мене ће мој суђени доћи, Кар. I, 376.

Мушка глава и шушњата грана:
Удри граном по зеленој трави,
Лист опаде, а грана остаде;
Онака је вјера у јунака:
Док пољуби: узећу те, драга!
Код пољуби: „док упитам баба".
Бабо вели: „док упитам рода!"
А род вели: „док роди шеница!"
Іа да Бог да њему нееродила,
Неродила чим шеница рађа,
Већ родила љуљем и кукољем! Петран. С. н. п. изъ Босн. I, 180 — 1. Немој тако, казаћеш се, Маро! — Нећу богме ни ојати, Іово: Іош имеде горе неломљене И господе младе неженене, ib. 183, Ср. ib 184—5.

Противопоставленіе сравниваемыхъ:

Нечудим се мраку, ни облаку,
Ни Врбасу, што се често мути,
Већ мом драгом, што се на ме мути,
Кȍ да сам му нешто учинила,
Што сам другог очим' погледала, ib. 198.
Під тобою, селезеню, вода несхитнетця,
А з тобою, дівчинонька, нічка незмигнетця. Мет. 58.
Тужан ти је данак без сунашца,
Тавна нојца без сјајна мјесеца,
А дјевојка, која нема драгог, ђ. Рајн С. н. п. М. 5.

Переходъ обстановки въ *символъ*.:

Ой заржи, заржи, вороний коню, та під круту гору йдучи,
Нехай зачує серце дівчина, сніданья готуючи.

Коничок *заржав*, козак засвистав, дівчина заплакала

Ой гай же, гай же, мій милий Боже, ой кому я достануся! Мет. 55=Объясн. Млр. п. II, 591, гдѣ наоборотъ — превращеніе символа въ обстановку.

Характерны для малорусскихъ сравненій *βραχυλογία, ἔλλειψις, ἀποσιώπησις*, т. е. послѣ образа — умолчаніе значенія и переходъ къ дальнѣйшей мысли, связанной съ подразумѣваемой. [1]) Что это сознательный пріемъ, свойственный извѣстному роду пѣсень, видно изъ того, что и другія опущенія свойственны тому же роду. Такъ въ этихъ пѣсняхъ отсутствуетъ постоянно указаніе на то, кто говоритъ. Это ясно или изъ обращенія „що ти, милий, думаєш, гадаєш?“ или изъ содержанія рѣчи. Постоянно опускается „сказавъ“ и т. п.

Примѣры: Нема краю тихому Дунаю,
Нема впину вдовиному сину,
Що звів з ума дівку сиротину,
А ізвівши, на коника сівши:
(элл.) Зоставайся, слави набірайся. Мет. 15, ib. 99.
Ой гай мати, ой гай мати, ой гай зелененькій,
Виїзджає з украіни козак молоденькій.
Якъ виїзджав, шапочку зняв, низенько вклонився:
Прощай, прощай, громадонько, може з ким сварився. [2])
Мет. 23.

Въ отличіе отъ этого думы всегда обозначаютъ, кто говоритъ и почти никогда неопускаютъ самыхъ словъ „промовляє“ и т. п.

[1]) (Опущенія: Куди хожу, куди хожу, а все понад воду:
Гей не зрійде мій миленькій на мою незгоду.
Головацкій II. 407. (Объясн. мр. п. I. 226).
Два голуба воду пили, а два воротили.
Бодай же тим тяжко, важко, що нас розлучили, Мет. 63. (Слово о П. И. 84–5).
„Перебреду бистру річку й болонину стану — Сватай мене, козаченьку, [illegible] у славу“, Мет. 53, (Объясн. мр. п. II. 369 сл.). „У городі огірочок, зелений листочок — Небачила миленького, болить животочок“. М. 53.

[2]) Сидить голуб на березі, голубка на вишні,
Скажи, скажи, серце мое, що маєш на [illegible]?
— А як твоя [illegible], що [illegible] як [illegible].
Тепер мене [illegible] Мет. 63.

Тоді вдова теє зачуває, словами промовляе: ой сини ж мої, дити молодиї, Мет. 345. „Тоді близкий сусіда теє зачуває, до вдови словами промовляє: ой удово, старенькая жоно“... ib. 346 и еще дважды ib. „Оттоді ж то удовини сини один до 'дного *истиха* словами промовляли; то болший брат: (элл.) „Глянтеся, браття и пр. 353 ib.

Противоположеніе:

Ой зійду я на горбочок,
Та гляну я на ставочок,
Пливуть качки в два рядочки,
Одна одну спережає,
Кожна собі пару має,
А я живу в Бога в карі
Не дав мені Господь пари, Мет. 57.

Ой на ставі дві качоньці, не можу их зігнати,
Не буду ж я за тобою, можу о тім знати;
Ой на ставі дві качоньці днює и ночує,
Не буду ж я за тобою, моє серце чує, Гол. II, 351.
Ой за яром брала я лён, всю долку сходила,
Нема того тай небуде, кого вірно любила. Мет. 61.
Попід мостом трава з ростом, що й кінь напасетця,
Небачила миленького, незрадила серця, Мет. 52.
У городі криниченька, ключка и відро;
А вже ж моїй дівчиноньки давно невидно (О нѣкот. симв.),
Ой вийду я за ворітечка, да рине вода, рине,
Несилуйте мене за нелюба, нехай вінъ изгине, Мет. 243.
Объясн. млр. п. I, 4.

Киша пада, трава расте, гора зелени,
Састаје се гора с листом, а ја немам с ким, Н. Бегов. I, 173.

Въ млр. пѣснѣ обычный параллелизмъ образа и значенія находитъ соотвѣтствіе въ размѣрѣ и напѣвѣ (въ своихъ протазисъ— 1-й стихъ, аподозисъ—2-й). Парность стиховѣ и ихъ законченность ведетъ къ тому, что вся пѣсня—изъ паръ. Отсюда—пере-

становки, отсутствіе единства. Иначе въ серб. п., гдѣ пѣсня, иногда начинаясь со сравненія, тождественнаго малорусскому, оставляетъ его:

Цвати ружо, ја те брати нећу,
Рост' дјевојко, узет те нећу.
—Младо момче, молити те нећу:
Довеће ће мени дјевер доћи
А у јутру кићени сватови.
Іа ћу молит' кума и дјевера
Нек ме води крајем твога двора,
Твом се двору поклонити нећу
Твојој мајци назват Бога нећу, ћ. Рајн. С. н. п. 34.

Сравненіе въ видѣ пространственнаго сопоставленія:

Кити се њебо звјездама,
Зелено поље овцама....
Устани, душо Радојче!
Да видиш ките високе,
Кићено њебо звјездама,
Пред њими сунце и мјесец;
Да видиш ките низоке,
Зелено поље овцама,
Пред њими братац и сека, Петран. С. п. изъ Босн. I, 6.
Ладно вода, сува жећо моја!
О ћевојка, жива жељо моја!
Живом сам те жељом пожелио,
Од жеље ми срце испуцало,
Кајно земља од жаркога сунца,
Бог ће дати, киша ударити,
Те земља земљи саставити;
Срце моје састат се неморе,
Док ми драго не дође у дворе, Петр. ib. I, 132—3.
Пошетало злато материно.
По бостану по свом ђулистану....
Она иде руменој јабуци—

Љуто цвили зелена јабука.
Питала је лијепа дјевојка:
Штá је теби, румено јабуко?
Говорила румена јабука:
Не питај ме, лијепа діевојка!
Родила сам родом шећерлијем,
Свак ме бере, за свакога нисам.
Говорила лијепа дјевојка:
А јабуко! једне ти смо среће:
И ја млада-лијепа дјевојка,
Свак ме проси, за свакога нисам.
Кога оћу, оног ми недаћу,
Кога нећу, и силом намећу, Петр. ib. I, 187.

По такой же схемѣ ib. 134—5: Разговоръ между соколомъ, которому господинъ за малую вину отрубилъ крыло, и дѣвицею, у которой подруга отбила милого:

Траву пасло шарено љељенче,
Сусрете га лијепо діевојче:
„Куд ћеш, ће ћеш, шарено љељенче?“
—Непитај ме лијепо дјевојче!
Имадијах кошуту—јарана
Данас ми је ловци уловише.“
Њему вели лијепа дјевојка:
А љељенче, едне ти смо среће!
Имадијах драго у махали,
Данас ми је друга премамила,
Да Бог даде, те се немамила, ib. 225—6.
О чардаче, мое љетовање!
О пенџеру моје погледање!
Лијепо е с васке погледати,
Кад се роње у пољу шеница,
Кад се бере винова лозица,
Кад се јање у планини овце,
Кад се љуби момак и ћевојка, ib. 104.

Сравненіе влагается въ уста 3-му лицу:

Сиње море и дубине твоје!
Нико тебе препливат не море.
Веће вила на коњу љељену.
(Код су били на сред мора тиха)
Коњиц вили тио проговара:
А ти вило, по богу сестрице:
Ђе су мору највише дубљине?
Ђе ли небу највише висине?
Ђе ли вило (пољу) најшире ширине?
На ком пољу највише бојиште?"
Вила коњу тио проговора:
Коњиц љељен, мој по богу брате,
На сред мора (вар. под Измиром) најдубље дубине,
На сред неба највише висине,
На сред поља најшире ширине,
На Косову највише бојиште,
Ерцеговци најбољи јунаци,
Сарајевке најбоље дјевојке, ib. 9.
Л'јепо ти је рано уранити
У мараму маглу покупити:
Колико је магли у марами,
Толико је вјере у јунаку.
Мушка вјера и разбјена здјела (не держитъ воды)
Мушка глава и шушњата грана:
Удри граном о зелену траву
Лист опаде, а грана остаде:
Етака је вјера у јунака. Ђ. Рајн. С. н. п., 29.
У Ивана зелена ливада
Нит' кошена, нит' коњма гажена,
Кроз њу текла вода некошена.
Грабила је Мара непрошена.
У руци јој бјела марамица
А за главом румена ружица:

Много ј' бјеља Мара нег марама
Руменија него је ружица, ib. 77.

Разбѣгъ мысли. Конкретность образа, какъ въ гомерическихъ сравненіяхъ = обозначается путь мысли (встану я):

Љепо ти је рано уранити
Пред зорицу на једну урицу,
У прозорје, када славуљ поје.
Славуљ виче: ајд' на воду, милче!
Ал' на воду, али на ливаду,
На ливади бунар вода хладна,
Крај бунара зелени се трава,
На травици лист артије б'јеле,
На артији црно слово пише
Црно слово, ал'је жалобито:
Грјехота је обљубит' дјевојку
Обљубити па је оставити,
Оставити па заборавити,
Іер је тешка дјевојачка клетва... ђ. Рајн. С. н. п. 22.

Изображеніе пути мысли въ сравненіяхъ съ *какъ*:

Іе си љ' прош'о крај дућана,
Іес' ли видио лист папјера?
Онако је бјело лице...
Іеси л' прош'о низ горницу,
Іес ли видио трниницу?
Онаке су црне очи.
—Іеси л' прош'о низ борице?
Іес ли видио пијавице?
Онаке су обрвице. Рајн. С. н. п. 75—6.

Модальныя формы сравненія: а) положительная—образъ представленъ, какъ фактъ, за нимъ слѣдуетъ значеніе. Отношеніе сходства между тѣмъ и другимъ просто признается: Ой, зійди, зійди, зірочко та вечірняя, Ой вийди, вийди, дівчинонько моя вірная, Мет. 81—2; „Чи я в лузі не калина була? (г-ритъ калина); Чи я въ батька не дитина була (говоритъ дівчина). Въ видѣ

положительнаго сопоставленія можетъ быть выражено противоположеніе, всегда предполагающее сравненіе (Из-за гори високої гуси вилітають; Ще роскоши незазнала, а літа минають (О нѣкоторыхъ симв., 5)—здѣсь сравненіе только *роскоши*, какъ свободы, приволья, съ высокимъ полетомъ и *противоположеніе* полета отсутствію роскоши. (Разб. п. Головацкаго, 85).

б) образъ ставится положительно, какъ восприятіе, затѣмъ, какъ бы въ силу того, что дѣло разсмотрѣно вновь и лучше, онъ отрицается, съ тѣмъ чтобы на мѣсто его поставить его значеніе:

Сунашце се крајем горе краде;
То небило жарено сунашце,
Већ се Раде од матере краде. Рајн. С. н. п. 60.
Надви ее облак изнад дјевојак;
То небио облак изнад дјевојак',
Већ добар јунак тражи дјевојак', Кар. I, 2 тоже, ib. 54, 57, 58, 73. Сюда же въ Сл. о П. И. „тогда пущашеть“. Кар. II, 14:

Два су бора напоредо росла,
Међу њима танковрха јела;
То не била два бора зелена,
Ни међ' њима танковрха јела,
Већ то била два брата рођена и пр.
Ой у лузі, в лузі червона калина;
(Ой) тож не калина, молода дівчина,
Молода дівчина, що вірно любила. Мет. 94. М. Голов. IV, 61, II, 30—1.

в) Образъ въ видѣ вопроса, затѣмъ его отрицаніе и значеніе.

Шта се сјаји кроз гору зелену?
Да л'је сунце, да л'је јасан мјесец?
Ни т'је сунце, ни ти јасан месец,
Већ зет шури на војводство иде. Кар. I, 13; сюда Кар. I, 37, 56, 540. Таковы начала эпическихъ пѣсенъ, Кар. II, 496, 245, 295, 319; Голов. IV, 532, I, 42—3.

Чи огонь горит, чи полома палає

Чи на молоді вінок сияє?
Ні огонь негорит, ні полумя непалає
Но на молоді вінок сияє. (Зап. ч. Под. губ.)
Вийшла она на подвірьє
И дивится в чисте поле:
„Ой Романе, Романочку!
Що то в полі за димове?
Чи то вірли крилми бьются,
Чи овчари с турми гонять?„
—Ой Олено, сестро моя,
Ні то вірли крилми бъются,
Ні овчари с турми гонять,
Лиш то турки и татаре,
А всі твої суть бояре, Гол. I, 40—1. Въ вар. той же пѣсни: „Що' то в полі туман кіптит?
Ци грім гремит, ци звін звенит?
Він до неї промовляє—
А сам тяжко издихає:
Не туман то в полі кіптит,
Ні грім гремит, ні звін звенит,
Ай то твоє йде весильє, ib 41—2.
Ой одсуну кватирку... подивлюся,
Яж думала, що сонечко сходить,
Аж мій милий по риночку ходить.
За собою кониченька водить. Гол. IV, 188.

г) Сравненіе начинается прямо съ отрицанія тождества образа со значеніемъ:

Не кукушечка, братцы, во сыромъ бору куковала,
Не соловьюшко, братцы, въ зеленомъ саду громко свищетъ,
Добрый молодецъ въ неволюшкѣ слезно-горько плачетъ.

Якуш. Соч. 555. Срав. ту же форму ib. 559, 597, 602, 604. Mikl. Gramm. IV, 179. То в неділю рано пораненько не сива зозуля закувала, То вдова старенька жона из своёго дома изхож-

дала, Вгору руки изнімала, Синів своіх кляла, проклинала, за слёзами світа Божого не видала и на воротяхъ звалилася, Мет. 350.

д) Безъ огня да огня мое сердце изожгли,
Что безъ вѣтру мои мисли разнесли, Якушк., 606.

Не отъ витра, не отъ вихоря, да не отъ Божьей милости, верея пошаталася, ворота отворилися, широко размахнулися. Не слыхала молодешенька, какъ бояре во дворъ взъѣхали, Якушк. 666.

Asyndeton, *attractio* (перенесеніе изъ значенія въ образъ):

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ,
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую несмѣю
Тревожить лирою моею,
Какъ величавая луна,
Средь жонъ и дѣвъ блеститъ одна, Е. Он. VII, 52.

Къ изображенію самой точки зрѣнія на образъ, и самаго смотрящаго и того пути, какимъ онъ дошелъ до наблюденія, Мр. п. XVI в., 19 (Объясн. млр. п. I, 2), 20, 26, 30, 37 сл. Влкр. Якушкинъ, 524.

„Сюда относятся запѣвы. Ой піду я... Ой зійду я... Ой сяду я... и пр. (Объясн., 2).

„Та вилетіла галка з зеленого гайка,
Сіла-пала галка на зеленій сосні,
Вітер повиває, сосонку хитає...

Все это передъ глазами; но *хитатись* = *хилитись* имѣетъ уже традиціонное значеніе, а если нѣтъ, то такое значеніе могло создаться въ эту минуту, одновременно съ обращеніемъ пѣвца къ самому себѣ: Не хилися, сосно, бо й так мені тошно“... „Лишь позднѣе, подъ вліяніемъ привычки къ такому пріему, можетъ появиться намѣренное его употребленіе (для заполненія первой по-

ловины двустишія, для риѳмы) и разработка, варьированье начальнаго символа чрезъ всю пѣсню или ея часть: „Не хилися сосно... Не хилися гілко, бо й так мені гірко, Не хилися низько, нема роду близько". Исподоволь становится возможной та отдаленность и случайность связи между символомъ и значеніемъ, которая въ глазахъ самого народа становится образомъ безсмыслицы:

Въ огороді бузина, а в Киеві дядько;

Тим я тебе полюбила и проч. (Млр. п. 19).

Конкретность, опредѣленность изображенія зависитъ отъ опредѣленности точки зрѣнія. Для этого нужно указать, кто именно видитъ, кто считаетъ, кто дѣлаетъ изображаемое. Согласно съ этимъ опредѣленія мѣста, времени, изображенія дѣйствія въ формахъ опредѣленно-личныхъ поэтичнѣе, чѣмъ въ формахъ безличныхъ. У Гнѣдича—выраженіе; „*Видно* (сквозь туманъ) недальше, какъ падаетъ брошенный камень" оставляетъ неопредѣлимымъ, кому видно, что бросилъ камень, и потому менѣе поэтично, чѣмъ въ Ил. III, 12: *Τόσσον τίς τ᾽ ἐπιλεύσσει, ὅσον τ᾽ ἐπὶ λᾶαν ἵησιν*— настолько человѣкъ видитъ, насколько (онъ же) камень бросаетъ. =„И створи миръ Володимеръ съ болгары и ротѣ заходиша межю собѣ (=е), и рѣша Болгаре: „толи не будеть межю нами мира, оли же камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути (грязнути), Лавр. Ипат. подъ 985. Это менѣе поэтично, чѣмъ „никогда" въ млр. п: „Ой озьми сестро піску в жменю.

...И огни ихъ несчетные (въ полѣ) горѣли,
Словно какъ на небѣ звѣзды вкругъ мѣсяца яснаго сонмомъ
Ярко блестятъ, когда станетъ воздухъ безвѣтренъ... и
Видны всѣ звѣзды, и пастырь (дивуясь) душой веселится
Ил. VIII, 554.

(И) какъ когда со скалы видитъ тучу мужъ-пастырь,
Какъ она сходитъ на море подъ вѣяньемъ запада(буйнымъ)
И чернѣе смолы она издали ему кажется,

Какъ она сходитъ на море и ведетъ за собой страшную бурю.
И содрогнулся увидя и загналъ свои овцы въ пещеру; (отсюда Гнѣдичъ:)
Вслѣдъ таковы за Аяксами, юношей, пламенныхъ въ битвахъ,
Къ брани кровавой съ врагомъ устремлялись фаланги густыя
Черныя, грозно кругомъ и щиты воздымая и копья. Ил. IV, 276.

Пастухъ слышитъ ревъ горныхъ ручьевъ въ наводненьи, Ил. IV, 452.

Но Эней и своихъ возбуждалъ сподвижниковъ храбрыхъ за нимъ совокупно
Всѣ устремилися: такъ за овномъ устремляются овцы,
Съ паствы бѣжа къ водопою; и пастырь душой веселится, Ил. XIII, 489.
Словно какъ дубъ подъ ударомъ (крушительнымъ) Зевса Кронида
Падаетъ съ корня, изъ древа (разбитаго) вьется зловонный
Сѣрный дымъ; и стоитъ, какъ бездушный, паденія зритель,
Близкій прохожій: „погибеленъ громъ великаго Зевса“:
Такъ ниспроверглася быстро на прахъ Пріамидова крѣпость

Ил. XIV, 414. = *ὡς δ᾽ ὅθ᾽ ὑπὸ πληγῆς πατρὸς Διὸς ἐξερίπῃ δρῦς.*

Уподобленія [1]) въ гомеровскихъ поэмахъ, особенно въ Иліадѣ, гдѣ они многочисленнѣе и замѣчательнѣе, чѣмъ въ Одиссеѣ, недаромъ въ теченіе вѣковъ служили образцомъ преимущественно эпическимъ поэтамъ разныхъ народовъ. Они въ высокой степени поэтичны, совершенны, потому что въ такой же степени правдивы

[1]] Различаются: сравненія въ тѣсномъ смыслѣ (vergleichung) и уподобленіемъ (gleichniss) не свойствомъ значенія, т. е. не тѣмъ, что въ 1-мъ менѣе чувственное объясняется болѣе чувственнымъ, а во 2-мъ чувственны и объясняющее и объясняемое, а лишь степенью конкретности образа. Въ 1-мъ образъ лишь намекъ, во 2-мъ картина.

и естественны. Они вполнѣ удовлетворяютъ слѣдующему основному требованію мысли: такъ какъ цѣль образности есть приближеніе значенія образа къ нашему пониманію, и такъ какъ безъ этого образность лишена смысла, то образъ долженъ быть намъ болѣе извѣстенъ, чѣмъ объясняемое имъ. Въ Иліадѣ и Одиссеѣ изображаются событія не только не обычныя, но преимущественно такія, подобныхъ которымъ мирнымъ слушателямъ вѣроятно никогда не случалось видѣть, напр. въ Иліадѣ, какъ шли на битвы Ахейцы и Троянцы, какъ ихъ было много, какъ блестѣли ихъ панцыри, какъ ихъ строили вожди, какъ выдѣлялся такой-то, какую они подымали пыль, какой крикъ, какъ текла кровь, какъ падали головы и тѣла, какъ бѣжали Троянцы, какъ защищались Ахейцы у кораблей, какъ тѣ и другіе ровно держались въ битвѣ, какъ сыпались камни и проч. Нѣсколько рѣже изображаются столь же требующія объясненія душевныя движенія: каково было мужество Гектора, какъ обрадовались его приходу Троянцы на полѣ, какъ волновались страхомъ и пр. Ахейцы, какъ забывалъ о своей пользѣ Ахиллъ; или въ Одиссеѣ, какъ злился Одиссей на жениховъ, какъ обрадовалась ему Пенелопа и т. п. Въ отвѣтъ на эти вопросы Иліада даетъ рядъ картинъ приморской, горной, нелишенной лѣса мѣстности, картинъ по содержанію знакомыхъ пастуху, земледѣльцу, плотнику, охотнику, путнику, мореходцу, хозяйкѣ, почти всегда свидѣтельствующихъ о большой наблюдательности и трезвости мысли, лишь изрѣдка окрашенныхъ миѳическими толкованіями: народъ всколебался, какъ морскія волны или нива, Ил. II, 144; зашумѣлъ, какъ море, II, 394; какъ когда волна идетъ за волной (у прибоя), разбиваясь шумно о берегъ, IV, 422; блескъ панцырей, какъ зарево лѣсного пожара на горахъ, II, 455; люди падали, какъ деревья, подгорѣвшія во время пожара, XI, 155; X упалъ, какъ подрубленное дерево; Арійцы высыпали на поле, какъ племена перелетныхъ птицъ съ крикомъ садятся у потока Каистра, II, 459; Троянцы шли съ крикомъ, какъ летятъ журавли III, 2; Ахейцевъ было много, какъ листьевъ и цвѣтовъ весною, густо, какъ мухъ въ пастушьемъ шалашѣ, когда молоко сливаютъ

въ посуду, II, 467; Вожди строили ихъ, какъ пастухи отдѣляютъ своихъ козъ отъ чужихъ, II, 474.

Въ Одиссеѣ наоборотъ два раза явленія мирной жизни сближаются съ образами, которые могутъ быть знакомы только воину и мореходцу:

Такъ объ Ахейцахъ пѣлъ Демодокъ; несказанно разстроганъ
Былъ Одиссей, и рѣсницы его оросилися слезами.
Такъ сокрушенная плачетъ вдовица надъ тѣломъ супруга,
Павшаго въ битвѣ упорной у всѣхъ впереди передъ градомъ,
Силясь отъ дня роковаго спасти согражданъ и семейство,
Видя, какъ онъ содрагается въ смертной борьбѣ, и прижавшись
Грудью къ нему, злополучная стонетъ; враги же нещадно
Древками копій ее по плечамъ и хребту поражая,
Бѣдную въ плѣнъ увлекаютъ на рабство и долгое горе;
Такъ отъ печали и плача ланиты ея увядаютъ.
Такъ отъ печали текли изъ очей Одиссеевыхъ слезы, Од. VIII, 521.
Въ радость, увидѣвши берегъ, приходятъ пловцы, на обломкѣ
Судна, разбитаго въ морѣ грозой Посидона, носяся
Въ шумѣ бунтующихъ волнъ, воздымаемыхъ силою бури:
Мало изъ мутнозеленой пучины на твердую землю
Ихъ, утомленныхъ, изъѣденныхъ острою влагою, выходитъ;
Радостно землю объемлютъ они, избѣжавъ потопленья.
Такъ веселилась она (Пенелопа) возвращеннымъ любуясь супругомъ.
Рукъ бѣлоснѣжныхъ отъ шеи его оторвать не имѣя силы, Одисс. XXIII, 233.

Иліада знаетъ краткія сравненія: „Такъ и они, пораженные (мощной) рукою Энея, рухнулись оба (на землю), подобные соснамъ великимъ, Ил. V, 559: *κάππεσέτην ἐλάτῃσιν ἐοικότες ὑψηλῇσιν*. Образъ „соснамъ великимъ“ чрезъ посредство *ἐοικότες* (подобные), согласующагося съ подлежащимъ, вносится въ значеніе этого послѣдняго, такъ что здѣсь имѣемъ сравненіе отличное по эффекту отъ „*подобно* соснамъ“. Ср. сравненіе въ аттрибутѣ:—объ убитомъ Гекторѣ: Гнѣдичъ: (свѣжъ) онъ лежитъ, какъ росою умытый, нѣтъ слѣда отъ крови = какъ орошенный лежитъ, (какъ) омытый отъ крови, Ил. XXIV, 419.— „Теперь (же) ты мнѣ росистый и (какъ) недавно убитый... лежишь, подобный тому и пр.“ У Гнѣдича:

Ты жъ у меня, какъ росою умытый, покоишься въ домѣ,
Свѣжій, подобно какъ смертный, котораго Фебъ сребролукій,
Легкой стрѣлою своей, нашедшій внезапно сражаетъ, XXIV, 757.

Но особенность гомерическихъ пѣсень, сравнительно съ позднѣйшей поэзіей, состоитъ не въ такихъ сравненіяхъ, а въ томъ, что въ нихъ весьма часто образъ, которому нѣчто уподобляется, берется въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ мысли, независимо отъ того, для чего онъ понадобился; берется неосвобожденный отъ обстоятельствъ, ненужныхъ для сравненія: „Палъ онъ, какъ ясень (пышный), который на холмѣ далеко (путнику) видномъ, ссѣченный мѣдью, зеленыя вѣтки къ землѣ преклоняетъ; такъ онъ упалъ (πελάσσῃ, aor. conj). Ил. XIII, 178. „Свалился онъ, какъ когда *тотъ* (извѣстный) дубъ *свалился* (конкр. случай въ аор.). Или бѣлый тополь или гонкая ель, которую на горахъ плотники-мужи срубили вновь наточенными сѣкирами для корабля“. Ил. XIII, 389. Гнѣдичъ: „Палъ онъ, какъ *падаетъ* дубъ или тополь серебряно-листный, или огромная сосна, которую съ горъ дровосѣки острыми вкругъ топорами ссѣкутъ, корабельное древо.“ — „И на пыльную землю палъ онъ, какъ тополь. Въ низовьи большого болота онъ выросъ гладкій, на самой верхушкѣ лишь выросли вѣтви. Мужъ колесничникъ его блестящимъ желѣзомъ ссѣкъ, чтобы въ ободъ его для прекрасной согнуть колесницы. (И вотъ онъ) сохнетъ, лежитъ на брегѣ потока, Ил. IV, 482. — „Какъ еслибъ какая жена слоновую кость обагрила, Карская или Меонская,... для пышныхъ нащечниковъ конямъ, въ домѣ лежитъ у владѣлицы: многіе конники страстно жаждутъ обрѣсть, но лежитъ драгоцѣнная царская утварь, должная быть и коню украшеньемъ и коннику славой,—такъ у тебя, Менелай, обагрились пурпурной кровью бедра крутыя... Ил. IV, 141.

Уже этотъ послѣдній примѣръ показываетъ, что въ числѣ обстоятельствъ образа, второстепенныхъ по отношенію къ главному основанію сравненія (здѣсь бѣлая кость, окрашенная пурпуромъ), нѣкоторыя могутъ идти въ ходъ, какъ основанія второстепенныя, дорисовывающія сравниваемое. Такъ здѣсь изъ того, какъ многіе желали этихъ украшеній, но какъ они берегутся для царя и пр., видно, какъ дорога была пѣвцу кровь Менелая (Ср. Gerber, II, 115). Ср. также: Александръ—Гектору: Сердце у тебя, какъ

твердая сѣкира, вонзаемая въ дерево человѣкомъ, когда онъ искусно обтесываетъ корабельный брусъ, и (своею тяжестью) увеличивающая (силу) его удара.*)

Тѣмъ не менѣе въ гомерическихъ сравненіяхъ большое количество чертъ образа остается безъ употребленія, недаетъ возможности заключать о соотвѣтственныхъ чертахъ сравниваемаго. Черты эти неостаются тѣмъ не менѣе безъ дѣйствія на слушателя. Онѣ уравниваютъ ходъ его мысли съ медленнымъ теченіемъ мысли пѣвца; онѣ отвлекаютъ отъ главнаго, успокаиваютъ волненіе, которое могло бы быть произведено этимъ главнымъ. (Gerber, II, 108). Все это хорошо, потому что просто и необходимо, какъ прямое послѣдствіе естественной медленности теченія мысли. Поэтому изъ первоклассныхъ художниковъ другого времени, другого болѣе быстраго теченія мысли, лишь немногіе рѣшатся умышленно замедлять такимъ образомъ свою рѣчь. Къ такимъ, кромѣ явныхъ подражателей Гомера, какъ Виргилій, принадлежитъ Гоголь въ „Мертвыхъ душахъ“ (соч. 3 изд. III, 10—11, фраки мелькали..., какъ мухи на рафинадѣ; 43, церковный хоръ — по поводу собачьяго лая; 90, Ноздревъ кричалъ, какъ поручикъ во время приступа; 93, овалъ лица ея круглился, какъ яичко...; 97—8, лицо, какъ тыква, изъ какихъ дѣлаютъ балалайки; 133, на лицѣ выразилось чувство, явленіе подобное появленію на поверхности водъ утопающаго; 173, Чичиковъ своимъ появленіемъ распространилъ радость... какъ когда пошутилъ начальникъ; 178, Чичиковъ стоялъ, какъ человѣкъ, который на улицѣ вспомнилъ, что позабылъ что-то дома; 198, гостья вся обратилась вслухъ, какъ баринъ — охотникъ; 203, чиновники были ошеломлены, какъ

*) [illegible] Ср. „Та й припала єму на плечі, [illegible] [illegible]

[illegible]

школьникъ, которому засунули въ носъ гусара, Ср. также 258, 260—1.

Относительно того, что здѣсь умышленное подражаніе, сравн.: „Онъ (художникъ)... наконецъ оставилъ себѣ въ учители одного божественнаго Рафаэля, подобно какъ *великій* поэтъ художникъ, перечитавшій много всякихъ твореній, исполненныхъ многихъ прелестей и величавыхъ красотъ, *оставлялъ* (не думалъ ли онъ объ aor. gnomic.?) наконецъ себѣ настольною книгой только Иліаду Гомера, открывъ, что въ ней все есть, чего хочешь, и нѣтъ ничего, чтобы не отразилось въ такомъ глубокомъ и великомъ совершенствѣ. И зато вынесъ онъ изъ своей школы величавую идею созданья, могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной кисти." Портретъ, Соч., 3 изд. II, 35.

У Пушкина въ Ев. Он. можно замѣтить нѣчто сходное съ гномическимъ аористомъ, настоящее изображеніе конкретнаго случая:

Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонный;
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой, I, 47.
Пора пришла, она влюбилась:
Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено, III, 7.

Съ *какъ*: Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей, она
Цвѣла, какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ травѣ глухой
Ни мотыльками, ни пчелой, II, 21 (сравненіе дорисовываетъ) Но обыкновенно съ *какъ*—болѣе краткія сравненія:

„Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная, боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой, II, 25.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,

Холодныхъ, чистыхъ, какъ зима II, 22.

Такъ. Сравненія постпозитивныя: Такъ точно старый инвалидъ, Он. II, 18. Такъ рѣзвый баловень служака,—опущ. строфы къ Ев. Он. XI; III, 422 и XIII; такъ хищный волкъ, ib.; III, 40; IV, 10; Смѣнитъ неразъ младая дѣва мечтами легкія мечты; Такъ деревцо свои листы мѣняетъ съ каждою весною, IV, 16.

Смѣшеніе сравненія съ метафорою.

Со случаями ассимиляціи фонетической и синтактической сходны случаи частнаго сліянія образа и значенія, сліянія прогрессивнаго, а) когда въ результатѣ сравненія является метафора, или регрессивнаго б) когда постпозитивный образъ вноситъ нѣкоторыя черты въ сравниваемое:

а) Оно (Аи) своей игрой и пѣной,
Подобіемъ того-сего,
Меня плѣняло: за него
Послѣдній бѣдный лептъ бывало
Давалъ я...
Но измѣняетъ пѣной шумной
Оно желудку моему,
И я бордо благоразумный
Ужъ нынче предпочелъ ему.
Къ аи я больше неспособенъ:
Аи любовницѣ подобенъ,
Блестящей, вѣтренной, живой
И своенравной и пустой...
Но ты, бордо, подобенъ другу,
Который въ горѣ и въ бѣдѣ
Товарищъ завсегда, вездѣ,
Готовъ намъ оказать услугу,
Иль тихій раздѣлить досугъ.
Да здравствуетъ бордо, нашъ другъ! Он. IV, 45—6.

Сюда же Он. V, 32, (кристаллъ—фіалъ).

б) И [illegible] [illegible] Тани [illegible]

Такъ одѣваетъ бури тѣнь
Едва рождающійся день, Он. IV, 23.
Недвижимъ онъ лежалъ и страненъ
Былъ томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ навылетъ раненъ;
Дымясь изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье
Въ семъ сердцѣ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь;
Играла жизнь, кипѣла кровь;
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и *тихо* и *темно*;
Замолкло навсегда оно,
Закрыты ставни, окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ,
А гдѣ, Богъ вѣсть, пропалъ и слѣдъ. Он. VI, 32.
Блаженъ, ко смолоду былъ молодъ
...Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой, VIII, 11.
Мечты — листья, Онѣг. IV, 16.
Любви всѣ возрасты покорны,
Но юнымъ дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ.
Въ дождѣ страстей они (поля, сердца) свѣжѣютъ
И обновляются и зрѣютъ,
И жизнь могущая даетъ
И пышный цвѣтъ и сладкій плодъ.
Но въ возрастъ поздній *и безплодный*

На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печаленъ страсти мертвый слѣдъ:
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращаютъ лугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ. VIII, 29.
Поэтъ погибъ... но ужъ его
Никто непомнитъ; ужъ другому
Его невѣста отдалась.
Поэта память *пронеслась*,
Какъ дымъ по небу голубому, VII, 14.

При большей степени сліянія образа и значенія уже нѣтъ слѣдовъ прогрессивности или регрессивности вліянія образа. Оно произошло за сценой и мы видимъ только результатъ:

„Увы на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья.
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ вослѣдъ идутъ. Он. VI, 38.

Ср. раздѣльныя сравненія поколѣній и листьевъ—Ил. VI. 145; XXI. 463 сл.

Postposit. asyndeton: Wein macht munter geistreichen Mann; Weihrauch ohne Feuer man nicht riechen kann. Göthe. Xenien. IV. 67. „So sei doch höflich!“ — Höflich mit dem Pack? Mit Seiden näht man keinen groben Sack., ib. V. 82. — Sollen dich die Dohlen nicht umschrein, musst nicht Knopf auf dem Kirchthurm sein. ib. V. 73. Сравн. postp. asyndeton (=примѣненіе басни. притчи): „Посланный отъ Нерона... принесъ Петронію повелѣніе Цезаря возвратиться въ Римъ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи... Флавій Аврелій спросилъ его (Петронія), долго ли думаетъ онъ оставаться въ Кумахъ и нестрашится ли раздражать, цесаря ослушаніемъ? — „Я не только недумаю ослушаться его“. отвѣчалъ Петроній, „но даже намѣренъ предупредить его желаніе. Но вамъ, друзья мои, совѣтую возвратиться: путникъ въ

ясный день отдыхаетъ подъ тѣнію дуба, но во время грозы отъ него благоразумно удаляется, страшась ударовъ молніи". Пушк. Изд. Общ. IV, 382.

Виды метафоры, со стороны качества образа и отношенія къ значенію. [1])

Προσωποποιΐα, personificatio, олицетвореніе. Въ языкѣ сюда — женскій и мужескій родъ въ примѣненіи къ названію предметовъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ и глагольное сказуемое, приписывающее такимъ предметамъ дѣйствіе.

Звательный именъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ и 2-е лицо:

Ой гаю мій гаю, густий, непрогляну,
Що на тебе гаю, и вітер не віє...
Ніч моя темная, зоря моя ясна!
Яка моя доля нещасна!

Старый солдатъ, служитель при корпусѣ казеннокоштныхъ студентовъ Харьковскаго университета (1852—4 г.), заправляя свѣчу въ ночникъ и зажигая её: „Щож ти не гориш? Гори-ж, гори!"

„На шеѣ у Петровича висѣлъ мотокъ шолку и нитокъ, а на колѣняхъ была какая-то ветошь. Онъ уже минуты съ три продѣвалъ нитку въ иглиное ухо, непопадалъ, и потому сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: „не лѣзетъ варварка! уѣла ты меня шельма этакая!" Гоголь, Шинель. Сербск. Пушко шарко, и отац и мајко.

Въ нѣмецк. стихотвореніи 1300 г., играющій въ кегли — къ шару: „louf Kugel vrouwe! zouw din (eile), liebiu frou, nu zouwe!" Въ пѣснѣ Christian'а von Hamle: „Her Anger, waz ir iuch fröiden muostent nieten, dô min frowe kom gegân!... Erloubet mir, her Grüener Plân, daz ich mine füe e setzen müeze dâ mîn frowe hât gegân."

---

[1]) Метафора, особенно развитая, (сравненіе, аллегорія) бросаетъ отсвѣтъ на сравниваемое, которое она изображаетъ то милымъ, то противнымъ, то важнымъ, то ничтожнымъ и пр. Герберъ.

Вообще „быть можетъ, никто не пользовался въ такой мѣрѣ олицетвореніемъ, какъ нѣмецкіе и романскіе средневѣковые поэты" У Нѣмцевъ: Frau Minne, Frau Ehre, Frau Welt, Frau Abenteuer и т. п. Wackernagel Poetik 524—5.

Печушка матушка! Кабы я на тебѣ, а ты на конѣ, послужилъ бы Богу и государю! (*Олицетвореніе*— въ уменьшительныхъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ. Домъ нашъ *глазами* стоитъ къ рѣкѣ (окнами, лицемъ) Арх.

Ты пади, *стрѣла*, не на воду, не на землю,
Ты пади, стрѣла, во дубъ-древо,
Изъ сыра дуба въ сиза голубя
Сизу голубю пади ты во право око!, Кир. П. в. III, 18
Ты *тулупъ* ли мой, тулупчикъ, шуба новая!
Я носилъ тебя, тулупчикъ, ровно тридцать лѣтъ:
Обломилъ ты мнѣ, тулупчикъ, могучи плечи. Кир. П. в. II, 1.

Что дѣйствительно сказуемое чувствуется, какъ дѣйствіе, результатъ воли подлежащаго:

„У воротъ верeюшка
Не вилась а повилась;
Не сама завивалась,
Завивали плотнички,
Плотнички московскіе,
Топоры королевскіе.
На Ивану кудерцы
Не вились а повились;
Не сами завивались
Завивала матушка...

Стан. Темижбекская, Кубан. Обл. Сб. мат. для описанія Кавк., вып. III, 62".

Ты березанька моя да моя кучерявая!
Ты весной, ты весной какъ быстрая рѣка.
Эта рѣчушка [illegible] [illegible].
Она вдругъ разольется... Ib. 74.
Морозъ лютый [illegible] [illegible].

Бѣлый снѣжокъ въ глава порошитъ, ib 83,
—-Ой ходить сонъ коло вікон,
А дрімота коло плота. М. 2.

Сюда *съ умомъ*, *безъ ума*.

„Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ
Внимая звонкій голосъ ихъ,
Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ трепетъ сердца въ ней затихъ. Он. III, но
...И того ль искали
Вы чистой пламенной душой,
Когда съ такою простотой,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали? IV, 15

Next day sche made a desperate and feeble attack, presenting her self at shrublands lodge-gate and threatening that *she* and *soorrw* would sit down before it; and that all the world should know, how a daugkter treated her mother (о матери, которая была принуждена оставить домъ дочери). Теккерей.

Личное творчество строитъ на основаніи языка, въ томъ же направленіи.

Задумчивость, *ея подруга*
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченіе сельскаго досуга
Мечтами украшала ей, Он. II, 26.
Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ, II, 32.
Потомъ увидѣлъ онъ,
Что и въ деревнѣ скука та же...
...Хандра ждала его на стражѣ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь, иль вѣрная жена, I, 14.
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
Поймала, за воротъ взяла

И въ темный уголъ заперла, VIII, 34.
Читаю мало, много сплю,
Летучей славы не ловлю... I, 55.
Развратъ, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя
И наслаждаясь нелюбя, XVII, 7.
Ея постели сонъ бѣжитъ IV, 23.
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней IV, 41.
Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтренная *младость*,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима;
Гадаетъ *старость* сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: *надежда* имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ, V, 7.
Столы зеленые раскрыты;
Зовутъ задорныхъ игроковъ—
Бостонъ, и ломберъ—стариковъ,
И вистъ, до нынѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья. V, 35.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года, VII, 1.
Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, Весна! пора любви!... VII, 2
...Но лѣто быстрое летитъ.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, блѣдна,

Какъ жертва, пышно убрана...
Вотъ Сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ—и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.
Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ *матушки* зимы. VII, 29, 30.
Увы невѣста молодая
Своей *печали невѣрна.*
Другой увлекъ ея *вниманье,*
Другой успѣлъ ея страданье
Любовной лестью усыпить, VII, 8—10.
Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій па бильярдѣ отдыхалъ,
На смятомъ канапе лежалъ
Манежный хлыстикъ... VII, 17.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодный.
Темно въ долинѣ. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою, VII, 20.
Мосты чугунные чрезъ воды.
Шагнутъ широкою дугой;
Раздвинемъ горы; подъ водой
Пророемъ *дерзостные* своды. VII, 42.
Не спится ей въ постелѣ новой,
И ранній звонъ колоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,
Ее съ постели поднимаетъ, VII, 43.
Въ безплодной сухости рѣчей
Вопросовъ, сплетень и вѣстей

Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки,
И даже глупости смѣшной
Въ *тебѣ* не встрѣтишь, свѣтъ пустой, VII, 48.
Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный
И зеленѣющій Машукъ,
Машукъ, *податель* струй цѣлебныхъ. Пушкинъ.
Что устрицы? Пришли! О радость!
Летитъ обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ
Затворницъ жирныхъ и живыхъ, ib. 186.

Муза и проч.—у Пушкина:

Въ тѣни близь водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться *муза* стала мнѣ. Он. VIII, 1.
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней, I, 45.
И водъ веселое стекло
Неотражаетъ ликъ Діаны, I, 47.
Онъ святъ для внуковъ Аполлона, I, 49.
Быть можетъ въ Летѣ непотонетъ
Строфа, слагаемая мной, II, 40.
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ, II, 40.
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы, II, 13;

Гименъ, III, 50; *Лель*, V, 10; Грація, VII, 46; Мельпомена, VII, 50

Ἀλληγορία, иносказаніе, въ обширномъ смыслѣ обнимаетъ всѣ случаи различія между образомъ и значеніемъ. Стало быть, неговоря уже о возможности примѣненія этого слова къ другимъ искусствамъ, въ области словесности, аллегорія совпадаетъ съ

поэзіей вообще. Затѣмъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ подъ *аллегоріей* разумѣютъ сліяніе нѣсколькихъ метафоръ. Cic De oratore: Jam cum confluxerunt plures continuae translationes, alia plane fit oratio: itaque genus hoc Graeci appellant *ἀλληγορίαν*, Gerb. II,[2] 92.

Аллегорія въ еще болѣе тѣсномъ смыслѣ есть метафора не только а) *сложная* (метафора въ одномъ словѣ, какъ „пониманіе", „волненье", „плѣнительный", и въ одномъ предложеніи или сочетаніи предложеній, напр. пословица, можетъ аллегоріей и неназываться), но и б) *полная*, т. е. такая, въ словесномъ выраженіи которой нѣтъ явственныхъ указаній на ея значеніе (*полная*, т. е. такая, которая въ цѣломъ другого значенія, кромѣ метафоричнаго, не имѣетъ. Такимъ образомъ „Его язвительныя рѣчи *вливали* въ душу *хладный* ядъ" (Пушк. Демонъ) есть метафоричное изображеніе дѣйствія *рѣчей*, а въ цѣломъ не аллегорично).

Такимъ образомъ у Пушкина (Онѣгинъ VIII, 1—7) развитое олицетвореніе поэзіи въ цѣломъ не есть аллегорія, такъ какъ лицо самого автора, мѣсто и люди, среди которыхъ является его муза, его подруга, не метафоричны. Точно также по неметафоричности субъекта („кто") не есть аллегорія слѣдующее:

„Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, недопивъ до дна
Бокала полнаго вина;
Кто недочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ. Он. VIII. 51.

Примѣръ аллегоріи у Вакернагеля (Poetik): „Die Römische Dichtkunst war aus Griechischen Samen in den Garten eines Kaisers verpflanzt, wo sie, als schöne Blume da stand *und* blühte" есть неполная метафора, такъ какъ образность аттрибутовъ невполнѣ заслоняетъ прозаическое значеніе субъекта „римская поэзія".

Ст. Пушкина „Дорожныя жалобы" по отношенію образа (дорожныя неудобства) къ болѣе общему однородному значенію— метонимично; но отчасти сходное съ нимъ „Телѣга жизни" аллегорично, не потому, что на значеніе его неуказываетъ въ немъ

самомъ ничто, и что это загадка, разгадка коей—въ заглавіи „Телѣга *жизни*“ (ибо въ такомъ случаѣ множество образовъ, понимаемыхъ иносказательно — „грязь блеститъ на солнцѣ“ и т. п. были бы аллегоричны); *а потому*, что весь образъ другого значенія, кромѣ метафоричнаго, неимѣетъ: нѣтъ другой телѣги съ ямщикомъ-временемъ, кромѣ телѣги жизни.

Такимъ образомъ *аллегорія*—фантастическій образъ, созданный или взятый ad hoc, только ради значенія. Общее дано *ante*. Тѣмъ неменѣе аллегорія можетъ быть необходима для мысли, насколько она даетъ частныя опредѣленія этого общаго. Холодныя аллегоріи—ненужныя.

Фантастичность цѣлаго совмѣстима съ реальностью, мѣстностью и историчностью чертъ. Въ этомъ отношеніи „Телѣга жизни“ со своимъ русскимъ (до эманципаціи) сѣдокомъ и ямщикомъ:

„Съ утра садимся мы въ телѣгу,
Мы рады голову сломать
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: пошелъ е–на мать“

выше, чѣмъ Гете „An schwager Kronos“ (сравнить).

Въ аллегорію можетъ входить олицетвореніе (ямщикъ—время, Кроносъ).

Аллегорія въ частномъ смыслѣ — отвѣтъ на вопросъ „какъ бываетъ“, „какъ есть“; басня—на вопросъ „какъ быть“.

Эту разницу могъ имѣть въ виду Лессингъ, говоря, что басня „ein bild“. Однако „медвѣжья услуга“ „волчьи доводы“ (Волкъ и ягненокъ)? — Die Fabel sagt: so geht er zu in der Welt. (Gerb. II, 463—4). Но въ аллегоріи *обычность* внесена въ самый образъ. (см. Ев.).

Образъ аллегоричный неесть непремѣнно фантастичный.

Стихотвореніе Пушкина „Аріонъ“ аллегорично потому, что самъ авторъ представленъ миѳическимъ пѣвцомъ, участникомъ поѣздки, въ родѣ похода Аргонавтовъ, начавшейся крушеніемъ.

Ближайшій смыслъ стихотворенія объясняетъ обстоятельство жизни автора (близость его къ потерпѣвшимъ крушеніе 14 дек. 1825 года).

Сложность образа соотвѣтствуетъ сложности вопроса (выраженнаго или невыраженнаго), на который образъ служитъ отвѣтомъ. Иначе: должно быть соотвѣтствіе между психологическимъ подлежащимъ и сказуемымъ (какъ и между грамматическими).

На вопросъ *каково* N, *что* и *какъ* оно дѣлаетъ, служитъ отвѣтомъ *метафора* въ части предложенія и (сравненіе) въ части періода. *X* (неизвѣстное) здѣсь оказывается однимъ понятіемъ. Сюда—притча.

Вопросы *почему* и *для чего*, а равно *слѣдуетъ ли, должно ли?* —т. е. вопросы о причинѣ и цѣли таковы, что неизвѣстное въ нихъ по разъясненіи можетъ оказаться только отношеніемъ мысленныхъ единицъ. Отвѣтъ на эти вопросы невмѣщается въ грамматическое единство (т. е. предложеніе или грамматическое сочетаніе предложеній) и составляетъ по отношенію къ вопросу нѣчто самостоятельное, ибо винословное сочетаніе предложеній (съ *потому что, ибо*) заключаетъ въ себѣ и повтореніе вопроса. Такимъ образомъ если отвѣтъ на *почему*, *для чего* метафориченъ, то онъ составляетъ особую сложную метафору: аллегорію, басню, притчу. [1])

---

[1]) тък. (ткну) притъча—подобіе. *Тъчьнъ*, равенъ, сверстенъ: „съ точными и меньшими любовь имѣти (Лав. 101. 9). Точно—именно равно. „Хощешь ткнути (напасть ср. potykać się) на пѣшіе, Л. 140. 21. Угри же королевы то узрѣша Володимеровы полкы, ту же не постряпуче поткнуша къ нимъ, Лав. 145. 9. Вышедшимъ же пѣшимъ изъ города стрѣлятся, и поткну нань (вин. мн.) съ дружиною—съ Половци. 145—35 *Тъкнути* на... аттаковать Ип. 47—5; 61—32; 62—1. *потъкнутися*, *случиться* Ип. 48. 13; 148, 24. *подътыкати*—побуждать. И. п. 139, 32.

См. Микл. слово съ тък—*тъчь*—(Ст. славянск. тъкмежь, partum ср. съ Чеш. rownati, Нѣм. vergleich, тъчьнъ, равенъ, сходенъ ср. съ „точь въ точь“.

Притыкати сравнивать: „да не зазирайте мене, братиѥ, понеже во пьсѣхъ *притъчю* (сравню съ собаками), вы бо мя нудите оттуду притъча приносити... аще вы глаголю о чловцѣ *крѣпъ*, то вы речете: тъ бо мощьнъ бѣ и зѣло сильнъ; да сего цѣща (=ради) ни чльцѣ васъ *притъчю* (сравню; съ мѣстн. пад. предмета, съ коимъ сравн.) нъ звѣрий, (genit partit.) пьсѣхъ, тъ же таковь звѣри иже въ естьствѣ своимь того съмысла не имать, нъ наказаніемъ чльчьмь такъ (=таковъ) бываеть (Златоструй до 1200 г. Срезн. Пам, Изв. X, 534). „Или Русьскому гостьи *притъча* ся пригодить въ Ризѣ... никако же его въ дыбу въсадити (Догов. 1230. Изв. Хт, 600.). Притъча= убить или ранить и т. п. Ср. Мр. пригода. Ср. Притча Бусл. Очер. 18, 122, 198.

Въ догов. 1229 по Сп. Д. (Русс. Лив. Акты, Прил.): Бъ того не дал, аче кого притча приметь, ли лодья уразится... По сп. А. Оу кого ся избиѥть оучанъ, а любо челнъ, Б҃ъ того не далъ..

Евангельская притча. Подъ параболой (*παραβολή*) въ Евангеліи разумѣется, во-первыхъ, всякое сближеніе, иносказаніе, напр.: отъ смоковницы возьмите подобіе (*ἀπὸ δὲ τῆς συκῆς μάθετε παραβολήν*): когда вѣтвь (*κλάδος*, можетъ быть, скорѣе *почка*) становится сочна и пускаетъ листья, то знаете, что близко лѣто. Такъ, когда вы увидите все сіе, знайте, что близко, при дверяхъ (кончина вѣка) Матѳ. 24, 2—3.

Во вторыхъ, сближеніе, уподобленіе, назначаемое для непосвященныхъ, таинственный смыслъ коего требуетъ разъясненія и посвященнымъ: вамъ дано знать тайны (*τὸ μυστήριον*) Царствія Божія, а тѣмъ внѣшнимъ (*τοῖς ἔξω*) все бываетъ въ притчахъ (*ἐνὶ παραβολαῖς*), такъ что они своими глазами смотрятъ и не видятъ, своими ушами слышатъ и неразумѣютъ... (Ученикамъ): Непонимаете этой притчи? И какъ же вамъ понять всѣ притчи?, (По поводу притчи о сѣятелѣ) Маркъ 4, 11, 3.

Загадочность и необходимость толкованья, которое и прилагается къ нѣсколькимъ притчамъ, вытекаетъ изъ свойства вопроса, отвѣтомъ на который служитъ евангельская притча. Этотъ вопросъ есть не „почему“ и „для чего“, не частный случай, требующій теоретическаго оправданія, какъ выше, не вопросъ о связи понятій; а о составѣ очень сложнаго понятія, каково понятіе Царствія Божія.

Приближеніе къ извѣстному нравственному совершенству есть приближеніе къ царствію Божію: „книжникъ сказалъ:... одинъ Богъ... и любить его... и любить ближняго... это больше всѣхъ всесожженій и жертвъ: Іисусъ сказалъ ему: недалеко ты отъ Царствія Божія. Маркъ 12. 32—4.

Въ Гр. 1504 (С. г. гр. № 140): лѣсомъ къ березе къ волчей, что стоитъ на меже на сутокехъ. Кто съ серпа или съ кручины такъ бьетъ (т. е. какъ и чѣмъ ни попало), —многи притчи отъ того бываютъ: слепота и глухота, в руку и ногу вывихнуть и персть, и главоболіе и зубная болезнь, а у беременныхъ женъ и дѣтямъ поврежение бываетъ въ утробѣ. Домостр. 38. А въ конюшне и у сѣна и у соломы однолично изъ фонаря огня не вынати, всякія для притчи. Домостр. 24.

—Притучати (что? на мя [illegible] и лѣдамъ неразумнаѣ притучать, ако же и форгѣ и родъ и духмы [illegible] (Изборникъ Святосл. Бусл. Матер. 9. Здѣсь есть усиленіе [illegible] Срб. [illegible] обумаћеху. та није могла своју [illegible] колико кув на очима вријети. Бар. Прилог. 164.

Притча, parola, parabola. Mikl. II. 79

Понятія о нравственномъ совершенствѣ объективируются въ Богѣ. Приближаться къ Богу значитъ стнановиться сыномъ Божіимъ: любите враговъ вашихъ, да будете сынами Отца Вашего небеснаго, ибо Онъ повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми... Матѳ. 5, 44—5.

Затѣмъ подъ приближеніемъ Царствія Божія, можно разумѣть наступленіе общественнаго порядка, возникающаго изъ распространенія сыновства Божія.

И вотъ на вопросъ „что есть Царствіе Божіе" иногда въ началѣ лишь подразумѣваемый, иногда заключенный въ началѣ отвѣта, (чему уподобимъ царствіе Божіе, или какою притчею изобразимъ его?) Маркъ 4, 30: „Оно какъ зерно горчичное, которое, когда сѣется въ землю, есть меньше всѣхъ сѣмянъ въ землѣ; а когда посѣяно, всходитъ, и становится больше всѣхъ злаковъ, и пускаетъ большія вѣтви, такъ что подъ тѣнью его могутъ укрываться птицы небесныя".

БАСНЯ.[1]

(Lessing. Abhandlungen über die Fabel 1795. S. Werke, Leipz. 1867).

Басня въ сборникѣ, на бумагѣ, въ устномъ произношеніи (№, скажи басню!)—ни на что ненужна, празднословіе. Но басня является и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о слезахъ, о крови, о головѣ, о судьбѣ обществъ, гдѣ не до шутокъ и празднословія.[2] Наблюдать такіе случаи въ дѣйствительности трудно, потому что ихъ нѣтъ, когда мы способны къ наблюденію, и появляются они тогда, когда намъ не до наблюденія; но есть приблизительно вѣрныя изобра-

---

[1]) Печатаемые наброски были конспектомъ частнаго курса лекцій, читанныхъ на дому. Программа первой вступительной лекціи: *Отношеніе поэтическаго произведенія къ слову*. Начать съ басни для методологическаго удобства. Условія правильнаго наблюденія: устранить по возможности предразсудки. Примѣры предразсудка въ наукѣ: перенесеніе прежнихъ обобщеній въ новое изслѣдованіе (миѳъ въ наукѣ). Примѣръ изъ зоологіи: неизмѣняемость видовъ и Дарвинъ. Въ приложеніи къ баснѣ—что есть отвлеченность?

[2]) Непріятный человѣкъ—безвременная басня: „онъ всегда будетъ на устахъ невѣждъ".—„Притча изъ устъ глупца отвратительна, ибо онъ нескажетъ ее въ свое время". Сирахъ, 21, 19—20.

женія. Это тоже отвлеченія, но слабѣйшія и болѣе близкія къ дѣйствительности.

Примѣры политической басни: *басня* Іоѳама, Кн. Судей, гл. IX; *басня* Наѳана, Кн. царствъ, II, 12. *Стезихоръ* (б. о конѣ, оленѣ и человѣкѣ=о Филарисѣ и гимерцахъ, Lessing Phedr. IV, 4 Equus et aper). *Пушкинъ*, Капитанская дочка, гл. XI, сказка калмычки о воронѣ и орлѣ—Пугачева). Отсюда два элемента басни: *образъ* и примѣненіе. [3])

Свойства образа.

1. Это не эмблема, не образъ въ тѣсномъ смыслѣ, не сравненіе только (суховерхое дерево, капля, висящая на листу и пр.). Тургеневскіе Necessitas и пр., *Два брата*, *Сфинксъ*, *Камень* (стихотворенія въ прозѣ)—все это субъекты отсутствующихъ предикатовъ. Съ точки соотвѣтствія между подлежащимъ и сказуемымъ, у Тургенева l. c. сказуемое=программа для живыхъ картинъ, которыя неотвѣчаютъ ни на какой постоянный вопросъ. Подлежащее у него соотвѣтственно этому не конкретный случай, требующій рѣшенія, которое дается обобщеніемъ, а готовое обобщеніе, нетребующее отвѣта, а уже заключающее его въ себѣ.

Образъ въ баснѣ долженъ быть не однимъ моментомъ, а рядомъ моментовъ (представляющихъ единство, о чемъ ниже), потому что объясняемое басни есть сложное явленіе, (разлагаемое) состоящее изъ одного или многихъ дѣйствующихъ лицъ, производящихъ дѣйствіе. Эмблема соотвѣтствуетъ только субъекту, а не сложности объясняемаго. Изобразительныя искусства (скульптура, живопись) только заставляютъ догадываться о дѣйствіи, а не изображаютъ его. Примѣры—это *лиса*, *волкъ*, *медвѣдь*.

2. Образъ басни долженъ быть дѣйствіемъ, измѣненіемъ или рядомъ измѣненій, представляющихъ единство. Примѣръ отсутствія единства, Phaedr. IV, 11. Воръ и лампадка. V, 3. Лысый и муха.

3. Басня, будучи дѣйствіемъ (что предполагаетъ дѣйствующее лицо v. лица—*подлежащія* и дѣйствія—*сказуемыя*), вся въ цѣ-

[3]) Розборъ этихъ басенъ сдѣланъ въ соч. „Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня, пословица, поговорка". А. Потебня.

ломъ есть отвѣтъ на запросъ, дѣлаемый сознанію новымъ конкретнымъ явленіемъ, т. е. есть постоянное сказуемое перемѣнчивыхъ подлежащихъ.

Если бы дѣйствующія лица басни (и обстоятельства, напр. мѣстность и пр.) привлекали къ себѣ вниманіе, возбуждали сочувствіе или неудовольствіе настолько, насколько это бываетъ въ животномъ или человѣческомъ эпосѣ, повѣсти, романѣ, то басня перестала бы быть собою, т. е. быстрымъ отвѣтомъ на вопросъ.[1]) Для того чтобы обширное поэтическое произведеніе стало такимъ отвѣтомъ, нужно, чтобы оно отодвинулось въ даль, всѣ его подробности исчезли, и остались лишь нѣкоторыя общія очертанія: Парисъ похищаетъ Елену. Менелай и Агамемонъ ведутъ грековъ подъ Трою. Гибнетъ Патроклъ, Ахиллъ и много грековъ отъ оружія и заразы. Гибнетъ Троя... Вотъ басня на тему: „delirant reges, plectuntur Achaei", „пани скубутьця, а у муживів чуби тріщать", но богатство содержанія исчезло. [2])

Пользоваться такъ сложными поэтическими произведеніями можно и должно; но, очевидно, такое пользованіе предполагаетъ другое, исключительно свойственное этимъ произведеніямъ и отличное отъ пользованія баснею.

Такимъ образомъ басня, ради годности своей къ употребленію, недолжна останавливаться ни на характерѣ дѣйствующихъ лицъ, ни на изображеніи сцены. Отсюда—требованія относительно изложенія. Двѣ манеры: 1) древніе, преимущественно греки, и 2) Лафонтенъ съ подражателями и переводчиками. Отсюда—важность *животныхъ* въ басняхъ(=*фигуры* въ шахматахъ). Очеловѣченіе міра несоздано баснею, а предполагается ею, какъ нѣчто готовое. Gerber II², 463—5, ib. о необходимости эзоповскаго яз.).

---

[1]) Пушкинъ—Сапожникъ (1829) и Квитка—Салдацкій патретъ. Лермонтовъ—Три пальмы (караванъ).

[2]) Почему аллегорическій образъ неможетъ быть развитъ въ обширное произведеніе безъ утраты своего дѣйствія, т. е. эстетическаго достоинства? Внутреннее, противорѣчіе между метафоричностью образа и его конкретностью, Gerber II², 483. Оцѣнка аллегорической живописи: область живописи—синекдоха, метонимія, но не метофора.

Гидъ дѣйствій въ баснѣ долженъ прекращаться, какъ скоро явилась возможность примѣненія. Басня *Старикъ* и *смерть* оканчивается: „*Помоги поднять бремя!*“ Но, говоритъ Лессингъ, съ концомъ басни неокончилось событіе: исполнила ли смерть просьбу? оставила ли она старика въ живыхъ? и пр.—*Турухтанъ* и *море* (Strandläufer)—„море унесло яйцо турухтана“—(первая половина и собственно конецъ басни.)— „Турухтанъ мститъ, доходитъ до царя птицъ Гаруды и Вишну“—(вторая половина, 2-я басня), но примѣненіе первой и второй половины различно, а въ цѣломъ басня неможетъ имѣть примѣненія. (Объясн. млр. п. I, 256).

4. *Конкретность дѣйствія.* Что будетъ, если превратить въ общія положенія басни: Пугачева (орелъ и воронъ); Обезьяна и дѣтеныши; Страусъ, прячущій голову; басню Наѳана?

а) Если дѣйствія, приписываемыя лицу или лицамъ сказки, басни, суть свойства не родовыя, а частныя, то при обобщеніи получается нелѣпость: всѣ богатые (=каждый богатый) для своего гостя отнимаютъ овцу у бѣднаго.—Если бы Наѳанъ сказалъ Давиду: нѣкоторые богатые и пр., то Давидъ могъ бы отвѣтить: „да, вѣроятно, есть гдѣ-либо, но съ какой стати ты говоришь мнѣ это? И если бъ Наѳанъ сказалъ: „ты одинъ изъ нихъ“, то можно возразить: „это еще нужно доказать.“ Такимъ образомъ басня превратилась бы въ изслѣдованіе.

б) Если единичный образъ (=дѣйствіе) можетъ быть обобщенъ безъ перехода въ абсурдъ, то по обобщеніи мы получаемъ научное положеніе: „говорятъ, обезьяны производятъ по два дѣтеныша. Одного изъ нихъ мать любитъ и лелѣетъ, другого ненавидитъ и пренебрегаетъ. Странно, что любимаго мать удушаетъ своими ласками, объятіями, тогда какъ нелюбимый благополучно дорастаетъ до совершеннолѣтія.“ Fab. Aesop., 263 (Less—71).

Такимъ образомъ получается прозаическое, научное обобщеніе.

Почему такія положенія: „ласточки“ возвращаются весной и проч. (Іоан. Экз.)—научны? Свойство научнаго обобщенія состоитъ въ томъ, что оно ведетъ мысль къ частностямъ, въ немъ заключеннымъ, но не къ частностямъ другого круга.

Поэтому для установленія связи между такимъ обобщеніемъ и явленіемъ другого порядка нужно бóльшее усиліе мысли, чѣмъ для установленія связи между единичными явленіями, которыя при правильномъ обобщеніи были бы разнесены по различнымъ разрядамъ. Съ увеличеніемъ этого усилія уменьшается способность объясненія частнаго общимъ другого порядка. Отсюда необходимость, принимая объясняющее для инороднаго (общаго или частнаго), называть это послѣднее и указывать на его отношеніе къ первому (*παραβολή*=сравненіе, *παραβάλλω*, бросать, класть подлѣ, сближать съ). Это *притъча*, *прикладъ* (иное значеніе получило слово *примѣръ*). [1] „И отъ ластовицъ не вѣроуеши ли, ꙗже оу тебѣ щьбьчеть вьсе лѣто зѣло красьнѣ? и зимѣ пришьдъши отидеть отъ тебѣ, и за короу залѣзъши приплатитьтисꙗ доубоу, и перье съврьжеть; годоу-же весньноуоумоу пришьдъшоу пакы сꙗ обрьжеть перьемь, ꙗко и навь из гроба исходꙗщи, весна бо еи въстаниѥ принесеть, и много пакы г҃лть и щьбьчеть, тъкмо не рекоущи: ч҃лвчине! отъ мене вѣроуи во въскрьсении. (I. Экз. Калайд. 137).

Здѣсь общее, объясняющее, представлено, какъ постоянно повторяющееся явленіе: „каждый разъ какъ наступитъ пора, каждая ласточка“ и пр.

---

[1]) *Притъча*—сравненіе (=послѣ сравниваемаго): „Яко же и дымъ отъ дрѣва и отъ огнѣ възидетъ горѣ рѣдькъ и слабъ, таче яко възидетъ на высость, якы облакъ се сътьнетъ и оудебелитъ; тако же и водьноѥ ѥс҃ство и родъ Бъ възвышивъ съте. и дебели, оутвр'дивъ. А яко же по истинѣ е прит'ча си, свидѣтельствуетъ Исаиѣ гл҃е, яко же н҃бо акы дымъ оутвръди се. Іоан. Экѕ. Шестод. 34. Небо ледъ, а подъ нимъ огонь солнца: „Есть же и притьча тому“: оловяный котелъ съ водою подъ углями, ib. об. 34 ib. 170, об. 171. Кака доброта ест бес приклада творьча и славна и дивна и чюдна, Шестодн. 19.

Приклоненъ—подобьнъ (ср. сходенъ). Въ Библіи 1499 г. (Бусл. Мат. 51.): и бо; ровѣ (=е) не прик(л)он'ни вѣѣхъ его и еллие (sic) не бысть приклон'но отраслехъ его и сосны не подобны отраслемъ его, 31, 8: вьсе дрѣво еже въ раи Божіы не бысть приклонно ему въ добротѣ его, ib.

Ой білая паутина по тину повилась,
Маруся з Иваном понялась понялась,
Які руки, такі ноги, така й голова,
Узійшлися, обнялися-люба й розмова.

Област. вкр. *суразица*, сходство, подобіе, противень, Бусл. Оч. I, 180.

Противу: Золъ бо человѣкъ противу бѣсу, и бѣсъ того не замислить. Ип. 99 (371). У Котошихина: противъ того, какъ=согласно съ тѣмъ. подобному тому какъ.

„Возможность есть видъ всеобщности“, напримѣръ избраніе, назначеніе кормчимъ наиболѣе опытнаго изъ корабельщиковъ, рядомъ съ чѣмъ—возможность назначенія кормчаго по жребію. Въ реторикѣ Аристотеля: „назначать правительственное лицо по жребію все равно, какъ если бы владѣлецъ корабля, нуждаясь въ кормчемъ, вмѣсто того чтобы выбрать для этого наиболѣе годнаго изъ своихъ корабельщиковъ, взялъ такого, на котораго упадетъ жребій“. (Lessing).

Что можетъ быть, можетъ и не быть, почему объяснительная сила возможнаго меньше силы дѣйствительнаго. Отсюда—превращеніе *притчи* (*παραβολή* Аристотеля съ *ὥσπερ, εἴ τίς*) въ басню (*λόγος*), въ коей дѣйствіе изображено, какъ дѣйствительное и единичное.

Отношеніе образа къ объясняемому: а) образъ есть постоянное сказуемое къ перемѣнчивымъ подлежащимъ=постоянное средство аттракціи измѣнчивыхъ апперципируемыхъ. *Примѣры*: басня Стезихора, Лягушки просящія царя (Эзопъ; Федръ относитъ къ Пизистрату); Оселъ и пастухъ (Федръ I,15): патріотизмъ. „Слонъ и моська“, Крыловъ; „Дуракъ“, Тургеневъ, Стих. въ прозѣ; Арабъ и верблюдъ, Babrius. Цыганъ: ори, мели, ïжь.—Отсюда—вѣчность басни; предѣлы ея существованія.

б) Образъ есть нѣчто гораздо болѣе простое и ясное, чѣмъ объясняемое, что легко увидѣть на примѣрахъ хорошей басни.

Когда, указывая на вещь, называютъ ее по имени, то буде мы говоримъ понятнымъ языкомъ, никто неспроситъ, что значитъ это названіе. Когда басня разсказывается по поводу извѣстнаго говорящимъ частнаго случая, то, буде она хороша, т. е. ясна, никто неспроситъ, къ чему она и что она значитъ. Мужъ и жена замечтались о томъ, какъ устроятъ они свою жизнь, когда выиграютъ въ лотерею 200 тысячъ, заспорили и наговорили другъ другу колкостей. Но тутъ вспомнился имъ цыганъ, его будущая корова съ теленкомъ и сынъ, котораго онъ ударилъ: „не ïздь (на теленкѣ), спинку переломишъ?“ И они разсмѣялись.

Вотъ она рѣшительница спора. Вотъ случай прозаическаго, осязаемаго значенія поэзіи.

Но разъ оторванный отъ своего корня поэтическій образъ ходитъ по людямъ, какъ готовое сказуемое еще неизвѣстныхъ подлежащихъ, разъ возникаютъ профессіональные хранители и распространители этихъ образовъ,—возникаетъ и стремленіе пояснять, на что этотъ товаръ можетъ быть пригоденъ. Такое поясненіе происходитъ трояко: или словесно выраженнымъ указаніемъ на частный случай, сходный съ разсказаннымъ въ баснѣ; или приведеніемъ общаго положенія, на которое указываетъ басня; или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Примѣръ послѣдняго случая — басня Крылова „Ворона“ (въ павлиньихъ перьяхъ).

Двойная (сложная) *басня*. Если частный случай *А*, по поводу котораго сказана, или къ которому примѣнена уже готовая басня *Б*, будетъ изложенъ такъ, что самъ по себѣ находитъ примѣненіе, т. е. самъ по себѣ составляетъ басню, и если это изложеніе *А* будетъ приступомъ къ *Б*, то получится поэтическая форма, которую Лессингъ назвалъ составною басней (zusammengesetzte fabel).

Очевидно, не точно выраженіе Лессинга, что „одна и та же басня можетъ быть (смотря по способу обработки) то простою, то сложною“, ибо сложность здѣсь именно и состоитъ въ томъ, что въ составной баснѣ является новый актъ творчества, такъ какъ въ ней не одна басня, а двѣ.

Примѣръ. „Волкъ и мышоновъ“, Крылова: волкъ утащилъ овцу, мышеновъ стянулъ у него кусочекъ мяса, и волкъ закричалъ“: караулъ! Разбой! Держите вора!

Такое жъ въ городѣ, я видѣлъ, приключилось:
У Климыча судьи часишки воръ стянулъ,
А онъ кричитъ на вора: караулъ!

Ср. у Бабрія: Левъ отнялъ у волка овцу, волкъ взвылъ, сталъ жаловаться, что незаконно отнимаютъ у него его собственность.—„Зеркало и обезьяна“, Крылова:

Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра

Лафонтенъ: Le coq et la perle—полный параллелизмъ: во 2-ой пол. Un ignorant hérita d'un manuscrit.

Лессингъ: простая (эзоповская) басня („Львицу попрекаютъ (по нѣкоторымъ версіямъ именно свинья), что она родила только одного дѣтеныша“. „Да, одного, но льва“) становится составною по присоединеніи къ ней слѣдующаго: „я“, говорилъ стихоплетъ поэту, „сочиняю по семи трагедій въ годъ! А ты? Въ семь лѣтъ одну!“ —Да, одну, но Аталію (Расинъ).

Въ составной баснѣ баснописецъ пользуется простой басней такъ же, какъ пользуется ею въ ея первобытномъ состояніи, съ тою разницею, что въ этомъ состояніи басня приходитъ на мысль по поводу частнаго житейскаго случая, а въ составной баснѣ наоборотъ.

Соединеніе мотивовъ можетъ быть въ различной степени отлично. Чѣмъ общѣе образъ *А* и чѣмъ становится неопредѣленнѣе кругъ, количество его примѣненій, тѣмъ нужнѣе становится вмѣшательство самого автора, выражающееся въ сопоставленіи *А* съ *Б*, которое суживаетъ кругъ примѣненія. Напримѣръ, бас. Гребенки, „Ячмень“: пустые и полные колосья ячменя, склонившіеся „мов ми неграмотніи перед великим паном и пр. Въ этой баснѣ сопоставленія А (колосья) съ Б (неграмотными), затрудняютъ примѣненіе *А* къ скромности достойныхъ и высокомѣрію ничтожныхъ и ненужныхъ людей, ограничивая примѣненіе отношеніями земледѣльца къ состояніямъ и званіямъ чужеяднымъ при дурномъ состояніи общества.

Обобщеніе. Лессингъ (Abhandlungen über die Fab.): если низвести всеобщее нравственное (т. е. относящееся къ человѣческой жизни, а не внѣшнему, физическому міру) утвержденіе (Satz) къ частному случаю и разсказать этотъ случай, какъ дѣйствительный (какъ событіе, а не въ смыслѣ примѣра или сравненія), и при томъ такъ, чтобы этотъ разсказъ служилъ къ наглядному познанію общаго утвержденія, то такое сочиненіе будетъ басня. [1]) Выходитъ такъ, что какъ будьто сначала существуетъ въ мысли общее утвержденіе „лесть гнусна“ и пр., затѣмъ въ баснѣ оно низво-

[1]) Wenn wir einen allgemeinen moralischen Satz auf einen besonderen Fall zurückführen, diesem besondern Falle die Wirklichkeit ertheilen, und eine Geschichte daraus dichten, in welcher man den allgemeinen Satz anschauend erkennt: so heisst diese Erdichtung eine Fabel.

дится къ частному случаю, какъ говоритъ Лессингъ, или умышленно скрывается за иносказаніемъ, переряживается въ иносказаніе, какъ говорили оспариваемые имъ авторитеты (La fable est une instruction deguiseé sous l'allégorie d'une action, De la Motte; La fable est un petit poëme, qui contient un précepte caché sous une image allégorique, Richer).

Въ примѣненіи къ языку это значило бы, что слово сначала означаетъ цѣлый рядъ вещей, дѣйствій, качествъ, а потомъ въ частности эту вещь и пр., при чемъ является вопросъ: какимъ образомъ возникло общее? Но общее возникаетъ изъ частнаго. Добываніе общаго усиліями мысли столь трудно и продолжительно, что многіе языки, а тѣмъ болѣе многіе отдѣльные люди, извѣстныхъ обобщеній немогутъ выразить, потому что ихъ незнаютъ.

Въ примѣненіи къ баснѣ нужно бы, въ случаѣ вѣрности Лессингова опредѣленія, предположить, что сочинитель или примѣнитель ея стоитъ самъ на высотѣ абстракціи, что цѣль его возвести на эту высоту слушателя, и что средства, избираемыя имъ, достигаютъ этой цѣли.

Случаи дѣйствительнаго примѣненія басни показываютъ, что цѣль разскащика—опредѣленіе точки зрѣнія на дѣйствительный частный случай (*А*, психологическое подлежащее) посредствомъ сравненія его съ другимъ частнымъ же случаемъ, разсказываемымъ въ баснѣ (*Б*, психологическое сказуемое). Указаніе случая *А* другимъ лицомъ (не авторомъ) можетъ быть ошибочно (разумѣется не тотъ случай: „на ворѣ шапка горитъ“). Но утвержденіе, что авторъ писалъ безъ „натуры“, справедливо только относительно повторителей, собирателей, пишущихъ по рецепту, на тему. „Suspicione si quis errabit sua Et rapiet ad se, quod erit commune omnium Stulte nudabit animi conscientiam. Huic excusatum me velim nihilominus (но пусть этотъ меня не винитъ): Neque enim notare singulos mens est mihi, Verum ipsam vitam et mores homimum ostendere. Phaedri, Fab. III, Ad Eutychum, 45—50.

Разъясненіе достигается тѣмъ, что изъ *А* выдвигаются впередъ лишь черты, находящія соотвѣтствіе въ *Б*. Слѣдовательно,

а) обобщеніе является, какъ нѣчто послѣдующее, какъ результатъ сравненія частностей; *б*) оно остается прикрѣпленнымъ къ частному случаю и относительно частнымъ, а до того обобщенія, которое выставляютъ въ началѣ или въ концѣ басни баснописцы, ни примѣняющему, ни слушающему басню дѣла нѣтъ. Отсюда происходитъ, что и позднѣйшій баснописецъ, продавецъ басни (читатель готовой басни), которому, наоборотъ нѣтъ дѣла до ея дѣйствительнаго примѣненія, а есть лишь—до возможнаго примѣненія, находитъ эту возможность не тамъ, гдѣ ее слѣдуетъ искать, выставляетъ обобщеніе лишь слабо связанное съ басней. Такъ, книгопродавецъ, рекомендующій книгу покупателю, можетъ быть не только пристрастнымъ, но и плохимъ цѣнителемъ.

Геродотъ (I, 141): Киръ послалъ къ Іонійцамъ пословъ съ предложеніемъ возстать противъ Лидійскаго царя Креза. Тѣ отказались, и уже когда Персы завоевали Лидію, а Киръ былъ въ (столицѣ Лидіи) Сардахъ, они вмѣстѣ съ Эолійцами отправили пословъ въ Сарды, предлагая подчиниться ему па тѣхъ же условіяхъ, какія были приняты царемъ Лидійскимъ Крезомъ. Киръ выслушалъ ихъ предложеніе и разсказалъ имъ басню: „Флейтщикъ, видя рыбъ въ морѣ, сталъ играть, думая, что привлечетъ ихъ на берегъ. Надежды его были обмануты. Тогда онъ взялъ сѣть, закинулъ ее, вытащилъ полную рыбъ и, видя, какъ онѣ бились, сказалъ: „полно плясать! Вѣдь вы не хотѣли плясать ко мнѣ, подъ звуки моей флейты". Бабрій, пересказывая эту басню, безъ примѣненія и съ небольшимъ измѣненіемъ („теперь вы пляшете безъ игры: лучше было плясать, когда я вамъ игралъ"), замѣчаетъ: „безъ труда, незакидывая сѣти, ничего недобудешь; но если ты закинулъ и удачно поймалъ, что хотѣлъ, тогда (надъ пойманнымъ!) умѣстна насмѣшка и шутка". Но вѣдь трудъ былъ въ обѣихъ случаяхъ только разнаго рода (игра на флейтѣ и закидываніе сѣти). Смыслъ басни вовсе не въ томъ, а скорѣе: „полюби насъ въ чернѣ, а въ бѣлѣ насъ всякъ полюбитъ". „Ой як би дівчинонька трошки богатенька, взяв би тебе за рученьку повів до батенька. Ой як би я, козаченьку, трошки богатенька, наплювала б

я на тебе й на твого батенька! Ср. „И посласта къ Ярославу“: миръ съ нами възми, а крестъ къ намь целуй, а крови непроливай.“ Отвѣщавъ же Ярославъ (рече): мира нехощу... далече есте шли и вышли есте, акы рыба на сухо“. 1216, Лавр.[2], 469.

Баснописецъ, примѣняющій къ баснѣ обобщеніе, бываетъ похожъ на продавца игрушекъ, который могъ бы наставить ребенка, сказавши: это кукла, ею играютъ такъ-то. Примѣняющій басню похожъ на ребенка, который никому необъясняетъ, а играетъ куклой; или игрока, который беретъ флейту и играетъ ту или другую пѣсню.

Совпаденіе бываетъ, когда продавецъ вмѣстѣ и мастеръ и игрокъ (Щедринъ „Игрушечныхъ дѣлъ мастера“). Конечно, и объясненіе продавца и обобщеніе баснописца могутъ быть болѣе или менѣе точны; но изъ того, что оно у извѣстныхъ баснописцевъ, людей умныхъ, бываетъ нерѣдко неточно и ошибочно, слѣдуетъ, что это обобщеніе есть не нѣчто данное, а выводимое изъ частнаго случая басни, при томъ съ усиліемъ, которое можетъ принимать ложное направленіе. Такъ, Федръ (I, 1) говоритъ, что басня „Волкъ и ягненокъ“ „мѣтитъ на людей, которые обманомъ и хитростью тѣснятъ добрыхъ“. Это значитъ—попасть пальцемъ въ небо! Ни обмана, ни хитрости нѣтъ. Для такого обобщенія довольно: волкъ подкараулилъ ягненка и съѣлъ. „Батте“, говоритъ Лессингъ, „говоритъ, что нравоученіе вытекающее изъ этой басни „que le plus faible est souvent apprimé par la plus fort.“ Какъ мѣлко! Какъ ошибочно! Если бы басня должна была научать только этому, то поэтъ выдумалъ fictae causae волка совсѣмъ понапрасну, совсѣмъ отъ скуки (für die Langweile). Его басня говорила бы гораздо больше, чѣмъ онъ ею хотѣлъ сказать и была бы другая. „Нравоученіе ея (Fab. Aesop. 230): *οἷς κράθεσις ἀδικεῖν, παρ᾽ αὐτοῖς οὐ δικαιολογία ἰσχύει*“. Кто хочетъ обидѣть невиннаго, тотъ постарается сдѣлать это *μετ᾽ εὐλόγου αἰτίας*; онъ найдетъ предлогъ, но ничуть неизмѣнитъ намѣренія, если этотъ предлогъ будетъ посрамленъ (Lessing, l. c. 64). Это обобщеніе

совпадаетъ съ Крыловскимъ. „У сильнаго всегда безсильный вынооватъ“, если къ нему прибавить черту самой басни:

Ягненка видитъ онъ (волкъ), на добычу стремится,
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ....

У Лафонтена: La raison du plus fort est toujours la meilleure.

„Не воззри на мя, княже господине, яко волкъ на ягня, но воззри на мя, господине мой, яко мати на младенца“, Слово Дан. Зат. Послѣднее сравн. съ Эзоп. у Бабрія, 16.

Обобщеніе частнаго случая можетъ итти безъ помѣхи до высочайшихъ ступеней. Басня отдѣльно отъ примѣненія въ этомъ отношеніи похожа на точку, чрезъ которую можно провести безконечное число линій. Только примѣненіе басни къ частному случаю опредѣляетъ, какія изъ ея чертъ должны быть сохранены въ обобщеніи, если это обобщеніе должно сохранять связь съ самой баснею. Это опять таки указываетъ, что сначала басня и ея примѣненіе, а потомъ обобщеніе и нравоученіе. Это показываетъ и упомянутое выше побужденіе къ составленію двойныхъ басень. „*Мужикъ и аистъ*“ (Бабрій, 13). Поселянинъ разставилъ на своемъ полѣ сѣти на журавлей, которые опустошали его посѣвы. Съ журавлями попался въ сѣти и хромой аистъ. „Я, говоритъ, не журавль, я посѣва не порчу; я, можешь видѣть по перьямъ, аистъ, самая добродѣтельная птица: кормлю отца, берегу его въ болѣзняхъ“. А мужикъ: „какъ ты живешь, аистъ, того незнаю, а знаю, что я поймалъ тебя съ опустошителями моихъ полей. Потому, съ кѣмъ попался, съ тѣмъ будешь и повѣшенъ“. Какія обобщенія? Смотря по примѣненію, по точкѣ зрѣнія примѣняющаго: съ кѣмъ кто попался, съ тѣмъ и отвѣчаетъ“ (mitgefangen, mitgehangen); „дурное общество опасно“, „человѣческая справедливость умышленно близорука и своекорыстна“, невинный неизбѣжно страдаетъ съ виновнымъ, „нѣтъ правды на свѣтѣ“ или наоборотъ: „справедливо, чтобы при соблюденіи высшихъ интересовъ необращать вниманія на вытекающее отсюда частное зло и пр.“ Согласно съ этимъ, кто предлагаетъ басню въ ея отвлечен-

номъ видѣ, по настоящему долженъ бы снабжать ее не однимъ, нерѣдко произвольнымъ обобщеніемъ, а указаніемъ на возможность многихъ ближайшихъ обобщеній.

„Дикія козы“. Эзоповская басня, у Бабрія, 45: Зевсъ ниспослалъ снѣжную вьюгу. Спасаясь отъ нея, пастухъ думалъ загнать своихъ покрытыхъ снѣгомъ козъ въ горную пещеру—она была необитаема—и засталъ тамъ уже другихъ козъ дикихъ, которыя были и многочисленнѣе и больше и сильнѣе его козъ. Тогда онъ принесъ дикимъ листьевъ, а своихъ оставилъ на дворѣ и впроголодь. Когда же выяснилось, то онъ нашелъ, что свои мертвы, а дикія ушли въ горы по лѣснымъ дебрямъ. Онъ вернулся домой безъ козъ, достойный осмѣянія. Изъ погони за лучшимъ онъ потерялъ свое“. Въ другой версіи эзоповской басни: „ненадобно пренебрегать своимъ добромъ, въ надеждѣ прибыли отъ чужого“. Обобщенія слабо связаны съ басней; они имѣютъ въ виду пастуха, а не козъ и приписываютъ пастуху жадность. Отсюда такое обобщеніе одинаково приложимо и къ баснѣ „собака съ кускомъ мяса, идущая черезъ рѣчку и пр.“ Кеневичъ опровергаетъ мнѣніе, что басня была написана Крыловымъ по поводу дарованія конституціи царству польскому тѣмъ, что она появилась почти 10 лѣтъ спустя послѣ этого событія. Но подобнаго рода примѣненіе возможно, и въ такомъ случаѣ мораль жадности, властолюбія и пр. можетъ быть замѣнена другою.

„Лягушка и волъ“. Федръ I, 24: „Слабый, разыгрывающій могущественнаго, гибнетъ“. Горацій, Ляфонтенъ, Крыловъ имѣли въ виду такія же обобщенія, предполагающія примѣненія къ случаямъ, „когда (Крыловъ) жить хочетъ мѣщанинъ, какъ именитый гражданинъ, а сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ“. Бабрій „себѣ повредишь и не успѣешь, подражая тому, кто далеко тебя превосходитъ“ примѣняетъ къ баснѣ: у ящерицы лопнулъ поперекъ (потрескалась спина), когда она задумала сравняться по величинѣ съ дракономъ. Но въ баснѣ „Жаба и волъ“ (Бабрій, 28) жаба силится раздуться въ вола не изъ зависти, а узнавъ, что онъ раздавилъ ея дѣтеныша, слѣдовательно, собираясь мстить.

Если исходная точка въ баснѣ есть общее, то частное будетъ относиться къ этому общему, какъ примѣръ или доказательство. Такъ смотрятъ на это баснописцы.

Нянька и волкъ. Бабрій, 16: „Нянька говорила плачущему ребенку: „неплачь, а то волку отдамъ". Волкъ принялъ это за правду и долго ждалъ, пока наконецъ дитя затихло и уснуло. Тогда волкъ ушелъ голодный. Дома волчица спрашиваетъ у него: „какъ же это ты на этотъ разъ ничего не принесъ?"—„Какъ было и принести, когда я повѣрилъ женщинѣ". Доказываетъ ли басня общее положеніе? Баснописцы называютъ басню примѣромъ и доказательствомъ.

Федръ I, 3: Graculus Superbus et Pavo:
Ne gloriari libeat alienis bonis
Suoque potius habitu vita degere,
Aesopus nobis hoc exemplum prodidit.

id. I, 5. Vacca et capella, ovis et leo:
Numquam est fidelis cum potente societas.
Testatur haec fabella propositum meum („львиная доля")

id. I, 9. Passer ad leporem consiliator:
Sibi non cavere et aliis consilium dare
Stultum esse paucis *ostendamus* versibus.

id. I, 12. Cervus ad fontem:
Laudatis utiliora, quae contempseris,
Saepe inveniri, haec testis est narratio.

id. I, 15. Cornix astuta (бросаетъ камушки въ кувшинъ съ водой):
Hac re *probatur*, quantum ingenium potest:
Virtute semper prevalet sapientia.

id. I, 17. Asinus ad Senem pastorem:
In principatu commutando saepius
Nil praeter domini nomen mutant pauperes
Id esse verum parva haec fabella *indicat*.

id. I, 21. Canis parturiens:
Habent insidias hominis blanditiae meti:
Quas ut vitemus, versus subjecti *monent*.

Крыловъ. Роща и *огонь*:

Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ,
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять еще *яснѣй*,
Послушай басеньки моей.

Обезьяны: А безъ ума перенимать
И, Боже сохрани какъ худо!
Я приведу *примѣръ* тому изъ дальнихъ странъ.

Червонецъ: Объ этой истинѣ святой
Преважныхъ бы рѣчей на цѣлу книгу стало,
Да важно говорить не всякому пристало,
Такъ съ шуткой пополамъ
Я басней *доказать* ее намѣренъ вамъ.

Волкъ и лисица: Охотно мы даримъ,
Что намъ ненадобно самимъ.
Мы это басней пояснимъ,
Затѣмъ что *истина сноснѣе вполоткрыта*.

(Подъ истиной разумѣется развѣ частный случай?)

На это басню вамъ скажу я,
Какъ умѣю....

Чтобы тебѣ живѣй представить,
Какъ на себя надѣянность вредна,
Позволь мнѣ басенькой себя ты позабавить...

По своему баснописцы правы, потому что подъ *примѣромъ*, *прикладомъ*, *притчей*, *параболой*, *доказательствомъ* разумѣютъ значенія, предшествующія болѣе новымъ теоріямъ познанія. Для нихъ, какъ и средняго человѣка вообще, доказывать значитъ наводить на мысль. Напр. путешествія полезны, потому что, путешествуя, мы видимъ новыя вещи и пріобрѣтаемъ новыя познанія. „Необнаженный мечъ неможетъ оказать своей крѣпости, и перо, неисписавъ нѣсколькихъ листовъ, — своего краснорѣчія.— Небо для непрестаннаго движенія находится выше всего прочаго, а земля поэтому недвижима служитъ къ хожденію всѣмъ тварямъ. — Когда бы дерева могли переходить съ одного мѣста на другое, то они

неимѣли опасаться ни пилы, ни топора (Калила и Димна). Политич. и нравоучит. басни Пильпая, пер. Волк. 1762, 21.

Въ другомъ смыслѣ понимается примѣръ и доказательство въ точныхъ знаніяхъ.

Совершеннѣйшій образецъ научнаго обобщенія есть ариѳметическій итогъ, получаемый изъ сложенія единицъ. Научное доказательство есть непремѣнно доказательство общаго положенія. Какъ повѣрка итога состоитъ въ дѣйствіи обратномъ тому, коимъ онъ полученъ; такъ вообще научное доказательство есть разложеніе общаго положенія на частности, изъ которыхъ оно состоитъ. Повторяя трижды обобщеніе 7, получимъ 21 ($7+7+7=21$ или $3\times7=21$). Доказательствомъ вѣрности 21, какъ результата этихъ дѣйствій, служитъ $\frac{21}{3}=7$ и $\frac{21}{7}=3$.

Такимъ же образомъ доказательство равенства треугольниковъ, въ коихъ одна сторона съ прилежащими въ ней углами равны, можетъ состоять лишь въ разложеніи положенія. Въ понятіи равенства угловъ *А* и *а*, *Б* и *б* заключено то, что стороны ихъ при наложеніи покроютъ другъ друга. Въ понятіи прямой линіи, уже заключенномъ въ понятіи треугольникъ, находится то, что пересѣченіе ихъ можетъ послѣдовать лишь въ одной точкѣ. Такимъ образомъ точки пересѣченія сторонъ *АВ*, *БВ*, *ав*, *бв*, *В* и *в* совпадутъ.

Совершенное доказательство, т. е. разложеніе общаго положенія (суммы) безъ остатка, *можетъ* имѣть мѣсто только въ той области знаній, въ которой единица идеальна и равенство слагаемыхъ единицъ безусловно. Такова математика въ предѣлахъ конечныхъ величинъ и логика настолько, насколько она есть обобщеніе математическихъ пріемовъ мышленія. Во всѣхъ другихъ областяхъ знанія доказательство имѣетъ тотъ же характеръ, при меньшей точности.

Всѣ люди смертны, т. е. были и будутъ. Отдѣльные случаи дѣлаютъ это положеніе въ высокой степени вѣроятнымъ. Но понятіе „всѣ люди“ неразложимо безъ остатка. Прошедшее и будущее намъ неизвѣстно. Было бы убѣдительнѣе доказывать необхо-

димость смерти не отдѣльными случаями, а разложеніемъ понятія *человѣкъ*, какъ органическое живое, и доказательствомъ, что въ понятіи органической жизни заключена необходимость смерти; но и здѣсь точность встрѣчаетъ препятствія: что такое жизнь? смерть? Во всякомъ случаѣ—нѣчто менѣе опредѣленное, чѣмъ $3 \times 7 = 21$.

Точность доказательства уменьшается по мѣрѣ того, какъ увеличивается неопредѣленность числа слагаемыхъ и неравенство ихъ между собою. Неравенство людей по отношенію къ смерти можно безъ большой ошибки счесть равнымъ нулю; но разница между ними будетъ огромна по отношенію къ опредѣленному сроку жизни, напримѣръ 120 годамъ. („Число лѣтъ человѣка много если 100 лѣтъ, Кн. Прем. І. с. Сирах. 18,8). Поэтому болѣе менѣе точное доказательство нравственнаго правила въ родѣ „съ сильнымъ неборись, съ богатымъ нетяжись“ возможно лишь послѣ опредѣленія, что́ мы въ данномъ случаѣ разумѣемъ подъ слабымъ, бѣднымъ и подъ богатымъ, сильнымъ.

Научный примѣръ отличается отъ научнаго доказательства, лишь какъ часть отъ цѣлаго, состоящаго изъ такихъ же частей. Совершенное обобщеніе (=законъ) и состоитъ именно въ томъ, что для полученія его изъ отдѣльныхъ случаевъ берутся только равныя доли. Поэтому *для поясненія обобщенія безразлично, какой примѣръ ни взять;* напр. можно взять любой треугольникъ для поясненія равенства угловъ 2 прямымъ; любую птицу—въ примѣръ того, что подъ птицей мы разумѣемъ животное, обладающее симметрическимъ строеніемъ тѣла. Небезразличіе примѣра увеличивается по мѣрѣ увеличенія несовершенства обобщенія. Напр. по отношенію къ обобщенію „всякое нынѣшнее русское слово, кончающееся на согласный звукъ, потеряло на концѣ гласный“ иные примѣры могутъ вызвать сомнѣніе въ его правильности, возбуждая вопросы: возникли ли иныя русскія слова уже въ то время, когда законъ гласности окончаній уже недѣйствовалъ? не заимствованы ли въ это время иныя изъ русскихъ словъ изъ другихъ языковъ, въ которыхъ небыло закона гласности окончаній?

Мы говоримъ: такое-то положеніе подтверждается фактами. Въ этомъ случаѣ подъ фактомъ разумѣемъ то, что выше названо примѣромъ, такъ что мы можемъ повторить сказанное о примѣрѣ другими словами: *обобщеніе* (или, перенося вовнѣ, *законъ*), *одинаково выражается во всѣхъ фактахъ, послужившихъ для его построенія*. Еще иначе: *фактъ* въ этомъ смыслѣ возникаетъ *одновременно со своимъ обобщеніемъ или закономъ*. Причина, по которой мы считаемъ такой фактъ (напр., равенство угловъ 2-мъ прямымъ въ треугольникѣ A) за единицу, заключается въ томъ, что онъ обособленъ отъ другихъ такихъ же признаками, невошедшими въ обобщеніе, напр., въ данномъ примѣрѣ величина угловъ и сторонъ. Сцѣпленіе признаковъ, частью вошедшихъ въ обобщеніе, частью невошедшихъ въ него, можемъ назвать, въ отличіе отъ вышеупомянутаго факта—примѣра, *конкретнымъ фактомъ*. Чѣмъ больше его конкретность, тѣмъ въ большее число обобщеній могутъ входить составляющіе его признаки. Понимая фактъ въ этомъ смыслѣ, мы можемъ сказать, что *обобщеніе, законъ исчерпаемъ, опредѣлимъ, а фактъ неисчерпаемъ*.

И такъ въ какомъ смыслѣ басня можетъ служить доказательствомъ общаго положенія?

„Эта басня учитъ, мой сынъ, быть кроткимъ. Убѣжденіе дѣйствуетъ лучше силы“ Babr. 18. Гребенка XVI. Чтобы доказать это по правиламъ ариѳметической повѣрки $3\times7=21$ и. ч. $\frac{21}{3}=7$, хотя и приблизительно, нужно бы показать значительное число случаевъ изъ дѣйствительной человѣческой жизни, которые подтверждаютъ это правило. Вмѣсто этого Бабрій приводитъ разсказъ: „Солнце и Борей заспорили, кто изъ нихъ сниметъ плащъ съ человѣка, шедшаго по полю. Борей дунулъ всей силой, но чѣмъ сильнѣе онъ дулъ, и чѣмъ холоднѣе становилось человѣку, тѣмъ болѣе онъ закутывался, пока наконецъ не ушелъ въ затишье за скалою. Тогда въ свою очередь солнце пригрѣло. Человѣку стало жарко, и онъ скинулъ плащъ. Борей призналъ себя побѣжденнымъ“. Противоположное этому басня Крыл. Котъ и Поваръ. Крылова

Дерево и клинья, Babr. 38: Дровосѣкъ, чтобъ срубить сосну и чтобы облегчить себѣ работу, сталъ колоть её, засадивши въ расщепъ деревянные клинья. Сосна простонала: „жаловаться ли мнѣ на топоръ (желѣзо), когда мои собственныя дѣти, деревянные клинья, разрываютъ меня, проникая въ мое сердце?“ Басня должна показать намъ, что чужіе немогутъ намъ сдѣлать столько зла, какъ близкіе.

Дубъ и трость, ib. 36. Буря вырвала съ корнями огромный дубъ и съ горы сбросила его въ рѣку, по плоскимъ берегамъ которой росъ тростникъ. И сталъ дубъ дивиться, что буря, вырвавши его, невырвала тонкаго камыша. А камышъ и говоритъ: „недивись: ты спорилъ съ бурей и побѣжденъ, а мы гнемся и отъ легкаго вѣтерка“. Эта басня учитъ: съ сильнымъ лучше неспорить, а покориться. (Противоположное: Куликъ и море—въ Панчатантра, ср. Экклезіастъ IX, 13—6).

1. Уже выше было показано, что басня неможетъ быть доказательствомъ отвлеченнаго положенія потому, что она служитъ средоточіемъ многихъ отвлеченныхъ положеній, что каждый разъ она доказываетъ гораздо больше, чѣмъ требуется. Согласно со сказаннымъ о двухъ значеніяхъ факта, разсказъ ея есть фактъ не отвлеченный, а конкретный. Отсюда неравенство ея съ другими, почему она неможетъ быть примѣромъ.

2. Разсказъ басни есть фактъ неоднородный съ фактами, лежащими въ основѣ обобщенія, т. е. этотъ разсказъ есть такое же *иносказаніе* по отношенію къ обобщенію, какъ и по отношенію къ частному случаю, къ которому примѣняется басня. Т. е. правильное обобщеніе этого иносказанія, если бы оно было возможно никакъ немогло бы дать въ результатѣ общаго положенія, доказательствомъ коего яко-бы служитъ басня.

Какая же связь между нравоученіемъ и басней? Непосредственной нѣтъ, но иносказательный разсказъ басни служитъ средоточіемъ многихъ частныхъ случаевъ, къ коимъ примѣняется. Примѣненіе съ одной и той же точки установляетъ равенство между этими случаями и возводитъ ихъ къ отвлеченію. Такимъ образомъ

разсказъ басни по дѣйствію его можно сравнить съ магнитомъ, который группируетъ желѣзныя опилки.

Происхожденіе басни.

Nunc, fabularum cur sit inventum genus,
Brevi docebo. Servitus obnoxia (боязливая)
Quia quae volebat non audebat dicere
Affectus (скорбь) proprios in fabellas transtulit
Calumniamque (обвиненіе въ клеветѣ) fictis elusit (уклоняться, увертываться, отъ удара) jocis.
Phaedri. Fab. III. Ad Eutychum, 33 сл.
Далѣе: Illius (Aesopi) porro ego semita (v. semitam) feci viam (пошелъ по его тропѣ, v. стезю превратилъ въ дорогу)
Et cogitavi plura, quam reliquerat,
In calamitatem (на к. бѣду) deligens quaedam meam.
Quod si accusator alius Sejano foret,
Si testis alius, judex alius denique,
Dignum faterer esse me tantis malis,
Nec his dolorem delinirem remediis. ib. 34—44.

(Еслибъ былъ другой судья, чѣмъ Сеянъ, любимецъ Тиберія, или по другому толкованію: „еслибъ... у Сеяна былъ другой судья, чѣмъ Тиберій, который его низвергъ). Во всякомъ случаѣ одинъ изъ поводовъ къ иносказанію—подцензурность. Между прочимъ и самъ подцензурный баснописецъ изображенъ въ 1-ой баснѣ 1-ой книги Федра: „Волкъ и агнецъ" съ поясненіемъ:

Haec propter illos scripta est homines fabula, Qui fictis causis innocentes opprimunt. (Съ нагольной правдой въ люди не кажись. Даль, Пос. 193). „Nuda veritas" не имѣя знатныхъ, она заимствуетъ для представленія имъ одежду у Вымысла. (Басня Измайлова „Происхожденіе и польза басни". Сочин. изд. Смирдина, I. 3). Такая одежда нравоученія могла быть въ самомъ дѣлѣ необходима передъ скорымъ на руку властныхъ деспотомъ (Benfey. Panchatantra, I, XVI).

Но: а) басня появляется и тамъ, гдѣ нѣтъ страха наказанія, гдѣ—цѣли теоретическія, которыя не могутъ вызвать ни въ комъ раздраженія;

б) басня есть средство познанія, обобщенія, нравоученія и, какъ средство, предшествуетъ общей истинѣ, которая при томъ невсегда горька.

в) басня принадлежитъ къ обширному роду иносказаній = поэтическихъ произведеній. Поэтому подцензурность можетъ только портить иносказаніе, замедлять и ослаблять его дѣйствіе, а не создавать его.

Въ чемъ состоитъ пользованіе готовою баснею (пословицею)? Примѣненная къ дѣйствительному случаю, она дѣйствуетъ мгновенно или вовсе недѣйствуетъ. Когда дана въ отвлеченномъ видѣ, то требуетъ, чтобы слушатель v. читатель изъ своихъ воспоминаній нашелъ извѣстное число *возможныхъ* примѣненій. Это требуетъ времени. Отсюда совѣтъ Тургенева читать его стихотвореній по одному, по два. Отсюда ошибка тѣхъ, которые безъ специальной научной цѣли читаютъ сборники пословицъ и т. п. быстро, подрядъ (ср. осмотръ картинныхъ галерей).

Евангельскія аллегоріи. Вопросъ „должно ли дѣлать?“ въ *частномъ случаѣ* вызываетъ отвѣтъ метафорическій, въ видѣ *общаго* положенія:

Фарисеи сказали ученикамъ его: „почему (т. е. по какому побужденію, стало быть, для какой цѣли) учитель вашъ ѣстъ съ мытарями и грѣшниками? Іисусъ же, услышавъ это, сказалъ: „*не здоровымъ нужно врачи, а больнымъ*“. Матѳ. 9, 11—12. Примѣняя это общее къ частному, получимъ: Іисусъ—врачъ, грѣшники—больные, но этимъ еще не опредѣленъ способъ исцѣленія, а потому слѣдуетъ разъясненіе: „Пойдите, научитесь, что значитъ „милости хочу, а не жертвы“ (Осіи 6, 6); ибо я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію (*εἰς μετάνοιαν*, къ перемѣнѣ образа мыслей).

— Приходятъ къ нему ученики Іоанновы и говорятъ: „почему мы и фарисеи постимся много, а твои ученики непостятся? Матѳ. 9, 14. (Слѣд. *должно* ли ученикамъ Христа поститься?).

На это—два отвѣта: а) могутъ ли печалиться сыны чертога брачнаго (οἱ υἱοὶ τοῦ νυμφῶνος), пока съ ними женихъ? Но придутъ дни, когда отнимется у нихъ женихъ, и тогда будутъ поститься. Матѳ. 9. 15=не время:=одинъ тому часъ, що батько въ плахтi; б) И (=при томъ же) никто заплаты изъ новой ткани непришиваетъ къ старой одеждѣ, ибо заплата отдеретъ (и) отъ стараго, и выйдетъ еще худшая дыра.

И не вливаютъ молодого вина въ старые бурдюки, а нето прорываются бурдюки, и вино вытекаетъ, а бурдюки пропадаютъ; а новое вино вливаютъ въ новые бурдюки, и то и другое сберегается. Матѳ. 9. 16—7=новое ученiе несовмѣстимо со старымъ взглядомъ на значенiе поста.

— Предвидя, что Iисусъ исцѣлитъ сухорукаго въ субботу, лукаво спрашиваютъ:

„Можно ли исцѣлять въ субботы? Онъ же сказалъ имъ: кто изъ васъ, имѣя одну овцу, если она въ субботу упадетъ въ яму, невозьметъ ея и невытащитъ? (=всякiй это сдѣлаетъ). Матѳ. 12. 10—11. Изъ очевидности этихъ случаевъ уже вытекаетъ отвѣтъ: „слѣдуетъ"; но къ этому присоединяется прiемъ, называемый *ἐπιδιόρθωσις*, correctio Zima, 152 (=говорящiй беретъ назадъ сказанное, чтобы поставить на его мѣсто болѣе сильное: формула „но что я говорю? Это не то, а то"): Насколько же человѣкъ лучше овцы! И такъ можно въ субботы дѣлать добро. Матѳ. 12. 12.

„Не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка, но то, что выходитъ изъ устъ".

Тогда ученики сказали ему: знаешь ли, что фарисеи, услышавъ слово сiе, соблазнились? Матѳ. 15. 11—2. т. е. слѣдуетъ ли руководиться мнѣнiемъ фарисеевъ?). Онъ же сказалъ въ отвѣтъ: „всякое растенiе, которое не Отецъ мой небесный посадилъ, искоренится". Матѳ. 15, 13.

Оставьте ихъ: они слѣпые вожаки слѣпцовъ, а если слѣпецъ ведетъ слѣпца, то оба упадутъ въ яму. Матѳ. 15, 14 (= т. е. *каждый разъ*, всегда).

— Хананеянка, у которой дочь была бѣсноватая, кланялась ему и говорила: „Господи, помоги мнѣ!“ (*Слѣдуетъ* ли иначе?) Онъ же сказалъ въ отвѣтъ: нехорошо взять хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ, Матѳ. 15,23,25—6 (дай прежде насытиться дѣтямъ, Маркъ, 7, 27); „я посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, Матѳ. 15, 24). — Она сказала: такъ, Господи, но и псы ѣдятъ крохи, падающія со стола господъ ихъ, Матѳ. 15, 27. (псы подъ столомъ ѣдятъ крохи у дѣтей, Маркъ, 7, 23).

— Горе міру отъ соблазновъ; ибо надобно прійти соблазнамъ, но горе тому человѣку, черезъ котораго соблазнъ приходитъ. (Какъ быть?)—Если рука твоя или нога твоя соблазняютъ тебя, отсѣки ихъ и брось отъ себя; лучше тебѣ войти въ жизнь безъ руки или безъ ноги, нежели съ двумя руками и съ двумя ногами быть ввержену въ огонь вѣчный. И если глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя: лучше тебѣ съ однимъ глазомъ войти въ жизнь, нежели съ двумя глазами быть ввержену въ геену огненную, Матѳ. 18, 7—9; образы напоминаютъ сказку о Лихѣ одноглазомъ, Аѳ. III, № 14).

— Непрезирайте ни одного изъ малыхъ сихъ (=дѣтей, ср. Матѳ. 28, 1—6) Какъ вамъ кажется? *Если* бы у кого было 100 овецъ, и одна изъ нихъ заблудилась, то не оставитъ ли 99 въ горахъ и не пойдетъ ли искать заблудшейся? И если случится найти ее, то, истинно говорю вамъ, онъ радуется о ней болѣе, нежели о 99-ти незаблудившихся.

Такъ нѣтъ воли Отца вашего небеснаго, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ. Матѳ. 18, 10—4.

— Слѣдуетъ ли поступать по дѣламъ книжниковъ и фарисеевъ?... По дѣламъ ихъ непоступайте, ибо они говорятъ и недѣлаютъ. Связываютъ бремена тяжелыя и неудобоносимыя и возлагаютъ на плеча людямъ, а сами нехотятъ и пальцемъ двинуть ихъ, Матѳ. 23, 3—4.

— Видя толпы народа, Онъ сжалился надъ ними, что они были изнурены и разсѣяны, какъ овцы безъ пастыря, Матѳ. 9, 36. (Что дѣлать? Оставаясь при томъ же образѣ, въ смыслѣ ib.

37—8, можно бы ожидать отвѣта: нужно просить владѣльца стада, чтобы онъ выслалъ пастуховъ. Но образъ измѣняется:)

Жатвы много, а рабочихъ мало. И такъ просите господина жатвы, чтобы выслалъ рабочихъ на жатву свою.

Эти образныя всеобщія (утвердительныя или условныя гипотетическія) сужденія легко превращаются въ басни, т. е. въ повѣствованія о конкретныхъ случаяхъ, повѣствованія, изъ которыхъ они и возникли, напр. Матѳ. 15, 25—6:

Бѣднякъ несъ хлѣбъ своимъ дѣтямъ. У воротъ встрѣтили его собаки и стали къ нему ластиться. А онъ имъ и говоритъ: „какъ ни жаль, а нельзя же мнѣ накормить васъ, и оставить олодныхъ дѣтей?“ Понесъ хлѣбъ въ избу, посадилъ дѣтей за столъ и далъ имъ хлѣбъ. Дѣти стали ѣсть, крохи падали подъ столъ, а собаки ихъ подбирали.

Сюда—*пословицы*, въ которыхъ разсказъ басни (не заключительное изрѣченіе только) переданъ въ видѣ обобщенія: До поры и ведра по воду. До поры жбанъ воду носитъ. Пуганая ворона и куста боится. Кошку бьютъ, а невѣсткѣ замѣтку даютъ. Сердитая собака волку корысть. [1])

ПОСЛОВИЦА.

Переходъ басни въ пословицу. При обычномъ (первоначальномъ) изложеніи басни тонъ повышается къ концу, и сила рѣчи падаетъ на конечное изреченіе. Такой ходъ и долженъ быть удер-

[1]) Басня въ видѣ пѣсни: (ср. Стрекоза и муравей):
Грлица je просо брала
И набрала три амбара.
К њој долази вијоглава:
Дај ми, грло, једно зерно!
— Недам, богме, ни једнога!
Бијаш (s.) брати, неспавати.
Ја сам брала, нјесам спала.
Куд су коза шкрипутали,
Туд je грла скакутала:
Неће зрно, нећ) изат
У том грли ума je враг. Н. Богов. С. н. п. I, 168.

жанъ при продолжительности разсказа и при его совершенной неизвѣстности слушателю. Но при повтореніи возможенъ обратный порядокъ.

„Хотя де и рано, а знать ночевать", сказала лиса, попавши въ капканъ (въ яму).—„Чѣмъ мясу ревѣть, анъ дерево скрипитъ", сказалъ погонщикъ, разсердившись, что волы тянутъ тяжелый возъ молча, а возъ скрипитъ" Babrius, 52. (Ср. худое колесо пуще скрипитъ, Даль 257).

„Ако коза лаже, рог нелаже", (сказалъ хозяинъ въ отвѣтъ на оправданіе пастуха, который швырнулъ въ козу камнемъ и сломалъ ей рогъ, Караdж. Посл. [1])

Personam tragicam forte vulpes viderat:

O quanta species, inquit, cerebrum non habet, Phaedri I, 7.

„Мы пахали!"—„Ори, мели, ї̈жь!" и пр.

— Арабъ, вьюча верблюда, спрашиваетъ: „лучше ли тебѣ на гору или подъ гору?"—А развѣ ровная дорога уже залегла?, Babr. 8.

— „Киселъ виноградъ", зубы терпнутъ, „еще не пора",— сказала лисица, когда немогла достать спѣлой кисти, Babr. 19, Кар. П. 133.

„*Вала нам* је све једно, немамо никаква посла ни код куће, казали пси болесном коњу, кад су они чекали више њега, док липше, а он им говорио, да иду кући, јер он неће липсати", Кар. Посл. 31.

„Ваља да је нестало воде или дрва", казао магарац, кад су га позвали на свадбу" = „Случается, богатый у бѣднаго постучится. Подумаешь, денегъ даетъ, анъ его молотить зоветъ".

„Зна Бог, чије масло у кандилу гори" (сказалъ примѣрно, человѣкъ, узнавши въ церкви лампадку, которую у него украли).

„Знаду пси за мир?" сказала убѣгая лисица. Она уговорила куръ сойти съ сѣдала, потому что объявленъ миръ между всѣми животными, а пѣтухъ добавилъ: „вотъ наши собаки бѣгутъ съ такими вѣстями. Кар. 93.

---

[1]) Пословицы изъ пѣсень о Маркѣ Кралевичѣ и пр., Буслаевъ, Очерки I, 38 сл.

„Ко је мој, близу рупе стој“, казао стари миш осталим мишима, кад су се с мачком мирили, Кар. 141.

„Не гризеш ти мене уши, веће онај што се вије изнад мене“, казао зец жаби, кад му је гризла уши, а он од орла није смио да се макне.

„До поры у норы, а въ пору такъ въ нору“, (сказала мышь на вопросъ, какъ она поживаетъ).

„Держалась кобыла за оглобли, да упала“ (отвѣтъ на ободреніе: держись), Даль, 39.

„Не к Різдву йде, а к Великодню“ (сказалъ цыганъ...); „кому скоромно, а намъ на здоровье“ (Даль, 150). „Оскоромишься, котъ Евстафій!—Не оскоромлюсь, мышь Настасья! — „Буде хочешь въ рай, передайся къ намъ“, Дал, 168.

— Пріемъ Самуэля Уэллера (Записки Пиквикскаго клуба):

„Если судьба, такъ сказать, поставила васъ на общественную стезю, выдвинула на публичную дорогу, такъ ужъ тутъ на каждомъ шагу окружены вы такими соблазнами, о которыхъ и понятія неимѣетъ несвѣтскій человѣкъ“, сказалъ аристократическій лакей. — Вотъ этакъ бывало точь въ точь, говаривалъ мой старый дядя, когда началъ таскаться по трактирамъ.

— Не прикажете ли, почтеннѣйшій, почистить немного вашъ фракъ? Я позову слугу. — Благодарю за ласку, любезнѣйшій, возразилъ Самуэль. Если мы станемъ себя чистить, небезпокоя слугу, то это всѣмъ доставитъ удовольствіе, какъ выразился однажды школьный учитель, когда молодые джентльмены неизъявили желанія быть высѣченными слугою“.

Эта форма знакома и нѣмецкому простонародію: „Aller Anfang ist schwer, sprach der Dieb und stahl zuerst einen Amboss“. — „So leb der den wohl!“ säd de Pastor tauh'n (zu einem) Def, de schull hängt warden (Simrock, Sprichw., y Geiger, II. 77).

(Пословица или поговорочное выраженіе приписывается лицу, въ устахъ котораго, для него самого, или только для посторонняго, это выраженіе имѣетъ ироническій смыслъ. По Герберу это

παραβολή, которую Аристотель называетъ *μεταφορά ἀπ' εἴδους ἐπ' εἶδος*, т. е. метонимія).

Самуэль Уэллеръ—22-й нумеръ спрашиваетъ сапоги.—Скажите вы ему, сорока вы моя, что на все бываетъ свой чередъ, какъ говаривалъ одинъ ученый, собираясь ити въ кабакъ.—

— Я пособилъ вамъ изловить этого каналью. Распробестія, серъ, провалъ его побери! Въ одно ухо влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ, какъ говаривала моя тетка, когда сверчокъ забился ей въ ухо.—

— Стало быть, теперь можно повести рѣчь насчетъ того дѣла...—Ведите, серъ, готовъ слушать васъ, серъ, какъ говорилъ одинъ ученикъ своему учителю, когда тотъ съѣздилъ его линейкой по головѣ.

Вотъ это, сударь мой, значитъ дѣйствовать по правилу или по принципу, какъ говаривалъ одинъ заимодавецъ, когда бывало просили его возобновить отсрочку платежа.

Дальнѣйшій ходъ: опускается разсказъ, остается только изреченіе.

Другой пріемъ — содержаніе басни становится пословицей:

Ругался котелъ горшку! Кобыла съ волкомъ тягалась... Фомка (воръ) и на долото рыбу удитъ, Д. 150. Ругала се сова сјеници: „иди кучко главата, Кар. II. 272. Куда конь съ копытомъ, туда ракъ съ клешней (=жаба, Кар. II. 34). Даль, 170. Безъ перевясла и вѣникъ разсыпался, Д. 249. Сама (мышь) залѣзла въ кувшинъ и кричитъ: „пусти!, Д. 211. Собака на сѣнѣ лежитъ, сама неѣстъ и другимъ недаетъ. — Бодливой коровѣ Богъ рогъ недаетъ.

Содержаніе басни можетъ быть передано въ пословицѣ не какъ конкретный случай (повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. — Бив циган матір, щоб жінка боялась); въ пословицѣ остается не сокращеніе самаго образа, заключеннаго въ баснѣ, а выводъ, обобщеніе, житейское правило, добытое *при помощи этого образа* или при помощи второго образа въ двойной баснѣ. Такимъ же образомъ сжимаются въ по-

словицу и другіе разсказы, не басни въ тѣсномъ смыслѣ слова (сказки, комедіи, романы). Непремѣнный признакъ этого случая тотъ, что въ обобщеніи остается слѣдъ образа. Въ противномъ случаѣ получается другой видъ пословицы, безобразное прозаическое изреченіе нравственнаго содержанія, связь коего съ извѣстнымъ образомъ неможетъ быть доказана. („На худо—дурака станетъ", береги денежку и проч.). Напр. на Бога надѣйся, а самъ не плошай. — „*Богу молись, а къ берегу гребись*", Д. 6.= Богу се моли, а к бриjегу греби, Кар. „Махни и ти рукама махни", казао св. Никола чку, коjи je био пао у воду, па само викао: „помози свети Никола!" а ниje гледао да плива или от воде да се отима. Кар. 176.=Babr. 20: воловій возъ застрялъ въ грязи. Мужикъ сталъ звать на помощь Геракла. Гераклъ явился и сказалъ: берись за спицы (поворачивай колеса), коли (остомъ) воловъ. Потрудись, а тамъ ужъ молись богамъ. Не то, и молитва не въ прокъ".

— Что отвлеченное, прозаическое въ общемъ (поэтическое лишь въ словесныхъ элементахъ) „счастье дороже ума (богатства)" (Д. 42), произошло при помощи поэтическаго образа, это вѣроятно; но что таково происхожденіе „*счастье дороже* (лучше) *богатырства*" (Д. ib.), это достовѣрно. Ср. Аѳ. Сказ. II, № 6; V, № 11; VI, № 13, про дурня или про Ѳому Беренникова.

Способность поэтическаго произведенія сжиматься ли въ пословицы или выдѣлять ихъ изъ себя условлена не одною степенью ихъ художественности. По замѣчанію Буслаева, Грибоѣдовъ и Крыловъ дали обществу нѣсколько пословицъ; между тѣмъ какъ Пушкинъ, безъ сомнѣнія лучшій нашъ поэтъ, ни одной (Оч. I, 136).

Рядомъ съ пословицей изъ большого поэтическаго произведенія, сжатаго до одного-двухъ предложеній, во всякомъ случаѣ, до одной синтактической единицы (максимумъ — періода) стоятъ пословицы, болѣе-менѣе непосредственно коренящіяся въ наблюденіи, возникающія изъ прозаически выраженнаго частнаго случая или обобщенія:

„Сухая ложка ротъ деретъ“; „безъ поджога дрова негорятъ; Iедна палица ни пред царем негори, Кар. 112; неподмазанное колесо скрипитъ; кто чесноку поѣлъ, самъ скажется (ср. на ворѣ шапка горитъ); снѣгу нѣту, слѣду нѣту, Д. (=непада снијег да помори свијет, већ да свака звјерка свој траг покаже=није дошло вријеме да погинемо, него да видимо, ко је каков, Кар. 207). Не выносить сору изъ избы, Даль, Посл.

Какимъ образомъ простое (прозаическое) житейское правило или наблюденiе обращается въ пословицу? *Пословица—сравненiе.* Важное значенiе здѣсь имѣетъ ассоцiяцiя представленiй такихъ, какъ напр. *шумъ—рѣчь, шумъ*—пѣна—соръ, щепка, щебень и пр. (См. О связи нѣкоторыхъ представленiй въ языкѣ. Воронежъ, 1864. Отд. отт. Фил. зап.).

Прямое значенiе изреченiя при превращенiи его въ пословицу становится образомъ. Образъ соединяетъ между собою частные случаи, къ коимъ примѣняется, даетъ возможность обобщенiя; замѣняетъ собою эти случаи [1]).

Поговорка относится къ *пословицѣ*, какъ поэтическая эмблема (см. выше) къ баснѣ. Пословица, какъ и басня, служитъ отвѣтомъ на вопросъ, возбуждаемый житейскимъ случаемъ, расчлененнымъ на одно или нѣсколько дѣйствующихъ лицъ съ ихъ качествами, одно или нѣсколько дѣйствiй съ ихъ признаками и условiями. Поговорка, какъ эмблема, есть образъ не этого сцѣпленiя лицъ и дѣйствiй а отдѣльно взятаго лица, качества, дѣйствiя. Она есть элементъ пословицы, частью происшедшiй изъ нея (остатокъ, продуктъ сгущенiя), частью недоразвившiйся до нея. Напр., „свинья подъ дубомъ“, „собака на сѣнѣ“, волчiй ротъ—лисiй

[1]) Къ этимологiи „*слово, пословица*“: 1478. И бяше въ нихъ (новгородцевъ) *непословича* и многыя брани, мнози бо велможи и бояре перевѣтъ имѣаху князю великому и того ради неизволиша въ единомыслiи быти, и всташа чернь на бояръ, а бояре на чернь, Пск. II, П. С. V, 38. Того же лѣта (1367) по грѣхамъ нашимъ не бѣша *пословици* Псковичемъ съ Новгородьци, Нов. I, 88. *Слухъ и слово*: лит. *giv—dëti*, слышать, *girus*, *aus слава*, хвала; мар. Кролевецкаго у. Черн. губ.: „у молодиках вун и геть таки любив скленного бога, а пуд старость *сливе* и въ рот небрав... горилки вже *сливе* невживав, Рудченко, Сказки, I, 74, 77. Многи труды и подвиги подъяхъ отъ исправленiя иностраньскихъ и древнихъ *пословицъ*, преводя на русскую рѣчь, Макар. въ предисл. къ Минеямъ.

хвостъ, „похилеє дерево“ (ср. на похилеє дерево и кови скачуть), волкъ въ овчарнѣ; мѣдной посуды — крестъ да пуговица и пр. = бѣденъ, Даль, 63—4 (ср. глупъ, пьянъ и пр. ib.); „тянуть лямку“ (тереть лямку = лямка—ремень v. тесьма черезъ плечо для тяги) сравнительно съ „тяни лямку, пока невыкопають ямку“, Даль 223; „снимать пѣнки“ (онъ и съ дерьма пѣнки снимаетъ; у Щедрина — газета пѣнкоснимательница; Sie peitschen den Quark, ob nicht etwa Creme daraus werden wolle, Göthe, Sprüche.); „везетъ“ (счастье везетъ дураку, Д. 39), „убилъ бобра!“ (не убить бобра, неважить (не видать) добра, Д. 26); сказать, сдѣлать „какъ *съ печи*“ (какъ дурень съ печи); *съ дуба* (наше *авось* не съ дубу сорвалось); съ дуру, какъ съ дубу; ни тпру, ни ну; прійти, стать въ тупикъ; (это нашему брату) на руку, пó-нутру; слѣдъ простылъ, поминай какъ звали.

Черезъ поговорку доходимъ до слова, какъ поэтическаго произведенія.

Приголубить: (1178, Мстиславъ Романовичъ) приложися къ отцемъ своимъ и дѣдомъ своимъ, отдавъ общій долгъ, его же несть убѣжати всякому роженому. Нѣбѣ бо тоѣ землѣ въ Руси, которая же его нехотяшеть ни любяшеть; (по) всегда бо тосняшеться на великая дѣла; но преставися унъ... И плакашеся по немъ вся земля Русская, неможе забыти доблести его; и черніи клобуци вси немогуть забыти приголубления его“, Ипат. 414. Ср. *голубой*, *сорочить*, srokaty, *вороной*, *провороненить*; млр. *гіва*, *ластовиння*; *осовѣть*, *пѣтушиться*, *разсобачиться*, *нахомутать* на кого.

Мать и мачиха — tussilago farfara, (О нѣкот. символ. 34); *Братки*, братъ и сестра, Иванъ да Марья, полуцвітъ, viola tricolor. Вкр. *дрема*, lychnis flos cuculi, lychnis viscaria, млр. смілка, (Къ ист. звук. III, 34). *Сонъ*, pulsatilla patens, puls. pratensis (=млр. простріль). *Люби мене не покинь* — lathyrus silvestris. *Забудьки*—arthemisia vulgaris, Зап. югозап. отд. 112 (чернобиль). *Carduus nutans*, чертополіх; hypericum perforatum, звѣробой. (О купальскихъ огняхъ, 15). *Человічий вік*, hemerocallis fulva. *Нечуй вітер*, hieracium filorella = низкé, нечує вітру, цвіте при самій

земли, Зап. югозап. отд. 124. *Переступень*, нечіпай-зілля, bigonia alba; *перекоти-поле*, gipsophila paniculata; *материнка*, oryganum vulgare. = *Вовнянка*, agaricus nectator, лит. wilnytis, лот. wilnis.

Этимологически неясныя названія растеній:

Грибъ, лит. grybas (жм. grëbas), gribti — хватать, брать; производ. graibyti, grybteriti (ср. грибы *брать). Груздь*, agaricus *piperatus* (горьковатъ, а лит. gruzdu, ëti, лот. gruzdu, êt, schwellen, ohne flamme brennen, лит. gruzdumi, вышкварка (сальная).

Девясилъ, млр., влр. девесилъ, inula helenium (у Даля также — девесилъ бѣлый, carlina vulgaris (млр. одкасникъ); одхасникъ-valeriana officinalis; „од пропасниці корінь, носить на шиї", од порухи корінь, пьють у горильці; поль. dziewiosił, dziewiesił, chamaeleon, eberwurz; (dziewięsił у Кохановскаго и др. пис. XVI—XVII в. великанъ, гигантъ); серб, девесиљ, м. девèсиље ср. некакви трави, од коjе кажу да стока у пролеће точи крвљу; Лит. debesylas, м. ai, *alant*, schwarzwurz, symfhytum officinale (по др. *alant*, inula helenium; Лит. dewin-wiru-spêks, verbascum thapsus (= поль. dziewanna „dla dziwnej mocy tak zwano"; чеш. diwizna, млр. дивинà; млр. горицвіт серб. гòроцвиjет, adonis vernalis.

Щиръ, — *ець*, *иця*, *ій*, amaranthus blitum, a. paniculatus, a. retrofletus), a. caudatus — красный; серб. штир. *Гадючій просурень*, bulbocodium ruthenicum, просуринка, просурень, просерень (дристокозъ), сиротень, crocus reticulatus. *Папороть*; *буркунъ* (melilotus officinalis). *Пáзубникъ* (Ворон. бес. 1761, 238) fragaria vesca, ср. пáземки (Курск. губ.) poziomki, млр. суниця (полуниця — frag. collina, клубника). *Скорода*, allium roseum „ядимъ вмѣсто луку" (Ворон. бес. 1861, 247). *Скард*, Fick I, 205, *σκορδον, σκοροδον*, чеснокъ; млр. скорóда, лісове зілля, carex digitata.

Чертополохъ, eryngium planum — „отъ шутовъ": отъ нечистаго, когда овладѣетъ человѣкомъ, кладутъ въ углы избы или подъ подушку". Ворон. г. (Ворон. бес. 1861, 238). млр. *бодякъ*, ріпяхъ (= carduus nutans).

Млр. *вех*, м. ювр. вёх, у Даля *веха*, *вяха cicuta virosa*, крикунъ (О купал. огняхъ, 16). Ср. Fick, сскр. виша, м. сокъ, ядъ).

Субъективныя средства изобразительности.

Изобразительность достигается или качественно, указаніемъ признака вещи v. дѣйствія, или указательно, опредѣленіемъ отношенія говорящаго къ предмету рѣчи. (Это дѣленіе соотвѣтствуетъ дѣленію состава словъ на элементы качественные и указательные). Послѣднее субъективно въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Опредѣленность отношенія говорящаго къ предмету рѣчи заставляетъ и слушателя относиться къ этому предмету также. Сюда

а) Изображеніе интенсивности качества чувствомъ, которое оно пробуждаетъ. „*Чи-мало*" = много, собств. *мало-ли*? Или вопросъ съ отрицаніемъ: чи не лён же то був, чи не врода его? Срібнеє корінначно, золотеє та насінячно, шовковий лёнъ" — „Чи не сучого сина хлопець?"

Сюда случаи, отмѣченные въ сочин. о колядкахъ (Объясненія малор. и сродн. н. пѣс. т. II, 409—412):

Образъ его несказанной красой озарила Аѳина,
Такъ что дивилися люди, его подходящаго видя, Од. XVII, 63

Тотъ же пріемъ примѣняется къ изобарженію множества, величины и всякаго интенсивнаго качества. Это качество вызываетъ чувство, которое выражается восклицаніемъ:

(У некаква Леке капетана)
Кажу чудо Росанду ђевојку.
Іа каква је, јада недопала!...
Кој' видио вилу на планини,
Ни вила јој, брате, друга није, Кар. II, 223.

Отнесеніе такого восклицанія, превращеннаго въ эпитетъ, къ предмету, возбуждающему чувство, и къ другому, связанному съ первымъ, объясняетъ ругательные эпитеты, неоправдываемые ходомъ изложенія:

А да видим *злосретне* пунице!

Она носи од злата кошуљу.

(Затѣмъ описаніе удивительной сорочки. Удивленіе и извлекло восклицаніе: „зла јој срећа). Кар. II, 550.

Доведе му без биљеге вранца...

Но се пусник къ земљи увијаше

Од чистога и сребра и злата. ib 549.

А каква је, родила је курва!

Искићена човом веденячком,

Начичана сребром бијелијем

Испуњена златомъ жеженіем

А од себе дивна и угледна

Љепша цура, но бијела вила, Кар. IV, 62.

Сюда не каждый звательный падежъ обращенія, а лишь восклицаніе, какъ средство изображенія качества. Точно также не всякій вопросъ есть фигура, какъ у Зимы, а опять таки только изображающій качество (ср. чималий, чи мало?). Къ восклицаніямъ въ упомянутомъ смыслѣ — проклятіе, благословеніе (хороша, бодай її; а бодай васъ)

б) Представленіе предмета знакомымъ, извѣстнымъ, предстоящимъ воображенію, посредствомъ мѣстоименія указательнаго *въ смыслѣ члена*. См. мое слово о П. И., 72: „а злата и сребра ни мало того потрепати“ и слѣд:... је код нас чудан адет пост'о (тао).

Кад умире под прстен дјевојка,

Не копа се у *то* ново гребље,

Већ се баца у *то* сиње море Кар. II, 23.

Ал' га (чеда) мајка негоřват' не може,

Већ му сави књиге и кошуље,

Па га зали у олово тешко,

Па га баци у то море сиње:

„Носи, море, са земље неправду“. Кар. II, 71.

Баци Симу у камену кулу,

А кључеве у то море сиње ib 74.

У Момчила сестра Іевросима,

Готови му то господско јело,
Прије њега јело огледује, ib. 106.
Одасује мукадем-појаса,
А пињале оштре за појаса,
И ту бритку сабљу припасује, ib. 281.
Оплетоше мрежу племениту,
Бацише је у *то* сиње море, Петран. С. н. п. I, 20.
Да донесе млого сухо злато,
Да саплете *ону* ситну мрежу,
Ситну мрежу од сухога злата,
Да је баци у тихо Дунаво
Да уватн рибу златнокрилу.
Да јој узме *оно* десно крило,
Опет рибу у воду да пусти,
Крило да да госпођи краљици,
Нек изеде оно десно крило,
Іеднак ће му трудна заходити, Кар. II, 52.
Дукат (=па) узе леба бијелога
Други дукат вина и ракије
Трећи дукат сваке ђаконије
И убаве оне јасне свеће, ib. 97.
(Ћеш) свилу прести, на свили сједити
А носити диву и кадиву.
И још *оно* све жежено злато.
А какав је Скадар на Бојани!
Кад погледаш брду изпод града,
Све порасле смокве и маслине
И још они грозни виногради, ib. 105.
А допаде краљу Вукашине,
Удари га *оним* бојним копљем, ib. 113 (о конѣ неупоминалось).
Узех њега за бијелу руку
И баш ону за ногу десницу
Бацих њега у воду ситницу, ib. 347.

Али Марков соко јогуница,
Као што је и његов господар:
Онъ не даде утве златокриле,
Већ сокола шчепа везирева,
Па му просу *оно* сиво перје, ib. 427.
Иза њега болест ударила
У Жабљака у постојбину му,
Мучна болест, оне красте веље, ib 528.
Пише књигу и шиље чауша
До Призрена града бијелога
До *онога* протопоп—Недељка, ib. 190.
Кад се жени Смедеревац Ђуро,
На далеко запроси ђевојку,
У лијепу граду Дубровнику,
У *онога* краља Мијаила
По имену Іерину ђевојку, jb. 469.

Болг. сє разигра оно (неупомянутое выше) слано море и пр. Милад. 65. Начало пѣсни:

Іарко сунце на пут полазише.
За њим мила мајка пристојаше:
Іарко сунце! куд ћеш на конаке?
Ко ће теби вечерицу дати?
Ко ће теби ложницу стерати?
Ко ће теби рано пробудити,
Да огријеш земљу и градове
А и *ону* млагу сиротицу,
Голу босу и неопасану? Петран. С. н. п. I, 1.

Въ млр.—поэтично употребленіе мѣстоименія въ нар. п.:

Та в неділеньку рано
Чогось теє море грало.
Тамъ Марьечка потопала,
К собі батенька бажала, свад. п.

Къ тому же состоянію мысли (т. е. къ живому представленію того, что еще невысказано) относится употребленіе мѣстоименія, какъ указанія не на предыдущее, а на послѣдующее:

Татьяна, русская душою,
Сама не зная почему,
Съ *ея* холодною красою
Любила русскую зиму, Он. V, 4.
Покамѣстъ упивайтесь *ею*,
Сей легкой жизнію, друзья, Он. II, 39.

Въ млр. *той* и пр.—въ сравненіяхъ при *як*, *мов*, *неначе*. Этимъ оправдывается разумность сравненія, ибо такимъ образомъ то, съ чѣмъ нѣчто сравнивается для уясненія, оказывается само яснымъ для говорящаго, стоящимъ передъ его мыслью: ....таке задѣрне собі було, що до всякого так у вічи й лізе, як тая оса, Кв.; вони гудуть, як тиї бджоли, ib. Бо́льшая конкретность такого представленія видна изъ сравненія его съ болѣе отвлеченнымъ, съ *буває*: як вода, буває, греблю прорвавши, и біжить, и шумить, и реве и клекоче; такъ и Настуся як з ким зчепиться, Кв. Снід.

Якъ тая оса. Въ сербскомъ указаніемъ на такое конкретное преставленіе образа служитъ составной сравнительный союзъ *како-но* (=*како-оно* — первоначальный смыслъ *оно* виденъ изъ сходства съ имѣющимъ лишь временное значеніе млр. *як ось*, какъ вотъ):

Одви се Мара од рода,
Како-но чела од роjа;
Прави се Петру делиjи
Како но свила к jумаку, Кар. П. I, 34.

Кано: Виjе л'му се б'jело перjе око калпака,
Кано свила припредена око вретена, ib. 43.

Кан'да, что соотвѣтствуетъ гомерическому *ὥς* съ сослагательнымъ, *какъ будьто бы*:

Аj Ђевоjко, душо моjа!
Што си тако jедполика
И у пасу танковита?
Кан'да с'сунцу косе плела
А мjесецу дворе мела. Кар. I, 161.

в) *Дат. поэтич.* Такую же роль, какъ мѣстоименіе указательное при существительномъ, играетъ дательный мѣстоименія личнаго при сказуемомъ. См. Малор. пѣсня по списк. XVI, в. 6—12. Съ этимъ сродно обращеніе среди повѣствованія къ слушателю:

Ал'ето ти војске на алаје:
Све коњици под бојним копљима,
Пред њима је Бошко Југовићу,
На алату, вас у чистом злату,
Крстат га је барјак поклопио,
Побратиме! до коња алата... Кар. П. II, 290.
Ахъ, *братцы*, какъ я былъ доволенъ... Оп. VII, 36.

г) Опредѣленіе отношенія говорящаго къ предмету, именно *сочувствія предмету*, презрѣнія и т. п.: *α)* посредствомъ уменьшительныхъ — ласкательныхъ формъ, *β)* посредствомъ эпитетовъ (собств. аппозицій), неимѣющихъ объективной изобразительности: „на сестру, мов на наймичку, кричить и недає їй, *сердешний*, добре ні за віщо взятись, Кв." Щож, Маруся? И вона, сердешна, щось измінилась... Кв. Та як се промовив, так аж трохи невпав из ослона на спину: голова ёму закрутилась, в очах потемнило и зовсімъ стуманів, бідаха, Кв.

Сви сватови коње разиграше,
Стаде играт змија Ластавицу.
Колико је њега ражљутила
У Призрену истрла калдрму
И Призрена редом покварила,
Баш се *курвић* пградити неће
За пунијех дванаест година,
Што је цару квара учињено, К. П. II, 58.
Ја би канл пред тамницу дођи,
Ал'је *пуста* синоћ затворена,
И кључеви двору однешени, ib. 98.
Он потеже сабљу од бедрице,
Ал'се *пуста* неда извадити,

Као да је за коре прирасла, ib. 110.
„Каква је, *клета*! неможе се човјек погледати“.
На ногама гаће шаровите,
Какве су јој клете искиђене! Рјечн.

Курвић=млр. скурвий син, въ смыслѣ не только осужденія, но и одобренія, удивленія, собств. подлецъ. Вызовъ на поединокъ:

...Но ако ти мајка није курва,
Ходи, дођи на кучко збориште... К. IV, 118.
Стаде Мато подагонит овце,
Но му вика Бошковић Смаиле:
„А небојсе Стојковичу Мато!
Дал' нијесмо вјеру уфатиме?“
Но *ми* Мато ријеч проговара:
О Смаиле, родила те курва!
Лијепу смо вјеру уфатили,
Ал' је танка вјера у турака,
Ка' од вука конац у везитку“ IV, 121.

Т. о. однородно съ серб. *курвић*, влкр. подлецъ, шельма, о женщинѣ безъ оттѣнка осужденія. При всей видимой грубости это однородно со слѣдующимъ:

Татьяна предъ окномъ стояла;
На стекла хладныя дыша,
Задумавшись, *моя душа*,
Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель *О* да *Е*, Он. III, 37.

Мр. А вже сам-здоров, Евграпе, знаєш, що лежачи не в Юрусалим заїдеш“ Гул. Артем. („здоровъ“ указываетъ на вѣрованіе, что *самъ*, упомянутое не въ добрый часъ, можетъ быть вредно для лица).

γ) Посредствомъ вводнаго предложенія *(παρένθεσις)*, если это предложеніе выражаетъ не постороннія обстоятельства дѣйствія, а чувства говорящаго.

Скочи Іован од земље на ноге

(А нема му до петнаест љетах)
И Лабуда свога извадио, Zima, Fig. 201.

д) *Ἀποστροφή*, aversio, въ томъ смыслѣ, что повѣствователь, какъ бы отворачиваясь отъ дѣйствія, обращается къ лицу (и предмету), *о которомъ рѣчь*, представляя его присутствующимъ, 2-мъ лицомъ (отъ этой фигуры слѣдуетъ отличать обращенія къ одушевленнымъ наличнымъ предметамъ, (Kolb. Pokucie II, 35, bis, 63, 97).

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью:
Ты въ руки моднаго тиранна
Ужъ отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ
Блаженство темное зовешь,
Ты нѣгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслѣдуютъ мечты:
Вездѣ воображаешь ты
Пріюты счастливыхъ созданій;
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твой искуситель роковой, Он. III, 15.

Въ сочетаніи съ олицетвореніемъ:

Увялъ! Гдѣ жаркое волненье ...и пр.
...И страхъ порока и стыда
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой! Он. VI, 36.
Но ты, бордо, подобенъ другу, Он. IV, 46.

Цѣлый рядъ апострофъ представляетъ то мѣсто VII главы 1-ой ч. М. душъ, гдѣ Чичиковъ разсматриваетъ списки мертвыхъ душъ: „когда взглянулъ онъ потомъ на эти листики, на мужиковъ, которые точно были когда-то мужиками“, то какое-то странное непонятное ему самому чувство овладѣло имъ... Смотря долго

на имена ихъ, онъ умилился духомъ и, вздохнувши, произнесъ: „батюшки мои, сколько васъ здѣсь напичкано! Что вы, сердечные, подѣлывали на вѣку своемъ, какъ перебивались?“ и т. д.

Третье лицо вмѣсто второго — случай противоположный апострофѣ, но того же характера. Здѣсь собесѣдникъ принижается, приравниваясь къ вещи. Какъ явленіе язычное, это характеристично для нѣмецкаго языка — *er* пр. вм. *du*:

Such er den redlichen Gewinn,
Sei er kein schellenlauter Thor. Göthe.
Sah wieder preussisches militär.
Hat sich nicht verändert...
Sie stelzen noch immer so steif herum.
So kerzengrade geschniegelt.
Als hätten sie verschluckt den Stock.
Womit man sie einst geprügelt.
Ia ganz versehwand die Fuchtel nie:
Sie tragen sie jetzt im Innern:
Das trauliche *Du* wird immer noch
An das alte *er* errinern. Heine. Deutschand, III.

Въ русскомъ такая замѣна есть фигура только личная. Такъ въ упрекахъ, выговорахъ и т. п.

А тут зверху жінка нападає, так що бідному Тихонові и просвіту нема: Сякий такий лисий дідуга! Ум відстарів. Пооббірав діточок и мене на старости, та всеж попропивандрював на той хліб. Тут би у такий голодний год и заробити копійчину, а він людям ёго дурно роздає... Тютю дурний! Чи бачивъ хто такого дурня? Чорзна кому роздає и в ранці и в вечері, а ми уся ёго сімъя, голудуємо, та ïмо відкажений пай, мов рештанти... Оттак ти одурій на старости! „То Тихон було слухає, слухає, далі схопить себе за голову, та“: А вже ж мені сяя морока, скаже, та мерщій з хати... Кв. Добре робн.

Обращенія къ неодушевленнымъ предметамъ отвлеченнымъ, въ велик. пѣсн. (Сб. матер. для описанія кавк. III. Станица Темижбекская. Куб. области):

Ты черемуха, черемуха мая,
Черемуха-душа-аленькій цвѣтокъ, 49.
Трава моя, травушка, зеленый лужокъ,
Я по тебѣ, травушка, я ненахожусь, ib.
Ой садовая (ое) моя яблочка...
Откатилася прочь отъ яблонки, 58.
Ой же ты, солнышко ясное... 59.
Долина долинушка
Долина широкая! 60.
Березничакъ листоватай! 60.
Не стой верба надъ водою
Хоть стой не стой развивайся.
Ужъ вы горы мои, горы крутыя,
Вы позвольте горы дли васъ постояти, 73.
Старона ль ты моя вотъ староношка... 74.
А молодость, молодость
Дѣвичья красота,
Молодецкая сухота!
При чемъ (s) тебе молодость
При старости вспомянуть?
Вспомянуть тебе, молодость,
Тоскою—кручиною,
Великой печалью, 79.
Ой да ты полыня, ты моя полыня,
Полынюшка, трава горькая!
Да не я вотъ, моя полынюшка,
Да не я али тебе сѣяла,
Да сама вотъ, моя полынюшка,
Да сама жъ ты уродилася,
Занимала вотъ, моя полынюшка
Землю самую ни лучшую, 80.
Ой да вы ночи мои,
Ночи мои темныя!
Не могу то я васъ али мои ночушки

А я васъ проспать—прождать
А я васъ—продумати... 80.
Бодай тебе, рѣченька,
Бодай тебе, быстрая,
Желтымъ пескомъ
Пескомъ занесло! 82.
Туманы мои темные!
Да ты скука ты, моя скука,
Чужа дальня сторона!
Разлучила ты меня, моя скука,
Съ отцомъ съ матерью далеко, 86.

Обращеніе къ предметамъ, какъ средство конкретности ихъ изображенія въ мір.—(въ сравненіяхъ): „Грушице моя" и пр... Въ вlкр. и для изображенія обстановки: Вы, морозы... Якушк. Соч. 561. Ужъ вы, горы, 573, 604 (bis) 606, 668, 617.—Лучина,... Якушк. 619, Вы, туманы, 632, 660, 683, 689. Въ сравненіяхъ — Якуш. 585, 602. Обращеніе къ отвлеченнымъ предметамъ: „Ужъ ты воля, Якуш. 580; Ахъ женитьба, 596; Куравушка, 604. Ужъ ты зимушка, 604; Ахъ ты, ночь, 606. Сторона, 622, 650; Коровать. 623. Полоса, 637: Заря, 661, сборы 667.

Обращеніе къ двумъ-тремъ предметамъ, безъ опредѣленія ихъ отношеній (asyndeton. слѣдствіе аффекта):

Выйде Филя. древле прегордый, надѣяся обнять землю, потребити море, со многыми Угры. Рекшю ему: „единъ камень много горньцевъ избиваеть", а другое слово ему рекшю прегордо: „острый мецю! борзый коню! многая Руси!" Богу же того нетерпящю во ино время убьенъ бысть Даниломъ Романовичемъ древле прегордый Филя." Ип.[2] 492 подъ 1217=

(Вдова) Бьєла сына породзіла,
Й уповівшы говорила:
О муой сыну бєлюсєнькі!
Муйо душко байструсєнькі
Ой чи цєбє утопіці,
Ой чи цєбє й годоваці? Заблудовскій, Этн. сб. III, 95.

Ой піду я піду понад Дунаями....
Ой тамъ козаченько коня напуває,
Коня из припоя, самъ заплакав стоя:
Головонько моя! Сторононька чужа! Чуб. V, 379.

У Гомера — въ силу сочувствія пѣвца — Гекторъ вызываетъ на поединокъ. Ахейцы молчатъ. Тогда Менелай упрекаетъ ихъ, называя между прочимъ Ахеянками, и вооружается:

Ἔνθα κέ τοι, Μενέλαε, φάνη βιότοιο τελευτὴ
Ἕκτορος ἐν παλάμῃσιν, ἐπεὶ πολὺ φέρτερος ἦεν
Εἰ μὴ ἀναΐξαντες ἕλον βασιλῆες Ἀχαιῶν, Il. VII, 104.

„Тогда бы тебѣ, Менелай, пришелъ (явился) конецъ жизни, въ рукахъ Гектора, потому что онъ былъ многимъ сильнѣе, если бы вскочивъ неудержали цари Ахейевъ.“

Пандаръ стрѣляетъ въ Менелая. — „Но тебя, Менелай, неоставили жители неба, вѣчные боги и пр. ib. IV, 127. Такія обращенія къ Менелаю — Ил. IV, 146, XIII, 603, XVII, 679, 707, XXIII, 600. Къ Патроклу — XVI, 20, 584, 693, 744, XVI, 787, 812, 843. Къ Ахиллу — XX, 2. Къ Мелкиппу XV, 582. Къ Фебу — XX, 152. Въ Одиссеѣ — къ Эвмею XXII, 55, 165, 442, 507; XV, 60, 135, XVII, 512.

La Roche въ примѣчаніи къ Иліадѣ (IV, 127) замѣчаетъ, что апострофа „hat nur formele Ursache und nicht ihren Grund in der Theilnahm, welche der Dichter für diese Persönlichkeit erwecken will (Homer's Ilias, I, 1—4, 449). Мнѣ неясно, какія могутъ быть формальныя причины. Конечно, не размѣръ, который можетъ стѣснять лишь плохихъ стихотворцевъ. Психологическое же побужденіе — не желаніе возбудить сочувствіе, а личное отношеніе пѣвца къ предмету.

Апострофы въ началѣ пѣсень — см. Малор. п. по сп. XVI, 6, 15. Млр. Серб. Болг. звательный падежъ вмѣсто именительнаго именъ собственныхъ личныхъ можетъ быть случаемъ вытѣсненія именительнаго звательнымъ, предполагающимъ звательный при именительномъ. Объясненіе этого явленія требованіемъ размѣра скорѣе всего могло бы быть примѣнено къ сербскому десятисложному стиху; но ср.

Каква ј'красна Каица војводо, Кар. II, 463.
Болг. Болен лежит Станковине Дуко
Сине мои, Станковине Дуко...
Проговоре Станковине Дуко, Мил. 65—7. [1])

Анафора. У Гоголя:: „Другъ мой, храни васъ Богъ отъ односторонности. Съ нею всюду человѣкъ произведетъ зло: въ литературѣ, на службѣ, въ семьѣ, на свѣтѣ, словомъ — вездѣ! *Односторонній* человѣкъ самоувѣренъ, *односторонній* человѣкъ дерзокъ, *односторонній* человѣкъ всѣхъ вооружитъ противъ себя. *Односторонній* человѣкъ ни въ чемъ неможетъ найти средины. *Односторонній* человѣкъ неможетъ быть истиннымъ христіаниномъ: онъ можетъ быть только фанатикомъ: односторонность въ мысляхъ показываетъ только то, что человѣкъ еще на дорогѣ къ христіанству, но недостигнулъ его, потому что христіанство даетъ уже многосторонность уму. Словомъ, храни васъ Богъ отъ односторонности". Выбр. мѣста изъ переп.

Эпифора — точное повтореніе вышеупомянутыхъ словъ. Какъ въ народномъ эпосѣ вмѣсто ссылокъ и указаній на вышеизложенное — буквальное повтореніе его (что образнѣе и поэтичнѣе); такъ Гоголь — въ предѣлахъ періода, когда рѣчь становится болѣе одушевленной, (затѣмъ, какъ манера): „Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемѣры или даже, просто, неприготовленные проповѣдователи Бога, дерзавшіе произносить имя его неосвященными устами", Гог. Пер.

„Хотѣлось, чтобы... предсталъ какъ бы невольно весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, до-

---

[1]) Однородны съ апострофою случаи representatio (Zima, 135 сл.): а) настоящее вмѣсто прошедшаго и будущаго б) приближеніе прошедшаго (выраженіе прошедшаго) къ наглядности посредствомъ нарѣчій:

Отце прійшовъ до мене тай каже....

в) указательное мѣстоименіе о предметѣ неупомянутомъ выше: и још оно све жежено злато.

Къ формальнымъ средствамъ изобразительности относится фигура διαλογισμός (Zima, 145—8), сходная съ dat ethicus (дѣлающимъ воображаемаго слушателя участникомъ повѣствованія). Это (διαλογισμός) субъективно въ томъ смыслѣ, что говорящій передаетъ не дѣйствительный разговоръ (какъ у Зимы, 147), а лишь прибѣгаетъ къ этой формѣ (самъ ли спрашивая и отвѣчая, или вводя другія лица), какъ наиболѣе изобразительной.

ставшихся на его долю преимущественно передъ другими народами, и со множествомъ тѣхъ недостатковъ, которые находятся въ немъ также преимущественно предъ всѣми другими народами, ib.

„Я питалъ втайнѣ надежду, что чтеніе „М. Д." наведетъ нѣкоторыхъ на мысль писать свои собственныя записки; что многіе почувствуютъ даже нѣкоторое обращеніе на самихъ себя, потому что и въ самомъ авторѣ, когда писаны были „Мертвыя Души", произошло нѣкоторое обращеніе на самого себя", ib. Это эпифора — прибавка. Namque ego, crede mihi, si te modo pontus haberet, Te sequerer, conjux, et me quoque pontus haberet, Ov. M. I, 361.

„Все перессорилось: дворяне у насъ между собою, какъ кошки съ собаками; купцы между собою — какъ кошки съ собаками, мѣщане между собою—какъ кошки съ собаками; крестьяне, если только неустремлены побуждающею силою на дружескую работу, между собою, какъ кошки съ собаками; даже честные и добрые люди между собою въ разладѣ; только между плутами видится что-то похожее на дружбу и соединеніе, въ то время, когда кого-нибудь изъ нихъ сильно станутъ преслѣдовать". Переп.

„И теперь больше всего благодарю Бога за то, что сподобилъ онъ меня хотя отчасти узнать *мерзости*, какъ мои собственныя, такъ и моихъ бѣдныхъ собратьевъ. *И если* есть во мнѣ какая-нибудь капля ума, свойственнаго не всѣмъ людямъ, такъ это отъ того, что *всматривался я побольше въ эти мерзости. И если* мнѣ удалось оказать помощь душевную нѣкоторымъ близкимъ моему сердцу, а въ томъ числѣ и вамъ, такъ это отъ того, что *всматривался я побольше въ эти мерзости. И если* наконецъ пріобрѣлъ любовь къ людямъ немечтательную, но существенную, такъ это все же наконецъ отъ того же самаго, что *всматривался я побольше во всякія мерзости*. Переп.

Такое соединеніе единоначатія *(ἀναφορά)* и единоокончанія *(ἐπιφορά)* называется *συμπλοκή* — сплетеніе. (Wackernagel).

Πολύπτωτον есть собственно повтореніе того же имени въ разныхъ падежахъ (*πτῶσις* — casus), затѣмъ — служитъ названіемъ и для повторенія глагола въ разныхъ формахъ.

Et superesse videt de tot modo millibus *unum*,
Et superesse videt de tot modo millibus unam Ov. Met. I. 325.

(Соединеніе *ἀναφορά* и *πολύπτωτον).*

τῆς δ' ἄρ ἀκουούσης ῥέε δάκρυα, τήκετο δε χρώς
ὡς δὲ χιὼν κατατήκετ' ἐν ἀκροπόλοισιν ὄρεσσιν,
ἥν τ' Εὖρος κατέτηξεν, ἐπὴν Ζέφυρος καταχεύῃ
τηκομένης δ' ἄρα τῆς ποταμοὶ πλήθουσι ῥέοντες
ὣς τῆς τήκετο καλὰ παρήϊα δάκρυ (collect) *χεούσης*

Od. XIX, 204 (Wackernagel).

...„А добродѣтельный человѣкъ все-таки невзятъ въ герои. И можно даже сказать, почему *невзятъ* (*ἐπίζευξις* — прибавка, повтореніе безъ опредѣленнаго мѣста): *потому* что пора наконецъ дать отдыхъ бѣдному *добродѣтельному человѣку*, *потому* что праздно вращается на устахъ слово „*добродѣтельный человѣкъ*"; *потому что* обратили въ лошадь *добродѣтельнаго человѣка*, и нѣтъ писателя, который бы неѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ, и всѣмъ, чѣмъ ни попало; потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора наконецъ припречь и плутоватаго. И такъ припряжемъ его, плутоватаго человѣка"! М. Д. III. (Это соединеніе *ἐπίζευξις*, *ἀναφορά*, *πολύπτωτον*, *ἐπιφορά*, все вмѣстѣ *συμπλοκή).* Ср. повторенія въ рѣчи мужиковъ, М. D. III гл.

„А теперь непозабывайте ни на мигъ, что все это вамъ дѣлается для *покупки* твердаго характера, а эта *покупка* покамѣстъ для васъ нужнѣе всякой другой *покупки*, и потому будьте въ этомъ случаѣ упрямы, просите Бога объ упрямствѣ". Переп.

Гипербола и иронія.

„Возьмите Ивана Ивановича за руки, да выведите за двери!"

„Какъ! дворянина?" закричалъ съ чувствомъ достоинства и негодованія Иванъ Ивановичъ. „Осмѣльтесь только! подступите! Я васъ уничтожу съ глупымъ вашимъ паномъ! Воронъненайдетъ мѣста вашего!" (Иванъ Ивановичъ говорилъ необыкновенно сильно, когда душа его была потрясена).

Гипербола (*ὑπερβολή*—преувеличеніе)—фигура по отношенію къ метафорѣ; она неможетъ быть соподчинена съ тропами. Сюда Вакернагель [1]) относитъ и pluralis majestaticus: *Мы*=я, *Вы*=ты.

Гипербола можетъ быть принимаема и за родовое названіе, какъ вышеупомянутаго случая, такъ и противоположнаго *λιτότης* [2]) (ма́лить) — уменьшенія. Послѣднее есть тоже общее названіе. Въ частности *λιτότης* принимается въ транзитивномъ смыслѣ и есть выраженіе взгляда на 3-ье лицо, между прочимъ и презрѣнія къ нему; между тѣмъ *ταπείνωσις*; *униженіе*, и *μείωσις*, *умаленіе*, принимается въ рефлективномъ смыслѣ, когда лицо говоритъ о себѣ, напр. Давидъ Саулу: „Противъ кого вышелъ царь Израильскій? За кѣмъ ты гоняешься? За мертвымъ псомъ, за одною блохою?" I, Кн. Цар., 24, 15 (Wackernagel, 530). Сюда же разныя историческія самоуничиженія, какъ captatio benevolentiae: „Холопишко твой №", „Padam до nóg" и пр.

Гипербола есть результатъ какъ бы нѣкотораго опьяненія чувствомъ, мѣшающаго видѣть вещи въ ихъ настоящихъ размѣрахъ. Поэтому она рѣдко, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, встрѣчается у людей трезвой и спокойной наблюдательности. Если упомянутое чувство неможетъ увлечь слушателя, то гипербола становится обыкновеннымъ враньемъ.

---

1) W. Wackernagel, Poetik, Rhetorik und Stilistik, II—aufl. 529—30, сл.; А. Потебня. Значенія множественнаго числа въ русскомъ языкѣ, множественное гиперболическое, стр. 1—15. От. от. Ф. Зап. 1887.

2) L. Zima (Figure u našem narodnom pjesnićtvu) λιτότης относитъ къ эвфемизму, отлично отъ преувеличенія (Dobro nye, moj brate вм. zlo je) 61—2.

Слово о полку Иг.: „Великый княже Всеволоде", ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти... Галичьскый Осмомысле Ярославе, высоко сѣдиши на своемъ златокованѣмъ столѣ... меча бремены чрезъ облакы. — Въ народной поэзіи и языкѣ: „колосъ отъ колоса" [неслыхать человѣческаго голоса]; шапками закидаемъ... — Съ комическимъ эфектомъ: степени родства [десятая вода на киселѣ и пр.]; бѣдность [мѣдной посуды — крестъ да пуговица, рогатой скотины — тараканъ да жуковица]. *Величанье.* Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, 61:

Ой якъ вона (дівчина) заговорить — як у дзвони дзвонить
Ой як вона засміється — в Полтаві сплинеться.

У мене дівчина, дівчина рибчина:
Ой якъ заговорить, як у дзвін задзвонить
Ой як засміється, Дніпро розільється. В. Е. 1881, іюль, 403.

Въ повѣсти Кохановской „Послѣ обѣда въ гостяхъ": „За послѣднее время у него (у Чернаго) новая пѣсня, да вѣдь какая пѣсня! Ни старые, ни бывалые люди отъ роду неслыхивали этой пѣсни.... Вздохну, Дунай всколыхну

Всколыхну ли Дунай рѣку,
Что не къ морю вода подымалася,
По желтымъ пѣскамъ расплескалася,
Въ зеленыхъ моряхъ разливалася:
По [illegible] душа встосковалася...

Очевидно, что эта новая пѣсня, если не цѣликомъ стара, то составлена изъ древнихъ элементовъ, древнѣе Слова о Полку Игоревѣ, но душа могла быть въ ней новая. Ср. Сербск. п.

Ђевојка је крај горе стајала
Сва [illegible] се гора од лица засјала
И од лица и зелена [illegible] Рајa Срп. н. п. 12 и др.

Ср. [illegible] можно употреблять въ обоихъ случаяхъ какъ для [illegible] такъ и для [illegible] Въ послѣднемъ случаѣ она является [illegible] [illegible] перемѣняется [illegible]

Кад уздахну, вас (весь) Будим устану,
Када јекну, вас ми Будим злекну.
И по кули рафи (полки) и долафи (armorium, оршак)
И по рафим зафи (блюдечки) и филджана
По долафим калајли ленђери (оловяные умывальники) Кар.
С. н. п. из Херцег. 132—3, 216.
Сузами (слезами) је море замутила
А јадима уставила лађу (остановила лодку), Караджић, Прјесме,
I, 556—7 (ср. Мое Слово о П. Иг. 10)
Колико се старац наљутио (старикъ разсердился)
Из очиј'му крвца (кровь) покапала, Чубро Чојк. 312.

У страха глаза велики. Ибро увидѣлъ спящаго Стојана.
Виђохъ змаја под јелу зелену
На прси (груди) му црна (черная) овца лежи (раскрытая, волосатая грудь)
А у зубе врано (черное) јагње држи (усы)
По прсима сјају му се очи (токе, пуђи),
Ка звијезде по небу ведроме.
Прислонио до јелу лубарду (пушку), Чуб. Чојк. 313.
Ср. анекдотъ „О жидѣ и волкахъ".
[*Печаль*]: Невесело Лајчић Мустајбеже
Низ кобилу објесио брке, Чуб. Чојк. 118.

Въ Кіевской лѣтописи подъ 1618 г.: „Южъ у кроникахъ полскихъ (и) русскихъ читаемъ, же ледве зъ матки своее дитя на светъ отворило ворота зъ живота, „татарове едутъ" закричало, и также правдою того жъ року стало, же по всей Полщи землю спустошили вширъ и надолжъ и назадъ вцале вернули". Сборн. лѣтописей, относящихся до ю.-з. Руси. К. 1888,—87. Это предсказаніе есть въ основѣ фактъ, выраженный гиперболически. Какъ и въ дѣтской игрѣ:
„Комашки... ховайте подушки! Собаки брешуть, татари їдуть!

Мн. ч. существительныхъ для возвеличенія, идеализаціи предмета: Вы примайте ярлыки распечатывайте

Поскорѣе того прочитывайте. Кир. II. IV, 40.

Ср. серб. *крсти* въ пѣснѣ объ обрѣтеніи честнаго Креста Г.:

Гдѣ су сади наши часни крсти...

Наши с' крсти у земљи јеврејској, Кар. П. 35. (Знач. множ. числа, 8—13).

У Пушкина — рѣдко, да и то въ слѣдующемъ случаѣ, какъ аллюзія на слова извѣстнаго враля:

За то зимы порой холодной
Ѣзда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной,
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ, какъ заборъ, Он. VII, 35.

Прим. А. С. П.: „Сравненіе заимствовано у К*, столь извѣстнаго игривостью воображенія. К*... разсказывалъ, что, будучи однажды посланъ курьеромъ отъ кн. Потемкина къ Императрицѣ, онъ ѣхалъ такъ скоро, что шпага его, высунувшись концомъ изъ телѣжки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу.

Гоголь (М. Д. Изд. 1874, т. III, 266 — 7) — безъ всякой ироніи: „знать у бойкаго народа ты (тройка) могла только родиться,—въ той землѣ, что нелюбитъ шутить, а ровнемъ — гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, *пока не зарябитъ тебѣ* въ очи.

Чувство, лежащее въ основаніи pluralis majestatis, *мы*, есть то, когда человѣку кажется, что его *я* разрастается до сліянія съ государствомъ, сословіемъ, классомъ. Въ этомъ раздутомъ состояніи „*я*“ легко подвержено оскорбленіямъ. На это состояніе указываетъ Гоголь.

„Россія такая чудная земля, что если скажешь объ одномъ коллежскомъ ассесорѣ, то всѣ коллежскіе ассесоры, отъ Риги до Камчатки, непремѣнно примутъ на свой счетъ. То же разумѣй и о всѣхъ званіяхъ и чинахъ“, Носъ II, 66. (изд. 1874 г.).

„Въ департаментѣ.... но лучше неназывать, въ какомъ департаментѣ. Ничего нѣтъ сердитѣе всякаго рода должностныхъ сословій. *Теперь* уже *всякій* (гиперб.) частный человѣкъ считаетъ въ лицѣ своемъ оскорбленнымъ все общество.

Говорятъ, весьма недавно поступила просьба отъ одного капитана исправника, непомню какого города, въ которой онъ излагаетъ ясно, что гибнутъ государственныя постановленія, и что священное имя его произносится рѣшительно всуе; а въ доказательство приложилъ къ просьбѣ преогромнѣйшій томъ какого-то романическаго сочиненія, гдѣ черезъ каждые десять страницъ является капитанъ исправникъ, мѣстами даже совершенно въ пьяномъ видѣ. И такъ, воизбѣжаніе всякихъ непріятностей, лучше департаментъ о которомъ идетъ дѣло, мы назовемъ *однимъ департаментомъ*, Шинель“ соч. II, 89.

Ср. М. Д. т. III, стр. 263 — 5 (изд. 1874 г.) — книга оскорбительная *для отечества*: Еще падетъ обвиненіе на автора со стороны такъ называемыхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капитальцы, устраивая судьбу свою насчетъ другихъ; но какъ только случится что-нибудь, по ихъ мнѣнію *оскорбительное для отечества*, появится *какая-нибудь книга*, въ которой скажется иногда горькая правда, — они выбѣгутъ со всѣхъ угловъ, какъ пауки, увидѣвшіе, что запуталась въ паутину муха, и подымутъ вдругъ крики: Да хорошо ли выводить“...

Относительно „теперь“ ср. въ Перепискѣ: „въ *послѣднее время*, какъ бы еще нарочно, старался русскій человѣкъ выставить всѣмъ на видъ свою щекотливость во всѣхъ родахъ, и мелочь раздражительнаго самолюбія своего на всѣхъ путяхъ“, 1847, Выбр. м. изъ пер. 647. [1])

[1]) 2-е письмо по поводу М. Д.

Въ силу того же чувства своего величія, происходятъ обвиненія людей другого соціальнаго или политическаго направленія въ измѣнѣ отечеству; отождествленіе нѣкоторыхъ мнѣній съ наукой и обвиненіе несогласныхъ съ нами не въ ошибочности мнѣній (что, сопровождаемое доказательствами, всегда умѣстно), а въ „ненаучности“ и даже въ оскорбленіи науки, какъ будьто наука намъ мать, жена или сестра, честь которой мы обязаны защищать, такъ какъ безчестье ея упадетъ на нашу голову.

Чувство оскорбленія раздутаго „*я*“ проявляется, смотря по обстоятельствамъ, замкнутымъ страданіемъ или дѣйствительнымъ оскорбленіемъ мнимыхъ оскорбителей:

„Отрывокъ изъ статейки г-на Писарева.... показываетъ, что молодые люди плюются; — погоди еще не такъ плеваться будутъ! Это все въ порядкѣ вещей — и особенно на Руси не диво, гдѣ мы всѣ такіе деспоты въ душѣ, что намъ кажется, что мы не живемъ, если не бьемъ кого-нибудь по мордѣ. — А мы скажемъ этимъ юнымъ плевателямъ: „на здоровье!“ и только посовѣтуемъ имъ выставить изъ среды своей, хотя такихъ плохихъ писателей, каковы были тѣ, въ кого они плюютъ! — 1862 Тургеневъ, 1-е собр. писемъ 99.

Ложь и *гипербола*. Ср. сцену изъ Фауста:

Meph. Wir legen nur ein gültig Zeugnis nieder,
Dass ihres Ehherrn ausgereckte Glieder
In Padua an heil'ger Stätte ruhn.
Faust. Sehr klug! Wir werden erst die Reise machen müssen!
M. Sancta simplicitas! Darum ist's nicht zu thun;
Bezeugt nur, ohne viel zu wissen.
F. Wenn er nichts Bessers hat, soi st der Plan zerrissen.
M. O heil'ger mann! Da wärt Ihr's nun!
Ist es das erste mal in eurem Leben,
Dass Ihr falsch Zeugniss abgelegt?
Habt Ihr von Gott, der Welt und was sich drin bewegt,

Won Menschen, was sich ihm in Kopf und Herzen regt,
Definitionen nicht mit grosser Kraft gegeben?
Mit frecher Stirne, kühner Brust?
Und wollt Ihr recht ins Innre gehen,
Habt Ihr davon, Ihr müsst er grad'gestehen,
So viel als von Herrn Schwerdtleins Tod gewusst!
F. Du bist und bleibst ein Lügner, ein Sophiste.
M. Ia, wen man's nicht ein bisschen tiefer wüsste.
Den morgen wirst, in allen Ehren,
Das arme Gretchen nicht bethören,
Und alle Seelenlieb' ihr schwören?
F. — Und zwar von Herzen.
M.—Gut und schön!
Dann wird von ewiger Treu und Liebe,
Von einzig überallmächt'gem Triebe—
Wird das auch so von Herzen gehn?
F. Lass das! Es wird!—Wenn ich empfinde,
Für das Gefühl, für das Gewühl
Nach Namen suche, keinen finde,
Dann durch die Welt mit allen Sinnen schweife,
Nach allen höchsten Worten greife
Und diese Glut, von der ich brenne,
Unendlich, ewig, ewig nenne,
Ist das ein teuflisch Lügenspiel? F, I. 106.

Мефистофель. Она добыть отъ насъ свидѣтельство бъ хотѣла
О томъ, что бренное ея супруга тѣло
Въ могилѣ, въ Падуѣ, изволитъ почивать.
Фаустъ Умно! Такъ съѣздить мы должны туда сначала?
М. Sancta simplicitas! Еще недоставало.
Свидѣтельство и такъ ты можешь подписать.
Ф. Ну, значитъ, новый планъ должны мы сочинять.
М. О, мужъ святой, ужель вы всѣхъ другихъ честнѣй
Хотите быть? Ужель ни разу не давали
Свидѣтельствъ ложныхъ въ жизни вы своей?

О Богѣ, о землѣ, о томъ, что скрыто въ ней,
О томъ, что въ головѣ и сердцѣ у людей
Таится—вы давно ль преважно толковали
Съ душею дерзкою, съ безсовѣтнымъ челомъ?
Но если глубже лишь мы вникнуть пожелаемъ,
Окажется сейчасъ, что знали вы о томъ
Не болѣе, чѣмъ мы о мужѣ Марты знаемъ.
Ф. Софизмы лживые ты любишь говорить!
М. Да, если глубже не судить!
Не завтра ли, душа святая,
Бѣдняжку Гретхенъ надувая,
Въ любви божиться станешь ты?
Ф. И отъ души!
М. Ну, да, конечно,
И въ вѣчной вѣрности, и въ вѣчной
Любви и страсти безконечной—
И все отъ сердца полноты?
Ф. Пусть такъ! Когда я весь пылаю
И страсти пламенной моей
Напрасно имя подбираю,
Весь міръ стремленьемъ обнимаю
И рѣчи въ пламя облекаю,
И жаръ, которымъ я сгораю,
Я вѣчнымъ, вѣчнымъ называю—
Ужели и тогда солгу я передъ ней? (Пер. Н. Холодковскаго).

Ложь относится къ гиперболѣ, какъ иронія къ комизму.

Хлестаковщина. Гоголь къ Максимовичу, 1834: „Исторію Малороссіи я пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ или въ четырехъ большихъ томахъ,“ изд. Кулиша V, 198. Погодину (1834): Я весь теперь погруженъ въ Исторію Малорусскую и всемірную.... Мнѣ кажется, что я сдѣ-

лаю кое-что не общее во всеобщей исторіи. Малороссійская Исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, ей быть нельзя. Мнѣ попрекають, что слогъ въ ней ужъ слишкомъ горитъ, неисторически жгучъ и живъ; но что за исторія, если она скучна, ib. 196. Объ ней же ib. 212.

Погодину (1834): „Я на время рѣшился занять здѣсь каѳедру исторіи, а именно среднихъ вѣковъ. Если ты этого желаешь, то я пришлю тебѣ нѣкоторыя свои лекціи, съ тѣмъ только, чтобы ты въ замѣнъ прислалъ мнѣ свои. Весьма недурно, если бы ты отнялъ у какого-нибудь слушателя тетрадь записываемыхъ имъ твоихъ лекцій, особенно о среднихъ вѣкахъ... прислалъ бы черезъ Редькина мнѣ теперь же. Изд. Кул. V, 221. Еме же 1834: „Знаешь ли ты, что значитъ не встрѣтить сочувствія, что значитъ не встрѣтить отзыва? Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня неслушаетъ, ни на одномъ ниразу невстрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я рѣшительно бросаю теперь всякую художническую отдѣлку, а тѣмъ болѣе желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю вдаль и вижу его въ той системѣ, въ какой оно явится вылитою чрезъ годъ. Хоть бы одно студенческое существо понимало меня! Это народъ безцвѣтный, какъ Петербургъ. Кул. V, 228.

Максимовичу, 1825: „Я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю будетъ состоять томовъ изъ восьми, если не изъ девяти. Авось либо и на тебя нападетъ охота и благодатный трудъ. А нужно бы, право, нужно озарить Кіевъ чѣмъ-нибудь хорошимъ ib. 231.

Погодину 6-го декабря 1835 г.: „Я расплевался съ университетомъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года, годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся, — въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужа-

сающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ мои небесныя гостьи, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто незнаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и пр. и пр.... Я тебѣ одному говорю это; другому нескажу я: меня назовутъ хвастуномъ и больше ничего. Мимо, мимо все это!... (изд. Кул. V, 247).

Матери 1830: Теперь вездѣ стараются распространять засѣваніе картофеля, польза котораго такъ очевидно, что я бы совѣтовалъ попробовать вамъ въ небольшомъ количествѣ. Въ другихъ странахъ прекратили засѣваніе хлѣба и *сѣютъ* только картофель... Картофель въ *милліонъ* разъ родится болѣе всякаго хлѣба... Муки, по расчисленію практиковъ, картофленой выходитъ съ 1-й десятины столько, сколько изъ двадцати десятинъ другого хлѣба. Доходъ съ одной десятины полагаютъ простирающимся до 500 рублей.... Кул. V, 168—9.

Къ сестрамъ 1836. (какъ говорятъ съ дѣтьми): на пароходѣ „у каждаго изъ насъ небольшая комнатка, никакъ небольше орѣховой скорлупки“. ....Въ Любекѣ „улицы узенькія, есть даже такія, что можно изъ окошка протянуть руку и пожать руку того, который живетъ противъ васъ... ib 263.

Въ Генуѣ улицы есть такъ узеньки, что двумъ человѣкамъ нельзя пройти въ рядъ. 288. Гог. изд. Кул. VI, 121, 122, 136,—7, 155, 158, 372.

„*Болѣзнь* моя выражается такими страшными припадками, какихъ никогда еще со мною небыло; но страшнѣе всего мнѣ показалось то состояніе, которое напомнило мнѣ ужасную болѣзнь мою въ Вѣнѣ, а особливо, когда я почувствовалъ то подступавшее къ сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ, обращало въ исполина; всякое незначительно пріятное чувство превращало въ такую страшную радость, какую не въ

силахъ вынести природа человѣка, и всякое сумрачное чувство претворяло въ печаль, и потомъ слѣдовалъ обморокъ, наконецъ совершенно сонамбулистическое состояніе. Гог. изд. Кул. V, 462 (1842 г.) см. еще ib VI 121.

Въ Ревизорѣ (д. III, явл. V) городничій и Артемій Филиповичъ просто лгутъ сознательно и, такъ сказать, трезво; но Хлестаковъ, подъ вліяніемъ хорошаго завтрака и подобострастія чиновниковъ, присутствующихъ дамъ, доходитъ до опьяненія ложью (д. III, яв. VI). Случайно обмолвившись правдой, онъ за это самъ уличаетъ себя во лжи: ...„Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвертый этажъ, скажешь только кухаркѣ: „на, Мавруша, шинель“.... „Что же я вру, я и позабылъ, что живу въ бельэтажѣ“... „Пошли толки: какъ, что, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ бывало,— нѣтъ мудрено! Кажется и легко на видъ, а разсмотрѣть—просто, чортъ возьми! Видятъ, нѣчего дѣлать—ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры.... можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю?... Во дворецъ всякій день ѣзжу и меня *завтра* же произведутъ *сейчасъ* въ фельдмаршалы (поскальзывается и чуть-чуть не падаетъ на полъ, но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками).

Хлестаковъ. „Онъ просто глупъ; болтаетъ потому только, что видитъ, что его расположены слушать; вретъ, потому что плотно позавтракалъ и выпилъ порядочно вина. Сцена, въ которой онъ завирается, должна обратить особенное вниманіе. Каждое слово его, ...фраза или реченіе есть экспромтъ, совершенно неожиданный, и потому долженъ выражаться отрывисто.... Къ концу... начинаетъ его разбирать... онъ долженъ *раскричаться* и выражаться еще неожиданнѣе и чѣмъ дальше тѣмъ громче. Щепкину, Кул. V, 257.

Въ перепискѣ съ друзьями (4 письма по поводу М. Д.) (Соч.[3] IV, 654): я уже отъ многихъ своихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ надъ ними посмѣяться. Я оторвался отъ многаго уже тѣмъ, что, лишивши картиннаго вида и рыцарской маски, подъ которою выѣзжаетъ козыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ той гадостью, которая всѣмъ видна, и когда, повѣряю себя на исповѣди передъ тѣмъ, кто повелѣлъ мнѣ быть въ мірѣ и освобождаться отъ своихъ недостатковъ, вижу много въ себѣ пороковъ, но они уже не тѣ, которые были въ прошломъ году: святая сила помогла мнѣ отъ нихъ оторваться...

Стилистическихъ своихъ грѣховъ онъ однако казнилъ мало. Такимъ образомъ гиперболичность составляетъ довольно видную черту его слога.

Въ М. Д. (Соч.[3] III,): тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все что ни есть, порывается къ верху, закидывая голову, а онъ, (контрабасъ) одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстухъ, присѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою ноту, отъ которой трясутся и дребезжатъ стекла. 43.

„Ребята, впередъ!“ кричитъ онъ, (поручикъ) порываясь, непомышляя.... что милліоны ружейныхъ дулъ выставились въ амбразуры неприступныхъ, уходящихъ за облака крѣпостныхъ стѣнъ... 90.

....„Шумъ отъ перьевъ былъ большой и походилъ на то, какъ будто бы нѣсколько телѣгъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями“. 150.

—„А ваше какъ здоровье?“

—„Слава Богу, непожалуюсь, сказалъ Собакевичъ. И точно, не на что было жаловаться; скорѣе желѣзо могло простудиться и кашлять, чѣмъ этотъ на диво сформированный помѣщикъ. 153.

„Выставь ему вѣдьму — старость, къ нему идущую, которая вся изъ желѣза, передъ которою желѣзо есть милосердіе, которая

ни крохи чувства неотдастъ назадъ и обратно. О, еслибъ ты могъ сказать ему то, что долженъ сказать мой Плюшкинъ, если доберусь до третьяго тома Мерт. Д.! Переп. IV, 636.

..."Все было устремлено на приготовленіе къ балу; ибо, точно, было много побудительныхъ и задирающихъ причинъ. За то, можетъ быть *отъ самаго созданія свѣта* небыло употреблено столько времени на туалетъ.... Цѣлый часъ былъ посвященъ на одно разсматриваніе лица въ зеркалѣ (Чичиковъ) М. Д. 771.

"Шумъ и визгъ отъ желѣзныхъ скобокъ и ржавыхъ винтовъ разбудилъ на другомъ концѣ города будочника, который, поднявъ свою алебарду, закричалъ съ просонья, что стало мочи: "кто идетъ? Но, увидѣвъ, что никто нешелъ, а слышалось только издали дребезжанье, поймалъ у себя на воротникѣ какого-то звѣря и, подошедъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ. Послѣ чего, поставивши алебарду, опять заснулъ по уставамъ своего рыцарства. 189.

Коляска... "Стукъ поварскихъ ножей на генеральской кухнѣ былъ слышенъ еще близъ городской заставы. Соч. II, 125.

Просто пріятная дама: Сестрѣ я прислала матерійку: это такое очарованье, котораго просто нельзя выразить словами. Вообразите себѣ: полосочки узенькія, какія только можетъ представить воображеніе человѣческое, фонъ голубой и черезъ полоску все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки... Словомъ безподобно! Можно сказать рѣшительно, что *ничего еще больше небыло подобнаго* въ свѣтѣ." 193.

"Началъ онъ заводить между ними какіе-то внѣшніе порядки, требовалъ... чтобы ни въ какомъ случаѣ иначе всѣ неходили, какъ попарно.... 280.

"*Портретъ*. Садясь писать, онѣ (дамы) принимали такія выраженія, которыя приводили въ изумленіе художника: та старалась изобразить въ лицѣ своемъ мелонхолію, другая мечтательность, третья во что бы то ни стало, хотѣла уменьшить ротъ и сжимала его до такой степени, что онъ обращался наконецъ въ одну точку, небольше булавочной головки"... (Соч. II, 30).

„Ничего немогли найти отъ огромныхъ его богатствъ, но, увидѣвши изрѣзанныя куски тѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыхъ цѣна превышала милліоны, поняли ужасное ихъ употребленіе.“ ib. 41.

„*Невскій проспектъ*.... Какъ чисто подметены его тротуары и, Боже, сколько, ногъ оставило на немъ слѣдъ свой! И неуклюжій, грязный сапогъ отставного солдата, подъ тяжестью котораго, кажется трескается самый гранитъ, и миніатюрный, легкій какъ дымъ башмачокъ молоденькой дамы.... Начнемъ съ самаго утра, когда *весь* Петербургъ пахнетъ горячимъ только что выпеченнымъ хлѣбомъ и *наполненъ* старухами въ изодранныхъ платьяхъ и салопахъ, совершающихъ (салопахъ?) свои *наѣзды* на церкви и на сострадательныхъ прохожихъ.... По улицамъ плетется нужный народъ; иногда переходятъ *ее* (улицу?) русскіе мужики... въ сапогахъ, запачканныхъ известью, которыхъ Екатериненскій каналъ, извѣстный своею чистотою, не въ состояніи бы былъ обмыть. Н. Проспектъ. Соч. IV 155.

„Мальчишекъ въ пестрядинныхъ халатахъ, съ пустыми штофами, или готовыми сапогами въ рукахъ, бѣгущихъ милліонами по Невскому проспекту. ib. 156.

Тысячи сортовъ шляпокъ, платьевъ, платковъ, пестрыхъ, легкихъ... ослѣпятъ хоть кого на Невскомъ проспектѣ. Кажется, будто цѣлое море мотыльковъ поднялось вдругъ со стеблей и волнуется блестящею тучею надъ черными жуками мужескаго пола. Здѣсь вы встрѣтите таліи, какія вамъ даже неснились никогда: тоненькія, узенькія, таліи никакъ нетолще бутылочной шейки.... Сердцемъ вашимъ овладѣетъ робость и страхъ, чтобы какъ-нибудь отъ неосторожнаго даже дыханія вашего, непереломилось прелестнѣйшее произведеніе природы и искусства. ib. 157—8.

„Онъ лжетъ во всякое время, этотъ Невскій проспектъ, но болѣе всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжетъ на него и отдѣлитъ бѣлыя и палевыя стѣны домовъ, когда весь городъ превратится въ громъ и блескъ, миріады каретъ валятся съ мостовъ, форейторы кричатъ и прыгаютъ на лошадяхъ, и когда

самъ демонъ зажигаетъ лампы для того только, чтобы показать все не въ настоящемъ видѣ ib. 191.

...„За то вышло что-то чудное. Это не переводъ (Одиссея Жуковск.), но скорѣе возсозданіе, воскрешеніе Гомера. Переводъ какъ бы еще болѣе вводитъ въ древнюю жизнь, нежели самъ оригиналъ. Переводчикъ незримо сталъ какъ бы истолкователемъ Гомера, сталъ какъ бы какимъ-то зрительнымъ выясняющимъ стекломъ передъ читателемъ, сквозь которое еще опредѣлительнѣе и яснѣе высказываются всѣ безчисленныя его (?) сокровища. Переп. IV, 587.

Она (Одиссея) вновь даетъ почувствовать всѣмъ нашимъ писателямъ ту старую истину, которую вѣкъ мы должны помнить, которую всегда позабываемъ, а именно: *по* тѣхъ поръ не приниматься за перо, пока все въ головѣ не установится въ такой ясности и порядкѣ, что даже ребенокъ въ силахъ будетъ понять и удержать все въ памяти. ib. 591.

Пусть миссіонеръ католичества западнаго бьетъ себя въ грудь, размахиваетъ руками и краснорѣчіемъ рыданій и словъ исторгаетъ скоро высыхающія слезы. Проповѣдникъ же католичества восточнаго долженъ выступить такъ передъ народъ, чтобъ уже отъ одного его смиреннаго вида, потухнувшихъ очей и тихаго потрясающаго *гласа*, исходящаго изъ души, въ которой умерли всѣ желанія міра, все бы подвигнулось еще прежде, нежели онъ объяснилъ бы самое дѣло и въ одинъ голосъ заговорило бы къ нему: „непроизноси словъ: слышимъ и безъ нихъ святую правду твоей церкви ib. 597.

Все единогласно, отъ бояръ до послѣдняго бобыля, положило, чтобы онъ (Михаилъ Ѳеод. Романовъ) былъ на престолѣ. ib. 611.

Отвлеченными чтеніями, размышленіями и безпрестанными слушаніями *всѣхъ* курсовъ наукъ его умъ заставишь только *слишкомъ* немного уйти впередъ. ib. 619.

Нѣтъ, имѣй такую чистую, такую благоустроенную душу, какую имѣлъ Карамзинъ, и тогда возвѣщай свою правду: *все* тебя выслушаетъ отъ царя до послѣдняго нищаго въ государствѣ, и

выслушаетъ съ такою любовію, съ какою невыслушивается *ни въ какой* землѣ ни парламентскій защитникъ правъ, ни лучшій нынѣшній проповѣдникъ собирающій вокругъ себя верхушку моднаго общества, и съ такою любовію можетъ выслушать только одна чудная наша Россія, о которой идетъ слухъ, будто она вовсе нелюбитъ правды. ib 621.

— Еще *вся* книга (M. D.) неболѣе какъ недоносокъ; но духъ ея разнесся уже отъ нея незримо, и самое ея раннее появленіе можетъ быть полезно мнѣ тѣмъ, что подвигнетъ моихъ читателей указать *всѣ* промахи относительно общественныхъ и частныхъ порядковъ внутри Россіи. ib. 652.

— Сдѣлайте ваше путешествіе вотъ какимъ образомъ: прежде всего выбросьте изъ вашей головы *всѣ* до одного ваши мнѣнія о Россіи, какія у васъ ни есть, откажитесь отъ собственныхъ своихъ выводовъ, какіе уже успѣли сдѣлать, представьте себя незнающимъ ровно ничего и поѣзжайте, какъ въ новую дотолѣ вамъ неизвѣстную землю. ib. 662.

— Княгиня же О***, бывшая до нея губернаторшей въ томъ же вашемъ городѣ К***, не завела никакихъ заведеній, ни пріютовъ, непрошумѣла нигдѣ дальше своего города, неимѣла *даже* никакого вліянія на своего мужа, и невходила ни во что собственно правительственное и оффиціальное, а между тѣмъ до нынѣ *никто* въ городѣ неможетъ о ней вспомнить безъ слёзъ и *всякъ*, начиная отъ купца *до послѣдняго бобыля* до сихъ поръ еще повторяетъ: „нѣтъ небудетъ другой никогда княгини О***!" А кто это повторяетъ? Тотъ же самый городъ, для котораго, вы полагаете, ничего невозможно сдѣлать; тоже самое общество, которое вы считаете испорченнымъ *на вѣки*. ib. 668.

Ваше (губернаторши) вліяніе сильно. Вы первое лицо въ городѣ, съ васъ будутъ перенимать *все* до послѣдней бездѣлушки, благодаря обезьянству моды и вообще нашему русскому обезьянству. ib. 668.

„Не только высшее правительство, но даже *всѣ* до единаго частные люди начинаютъ замѣчать, что причина злу *всего* есть та,

что священники стали нерадиво исполнять свои должности". Ib. 677—8.

— „Вотъ сколькимъ условіямъ нужно было выполниться, чтобы переводъ Одиссеи (Жук.) вышелъ не рабская передача, но послышалось бы въ немъ слово живо и *вся Россія* приняла бы Гомера, какъ родного" ib. 586.

...Это полное воплощеніе въ плоть, это полное округленіе характера совершалось у меня только тогда, когда я соберу въ головѣ всѣ крупныя черты характера, соберу въ тоже время вокругъ его все тряпье до малѣйшей булавки, которое кружится ежедневно вокругъ человѣка, словомъ, когда соображу все отъ мала до велика, ничего не пропустивши. Ib. 820.

...„Мертвыя души не потому такъ *испугали Россію*, чтобы онѣ раскрыли какія нибудь ея раны...ib. 650.

...Русь! Чего ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ *все, что ни есть въ тебѣ*, обратило на меня полныя ожиданія очи?... И еще полный недоумѣнія, неподвижно стою *я*, и уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необычайный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли неродиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь въ глубинѣ моей, неестественною властью освѣтились мои очи... У! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!...

— Держи, держи, дуракъ! кричалъ Чичиковъ Селифану.

— Вотъ я тебя палашомъ! кричалъ скакавшій на встрѣчу фельдъегерь, съ усами *въ аршинъ*.

„Не видишь лѣшій, дери твою душу, казенный экипажъ!" И какъ призракъ, исчезнула съ громомъ и пылью тройка. М. Д. III. 237—8.

Это—геніальное мѣсто, начиная отъ 236 ст.; „Брычка...“ Движеніе брички Чичикова превращается въ полетъ мысли автора по Руси „изъ... прекраснаго далека“.

Не одно молодое сердце тутъ дрогнуло и расширилось и почувствовало въ себѣ „силы необъятныя“ (Лермонтовъ), какъ самъ авторъ. Оно прекрасно въ глазахъ того, кому сообщается гиперболическое настроеніе автора, и кому поэтому покажется смѣшнымъ вопросъ, имѣлъ ли право авторъ быть въ такомъ настроеніи и выражать его. Оно прекрасно и по тому, какъ неожиданно обрываетъ занесшуюся мысль холодная дѣйствительность; по той рѣзкости, съ которой этимъ выставлена противоположность вдохновенной мечты и отрезвляющей яви.

Но можетъ случиться, что красота этого мѣста для насъ не существуетъ, и что его гиперболичность для насъ безсильна. Тогда болѣе холодныя объясненія автора насъ неразогрѣютъ, какъ и вообще красота прозаическими объясненіями неможетъ быть доказана.

Гоголь дѣлаетъ ошибку, стараясь оправдаться передъ тѣми, которые обвинили его за это лирическое отступленіе. Онъ только подтверждаетъ своимъ оправданіемъ, что средства поэта и прозаика различны, и что поэтъ, стараясь говорить прозаически, нерѣдко беретъ фальшивыя ноты. Единственное идущее къ дѣлу въ его оправданіи, это—то, что онъ не обманывалъ, а говорилъ подъ вліяніемъ истиннаго чувства. Остальное только подтверждаетъ его наклонность къ гиперболичности, въ частности къ колебаніямъ между противоположными чувствами могущества и самосокрушенія, самоуничиженія, что грубо выражается пословицей: „какъ пьянъ, то и капитанъ, а какъ проспится, и свиньи боится“. Объясненіе также гиперболично, какъ и лирическое отступленіе, но оно подмѣняетъ чувство „страшной силы“ и „власти“ чувствомъ сокрушенія о грѣхахъ.

...„Рѣчь о лирическомъ отступленіи, на которое больше всего напали журналисты, видя въ немъ признаки самонадѣянности, самохвальства и гордости, *доселѣ еще неслыханной* (гиперб.) ни

въ одномъ писателѣ. Разумѣю то мѣсто въ послѣдней главѣ, когда, изобразивъ выѣздъ Чичикова изъ города, писатель, на время, оставляя своего героя среди столбовой дороги, становится самъ на его мѣсто и, пораженный скучнымъ однобразіемъ предметовъ, пустынною безпріютностью пространствъ и грустною пѣснею несущеюся по всему лицу земли Русской, отъ моря до моря, обращается въ лирическомъ воззваніи къ самой Россіи, спрашивая у ней самой объясненія непонятнаго чувства, его объявшаго, т. е.: зачѣмъ и почему ему кажется, что будто все, что ни есть въ ней, отъ предмета одушевленнаго до бездушнаго, вперило на него глаза свои и чего-то ждетъ отъ него! Слова эти были приняты за гордость и доселѣ неслыханное хвастовство, между тѣмъ какъ они ни то, ни другое. Это просто *нескладное (λιτότης)* выраженіе истиннаго чувства (того-ли, о которомъ рѣчь дальше).

„Мнѣ и до нынѣ кажется тоже. Я до сихъ поръ немогу выносить тѣхъ заунывныхъ, раздирающихъ звуковъ нашей пѣсни ....Кому, при взглядѣ на эти пустынныя, доселѣ незаселенныя и безпріютныя пространства, нечувствуется тоска; кому въ звукахъ нашей пѣсни неслышатся *болѣзненные упреки ему самому*, именно ему самому, тотъ или уже весь исполнилъ свой долгъ, какъ слѣдуетъ, или же онъ не русскій въ душѣ. Разберемъ дѣло, какъ оно есть.“

„Вотъ уже полтораста лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ Государь Петръ I прочистилъ намъ глаза чистилищемъ просвѣщенія европейскаго, далъ въ руки намъ *всѣ* (гип.) средства и орудія для дѣла, и до сихъ поръ остаются *также* (гиперб.) пустынны и грустны и безлюдны наши пространства, *также* безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родною нашею крышею, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ, и дышетъ намъ отъ Россіи не радушнымъ, роднымъ пріемомъ братьевъ, но какою то холодною, занесенною вьюгою, почтовою станціей, гдѣ видится одинъ, ко всему равнодушный станціонный смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: „нѣтъ лошадей!“ Отчего это?

Кто виноватъ? Мы или правительство? Но правительство все время дѣйствовало безъ устали. Свидѣтелемъ тому цѣлые томы постановленій... А какъ на это было отвѣтствовано снизу? Дѣло вѣдь въ примѣненіи.... Куда ни обращусь, вижу, что виноватъ примѣнитель, стало быть нашъ же братъ"... *(λιτότης)*.

Но какимъ же образомъ произошло то, что „не такъ ли и ты Русь, что бойкая, необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается назади. Остановился пораженный чудомъ созерцатель" и пр. (М. Д. I. 267)? — И неужели онъ дивится только изданію неисполняемыхъ законовъ?

„Не знаю, много ли изъ насъ такихъ, которые сдѣлали *все*, что имъ слѣдовало сдѣлать, и которые могутъ сказать откровенно передъ цѣлымъ свѣтомъ, что ихъ неможетъ попрекнуть ни въ чемъ Россія; что неглядитъ на нихъ укоризненно всякій бездушный предметъ съ ея пустынныхъ пространствъ; что все ими довольно и ничего отъ нихъ неждетъ.

Знаю только то, что я слышалъ себѣ упрекъ. Слышу его и теперь. И на моемъ поприщѣ писателя, какъ оно ни скромно *(λιτότης)*, можно было кое-что сдѣлать на пользу болѣе прочную.... Ну хоть бы и это мое сочиненіе.... „Мертвыя души", произвело ли оно то впечатлѣніе, какое должно было произвести, если бы только было написано такъ, какъ слѣдуетъ?.... кто виноватъ?.... Я почувствовалъ *презрѣнную слабость моего характера*, *мое подлое малодушіе*, *безсиліе любви моей (λιτότης)*, а потому и услышалъ болѣзненные упреки себѣ во всемъ, что ни есть въ Россіи (гип.) Но высшая сила меня подняла: поступковъ нѣтъ неисправимыхъ, и тѣже пустынныя пространства, нанесшія тоску мнѣ на душу, меня восторгнули великимъ просторомъ своего пространства, широкимъ поприщемъ для дѣлъ.

Отъ души было произнесено это обращеніе къ Россіи: „Въ тебѣ ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться ему!" Въ Россіи теперь на всякомъ шагу можно сдѣлаться богатыремъ (гип.) Всякое званіе, мѣсто требуетъ богатырства. Каждый

изъ насъ (гип.) до того опозорилъ святыню своего званія и мѣста (lit.) (всѣ мѣста святы), что нужно богатырскихъ силъ на то, чтобы вознести ихъ на законную высоту. Я слышалъ то великое поприще, которое никому изъ другихъ народовъ невозможно и только одному Русскому возможно, потому что передъ нимъ только такой просторъ и *только* его душѣ знакомо богатырство. Вотъ отчего у меня исторгнулось то восклицаніе, которое приняли за мое хвастовство и мою самонадѣянность". (1843). Переписка, т. IV 645—9.

Подъ формулу колебанія между противоположными чувствами самоуниженія и самовозвеличенія и противоположными поэтическими ихъ выраженіями (гипербола и литотесъ) подводятся многія важныя явленія въ развитіи русскаго общества и русской литературы. Какое исходное чувство въ отдѣльныхъ случаяхъ, можетъ быть, трудно рѣшить. но одна противоположность порождаетъ другую.

Еще задолго до ближайшаго столкновенія съ западомъ, въ русскомъ народѣ и московскомъ правительствѣ возникло высокомѣріе, стремленіе къ величію. Котошихинъ: „Россійскаго государства люди породою своею спесивы и необычайные ко всякому дѣлу, повеже въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго неимѣютъ и непріемлютъ, кромѣ спесивства и безстыдства, и ненависти и неправды...

...Для науки и обычая въ иные государства дѣтей своихъ непосылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи, и вольность благую, начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія неимѣли и немыслили. „Котошихинъ. О Россіи въ царств. Алекс. Мих." 42—3.

Такимъ образомъ мы здѣсь видимъ не закоренѣлую спесь, способную выдержать всякое испытаніе, а спесь неустойчивую, готовую при первомъ случаѣ превратиться въ малодушіе и унылие. Уже здѣсь намекъ на многое, что случилось послѣ и случается до

нынѣ. Много благородныхъ душъ, способныхъ сливать свою жизнь съ жизнью общества, истерзалось и погибло въ непрестанныхъ переходахъ отъ опьяненія національною гордостью къ похмелью національнаго униженія. Эти колебанія исключали спокойное чувство человѣческаго достоинства, братское отношеніе къ другимъ народностямъ и спокойный трудъ, личное счастье. Въ поэзіи и исторіи они исключали спокойное, объективное изображеніе жизни съ ея добромъ и зломъ. Эти колебанія сказываются въ литературѣ въ переходѣ отъ торжественной оды къ сатирѣ. Гоголь совмѣщаетъ въ себѣ противоположныя настроенія, свойственныя той и другой. Это заставляетъ его и въ Русскомъ и въ Россіи видѣть крайности.

„Мнѣ хотѣлось въ сочиненіи моемъ (М. Д.) выставить преимущественно тѣ высшія свойства русской природы, которыя еще не всѣми цѣнятся справедливо, и преимущественно тѣ низкія, которыя еще недостаточно всѣми осмѣяны и поражены.... чтобы.... предсталъ.... весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю, *преимущественно передъ другими* народами, и со всѣмъ множествомъ тѣхъ недостатковъ, которые находятся въ немъ также *преимущественно* предъ *всѣми* другими народами. Я думаю, что *лирическая сила*, которой у меня былъ запасъ, поможетъ мнѣ изобразить такъ эти достоинства, что къ нимъ возгорится любовью русскій человѣкъ, а *сила смѣха*, котораго у меня также былъ запасъ, поможетъ мнѣ такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидитъ читатель, если бы даже нашелъ ихъ въ себѣ самомъ“. Авторская испов. IV 808.

....Но....... можетъ быть въ сей же самой повѣсти почуются иныя еще доселѣ небранныя струны; предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа; пройдетъ мужъ, одаренный божественными доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія; и мертвыми покажутся предъ ними *всѣ* добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ

мертва книга передъ живымъ словомъ! подымутся русскія движенія.... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ.... М. Д. С. III 240.

Ничего еще не было подобнаго въ свѣтѣ. „Никогда еще не было“ etc. Что часто говорится о постороннемъ, то примѣняется и къ себѣ. Сюда —мѣста, гдѣ Гоголь считаетъ себя *исключительно личностью* со своимъ особымъ Богомъ. Такія утвержденія потеряютъ свою гиперболичность и обнаружатъ долю истины въ нихъ заключенную, если будутъ примѣнены ко всѣмъ: всѣ, великіе и малые, единственны въ своемъ родѣ и находятся въ исключительно интимныхъ отношеніяхъ къ своему Богу, если его имѣютъ. *Своя страна и народъ—исключительная страна и народъ.* М. Д. С. III, 193, Ср. ib. 171 и сл.

— Душа жены—хранительный талисманъ для мужа.... и наоборотъ, душа жены можетъ быть его зломъ и погубить его на вѣки. Вы сами это почувствовали и выразились объ этомъ такъ хорошо, какъ до сихъ поръ еще никогда невыражались женскія строки... Переп. IV, 573.

Еще ни у кого изъ нашихъ писателей, не только у (самого) Жуковскаго во всемъ, что онъ ни писалъ доселѣ, и даже у Пушкина и Крылова, которые часто точнѣе его на слова и выраженія, не достигла до такой полноты русская рѣчь. Тутъ заключались *всѣ* ея извороты и обороты во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. *Безконечно* огромные періоды, которые у всякаго другого вышли бы вялы, темны, и періоды сжатые краткіе, которые у другого были бы черство обрублены, ожесточили бы рѣчь, у него такъ братски улегаются другъ возлѣ друга, всѣ переходы и встрѣчи противоположностей совершаются въ такомъ благозвучіи, все такъ сливается въ одно, улетучивая тяжелый громоздъ всего цѣлаго, что кажется, какъ бы пропалъ всякій слогъ и складъ рѣчи: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ и самаго переводчика, IV, 592.

Крайности воззрѣній Гоголя на русскій народъ могли быть только усилены вліяніемъ славянофиловъ. Они въ Гоголѣ органичны. [1])

Успѣхъ общества и вмѣстѣ заслуга Пушкина въ томъ, что онъ нашелъ настроеніе и языкъ для спокойнаго изображенія жизни, спокойнаго чувства собственнаго достоинства и достоинства другихъ, спокойной любви къ своему безъ ненависти и презрѣнія къ чужому. — Гоголь. 1842 г. „Вамъ пора быть здоровымъ, и я хочу застать васъ не за Ж. П. Рихтеромъ, а за Шекспиромъ и Пушкинымъ, которые читаются только въ здоровомъ расположеніи духа.“ Изд. Кулиша V, 463.

Въ нѣсколько разъ. Какъ бы чувствуя свою наклонность къ гипперболѣ, и какъ бы стараясь ей противодѣйствовать, Гоголь любитъ сводить къ опредѣленному *нѣсколько* (по воззрѣнію русск. яз.—отъ 2 до 4) неопредѣленныя выраженія интенсивности качества, вдвое, вдесятеро, во сто разъ, на *гораздо* (*многимъ*), и тѣмъ опять впадаетъ въ гипперболу.

—„Эти небольшіе ростовщики бываютъ въ нѣсколько разъ безчувственнѣе *всякихъ* большихъ. Портретъ. II, т. 45.

...„Обязанностей, которыя въ нѣсколько разъ прекраснѣе и возвышеннѣе *всякихъ* мечтаній IV, 572—3.

...„Мѣрами непринудительными и насильственными, но сильнѣйшими въ нѣсколько разъ *всякихъ* насильственныхъ. 729.

...„Съ вашей робкой неопытностью вы теперь въ нѣсколько разъ больше сдѣлаете, нежели женщина умная.“ ib. 576.

...„Что ни говори, а звуки души и сердца, выражаемые словомъ, въ нѣсколько разъ разнообразнѣе музыкальныхъ звуковъ ib. 625.

...„Я знаю людей, которые въ нѣсколько разъ умнѣе и образованнѣе меня и могли бы дать совѣты въ нѣсколько разъ полезнѣйшіе моихъ“ ib. 638.

[1]) См. переписка т. IV, 586, 588, 600, 611, 671, 705. Хотя и возстаетъ противъ квасного хвастовства. ib. 601, 656.

…„Вы изумитесь потомъ, когда увидите, сколько на этомъ поприщѣ предстоитъ вамъ такихъ подвиговъ, отъ которыхъ въ нѣсколько разъ больше пользы, чѣмъ отъ пріютовъ и всякихъ благотворительныхъ заведеній. ib. 678.

…„Ругни его (мужика) при всемъ народѣ, но такъ, чтобы тутъ же осмѣялъ его весь народъ; это будетъ для него *въ нѣсколько разъ* полезнѣе *всякихъ* подзатыльниковъ и зуботычекъ.“ ib. 685.

…„Лучше въ нѣсколько разъ больше смутиться отъ того, что внутри насъ самихъ, нежели отъ того, что внѣ и вокругъ насъ. ib. 708. Я совершенно потеряю все, если удалюсь изъ Петербурга. Здѣсь только человѣку достигнуть можно чего-нибудь; тутъ *тысяча* путей для него. Соч. изд. Кулиша. V, 109.

Гиперболичность видна тутъ въ томъ, что гдѣ можно, понятіе о предметѣ, низшемъ по качеству, представляется всеобщимъ, („всякихъ“) и что разсмотрѣнный оборотъ встрѣчается въ сильной, внушенной гиперболическимъ чувствомъ рѣчи.

Чичик... „Меня обнесли враги.“ Генералъ губернаторъ Чичикову:

— Васъ неможетъ никто обнесть, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, что можетъ выдумать последній лжецъ (гиперб.). Вы во всю жизнь, я думаю, недѣлали небезчестнаго дѣла (гиперб.) Всякая копѣйка, добытая вами, добыта безчестнѣйшимъ образомъ, есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Сибирь. (гиперб.) Нѣтъ, теперь полно! Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, на ряду съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ ждать разрѣшенія участи своей. И это мало еще, потому что хуже ты въ *нѣсколько разъ*, чѣмъ тѣ, что въ армякахъ и тулупѣ, а вѣдь ты...“ Онъ взглянулъ на фракъ наваринскаго дыму съ пламенемъ... III, 392—3.

Это примѣръ связи гиперболы съ сильнымъ чувствомъ и вмѣстѣ примѣръ отсутствія объективности слога. Губернаторъ говоритъ языкомъ самого Гоголя. Ср. письмо къ Генералъ губернатору бывшему и будущему IV, 712.

[Превосходная степень]: (Герои) выработались (у меня) изъ познанія природы человѣческой *гораздо полнѣйшаго*, чѣмъ какое было у меня позже. Соч. IV, 813; угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись *самыя мельчайшія* подробности его внѣшности, ib.; книга *несравненно любопытнѣйшая* Мертвыхъ Душъ, IV, 644. Словомъ можно было сдѣлать (много?) нападеній *несравненно дѣльнѣйшихъ*, выбранить меня больше, нежели теперь бранятъ, IV, 645. Теперь переводъ *первѣйшаго* (превосход.) поэтическаго творенія производится на языкѣ *полнѣйшемъ* и *богатѣйшемъ* всѣхъ европейскихъ языковъ, IV, 586; ты умѣлъ предпочесть его (званіе свое) другимъ *выгоднѣйшимъ* должностямъ, IV, 579.

---

16 марта 1837 г. Плетневу *о вліяніи Пушкина*. „Что мѣсяцъ, что недѣля, то новая утрата; но никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего непредпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка неписалась безъ того, чтобы я невоображалъ его передъ собой. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе, вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы.“ Соч. изд. Кулиша, V, 286—7.— 30 марта 1837 г. Погодину: „Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь, какъ Русскій, какъ писатель, я...я и сотой доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь; мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего непредпринималъ, ничего неписалъ я безъ его совѣта. Все что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. Соч. Изд. Кул. V, 268.

Иронія не однородна съ тропами (синекдоха, метонимія, метофора), во-первыхъ, потому, что съ одной стороны можетъ вовсе обходиться безъ образа (напр. быть чистымъ формальнымъ утвержденіемъ вмѣсто отрицанія: „да, какъ же!), съ другой—неисключаетъ троповъ, можетъ быть антономасіей (Новѣйшій Регулъ, Пушк. Онѣг. VI, 5) метафорой, въ частности аллегоріей. Во вторыхъ, въ ироніи X, искомое—не объективные признаки значенія, какъ въ тропахъ, ибо значеніе въ этомъ смыслѣ сознается говорящимъ до выраженія въ формѣ ироніи, а выраженіе чувства, сопровождающаго это значеніе. Такимъ образомъ иронія въ отличіе отъ троповъ, не есть средство познанія свойства явленій.

Εἰρωνεία, отговорка, какъ предлогъ уклониться отъ чего; лукавое притворство, когда человѣкъ прикидывается простакомъ, незнающимъ того, что онъ знаетъ.

Въ этомъ смыслѣ — иронія Сократа, діалектическій пріемъ коего состоялъ въ томъ, что онъ начиналъ изслѣдованіе вопроса, становясь самъ на точку незнанія, на которой стоялъ собесѣдникъ. Греческіе риторы ограничили значеніе термина, пріурочивши его къ тому случаю мнимаго познанія, когда нѣчто обозначается своею противоположностью. (ср. Wackernagel. 402—3).

Какъ всегда, отрицаніе предполагаетъ утвержденіе, такъ и здѣсь побужденіе къ такому представленію состоитъ, съ одной стороны, въ ожиданіи того, что нѣчто должно быть таково-то, ожиданіи, которое въ силу инерціи мысли сохраняетъ свою видимость и тогда, когда противорѣчіе дѣйствительности разомъ подрываетъ его основанія.

Изъ того, что Эвмей принялъ и угостилъ неузнаннаго имъ Одиссея, слѣдуетъ для Эвмея, что онъ отпуститъ гостя съ миромъ и тѣмъ наживетъ добрую славу и спокойную совѣсть; но гость предлагаетъ ему закладъ: если Одиссей возвратится, ты дашь мнѣ платье и отправишь на родину; если нѣтъ, ты меня сбросишь съ утеса, чтобъ другимъ лгать было неповадно.

При спокойномъ состояніи духа, или если бы гостепріимство, имъ оказанное, было меньше, на это Эвмей могъ бы отвѣтить

простымъ отказомъ: нехочу тебя убивать ни въ какомъ случаѣ, чтобъ ненажить дурной славы; но подъ вліяніемъ упомянутаго ожиданія онъ отвѣчаетъ ироніей:

„Другъ, похвалу бъ повсемѣстную, имя бы славное нажилъ
Я межъ людьми и теперь, и въ грядущее время, когда бы,
Въ домъ свой принявши тебя и тебя угостивъ, какъ прилично,
Жизнь дорогую твою беззаконнымъ убійствомъ похитилъ;
Съ сердцемъ веселымъ Кроніону могъ бы тогда я молиться!
Одис. XIV, 402.

Отъ Алкиноя, какъ гостя въ домѣ Телемаха, младшаго по лѣтамъ, ожидается деликатность и отеческая заботливость о пользѣ хозяйской, напр. чтобы хозяйское добро даромъ непропадало; но онъ, гость непрошенный и немилый, самъ нахальный дармоѣдъ, ругаетъ слугу дома Эвмея за то, что онъ съ согласія хозяина позволилъ бродягѣ просить въ домѣ милостыню. (Од. XVII, 375).

Это вызываетъ Телемаха:

„Ты обо мнѣ, какъ о сынѣ отецъ благодушный печешься,
Другъ Алкиной, выгоняя своимъ повелительнымъ словомъ,
Странниковъ, въ домъ мой входящихъ, но будетъ ли Дій
тѣмъ доволенъ. Од. XVII, 397.

Иронія, соединенная съ ядовитой насмѣшкой — *σαρκασμός* (*σαρκάζω*, терзаю тѣло, *σάρξ*). Одисс. XVII 195, 290.

Смерть — бракъ: понявъ собі панянку.

Какъ способъ доказательства и убѣжденія, иронія есть доведеніе даннаго въ образѣ до абсурда съ тѣмъ, чтобы ярче выставить дѣйствительность или необходимость значенія.

Въ слѣдующемъ наставленіи молодымъ ироническій образъ вызванъ житейскимъ опытомъ, показывающимъ (какъ думаютъ не совсѣмъ вѣрно), что „больше въ лѣсу кривого, чѣмъ прямого“, что супружеское согласіе, какъ вообще добродѣтель — рѣдко: „після сёго староста звелівъ посватаним, щоб кланялись перш батькові у ноги тричі, а як поклонились у третє та й лежать, а батько имъ и каже“:

„Гляди жъ зятю, жінку свою бий и вранці и ввечери, и встаючи и лягаючи, и за діло и безъ діла, а сварись зъ нею по всяк час. Несправляй ій ні плаття, ні одежі; дома не сиди, таскайся по шинках та по чужих жинках; то съ жинкою у пàрці, и зъ діточками як раз пійдете у старці. А ты дочко, чоловіку неспускай и ни въ чім ёму неповажай; коли дурный буде, та поіде въ поле до хліба, а ти йди у шинок, пропивай останній шматокъ; пий, гуляй, а він нехай голодує; та и впечі віколи нехлопочи: нехай паутиннем застелеться піčь. От вам и вся річь. Ви вже не маленькі, вже сами розум маєте, и що я вам кажу, и як вам жити знаєте“. Квитка. Маруся.

От непьяні учора були? Замість говіння великдень справляють.... Кв. I, 244.

Отъ уже не зрадовалась Івга! И плаче, и регочется, и кидається губернаторові в ноги, и руки ловить ціловати ёму II. 252.

Ср. Бр. изъ избы сору не выноси. „Свекоръ даетъ невѣсткѣ такое ироническое и двусмысленное наставленіе: „ты дачушка, паша избу (подметая) шумки (сметье, соръ) за окно не выкидывай (и не выноси сору, не сплетничай); я, дождавшись Св. Петра, сбяру талаку и самъ шумку вывязу“. О связи нѣкотор. представл. 16 и примѣч.

Простое отрицаніе въ восклицаніяхъ усиливаетъ положительное значеніе: „И Василь же нехитрий! Коле колоду, та чи вдарив обухом разъ або два, тай зірк на комірячу дверь. Такъ як раз и є: тамъ Хвекла визірнула“... „Отъ тобі й скарб“, Кв. II, 160 (Кулішъ) ib. 162.

Вийшла одна: неступає вамъ здрібна, ні! Хтось гадав би, що незнати що; вийшла друга: так вам и подюндюжилася“.... Хведьк.... Люба-згуба.

Танець завівъ Илашъ с Калиною, а парубки каждий собі по дівці, та гай за Илашем, так и разносяться! А топірці не літають, ні! Аж за очи ловлять, так блищаться на сонці.... А дівочки вам не роспустні, ні! Навіть и ні в той бік, що мами ззаду ди-

вляться та лишь собі на носі нарубують, кілько би то донецці кулаків дома усипати, або таки ще дорогою, вертаючи с храму.... ib.

Але коні нержуть вам, ні! Аж страшно якось слухати; але ненонче їх було й чути, бо парубки негрімають вам с пістоллєм, ні! Одні с хати кріз вікна, а ми знов відси з надвіря, аж гори відзиваютця, таке грімаємо! А музика в хати не тужить, ні! аж мороз иде тілом, ib....

На вопросъ: будетъ ли то-то? дается утвердительный отвѣтъ, но подъ невозможными условіями:

Коли, брате, въ гості будеш? и пр.
— Овако ти могу дуовати;
Да созидам кулу од камена,
Да те бацим у камену кулу.
Пак да кључе у море забацим;
Када кључи изъ мора изађу.
Онда ћеш се грека опростити, Кор. II, 74.

12 владыкъ и 300 монаховъ соглашаются отпустить царю грѣхъ (онъ билъ своихъ родителей) за дары. Тогда царь къ 300 дьячкамъ (ученикамъ):

Ђеца муче, ништа не говоре,
Но бесједи самоуче ђаче,
Неговори цару по хатеру,
Већ говори Богу по закону:
Круно наша, царе Константине!
Лако ћемо тебе дувовати:
Ти начини лучеву ћелију,
Намажи је лојем и катраном,
Затвори се, царе, у ћелију,
Запали је са четири стране,
Нека гори с вечер' до свијета,
Ак' останеш, царе, у ћелији,
Онда си се грија остајао, Кар. II, 91—2.

Ср. Thannhäuser исповѣдуется папѣ:

„Ich bin gewesen ein ganzes Iahr
Bei Venus, einer Frauen,
Nun will ich Beicht' und Buss' empfahn
Ob ich möcht' Gott anschauen.
Der Papst hat einen Stecken weiss,
Der war von dürren Zweige:
„Wann dieser Stecken Blätter trägt,
Sind dir deine Sünden verziehen. (Гейне Die Götter in Exil).

Онѣгинъ „получилъ... докладъ, что дядя при смерти въ постелѣ и съ нимъ проститься былъ бы радъ.

Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ
И ужъ заранѣе зѣвалъ". I, 42.

„Я модный свѣтъ вашъ ненавижу;
Милѣе мнѣ домашній кругъ.
Гдѣ я могу..."—Опять *эклога*. Он. III, 2.
Развратъ.... наукой славился любовной.

Но эта *важная* забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ временъ. Он. IV, VIII.

... И вотъ съ осанкой важной,
Куплетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ—предъ нимъ собранье
Хранитъ глубокое молчанье...
Его привѣтствуютъ" и пр.
Поэтъ же скромный, хоть великій,
Ея здоровье первый пьетъ. ib. V 23.
Ihr edlen Deutschen wisst noch nicht,
Was eines treuen Lehrers Pflicht
Für euch weiss zu bestehen;
Zu zeigen, was moralisch sei,

Erlauben wir uns frank uud frei,
Ein Falsum zu begehen.

- - - -

Hiezu haben wir Recht und Titel:
Der Zweck heiligt die Mittel.

Verdammen wir die Iesuiten,
So gilt es doch in unsern Sitten. Göthe, Xen. V 82.

Ich hielt mich von Meistern entfernt;
Nachtreten wäre mir Schmach!
Hab'alles von mir selbst gelernt".
Es ist auch darnach! ib. VI, 85.

Иронія—фигура. Она можетъ обходиться вовсе безъ троповъ: „хорошо!", „какже!", „эге!"; можетъ заключать тропъ: вона у насъ процвітає, якъ *макуха* під лавою" (богоміллячко знає, як жидівська кобила).

Въ силу большого разстоянія между представленіемъ и значеніемъ, иронія формальной противоположности (отрицанія того, что утверждается или замѣны представляемаго ею вещественной противоположностью, напр. *добрый* вмѣсто *злой*) есть иносказаніе. Въ частности иронія можетъ заключать въ себѣ другіе тропы, напр. ироническую антономасію, аллюзію. Онѣг. VI, 5:

И то сказать, что и въ сраженьи
Разъ въ настоящемъ упоеньи
Онъ отличился, смѣло въ грязь
Съ коня калмыцкаго свалясь,
Какъ зюзя пьяный, и французамъ
Достался въ плѣнъ: драгой залогъ!
Новѣйшій Регулъ, чести богъ,
Готовый вновь предаться узамъ,
Чтобъ каждымъ утромъ у Вери
Въ долгъ осушать бутылки три.

Въ тѣсномъ смыслѣ метафорична та иронія, въ которой представленіе берется изъ круга мыслей, неимѣющаго видимой связи съ обозначаемымъ.

Ударъ оружіемъ—поздравленіе, пожеланіе, сюрпризъ, подарокъ: три грабителя хотятъ вымѣнять коня у Милоша, а когда онъ на это несоглашается, грозятъ отнять силою:

Ал говори Милош Воиновић:
„Сила отме землу и градове,
Камо л' мене коња отет' неће!
Волимъ дати коња по размјену,
Іер немогу пјешке путовати.
....Они мисле, бакрачлију (стремя) скида,
Ал он скида златна шестоперца,
Те удари ћаковицу Вука.
Колико га *лако* ударио,
Три пута се Вуче преметнуо.
Вели њему Милош Воиновић:
„Толики ти родили гроздови
„У питомой твојој ћаковици!“ Кар. П. II, 142 и дальше.
Удри брата по бедри лијевој;
Колико го лахко ударио,
На бедри му сабљу пресијече
И под сабљом од чохе чокшире. Чуб. Чојк. 60.

Можно при этомъ думать о пожеланіи въ родѣ того, какъ полажайникъ, ударивши ожогомъ по бадняку, чтобъ посыпались искры, говоритъ: „оволико говеда, оволико коња и пр.

Викну Милош изъ грла бијела:
„Ето тебе, од шта се ненадаш“
Па он пусти злата шестоперца;
Колико га лако ударио,
Из бојна га седла избацио Кар. ib. 153.
Па се сташе даривати даром,
А њинијем даром немилијем:
Из пушака црнијех крушака, ib. 561.

Пьянъ—мертвъ, Мое слово о П. И. 64. Небогата (ир.) Зап. о Ю. Р. I, II. Невелику зазнобу, ib. 20.

Случаи, когда ироничность появляется только для слушателя (самообольщеніе, сумашествіе) Zima 53—4. (Это къ положенію, что отрицаніе изъ утвержденія).

Mimezis, Zima 54.—N пришолъ,—какже! пришелъ! *Χαϱιεντισμός* мнимодоброжелательная иронія, Zima 58 и др. виды ироніи ib. 59—60.

На казаку бідному нетязі сапьянці
Видни пьяти и палці,
Де ступить—босої ноги слід пише.
А ще на казаку бідному нетязі шапка-бирка:
Зверху дірка,
Шовкомъ шита, буйним вітром підбита,
А околиці давно немає. М. 377.

(Отрицаніе) Не плач, мате, нежурися!

Недуже го порубано,
Недуже го постріляно:
Головонька на четверо,
А серденько на шестеро,
А ніжечки на чашечки,
Біле тіло якъ макъ мілко!
Неплач мати, пежурися,
Бо вже сына поховано,
Вже му хату збудовано,
Без дверь хата, без віконець... Гол. I 24. Ср. ib. 99; III, 8.

Битва—пиръ; свадьба (О нѣкотор. символахъ 14—6), завтракъ:

Ми смо вама сигурали ручак:
Из пушаках црнијех крушаках,
Од ножевах црвеного вина. К. II. IV 114.

Турокъ, у котораго Марко хотѣлъ купить саблю своего отца Вукашина, оказался убійцею этого Вукашина. Марко убиваетъ турка и бросаетъ его тѣло въ рѣку, беретъ саблю и свои деньги. На вопросъ, куда дѣлся этотъ турокъ, Марко отвѣчаетъ:

„Прођите се, турци јаничаре,
„Узе туре гроше и дукате
„Пак отиде морем трговати“.
Сами турци међу собом зборе:
„Тешко турком тргујући с Марком. Кар. II, 348.

Смерть—бракъ.

— „Некажи, кòню, що я втопився,
„А кажи, коню, що я женився,
„Круті береги—бояре мої,
„Холодна вода—да то молода....

Братъ будто бы хочетъ жениться на сестрѣ, которую сватаютъ многіе. Она идетъ топиться.

„Кад зе дошла мору на обалу
Освртe се на четири стране,
Сузе рони, потијо говори:
„Ој брегови, моји деверови!
„Обалоце, моје јетрвице,
Крекушице (родъ рыбы), моје заовице! Кар. I 534.

Убитому турку, который передъ тѣмъ похвалился:

„Без ђевојке сан боравит' нећу,
„Хоћеш, мујо, лијепу ђевојку?
„Ето тебе лијепе ђевојке,
„А ђевојке зелене травице.

— Понявъ собі панянку Гол. I 98, 100, 101, III, 7 Богишић Нар. п. 61, 65.

Особаго рода стилистическая иронія происходитъ при сознаніи (самимъ говорящимъ, или лишь слушающимъ) противоположности между высокимъ слогомъ словесной оболочки и пошлостью или низостью мысли. Если словесная форма такой ироніи сохраняетъ явственные слѣды того произведенія или того рода произведеній, изъ коего она взята, то получается пародія, все равно, пародируется ли самое произведеніе, или же пародія служитъ средствомъ представленія въ комическомъ видѣ лицъ и событій, неимѣющихъ связи съ упомянутымъ произведеніемъ.

Ср. начало думы о бурѣ на Чорномъ морѣ и Алексѣѣ Поповичѣ:

„На чорному морі на білому камені
Ясненькій сокіл жалібно квилить, проквиляє
Смутно себе має, на чорнеє море спилна поглядає,
Що на чорному морю недобре ся починає....
... А из низу буйний вітер повіває.
А по чорному морю супротивна хвиля вставає,
Судна казацькі на три части разбиває....

Могла быть подобная дума о крушеніи турецкаго корабля, на которомъ были козаки-невольники—(ср. Антоновичъ и Драгомановъ. I, 89, Дума о Самойлѣ Кошкѣ). Отсюда:

„На синёму морю, під припичком долі
Да тамъ куца собака обметицю їла.
Де невзялась з помийниці супротивна хвиля,
Тому куцому собаці при самій сраці хвіст одкрутила.
А я сильне злякався,
На темні луга, на густі ліса, на дикі степа
На ніч у куточок сховався.
Черезъ комін поглядаю,
Тамъ вареники невілники в сметані потопають,
А я на їх велике милосердиє маю....
(Вѣроятно: по два, по три у руки забіраю, у рот покладаю). Чуб. V, 1170.

Церковно славянск. яз.:.. Горе мені, пане сотнику! казав Пістряк, мимошедшую седмицю глумляхся з молодицями по шиночкам здешнои палестини и, вечеру сущу минувшаго дне, бих неподвижен, аки клада, и нім, аки риба морская и пр.“ Конот. в. Кв. I, 185.

Сарказмъ—насмѣшка злобная или горькая, когда тотъ, надъ кѣмъ смѣются, или вмѣстѣ и тотъ, кто смѣется, находятся въ положеніи, менѣе всего располагающемъ къ смѣху.

По винѣ Ивана Черноевича и стеченію многихъ обстоятельствъ, свадьба его сына Максима, которая могла бы быть его гордостью, обратилась въ гибель для многихъ, несчастье и позоръ для него и его сына.

Онъ ищетъ на побоищѣ своего сына и находитъ племянника, человѣка, который одинъ только своимъ разумнымъ совѣтомъ хотѣлъ отвратить несчастье.

„Залуду га Иванъ находио:
У крви га познат, не могаше,
Мимо њега јунак пролазаше;
А виђе га Іован—капетане
Те ујаку Иву проговара:
„Мој ујаче, Црнојевић Иво!
Чим си ми се тако понесао:
Или снахом или сватовима,
Ил' господским даром пријательским,
Те непиташ несретна сестрића,
Іесу ли му ране досадиле?"
Виђе Иван, па сузе просипље,
Из крви га мало исправио:
„Мој сестрићу, Іован-капетане!
Іесу л' твоје ране за видање?...
— Прођи ме се, мој ујаче Иво!
Камо очи? њима негледао
Оваке се ране невидају. Кар. II, 562—3.

Смѣшное. Уже выше, говоря о сарказмѣ, пришлось поневолѣ употреблять слово „насмѣшка," „смѣяться." Это указываетъ на сродство ироніи и смѣшного, впрочемъ непростирающееся до тождества. Это сродство помогаетъ выдѣлить изъ смѣшного въ обширномъ смыслѣ, т. е. того, что производитъ смѣхъ, смѣшное эстетическое, входящее въ область искусства, подлежащее разсмотрѣнію его теоріи.

Смѣшное эстетическое есть то, въ которомъ смѣхъ причиняется извѣстнымъ сочетаніемъ мыслей, вызваннымъ въ томъ, который смѣется, поступками, словами, дѣйствіями другого или самого автора, который въ этомъ случаѣ смотритъ на себя, какъ на постороннее лицо. Эстетическое смѣшное есть одно изъ доказательствъ, что теченіе мыслей есть пространственное движеніе.

Подобно всѣмъ тропамъ и всякому пониманію, смѣшное есть процессъ, т. е. состоитъ въ смѣнѣ мысленныхъ актовъ: подобно ироніи, смѣшное есть дѣйствіе неоправданнаго *ожиданія*, извѣстнаго столкновенія положительнаго и отрицательнаго и наоборотъ.

Но въ ироніи говорящій ни на мгновеніе незаблуждается относительно значенія образа, т. е. того, что онъ говоритъ (или въ ироніи движеній — значенія жеста, въ ироніи живописной — фигуры); слушатель (или зритель) въ этомъ раздѣляетъ его настроеніе.

Въ смѣшномъ говорящій (въ метономичномъ смыслѣ слова) заблуждается относительно значенія образа; слушающій въ первое мгновеніе раздѣляетъ его настроеніе, но затѣмъ быстро, неожиданно для самого себя, исправляетъ свое заблужденіе, что производитъ въ немъ физіологическое явленіе смѣха. Быстрота смѣны ожидаемаго болѣе или менѣе противоположнымъ есть непремѣнное условіе смѣха. Поэтому отъ повторенія смѣшное перестаетъ быть смѣшнымъ.

Отъ этой мимолетности смѣшного зависитъ, что при научномъ его анализѣ особенно очевидно, что мы анализируемъ лишь мертвый препаратъ.

Мефистофель говоритъ это о логикѣ, химіи и затѣмъ о наукѣ вообще:

> Wer will was Lebendiges erkennen und beschreiben,
> Sucht erst den Geist herauszutreiben;
> Dann hat er die Theile in seiner Hand,
> Fehlt, leider! nur das geistige Band. Göthe, Faust, I,
> (сцена со студентомъ).

Разница тутъ съ точкой зрѣнія Мефистофеля лишь въ томъ, что тутъ и безъ нашего желанія, наперекоръ ему, жизнь улетучивается сама собою.

Присутствіе лиричности, наличность чувства, выражаемаго тономъ рѣчи (восклицаніемъ), отличаетъ малорусскіе случаи, какъ „отъ уже и незрадовалась N!“ отъ того явленія, что сліяніе от-

рицательной частицы со словомъ даетъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ „не отрицаніе значенія, а превращеніе его въ противоположное“ *не* (слитное) dient nicht zur Negierung enes Begriffes, sondern zur Verkehrung derselben in sein Gegentheil“, Mikl. Synt., 175).

Собственно отрицаніе несоздаетъ новаго значенія: Ср. *нетель*, млр. *неслухъ*, *неукъ*, *нéмочь*. Но если слово безъ отрицанія уже получило значеніе хорошаго и высокаго качества, то съ отрицаніемъ оно получаетъ значеніе дурного и низкаго: млр. слава—*неслава* (безславіе), доля (=добро)—*недоля*, вкр. толки—*безтолковье*, млр. година—*негода*, вкр. погода—непогода, млр. *бути*—изнебутися, воля—неволя, *путный*—архангел. *нéпуть* (безпутный человѣкъ).

Расширеніе кругозора литературы, переходъ отъ избраннаго общества чувствъ, ему доступныхъ, къ народу и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаніе ложнаго классицизма и риторичности проникаетъ къ намъ въ видѣ *пародіи* (Котляревскій, Гулакъ-Артемовскій). Еще удерживается остовъ классическаго произведенія (Энеида, оды Горація), еще помнится напыщенность декламаціи, которая одна считалась соотвѣтственной важности этихъ произведеній, но въ эти формы влагается непосредственное наблюденіе явленій народной жизни, и языкъ отвлеченный замѣняется живымъ. Даже для того, чтобы пародировать народную жизнь, противоставляя ее возвышенности классицизма, нужно знать эту жизнь и мало того—любить ее. Ибо безсознательно эта простонародная жизнь, этотъ языкъ были извѣстны и писателямъ, какъ Лазарь Барановичъ, однако они ее неизображали, или изображали мало, неполно, неуклюже. (Петровъ, Оч. уст. укр. лит. 29). Самая форма пародій измѣняетъ Котляревскому (Низъ и Эвріялъ).

Пародія. Государь Императоръ соизволилъ всемилостивѣйше благодарить Георгіевскихъ кавалеровъ за молодецкую службу.

Министръ юстиціи изволилъ благодарить чиновъ судебнаго вѣдомства за ухарскую службу.

Министръ народнаго просвѣщенія изволилъ благодарить профессоровъ университета за лихое чтеніе лекцій и студентовъ за залихватское ихъ посѣщеніе.

Архіерей — настоятеля N-ой церкви за бравое и хватское исполненіе имъ обязанностей.

Отдѣлъ третій.

МИѲЪ.

Мышленіе поэтическое и миѳическое.

Отношеніе пониманія къ поэтическому образу двояко: а) Можно признавать образъ лишь средствомъ объясненія и въ объясняемомъ пользоваться лишь нѣкоторыми чертами образа, отбрасывая другія.

б) Можно цѣликомъ переносить образъ въ значеніе. При этомъ два случая: *α)* Или мы приписываемъ такое пониманіе только поэту, сами же дѣйствительно или мнимо стоимъ на болѣе возвышенной точкѣ; *β)* или мы сами такъ понимаемъ, причемъ поэтъ можетъ стоять или наравнѣ съ нами, или выше.

Къ *α)* относятся упреки Бѣлинскаго Пушкину, вытекающіе изъ предположенія: что Пушкинъ „*не смотрѣлъ на предметъ глазами разума*“, что онъ навязывалъ свои личные ошибочные взгляды, какъ правила, т. е. при всемъ талантѣ, будучи менѣе уменъ и образованъ, чѣмъ Бѣлинскій, выдавалъ неправду за истину. (О стихотвор. „Чернь“ — Бѣлинск. соч. VIII 398 — 400, о стих. „Поэтъ“ ib. 400—2; „Родословная“, ib. 647—54).

Упреки Пушкину за дворянскую спесь тѣмъ болѣе замѣчательны, что въ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго было гораздо больше барства въ укоризненномъ смыслѣ этого слова, чѣмъ въ воззрѣніяхъ Пушкина: Мужицкій міръ „слишкомъ доступенъ для всякаго таланта.... такъ тѣсенъ, мѣлокъ и немногосложенъ, что истинный талантъ недолго будетъ воспроизводить его“ (Бѣл. соч. VIII, 512 и 521). „Русскій поэтъ можетъ показать себя истинно-національнымъ поэтомъ, только изображая.... жизнь образованныхъ сословій“ (ib. 520).

β) Поэтъ, какъ выше, можетъ невыдавать своего образа за законъ, но образъ, помимо его воли, въ силу уровня пониманія, изъ символа становится образцомъ и подчиняетъ себѣ волю понимающихъ:

„Марлинскій теперь устарѣлъ, никто его нечитаетъ, и даже надъ именемъ его глумятся; но въ 30-хъ годахъ онъ гремѣлъ, какъ никто, и Пушкинъ, по понятію тогдашней молодежи, не

могъ итти въ сравненіе съ нимъ. Онъ не только пользовался славой перваго русскаго писателя; онъ даже—что гораздо труднѣе и рѣже встрѣчается—до нѣкоторой степени наложилъ свою печать на современное ему поколѣніе. Герои a la Марлинскій попадались вездѣ, особенно въ провинціи и особенно между армейцами и артиллеристами. Они разговаривали, переписывались его языкомъ; въ обществѣ держались сумрачно, сдержанно, „съ бурей въ душѣ и пламенемъ въ крови“, какъ лейтенантъ Бѣлозоръ, въ „Фрегатѣ Надеждѣ“; женскія сердца „пожирались“ ими. Про нихъ сложилось тогда прозвище „фатальный“. Типъ этотъ, какъ извѣстно, сохранялся долго, до временъ Печорина. Чего, чего небыло въ этомъ типѣ? И байронизмъ, и романтизмъ; воспоминанія о французской революціи, о декабристахъ—и обожаніе Наполеона; вѣра въ судьбу, въ звѣзду, въ силу характера, поза и фраза—и тоска пустоты; тревожныя волненія мелкаго самолюбія—и дѣйствительная сила и отвага; благородныя стремленья—и плохое воспитаніе, невѣжество; аристократическія замашки—и щеголянье игрушками. Тург. „Стукъ, стукъ, стукъ“ [1]).

Языкъ объективируетъ мысль. Чтобы дойти до мысли о нашемъ *я*, какъ о нашей душевной дѣятельности, какъ о чемъ-то немыслимомъ внѣ этой дѣятельности, нуженъ былъ длинный окольный путь. Онъ шелъ черезъ наблюденіе тѣни, отраженія человѣческаго образа въ водѣ, сновидѣній и болѣзненныхъ состояній, когда „человѣкъ выходитъ изъ себя“ къ созданію понятія о душѣ, какъ двойникѣ и спутникѣ человѣка, существующемъ внѣ нашего я, о душѣ, какъ человѣкѣ, находящемся въ насъ, о душѣ, какъ болѣе тонкой сущности, лишенной тѣлесныхъ свойствъ (см. ниже

[1]) Вліяніе поэтическаго образа, примѣненіе къ себѣ J. Jaque Rousseau „Confession“ Толстой „Юность“, соч. I. 392 и слѣд.

Вліяніе романовъ—Онѣгинъ, II 29, III 9 и слѣд. „Ловласовъ обветшала слава“ Онѣг. IV 7.

Rousseau: (читая Плутарха) je me croyais Grec ou Romain: je devenais le personnage, dont je lisais la vie: le récit de traits de constance et d'intepidité, qui m'avaient frappé, me rendait les yeux etincelans et la voix forte. Un jour que je racontais á table l'aventure de Scévolà on fut effraye de me voir avancer et soutenir la main sur un rechaud pour representer son action (Les Confessions, livre pr. 1712—1719).

миѳическое мышленіе и умозаключенія въ области метафоры и метониміи).

Этотъ путь заключаетъ въ себѣ, какъ частность, измѣненіе взглядовъ на отдѣльную мысль, какъ одно изъ проявленій нашего *я*. Чтобы дойти до убѣжденія, что доля мысли, связанная со словòмъ — лично- и народно-субъективна; что она есть средство къ созданію другой, слѣдующей мысли и потому отдѣлима отъ этой послѣдней; что познаніе можетъ быть представлено, какъ безконечное сниманіе покрововъ истины: нужно было прежде всего поколебать эту мысль передъ собою и сознать, что она существуетъ. Слово даетъ не только это сознаніе, но и другое, что мысль, какъ и сопровождающіе её звуки, существуетъ не только въ говорящемъ, но и въ понимающемъ.

Если и намъ нужны усилія для того, чтобы представить себѣ, что слово есть извѣстная форма мысли, какъ бы застекленная рамка, опредѣляющая кругъ наблюденій и извѣстнымъ образомъ окрашивающая наблюдаемое; если эти усилія могутъ быть вызваны лишь богатствомъ опыта, наблюденіемъ измѣнчивости міросозерцаній по времени и мѣсту, изученіемъ чужихъ языковъ: то при меньшемъ запасѣ мысли и меньшей способности къ отвлеченію ничто подобное невозможно. Напротивъ, было необходимымъ перенесеніе свойства средства познанія въ само познаваемое, безсознательное заключеніе отъ очковъ къ свойствамъ того, что сквозь нихъ видно.

Слово было средствомъ созданія общихъ понятій; оно представлялось неизмѣннымъ центромъ измѣнчивыхъ стихій. Отсюда чрезвычайно распространенное, быть можетъ, общечеловѣческое заключеніе, что настоящее, понимаемое другимъ, объективно существующее слово есть сущность вещи; что оно относится къ вещи такъ, какъ двойникъ и спутникъ къ нашему *я*. Противнемъ этого вѣрованія служитъ другое не менѣе распространенное, встрѣчающееся у древнихъ грековъ, римлянъ, въ средніе вѣка въ Европѣ, у славянъ и у дикарей новаго свѣта (Спенсеръ, Основы соціологіи, I, 263), что къ изображенію человѣка переходитъ часть его

жизни, что между первымъ и вторымъ есть причинная зависимость, такъ что власть надъ первымъ, вредъ, причиняемый ему, отзывается на второмъ. Вѣрованіе это доходитъ вплоть до нашего времени (см. ниже миѳы и вѣрованія: 1) имя важнѣе вещи — лучшій журавель въ небі, ніж синиця въ рукахъ; 2) обычай скрывать имя отъ злыхъ людей; 3) давать ребенку имя, охраняющее его; 4) обычай у женщинъ непроизносить имя мущины и 5) разные заговоры, основанные на вѣрѣ въ силу слова). При помощи слова создаются абстракціи, необходимыя для дальнѣйшихъ успѣховъ мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ служащія источникомъ заблужденій.

„Не одинъ изслѣдователь, чувствующій себя на высотѣ XIX вѣка, относится съ высокомѣрной улыбкой къ средневѣковымъ номиналистамъ и реалистамъ и неможетъ понять, какъ люди могли дойти до признанія отвлеченій человѣческаго ума за реально существующія вещи. Но безсознательные реалисты далеко еще невымерли даже между естествоиспытателями, а тѣмъ болѣе между изслѣдователями культуры“. (Paul Principien, 13). Т. о. и въ наше время отвлеченія, какъ религія, искусство, наука разсматриваются нерѣдко, какъ субстанціи, нерасчлененныя и несведенныя на личныя психическія явленія и ихъ продукты. Конечно, практическія послѣдствія такихъ взглядовъ съ теченіемъ времени мѣняются. Нѣкогда жгли и истязали для пользы религіи, въ угоду Богу, недумая, что жестокое божество, требовавшее крови, было лишь ихъ собственное (говоря миѳологично) жестокое сердце. Теперь съ разномыслящими поступаютъ нѣсколько иначе. Ученые еще нерѣдко признаютъ то или другое оскорбленіемъ науки или мягче—ненаучнымъ, вмѣсто того чтобы признать лишь несогласнымъ съ ихъ мнѣніемъ [1]).

„Великое преобразованіе зоологіи въ послѣднее время въ значительной степени состоитъ въ признаніи того, что реальное бытіе имѣетъ только особи; что роды, виды, классы суть лишь

[1]) Wie einer ist, so ist sein Gott; Darum ward Gott so oft zum Spott, Göthe Spr. 60.

обобщенія и раздѣленія, произведенныя человѣческимъ умомъ и подлежащіе произвольнымъ измѣненіямъ; что родовыя и индивидуальныя различія различны только по степени, а не по существу. (Paul Principien, 231). Подобное воззрѣніе должно лежать и въ основѣ изученія языка, чему положилъ начало Вильгельмъ Гумбольдтъ. „Языкъ есть дѣятельность“ (т. е. отдѣльной личности). Наиболѣе реальное бытіе имѣетъ языкъ личный. Языки племени, народа суть отвлеченія, и подобно всякимъ отвлеченіямъ подлежатъ произволу.

Впрочемъ нельзя не признать разницы между дожившими до нашихъ дней въ наукѣ отвлеченіями, какъ названія душевныхъ способностей: разумъ, воля, чувство и обособленіями вполнѣ миѳологическими.

Нѣкоторые ученые въ стремленіи къ болѣе точному опредѣленію вліянія языка на образованіе миѳа доходятъ до того, что видятъ это вліяніе только въ миѳахъ этимологическихъ. Но миѳъ сроденъ съ научнымъ мышленіемъ въ томъ, что и онъ есть актъ сознательной мысли, актъ познанія, объясненія x посредствомъ совокупности прежде данныхъ признаковъ, объединенныхъ и доведенныхъ до сознанія словомъ или образомъ A.

Миѳическое и немиѳическое мышленіе апріорны въ томъ смыслѣ, что предполагаютъ прежде познанное (нами самими или предшествующими поколѣніями), сохраненное для настоящаго мгновенія посредствомъ слова и изображенія. Самое изображеніе становится объясняющимъ лишь при помощи слова. Слово существуетъ на ступени развитія низшей, чѣмъ та, на которую указываютъ простѣйшіе доходящіе до насъ миѳы.

Каждый разъ, когда новое явленіе вызываетъ на объясненіе преждепознаннымъ, изъ этого прежняго запаса является въ сознаніи подходящее слово. Оно намѣчаетъ русло для теченія мысли.

Разница между миѳическимъ и немиѳическимъ мышленіемъ состоитъ въ томъ, что чѣмъ немиѳичнѣе мышленіе, тѣмъ явственнѣе сознается, что прежнее содержаніе нашей мысли есть только

субъективное средство познанія; чѣмъ миѳичнѣе мышленіе, тѣмъ болѣе оно представляется *источникомъ* познанія. Въ этомъ последнемъ смыслѣ мышленіе, чѣмъ первообразнѣе, тѣмъ болѣе апріорно.

Въ словѣ различаемъ значеніе и представленіе. Поэтому вліяніе слова на образованіе миѳа двояко.

Перенесеніе значенія слова въ объясняемое сходно съ тѣмъ случаемъ, когда видимый образъ становится миѳомъ. Напримѣръ: „Я помню, говоритъ Тейлоръ, что ребенкомъ я думалъ, что увижу въ телескопъ на небѣ созвѣздія красными, желтыми, зелеными, какими мнѣ ихъ только что показали на небесномъ глобусѣ" (Первоб. культ. I 282). Ребенокъ ожидалъ увидѣть на небѣ то, что онъ видѣлъ на глобусѣ. Но на глобусѣ могли быть изображены одни созвѣздія и неизображены другія, и изображенія могли быть окрашены тѣмъ или другимъ цвѣтомъ. Этимъ опредѣлялось содержаніе миѳа.

Такимъ же образомъ, заключая отъ словъ къ небеснымъ типамъ или первообразамъ вещей въ духѣ Платона, очевидно можно было перенести на небо только тѣ обобщенія, которыя были даны въ языкѣ. А такъ какъ содержаніе языка народно- и лично-субъективно, то въ такой же мѣрѣ субъективны и миѳы такого рода.

Намъ можетъ казаться, что такіе миѳы независимы отъ вліянія языка, лишь до тѣхъ поръ, пока наше наблюденіе невыходитъ за предѣлы одного языка или остается въ кругу языковъ близкихъ по содержанію. Болѣе обширное сравненіе и болѣе внимательное отношеніе къ содержанію миѳовъ должно показать, что подъ вліяніемъ извѣстнаго языка извѣстные миѳы вовсе немогли бы образоваться, и что входящіе въ нихъ признаки различными языками группируются различно. Т. о. достаточно внимательнаго сравненія оригинала поэтическаго произведенія съ переводомъ, чтобы убѣдиться, что общее тому и другому есть отвлеченіе неравное содержанію ни подлинника, ни перевода.

М. Д. Деларю, носившій очки, говорилъ сыну ребенку (Д. М. Деларю) о всевидящемъ Богѣ. Ребенокъ замѣтилъ: „какіе жъ

должны быть у Бога очки!" Такой миѳъ могъ быть созданъ всякимъ ребенкомъ, въ языкѣ коего было слово *отецъ* и слово *очки*. Казалось бы, что черты національности и класса въ этомъ миѳѣ невыражены. Однако условіемъ легкости, съ какою понятіе, связанное съ *отецъ*, перенесено на Бога, могло быть здѣсь то, что и въ просторѣчіи этихъ людей для pater было слово *отецъ* (а не батюшка), и въ молитвѣ сказано „отче нашъ". Для малоросса-ребенка встрѣтилось бы нѣкоторое затрудненіе въ томъ, что отецъ для него *батько*, *тато*, а Богъ—нѣтъ.

Очевидно, что въ такого рода миѳахъ нѣтъ никакого забвенія первоначальнаго значенія словъ, нѣтъ никакой „болѣзни языка".

Другого рода миѳы создаются *подъ вліяніемъ внѣшней и внутренней формы* словъ, звуковъ и представленія.

А) Вторичные календарные миѳы и обряды.

Требуетъ объясненія свойство дня, его значеніе для полевыхъ и др. работъ, его вліяніе. Объясняющіе запасы мысли это—наблюденіе и опытъ земледѣльца, пастуха, хозяйки и т. д. При этомъ—миѳическое воззрѣніе на слово, какъ на правду и сущность. День можетъ носить названіе только соотвѣтствующее его значенію и если онъ называется такъ-то, то это недаромъ. Иностранное происхожденіе и случайность календарныхъ названій непризнается. Звуки этихъ непонятныхъ названій напоминаютъ слова родного языка, наиболѣе связанныя съ господствующимъ содержаніемъ мысли и такимъ образомъ служатъ посредниками (tertium comparationis) между объясняющимъ и объясняемымъ. Будь звуки календарныхъ названій другіе, то и слова и образы, вызываемые ими, хотя и принадлежали бы къ тому же кругу мыслей земледѣльца и пр., но были бы другіе. Это—вліяніе формы языка. Бываетъ и то, что первоначально данные звуки календарныхъ названій невызываютъ въ памяти подходящихъ туземныхъ словъ; въ такомъ случаѣ эти звуки безсознательно видоизмѣняются и приспособляются къ господствующему содержанію мысли. Это —вліяніе на языкъ.

2-го февраля, на Срѣтеніе зима съ лѣтомъ встрѣтились, Даль 279.—Они олицетворяются, Чуб. III, 6.

24-го февраля. Обрѣтеніе главы Іоанна Крестителя „Птица гнѣздо обрѣтаетъ“ Д. 973. Мр. „Обертеніе“—„чоловік до жінки бертається“—начинаетъ ее больше любить (Ч. IV, 7).

8-го апрѣля на Руфа—„дорога (путь) рушится, Даль.

12-го апрѣля—Василій Парійскій—землю паритъ, Д.

1-го мая—Еремѣя—запрягальника, яремника.

2-го мая—Бориса и Глѣба. Боришь-день (у Даля—борис-день)—барышъ-день (что-нибудь продать, чтобы весь годъ торговать съ барышемъ), Д.—Мр. „на Гліба Бориса—за хліб неберися“.

10-го мая Симона Зилота: копать зілля (цѣлебныя травы), искать кладовъ (золота), Чуб. IV, 184.

11-го мая Обновленіе Царяграда—неработать въ полѣ, чтобы царь градъ невыбилъ хлѣба, Аѳ. II. В. I. 319.

21-го мая Константина и Елены (Олены)—сѣять *ленъ*, Даль, Чуб.

16-го іюня Тихона—солнце идетъ тише, пѣвчія птицы затихаютъ, Д.

19-го іюля Мокрины. Если мокро, то и осень мокра.

1-го августа Маккавѣевъ (Маковія—мр.)—макъ віять.

1-го ноября—Козьма съ гвоздемъ „закуетъ“ (морозъ) Д.

11-го ноября Ѳедоръ Студитъ—землю студитъ и т. д. Въ формальномъ отношеніи календарные миѳы не составляютъ особаго цѣлаго. Въ этомъ отношеніи безразлично, принесено ли слово, дающее поводъ къ созданію миѳа, извнѣ, выросло ли оно на почвѣ родного преданія; относится ли миѳъ къ опредѣленному дню и пр. или къ случаю, несвязанному съ такимъ днемъ.

Пролистаће гора Буковица
Закукаће црна кукавица,
Доћи ће намъ светитељу Ђурђу
У зелену, на коњу зелену,
Донијеће свакојако цвіеће
Понајбоље млађоне ђевојке. Беговић. С. н. п. I, 107.

— *Qui pro quo*—въ значеніи предлога. Въ мр. предлоги *съ* и *вз* имѣютъ одну звуковую форму. Этимъ дана возможность заключенія по сходству отъ *сходити*—всходить къ *схóдитись*—сходиться: „Як сей лён *ізиходить*, так щоб до мене усі люде ізиходилися, та мене сватали“ — примовляють дівчата, миючись зеленим лёном з тих зернят, що птиця упустила з рота на перехресті“. Ном. № 255.

Покровъ Пресв. Богородицы 1-го окт.—„О миѳич. значеніи нѣкотор. обрядовъ“, 80—1: Св. Покр. покрый меня молоду. Въ „судный день“ жидовскій, который называютъ „*стояні*“ несѣютъ, нето много будетъ пустыхъ *стоячихъ* колосьевъ, Stecki Wołyn. I. 60.

В) Миѳы историческіе объясняютъ происхожденіе племенъ, городовъ, заселеніе мѣстностей, происхожденіе учрежденій и т. п. Общее стремленіе поэтическаго мышленія представлять неопредѣленное и общее—конкретнымъ направляется даннымъ собственнымъ именемъ. Названіе этихъ миѳовъ эпонимическими неотличаетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ отыменныхъ.

Дѣйствительныя отношенія расъ представляются сродствомъ ихъ родоначальниковъ. Сюда греческое сказаніе о братьяхъ-близнецахъ Данаѣ и Египтѣ, родоначальникахъ Данаевъ, гомеровскихъ грековъ и Египтянъ (*Ἕλλην* имѣлъ трехъ сыновей: *Αἰολος, Δῶρος, Ξοῦθος;* у послѣдняго два сына: *Ἀχαιός* и *Ἴων*. — Еврейское сказаніе въ X кн. Бытія о сыновьяхъ Ноевыхъ: Симѣ, Хамѣ и Іафетѣ, какъ родоначальникахъ народовъ. Польское сказаніе о Лехѣ, Чехѣ и Руси.—Бяста два брата в Лясѣх, Радим, а другій Вятко и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимь по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи. Лѣт. [1]).

---

[1]) *ичь*. Въ XIV вѣкѣ уже очень часто встрѣчаются названія селъ на *ичи*. Въ Червонноруской грамотѣ 1361 (Ак. отн. до Ю. и З. Р. № 1, сооб. Зубр.): „приселки Пачковичѣ и Жолновичѣ, Комаровичи село, Узворотовичи село, Неѣловичи село, Верховичѣ село (Перемышльи 3. села), село Бурковицы; 1437 (А. Ю. и З. Р. I № 19) Митивичи, Ходарковичи, ib.; Опиполовици. Н. I 36, 37 (1, 8).—Володимеричи, Ип.² 468).

О 3-хъ братьяхъ Киѣ, Щекѣ и Хоривѣ, и сестрѣ ихъ Лыбеди, по именамъ которыхъ названы Кыевъ, Щековица и Хоревица и Лебедь.—„Ини же несвѣдуще рекоша, яко Кий єсть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оноя стороны Днѣпра, тѣмь глаголаху; на перевозъ ва Києвъ“. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царю городу; но се Кий княжаше в родѣ своемь; приходившю ему ко царю, яко же сказають, яко велику честь приялъ отъ царя, при которомь приходивъ цари. Идущю же ему вспять приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти с родомъ своимъ и недаша ему ту близь живущии; еже и до нынѣ наричють Дунайци городище Киевець“. Л.[2] 9.

Переяславль, въ догов. 907, Лавр.[2] 30—1 и догов. 945 (Игоря), а подъ 932 г. (Лавр.[2], 121): „Володимеръ.... заложи городъ на бродѣ томь и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко—тъ“.

Каковъ бы ни былъ въ частности способъ перехода отъ образа къ значенію (то есть по способу ли называемому синекдохой, или по метонимiи, метафорѣ), сознаніе можетъ относиться къ образу двояко: 1) или такъ, что образъ считается объективнымъ и потому цѣликомъ переносится въ значеніе и служитъ основаніемъ для дальнѣйшихъ заключеній о свойствахъ означаемаго; 2) или такъ, что образъ разсматривается лишь какъ субъективное средство для перехода къ значенію и ни для какихъ дальнѣйшихъ заключеній неслужитъ.

Первый способъ мышленія называемъ *миѳическимъ* (а произведенія его миѳами въ обширномъ смыслѣ), а второй—собственно *поэтическимъ*. Этотъ второй состоитъ въ различеніи относительно субъективнаго и относительно объективнаго содержанія мысли. Онъ выдѣляетъ научное мышленіе, тогда какъ при господствѣ перваго собственно научное мышленіе невозможно. Это дѣленіе должно быть предпослано болѣе частнымъ дѣленіямъ троповъ, ибо оно показываетъ, что качество тропа измѣнчиво.

Примѣръ — „*горючее сердце*". Отвлекаясь отъ того, что *сердце*, въ смыслѣ душевныхъ движеній, есть переходъ отъ орудія къ дѣйствію (метонимія), для поэтическаго (нашего) мышленія *горючесть* сердца есть *метафора*. Если же приписать горючести собственное значеніе, это будетъ обозначеніе предмета по признаку въ немъ заключенному, мыслимому въ немъ implicite, слѣдовательно, отъ части къ цѣлому, *синекдоха*. Эта послѣдняя въ слѣдующемъ:

27-го іюня 1547 г., на другой день послѣ 3-го изъ большихъ пожаровъ, случившихся въ Москвѣ, царь поѣхалъ въ Новоспасскій монастырь навѣстить митрополита. Здѣсь царскій духовникъ, Благовѣщенскій протопопъ Ѳедоръ Барминъ, бояринъ князь Ѳедоръ Скопинъ-Шуйскій, Иванъ Петровичъ Челяднинъ начали говорить, что Москва сгорѣла волшебствомъ: чародѣи вынимали сердцà человѣческія, мочили ихъ въ водѣ, водою этою кропили по улицамъ—отъ этого Москва и сгорѣла. Царь велѣлъ розыскать дѣло. 26 числа.... собрали въ Кремль черныхъ людей и начали спрашивать: „кто зажигалъ Москву"? Въ толпѣ закричали: „княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и людьми волхвовала: вынимала сердца человѣческія да клала въ воду, да тою водою, ѣздя по Москвѣ, кропила: отъ того Москва и выгорѣла". Черные люди говорили это потому, что Глинскіе были у государя въ приближеніи и жалованіи, отъ людей ихъ чернымъ людямъ насильство и грабежъ, а Глинскіе людей своихъ неунимали". (Солов. Ист. Росс. VI[1], 54—5).

Для поэтическаго мышленія въ тѣсномъ смыслѣ тропъ есть всегда скачекъ объ образа къ значенію. Онъ, правда, облегченъ привычкою мысли, но какъ могла образоваться эта привычка? Она произошла лишь вслѣдствіе того, что первоначально разстояніе между образомъ и значеніемъ было весьма мало.

Характеръ миѳическаго мышленія.

Когда современный человѣкъ пользуется поэтическимъ образомъ *лишь какъ средствомъ* для новаго и новаго построенія и преобразованія мысли, то онъ этимъ обязанъ извѣстной степени своей способности къ *научному* мышленію, т. е. способности къ *анализу* и *критикѣ*.

Анализъ состоитъ въ разложеніи конкретныхъ (сложныхъ) воспріятій и созданій мысли на исключающія другъ друга стихіи съ цѣлью новаго, болѣе удобнаго для мысли ихъ сложенія. Его успѣхи сопровождаются усиленіемъ способности сомнѣнія въ истинности данной группировки. Всякое новое сочетаніе мысли служитъ средствомъ для повѣрки прежнихъ сочетаній и побужденіемъ искать новыхъ воспріятій и приводить ихъ въ связь и согласіе съ прежними.

Накопленіе и обобщеніе результатовъ такой работы мысли дѣлаетъ возможной *исторію*, которая даетъ и поддерживаетъ убѣжденіе, что міръ человѣчества въ каждый данный моментъ субъективенъ; что онъ есть смѣна міросозерцаній, истина коихъ заключается лишь въ ихъ необходимости; что мы лишь потому можемъ противополагать наше воззрѣніе, какъ истинное, воззрѣнію прошедшему, какъ ложному [1], что намъ недостаетъ средствъ для повѣрки нашего воззрѣнія.

Въ этомъ смыслѣ мы въ правѣ отличать наше воззрѣніе и мышленіе, какъ аналитическое и критическое отъ „мышленія миѳическаго".

[1]) *Wagner*:

. . . . es ist ein gross Ergötzen
Sich in den Geist der Zeiten zu versetzen.
Zu schauen, wie vor uns ein weiser Mann gedacht.
Und wie wir's dann zu letzt so herrlich weit gebracht.

Faust. O ja, bis an die Sterne weit.

(.... большое наслажденье повсюду наблюдать различный духъ временъ — и какъ жилъ человѣкъ, и какъ здѣсь мыслилъ онъ, и далеко ль теперь развито просвѣщенье. Ф. О, да, ужасно далеко! Пер. П. Холодковскаго).

Человѣку для объясненія молніи показали искру, добытую при помощи электрической машины. Если онъ достаточно подготовленъ къ разложенію и обобщенію мыслей, то опытъ будетъ ему на пользу, и онъ воспользуется опытомъ въ такомъ родѣ, какъ мы пользуемся стихотвореніемъ: „*Ночь пролетала* надъ міромъ" [1]). Въ противномъ случаѣ, если онъ неотвергнетъ вовсе сравненія, въ немъ между мыслями А (электрическая машина съ искрами) и Б (облака съ молніей) произойдетъ нѣкоторое уравненіе: именно, онъ можетъ предположить, что въ облакахъ есть электрическая машина (но гораздо большая) и лицо, приводящее ее въ движеніе.

Мы пользуемся, какъ метафорою, образомъ.

(der Köllner Dom).

Er wird nicht vollendet, trotz allen Geschrei
Der Raben und der Eulen,
Die, alterthümlich gesinnt, so gern
In hohen Kirchstürmen weilen.

(Heine, Deutschland).

Но возьмемъ вѣрное наблюденіе: „Галки гнѣздятся и садятся на колокольнѣ", и предположимъ *отсутствіе другихъ наблюденій*, показывающихъ „что колокольня удобна галкамъ тѣми своими свойствами, которыя у нея общи съ другими высокими нежилыми постройками, нѣкоторыми деревьями и пр.; что птицамъ неможетъ быть приписываемо то, что въ человѣкѣ мы называемъ нравственнымъ религіознымъ настроеніемъ. (Плиній говоритъ о

Ночь пролетала надъ міромъ, сны на людей навѣвая;
Съ темнолазуревой ризы сыпались звѣзды сверкая.
Старые, мощные дубы, вѣчнозеленыя ели,
Грустныя ивы листвою ночи на встрѣчу шумѣли.
Радостно волны журчали, образъ ея отражая,
Рожь наклонялась, сильнѣе пахла трава луговая.
Крики кузнечиковъ рѣзвыхъ и соловьиныя трели,
Въ хорѣ хвалебномъ сливаясь, въ воздухѣ тихомъ звенѣли.
И улыбалася кротко ночь, надъ землей пролетая;
Съ темно-лазуревой ризы сыпались звѣзды сверкая.

Плещеевъ

религіи слоновъ). Тогда въ членахъ сочетанія галокъ и церковной колокольни произойдетъ извѣстное уравненіе: галки садятся на колокольню, потому что на ней крестъ, колокола, потому что онѣ любятъ *церковь*, потому что она именно, какъ церковь, имъ полезна.

Отсюда одинъ шагъ, напримѣръ, до доказательства необходимости христіанскихъ основъ воспитанія примѣромъ галокъ, гнѣздящихся на колокольнѣ.

Отсутствіе критики. Ребенокъ все принимаетъ за правду. Ибо что нужно для того, чтобы признать за „диво дивное на святой Руси небывалое“, т. е. за невозможное то, что

У насъ по морю ковыла растетъ,
Тамъ косцы ходятъ, ковылу носятъ,
По темномъ лѣсу рыба плаваетъ
По поднебесью тамъ медвѣдь ходитъ
Щуку-рыбу ловитъ?

Нужно знаніе закона, т. е. общностей: ковыль (вообще) растетъ (вообще) въ степи (вообще). А ребенокъ можетъ незнать даже частностей, изъ которыхъ слагается обобщеніе.

Еще болѣе усилій мысли нужно для того, чтобы держать раздѣльно изображеніе и изображаемое, сцену и дѣйствительность, тамъ, гдѣ изображаемое само по себѣ болѣе менѣе вѣроятно.

Разсказываютъ про случаи, когда извѣстнаго рода публика во время представленія фокусника забывала, что ее здѣсь только забавляютъ, принимала за серьезный вызовъ то, что фокусникъ давалъ заряжать ружье пулею и стрѣлять въ себя. „Ага! а что, молъ, надулъ?“—когда фокусникъ падалъ, пронзенный забытымъ въ дулѣ шомполомъ. Такая публика еще и въ наше время смѣшиваетъ актера на сценѣ съ изображаемымъ имъ злодѣемъ. Зная это, актеръ привыкшій къ одобренію, неберется за несимпатичныя для публики роли. Во время польскаго возстанія, поляковъ въ „Жизни за Царя“ прогоняютъ топотомъ и свистомъ со сцены.

Въ 1664 „pozwolono (Francuzom) na teatrze publicznym w Warszawie tryumf czynić z otrzymanego nad cesarzem zwycięstwa... zeszło się ludzi kupa i na coniach pozjezdżało się na owo... widowisko....... Skoro już, jakoby po zniesieniu wojska.... prowadzą w łańcuchach cesarza.... koronę cesarską już nie na głowie mającego, ałe w rękach niosącego i w ręce królowi Francuskiemu onę oddającego. Wiedzieli tędy, że to był Francuz znaczny, który osobę cesarską, w łańcuchu idącą reprezentował, i potrafil w twarz jego i wargę tak też jako cesarz wywracał; począł jeden z Polaków konnych wołać na Francuzów:

„Zabijcie tego takiego syna, kiedyscie go już porwali. Nie żywcie go, bò jak go wypuscicie, będzie się mscił, będzie wojnę mnożył, będzie krew ludzką roslewał, a tak nie będzie nigdy miał swiat pokoju. Skoro zaś go zabijecie, kròl Jmść francuski osiągnie cesarstwo, będzie cesarzem, będzie, da Pan Bóg, i naszym kròlem Polskiem. Naostatek, jeżeli wy go nie zabijecie, to ja go zabije“.

Porwie się do łuku, a nałożywszy strzalą, jak utnie pana cesarza w bok, to aż drugiem bokiem żelezce wyszlo, i zabil. Drudzy Polacy do łukòw; kiedy wiezmą szyć w owę kupę, naszpikowano Francuzów dużo“—(Pamiątky Paska, 245 [1]).

„Нравственное чувство такъ значительно воспитывается эпическою поэзіею, что слушателя всегда живѣе увлекали вопросы нравственные, нежели художественная идея поэмы; точно такъ и теперь люди простые, а также дѣти, неумѣя отдѣлить художественнаго наслажденія отъ нравственнаго довольства, принимаютъ

---

[1]) Въ Варшавѣ на открытой сценѣ устроено было французами представленіе по поводу побѣды надъ австрійцами. Войско разбито, австрійскій императоръ въ оковахъ вручаетъ королю французскому корону. Извѣстно было, что австрійскаго императора представлялъ знатный французъ, очень удачно выбранный для этой роли. Одинъ изъ конныхъ поляковъ сталъ кричать французамъ: „Убейте его такого сына, разъ ужъ захватили его. Не оставляйте въ живыхъ, потому что, если отпустите его, будетъ мстить затѣвать опять войну и кровопролитье и не дастъ людямъ покою. Разъ его убьете, король французскій получитъ его корону, а тамъ, дастъ Богъ, и нашимъ королемъ станетъ. Наконецъ, если вы его не убьете, то я его убью“.—Схватилъ лукъ, наложилъ стрѣлу и какъ влѣпитъ цесаря въ бокъ, такъ желѣзко вышло въ другомъ боку, убилъ. Другіе поляки—за луки и какъ начали перешивать эту кучу, много французовъ было пронизано.

въ сказкѣ, или повѣсти такое же участіе, какъ и въ дѣйствительной жизни, съ любовью слѣдятъ за добрымъ и великодушнымъ героемъ и съ отвращеніемъ слушаютъ о зломъ. Чтобъ похвалить эпическій разсказъ, простой народъ неупотребитъ выраженія, по нашимъ понятіямъ приличнаго художественному произведенію: *хорошо* или *прекрасно*, а скажетъ: *правда*. Для него, по пословицѣ, пѣсня — быль". (Бусл. Эп. п. Оч. I, 57). Очевидно, что если таковы между прочимъ дѣти, то это неможетъ зависѣть отъ того, что въ нихъ нравственное чувство воспитано эпическою поэзіею. Это должно быть свойствомъ болѣе первообразнымъ.

Такъ же, какъ и „нравственное чувство", не подходитъ къ разсматриваемому явленію терминъ „вѣра въ чудесное", ибо „чудо" предполагаетъ нормальный порядокъ, а дѣло здѣсь именно въ неспособности различенія того и другого.

„Безъ вѣры въ чудесное невозможно, чтобы продолжала жить природною непосредственною жизнью эпическая поэзія. Когда человѣкъ усомнится, чтобы богатырь могъ носить палицу въ 40 пудъ или одинъ положить на мѣстѣ цѣлое войско,—эпическая поэзія въ немъ убита [1]). А множество признаковъ убѣдили меня, что сѣверно-русскій крестьянинъ, поющій былины, и огромное большинство тѣхъ, которые его слушаютъ, безусловно вѣрятъ въ истину чудесъ, какія въ былинѣ изображаются..." „Мой провожатый слушалъ... былину (про 40 каликъ) съ такою же вѣрою въ дѣйствительность того, что въ ней разсказывается, какъ если бы дѣло шло о событіи вчерашняго дня, правда, необыкновенномъ и удивительномъ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрномъ. Тоже самое наблюденіе мнѣ пришлось дѣлать много разъ. Иногда самъ пѣвецъ былины, когда заставишь пѣть ее съ разстановкою, необходимою для записыванія, вставляетъ между стихами свои комментаріи, и комментаріи эти свидѣтельствуютъ, что онъ вполнѣ живетъ мыслью въ томъ мірѣ, который воспѣваетъ. Такъ напр., Никифоръ Прохоровъ сопровождалъ событія, описываемыя имъ въ былинѣ о Михайлѣ Потыкѣ, такими замѣчаніями: „каково, братцы, три мѣ-

[1]) А романъ?

сяца прожить въ землѣ!“ или: „вишь поганая змѣя, выдумала еще хитрость!“ Когда со стороны какого-нибудь изъ грамотѣевъ заявляется сомнѣніе, дѣйствительно ли все было такъ, какъ поется въ былинѣ, рапсодъ объясняетъ дѣло весьма просто: „*встарину-де люди были вовсе не такіе, какъ теперь*“. Только отъ двухъ сказителей я слышалъ выраженія нѣкотораго недовѣрія; и тотъ и другой нетолько грамотные, но и начетчики...“ „И тотъ и другой говорили мнѣ, что имъ трудно вѣрить, будто богатыри дѣйствительно имѣли такую силу, какая имъ приписывается въ былинахъ... но что они поютъ такъ, потому что такъ слышали отъ отца“. (Гильф. Был. XI—XIII).

Т. о. уже малая степень грамотности приводитъ къ результатамъ, достигаемымъ въ большей мѣрѣ болѣе обширнымъ знакомствомъ (хотя бы и невозводимымъ въ теорію) съ различными измѣненіями того же языка и съ языками иностранными, именно къ сознанію раздѣльности *слова* (со включеніемъ той доли мысли, которая отъ него неотдѣлима) и *мысли* (т. е. всей остальной); къ сознанію того, что содержаніе слова можетъ быть лишь субъективно, т. е. что самое существованіе слова неесть доказательство истинности его содержанія.

Между тѣмъ на ступени развитія онежскихъ, сербскихъ, болгарскихъ пѣвцовъ, сравнительно уже очень высокой, предполагающей многотысячелѣтнюю культуру, именно этимъ доказательствомъ устраняется сомнѣнье: если бы этого небыло, то и неговорилось бы. Въ силу такого хода мысли чеш. поль. *praviti*, *prawić*—говорить, разсказывать, вр. *рѣчь* сама по себѣ правда:

Тото ты, дѣвушка, неправду баишь
Неправду баишь, не *рѣчь* говоришь;

наоборотъ:

Правду баишь, рѣчь говоришь.
Шейнъ, Р. н. п. 168.

Въ заключеніи болг. и серб. пѣсень:

От юнаци песма останало
Да се пеє, да се прикажуве

Това, брате, поотдавна било,
Дур пебило, неби сѣ славило.
Милад. 275.

И то било, кад се помињало
Чуб. Чојк 117.

Што бивало, вазда се пјевало, ib. 114, 211.

Чудесное событіе, признаваемое удивительнымъ, почему пѣсня и начинается съ „Мили Боже, чуда великога!“—тѣмъ не менѣе въ свое время было:

То је било, када се чинило
А сада се тек приповиједа.
Кар. II 129.

Сомнѣніе, если и выражается, то очень робко:

Бјела вила, не знам је ли било,
А да није, што би се зборило?
Ни ту био, ни казат' умио.
Лажу чуо, а ја полагујем:
Ониј лаже, који мени каже.
Чуб. Чојк. 255.

(Мр. „коли люде брешуть, то й я з ними“).

Квитка имѣлъ, повидимому, много случаевъ наблюдать эту вѣру въ авторитетъ слова.

Его „Герой очаковскихъ временъ“ (дѣйств. между 1786 г. и 96), духовный потомокъ сотника Забрёхи въ „Конотопской вѣдьмѣ“, отца, который, можетъ быть, научилъ бы его другому или по крайней мѣрѣ удалилъ бы изъ домашней среды, непомнилъ и воспитался подъ вліяніемъ матери, твердо вѣровавшей въ тяжелые дни, понедѣльники, въ святыя пятницы и окружавшей сына бабусями, шептухами и разсказчицами. Одна изъ нихъ „убѣдила вѣрить питомца своего, что *неможно того выдумать, чего небыло на свѣтѣ*. „Что вы ни разскажете, говорила она, все это когда-нибудь было“. Это становится его догматомъ. На службѣ ему и въ голову неприходитъ скрывать, что „если бы этого (на пр. вѣдьмы) небыло, никто бы и неговорилъ, потому что нельзя вы-

думать того, чего небыло когда-нибудь. Что хотите скажите, это будетъ не выдумка, а было прежде и было непремѣнно“ (разсказъ о провалившемся городѣ“. Кв. III², 271).

Стараясь расширить свои уже значительныя свѣдѣнія о колдовствѣ, кладахъ и т. п., онъ знакомится между прочимъ съ нѣкіимъ Маркомъ Квашею“. Сколько этотъ мужичекъ зналъ истинныхъ, справедливыхъ событій съ кладами и другими колдовствами! Еще дѣдъ, отецъ разскащика, а потомъ и онъ самъ все это слышалъ отъ какого-нибудь „добраго человѣка“, Богъ знаетъ откуда шедшаго и ночевавшаго у нихъ, и *божившагося*, что все это есть истинная правда. *Какъ же неповѣрить, если онъ божился?*“.

Эта черта, т. е. вѣра свидѣтелю, безъ вопроса о степени его достовѣрности, о количествѣ и достовѣрности посредниковъ между ними и событіемъ, повторяется у Квитки не разъ: ключница разсказывала, что Гаркуша оборотился мышью, кукушкою и проч. „*Божился* человѣкъ, что всему этому правда; а это онъ разсказывалъ кузнецу, что ѣздилъ въ городъ покупать уголья, незнаю изъ какого-то села, а кузнецъ разсказывалъ Ульянѣ Ведмедихѣ, я таки ее и незнаю, и невидала, а говорятъ, немного запиваетъ; однако же она, трезвая бывши, разсказывала въ нашей слободѣ, незнаю таки именно кому...“ (Квитка, III, 181).

При врожденномъ благородствѣ, Романъ Тихоновичъ, вѣрующій въ вѣдьмъ, какъ Донъ-Кихотъ въ истинность содержанія рыцарскихъ романовъ, становится чѣмъ-то въ родѣ Донъ-Кихота. Уже на службѣ, гдѣ онъ за свою вѣру былъ посмѣшищемъ товарищей, онъ пытался при случаѣ искоренять зло на свѣтѣ посредствомъ истребленія вѣдьмъ, отъ которыхъ-де оно все происходитъ. По выходѣ въ отставку, онъ рѣшаетъ: „даромъ жить нельзя на свѣтѣ; надобно дѣлать доброе, сколько можемъ. Потрудился на службѣ, билъ турковъ, бралъ у нихъ города, буду и въ отставкѣ полезнымъ для людей: начнемъ истреблять волшебство; переведемъ, уничтожимъ колдуней“. (Квитка, III, 310).

Его Санчо-Кирюшка и другіе окружающіе пользуются этимъ настроеніемъ для своихъ выгодъ.

Возможность такого лица подтверждается судебнымъ показаніемъ, *даннымъ въ* 1727 г. человѣкомъ лѣтъ 40 Семеномъ Каленичченкомъ, *по прозванію Упиремъ.* Прозваніе это отъ того, что по его словамъ „онъ упиромъ родился"; „когда онъ зародился, то того жъ часу въ свѣтѣ познавъ всѣ вещи, и бабу свою пріемницу Горпину Демчиху заразъ познавъ, что она вѣдьма". Такія открытія дѣлалъ онъ въ теченіе всей своей жизни, при томъ, какъ „природженный" — на пользу людямъ. Войсковая Енеральная канцелярія признала его человѣкомъ „несостоятельнаго ума". Если мы, вмѣстѣ съ издателемъ (Линниченко, „Два дѣла о волшебствѣ" Кіев. Ст. 1889 г. Окт.) признаемъ его душевно больнымъ, визіонеромъ, то все же характеръ видѣній будетъ свидѣтельствовать о томъ, какого рода воззрѣніемъ проникнута была его среда.

Возвращаясь къ произведеніямъ устной поэзіи замѣчу, что хотя въ числѣ ихъ есть сказка, признаваемая въ отличіе отъ пѣсни „складкой", и пародія, и т. п. произведенія, имѣющія цѣлью только эстетическое наслажденіе; тѣмъ не менѣе до нынѣ весьма замѣтно воззрѣніе на такія произведенія, какъ на серіозное дѣло:

Слово есть дѣло; человѣкъ неможетъ понять, что пѣсня можетъ быть только искусственнымъ воспроизведеніемъ душевнаго состоянія, а не непосредственнымъ его выраженіемъ. (Steinth. Das Epos, Z. f. Vps. V, 6. Поэтому мужскую пѣсню прилично пѣть только мужчинѣ, весняку — только дѣвушкѣ, свадебную — только на свадьбѣ, заплачку — только на похоронахъ: знающій заговоръ соглашается сообщить его лишь посвященному, не для профанаціи, а для серьезнаго употребленія. Съ этимъ приходится считаться собирателямъ. Бываютъ случаи въ родѣ того, что когда въ Италіи собиратель проситъ дѣвушку спѣть ему пѣсню, а пѣсни тамъ преимущественно любовныя, то она принимаетъ это за ухаживанье съ его стороны, за просьбу полюбить его (Steinth. [illegible]), ибо не можетъ понять эстетическаго или научнаго, отвлеченнаго отъ личнаго состоянія интереса.

Отношеніе теоріи словесности къ миѳологіи сходно съ отношеніемъ ея къ исторіи словесности.

Миѳологія есть исторія миѳическаго міросозерцанія, въ чемъ бы оно ни выражалось: въ словѣ и сказаніи, или въ вещественномъ памятникѣ, обычаѣ и обрядѣ. Теоріи словесности миѳъ подлежитъ лишь какъ словесное произведеніе, лежащее въ основаніи другихъ болѣе сложныхъ словесныхъ произведеній. Когда миѳологъ, по поводу частныхъ вопросовъ своей науки, высказываетъ взгляды на ея основанія, именно *опредѣляетъ пріемы миѳическаго мышленія* посредствомъ слова; рѣшаетъ, есть ли *миѳъ* случайный и ложный шагъ личнаго мышленія, или же шагъ необходимый для дальнѣйшаго развитія всего человѣчества, (M. Mull. Ess. II, 338),—то онъ работаетъ столько же для исторіи (языка, быта и пр.), сколько для психологіи и теоріи словесности.

Уже въ древней Греціи миѳы вызывали пытливость ума величайшихъ мыслителей, но никогда миѳы, созданія древнихъ или отдаленныхъ по мѣсту и низкихъ по степени развитія народовъ, небыли предметомъ столь настойчиваго систематическаго изученія, какъ въ нашъ XIX вѣкъ. Неговоря уже о массѣ собирателей сказокъ и другихъ подобныхъ произведеній у всѣхъ народовъ цивилизованнаго міра, трудно указать кого-либо изъ извѣстныхъ психологовъ, филологовъ, историковъ культуры, непосвящавшаго значительной доли своихъ трудовъ на изслѣдованіе миѳологическихъ вопросовъ. Это потому, что основной вопросъ самопознанія: „что такое я“ сводится для современнаго человѣка на историческій вопросъ: „какъ я (какъ одинъ изъ множества) сталъ таковъ?“ (M. Mull. Ess. II, 4). Стремленіе къ самопознанію привело къ сознанію связи *я* съ настоящимъ и прошедшимъ человѣчества, зависимости культуры отъ некультурности, къ изученію объективныхъ отложеній человѣческой мысли, между прочимъ, въ языкѣ и словесныхъ произведеніяхъ.

Что такое *миѳъ* не въ древнемъ значеніи слова (у Гомера *μῦθος*—слово, какъ противоположное дѣлу—*ἔργον*, рѣчь, разсказъ, разговоръ, приказаніе, и содержаніе, предметъ рѣчи (ср. *вещь*);

позднѣе, напр. у Платона, какъ и *λόγος*,—баснословный, вымышленный или дошедшій по преданію разсказъ, M. Müll. Ess. II, 65), а въ томъ значеніи, какое это слово получило въ наше время?

Очевидно, слишкомъ широко и слишкомъ узко опредѣленіе: „Die Darstellung einer Naturerscheinung in Form einer Erzählung, die Ausprägung einer Jdee in einer veranschaulichender geschichtlichen Begebenheit macht gerade das Wesen der Mythus aus“ (Mor. Carriere, Die Poesie², 46) [1]).

Съ одной стороны стихотвореніе Плещеева „Ночь пролетала надъ міромъ“ было бы безусловно миѳомъ; съ другой—точное пониманіе выраженія: „солнце *садится*“, т. е. на престолъ и т. п., *περὶ ἡλίου δυσμάς, ἦν ἥλιος ἐπὶ δυσμαῖς*, около (времени) погруженія солнца (въ океанъ: *ἠέλιος δ'ἄρ' ἔδυ*, солнце погрузилось, т. е. *ἔδυ πόντον* (въ море), M. Mull. Ess. II, 73), небыли бы миѳами, если *нераспространять понятія* „историческое событіе“ на всякое выраженіе воспріятія.

При опредѣленіи миѳа въ современномъ значеніи этого слова, едва ли можно миновать М. Мюллера, ученаго болѣе многихъ другихъ старавшагося уяснить этотъ вопросъ и невольно болѣе другихъ подавшаго поводовъ къ одностороннему его пониманію.

Онъ употребилъ выраженіе: „миѳологія—болѣзнь языка“, которое за нимъ повторяли, признавая или опровергая, многіе другіе, невсегда обставлявшіе это выраженіе тѣми ограниченіями и оправданіями, какими оно обставлено у Мюллера. Для разъясненія истины нужно обратиться къ самому М. Мюллеру. Примѣры:

Πάν (р. *Πᾶνός*, в. *Πᾶνα*), пастушескій Аркадскій богъ, ухаживалъ за нимфой *Πύτος* (сосна, ель). *Βορρέας* приревновалъ ее къ Пану, сбросилъ ее со скалы, при чемъ она превратилась въ ель (и пр. Ess. II, 144).—Заключеніе отъ *Κρονίων*, *Κρονίδες* къ *Κρόνος* (ib. 137). О Селенѣ и Эндиміонѣ ib. 73—5.

„Какъ скоро слово, первоначально употребленное въ метафорическомъ значеніи, начинаетъ употребляться безъ вполнѣ яснаго

[1]) Сущность миѳа составляетъ представленіе явленія природы въ формѣ разсказа, выраженіе идеи, въ видѣ историческаго событія.

пониманія тѣхъ шаговъ, которые повели его отъ первоначальнаго значенія къ метафорическому; появляется опасность, что оно станетъ употребляться миѳологично. Каждый разъ, когда шаги эти забыты и на ихъ мѣсто поставлены искусственные, мы имѣемъ передъ собою *миѳологію*, или, если мнѣ позволено такъ сказать *(wenn ich so sagen darf) eine* krankgewordene Sprache“ (M. Müll. Vorles. II 338).

„Подъ миѳологіей разумѣю всякій случай, въ которомъ языкъ, ставши независимой силой, воздѣйствуетъ на духъ вмѣсто того, чтобы согласно съ его собственною (настоящею) цѣлью служить только осуществленіемъ и внѣшнимъ выраженіемъ духа“, ib. 482.

„Во всѣхъ такихъ случаяхъ (когда изображеніе, понятое, такъ сказать, буквально, порождаетъ миѳъ) *первоначальное значеніе слова* или *образа гораздо возвышеннѣе*, достопочтеннѣе, религіознѣе, чѣмъ то удивительное окаменѣніе, которое возбуждаетъ интересъ наклонной къ предразсудкамъ толпы, ib. 509.

„Въ случаяхъ, когда *λιταί* (моленія) называются дочерьми Зевеса (и сестрами Аты, *Ἄτη*—бѣда, несчастье), мы едва ли стоимъ уже въ областя чистой миѳологіи. Ибо Зевсъ у Грековъ былъ защитникъ умоляющихъ—*Ζεύς ἱκετήσιος* —и молитвы называются его дочерьми, какъ мы свободу называемъ дочерью Англіи. Такія выраженія могутъ быть миѳичны, но еще не миѳы. Существенный характеръ миѳа тотъ, что *миѳъ уже непонятенъ въ данномъ языкѣ* (M. Müll. Ess. II, 66).

„Чтобы извѣстныя имена стали миѳологичны, нужно, чтобы коренное ихъ значеніе затемнилось и пришло въ забвеніе въ данномъ языкѣ“ (ib. 69).

„Миѳологія есть только фаза, при томъ неизбѣжная, въ развитіи языка, если принимать языкъ не за чисто внѣшній символъ, а за единственное возможное воплощеніе мыслей“... *Это состояніе языка* „можно по истинѣ назвать *дѣтскою болѣзнью*, которую рано или поздно долженъ испытать самый здоровый организмъ“... Это *языкъ въ состояніи самозабвенія* (die Sprache im Zustande des Selbstvergessens). И если представимъ себѣ, какъ велико въ древ-

нихъ языкахъ количество именъ для одной и той же вещи *(πολυωνυμία)*, и какъ часто одно и тоже слово прилагается къ совершенно различнымъ предметамъ, то это самозабвеніе языка непокажется намъ удивительнымъ" (ib. 146—7).

„Я не разъ утверждалъ и пытался доказывать, что многія явленія въ миѳологіи и религіи, на первый взглядъ неразумныя и непонятныя, объясняются вліяніемъ языка на мысль. Но я *никогда неговорилъ*, что все миѳологическое можетъ быть объяснено такимъ образомъ; что все неразумное основано на *словесномъ* недоразумѣніи (auf einer sprachlichen Missverständniss), что *вся миѳологія* есть лишь болѣзненный процессъ языка. Извѣстныя миѳологическія загадки могутъ быть, какъ я доказалъ, разгаданы при помощи средствъ языкознанія; но миѳологію, какъ цѣлое, я представлялъ всегда замкнутымъ періодомъ, неизбѣжнымъ въ ходѣ развитія человѣческаго духа, вовлекавшимъ въ свою сферу все, до чего въ данное время могло касаться мышленіе" (ib. 200).

„Не все въ миѳологіи объясняется болѣзненнымъ процессомъ языка" (ib. 207). „*Миѳологія неизбѣжна*; она необходимость, заключенная въ самомъ языкѣ, если въ языкѣ мы признаемъ внѣшнюю форму мысли. Однимъ словомъ, миѳологія есть тѣнь, падающая отъ языка на мысль, тѣнь, которая неисчезаетъ до тѣхъ поръ, пока языкъ неуравняется вполнѣ съ мыслью, что никогда неможетъ случиться. Правда, въ древнѣйшее время исторіи человѣческаго духа миѳологія болѣе выступаетъ наружу, но она неисчезаетъ никогда вполнѣ. Миѳологія есть и теперь, какъ во времена Гомера, но мы ее незамѣчаемъ, потому что живемъ въ ея тѣни и потому что почти всѣ боятся полдневнаго свѣта истины". „Миѳологія въ высшемъ смыслѣ слова есть власть языка надъ мыслью во всевозможныхъ областяхъ духовной дѣятельности; я готовъ назвать всю исторію философіи отъ Ѳалеса до Гегеля непрерывной борьбою съ миѳологіей, однимъ продолжительнымъ протестомъ мысли противъ языка". „Это требуетъ нѣкотораго объясненія".

„Со времени Вильгельма Гумбольдта всѣ серьезно занимающіеся высшими задачами языкознанія пришли къ убѣжденію, что

мысль и языкъ нераздѣлимы, что языкъ безъ мысли также невозможенъ, какъ мысль безъ языка; что то и другое относятся другъ къ другу какъ душа и тѣло, сила и функція, сущность (содержаніе) и форма".

„Возраженія противъ этого обыкновенно возникаютъ лишь изъ недоразумѣній. Во 1-хъ, подъ языкомъ разумѣется дѣятельность, рѣчь, какъ она возникаетъ и умираетъ съ каждымъ словомъ. Во 2-хъ—не одинъ членораздѣльный языкъ, но и менѣе совершенные символы мысли: движенія, знаки, образы (слово *три* и поднятіе 3 пальцевъ). „Все, что мы утверждаемъ, это—что безъ какого-либо рода знаковъ дискурсивное мышленіе невозможно, и что въ этомъ смыслѣ языкъ или *λόγος*—единственно возможная реализація человѣческой мысли". „Въ 3-хъ, часты недоразумѣнія въ томъ, что думаютъ, будто если можно думать только при посредствѣ языка, то языкъ и мысль одно и тоже". Но... содержаніе не можетъ существовать безъ формы и наоборотъ, однако возможно отличить форму отъ содержанія (wesen). Также отличаемъ мысль отъ слова, внутренній *λόγος* отъ внѣшняго.

„Мы идемъ и далѣе. Мы утверждаемъ, что языкъ, принадлежа прошедшему, необходимо воздѣйствуетъ на мысль, и мы признаемъ въ этомъ возвратномъ дѣйствіи, въ этомъ преломленіи лучей языка дѣйствительное разрѣшеніе старинной загадки миѳологіи". (Ess. II, 399—401).

— „До раздѣленія Арійскихъ племенъ былъ корень *свар* v. *свал*—сіять, блестѣть, грѣть. Онъ находится въ греческ. *σελας*—блескъ, *σελήνη*—луна; въ анс. *swélan*—горѣть, нов. врн. *schwöl*. Въ скр. отъ него сущ. *свар*, означающее иногда небо, иногда солнце (=лат. sol, гот. *sauil*, аглс. *sol*). Вторичная форма отъ *свар* скр. *сӯрја* (вм. *сварја*)—солнце (= *ἥλιος*).

„Всѣ *эти имена были* первоначально *предикативны*; они означали свѣтлый, ясный, милый. Но какъ скоро было образовано имя *свар* или *сӯрја*, оно, въ силу неодолимаго вліянія языка, стало именемъ не только живого, но и мужскаго существа. Всякое существительное въ скр. должно быть или муж. или жен. р. (сред.

родъ первоначально ограничивался только именительнымъ), и *суріас*, какъ сущ. м. р. разъ навсегда запечатлѣно языкомъ, какъ имя муж. существа, какъ будто оно было именемъ воина или царя. Въ другихъ яз., въ коихъ имя солнца—ж. р., и солнце согласно съ этимъ становится женщиной, царицей, невѣстой мѣсяца, однимъ разомъ измѣняется вся миѳологія, со всѣми любовными исторіями свѣтилъ".

„Вы можете сказать, что все это есть не столько вліяніе языка на мысль, сколько мысли на языкъ, что (грам.) родъ словъ отражаетъ только особенность дѣтскаго ума, который можетъ понять нѣчто, лишь какъ живое, мужское или женское. Ребенокъ, ушибшись объ стулъ, бьетъ его и ссорится съ нимъ. Стулъ для него не вещь, а лицо... Но это служитъ лишь подтвержденіемъ правильности взгляда на вліяніе языка на мысль; ибо эта наклонность (къ одушевленію), хотя по своему началу ненамѣренная и составляющая результатъ безсознательнаго мышленія, скоро ставши лишь модою въ языкѣ, стала съ неодолимою силою обратно дѣйствовать на духъ.

Однимъ словомъ, какъ скоро *сурjас* или *ἥλιος* является существительнымъ мужеск. рода, мы находимся уже въ самой гущинѣ миѳологіи. Мы недошли еще до Геліоса, какъ бога—это гораздо поздняя ступень мысли;.... но мы дошли, по крайней мѣрѣ, до первыхъ зародышей миѳа. Въ гомерическомъ гимнѣ Геліосу Геліосъ называется еще не безсмертнымъ, а лишь подобнымъ безсмертнымъ богамъ (*ἐπιείκελος ἀθανάτοισι*); но онъ называется чадомъ Евріфаессы, сыномъ Гиперіона, внукомъ Урана и Геи".

„Все это есть миѳологія; это старый языкъ, пошедшій далѣе своей первоначальной цѣли" (*alte Sprache* die über ihre erste Absicht hinausgeht, Ess. II, 480—10).

Мнѣніе М. Мюллера и послѣдователей, что миѳъ есть нѣкоторымъ образомъ болѣзнь языка, въ состояніи самозабвенія, и что, слѣдовательно, первоначальное значеніе слова (а стало быть, и связанной съ нимъ мысли, гораздо возвышеннѣе миѳа, уже выше вызываю возраженія:

1) Предполагаемое возвышенное состояніе мысли и послѣдующее ея паденіе являются немотивированными [1]) и противорѣчащими теоріи постепеннаго развитія мысли.

2) Они противорѣчатъ утвержденію самого М. Мюллера о первоначальной конкретности языка: „миѳологи утверждаютъ, будто бы варварскіе народы, пріобрѣвъ уже извѣстные символы для выраженія отвлеченій (путемъ ли развитія, или путемъ произведенія отъ сверхъестественно полученныхъ ими корней, что, повидимому, вѣрнѣе съ точки зрѣнія миѳологовъ), а слѣдовательно, пріобрѣвъ уже соотвѣтственную способность къ отвлеченному мышленію, вдругъ начинаютъ лишать свои словесные символы ихъ отвлеченности" (Спенсеръ, Осн. соц. I, 488). Съ одной стороны, намъ говорятъ, что древніе Арійцы обладали языкомъ, составившимся изъ корней такимъ образомъ, что отвлеченная идея о *покровительствѣ* предшествовала конкретной идеѣ объ отцѣ. Съ другой стороны, намъ говорятъ, что древніе Арійцы, явившіеся послѣ этихъ первобытныхъ Арійцевъ, „немогли говорить и думать иначе, какъ съ помощью" личныхъ (?) фигуръ;... такъ что та же раса, которая произвела свои конкретныя слова изъ абстрактныхъ, описывается намъ, какъ такая, которая была доведена до... космическихъ миѳовъ („старѣющееся солнце", солнечный закатъ и пр.) своею неспособностью выражать абстракты иначе, какъ въ конкретныхъ терминахъ! (ib. 490—1).

Возраженія эти могутъ внушить сомнѣніе въ правильности разсужденія людей, заключающихъ отъ языка; и однако справедливость требуетъ признанія послѣдовательности и необходимости

---

[1]) Допустимъ на минуту, что единственнымъ источникомъ миѳическихъ представленій были превращенія и порча языка, забвеніе первоначальнаго коренного значенія словъ; миѳы въ такомъ случаѣ будутъ явленіемъ относительно позднѣйшимъ, и спрашивается: откуда и вслѣдствіе какихъ жизненныхъ причинъ въ человѣчествѣ явилось стремленіе придавать реальное бытіе прежнимъ *поэтическимъ* метафорамъ? Откуда эта прежде небывалая расположенность ума къ созданію миѳовъ? Или человѣкъ по мѣрѣ успѣховъ и опыта жизни утрачивалъ прежній разумный взглядъ на природу... отъ первоначальнаго свѣта все далѣе уходилъ въ мракъ умственныхъ блужденій, все болѣе и болѣе становился ребенкомъ?" Эта мысль стоитъ „въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ ходомъ исторіи и движеніемъ разумной органической жизни". (Котлярев. Разб. соч. Аѳ. П. В. Сл. 15—16).

въ разсужденіи этихъ людей. О существованіи конкретныхъ *значеній* Djaўс = *Ζεύς*, Сўрјас = *Ἥλιος*, патер = *πατήρ* они да и всѣ остальные могутъ заключать только изъ существованія этихъ словъ; а анализъ этихъ словъ показываетъ въ основаніи этихъ словъ корень *див*, свѣтить, *свар*, свѣтить, *па*, охранять, имѣющіе, *повидимому*, лишь отвлеченное значеніе. Пока эта послѣдняя видимость неустранена, до тѣхъ поръ и выводимыя изъ нея заключенія о первобытно высокомъ развитіи мысли и ея паденіи обязательны. Для устраненія этихъ заключеній существуютъ попытки устранить самую видимость, лежащую въ ихъ основаніи, устранить миѳъ, состоящій въ принятіи корня, какъ результата личнаго анализа, какъ субъективнаго произведенія мысли, за выраженіе объективнаго явленія. (Изъ зап. по р. гр. 2 изд. I, 21—24.

Дѣло въ томъ, что отвлеченное значеніе корней кажется намъ такимъ потому, что есть слѣдствіе нашего собственнаго отвлеченія; оно есть *перенесеніе нашей субъективной мысли въ объектъ* (т. е. миѳъ), необходимое лишь до тѣхъ поръ, пока нами несознается субъективность этой мысли. При этимологическомъ анализѣ мы принимаемъ *а*, представленіе слова *Б*., признакъ общій ему со словами В, Г и пр., стоящими съ Б на одномъ уровнѣ производности за существующій въ первообразномъ словѣ *А*. Если это *А* намъ дано (т. е. не есть только результатъ анализа), то мы убѣждаемся, что *а* въ немъ отдѣльно несуществуетъ, но возникаетъ одновременно съ произведеніемъ Б, В, Г отъ *А*. Но если само *А* со стороны значенія намъ недано, какъ бываетъ со всѣми корнями, тогда мы приписываемъ ему *а*, какъ значеніе: изъ сравненія *Дјаус* —небо, богъ неба, день, *дєвас*—богъ, *дина-с*—день, *δῆλος*—ясный и пр. заключаемъ, что эти значенія обозначены признакомъ свѣтлости, и этотъ признакъ переносимъ въ предполагаемое первообразное *див*.

Поправку въ наше сужденіе мы вносимъ изъ наблюденія надъ ближайшимъ, т. е. изъ правильнаго наблюденія надъ развитымъ состояніемъ языка, а не изъ наблюденій надъ отдаленными низшими ступенями развитія. Ибо, пусть тысяча путешественниковъ

утверждаютъ намъ, что дикари неспособны мыслить отвлеченные признаки; но каждый разъ, когда мы по вышесказанному способу начнемъ отыскивать корни ихъ языковъ, въ результатѣ мы получимъ отвлеченность. Ошибочность нашего заключенія станетъ ясна лишь тогда, когда изученіе нашего языка покажетъ намъ, что отвлеченный признакъ въ словѣ непервообразенъ.

Т. о., когда понятъ источникъ взгляда, что первоначальное значеніе словъ предикативно, т. е. отвлеченно, устраняется и необходимость этого взгляда, а вмѣстѣ съ нимъ падаетъ мнѣніе М. Мюллера, что миѳологическая религія предполагаетъ разумную, какъ больное тѣло предполагаетъ здоровое. См. Vorles. II (10 vorl.) 386—7, 389, 390, 395.

Котляревскій (l. c. 17), справедливо отвергая порчу языка, какъ источникъ первоначальныхъ миѳовъ, заходитъ слишкомъ далеко, говоря, что языкъ, какъ сила дѣйствующая (что это? недѣйствующая сила несуществуетъ), оставался совершенно чуждъ первоначальнаго происхожденія миѳическихъ представленій; онъ оказалъ сильное вліяніе на миѳы, такъ сказать, вторичнаго образованія, когда худое толкованіе древнихъ выраженій и словъ, происходившее отъ забвенія первоначальнаго значенія ихъ, произвело цѣлую массу сложныхъ баснословныхъ повѣствованій; и какъ возможно объяснить этотъ второй періодъ въ исторіи миѳологіи, недопустивъ перваго, ему предшествовавшаго періода первичныхъ миѳическихъ воззрѣній, возникавшихъ изъ наивнаго дѣтскаго взгляда на явленія природы! Подобнымъ образомъ говоритъ и де-Губерчатисъ: „Двусмысленность (словъ,—по Куну точнѣе—полионимія и омонимія) безъ сомнѣнія играла главную роль при образованіи миѳовъ; но сама эта двусмысленность невсегда можетъ быть объяснена безъ предполагаемаго предварительнаго существованія такъ сказать живописныхъ аналогій. Дитя, которое еще и нынѣ, взглянувши на небо, принимаетъ бѣлое облако за снѣжную гору, конечно незнаетъ, что *парвата* на языкѣ Ведъ означало и гору и облако.. Двусмысленность словъ обыкновенно шла по пятамъ

вслѣдъ за аналогіею внѣшнихъ образовъ, представлявшихся первобытному человѣку. Когда онъ еще не называлъ облака горою, онъ уже видѣлъ его горою. После смѣшенія образовъ смѣшеніе словъ становилось почти неизбѣжнымъ и служило лишь для опредѣленія перваго, для сообщенія ему внѣшняго (?) звука и болѣе прочной формы, для образованія изъ него какъ бы корня, изъ коего при помощи новыхъ наблюденій) новыхъ образовъ, новыхъ двусмысленностей могло выростать цѣлое дерево миѳическихъ генеалогій" (Die Tiere in der indogermanischen Mythologie, 601).

Я отвергаю только порчу языка, какъ источникъ миѳологическаго т. е. познавательнаго творчества. Если смерть есть только смерть, то изъ нея не можетъ выйти жизнь; но то, что мы называемъ смертью, и то, что называютъ (хроническою, а не единичною и случайною) порчею въ языкѣ, при жизни народа, сочетаніе болѣе совершенное. При принимаемомъ мною опредѣленіи миѳа, какъ словеснаго произведенія, т. е. (въ простѣйшемъ видѣ— одного слова), какъ совокупности образа (=сказуемаго), представленія (tertium comparationis) и значенія (=психологическаго подлежащаго, т. е. того, что подлежитъ объясненію) для меня совершенно немыслимо, какъ можно предположить когда-либо существованіе миѳа помимо слова, и какъ, кромѣ первыхъ недосягаемыхъ для нашей мысли ступеней человѣческаго развитія, можно думать, что последующій миѳъ могъ создаться безъ помощи предшествующаго миѳа—слова. Если бы человѣкъ сначала смѣшалъ образы облака и горы, а потомъ создалъ миѳъ, то получилось бы не объясненіе облака горою, а объясненіе облака-горы въ ихъ нераздѣльности чѣмъ-либо другимъ. Существенная черта миѳа, какъ апперцепціи въ словѣ (Штейнталь), есть именно то, что отождествленіе или частое сліяніе объясняющаго и объясняемаго непредшествуетъ объясненію, а слѣдуетъ за нимъ. Дѣти „неповията" и животныя могутъ имѣть „живописныя аналогіи", т. е. и въ нихъ извѣстныя сочетанія элементарныхъ воспріятій могутъ находиться въ связи съ другими сочетаніями, но миѳовъ они еще несоздаютъ.

Конкретность мышленія (вещественность изображенія, слова. Эвфемизмъ).

Общая форма человѣческаго мышленія состоитъ въ объясненіи вновь познаваемаго (подлежащаго) прежде познаннымъ (сказуемымъ). Отъ состава и степени разложенія на признаки того, что познано прежде, зависитъ качество объясненія.

Въ языкахъ, какъ наши, стоящихъ па высокой ступени развитія, формально различающихъ названія вещей и ихъ качествъ и дѣйствій, предложеніе состоитъ изъ дифференцированныхъ, непохожихъ другъ на друга членовъ. Согласно съ этимъ у говорящихъ такими языками возможно сужденіе аналитическое, сложенное по формулѣ: *X* (вещь, совокупность признаковъ) имѣетъ признаки или дѣйствія *а*, *б*, *в*, нетождественныя съ самою вещью и исключающія другъ друга.

Такое состояніе языка и мысли возникло изъ другого, при которомъ члены предложенія однородны (такъ какъ еще нѣтъ частей рѣчи), болѣе менѣе близки къ нынѣшнему существительному, а сужденіе синтетично, т. е. сложено по формулѣ: *X* (вещь) есть А (вещь), какъ если бы вмѣсто нынѣшняго: „эта раковина—морская“ сказать и подумать „раковина—море“.

Взаимное отношеніе членовъ такого сужденія будетъ видно изъ слѣдующаго.

Европейскій путешественникъ „немогъ убѣдить эскимосовъ, что нитяная ткань, изъ которой была сдѣлана его одежда, не шкура какого-либо звѣря. Стекло они принимали за ледъ, сухари—за копченое мясо“. Фиджійцы до появленія Европейцевъ незнали металловъ, и тростникъ былъ единственною извѣстною имъ вещью, сколько-нибудь похожею на ружейный стволъ. Поэтому вполнѣ разуменъ былъ вопросъ, обращенный ими къ путешественнику: „Если бы ваша страна небыла страною чудесъ, то какъ бы вы могли добыть въ ней топоры, коими срублены деревья, изъ коихъ сдѣланы стволы вашихъ ружей?“ (Спенс. Осн. соціол. I, 112—3).

Однородны съ этимъ объясненія отдаленныхъ явленій природы близкими къ человѣку вещами: извилистая молнія—змѣй, прямо падающая —стрѣла, копье; громъ — стукъ колесницы или топотъ стада, небесный сводъ—ледяной или мѣдный, туча—гора, пещера (на пр. скр. *adri* м. камень, гора, облако, причемъ, по замѣчанію издателя санскритскаго словаря, второе и третье значенія едва различимы въ случаяхъ, гдѣ рѣчь—о разрушеніи богами облачныхъ твердынь и возвращеніи загнанныхъ туда демонами коровъ); туча же—корова, а дождь—ея молоко; солнце—колесо и пр.

Если мысль подготовлена къ сужденіямъ аналитическимъ, то выраженіе „солнце-колесо", являясь въ первый моментъ пониманія метафорой, въ концѣ приводитъ къ тому, что изъ многихъ признаковъ колеса для объясненія природы солнца остается только одинъ—очертаніе, колесообразность, сходство его съ колесомъ въ этомъ одномъ отношеніи. Ср. „Ой зійди, зійди, ясен місяцю, як млинове коло".

Если же содержаніе сказуемаго „колесо" еще неразложимо, то между нимъ и подлежащимъ установляется отношеніе равенства многихъ признаковъ, во время сужденія кажущихся главными: въ солнцѣ, какъ въ обыкновенномъ колесѣ, есть ободъ, спицы, ступица; оно на оси (изъ чего слѣдуетъ, что оно часть колесницы, везомой и управляемой и т. д.).

При этомъ происходитъ разложеніе сказуемаго, сходное не съ химическимъ разложеніемъ на исключающія другъ друга стихіи, а съ механическимъ дѣленіемъ на части: колесо есть нѣчто простое (т. е. болѣе извѣстное), земное или небесное. Затѣмъ мысль можетъ остановиться на отличіяхъ послѣдняго отъ перваго.

Существованіе въ языкѣ частей рѣчи, означающихъ признаки, выдѣленные изъ комплексовъ, даетъ только возможность аналитическихъ сужденій, но не ихъ всегдашнюю необходимость для всякаго говорящаго этимъ языкомъ. Такъ въ теченіе тысячелѣтій послѣ появленія глаголовъ, прилагательныхъ и чисто формальныхъ словъ, могъ выраженіями, которыя намъ кажутся на первый

взглядъ выражающими сужденія аналитическія, сохраняются возрѣнія миѳическія, вполнѣ подходящія подъ образецъ: „солнце-колесо“.

Я остановлюсь на разсмотрѣніи того, каковы могутъ быть миѳическія сужденія, предполагаемыя аналитическими: человѣкъ дышетъ, плюетъ, источаетъ кровь, (женщина)—мѣсячное, оставляетъ слѣдъ, производитъ экскрементъ, смотритъ, говоритъ и др. под.

Нижеприводимые примѣры будутъ имѣть и другую цѣль, кромѣ упомянутой, именно—показать, какъ сочетаніе въ сужденіи парныхъ субстанцій ведетъ къ установленію дуализма въ міросозерцаніи, въ коемъ преобладала *конкретность*, и въ коемъ твердое *убѣжденіе* въ тожествѣ мысли съ мыслимымъ, (все равно, будетъ ли мысль наша или чужая), въ объективности мыслимаго равнялось лишь субъективности этого мыслимаго (см. выше—отсутствіе критики стр. 410).

Т. о. это свойство есть вмѣстѣ и полная вѣра въ авторитетъ и полное отсутствіе сознательнаго стремленія къ личному изслѣдованію.

Прогрессъ мышленія состоитъ въ выдѣленіи изъ міра (т. е. изъ совокупности мыслимаго) свойствъ вносимыхъ нашимъ *я* и въ противоположеніи этого *я* міру. Чѣмъ далѣе отъ насъ къ прошедшему, тѣмъ слабѣе это выдѣленіе и противоположеніе. Чѣмъ болѣе субъективны продукты мышленія, тѣмъ непоколебимѣе вѣра въ ихъ объективность.

Конкретность миѳическаго мышленія. Языки, формально различающіе названія дѣйствій, качествъ вещей, предполагаютъ состояніе, когда слово со стороны своего значенія (не представленія) есть совокупность признаковъ, а двухчленное предложеніе есть сочетаніе двухъ такихъ единицъ, какъ если бы сказать *раковина море.* Если почему-либо изъ совокупности признаковъ предмета *а*, *б*, *в*.... выдвигается признакъ *г* и возникаетъ вопросъ, который мы на своемъ языкѣ называемъ вопросомъ о зависимости и причинѣ *г*, то отвѣтомъ будетъ служить не установленіе связи между однимъ или нѣсколькими избранными признаками и *г*, не

заключеніе „если есть *а*, то есть и *г*" или наоборотъ, а заключеніе близкое къ повторенію исходнаго момента мышленія, отличное отъ него, такъ сказать, только акцентуаціей большей связи одного изъ признаковъ: „если есть *x* съ признаками *а*, *б* и преимущественно *в*, то есть и *г*". Спенсеръ (Осн. соц. I, 114,5) объясняетъ это примѣромъ, который я нѣсколько видоизмѣню по воспоминаніямъ своего дѣтства. Я зналъ, что раковина, лежавшая у насъ на столѣ,—морская, что море шумитъ и что, если приложить раковину къ уху, слышенъ шумъ; и вотъ на невыраженный словами вопросъ „отчего шумитъ раковина" явился отвѣтъ въ видѣ мысли о видѣ раковины и шумѣ моря.

Доказательствомъ, что въ отвѣтѣ являлись именно видимые признаки раковины, служитъ то, что когда послѣ я убѣдился, что такое же дѣйствіе производитъ и приложенный отверстіемъ къ уху стаканъ, непохожій на раковину и неимѣющій связи съ моремъ, и что стало быть шумъ раковины зависитъ отъ свойствъ, которыя ей общи со стаканомъ, я все-таки при опытахъ со стаканомъ представлялъ себѣ знакомую раковину и море.

Т. о. неразложенность комплексовъ, нестрогое отдѣленіе этихъ комплексовъ отъ другихъ необходимо влечетъ за собою заключеніе по формулѣ *cum hoc ergo propter hoc*.

Я зналъ мужика въ Васищевѣ, который былъ твердо убѣжденъ, что муравьи, ползающіе по стволамъ растеній, разводятъ тлю на ихъ верхушкахъ, и что поэтому для уничтоженія тли надо уничтожать муравейники.

Господствомъ такого способа заключенія, убѣжденіемъ что *всякое свойство предмета присутствуетъ во всѣхъ его частяхъ*, (что, такъ какъ предметъ нестрого ограниченъ отъ случайной обстановки, то свойство предмета сообщается тому, съ чѣмъ оно приходитъ въ соприкосновеніе) характеризуются цѣлые продолжительные періоды жизни человѣчества.

Сюда относятся свойственныя дикимъ и полудикимъ, отчасти—низшимъ слоямъ цивилизованныхъ народовъ вѣрованія, что тѣло и по смерти сохраняетъ свойства живого существа, что каждая

его часть имѣетъ всѣ или важнѣйшія свойства живого существа; что обладаніе частью тѣла, имѣвшаго при жизни такія-то свойства, даетъ обладаніе этими свойствами [1]).

Таковъ обычай ѣсть мясо дикаго звѣря, врага, умершаго родственника, чтобы имѣть ихъ храбрость и т. п. (Спенс. Осн. соц. I, 115, 260), вѣрованія въ амулеты съ частями тѣла животныхъ и людей (ib. 364—5); чары на слѣдъ, рубашку, потъ, волосы, ногти, объѣдки, соръ (ib. 262, 341). Вѣрованія, связанныя съ *изображеніемъ* и *словомъ* по ихъ важности должны быть разсмотрѣны особо.

Дыханіе (halitus)=*душа* (anima). Animae leonis virus (вонь) grave, ursi pestilens; contacta (ср. р. мн.) halitu ejus nulla fera attingit ociusque putrescunt adflata reliquis (чѣмъ остальное). Hominis tantum (animum, halitum) natura infici (чтобы портилось) valuit pluribus modis, et ciborum ac dentium vitiis (отъ дурной пищи, дурныхъ зубовъ)... Sed maxume senio (отъ старости).

... Dolorem sentire non poterat. (=potest, какъ выше XI, 90, о крови „magna iu eo vitalitatis portio; emissus spiritus secum trahit, tactum tamen non sentit“), tactu sensuque omni carebat (=caret), sine quibus nihil sentitur; eadem (anima) commeabat (=commeat—выходитъ и входитъ), recens adsidue, exitura supremo (выйдетъ изъ тѣла послѣдняя) et sola ex homine superfutura (одна только отъ всего человѣка и останется); denique haec trahebatur (=trahitur) e caelo. Hujus quoque tamen reperta poena est, ut neque id ipsum quo vivitur in vita juvaret (но несмотря на это и въ немъ [дыханіи, w. для него?] нашлось наказаніе, чтобы даже то, чѣмъ человѣкъ живетъ, недоставляло въ жизни удовольствія (объ испорченномъ отъ пищи и вина дыханіи). Parthorum populis hoc praecipue (особенно страдаютъ этимъ) et a juventa propter indiscretos cibos; namque et vino foetent ora nimio; sed sibi proceres medentur (пособляютъ себѣ) grano Assirii mali (лимона),

[1]) Въ сказкахъ русск. серб. нар. богатырь оставляетъ вмѣсто себя свою вещь (ножъ, рукавицу); въ случаѣ, если ему грозитъ смертная опасность, изъ нихъ течетъ кровь: „Так то ви мене доглядаете, що допустили он стілки *з мене* крови вибігти“. (Манж.).

cujus est suavitas praecipua, in esculenta addito. Elephantorum anima serpentes (—es) extrahit, cervorum—urit. (Pl. XI, 115).

Душа (дыханіе) пахнетъ, запахъ—душа вещи:

„Стару душа мирише
Ка̓ j' но љети цвилика (=вонючая трава)...
... Младу душа мирише
Ка̓j' но кита ружице.
(К., Ристић, С. н. п. 27).

Ал бесједи Мерима девојко;
„Ђул мирише, моја мила мајко,
Ђул мирише око нашег двора,
Чини ми се Омерова душа (=умершаго).
Кар. С. н. п. I 246—7.

Oj ђевојко душо моја,
Чим миришу њедра твоја?.......
... Моја њедра немиришу
Нити дуњом, ни неранчом
Нити смиљем, ни босиљем,
Веће душом девојачком.
Вар..... Нити паром од јунака
Него паром ђевојачком.
ib. 407—8.

Тѣмъ, что запахъ—душа, объясняется вѣрованіе, что природа человѣка переходитъ на его одежду и другія вещи. (Спенс. Осн. соц. I, 331).

Сглазъ—въ связи съ вѣрованіемъ въ человѣчка въ зрачкѣ и въ двойную душу:

„In... Africa familias quasdam effascinantium Jsigonus et Nymphodorus (tradunt), quorum laudatione intereant probata (овцы), arescant arbores, emoriantur infantes; esse ejusdem generis in Triballis et Jllyriis adjicit Jsagonus, qui visu quoque effascinent, interimantque, quos diutius intueantur, iratis praecipue oculis, quod eorum malum (каковое отъ нихъ [очей, людей] происходящее зло) facilius sentire puberes. Notabilius esse (въ особенности замѣча-

ко образу ль имѣетъ, или къ самому Богу? подобнѣ и предъ иными образы, и какъ моленье свое простираетъ? такожде и съ каковымъ намѣреніемъ и свѣщи предъ иконы поставляетъ, иконѣ ль той честь творя, или самому изображенному на той иконѣ, предъ нею же свѣщу поставляетъ?“ (Русск. Достопам. I, 187).

„Мнѣ, государь, сіе зритца вельми неправо, что въ церквахъ свѣщи поставляютъ всякой человѣкъ предъ свою собину, кои у него иконы принесены изъ дому, а предъ церковные иконы и двадцатые доли свѣчь непоставляютъ“, ib.

Изображеніе. У Черемисъ „собравшіеся на поминки моются въ банѣ, моютъ и покойника, подъ видомъ липовой палки“. (Смирновъ „Черемисы“, Изв. Общ. Археолог. при Каз. У. VII, 123).

Присутствіе покойника на поминкахъ у Черемисъ представляется въ разныхъ мѣстахъ различно... Въ Царево-Кокшайскомъ у. лицо, назначенное заживо покойникомъ, надѣваетъ его праздничную одежду. Родные привѣтствуютъ его: „А ты уже пришелъ на свой праздникъ? Войди въ избу пировать съ нами. Завтра, переночевавши, уйдешь“. Ряженаго принимаютъ, какъ настоящаго покойника. Вдова зоветъ его мужемъ, дѣти—отцомъ. Онъ держитъ себя какъ настоящій глава семейства. Онъ ѣстъ, пьетъ, пляшетъ наравнѣ съ другими, хотя нѣсколько своебразно. Онъ разсказываетъ, какъ ему на томъ свѣтѣ хорошо живется, какъ онъ видится съ ранѣе умершими. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ того же уѣзда роль ряженаго исполняетъ свитокъ одежды покойнаго: онъ кладется на почетномъ мѣстѣ, къ нему обращаются, какъ къ живому лицу, съ нимъ пляшутъ по очереди пирующіе... Въ Макарьевскомъ у. Нижегородской г. одежда умершаго развѣшивается на стѣнѣ, и родные только посматриваютъ на нее, когда ѣдятъ (ib. 194—5).

Слово. Чѣмъ далѣе въ прошедшее, тѣмъ менѣе въ языкѣ словъ отвлеченныхъ и формальныхъ, которымъ ничто несоотвѣтствуетъ въ чувственномъ воспріятіи. Первобытное слово должно было соотвѣтствовать безразличному комплексу вещи и ея дѣйствія или качества. Отсюда понятно, что слово (нераздѣлимая для

первобытнаго сознанія совокупность звука и значенія), сопровождавшее и доводившее до сознанія упомянутыя вѣрованія, должно было, при господствующей конкретности мысли, представляться такимъ же противнемъ вещи, какъ и ея тѣнь и отраженіе. Въ словѣ должна была присутствовать доля жизни, заключенной или предполагаемой въ соотвѣтствующей вещи.

По мѣрѣ того какъ возникало вѣрованіе, что болѣе тонкая, менѣе осязаемая половина явленій есть болѣе важная, что тѣнь, душа, двойникъ, доля суть причины жизни, сна, болѣзни, смерти; что во внѣчеловѣческой половинѣ явленій, боги, ихъ духовная половина, суть ихъ производители—должно было возникнуть убѣжденіе, что слова суть духовныя сущности вещей. Даже болѣе: доступныя древнему человѣку наблюденія надъ словомъ могли въ значительной степени содѣйствовать возникновенію вѣры въ духовные первообразы и причины явленій. Ибо разъ было замѣчено, что слово, на пр. имя извѣстнаго лица, появляется, т. е. произносится каждый разъ, когда появляется это лицо, и когда оно не появляется, а лишь вспоминается; что слово, т. е. его ближайшее содержаніе (представленіе) остается неизмѣннымъ (при всѣхъ измѣненіяхъ) происходящихъ въ называемомъ, напр. сидитъ ли онъ, или спитъ, отсутствуетъ ли или умеръ; что оно властно, т. е. на него отзывается человѣкъ—разъ это было замѣчено, можно было отсюда вывести подтвержденіе того, что и душа есть тоже относительно неизмѣнная сущность.

Какъ бы ни было, но весьма распространены доходящіе и до нашего времени *миѳы* о словѣ, вѣрованія, что *слово—сущность вещи*.

Слово вещественно. Коновчиха: „Два дні свого сина клене проклинає“, на 3-й—„дай мені, Боже, „*сі слова перед собою мати*“, т. е. видѣть ихъ передъ собою на томъ свѣтѣ и казниться ими. (Изъ думы объ Ив. Коновч.). На томъ свѣтѣ напр.: „Хто старцям милостиню подавав, то все те перед їм и лежить: чи шматок хліба, чи кільце ковбаски, чи сала кришéник, то так на столахъ и лежить“ (З. о Ю. Р. I, 306). „Ко што ђеља, предан.

пада“, Посл. 159). „Мнѣ что за дѣло, какая ты? *Твое* передъ тобою“ (Островскій).

Слово течетъ изъ устъ, какъ слюна. Какъ *слово=человѣкъ* (ein Wort, ein Mann, „Нема слова найьірнішого надъ ту дружиноньку“), такъ слюна въ извѣстной сказкѣ. Сюда: „Новый срубъ хаты, еще недостроенный.... Тамъ дѣти забавлялись „стрыбаньемъ“, бросаясь сверху на кучу пѣску, суевѣрно отплевываясь каждый разъ.... „Поволі, діти, поламаете ноги!“—Ні, дядьку!“.... и снова по очереди выговаривали магическія слова: „тьфу̂, слинко! ти ся забий, а я ні!“ Плевки падали на землю, а дѣти, слѣдомъ за ними, нисколько неколеблясь, скакали тудаже“ (Петкевичь, Сельск. недоразум. К. Ст. 1889 г. янв. 177).

— „О связи нѣкоторыхъ представленій“, 81—4. Сорока, вѣщая птица (соб. *вѣщица*—сорока, тоже—болтунья, срб.—*вјештица*—вѣдьма) создана чортомъ (Чуб. I, 62) именно изъ плевка (Кар. Припов. № 18, Пјес. II, 84).

Превращеніе слюны въ мудраго *Квасира,* его крови—въ божественный потокъ, дающій даръ поэзіи и мудрость, и опять въ слюну (Grim. Myth.² 853; Бусл. „Объ эпич. поэзіи“; Аѳан. „П. В.“ I, 393 и сл.).—„Кровь не вода“ но вода—кровь; загадки (криница): „На серед села зарізано вола, в кождій хатці по бокатці“; (рѣка): „Конець села забито вола, до кождої хатки тянуться кишки“.

Слюна-напраслина: „Ежели кто плюя попадетъ себѣ ненарочно на платье, то оное значитъ.... (обнову) или терпѣть напраслину“ (Абевега 267).

Вр. *слотить*—врать. Ср. съ сербск. „*блутити*“, будалити, говорити којешта без прилике, ungereimt reden; *блутиш....* који много говори којешта, der ungereimt redet. *Блуна*—eine einfältige person. Чеш. bliwoȗ, болтунъ. (При *блут*—*бљуштити*, sich eikeln: бљушти ми срце (напр. код човјек једе много грожђа).

Рѣчь, слюна (напраслина)—*рѣка, вода* (Разб. п. Голов. 64—76).

Вода—*правда* (Объясн. мр. п. I, 182—7; Разб. п. Голов. 65). Отсюда гаданіе: если вода удержится въ рѣшетѣ и т. п., то тото сбудется, то то правда: Владиславъ Германъ такъ гадалъ объ удачѣ

набѣга: вѣдунья несла передъ войскомъ въ решетѣ воду, и вода невыливалась, что предвѣщало удачу. Такъ доказывалась и истинность (Gr. Myth. 643—4).

— „Extat (есть еще, дошла) Tucciae vestalis incestae (обвиненной въ нарушеніи цѣломудрія) precatio, qua usa, aquam in cribro tulit anno urbis DCIX (145 до Р. X.)“, (Pl. XXVIII, 3).

Въ сказкѣ отецъ приказываетъ дочери лить воду въ дырявый повѣшенный на гвоздѣ сапогъ. Если вода удержится,—онъ женится. И вода точно невытекала (Gr. „K. und Hausmärchen I, № 13).

Слово—крылато, оно—птица:

„Ἔπεα πτερόεντα. Ποῖον σε ἔπος φύγεν ἕρκος ὀδόντων“ (Иліада и Одиссея).

Слово не воробей, а упустивши непоймаешь. Пѣсня—птица, соколъ (Объясн. мр. п. I, 118).

Гриммъ (Myth. 1177) приводитъ ирландское повѣрье, что изреченное проклятье должно упасть на кого-либо. Оно носится 7 лѣтъ въ воздухѣ и каждое мгновеніе можетъ спуститься на того, на кого было направлено; если его налагаетъ ангелъ хранитель, то проклятіе принимаетъ видъ несчастья, болѣзни или искушенія и бросается на него (такъ что проклятіе замѣщаетъ собою двойника).

Такъ же и Пентамер. выражается: „у проклятій старухи выросли крылья, и они взлетѣли къ небу“ (Перев. Либрехта, I, 222).

„Нехай хмара на татары, а сонечко на хрестяни“. Такъ: „Неходи на эту службу... Ну какъ... иди это слово отъ насъ къ проклятымъ туркамъ... ну какъ тебя убьютъ“. (Герой очак. врем.“ Кв.[2] III, 266).

„Молитва йде до Божого престолу у золотий ковчег, там перепалюється, а до Бога йде сама чиста хвала“ (Манж.).

Уроки опасны для здоровья, особенно если ихъ *заспать*, т. е. заснуть, неотогнавши ихъ. Они вещественны, почему мать, укладывая дитя ко сну, *высасываетъ* ему урокъ изо лба и сплевываетъ на всѣ 4 стороны свѣта, приговаривая: „хто ті (*тя*) врік, най ті (тебя урокъ) взне“ (возьметъ), (Kolb. Pok. III, 132).

Слово — *мысль*. Гадать — думать, дума (болг. слово). (Бусл. Оч. I, 2). Въ словѣ впервые сознается мысль.

Словесенъ —исполненъ мысли, разуменъ (вѣщъ). Напротивъ *мълчати* сродно съ лот. *mulkis*—дуракъ и скр. *мýркта*—глупый *мурчча̂*—глупость.

Если бы съ точки зрѣнія дуализма представить себѣ *мышленіе*, то быть можетъ получилось бы представленіе въ видѣ *восторга*:

(О различіи души человѣка и животнаго). „Вьсь бо животъ инъ долоу гледаѥтъ и къ земли, и къ водѣ, оттоудоу бо и створенъ, и чл҃къ ѥдинъ на высость зритъ и тварию бо ѥстъ Б҃жияма роукама такъ сътворенъ, да и д҃ша ѥго бесплътьна соущи и всю мысль, и разоумъ ѥжичьство имоущи въ гор҃нии твари, рекъше выше н҃бсъ, иже ѥстъ оустрои на тъ же дѣиствы бесплътными и мысльми въземлетъ си оумъ, и тамо вьсходитъ. Или небоудеши самъ исвоусилъ, чльче, другоици на м҃лтвѣ стоѥ, како ти се въземлетъ оумъ выше небесъ и акы боголѣпная та мѣста виде се сътвориши и сладькая, и славная, и свѣтлая, и съ тѣми ст҃ми радуѥсе хвалиши Б҃а въ красныхъ тѣхъ мѣсьтѣхъ, и позоръ дивънъ видиши и весельство? Да како оубо оумъ сь и д҃ша, въ бреньнѣмъ сем' тѣлесе се (=съ) привезанъ и храмъ надъ собою имѣѥ покровъ, и надъ тѣмъ пакы въздоухъ, и ѥтерь, и н҃бса в'са, и тамо мыслию възыдеши къ Б-оу невидимоуѥму? како ли ти сквозѣ храмъ пролѣта оумъ, и всю тоу высость, и нбса скорѣѥ мъжения очнаго прилетѣвъ, тамо бысть, не ставе се ни чим' же? Чимь то оубо боудеши прошелъ? Или силою безсловесною и скотные душе, яже ѥстъ смрътна, кровь бо ѥстъ или бесплътноую (=ою), ню же ѥстъ подоба, и разоумичными дѣиствы и силами съмысльныѥ своѥѥ д҃ше и разоумичьные? Да аще codeречеши: „скотиѥю и бесловесныхъ дшею" то оуже можетъ и конь и волъ и всака птица, ти нехоте ѥдиного живота чл҃ьча приѥти разоумич'ноу и размыслноу имуща д҃шу, несвѣдами имаши приѥти и нехоте. Да ѥл'ма же то роужно ѥстъ тако помышлѣти и приимати... да ноужда ѥстъ гла҃ти яко же бесплътными и-разо-

умичными дѣйствы съмысльныѥ д҃ше то можетъ быти, ѥже на н҃бо възити, неставещю се ничим'же оумоу ч҃лчю". (І. Э. Шест. 198—9).

Истоупъ,—лѥниѥ. „Вложи Бъ истоуплениѥ на Адама, и оуспе... сънъ истоупъ г҃летъ се, им' же акы внѣ себе стоитъ ч҃лѣкъ; въноутрь ѥс д҃ша, то же нѣс вноутрь, и нечюѥтъ, неразоумѣатъ, слышещи неслышитъ; яко же днес гл҃емъ: „истоупъ приѥмлетъ, иже внѣ вещии бывъ, тако и д҃ша, ѥгда внѣ будетъ чювъства, въ истоупѣ ѥстъ" (ib. 250, 3—4).

— *Слово-правда. Правити*—говорить.

Съ древности и до нашего времени ученые склонны объяснять вѣру въ силу слова, принимая частный случай за общее, именно думая, что вѣра въ силу слова связана съ вѣрою въ участіе боговъ. Такъ Плиній: „Вѣримъ и теперь, что наши весталки молитвою (=заговоромъ) удерживаютъ на мѣстѣ бѣглыхъ рабовъ, если они еще невышли за городъ (Римъ). Разъ допустивши это, нужно признать, что боги выслушиваютъ нѣкоторыя просьбы или побуждаются извѣстными словами" (Pl. H. N. XXVIII, 3).

Конечно, въ разныя времена было и есть вѣрованіе, что слово служитъ только посредникомъ между молящимся и Богомъ; но это неможетъ быть общимъ основаніемъ разсматриваемаго вѣрованія. Слово становится дѣломъ не только въ молитвѣ, но и будучи произнесено случайно и безъ умысла; не только въ случаѣ, когда предполагается, что злобное божество ловитъ ошибки говорящаго, чтобы причинить ему вредъ, но и тогда, когда нѣтъ мысли о чемъ-либо подобномъ, о какомъ-либо постороннемъ существѣ, кромѣ самого слова. Вѣрованіе состоитъ въ томъ, что слово само есть существо.

Плиній: „Болѣе умные поголовно съ пренебреженіемъ относятся къ вѣрѣ въ силу слова и заговоровъ, но вообще жизнь ежечасно имъ вѣритъ, неощущая ихъ послѣдствій. Такъ людямъ кажется, что безъ моленій нельзя ни съ пользою принести жертвы, ни какъ слѣдуетъ посовѣтоваться съ богами. При этомъ одни слова при жертвахъ для полученія чего, иныя при жертвахъ для

отвращенія, иныя при обсужденіи. Мы видали, что верховные сановники совершали моленія (точно) опредѣленными словами, а чтобъ небыло что изъ словъ пропущено или несказалось раньше, чѣмъ слѣдуетъ, такъ при этомъ одинъ читалъ (молящемуся) по писанному, другой слѣдилъ (за вѣрностью повторенія), третій приказывалъ (окружающимъ) молчать, а флейтщикъ игралъ, чтобы молящійся неуслышалъ чего-либо посторонняго; ибо замѣчено, что коль скоро помѣшали (ему) услышанныя имъ зловѣщія слова (dirae), или онъ самъ ошибся, тотчасъ въ стоящихъ у мѣста жертвоприношенія животныхъ исчезали или (наоборотъ) удваивались верхушки (capita) печени или сердца". (Plin. H. N. XXVIII, 3).

Въ заключеніи заговора: „Будьте слова мои крѣпки и лѣпки, крѣпче камня и булата... Нѣтъ моимъ словамъ переговора и недоговора и неизмѣнить ихъ ни хитрецу, ни мудрецу" (Майк. Вр· закл.—З. Г. Общ. по этн. II, 431).

Лѣкарство становится дѣйствительнымъ отъ сопровождающаго слова: „Pecudis lien recens magicis praeceptis super dolentem lienem extenditur, dicente eo, qui medeatur, lieni se remedium facere". (Pl. XXX, 17· Cp. ib. XX, 53)—ѣсть отъ селезенки мяту, говоря: „хочу лѣчить селезенку".—Ср. Номис №№ 255—7 и слѣдующій, 324·

Урокъ, сглазъ:

„In... Africa familias quosdam effascinantium Isogonus et Nyphodorus (fradunt), quorum laudatione intereant probata (гр. овцы), arescant arbores, emoriantur infantes (для предотвращенія этого не только въ Африкѣ дѣтямъ повязываютъ амулеты *Fascinos* [pro deo habitus phallus]; (откуда у насъ при встрѣчѣ съ попомъ между прочимъ браться за яйца).

Нынѣ на Покутьѣ: Не каждый въ одинаковой степени имѣетъ силу *урекать* и силу сглаза („не каждій має однако поскудни очи"). Кто нехочетъ никого урекать, тотъ, говоря о комъ-либо, прибавляетъ „ні-вроку". Безъ этого слова особенно *похвала* подѣйствовала бы и безъ желанія говорящаго. (Kolb. III, 132).

— У Черемисъ старикъ посредникъ (вѣдунъ) въ концѣ молитвы: „Мы дѣти, мы ребята ползающіе еще подъ дымомъ; можетъ быть что нужно было сказать раньше, мы сказали послѣ, а что нужно было сказать послѣ, сказали раньше; дай намъ ума“. Въ Козьмодемьяновск. у. въ былое время карты (посредники) просили мать огня передать ихъ молитву богу въ исправленномъ видѣ: „Мать огня, ты пересказывай; что не ладно, поправь“. (Смирновъ „Черемисы“ Изв. Об. Арх. и Э. при Каз. у. VII, 162). Въ черемис. молитвахъ объ огнѣ: „Огненный духъ! у тебя длинныя ноги и острый языкъ, очистивши наши жертвы, принеси ихъ къ богамъ“ (ib. 147).

Сила слова:

Когда заложили эту церковь, попъ взялъ лопатою изъ-подъ угла земли и сказалъ: „что ни день, то по покойнику бленъ!“ А плотникъ услышалъ, да и говоритъ себѣ: нѣтъ, врешь, не такъ: „что ни годъ, то новый попъ“. Такъ и вышло: пока не было тѣмъ же снято заклятіе. (Куп. у. Ивановъ).

На Юрья вѣдьма собирала „[illegible]“ [illegible] росу съ [illegible] пастбища въ [illegible]. Увидѣвъ это, человѣкъ [illegible] къ ней незамѣтно [illegible] [illegible] и сказалъ: „[illegible] то на тебѣ, а [illegible] то мнѣ“. Повторивши дѣйствіе и слова трижды, [illegible] и [illegible] на прежнемъ мѣстѣ, и тотчасъ [illegible] молоко [illegible]. [illegible]

[illegible]

„[illegible]“ [illegible]

[illegible]

[illegible]

„Вы можете (этой) малюткѣ сказать все. Она скорѣе дастъ себя изрубить, чѣмъ выдастъ своихъ друзей; „пошла, шельма, чтобъ тебя отъ церкви отлучили, будь ты проклята, плутовка“, прибавилъ онъ нѣжнымъ голосомъ, потому что, будучи, какъ и многіе другіе бандиты, суевѣренъ, боялся сглазить (т. е. изурочить) ребенка, благословляя или хваля его. Извѣстно, что враждебныя силы anocchiatura'ы (невольный сглазъ v. урокъ) имѣютъ дурную привычку дѣлать противное нашимъ желаніямъ“ (ib.).

Какъ въ извѣстной сказкѣ изъ слюны создается говорящая птица, такъ въ германскомъ миѳѣ въ Эддѣ изъ нея человѣкъ:

„Асы и Вилы заключили миръ и положили ознаменовать его весьма страннымъ обычаемъ: и тѣ и другіе наплевали въ одну посудину, въ которой и смѣшались ихъ слюни, точно такъ, какъ въ отдаленныя среднія времена смѣшеніемъ крови освящаютъ примиреніе... Знаменіе мира... должно было сохраняться навсегда; боги сотворили изъ нихъ разумнѣйшаго изъ людей по имени Квасира. Квасиръ много исходилъ по свѣту, уча людей мудрости; наконецъ пришелъ въ жилище двухъ чародѣевъ-карликовъ, отъ которыхъ ему и смерть приключилася: убивъ Квасира, нацѣдили они его кровью два сосуда и одинъ котелъ, потомъ подмѣшали въ кровь меду, изъ чего и составился драгоцѣнный напитокъ, который сообщалъ даръ поэзіи и мудрость всякому, кто попробуетъ его. Послѣ того этотъ вѣщій медъ былъ предметомъ многихъ распрей до тѣхъ поръ, пока невыпилъ его весь въ три глотка Одинъ, и тѣмъ неспасъ его изъ рукъ враговъ. Потомъ на пользу Асамъ и людямъ вѣщимъ онъ выплюнулъ его, такъ что этотъ драгоцѣнный напитокъ опять сталъ слюной, чѣмъ былъ съ самаго начала“ (Gr. Myth. 855). (Буслаевъ, Эп. п. 18. Аѳ. II, Возз. I, 393 сл.).

Упоминаемое здѣсь превращеніе слюны въ кровь находитъ соотвѣтствующія явленія въ томъ, что какъ въ норвеж. (Бусл. ib.), такъ и въ нѣм. сказкахъ не только слюна, но и капли крови говорятъ за того, кому принадлежатъ. (Grim. Märchen, I, 286, II, № 89, III, 06).

Извѣстно и повсюду распространено вѣрованіе въ таинственную силу слова въ заговорѣ и заклятіи. Приводимъ нѣсколько стиховъ изъ Овидія и Виргилія. Сокомъ Летейской травы Язонъ усыпляетъ змѣя (draco), сторожа золотого руна:

„Verba qui ter dixit placidos facientia somnos
Quae mare turbatum, quae concita flumina sistant".
(Ov. Met. VII, 150 сл.).

Послѣдній стихъ ср. съ извѣстнымъ припѣвомъ русской былины, гдѣ такая сила утишать море приписывается поэзіи: „То старина, то и дѣянье, какъ бы синему морю на утишенье". (Др. рус. ст.).

Вспомнимъ, что и поэзія и заговоръ въ латин. носятъ одно имя, carmen.

„Vipereas rumpo verbis et carmine fauces;
Vivaque saxa [1], sua convulsaque robora terra.
Et silvas moveo, jubeoque tremiscere montes,
Et mugire solum, manesque exire sepulcris.
Teque luna traho, quamvis Temesaea labores
Aera [2] tuos minuant. Currus quoque carmine nostro
Pallet avi, pallet nostris Aurora venenis" (Ov. Met. VII 208 сл.). Ср. «Сила заговора»—Virg. ecl. VIII, 68 сл.) [3].

Заговоръ, который у всѣхъ народовъ нашего племени рано или поздно сходится на параллельныя выраженія съ рѣчью [illegible]:

„Limus ut hic durescit et haec ut cera liquescit
Uno eodemque igni, sic nostro Daphnis amore" Virg. [illegible] [illegible] есть [illegible].

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

„Nox, ait, ...astra... princeps Hecate, ...Tellus
Auraeque ét venti, montesque, amnesque, lacusque,
Dique omnes nemorum, dique omnes noctis adeste".
(Ov. Met. VII 180).

Сила слова можетъ быть поэтому чѣмъ-то зависимымъ отъ нравственной силы, съ которою произносится, или отъ сопровождающихъ его обрядо̀въ; но самостоятельность его видна въ томъ, что какъ бы ни могущественны были порывы молящагося, онъ долженъ знать, какое именно слово слѣдуетъ ему произнести, чтобы произвести желаемое. Съ тѣмъ, что извѣстныя слова имѣютъ особенную силу, связана таинственность, съ которою они переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Таинственная связь слова съ сущностью предмета неограничивается одними священными словами заговоровъ: она распространяется на многія слова обыкновенной рѣчи. Вліяніе ихъ условливается не интенціею говорящаго; не только неслѣдуетъ называть зла, потому что и само можетъ приключиться („Не зови зло, jер само може доћи" Ср. п. 193), но и съ самимъ невиннымъ намѣреніемъ, въ самомъ спокойномъ разговорѣ неслѣдуетъ поминать извѣстныхъ существъ, или, если рѣчь необойдется безъ нихъ, то обычныя и законныя ихъ имена нужно замѣнять другими, произвольными и неимѣющими той силы.

„Болѣзни, говоритъ Гриммъ, особенно если соединены съ ними чирьи или желваки (geschwüre und beulen) называютъ „ding", потому, что настоящаго имени боятся и неохотно его произносятъ" (Deutsche Wörterb. подъ сл. Ding). Такъ и у славянъ, какъ видно изъ слѣдующаго: Въ срб.: „Мање, више, свак има свог *врана*" (Срп. п. 175). (Ср. „každy ma swego móla, cogo gryzie; луж. kóždy ma swoje hury); *врана*, говоритъ Караджичъ, поставлено вмѣсто *врага*, чтобы неупоминать этого имени, хотя здѣсь, прибавимъ, оно значитъ вовсе не чорта. Этимъ же можно объяснить между прочимъ, отчего въ врс. нарѣчіи такъ много названій чорта (напр.—шутъ, обломъ).

У Гуцуловъ рѣдко употребляются слова *чортъ*, *дідько*, потому что говорить эти слова—„*лихословити*“ [1]), а это „гріх великій“.— Вмѣсто этого—„*щезун*“, или выраженіе: „*він* (v. *том*) *щез-би*“: „Як він-щезби уздрів Јеву, тай петає...“ „На том місци мож видіти того-щез-би въ ночи...“ „*Він-щез-би* пішов та вмив сі та й бридзнув поназадь себе з рук воду, а віттак як сі обернув, та подивив сі туди, куди бридзнув водов, то вздрів тілько там *тих-щезли-би*, кілько крапок води бридзнув“. (Такъ созданы были черти, почему грѣхъ, умывшись, отряхивать съ рукъ воду, а не обтирать, потому что, кто это дѣлаетъ, тотъ творитъ чертей).

„*Тот-старий-щезби* загадав бути ше старшіщим від Бога... Пан-Біг мусів бити сі з *ним-щез-би*... Зачели *вни-щезли-би* ангелів перемагати...“ (Kolb. Pok. III, 81—3).

Если при дѣтяхъ упомянешь про *жабу* (въ какомъ бы ни было смыслѣ), то женщины, перебивая, говорятъ: „одгризла ти уши“ (Срп. п. 232). „Если кто при ребенкѣ произнесетъ слово *жаба* (жєба, чаще *шнякга*=schnecke), долженъ прибавить: „чеснок дитині під язиком“, иначе у ребенка подъ языкомъ появится ранка, называемая *жєба*“ (Kolb. Pok. III, 155).

Сербы говорятъ, что неслѣдуетъ спрашивать: „*куда* ћеш, *куда* си пошао, или *куда* си наумио“, но вмѣсто этого: „ако Бог да?“—Если же кто, забывшись, спроситъ: *куда*? то нѣкоторые ему отвѣчаютъ: „идем у Кудиљево, да те скудим“. (Срп. п. 1).

Вопросъ *куда* почитается многими дурнымъ предвѣщаніемъ. Спрошенный отвѣчаетъ: „на кудыкину голову“, т. е. на голову спрашивающаго. Спрошенный при отъѣздѣ отложитъ поѣздку, а ѣдущій воротится назадъ. Многіе боятся произнести *куда*, находя въ немъ связь съ нечистою силою. (Терещ. VI, 17).

Быть можетъ слово неправится за сходство съ *ку́дити* —übel reden von einem calumnior (ср. мр. *гу́дити*), которое быть можетъ значило и изурочить.

Когда моритъ народъ чума (моръ), по серб. *ку́га*, представляемая женщиною, какъ и во всѣхъ славянскихъ земляхъ, тогда

[1]) Слово извѣстное и въ вост. мр. (Манжура, Сказки 113).

рѣдко кто назоветъ *куга*, но говорятъ, (какъ бы для того, замѣчаетъ Караджичъ, чтобы умилостивить ее), обыкновенно *кума* (русская „кума“).

Когда нехотятъ упоминать слова *вјештица*, venetina, вѣдьма особаго рода, въ родѣ вампира, тогда говорятъ *каменица*, должно быть, замѣчаетъ Караджичъ, съ заднею мыслью, чтобы окаменѣла.

Такъ и вмѣсто *вук*—волкъ говорятъ *камењак*, какъ бы для того, чтобы пасть ему окаменѣла и нерѣзала бы скота.

„Кто вечеромъ скажетъ слово *вовкъ* (чаще говорятъ „звірак“), тотъ долженъ прибавить „за морем му вечері, горечий му камінь в зуби“, а не то ночью волкъ „зробить шкоду“. Вообще „негодитсі, гріх“ хищное или вредное животное, особенно вечеромъ по имени „загадувати“ (Kolb. Pok. III, 155).

„Кто „на свит-вечір“ назоветъ *макъ* своимъ именемъ, тотъ небудетъ его ѣсть „з смаком“, и за то обсядутъ его блохи и будутъ кусать весь годъ. Нужно назвать напр. зерномъ“ (ib.).

Сказавши неумышленно одно изъ подобныхъ словъ, оговариваются:

Въ мрс.: „не приміряючи“, не перед ніччю згадуючи“ (не потому, чтобъ неприснилось: это само собою, а потому что, такъ какъ ночь—время этихъ темныхъ существъ, то какъ бы не „накликать бѣды“, произнося „проти—ночі“ нехорошія слова. Ср. „про вовка помовка, а вовк на дворі“; „про волка рѣчь, а волкъ навстрѣчь).

Руликовскій (Opis powieta Wasilkowskiego etc. Warsz. 1853, стр. 172), говоритъ, что если украинецъ, видя весною ключъ журавлей, скажетъ что это летятъ „веселики“ (серб *веселикі*, Кар. Рјеч.), то уже и цѣлый годъ пройдетъ ему благополучно и *весело*; если же нечаянно выговоритъ настоящее имя *журавль*, то весь годъ будетъ *журиться*.

Сербъ говоритъ: „небуди примијењено“, когда въ разговорѣ сравнивается живой съ мертвымъ, счастливый съ несчастнымъ, напр.: „Покойный Марко былъ, не будь примѣнено, такого росту какъ ты; ударило его ядро, не будь примѣнено, вотъ въ это мѣ-

сто" (Срп. пр. 195). Какъ при доброй рѣчи говорятъ: „Из твојих уста у Божје уши" (ib. 100); такъ, когда кто клянетъ другого, тотъ отвѣчаетъ ему: „Из уста ти у њедра (а из њедара око ребара", ib.). Предполагается какъ бы, что сказанное слово неминуемо должно имѣть свое дѣйствіе, такъ пусть же бѣда окошится на говорившемъ.

„Не слушај, Боже, што пас лаје", говорилъ одинъ, который въ утро на Рождество, взявши орѣхъ, произносилъ такой заговоръ („врачао"): „какъ этотъ орѣхъ полонъ, такъ пусть домъ будетъ полонъ всего, амбаръ—зерна,ворокъ („тор"—загородь для скота)—скота, подвалъ—вина и водки" и т. д., и потомъ, разбивши орѣхъ, увидѣлъ, что онъ пустъ (ib. 209).

Впрочемъ и доброе слово оговариваютъ: послѣ похвалы прибавляютъ, чтобы не испортить: „небуди урока", или „небуди уречено" (ib. 194), и въ этомъ же смыслѣ, если кто, отъ кого этого неожидаютъ, скажетъ или сдѣлаетъ что хорошо, говорятъ: „Не чуј, Боже, на зло" (ib. 212). *Beschreien*, incantare, wann nämlich die Leute die Kinder loben und sagen nicht: „Gott behüte es" oder „Gott helfe ihm", als „das ist ein schön oder liebes Kind", ohne zugesetzten Gedeihungswunsch". (Gr. D. Wört. подъ этимъ словомъ, Myth. 387). Тождественно приведенному выше вопросу *куда* и слѣд.: „когда ищущаго что-нибудь, напр. травы для лѣкарства, спроситъ кто: „что это такое?" („што-ће ти"—на что тебѣ это), тотъ отвѣчаетъ: „Прије био лијек него ти запитао". (Срп. пр. 262).

Ср.—Чудесную свирѣль рѣзать въ томъ мѣстѣ лѣса, куда неслышно ни звона колоколовъ, ни крика пѣтуховъ, т. е. таинственное дѣло должно совершаться unbeschreien.

Тутъ уже не слово одно имѣетъ силу, а проявляется вѣрованіе общее всему индо-европейскому племени, по крайней мѣрѣ извѣстное у Грековъ и Индусовъ, что окружающія человѣка высшія силы завистливо смотрятъ на его счастье и дѣлаютъ наперекоръ его словамъ; пользуясь этимъ, тотъ, кто напр. ожидаетъ и боится непріятныхъ и страшныхъ сновидѣній, нарочно, чтобы

неснилось, ложась спать, говоритъ: „Сниваће ми се ноћас". (Срп. пр. 291)—будетъ же мнѣ сниться ночью.

И опять таки, повидимому удаляясь отъ вѣрованія въ силу слова, мы возвращаемся къ ней: темныя силы во всякомъ случаѣ смотрятъ именно на слово, можно сказать даже устраняя изъ виду мысль.

Говорятъ, что вјештица, когда хочетъ летѣть, мажетъ себѣ подъ мышками извѣстною мазью (какъ и наша вѣдьма) и говоритъ: „Ни о трн ни о грм" (кустарникъ, кажется тоже колючій), „већ на пометно гумно", гдѣ собираются вѣдьмы.—Вотъ разсказываютъ, что одна женщина, которая небыла вѣштицею, намазавшись этою мазью, вмѣсто: „ни о трн, ни о грм", сказала невзначай: „и о трн и о грм", и полетѣвши поразбивалась о встрѣчные предметы. (Кар. Рјечн. „Вјештица").

„Знахарь"—знающій *слово:* „Народъ привыкъ вѣрить, что непремѣнно въ кучѣ ихъ есть одинъ „знающій слово", могущій наслать бѣду, отвратить успѣхъ въ предпринятомъ дѣлѣ, помѣшать свадьбѣ, испортить скотину, напустить болѣзнь на семью, на село" (Квит. „Знахарь" IV, 69).

Отъ слова станется: „Кад дијете неможе за дуго да проговори, ћекоји га метну у врећу, оставивши му само главу на поље, па га носе око куће. Іедан запита онога, који га носи: „шта то носиш?" а он му одговори: „носимъ врећу ријечи". (Кар. посл. 226).—Ср. Майковъ, Великор. Закл. № 86.

„Кад се пета *крух*, кажу да неваља споменути ни погачу ни приганицу, докле се год крух на пећи неизводи, јер погача и приганица нијесу у квас, него у пријесно, па за то ни крух неби у квас дошао" (Рјеч.—„пећати").

Сила клятвы: Кар. Пјес. I, № 368, №618, 731—3.

„Іа се, драга, на далеко каним,
На далеко гледат' дјевојака.
— Аjде, драги, пош'о наопако!
Колико ти од овуда ступа,
Толико ти отуда година!

Што ј'на теби зелена долама,
До недјеље зелена ливада!
Што ј'на теби кавад б'јеле свиле,
Створио се камен б'јеле ст'јене!
— Шале рекла лијепа дјевојка,
Шале рекла, Бог истину даде..."
(онъ скоро умеръ) (Рајков. С. н. п. 28—6).

— Суевѣры поставляютъ за великій грѣхъ выговорить въ постъ слово *мясо*, и когда случится въ разговорѣ, то приговариваютъ всегда: „помяни, Господи, на Свѣтлое Христово Воскресеніе" или „на Рождество Христово", т. е. тотъ день, въ который слѣдуетъ по постѣ томъ разговѣнье" (Абев. 293).

Лотыш. „Согласно съ предразсудкомъ *мясо* въ посту слѣдуетъ называть *buге*" (Ульманъ).

„Соболиные промышленники, бывая на сихъ промыслахъ, многихъ вещей неназываютъ своимъ именемъ, чтобы отъ упоминаемой вещи небыло въ ловлѣ несчастья" (Абев. 294).

Арх. *бéзымень*—привидѣніе, двойникъ (во всемъ походитъ на человѣка, но лица неимѣетъ и потому носитъ на головѣ личину). (Подвысоцкій). Нѣтъ ли вѣрованія, что *имя*=душа?

Въ сказкѣ лисица со товарищи попала въ яму: „Сидять день, сидять два, захотілось їмъ їсти. Лисичка й каже: „давайте зъїмо того, у кого погане мня. Лисичка-сестричка—добре, зайчик-Степанчик—добре, вовчик-братік—добре, ведмідь—погане!"— узяли ведмедя и розірвали". (Манжура).

„Многіе полагаютъ, что (словесныя и вещественныя) предзнаменованія великихъ судебъ (событій) измѣняютъ свое значеніе отъ (сопровождающихъ) словъ" [„magnarum rerum fata et ostenta verbis permutari"] „Когда, рывши фундаментъ для храма на Тарпейскомъ холмѣ, нашли человѣческую голову,—по этому поводу послали пословъ къ знаменитѣйшему этрускому предсказателю Олену Калену. Онъ, видя въ этой находкѣ знакъ славнаго и счастливаго будущаго (именно, по Ливію: „eo loco caput rerum summamque imperii fore"), попытался вопросами перенести этотъ знакъ на свой на-

тельно—v. читать „notabiles“—ихъ примѣта то, что...), quod pupillas binas in singulis habeant oculis. Hujus generis et feminas in Scythia, quae Bithyae vocantur, prodit Apollonides. Phylarchus et in Ponto Thibiorum genus, multosque alios ejusdem naturae, quorum notas tradit in altero oculo geminam pupillam, in altero equi effigiem.—(Delusum nonnuli Plinium (vel Phylarchum) ambiguitate graecae vocis ἵππος, quae non equum modo significat, sed et insitum oculo vitium, quo subinde tremulus nictat, semper instabilis).—

Easdem praeterea non posse mergi, ne veste quidem degravatas.... Feminas quidem ubique (повсемѣстно) omnes visu nocere, quae duplices pupillas habeant, Cicero quoque apud nos auctor est. Adeo naturae, quum ferarum morem vescendis humanis visceribus in homine genuisset, gignere etiam in toto corpore et in quorundam oculis quoque venena placuit, ne quid usquam mali esset, quod in homine non esset. (Pl. VII, 2).

Человѣкъ въ врачкѣ—душа. „In oculis animus habitat, Pl. XI 54 уже въ томъ смыслѣ, что въ глазахъ выражаются душевныя движенія). Отсюда: „Augurium ex homine ipso est, non timendi mortem in aegritudine, quamdiu oculorum pupillae imaginem reddant. (Pl. H. N. XXVIII, 17).

Аналогично съ этимъ вѣрованіе, что отсутствіе тѣни—предвѣстіе близкой смерти.

— Если признана двойственность человѣка (самъ и душа), то близко заключеніе, что душа, сущность, подобіе человѣка—во всякомъ его выдѣленіи.

Человѣкъ въ сѣмени: „Venerem damnavit Democritus, ut in qua (venere, во время совокупленія) homo alius exiliret ex homine. (Pl. H. N. XXVIII, 16).

Отъ совокупленія рождается новый человѣкъ. „Equarum virus a coitu in lychnis accensum Anaxilaus prodidit, equinorum capitum usus repraesentare monstrifice; similiter ex asinis. (Pl. H. N. XXVIII, 49). (Если caput equinarum=equus, equa, а *usus*—совокупленіе, то=Анаксилай разсказываетъ, что кобылья слизь послѣ случки, зажженная въ свѣтильникѣ, чудесно представляетъ

конскую случку; тоже относительно ословъ). И далѣе: „Nam hippomanes tantas in veneficio vires habet, ut adfusum aeris mixturae in effigiem equi Olympiae, admotos mares equos ad rabiem coitus agat“ (ib.).

Моча человѣка—двойникъ самого: „In urina virili enecata lacerta venerem ejus (=qui aquam fecerit) inhibet, nam inter amatoria esse (lacertam) magi dicunt“ (Pl. XXX, 43).

„Qui in urinam canis suam ingesserit, dicitur ad venerem pigrior fieri, (ib.).

Мѣсячное—двойникъ самой: „Addunt etiamnum alia magi, quae si vera sint, multo utiliores vitae existumentur ranae, quam leges (именно „de adulteriis“). Namque arundine transfixa natura (sc. pudenda ranae) per os (если очеретиной проткнуть лягущку насквозь, такъ чтобъ очеретина вошла въ половыя части, а вышла ртомъ), si surculus (эта очеретина) in menstruis defigatur a marito, adulterium taedium fieri (то женѣ прелюбодѣяніе будетъ противно). Plin. (XXXII, 18).

Мѣсячное убиваетъ насѣкомыхъ и растенія. (Въ числѣ прочихъ чудесныхъ дѣйствій): „Si nudatae (menstruales) segetem ambiant, erucas ac vermiculos scarabeosque ac noxia alia decidere. Metrodorus Scepsius in Cappadocia inventum prodit ob multitudinem cantharidum. Jre vero per media arva, retectis super clunes vestibus. Alibi servatur, ut nudis pedibus eant, capillo cinctuque dissoluto. Cavendum, ne id oriente sole faciant, *sementem* enim arescere. Item novellas vites ejus (menstrui) tactu in perpetuum laedi, rutam et hederam, res medicatissimas, illico mori.... Certum est, apes, tactis alveariis fugere... [1]) (Pl. XXVIII, 23).

„In primis pracipitur, ut lauti purique eximant mella; et *furem* (ср. наказ. за кражу пчелъ) mulierumque menses (.......) odere, Pl. XI, 15.

„Bithus Durrachenus: habetata adspectu (mulierum, quae profluvio soli laborant) specula recipere nitorem tradit, iisdem aversa

---

[1]) „Уроки нападають на бджолу, як жінка з місячним пройде через пасіку або поуз пасіку“. (Екатерин. губ. Манжура). За пчолами ходять только старыя женщины (въ Мр.).

rursum contuentibus (если посмотрять съ изнанки).... Multi vero inesse etiam remedia tanto malo (ajunt).... Lais et Salpe canum rabiosorum morsus et tertianas quartanasque febres menstruo in lana arietis nigri argenteo brachiali incluso; Diotimus Thebanus—vel omnino vestis ita infectae portiuncula, ac vel licio, bracchiali inserto... Inter omnes vero convenit, si aqua potusque formidetur (=при водобоязни отъ укушенія) a morsu canis, supposita tantum calyci (если подложить подъ чашу) lacinia tali, statim metum eum discuti: videlicet praevalente sympathia illa Graecorum (именно въ силу такъ называемой греками симпатіи), quum rabiem canum ejus sanguinis gustatu incipere dixerimus. (Pl. XXVIII, 23).

Близнецы: „Если они стояли рядомъ, то ихъ нетрудно было отличить: Малахій былъ пониже, похудощавѣе, поблѣднѣе лицомъ; но порознь никто почти ихъ неразличалъ. Народъ утверждалъ, что если хорошенько вглядѣться въ старшаго, въ Ефрема, то за нимъ всегда стоялъ и Малахій; что даже изъ глазъ Ефрема, если въ нихъ пристально всмотрѣться, выглядывалъ на глубинѣ зрачка братъ его Малахій. Эта странная сказка была какъ-то сплетена съ общимъ у насъ народнымъ повѣрьемъ, что въ глубинѣ глаза каждаго человѣка сидитъ другой, почему и самый зрачокъ иногда называется человѣчкомъ". (Даль. Соч. I, 255—6, изд. Вольфа).

„Деньщикъ увѣрялъ, что, стоя въ передней и заглядывая въ двери, онъ видѣлъ.... что близнецы Таганаевы то сходились вмѣстѣ и сплавлялись въ одного человѣка, то опять раздваивались и даже расходились на-трое; что третій близнецъ былъ еще менѣе, сухощавѣе и блѣднѣе второго" ib. 258—9.

На праздникѣ былъ только старшій, но „народная молва утверждала послѣ, что и другой братъ ходилъ всюду слѣдомъ за первымъ, подавалъ ему пистолеты, сажалъ прямо изъ руки пулю въ цѣль, а когда близнецъ убилъ въ летъ кукушку, то народъ увѣрялъ, что какой-то чертенокъ держалъ ее вплоть передъ нимъ, растянувъ за крылья", ib. 273.

— Человѣчекъ въ зрачкѣ—то что видитъ. Поэтому въ заговорѣ отъ бѣльма: „Їхав св. Юрій на вороному коні, на золотому

сідлі, золотою нагайкою погоня. За ним бігло три пси: один білий, другий червоний, третій чорний: білий біжить більма зобати, червоний крови хлоптати, а чорний біжить чоловічка въ око вставляти", (Манж. Куп. у 150).

Хоробрецъ. „Только было встала, чтобъ умываться, такъ и хлобыстнулась на постелю... Я постояла около нихъ маненько, смотрю—точно хоробрецъ у нихъ въ горлышкѣ начинаетъ ходить... (передъ смертью)—Писем. „Въ водоворотѣ").

Собранныя у Плинія (XXVIII, 7) случаи употребленія слюны и сплевыванья, по всей вѣроятности, различны по происхожденію. Мы различаемъ:

I. Случаи, основанные на вѣрѣ въ ядовитость слюны, можетъ быть, связанные съ другими вѣрованіями, но б. м. объяснимые независимо отъ этой связи.

„Hominum... jejunam salivam contra serpentes praesidio esse docuimus..." (выше XXVIII, 7). „Marcion Smyrnaeus... rumpi scolopendras marinas sputo tradit, item rubetas (=ranos); Opilius, serpentes, si quis in hiatum earum exspuat", ib. Ср. „Morsus hominis inter asperrimos... numeratur" (Pl. XXVIII, 8. Однако ср.: „Vipereas rumpo verbis et carmine fauces",(V. Ecl. VIII, 68—сл.).

„Credamus ergo (иронически) lietenas leprasque jejunae (salivae) illitu assiduo arceri [1]); item lippitudines (закисаніе глазъ) matutina quotidie velut inunctione; Carcinomata malo terrae (раст. aristolochia) subacto (смявши съ...) cervicis dolorem saliva jejuni dextra manu ad dextrum poplitem relata, laeva ad sinistrum;....... si quod animal aurem intraverit, et inspuatur, exire (ib.).

— Слюна *ядовита*, она *подобіе* человѣка: „Хто хоче „збавити" (погубить) христіянина, тотъ при круговой выпьетъ чарку водки до дна, потомъ незамѣтно „заверне з рота" немного, дольетъ изъ пляшки до полна и подастъ тому, на кого зло мыслитъ. Если бъ этотъ незамѣтилъ и выпилъ, то черезъ нѣсколько ча-

---

[1]) „Помазать лишай слюнями натощакъ", Даль.

совъ сошелъ бы со свѣта, потому что это сильный ядъ. Разскащикъ говорилъ, что ему разъ дали такую чарку. „Але я дивлю єі, а в тім кілішку на горівці зверхі стало такє, як би трошкі харвів (вібачте), а потім як протігло сі від вирха аж до спода, так стало рівно як стрівка на самій сиридині, а потім зийшло сі до купи и зробила сі голова, руки, ноги, як має бути, и як бим був то ту горівку віпив, та й був-бим уже з світом пожигнав сі“ (Kolb. Рок. III, 136).

Снимая мотокъ съ мотовила, поплевать на него: „Тфу, мотовило, абис голе неходило“—иначе умретъ снявшая мотокъ, и мотовило останется голымъ ib. 150.

Выливая послѣдній укропъ въ „зольницу“, плюнуть въ нее, иначе бѣлье непозолится (не выпарится, какъ слѣдуетъ), ib.

II. (*Случаи образца*)=„Тьфу, слинко, ти ся забий, а я ні. (Тьфу на твою голову!):

„Despuimus comitiales morbos, hoc est contagia regerimus“ (Pl. XXVIII, 7).—Къ этому мѣсту комментаторы: обычай отплевываться отъ болѣзней упоминается у Плавта и др. лат. авторовъ.

Theophrast. in Char. de supersticioso; *μαινόμενον τε ἰδών ἢ ἐπίληπτον, φρίξας εἰς κόλπον πτύσαν*=rabiosum intuens aut comitialem, horrescens in sinum despuit.

„Simili modo et fascinationes repercutimus dextraeque clauditatis (=si quis occurrat dextro pede claudus) occursum. Veniam quoque a deis spei alicujus audacioris petimus *in sinum* spuendo [1]). Etiam eadem ratione (по той же причинѣ) terna despuere praedicatione (при троекратномъ произнесеніи заговора) in omni medicina (при всякомъ лѣченіи, при употребленіи всякаго лѣкарства) mos est atque ita effectus adjuvare.... Inter amuleta est, editae quemque urinae inspuere; similiter in calceamentum dextri pedis, antequam induatur; item, quum quis transeat locum, in quo aliquod periculum adierit... Salpe (лѣкарка) torporem sedari quocunqne membro instupente (когда начинаетъ терпнуть), si quis *in sinum*

---

[1]) Къ этому греческая пословица: „εἰς κόλπον οὐ πτύει“. Ἐπὶ τῶν μεγαλαύχων (о хвастунахъ); spes audacior=spes impoba.

exspuat, aut si superior palpebra saliva tangatur. Nos si haec, et illa credamus rite fieri ; extranei interventu, aut si dormiens spectetur infans a nutrice terna adspui, quamquam illos (infantem et nutricem) religione tutatur et Fascinus (membrum virile collo infantis appensum) imperatorum quoque, non solum infantium custos, qui deus inter sacra romana a Vestalibus colitur, et currus triumphantium snb his pendens, defendit medicus invidiae, (Pl. XXVIII, 7).

In sinum spuere cp.: „Osthanes contra mala medicamenta omnia promisit auxiliari, matutinis horis suam cuique (*urinam*) instillatam in pedem, (ib. 19).

Плевать въ руку, собираясь ударить или взяться за тяжелую работу: „Quidem vero aggravant ictus ante conatum, simili modo saliva in manu ingesta, (ib. 7). Cp. Grimm, Myth. 1056.

Болѣзнь передается вмѣстѣ со слюною: наплевавши въ ротъ древесной лягушки и пустивши ее, человѣкъ освобождается отъ кашля. (Pl. XXXII, 29).

Нынѣшняя медицина понимаетъ подъ зараженіемъ (contagio, infectio) переходъ частицъ больного организма въ здоровый и измѣненія послѣдняго, происшедшія отъ этого перехода. Ослабленный ядъ, привитый здоровому, считается предохранительнымъ средствомъ. Пріемы древней медицины, напоминающіе предохранительную или лѣчебную прививку, основаны на другомъ началѣ: 1) зараженіе есть переходъ души зараженнаго или его душеобразной болѣзни въ здороваго; 2) лѣченіе состоитъ въ приближеніи къ больному (разными способами, между прочимъ наузами, зрѣніемъ) того, отъ чего происходитъ болѣзнь, но по началу „pars pro toto“, вм. яда—что-либо собачье и за укусившую собаку отвѣчаетъ любая особь собачьяго рода, подобно тому, какъ месть простирается на весь родъ виновнаго:

„In canis rabiosi morsu tuetur a pavore aquae, capitis canini cinis illitus vulneri... Aliqui vermem a cadavere canino adalligavere, *menstrua* ve canis in' panno subdidere calici, aut intus ipsius caudae pilos combustos insuere vulneri... Tanta vis mali est ut urina quoque calcata rabiosi canis noceat, maxime holcus habenti-

bus... Minus hoc miretur, qui cogitet, lapidem a cane morsum... in proverbium discordiae venisse" (что объясняютъ такъ, что о сварливомъ говорилось: „hic lapidem calcavit a cane morsum). „Qui in urinam canis suam egesserit torporem lumborum sentire dicunt" (п. ч. потерялъ часть своей души) (Pl. XXIX, 32).

Собачій хвостъ: Ср. Muraenam... animam in cauda habere certum est, eaque icta celerrime exanimari, at capitis ictu difficulter, (Pl. XXXII, 5).

Т. о. вліяніе губки на тѣло объясняется тѣмъ, что она смѣшиваетъ свою душу съ нашею: „Nec usquam (ни въ одномъ существѣ) diutius durare spiritum medici affirmant" (quam in spongiis). „Sic et prodesse corporibus, quia nostro (animo) suum misceant, et ideo magis recentes magisque humidas, sed minus in calida aqua minusque unctas, aut unctis corporibus impositas; et spissas minus adhaerescere" (потому что въ нихъ духа меньше (Pl. XXXI, 47).

Hic lapidem calcavit a cane morsum. Кто хочетъ внести раздоръ въ семью, тотъ высмотритъ, гдѣ грызутся собаки, розженетъ ихъ и возьметъ съ того мѣста немного „персти", примѣшаетъ къ ней „грані" (жару, горящихъ угольевъ—тоже образъ гнѣва), подержитъ это у себя сутки, потомъ „до схід сонці" обсыплетъ этимъ хату, и станетъ въ ней „гризота" межъ людьми, какая была межъ собаками, (Kolb. Pokucie III, 139).

Ѣсть сердце врага (чтобъ боялись)=имѣть при себѣ. Сюда—скальпы. Ср.:

„Cor caninum habentem fugiunt canes. Non latrant vero, lingua canina in calceamento subdita pollici" (Pl. H. N. XXIX, 32).

„Non latrari a cane membranam ex secundis canis habentem (собачій послѣдъ) (Pl. XXX, 53).

„Gallinaceos (куры) non attingi a volpibus, qui jecur animalis ejus (=vulpis) aridum ederint, vel si pellicula ex eo (jecore?) collo inducta galli inierint (если пѣтухи съ кожицей на шеѣ топчутъ куръ). Similia in felle mustelae" (тоже—относительно желчи ласокъ) (Pl. XXVIII, 81).

„Lupos in agrum non accedere, si capti unius pedibus infractis (поломавши ноги) cultroque adacto (ударивши) paulatim sanguis circa fines agri spargatur, atque ipse (lupus) defodiatur in eo loco, ex quo coeperit trahi“, (ib.).

„Mustelae cinis si detur in offa (въ камышкѣ) gallinaceis pulliceneis et columbinis, tutas esse a mustelis“. (Pl. XXX, 50).

Кровь-душа. *'Επιληψία,* morbus comitialis, разсматривается, какъ одно изъ состояній, когда „берется“, отнимается у кого-либо душа. Ср.: „Quos linquit animus aut quorum alienatur mens“. (Pl. XXX, 16)=кто падаетъ въ обморокъ. Отсюда отъ падучей—пить кровь: „Sanguinem quoque gladiatorum bibunt, ut viventibus poculis, comitiales morbi, quod spectare facientes in eadem arena feras quoque horror est. At, hercule, illi ex homine ipso sorbere efficacissimum putant calidum spirantemque, et ipsam *animam* ex osculo vulnerum, quum (между тѣмъ какъ) plagis (къ ранамъ) ne ferarum quidem admoveri ora fas sit humana. Alii medullas crurum quaerunt et cerebrum infantium. Nec pauci apud Graecos singulorum viscerum membrorumque etiam sapores dixere, omnia persequuti ad resegmina unguium, quasi vero sanitas videri possit, feram ex homine fieri morboque dignum in ipsa medicina (какъ будто можно смотрѣть на здоровье, когда человѣкъ становится звѣремъ и достойнымъ болѣзни въ силу самого лѣкарства), egregia, hercule, frustratione, si non prosit (превосходная [иронія] ошибка, если непоможетъ). Adspici humana extra nefas habetur; quid mandi? Quis ista invenit (невѣроятныя вещи?)... Quis invenit singulo membra humana mandere? Qua conjectura inductus? Quam potest medicina ista originem habuisse? Quis veneficio innocentiora effecit, quam remidia? (кто сдѣлалъ, что самые яды невиннѣе лѣкарствъ?). Esto, barbari externique ritus invenerint; etiamne Graeeci suas fecere has artes? Exstant commentationes Democriti, ad alia—noxii hominis (преступника) e capite ossa plus prodesse, ad alia—amici et hospitis. Iam vero vi interempti dente gingivas in dolore scarificari Apollonius efficacissimum scripsit, Miletos—oculorum suffusiones felle hominis sanari. Artemon calvaria interfecti,

neque cremati, propinavit aquam e fonte noctu comitialibus morbis. Ex cadem (calvaria) suspendio interempti (висѣльника) catapotia (пепломъ) fecit contra canis rabiosi morsus Antaeus. Atque etiam quadrupedes (винит.) homines (имен.) sanavere contra inflationes boum". (Pl. XXVIII, 2).

— Сюда сказочные мотивы: змѣй одноголовый, чтобы сладить съ богатыремъ, который его сильнѣе, пьетъ кровь убитыхъ этимъ богатыремъ змѣевъ трехголоваго и двѣнадцатиголоваго (Манжура).

Кто съѣстъ крыльце утки, несущей драгоцѣнныя яйца, становится царемъ или получаетъ способность находить у себя каждое утро подъ подушкой золото. Чтобы присвоить себѣ это свойство, врагъ хочетъ съѣсть печень съѣвшаго утку (ib.).

Сюда—о курицѣ несущей золотыя яйца и жадномъ.

„Sanguis... Magna in eo vitalitatis (жизненности) portio; emissus spiritum secum trahit (Pl. XI, 90).

„Плоти съ душею ея, съ кровью ея, неѣжьте. Я взыщу и вашу кровь, въ которой жизнь ваша, взыщу ее отъ всякаго звѣря, взыщу также душу человѣка отъ руки человѣка, отъ руки брата его" (Быт. IX, 4—5).

„Въсемоу животоу бесловесноумy д҃ша кесть кръвь, рече сътворивъı все Б҃огъ, невела кръве скотиѥ ıасти". (І. Экз. Шестодн. 196, 2). „Чл҃ска бо д҃ша въдоуновена творьцемъ, а скотия и птича—кръвь и плъть кєсть отъ земле и отъ воды" (ib. 136, 3).

Чары на слѣдъ. Слѣдъ есть подобіе, т. е., при господствѣ дуалистическаго міросозерцанія, двойникъ вещи, самъ вещественный. Отсюда чары на дернъ, вырѣзанный изъ-подъ ноги, на слѣдъ.

„Clavum ferreum defigere (забить), in quo loco caput primum defixerit (куда впервые упала голова) corruens morbo comitiali, absolutorium ejus mali dicitur". (Pl. M. N. XXVIII, 17). Т. о. по нѣмецкому повѣрью, если забить гвоздь въ свѣжій слѣдъ лошадинаго копыта, то лошадь охромѣетъ. (Gr. Myth.[2] 1047).

— Болѣзнь—двойникъ, а такъ какъ часть раздѣляетъ свойства цѣлаго, то она можетъ перейти въ обрѣзки ногтей и проч. и быть удалена вмѣстѣ съ ними:

„Ex homine si quidem resegmina unguium e pedibus manibusque cera permixta, ita ut dicatur tertianae vel quotidianae vel quartanae febri remedium quaeri, ante solis ortum alienae januae affigi jubent, ad remedia in iis morbis; quanta vanitate, si falsum est? quantane e noxia, si transferunt morbos? Innocentiores ex his (= которые совѣтуютъ такія средства) omnium digitorum resegmina unguium ad cavernas formicarum abjici jubent, eamque quae prima coeperit habere correptam subnecti collo (= similia similibus), ita discuti morbum (Pl. XXVIII, 23).

— Когда выйлет парубок изъ хаты дівка бере „того сліда" и бросаетъ его „w bieguny drzwi" или завѣсы, чтобы онъ бѣгалъ за нею, какъ бѣгаютъ двери на бѣгунахъ (Kolb. Pok. III, 141).

Для излѣченія ребенка отъ испуга, просверливаютъ въ дверной притолокѣ на высотѣ роста ребенка дырочку, срѣзываютъ у больного на крестъ нѣсколько волосковъ, обрѣзываютъ у него на рукахъ и на ногахъ ногти, кладутъ волосы и ногти въ дырочку и забиваютъ ее осиновымъ колышкомъ. Когда дитя переростетъ дырочку, испугъ пройдетъ (П. Ивановъ, Куп. у.).

Аѳ. Ск. II, № 29—„Царевичъ-козленочекъ", ib. IV, № 45: „Сестрица Аленушка и братецъ Иванушка".—Бѣгутъ (откуда-то спасаясь) сестра съ маленькимъ братомъ. „Стоитъ коровье копытце полно водицы. „Сестрица Аленушка, хлебну я изъ копытца?"— Не пей, братецъ, теленочкомъ скинешься". Дальше лошадиное копытце.—Не пей, жеребеночкомъ станешь. Далѣе „баранье копытце". Онъ выпилъ и обернулся баранчикомъ. Тамъ же вар. Оленушка: „Охъ, братецъ.... я кольчико-то забыла въ землянкѣ (у Яги) на окошечкѣ; поди возьми, да смотри, нелижи козлинаго сальца, что на лавочкѣ лежитъ". Онъ лизнулъ и сдѣлался козломъ.

— Романовъ, Бр. сб. в. III, № 47—два варіанта превращенія въ барана: отъ туку змѣя (?), и отъ воды изъ бараньяго копытца.

— Н. Беговић, С. н. п. I, стр. 54 и сл. (№ 32)—Королевскія дѣти, старшая сестра и меньшій братъ, взяты въ плѣнъ турками и бѣгутъ изъ Цареграда, безъ хлѣба:

— „Налазили стопу од тичице
И у стопи нешто воде било.
Жеђан Миле (Михаилъ) сеји говорио:
„Ено сестро лађане водице,
Оћу пити или умирати!“....
— Не мој брате, жарко сунце моје,
Створићеш се у малу тичицу;
Свагда ј' ова гора виловита.
Што би твоја без тебе сестрица?
Јашу даље, гором напредују
Па налазе волујску стопицу,
У стопици лађане водице.
Опять сестра:
Створитеш се у малог вочица“.

Этимъ мотивомъ пѣсня воспользовалась только для изображенія трудностей пути. Затѣмъ они выѣзжаютъ на поле къ женцамъ и королевому двору. Король на радостяхъ между прочимъ строитъ церковь „на Кремеку“.

Мертвое тѣло сохраняетъ свойства живого:

„Списокъ съ явленія чюдотворца Василія Монгазейскаго города“ (XVII в. Пам. др. письм. LXXIX, 1889 г., 15—6):

„И бысть отъ чюдотворцова гроба гласъ мнѣ многогрѣшному чернцу глаголющъ: „досмотри ты меня нынѣ во гробу моемъ, что положили мя мучена съ наруганіемъ всего скорчена, и глава моя преклонена въ углу отъ полуденныя страны къ лѣвому плещу, да отъ сѣверныя страны нижняя доска гробовая отсѣла на землю накось, а отъ полуденныя страны у тое доски край высокъ, да отъ сѣверныя же страны что долгая доска раскололась, и та пала на нозѣ мои, и мнѣ нынѣ гораздо нужно и скорбно, лежать немочно отъ таковаго истеснѣнія въ томъ моемъ гробу“.

— *Шапка - голова.* (Юридическій обычай шапки приставлять)—„Шапки негодиться вертіти на руці: голова болітиме„ (Куп. у. Харьк. губ.)—„Жінці негодиться надівати шапки: коса неростиме“ (ib.).

Познаніе міра есть вмѣстѣ познаніе нашего *я*. Чтобы дойти до понятія о нашемъ *я*, какъ измѣнчивомъ *явленіи*, нуженъ длинный извилистый путь, моменты котораго суть вмѣстѣ моменты міросозерцанія. Путь этотъ можно представить спиралью, идущею отъ центра. Мѣрило всему есть человѣкъ, т. е. его наблюденія надъ собою. Понятія о причинахъ явленій внѣшней природы есть перенесеніе во внѣ и приспособленіе наблюденій надъ причинами въ области личной жизни, въ области *я*, а *я* познаетъ себя въ своихъ внѣшнихъ обнаруженіяхъ.

Рядъ наблюденій и опытовъ надъ этими обнаруженіями неизбѣжно (какъ показываетъ распространенность, всеобщность этого явленія) приводитъ человѣка къ сознанію двойственности и тройственности своего существа, къ раздѣленію себя на *себя* (человѣка) и двойника, тѣнь, душу, долю (ангела-генія). Таковы наблюденія:

1) надъ *тѣнью* (откуда—названіе душъ тѣнями, греч. *σκιή*), Спенс., Осн. соц. I, 128—30. Если тѣнь = душа, то понятнымъ становится: „Magi vetant ejus (urinae) causa contra solem lunamque nudari, aut umbram cujusquam ab ipso respergi“ (Pl. H. N. XXVIII, 19);

2) надъ *отраженіемъ въ водѣ* (фиджійцы вѣрятъ, что у человѣка два духа: темный—тѣнь и свѣтлый, Спенс. ib. 131—2);—*въ зрачкѣ* (человѣчекъ);

3) надъ *эхомъ* (ib. 133—вѣрованія нѣкоторыхъ американскихъ народовъ, что это—голосъ духа умершаго);

4) надъ *сновидѣніями*, когда человѣкъ, оставаясь неподвижнымъ и съ закрытыми глазами, видитъ и слышитъ отдаленное и прошедшее, имѣетъ свиданія съ умершими и т. п. (ib. 146 и слѣд.) [1]);

[1]) „Слабыя состоянія сознанія, которыя днемъ затемняются живыми состояніями сознанія, становятся навязчивы ночью, когда глаза закрыты и другія чувства притуплены. Тогда субъективныя дѣятельности ясно открываются передъ нами, какъ звѣзды при отсутствіи солнца“ (ib. 156).

5) надъ *болѣзненными состояніями*, когда нѣкоторыя функціи, какъ дыханіе, сердцебіеніе, временно превращаются, каковы столбнякъ, обморокъ, летаргія (сказанія о замиравшихъ), экстазъ (когда человѣкъ выходитъ изъ себя), восторгъ (ib. 158 и слѣд.). Отсюда представленіе души—дыханіемъ, воздухомъ, сердцемъ (ib. 190—3).

Въ силу упомянутой выше конкретности мышленія, первоначально такое раздвоеніе человѣческаго существа есть механическое дробленіе, такъ что напр. по смерти часть жизни остается при тѣлѣ, оно способно чувствовать тяжесть земли, ѣсть, пить и т. п., а двойникъ—душа отходящая къ отцамъ представляется чѣмъ-то тѣлеснымъ (человѣчкомъ и т. п.), стало быть, въ свою очередь раздѣлимымъ на тѣло и душу. И если такое дробленіе непродолжается въ безконечность, и если напр. у нѣкоторыхъ дикарей, полагающихъ, что нѣкоторыя души умершихъ съѣдаются богами, не возникаетъ вопросъ о судьбѣ этихъ съѣденныхъ душъ, то это объясняется лишь тѣмъ, что мысль первобытнаго человѣка скоро устаетъ на этомъ пути (Спенс. ib. 117) [1].

Далѣе установленіе разницы между *я* и его болѣе тонкою сущностью (ib. 196—7); по мѣрѣ установленія двойственности вещей происходитъ и отвлеченіе, ибо во второй болѣе тонкой половинѣ вещей недостаетъ нѣкоторыхъ признаковъ первой.

Первобытный человѣкъ, какъ и высшія животныя, первоначально несмѣшиваетъ живого, движущагося съ неживымъ (Сп. ib. 143—5), вѣрованіе въ души растеній и неодушевленныхъ предметовъ достигается лишь на извѣстной ступени развитія и есть умозаключеніе отъ человѣческихъ тѣней и душъ (ib. 145, 155, 192—5).

Т. о. въ силу заключенія отъ ближайшихъ къ человѣку явленій, какъ тѣнь и движеніе, по мѣрѣ расширенія круга на-

[1]) „Повѣрите ли, говаривалъ Романъ Тихоновичъ, въ прежнее время были такіе силачи, что ввернетъ кольцо въ землю и вертитъ ее около себя?“ Мы неспоримъ, возражали товарищи, потому что увѣрены, „нельзя того выдумать, чего небыло прежде“. Но на чемъ же стоялъ тотъ человѣкъ, который землю вертѣлъ около себя?—„Ужъ на чемъ же нибудь стоялъ“, такъ утверждалъ Р. Т. недовольный возраженіями....“ нельзя нестоять особо на чемъ, когда землю вертѣть. Да такой сильный человѣкъ и безъ насъ выдумаетъ, на чемъ стать ему“ (Кв.² III, 272).

блюденій, міръ представляется вдвойнѣ, какъ здѣшній и тамошній. (Отраженіе неба въ водѣ, захожденіе и восхожденіе свѣтилъ).— Это—симметрическое построеніе міра, параллелизмъ міросозерцанія.

Возвращаюсь къ значенію изображеній. Человѣкъ, который долженъ приписывать жизнь своей тѣни, неможетъ неприписать ее своему изображенію. Дальнѣйшимъ развитіемъ этого является поклоненіе изображеніямъ предковъ и боговъ (идолопоклонство); вѣрованіе, что изображеніе отнимаетъ часть жизни у оригинала (Сп. I, 336), и что власть надъ изображеніемъ даетъ власть надъ изображеннымъ, откуда чары надъ изображеніемъ, сдѣланнымъ изъ глины, воску и пр. [1]), надъ портретомъ (ib. 261, 263, 336).

„Краснокожіе думаютъ, что художникъ пріобрѣтаетъ какую-то таинственную власть надъ тѣмъ, кого срисовываетъ. Чѣмъ болѣе портретъ сходенъ съ оригиналомъ, тѣмъ хуже, потому что такое сходство можетъ быть достигнуто только въ ущербъ оригиналу.... Оригиналъ долженъ будетъ пострадать, если нанесенъ будетъ вредъ портрету. Нѣкто Кетлинъ разсказываетъ, что онъ нарисовалъ Махрочигу, вождя изъ племени Сіу въ профиль. Индіецъ „Собака" сказалъ М—ѣ: „Англичанинъ знаетъ, что ты получеловѣкъ, потому что нарисовалъ половину твоего лица". Эта насмѣшка вызвала поединокъ, въ коемъ Макрочига палъ. Пуля оторвала именно часть лица, которой недоставало на портретѣ. Вслѣдствіе этого „Собака" и его братъ убиты, а Кетлину едва удалось спастись бѣгствомъ (Леббокъ, Доист. врем., М. 1876 г. 473).

„Увѣряли, будто каждый человѣкъ, съ кого близнецы (Таганаевы) снимали (дагерротипный) портретъ, непремѣнно заболѣвалъ и приводили этому множество примѣровъ, по которымъ, конечно, невсегда можно было наводить справки"....

Одна приживалка говорила: „вѣдь это дѣло богопротивное: поличія человѣческаго, кромѣ ликовъ святыхъ, писать нельзя, да

[1]) Чары—извѣстные уже древнимъ (Өеокриту, Виргилію, Горацію) и идущія почти до нашего времени (Grim. Myth.[2] 1045—7). Вмѣсто воскового изображенія можетъ служить восковая *свѣча*, отождествляемая посредствомъ слова съ лицомъ, которое чаруютъ („О нѣкр. симв." 32—3). Эти чары, какъ поэтическіе образы, вошли въ христіанскую молитву („Яко исчезаетъ дымъ да исчезнутъ, яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да исчезнутъ бѣсы отъ лица любящихъ Бога").

и не съ добрымъ умысломъ это дѣлается. Надъ поличьемъ твоимъ, все одно, что надъ слѣдкомъ, либо надъ волосками, коли худой человѣкъ что худое задумаетъ—сдѣлаетъ. У насъ въ Богородскомъ уѣздѣ.... разъѣзжалъ какой-то фармасонъ.... настоящій и въ бѣлой пуховой круглой шляпѣ. Разъѣзжаетъ себѣ, словно добрый какой, а самъ въ свою вѣру обращаетъ и много даритъ золотомъ за то, а еще больше сулитъ впередъ. Вотъ кто согласится, того и закабалитъ себѣ и запишетъ въ книгу свою.... да поличіе съ него и сыметъ: таки словно живой сидитъ, весь тутъ, только что въ бѣлой шляпѣ напишетъ; да еще развѣ вотъ, что души нѣтъ: а привяжетъ и душу. Запишетъ и денегъ дастъ, а поличіе увезетъ съ собой; а какъ только кто опять откинется отъ фармасонской вѣры, да покается, такъ онъ.... поличіе-то поставитъ, а самъ бѣлую шляпу опять на себя надѣнетъ да изъ пистолета ему бѣлу грудь и прострѣлитъ; какъ прострѣлитъ, такъ тотъ человѣкъ хоть за тысячу верстъ будь, Богу душу и отдастъ“ (Даль, Соч. I, 281—2). *Куколка куку* въ сказкѣ.

„Тешко сеји, која браца нема
До л' га вије од зелене свиле
Руке међе гране босиљкове
А очице мале трњинице
Обрвице с мора пијавице.
Ал' говори лијепа ђевојка:
„Проговарај, да мој мио брацо!
Мене просе двоји троји просци:
Једни просе у валено благо
Други просе у племе велико
Трећи просе за добра јунака“.
Проговара да мој мио брацо:
„Не ид', сејо у хваљено благо,
Враг ће доћи, однијети благо
Нейд сејо у племе велико:
Племе ће се вришко разродити.

До л' ти аjде за добра jунака:
Добар jунак добро до виjека".
(Раjковић, С. н. п. 82—3).

— Мати моjа мати, Де тебе узяти. 9 братьевъ родныхъ и 9 двоюродныхъ выдаютъ сестру далеко замужъ, обѣщая часто навѣщать. Прошло 5 лѣтъ—ни одного небывало. Тогда она:

Аjоj мени до Бога милога,
Ал' ти jесам Богу згриjешила
Никог' нема ни жива ни мертва!"
Она иде у топлу одаjу
Па jе девет лутак' направила,
Своjе браће имена им дала,
Опет девет лутак' направила
Имена им стричевић' надjели;
Постави им софру и трпезу
На трпезу сваку ђакониjу:
Редом им jе вино додавала.
То се Богу врло ражалило
(Jер. приjе су брађа сва помрла).
Те онъ шаље на земљу анђела...
Па он диже умрла Іована (—старш.—):
„Аjде, Іово, секи у походе...

Онъ приходитъ, сестра провожаетъ его до дому, которымъ называется гробъ. (Давидовић, С. н. п. из Босне, 10 и слѣд.).

„Везак везе Ружица ђевоjка...
Своjиjем се везом разговора...
(Беговић, С, н. п. из Лике I, 33)—млр. „беле моя".

О идолопоклонствѣ въ XVIII ст.—Посошковъ (нач. XVIII в.).

Священнику слѣдуетъ спрашивать передъ исповѣдью хотящаго исповѣдаться: „како почитаешь святыя иконы, или не называетъ ли написаннаго или изваяннаго образа Христова Богомъ? и съ каковымъ намѣреніемъ передъ иконами молится, мысль свою

родъ. Палкою очертивши передъ собою на землѣ изображеніе храма, онъ сказалъ: „Итакъ вы говорите, Римляне, что *здѣсь* будетъ храмъ Iovis optimi maximi? Здѣсь мы нашли голову?“ — И судьба Рима, по единогласному свидѣтельству лѣтописей, перешла бы къ Этруріи, если бы римскіе послы, предупрежденные (—увѣдомленные) сыномъ прорицателя, неотвѣтили: „совсѣмъ не здѣсь, говоримъ мы, а въ Римѣ найдена голова“.

„Тоже, говорятъ, случилось, когда четверка коней изъ глины, которую готовили (по заказу въ Этруріи) для вершины того же храма, выросла въ печи.—Это предсказаніе (величія Рима) подобнымъ же образомъ удержано (за Римомъ). Этого довольно, чтобы показать на примѣрахъ, что сила заклятій—въ нашей власти: на сколько знаменіе принимается, столько въ немъ и силы. По крайней мѣрѣ въ ученіи аугуровъ стоитъ прочно, что и дурное и всякое предзнаменованіе неотносится къ тѣмъ, кто, приступая къ дѣлу, заявитъ, что незамѣчаетъ этихъ предзнаменованій. Какой даръ Божіей милости важнѣе этого?“ (Plin. H. N. XXVIII, 4).

„Jncendia inter epulas nominata, aquis sub mensas profusis abominamur“ (ib. XXVIII, 5).

Отеп—случайное слово склоняетъ намѣреніе:

Романъ Тихоновичъ ждетъ рѣшенія судьбы, опредѣляться ли ему въ военную службу, смотритъ на входящій полкъ и думаетъ: „что если бы судьба захотѣла, чтобы я опредѣлился?“

„Какъ при этой мысли Кирюшка (слуга), дергая его за рукавъ, говоритъ: „А что, панычъ! Вотъ бы вамъ пойти въ эту службу...“ Въ этихъ словахъ Романъ Тихоновичъ призналъ велѣніе судьбы... Не просто, а именно по велѣнію судьбы, въ чемъ былъ твердо увѣренъ Романъ Тихоновичъ, встрѣчались ему одни солдаты, отставшіе отъ полка и поспѣвавшіе въ городъ. Все это болѣе утверждало его въ мысли, что „пришло его время“. (Кв.[2] III, 263).

— *Слово—дѣло* (правити – дѣяти)—*Лѣчила*—(балій, врачъ, Бусл. Оч. I).

— *Правда—судъ*: „Отишао на истину"—умеръ, пошелъ на судъ, (Кар. Посл. 243)—Ср. „право ћу ти казати, као да ћу умријети" (ib. 258).

— *Слово—двойникъ вещи*, и отсюда—*вѣра* въ способность слова въ заговорахъ и молитвахъ производить самыя вещи или состоянія; вѣра въ такую же способность случайно произнесеннаго слова.

Отсюда—непроизносить настоящихъ именъ враждебныхъ существъ (*эвфемизмъ*):

Умереть—„ad mentionem defunctorum testamur memoriam eorum a nobis non sollicitari". Pl. H. N. XXVIII, 5.

„*Ῥωμαῖοι*, inquit Plutarchus in Cicerone, *μὴ βουλόμενοι δυσφημεῖν, ἐξιέναι λέγουσιν, τὸ τεθνάναι*. Dixerunt et Graeci *ταύτης τῆς εὐφημίας χάριν, ἀποίχεσθαι*, quemadmodum latini *abire*, de eo qui obiisset, vixit... Graecis etiam qui vita migraverunt, *μακαρῖται* dicuntur, bonae scaevae omine, et *πλειότες* potius quam *νεκροί*, unde—*πολυάδριον* sepulcretum (Примѣч. къ этому мѣсту Плинія).

Русс.—„*Переставиться*, побывшиться (Востоковъ=лат. vixit), *скончаться*, (серб. *путовати*); *покойникъ, усопшій, отшедшій*, вр. обл. родитель, *жмурикъ*. Мр. „Небіжчик, небіжка" (въ противоположность лат. *felices*—блаженные, блаженной памяти); гробъ—*домовина, соснова хата.*

„*Прѣставити*", entrücken (о перемѣщеніи съ сего свѣта на другой)—„И угоди Енох Б҃ви, и необрѣташеся, зане престави его Бъ" (XVI в. Попов. Обз. Хр. I, 7); „ѥгда пакы Господь Богъ повелить ми отъ свѣта сего прѣставитися и прити къ тобѣ" (Ж. Θеод. У. З. II, 2, 191).

Преставиться=умереть:

„Тако ти се преселио Вуче,
Бог му дао души спасеније! (Кар. С. п. IV, 12).

„Кад то чуо Танак Осман-ага,
Удари се руком по кољену;
Нова чоха на кольену пуче:
Iао њему до Бога милога!

Прим. Кар.: „*њему* мјесто *мене* или *мени* каже *пјевач* за то, као да се њеби примијенило *њему*. Тако се у оваквијем догаћајима и у говору може чути" (Кар. с. п. III, 248).

„Гледај, мајко, пребијеле дворе...
А ја одох бијелој Удбињи,
Нема мени рока ни погледа;
Ни *се кари*, моја мила мајко,
Док не видиш мене код мог двора" (ib. 131),

Вечеромъ невспоминать мертвыхъ, немолиться за нихъ, чтобъ „несними сі", непривиждували сі", что вредно для здоровья (Kolb. Pok. III, 156).

Чтобы покупаемое лѣкарство и вообще вещь, имѣющая таинственную силу, сохранила эту силу, нужно покупать, неторгуясь. Кв.[2] III 274 (Плиній).

Εὐφημισμός (Wackernagel „Poetik"): *Εὐμενίδες*—милостивыя, вмѣсто Ериннiй; вмѣсто *νύξ—εὐφρόνη*, доброжелательная; *ядовитый молочай—εὐφόρβιον*, хорошая пища, bona herba (*φορβή*); *εὐώνυμος* вм. *ἀριστερός*—лѣвый, такъ напр. у Ксенофонта при *δεξιόν* и *μέσον*—правое крыло войска и центръ, не *ἀριστερόν*, а *εὐώνυμον* [1]) *κέρας*, во избѣжаніе названія, которое хотя, быть можетъ, само есть эвфемизмъ (если отъ *ἄριστος*), но получило значеніе—неблагопріятный, предвѣщающій несчастье (—отъ гаданій) [2]). Такъ *sinister*—лѣвый, неблагопріятный, вредный,—откуда фр. sinistré только *зловѣщій* пагубный. Ср. лотыш. *laba* rôка—правая рука.

Какъ эвфемистическія проклятія (въ родѣ: „ну тебя къ Богу, штобъ ты сказнился — вм. „сказился"), греки употребляли *εἰς ὀλβίαν*, *εἰς μακαρίαν*, какъ въ др. нѣм. *saelic* встрѣчается въ смы-

---

[1]) Εὐώνυμος verrucosus тоже эвфемизмъ, такъ какъ это растеніе считалось несчастнымъ, вѣроятно, потому, что его цвѣтъ и плодъ (мр. „сороче око") считались смертельнымъ ядомъ для животныхъ (Pl. XIII, 38).

[2]) „Вдругъ увидя
На небѣ съ лѣвой стороны
Младой двурогій ликъ луны,
Она дрожала и блѣднѣла.
(Евг. Онѣг. V, 5 –6).

слѣ verwünscht. Даже самыя слова *εὔφημος*, *εὐφημία* употребляются эвфемистически вмѣсто *δύσφημος*, *δυσφημία* въ тѣхъ случаяхъ, когда опасались дурного предзнаменованія.

На эвфемизмѣ основано лат. *Parcae*—щадящія, для безпощадныхъ богинь смерти. По Прокопію (Bell. Gotth. 1, 16), городъ Maleventum во избѣжаніе omen переименованъ въ Beneventum.

Въ XVI в. у нѣмцевъ волкъ назывался Hölzing.

Шведы называютъ лису (fuchs)—waldgäuger; wolf—goldbein; bär—süssfass,—и, быть можетъ, собственныя имена Reinhart, Isengrin, Braun возникли не изъ эпическаго стремленія къ названію животныхъ человѣческими именами, но изъ страха употреблять собственное названіе" (Wackernag. 534, со ссылкою на Kl. Schrift. 2,214).

„Ein altes beispiel von höflichkeitseuphemismus findet sich schon in der sanctgallischen Rhetorik: Item per contrarium intelliguntur sententiae ut in suetudine latinorum interrogantibus: „quaesivit nos aliquis?" respondetur „bona fortuna", i. Hel unde salida, et intelligitur „nemo", quod durum esset, i. unminnesam ze sprechenne". Similiter teutonice postulantibus obsonia promittimus sic: „alles liebes genuoge", et intelligitur per contrarium propter gravitatem vocis.—T. o. *hina wesan* употребляется вмѣсто sterben, *hinafart*, вм. Tod. Въ просторѣчіи эвфемизмъ, соединяясь съ игрою словъ, обходитъ собственное выраженіе, незамѣняя его противоположнымъ. Такъ проклятія и ругательства сохраняютъ отъ собственнаго слова только часть. Такъ вм. sacrament — *sapperment*; вм. *sapperment*—*sappermost*; вм. Herr Iesus—*Her Ie*, *Her Iegerle*; вм. Gottes Wetter, Gotts leichnam, Gotts Blitz—Potz wetter, Potz leichnam, Potz blitz; вм. Gottes Teufel—*Potz tausend*; вм. der Teufel—der Tausend.—фр. *diantre* вм. diable, *morbleu* вм. mort Dieu, *corbleu* вм. corps Dieu". (Wackernag. 2 изд. 535).

Гроза—„Божья благодать" (Арх. Подв.), „Божья милость" (Даль, Посл. 1036).

„Богдай тебя" (Бусл. Оч. I, 196).—Тамъ же—названія для нечистой силы. *Игрецъ*—не эвфемизмъ.

„Зашао па не изишао!“ Кажу да одговори сунце, кад му ко рече да је зашло; а кад му се рече да је сјело, оно одговори: „сјео па неустао! „Него му ваља казати: „смирило се“, па онда и оно одговори: „смирио се и ти!“ (Кар. Посл. 87).

— Иконъ непокупаютъ, а мѣняютъ. (Фонв. Простакова-Милону)).

„Нут ти *бору*, моја мила мајко“. (Кар. п. I, 242).
„Неумри синко, за бора!“ (ib. 418).
„Хоћу, борме“ (ib. 514).
„Теби бору, дите Николица!
Која ти је голема невоља“ (ib. 594).

Увлеченіе книжною поэзіей, иногда вмѣстѣ съ увлеченіемъ иностранною культурой, порождало презрѣніе къ окружающей дѣйствительности и стремленіе скрашивать ее названіями. Такимъ образомъ возникаетъ pruderie въ употребленіи словъ, между прочимъ личныхъ собственныхъ.

Пушкинъ замѣчаетъ: „Сладкозвучнѣйшія греческія имена, каковы напр. Агаѳонъ, Филатъ, Ѳедора, Ѳекла и проч. употребляются у насъ только между простолюдинами“ (Он. II, XXIV).

Такимъ образомъ къ непонятному иностранному имени пристаютъ извѣстныя вульгарныя черты, которыя, при миѳическомъ образѣ мышленія, переносятся на обозначаемое. Поэтому Пушкинъ считаетъ нужнымъ оговорить то, что героиню своего романа онъ называетъ Татьяной:

Ея сестра звалась Татьяна...
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы *своевольно* [1]) освятимъ.
И чтожъ? Оно пріятно, звучно,
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины.
Иль дѣвичьей.

---

[1]) Наперекоръ вкусамъ общества.

Мы всѣ должны
Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщеніе непристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство, больше ничего.
(Он. II, 24).

Экзальтированныя дѣвицы и дамы въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, отчасти и до нашего времени, называютъ подругъ, отчасти и женскую прислугу „облагороженными“ на французскій ладъ именами:

Мать Татьяны:

„Бывало писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала *Полиною Прасковью*
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій
И русскій Н какъ *N французскій*
Произносить умѣла въ носъ;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла; *стала звать*
Акулькой прежнюю Селину
И обновила наконецъ
На ватѣ шлафоръ и чепецъ“ (Он. II, 33).

Весьма вѣрно то, что вмѣстѣ съ эвфемизмомъ рѣчи забрасывались и другія привычки, какъ корсетъ и т. п. Старыя воззрѣнія вспоминались при встрѣчахъ со старыми знакомыми:

„Княжна, mon ange!“ — Pachette! „Алина!“
Кто бъ могъ подумать? Какъ давно!
На долго ль? Милая кузина,
Садись! Какъ это мудрено!

Ей Богу, сцена изъ романа!....
.... Кузина, помнишь Грандисона?“
— Какъ Грандисонъ?... а, Грандисонъ!
Да, помню, помню. Гдѣ же онъ? —
— Въ Москвѣ, живетъ у Симеона;
Меня въ сочельникъ навѣстилъ,
Недавно сына онъ женилъ“ (Он. VII, 41).

Барышня, гадающая объ имени жениха, должна быть непріятно поражена его вульгарнымъ именемъ, хотя никакого другого и нельзя было услышать:

Чу, снѣгъ хруститъ... прохожій; дѣва
Къ нему *на цыпочкахъ* летитъ
И голособъ ея звучитъ
Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
„Какъ ваше имя?“ Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ: „Агаѳонъ!“ (Он. V, 9).

Звать Акульку Селиной—это баловство простительное барышнѣ; но поэту серіозные люди непрощали подобнаго баловства, можетъ быть, потому, что видѣли въ немъ попытку подорвать существовавшія общественныя отношенія. Къ стихамъ:

„Въ избушкѣ, распѣвая, *дѣва*
Прядетъ, и зимнихъ другъ ночей
Трещитъ лучина передъ ней“ (Он. IV, 41).

Пушкинъ замѣчаетъ:

„Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать *дѣвою* простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни немного ниже названы дѣвчонками“. — Именно „наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола“ (т. е. благородныхъ дамъ и дѣвицъ) „сильно осуждали неприличіе стиха“:

Какая радость: будетъ балъ!
Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ (Он. V, 28).

При раздѣленіи классовъ общества и по языку, самые звуки рѣчи высшаго класса считаются обязательнымъ эвфемизмомъ, и наоборотъ, звуки простонародной рѣчи представляются оскорбляю-

щими приличія. — Вотъ картинка, списанная съ натуры (Газ. „Трудъ“ 1881 г. Авг.):

Въ оперѣ дѣвица, обращаясь къ другой, говоритъ о пѣвцѣ: „Ой моя матінко! Як він пищить, як верещить!“—Офицеръ (обращаясь къ другому): „ха-ха, ха! пищить! верещить! И это въ публичномъ мѣстѣ!“

Отсюда считается неприличнымъ духовныхъ и высокопоставленныхъ лицъ звать именемъ, какъ оно въ просторѣчіи: напр. Осипомъ, Алексѣемъ, Сергѣемъ, а не Іосифомъ, Алексіемъ, Сергіемъ.

Есть одна малочисленная раціоналистическая и соціяльно-ортодоксальная русская секта, названная „ненашими“ на томъ основаніи, что послѣдователи ея противопоставляютъ себя господствующимъ мнѣніямъ и учрежденіямъ и говорятъ напр.: „въ волость непойду“ (волость значитъ—власть); „власть то ваша, а я не вашъ и власти вашей надъ собой непризнаю“.(Впер. 1874 г. III, 162 сл.).—Въ числѣ ихъ особенностей отмѣчена слѣдующая:

„Они тщательно избѣгаютъ употребленія многихъ обыкновенныхъ словъ, замѣняя ихъ различными синонимами. „Ненашъ“ напр. нескажетъ *спать*, а *отдыхать*. Онъ не *пьетъ* и не *ѣстъ*, а кушаетъ. Онъ употребляетъ не *чай*, а *китайскую травку*. *Отецъ* у него—*корень*, *дѣти*—*отростки*, *жена*—*подруга* и т. п. Себя онъ низачто нехочетъ назвать *человѣкомъ*, выводя изъ писаній, что человѣкъ есть *ложь*, а они считаютъ себя поборниками правды и истины...

Эти люди выработались изъ сектантовъ, помѣшанныхъ на схоластическомъ анализѣ писаній, на анализѣ словъ. Они придаютъ огромное значеніе *слову*. „Гдѣ слово тамъ и дѣло“, говорятъ они. Всѣ ихъ убѣжденія добыты главнымъ образомъ изъ логическаго и филологическаго анализа духовной литературы да изъ обдумыванія самыхъ элементарныхъ фактовъ изъ области естественныхъ и соціальныхъ наукъ. Отсюда та важность, которую они придаютъ чисто словеснымъ различіямъ. Отсюда же, убѣжденіе, будто словесныя аналогіи всегда указываютъ на реальныя анало-

гіи. Льюисъ говоритъ гдѣ-то, что нѣкоторыя заблужденія Аристотеля зависѣли отъ того, что будучи грекомъ, знавшимъ и изучившимъ только свой языкъ, никогда несравнивая его съ другими, онъ воображалъ иной разъ, что аналогіи между словами указывали и на аналогіи между реальностями, обозначавшимися этими двумя словами. Нѣчто подобное видно и у „ненашихъ“. Напр. „Я *чая* неупотребляю, чай то вашъ. Вы *чаете* воскресенія мертвыхъ; вы *чаете* себѣ великихъ и богатыхъ милостей. А я ни отъ кого и ничего себѣ не *чаю* и *чая* вашего непризнаю“.—„Я *непьмъ* и *непью*. Это вы *ѣдите* другъ друга и *пьете* кровь изъ ближняго; вы *пьете* водку; кто пьетъ, тотъ пьянъ живетъ, а я *кушаю*“.—Или „кто *спитъ*, тотъ проспитъ, а я *отдыхаю*“. *Чортъ*—это человѣкъ который *чертитъ*.

„Ненаши“ признаютъ духъ отдѣльный отъ тѣла... „Ненашинъ“ плохо различаетъ разницу между *предвидѣть* умомъ и *провидѣть* духомъ. Они думаютъ, что *духъ*, отказавшійся отъ *вѣры*, закона, обычая, отъ всего навязаннаго ему извнѣ и очистившій себя долгой практикой разумной и доброй нравственности, способенъ ясно видѣть будущее... Въ особенности ясно видитъ духъ добраго человѣка, когда онъ бываетъ свободенъ отъ тѣлесныхъ оковъ т. е. во снѣ. Онъ даже неговоритъ: „я видѣлъ во снѣ“, а просто: „я видѣлъ то-то“, точно дѣло было на яву. Онъ признаетъ только символическое толкованіе Св. Писанія, притчами указывающаго на нынѣ существующіе порядки на *землѣ*.

„Выросши въ сектантской средѣ, гдѣ религія составляетъ еще живой элементъ проницающій собою всю жизнь и окрашивающій въ свой цвѣтъ всѣ соціальные продукты, Ш. думаетъ, что и политическій и соціальный строй Россіи находится въ той же гармоніи съ государственной религіей;—что напр. религіозно-нравственныя идеи проникаютъ черезъ весь государственно-соціальный строй, отражаясь повсюду въ самыхъ мелкихъ правительственныхъ формахъ и общественныхъ обычаяхъ. Поэтому во всемъ: въ названіяхъ учрежденій и лицъ; въ формальностяхъ судопроизводства; въ различной системѣ изображенія орла на монетѣ въ

различныя времена; въ числѣ пуговицъ на солдатскомъ мундирѣ; въ перемѣщеніи по новой формѣ патронташа спереди на правый бокъ, словомъ во всемъ онъ видитъ символизмъ религіозный или нравственный"...

Это впрочемъ не мистицизмъ, такъ какъ эти символы, по его мнѣнію, сознательно созданы людьми, систематически проводящими свои религіозно-нравственно-соціальныя идеи черезъ всѣ мелочи жизни.

Пусть выборъ словъ по тѣмъ или другимъ причинамъ совершается въ обществѣ, и мы получимъ въ результатѣ измѣненіе лексическаго состава, а при неравномѣрности выбора во всемъ языкѣ—лексическое расчлененіе на нарѣчія.

„При публичныхъ (всенародныхъ) очистительныхъ жертвоприношеніяхъ для веденія жертвенныхъ животныхъ выбирали людей со счастливыми именами" (Pl. H. N. XXVIII, 5), (что извѣстно и изъ другихъ источниковъ, напр. Valerius, Salvius, Statorius).

Подобнымъ образомъ имя перваго встрѣчнаго человѣка служило добрымъ или дурнымъ предзнаменованіемъ.

Твое имя=ты:

О дјевојко миље моје!
Омиље ми име твоје!
Ни са шта ми не омиље,
Ни због бабе, ни због маме,
Веће ми је омиљело
Са твојега л'јепа хода,
Л'јепа хода и погледа. (Ђ. Рајковић, С. н. п. 59).

Удадбеници: „Кад допаднеш злочеста јунака
Бићеш стара за годину дана" (ib. 89).

Ей-же: „О дјевојко, име племенито,
А и моје јање умиљато!
Ала ће ти *име* погинути

Ово скоро до јесени, душо,
Од свекрве и од зле јетрве,
Од заове, честе гласоноше:
„Често јој је на јастуку глава
И бијеле низ пенџере руке“ (ib.).

„Кад год спавам, све о теби сањам
Кад с'пробудим, хоћу да полудим,
Iера ми је твоје име драго;
Три године књигу сам учио
Док сам твоје име научио“ (К. Ристић, С. н. п. покупљене по Босни, 23).

Обращеніе: „Моја драга, моје име драго“ (ib. 29).

Имя: „Aby pés nebyl bêsný davají mu jmeno nèvtere rèky“ (Houško).

— „Žena mající měsični kvet (=эвфемизмъ) nesmi se dotknouti žadného rastącího *kviti,* sice toto chrane a uvadve; pleji li žena takovo travu z obili, stani se toto smechlivym (t.-i. má mnoho tlachy'ch klasů) (Houško).

Скрывать настоящее имя лица: „Веррій Флаккъ, ссылаясь на достовѣрныхъ, по его мнѣнію, писателей, говоритъ, что при осадѣ городовъ, римскіе жрецы прежде всего вызывали бога, подъ покровительствомъ коего былъ городъ, и обѣщали ему (если онъ покинетъ этотъ городъ) у себя тоже или большее поклоненіе. Это священнодѣйствіе и остается въ ученіи жрецовъ (Pontificum). Вѣрно то, что поэтому скрываютъ то, подъ покровительствомъ какого бога (v. богини) находится Римъ, чтобы кто изъ враговъ непоступилъ (съ нимъ) такимъ же образомъ“. (Pl. XXVIII, 4).

„Нѣкоторые суевѣры при крещеніи дѣтей даютъ имъ другія имена, а первыя прилежно таятъ, вѣря, яко бы, невѣдая перваго или подлиннаго имени, колдунъ имъ неможетъ ничего учинить, т. е. неможетъ ихъ сдѣлать оборотнями и пр.“ (Абевега русск. суев. 206).

„Со всѣхъ сторонъ свѣта до насъ доходятъ свидѣтельства путешественниковъ, что дикари любятъ сохранять свое имя въ

тайнѣ. Это извѣстно относительно сѣверно-американцевъ и южно-американцевъ. „Одинъ Чинукъ думалъ, что желаніе Кена узнать его имя происходило отъ желанія украсть его... По словамъ Банкрофта и у нихъ имя... есть какъ бы тѣнь или духъ, другое *я* человѣка".—Даяки долинъ „перемѣняютъ имена своихъ дѣтей, особенно хилыхъ и болѣзненныхъ", полагая, что этимъ „они могутъ обмануть враждебныхъ духовъ" (Спенс. Осн. Соц. I, 261).

Избраніе ребенку имени для охраненія жизни: „Кад се каквој жени недаду дјеца, онда надјене дјетету име Вук, јер мисле да им дјецу вјештице једу, а на *Вука* да неће смјети ударити. За то су и мени овако име надјели" (Вук. Кар. Рјечн. „Вук.").

Ср.: „Вук му пут пресјекао"—Кад се ко помене за кога не би ради онће да дође, напр. вједогоња. (Кар. Посл. 40).

Волкъ—имя. Отсюда колыбельныя пѣсни:

„Нини, сине, вуче и бауче!
Вучица те у гори родила,
Овчица ти пупак одрезала
Бјела т'вила у свилу повила,
А челица медом задојила
Мила мајка ћулсом умивала
И руменом ружом утирала.

(Петрановић, С. н. п. из Босне. I, 48).

„Нини сине вуче и бауче!
Вучица те у гори родила
С вучадима, сине, одранила,
Бјела вила на бабине дошла
Моме Јови кошуљу дон'јела
Ластовица на бабине била
Мога Јову млеком подојила
И челица медом задојила
Па га посла својој милој мајци:
„Ето, мајко, Јово одрастао!" (ib. 50).

— *Баук*—см. Данић., Рјечник.

— Вообще въ колыбельныхъ (пѣсняхъ) надо искать слѣда заговора:

„Мајка њиха свог' нејака сина:
Нини, сине, с крстом и анђелом
А и с оном блаженом Маријом,
Која-но је Христа ублажила
А и теби на помоћи била“ (ib. 48—9).

Сюда же изображеніе ребенка взрослымъ.

Стоянъ.—„Стоять ему (новорожденному) и бодриться, какъ деньга торчмя торчитъ“ (на крестинахъ, втыкая деньги въ пирогъ) (Д. Посл. 403). *Стоять*=жить: „Коли дѣти *нестоятъ* (умираютъ), бери перваго встрѣчнаго въ кумовья“ (ib. 403). „У кого дѣти нестоятъ, надо просаживать ихъ до трехъ разъ въ *хомутъ*“ (ib. 403) („примѣта: лошадь въ дорогѣ распряглась— жена измѣнила).

„Въ Осетіи имя *Саукуй*, черный песъ, даютъ слабымъ дѣтямъ, за участь которыхъ опасаются“ (В. Миллеръ „Въ горахъ Осетіи“, Р. Мысль, 1881 г. IX, 92—3).

— Когда ребенку даютъ имя любимаго лица, то это можетъ быть изъ затаеннаго желанья, чтобы съ именемъ перешли на ребенка свойства лица. Сюда обычай давать романическія имена, напр. Людмилы послѣ „Людмилы“ Пушкина.

Стыдливость женская по отношенію къ именамъ мужчинъ: Разъ имя мужчины есть до нѣкоторой степени онъ самъ, произношеніе этого имени женщиной есть до нѣкоторой степени общеніе съ мужчиной, смѣшеніе душъ, подобное тому, которое, по вѣрованію древнихъ, было при тѣлесныхъ объятьяхъ и поцѣлуяхъ („jam alligata mutuo ambitu corpora animarùm quoque mixturam fecerant“—Petronius, Satyricôn, 132).

По отношенію къ женщинамъ—побужденіе другое (эвфемизмъ).

„Нова млада несмије *од стида* никога у кући звати по имену. За то је обичај да она, пошто се доведе, свима кућанима (мушкоме и женском) надјене нова имена (само за себе). Тако напр. некога зове (старије дјетиће) *таком*, неког—*бабом*, неког—*господином* („је ли отишао господин да доћера свиње?“), неког—

дјевером, а млаһе — *братом*, *златојем*, *соколом*, *милоштом*, *милојицом* и т. д. жене—*госпом*, *мимом*, *мајом*, *ником*, снашом. *невом*, а дјевојке—*убавицом*, *љепотицом*, *секом*, госпоһицом, *голубицом* и т. д. (Кар., Рјечн.).

Этимъ въ значительной степени объясняется обязательное молчаніе молодой. (Сумцовъ „О свад. обр. 203—4).

Серб. и пр. измѣненіе именъ—есть одинъ изъ видовъ явленія, которое у Полинезійцевъ называется *Табу*. — Сюда обычай кафрскихъ женщинъ непроизносить словъ, сходныхъ съ именами ближайшихъ родственниковъ мужескаго пола. (M. Müll. Vorles. II-е 29—34).

Осетинскимъ женщинамъ необычно, нескромно, безстыдно въ молитвѣ называть святыхъ ихъ настоящими именами (кромѣ Бога). Такъ (говорятъ) „святой мужчина" (вм. Іастырджи, св. Георгій); „злой" (вм. Тхостъ), „св. волковъ" (вм. Тутыр — у Осетинъ христіянъ — св. Θеодоръ Тирскій), св. Отецъ (вм. фальвар), „начальникъ хлѣбовъ" (вм. Еля, Илія). (Сб. св. о кавк. горц. IX, Предразс. у Осетинъ).

„По обычаю Осетинъ и почти всѣхъ кавказскихъ горцевъ, стыдливость непозволяетъ женамъ называть по имени не только своихъ мужей, но и братьевъ и родственниковъ ихъ, кромѣ тѣхъ изъ послѣднихъ, которыхъ жены значительно превосходятъ лѣтами. Если бы жена при другихъ женщинахъ по ошибкѣ назвала одного изъ родственниковъ мужа, значительно превосходящаго ее лѣтами, то женщины смѣются надъ нею и толкаютъ, говоря: „а чтобы тебя толкнулъ камень съ него (родственника) величиной"!

„Какъ въ жизни, такъ и въ сказкахъ и пѣсняхъ Осетинки называютъ мужей (не по имени), а „*на лаг*" (собственно—„нашъ человѣкъ, т. е. нашъ господинъ, нашъ мужъ" (Джонтемиръ Шакаевъ, Осет. нар. скав. 20, Сб. св. о кавк. горц. III).

У Кабардинцевъ мужъ о женѣ: „живущая въ домѣ моемъ". (Кабард. стар., 39, Сб. VI).

„Они иногда неназывали предметовъ ихъ собственными именами, и поэтому эти предметы неказались такими дурными, ка-

ковы были въ дѣйствительности. „Обокрасть джентльмена“ незвучало преступленіемъ, если называлось „облегчить франта„ и тюрьма, называемая со смѣхомъ „даровой квартирой“, неказалась наказаніемъ. Т. о. мои понятія о добрѣ и злѣ совершенно перепутались, и привычка трактовать всѣ преступленія въ дружеской бесѣдѣ, какъ предметы шуточные, пріучила и меня смотрѣть на нихъ, какъ на вопросы лишенные значенія“. Бульверъ „Пельгамъ“.

При такомъ взглядѣ на слово, какъ у Осетинъ, назвать другого *побратимомъ*, „Богом брате“ значитъ дѣйствительно сдѣлать его такимъ и обязать поступать сообразно съ этимъ.—Серб. обычай дружичало (называть побратима или *друга*, *кумача* на годъ).— Мр. называть родственникомъ на срокъ:

„Тітусю, ослобони жінку від біди! Цілий год матірью зватиму! Що хоч заплачу, тілки порятуй її“. (Кв. „Пархім. снід.“ II[2] 154).

„Тіточко, голубочко! Зробіт, як знаете зробіт, щоб моя була Олена. Цілісенькій год буду вас рідною матірью звати. Куплю плахту, очіпок, серпанок, чого забажає душа ваша“ (Кв. „Конотоп. Відьма“ I[2] 240).

Роднитъ не только кровь, происхожденіе, бракъ, но и имя:

Я несомнѣваюсь, что характеръ Романа Тихоновича, какъ и все, что писалъ Квитка, списанъ съ натуры съ небольшими лишь утрировками, и въ частности, что слѣдующая черта невыдумана:

„Ни одна изъ дѣвицъ, которыя согласились бы выйти за него замужъ“ немогла быть его женою. Одна была Прасковья Тихоновна, сестра по отечеству. Варвара Романовна—дочь по отечеству. Татьяна Ивановна—сестра по имени его матери (Татьяны Петровны). Софья Петровна—сестра матери по отечеству. Ульяна Ѳедоровна—сестра по отечеству двоюродной сестры его... и такъ далѣе: въ каждой изъ предлагавшихъ себя въ невѣсты онъ находилъ въ имени или отечествѣ родство съ своими близкими родными даже до седьмого колѣна“ (Кв. „Герой Очак. вр.“ III[2] 318).

До сихъ поръ дѣти и малоразвитые люди *этимологію* слова понимаютъ согласно съ этимологическимъ значеніемъ этого тер-

мина (*ἔτυμον* — истина, правда), какъ реальное опредѣленіе соотвѣтственнаго явленія. Этимологическое пониманіе словъ (конечно, основанное на поверхностномъ наблюденіи звуковыхъ сходствъ и совпадающее съ научнымъ лишь случайно) есть для нихъ пониманіе истины.

Симпатія: Када Бане на кућу изијо (bis)
Іош се Марко пробудио није,
И сад спава жалосна му мајка:
А долети бане од Випера
Тежко га је ногом ударио
Ударио у јуначку главу (Hunič, 57).

Посјекоше, ништо не утече
Само дјете, весела му мајка, (ib. 71).

Ох Ненаде, жалостна ти мајка!
Видиш, *билан*, да си погинуо
Іеси брате један у матере
Жалит ће те мила мати твоја, (ib. 91).

— См. Даль „пословицы“, 337—8: „Что-то позѣва'тся: знать наши спать ложатся, либо ужинать садятся“.

(Отношеніе между человѣкомъ и его миѳическимъ двойникомъ).

Другой видъ того же умозаключенія есть: 1) заключеніе отъ одного предмета къ другому, составляющему часть перваго (напр. отъ человѣка къ его волосамъ, обрѣзкамъ ногтей, платью, мочѣ и наоборотъ: чары на волосы, сорочку такіе же, какъ на изображеніе человѣка, слѣдъ, тѣнь. (Сюда же слюна); 2) заключеніе по смежности, или по видимой механической связи. Напр. соединить снуркомъ два отдаленныя другъ отъ друга зданія, въ той мысли, что черезъ то оба зданія становятся однимъ, и напр. право убѣжища, признаваемое за первымъ, распространится и на второе. Тейлоръ „Первоб. культ. 109—10).

— Мать недолжна плакать по ребенку, чтобы ему тамъ было весело:

„Кад умрије дијете Лазаре
За њим мајка увек јаукала.
њој Бог шиље два анђела света....
... Ископаше дијете Лазара...
... Носе њега мајци на криоце...
... „Што ј' на теби, моје чедо драго,
Што ј на теби росна кошуљица,
Што л' у руци св'јеђа без стијењка?..“
— Не питај ме, моја мила мајко!
Што ј на мени росна кошуљица,
То су, мајко, грозне сузе твоје;
Щто ј' у руци св'јеђа безъ стијењка,
То је, мајко, твоје уздисање! —
(Рајковиђ, С. н. п., 143).

До Спаса неѣсть яблокъ (матери, которая похоронила дѣтей).

Луччий журавель в небі, ніж синиця в жмені.

Человѣчество идетъ отъ того состоянія, при которомъ конкретное явленіе, впечатлѣніе текущаго мгновенія занимаетъ всю ширину и глубину сознанія, къ тѣмъ состояніямъ, при коихъ, при помощи все большаго и большаго отвлеченія, все большей и большей стройности въ распредѣленіи отвлеченій, мысль становится способной обнимать все болѣе и болѣе сложные ряды явленій.

Сначала человѣкъ недумаетъ о будущемъ по той же причинѣ, по которой дикарь неможетъ себѣ представить числа 3 иначе, какъ въ видѣ 2 такихъ-то вещей, приложенныхъ къ одной (состояніе, до нынѣ оставившее слѣды въ раздѣльномъ счисленіи даже найболѣе развитыхъ языковъ —). Потомъ, раздвоивъ міръ, онъ и по отношенію *къ цѣли* и по отношенію *къ причинѣ* даетъ перевѣсъ болѣе дальней и идеальной половинѣ его.

Цѣль — загробная жизнь перевѣшиваетъ настоящую.

Доля — двойникъ и причина (*і* = мр. *і*, *и* = мр. *и*):

Ай Діавині, ой Діавині
Ну паваргу, ну паваргу (слабаго? больного?)
Ну́ паваргу нуа майзитэс
Нуа лаба кумелинь (безъ причины)
Пава́ргусе ла́йме мана
Пава́ргусе мамулинь.
Куа Ла́йминя ту наварги,
Пате мужу лице́иня? (сама будучи рѣшительница судьбы).
(Ибо) Нэ іатум та́утиняс,
Кад маминя нэгаюс';
Нэкартум шупу́алити
Кад Лайминя некарус.“ (Бривзем. 40, № 121) [1]).

„Раудâт мана лайме рауд,
Раудâт—мана мâмулинь;
Ка, лайминь, ту раудайи,
Пате мужа лицейинь? (Спр. 306—7).

(Навзрыдъ плачетъ моя доля, навзрыдъ моя матушка (т. е. доля); чего, доленько, плачешь, когда ты сама судишь вѣкъ?).

„Чего самъ неможешь снести, то пусть вынесетъ его злой день“ (Бривз. № 124).

— Т. о. *душа*—двойникъ, отъ состоянія коего зависитъ состояніе *лица*: *душа замираетъ*=я лишаюсь чувства, памяти, сознанія; „невижу—душа мретъ, увижу—съ души претъ“; „душа непринимаетъ“—немогу ѣсть; „радъ *душой*“; „душа мѣру знаетъ“; „хлѣба съ душу, денегъ съ нужу, платья съ ношу“; „душа не сосѣдъ: *пить-ѣсть* проситъ“; „своя душа не холопъ“ (себя жаль); „сторонись, душа, оболью“ (поднося чарку ко рту).

„И бѣ Игорь разболѣся въ порубѣ... И тогда, пославъ (Изяславъ Мьстиславичь) повелѣ над ним порубъ розоимати, и тако выяша ис поруба вельми больнаго и несоша у кѣлью; до осмого

[1]) Ой Боже, Боже! теперь я слабѣю! Слабѣю отъ хлѣба, отъ лучшаго коня. Ослабла лайма моя, ослабла моя матушка. Отчего занемогла и ты Лаймушка, сама рѣшительница судьбы? Мы не пошли бы къ молодцу, если бы не пошла матушка; мы не повѣсили бы колыбельки, если бы не повѣсила её Лаймушка.

же дни толко ему Богъ *душю* вороти, *неможашеть бони пити, ни ѣсти*" (Ип.[2] 239) (=душа ѣстъ).

„Кондратъ же возвеселися *сердцемь* и возрадовася *душею* о княженьи Краковскомъ" (Ип.[2] 598).

— „Я и душа": „И скажу душѣ моей: душа! много у тебя добра...: покойся, ѣшь, пей, веселись". (Лук. XII, 19—20, 22).

Ἀγωνία—въ смыслѣ предсмертныхъ страданій=серб.:

„То говори па се с душомъ бори,
То изусти па душицу пусти".
— „То изусти, а душу испусти.
Лијепо га синци саранили,
Унуци га много оплакаше.
Благо њему и његовој души" (К. Ристић, С. н. п. 98).

Небесное (объясненное земнымъ) *представляется причиною земного*:

„Cum... esset jam vespera, lucernam intuens Pamphile (жена), „quam largus, inquit, imber aderit crastino!" Et percontanti marito, „qui comperisset istud", respondit, sibi lucernam praedicere. Quod dictum ipsius Milo (мужъ) visu secutus, „grandem, inquit, istam lucernam Sibyllam poscimus, quae cuncta coeli negotia et solem ipsum de specula candelabri (со сторожевой вышки подсвѣчника) contuetur. Ad haec ego (авторъ) subjiciens, „sunt, ajo, prima hujusce modi divinationis experimenta; nec mirum, licet modicum istum igniculum et manibus humanis laboratum, memorem tamen illius *majoris* et *coelestis* ignis, velut *sui parentis*, quid esset editurus in aetheris vertice, divino praesagio et ipsum *scire*, et nobis enuntiare". (L. Apuleji, Metamorphoseos s. de As. aureo, 2, XI—XII).

Предпочтеніе журавля въ небѣ—на дълѣ: Сюда—все дѣлаемое для загробной жизни. Напр. когда у Осетинъ родственники умершаго продаютъ необходимое, чтобы пышно его одѣть: при жизни одѣвался бѣдно, пусть хоть теперь одѣнется пышно, чтобы на томъ свѣтѣ небыло стыдно показаться умершимъ. (Сб. св. о Кавк. горц. IX, отд. III, 2, 3).—Когда дѣлаются самоистязанія у гроба покойника, п. ч. онъ видитъ и цѣнитъ ихъ. (ib. 3).—

Когда тратятъ на поминки, чтобы на томъ свѣтѣ мертвый непитался подаяніемъ или воровствомъ. (ib. 10—1).—Когда Достоевскій считаетъ полезной каторгу для спасенія души.—Когда живого хоронятъ съ мертвымъ. (Тейлоръ, III, 50. Спенс., Осн. соц., I, 202—3, 212).)—Когда посылаютъ души враговъ на службу тому, за кого мстятъ. (Патроклъ и троянскіе юноши, месть Ольги, кровная месть, Тейл. Перв. кул. II, 40—1, Иліада XXI, 26—33).

Сюда многія нынѣшнія дѣйствія разряда „цѣль оправдываетъ средства“, какъ въ консервативномъ станѣ (такъ наз. высшая политика, оказывающаяся на дѣлѣ очень недальновидною), такъ и въ радикальномъ, дѣйствія называемыя, смотря по точкѣ зрѣнія, благоразумными, политичными, иногда—преступными.—Сюда революціонная дѣятельность христіанства по отношенію къ народной литературѣ.

Сюда объясненіе существованія и вида вещей въ теоріи ихъ небесными первообразами (идеями въ Платоновскомъ смыслѣ), между прочимъ: человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію; по народнымъ, дуалистическимъ вѣрованіямъ многія животныя и растенія созданы сатаною; чары и колдовство — какъ дьявольское наважденіе.

Не то, что не должно быть дальнихъ цѣлей и идеаловъ. Стремиться къ этому было бы опять дѣйствіемъ революціоннымъ. Разница между хорошимъ и дурнымъ игрокомъ, напр. шахматнымъ, не въ томъ, что одинъ стремится къ выигрышу, другой нѣтъ, а въ томъ, что у другого цѣль заслоняетъ промежуточныя ступени.

Найти границу между тѣмъ и другимъ разъ навсегда невозможно. Вѣрно опредѣлять ее—въ этомъ трудное искусство жить. Отдать изъ любви къ ней молодую за богатаго старика—дурно; выйти по любви и незнать, чѣмъ прокормить себя и дѣтей—тоже. Копить деньги, подавляя насущныя потребности—дурно;—по примѣру дикаря недумать о завтрашнемъ—тоже.

Противиться введенію конституціи, п. ч. она поведетъ молъ къ соціальной революціи (=недавать сыну хлѣба, а давать камень, п. ч. если дашь хлѣба, онъ захочетъ всего наслѣдства)—

нехотѣть конституціи, п. ч. она ведетъ къ плутократіи, а хотѣть соціальной революціи.

Субъективный образъ предмета и явленія, первоначально необходимо объективируемый и превращаемый въ миѳъ, представляется *причиной явленія*. (L'opium endormit, par ce qu'il a une vertu soporifique, Мольеръ) [1]).

Доля, среча, болѣзнь (= душа, болѣе менѣе отвлеченный двойникъ человѣка)—причина счастья, несчастья, болѣзни.—(Моя ст. „о Долѣ“ 10—11). Измѣненія въ состояніи человѣка—только послѣдствія, событія слѣдующія и по времени за подобными событіями въ жизни первообраза [2]).

---

[1]) Объ увѣренности въ дѣйствительномъ существованіи (въ настоящемъ или только прошедшемъ) поэтическихъ образовъ см. Буслаева, Гильфердинга, о былинахъ. Каждый разъ, когда читается или разсказывается что-либо наивному простолюдину, онъ считаетъ за истину. Позднѣе—что напечатано, что въ книгѣ—то правда.

[2]) Раздвоеніе битвы на земную и небесную. Ип.[1] 12.—„Вложи Богъ или дьяволъ въ сердце“. (Въ житіи Ѳеодосія. Чт. 1879, 1, 31 обор., 40).—Спенс. „Осн. Осн. соц. I, 203.—Двойственность миѳическаго образа, состоящаго изъ лица и аттрибута, напр. громового божества и его орудія.—Условіе сохраненія поэтичности сравненія—крѣпкое обособленіе сравниваемыхъ образовъ, безъ котораго объясняющее вносится въ объясняемое.

— „Нападе нань бѣсъ“ (на Святополка), (Лавр.[2] 141). „Вложи Богъ в сердце“ (ib. 152).—„Гнѣвомъ Божьимъ гоними“ (ib. 159).—Знаменье на небеси“ (ib. 160).—„Усобная рать... отъ соблажненья діяволя“ (ib. 163).—„Бѣси“ (ib. 170, 175).—Мечта (178—9).—„Ляхъ въ лудѣ“ (ib. 184—5). Оселъ на мѣстѣ игумена (ib. 186).—Чудо *Богородицы*: *ея* правда=правда Володимерцевъ. (ib. 358—9).—Въ битвѣ Богородица... (ib. 370).—Смерть отъ погибели души (Тейл. 271).

— *Душа*, какъ двойникъ—(M. Müll. „Ess.“ II, 402—4).—Стремленіе изъ души, какъ двойника, сдѣлать жизненное начало совершенно отличное отъ тѣла. Переходъ отъ причины сходной къ причины несходной. Тѣнь, εἴδωλον, manes, человѣчекъ (ib. 405).

Двойникъ: „Effigiem Dei formamque queerere imbecillitatis humanae reor (=считаю дѣломъ слабости человѣческой). Quisquis est Deus, si modo est alius (quam Sol), et quacumque in parte, totus est sensus (чувство), totus visus, totus auditus, totus animae (жизни, seele), totus animi (geist), totus *sui** (весь—*я*).... Fragilis et laboriosa mortalitas in partes ista digessit (раздѣлила единое божество на части), ut portionibus coleret quisque, quo maxime indigeret (=чтобы каждый могъ чтить по частямъ то, въ чемъ наиболѣе нуждается).

Itaque nomina alia aliis gentibus et numina in iisdem innumerabilia reperimus, inferis (подземнымъ Богомъ) quoque in genera descriptis, morbisque, et multis etiam pestibus, dum esse placatas trepido metu cupimus. Ideoque etiam publice Febris fanum in Palatio dicatum est, Orbonae (=in tutela sunt Orbonae orbati liberis parentes) ad aedem Larium ara et Malae Fortunae Exquiliis.

Отсюда: „*Сређа ти се веселила*".—У Осетинъ *Ізäд*, авестійскій *jазата*, какой-то духъ, ангелъ (названіе употребляемое и въ ед. и во мн. ч.). „Каждый человѣкъ имѣетъ своего ангела-хранителя и нерѣдко, *проклиная человѣка, желаютъ зла его ангелу*" (приписывая самому этому ангелу долю, т. е. раздвояя его): да пропадетъ доля твоего ангела"!—Или мать клянетъ сына: какой ангелъ мнѣ тебя далъ, да упадетъ онъ внизъ" (Вс. Миллеръ „Осет. эт." II, 240) [1]).

Доля—причина состоянія *я*; рѣдко на оборотъ: *Кисельниковъ* (отправляясь торговатъ старьемъ): „*Таланъ-доля*, иди за мной: я буду щастливъ, и ты *будешь щастливъ!*"

„Боровцовъ... Это я его научилъ. Какъ, говорю, Кирюша, за чѣмъ пойдешь или получить чего хочешь, тверди эту пословицу,—дѣло вѣрнѣй будетъ" (Островскій „Пучина").

Quam ob rem major caelitum populus etiam, quam hominum intelligi potest, quum singuli quoque ex semet ipsis totidem deos faciunt, *Iunones*, *Geniosque* adoptando sibi (присваивая) (Pl. H. N. II, 5).—(Senius natalis—ангелъ хранитель мужчины; Natalis Iuno—женщины).—

Fortuna, *Sors* (Pl. ib.), виновница всего въ человѣческой жизни, есть таже доля—недоля, освобожденная отъ связи съ отдѣльною личностью, обобщенная.

Iunonem meam iratam habeo, si umquam me meminerim virginem fuisse, nam et infans cum paribus inquinata sum, et subinde, prodeuntibus annis, majoribus me pueris adplicui, donec ad hanc aetatem perveni. Hinc etiam puto proverbium natum illud, ut dicatur, posse taurum tollere, quae vitulam sustulerit" (Petron. „Satyricôn. 26).

„Mitridates servus in crucem actus est, quia Gai nostri (господина своего) genio maledicerat, (ib. 52).—Ego si mentior, genios vestros iratos habeam" (ib. 62).

„Uxor, inquit, Trimalchionis. Fortunata appellatur, quae nummos modio metitur. Et modo, modo quid fuit? Ignoscet mihi genius tuus, nolluisses de manu illius panem accipere" (ib. 37) (=съ позволенія твоего генія [=съ позволенія сказать], если бы ты просилъ милостыни („не вроку"), ты бы куска отъ нея невзялъ).

[1]) *Ругательство по матернему*:

„Мртва глава са земље говори:
Ти си Ђедо j...у ми ти мему!
Iер ме тако изъ преваре тучеш" (Кар. IV, 174).

Еб-на мать=мать блядь,... сынъ безчестенъ, труслив:

„Но ако ти мајка није курва
Ходи дођи на кучко зборипте" (ib. 118).

„О Смаиле, родила те курва!
Лијему смо вјеру уфатили
Ал је таква вјера у Турака
Ка од вуне ковац у везитку" (ib. 121) (курва = сука, кобила).

Есть прямыя и косвенныя доказательства того, что разные народы земного шара, правильно заключая отъ вѣрованья въ душу человѣка, приписываютъ душу не только животнымъ и растеніямъ, но и неодушевленнымъ предметамъ. (На пр. [Тейлоръ „Перв. культ.“ II, 56—7] у фиджійцевъ душа изломавшагося топора и ножа отлетаетъ къ богамъ и пр.).

Прибавимъ къ этому результаты стремленія и установленія все большаго и большаго различія между вещью и ея идеальными первообразами, душою, тѣнью, *εἴδολον*, manes (=малый человѣкъ) (M. Müll. „Ess.“ II, 405 и выше), стремленія принимать все большую и большую безтѣлесность, неизмѣнность (=существенность) этого первообраза.

Такимъ образомъ мы отъ народныхъ вѣрованій въ души перейдемъ къ ученію философовъ о (субъективныхъ) образахъ, какъ причинахъ вещей.

Анаксимандръ (род. около 610 г. до Р. X.) училъ, что вещи измѣняются, а начало бытія должно быть неизмѣнно. Его современникъ Пиѳагоръ это неизмѣнное начало (*ἀρχή*) отожествилъ съ найбольшимъ отвлеченіемъ, до котораго достигалъ, единицею, отъ которой происходитъ число. По Аристотелю, онъ думалъ „*τούς ἀριθμούς αἰτίους εἶναι τῆς οὐσίας*“, что числа—виновники существованія вещей; что природа возникаетъ изъ чиселъ, есть ихъ осуществленіе; что существа суть образы чиселъ, подражанія имъ (*μίμησιν εἶναι τά ὄντα τῶν ἀριθμῶν*); что числа суть неизмѣнныя сущности, предшествующія вещамъ. Пиѳагорійцы, по словамъ Аристотеля, „содержаніе опредѣленія называютъ сущностью (causa

---

Пусть я буду сукинъ сынъ, если... = скурвий син, курвино копиле.

„А так ме не родила мајка
Но кобила, која и дорина
Хоћу сјутра на планину поћи“ (ів. 324).

„По манерѣ клясться и ругаться фиджійцы сходны съ народами Верхней Азіи. Два человѣка... неклянутъ лично другъ друга, даже непроизноситъ именъ другъ друга, но каждый клянетъ отца другого, его дѣдовъ и самыхъ отдаленныхъ его предковъ. Причина—въ томъ, что обругать отца фиджійца значитъ *обругать его бога*“ (Спенс. „Осн. соц.“ I 477).

Причина (мать, отецъ, хотя бы и небожественныя) важнѣе слѣдствія. Ср. „Срећа ти се веселила“, „весела ти мајка!“

materialis) опредѣляемаго предмета“ (Метафизика), т. е. съ нашей точки ихъ воззрѣнія *миѳическія* (Льюисъ, „Ист. фил.“ 25 сл.). — Это то, что Льюисъ называетъ *объективностью* (объектностью) мышленія: „Греческая философія, равно какъ и греческое искусство были въ высшей степени объективны. Объективное направленіе состоитъ въ наклонности *превращать* (?) наши *понятія въ представленія*, давать внѣшнее существованіе нашимъ идеямъ и смотрѣть потомъ на нихъ, какъ на образы или на существа. Дайте объективность родовымъ понятіямъ, и вы получите цѣльное ученіе реалистовъ“ (ib. 215).

Демокритъ (род. около 460 г. до Р. X.) объяснялъ процессъ воспріятія тѣмъ, что предметы испускаютъ изъ себя образы *(εἴδωλα)*, которые, уподобивъ (усвоивъ) себѣ окружающій воздухъ, входятъ въ душу черезъ поры органовъ чувствъ. Только наружная поверхность тѣла отливается въ форму *εἴδωλον* и то несовершенно. (Льюисъ, 99—109).—Т. о. объясняется несовершенность познанія. (О Демокритѣ — Тейл. „Перв. культ.“ I, 73—4).

Платонъ (род. 430 г. до Р. X.), „по словамъ Аристотеля, приписываетъ общимъ названіямъ самостоятельное бытіе“ (это его *ἰδέα, ἰδέη*—собственно видъ, forma, species, genus). „Онъ утверждалъ; что въ дѣйствительности существуетъ *отвлеченный человѣкъ*, и что конкретные люди существуютъ на столько, на сколько они причастны идеальному человѣку“ (Льюисъ, 214).

„Однѣ идеи дѣйствительно существуютъ; онѣ суть *νοῦμενα*, а всѣ отдѣльные предметы только *φαινόμενα*“ (ib. 215).

Аристотель говоритъ: „Платонъ... привыкши къ изслѣдованію универсаловъ *(διά τὸ ζητῆσαι περὶ τῶν καθόλου)*, принялъ, что нужно опредѣлять скорѣе умственные предметы *(νοῦμενα)*, нежели чувственные *(φαινόμενα)*, ибо невозможно дать общее опредѣленіе чувственныхъ предметовъ, которые безпрестанно *мѣняются*. Эти умственныя сущности онъ называетъ *идеями*, присовокупляя, что чувственные предметы разнятся отъ идей и получаютъ отъ нихъ свои названія; потому что вслѣдствіе своего *участвованія (κατὰ μέθεξιν)* въ идеяхъ всѣ предметы одного рода получаютъ тѣже

названія, какъ и идеи. Онъ ввелъ слово *участвованіе*. Пиѳагорейцы говорили, что „вещи—копіи чиселъ"; Платонъ говоритъ „участвованіе", что измѣняетъ только названіе" (ib. 216).

Т. о. идеи=сущности=общія названія. (Льюисъ возражаетъ, что Платонъ сдѣлалъ больше, чѣмъ измѣнилъ названіе).

„Идеи, осуществленныя въ природѣ (феномены) невполнѣ сходны съ идеями въ сущности (нумены) (ib. 217).

Въ Федрѣ Платонъ пытается образно представить систему мірозданія:

Есть два міра: здѣшній, міръ явленій, и верхній, міръ *идей*. Между этими мірами рѣютъ души боговъ и людей. Души, называемыя безсмертными (души боговъ), достигая вершины, проходятъ черезъ нее и, стоя на выпуклой, внѣшней сторонѣ неба,... видятъ предметы, лежащіе за небесами.

„Эта область — мѣстопребываніе самого *бытія*... видимаго только уму, возничему души и составляющаго предметъ настоящаго знанія... Умы боговъ и другіе вполнѣ хорошо устроенные созерцаютъ по временамъ этотъ міръ самого бытія, наслаждаются... этимъ созерцаніемъ".

Изъ другихъ душъ нѣкоторыя „успѣваютъ приподняться до того, что головы ихъ возничихъ выходятъ за небесный сводъ... Другія... страстно стремятся на высоту... но, недостигши ея,... падаютъ... и питаются уже только *вѣроятнымъ*. Падающая душа теряетъ крылья, входитъ въ *тѣло*, одушевляя его.—Чѣмъ болѣе витала душа, тѣмъ совершеннѣе ея земное существованіе. Смотря по заслугамъ, при слѣдующихъ существованіяхъ душа подымается или опускается до скота, которому недоступно понятіе *рода* (общаго, существеннаго).

„Пониманіе есть лишь *припоминаніе* того, что видѣла душа, пребывая съ богами, когда она, пренебрегая тѣмъ, что *мы* называемъ существующимъ, воспринимаетъ то, что дѣйствительно существуетъ" (Льюисъ, 218—21).

На вопросъ о верховномъ божествѣ Платонъ въ разное время далъ два разныхъ отвѣта:

Въ „*Государствѣ*“: Плотникъ, дѣлая столъ и ложе, несоздаетъ ничего дѣйствительнаго, а лишь *изображеніе* (несовершенное) идеи. Но есть работникъ, который создаетъ *небо* (идеи), землю, боговъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій—„*Тимеѣ*“ Платонъ говоритъ, что Богъ несоздаетъ *типовъ* (идей), которыя существовали искони, а лишь устраиваетъ хаосъ по образцу этихъ идей“. (Льюисъ, 225—7).

Съ первымъ воззрѣніемъ по крайней мѣрѣ болѣе, чѣмъ со вторымъ, согласно то, что богъ Платона есть верховная идея, т. е. „тоже относительно идей, что идеи относительно явленій“ (ib. 231). Послѣдній результатъ обобщенія является при объективированіи этихъ обобщеній *причиною* всего (кромѣ *ἀνάγκη*).

Есть два вѣчныя начала *νοῦς* и *ἀνάγκη*. Умъ *убѣдилъ* необходимость устроиться найлучшимъ образомъ (Тимей, Льюисъ, ib.).

Сходныя съ Платоновыми идеями — маточникъ и пр.—„Къ ист. зв.“ IV, 51.—Тейлоръ „Перв. к.“ II 296—9.—

(Сходство между идеями Платона и воззрѣніями первобытными замѣчено еще въ XVIII в. и раньше).

Образъ важнѣе изображаемаго. Разсказъ про монаха, который, чтобы неоскоромиться жаренымъ поросенкомъ, произнесъ надъ нимъ заклинаніе: „оборотись порося въ карася“,— этотъ разсказъ, лишенный своего сатирическаго характера, представитъ намъ всемірно историческое явленіе человѣческой мысли: слово и образъ есть духовная половина дѣла, его сущность.

По отношенію къ слову этотъ взглядъ выразился въ серб. п.—Креститель Іоаннъ спрашиваетъ у Бога, можно ли ему ложно поклясться Богомъ, чтобы обманомъ завладѣть вѣнцомъ царя Дукљана:

„Боже, вјечни и пресвети оче!
Хоћу ли се тобом заклет' криво?
Хоћу л' цару уграбит' коруну?“

— Господ њему ријеч говорио:
„О Іоване, моја вјерна слуго!
Закуни се мноме трипут криво,
Теке немој мојијем именом“. (Кар. II, 82).

Т. о. *Богъ* и его имя представляются какъ бы двумя сущностями, изъ которыхъ послѣдняя важнѣе первой. Ср. здравицу: „У велику славу Божу. Да ни *Бог* и *слава Божа* и света неђеља, која је сјутра, поможе нашега брата домаћина...
Ко винце пије у славу Божу
Слава му Божа вазда помогла,
Слава и сила у Бога Господа!“ (Кар. п. I, 78).

При празднованіи „крсно име“ поютъ:
„Ко пије вино за славе Божье,
Помоз му Боже и славо Божја“.
(Кар. Рјечн.—„крсно име“).
„Іош Бога молимо и пречисту славу“. (Кар. п. I, 78).

Слѣпая нищая проситъ:
„Подарујте, обрадујте
Порад Бога јединога...
И тако вам Господ дао
И велика слава Божја
И велико крсно име“ (ib. 143).

Благодаритъ:
„Фала брате ришћанине!
Господ ми те даривао
И велика слава Божја“ (ib. 146).

„(*Ἵπποι) τοίου γάρ κλέος ἐσθλὸν ἀπώλεσαν ἡνιόχοιο*“. (Il. XVIII, 280), ибо они потеряли добрую славу возницы, т. е. своего возницу.

Если *слава* есть *имя*, а имя—нѣчто сходное съ душою, то безсмертіе славы есть нѣкоторая замѣна жизни:

Ахиллесъ говоритъ (Ил. IX, 410 сл.):
„Μήτηρ γάρ τέ μέ φησι, θεά Θέτις ἀργυρόπεζα
διχθαδίας κῆρας φερέμεν θανάτοιο τέλοςδε.
Εἰ μέν κ' αὖθι μένων Τρώων πόλιν αμφιμάχωμαι,

ὤλετο μέν μοι νόστος, ἀτὰρ κλέος ἄφθιτον ἔσται
εἰ δέ κεν οἴκαδ' ἵκωμι φίλην ἐς πατρίδα γαῖαν,
ὤλετό μοι κλέος ἐσθλόν, ἐπὶ δηρὸν δέ μοι αἰὼν
ἔσσεται, οὐδέ κέ μ' ὦκα τέλος θανάτοιο κιχείη".

Между „*самъ*" и „*его слава*" можетъ быть такое же отношеніе, какъ между самъ и душа:

„Жив је нама Стефан у пјесмама,
А души му покој и весеље" (Чуб. Чојк. 81).

„Ах не ка га, свиjетла му душа!
Такви јунак никад не умире,
Но остаје, да се споменује". (Кар. п. IV, 89).

Слава, крсно име:

Въ Черной горѣ *братство* есть совокупность родовъ (кућа), происходящихъ по преданію отъ одного предка, жившаго за 100, 200, даже 300 лѣтъ до настоящаго времени, и носящихъ одно общее имя (въ ц. г. Ковачевићи, Кривоносићи, Вукотићи и др.): Іово Петра (отца) Маркова (дѣдъ) Іановића (кућно име) Ковалевића. Между членами братства незаключаются браки". Сви братственици славе једно крсно име" (Bogiš. Zborn. 512 — 3). Христіянскій святой, день коего празднуютъ (Николь дан, Іовањ дан, Ђурђев дан, Аранђелов дан)—вѣроятно патронъ предка, его крестное имя, замѣнившее самаго предка.

„Славити славу v. крсно име" состоитъ между прочимъ въ томъ, что ѣдятъ *кољиво* (=даћа) (какъ и при поминкахъ) и „устати у славу". У „слави" помињу се готово сви свеци и послије неколике ријечи све се говори: „ва славу и част". Она *свијећа*, с којом се устаје у славу, негаси се устима, него се залије вином, или домаћин узме комадић круха па га умочи у вино и њиме свијећу учаси, па крух онај изједе. Кад буде вријеме, да се свијећа учаси, у Дрбљу нипошто неће нико рећи: „*учаси* свијећу", него „*обесели* свијећу v. *ућеши* свијећу". (Кар. Рјечн. „*Крсно име*" и „*слава*"), чему соотвѣтствуетъ свр. *закротить* (засмирить) церковную свѣчу. Но *свѣча* горящая—жизнь и (идеальная жизнь) память предка. См. лѣтописныя: „свѣчю и про-

скуру такого то побдити, неизгасити свѣчѣ над гробомъ". (Къ ист. звук." IV, 85—6).

Слава умираетъ v. неумираетъ:

„Казак Хведір безрідний, безплемінний
Померъ и поляг,
Слава його невмре, незагине
Міждо нами народними головами.
Покудова буде світ світати и сонце сіяти,
Будем славу його всегда прославляти".
(Ант. и Драгом. I, 250—1).

Хведора Безроднаго похоронили
Високую могилу висипали
І прапірок у головах устромили
І премудрому лицареві *славу* учинили,
А тим вони його поминали,
Що у себе мали:
Цвіленькими сухенькими війсковими сухарями" (ib. 255).

(*Прапірокъ* — см. „Къ ист. зв." II, 6).

„Правда, панове, полягла Самійла Кішки голова...
Слава невмре, неполяже.
Буде слава славна поміж казаками,
Поміж друззями, поміж рицарями,
Поміж добрими молодцями" (Ант. и Др. I, 219). (Ср. ib. 113 и пр.).

Самъ и душа: „Мисли мајка да је занимила
Ал се Іела с душом раздилила" (Кар. п. I, 243).
„Врло ме је заболила глава
А (?) од срца да душа изајде" (ib. 242). Ил. I, 3.

„*Τὸν δ᾽ ἔλιπε ψυχή*". (Ил. V, 696), его оставила душа = онъ упалъ въ обморокъ. Тѣнь Геракла въ Аидѣ, а самъ онъ у безсмертныхъ боговъ. (Од. II, 691 сл.).

Умозаключенія въ области метафоры, метонимiи, синекдохи.

Понятіе причины производно. Первое – сочетаніе образовъ по сходству или противоположности, по соприкосновенности или близости въ пространствѣ и послѣдовательности во времени (=одновременность = послѣдовательность). Затѣмъ то, что въ сочетаніи есть объясняющее (сказуемое) можетъ стать причиною объясняемаго, будетъ ли оно сходно или противно, одномѣстно или одновременно. Отсюда симпатическія лѣкарства, какъ по сходству, такъ и по противоположности.

Свойство вещи распространяется на то, съ чѣмъ она связана, причемъ связь можетъ быть различна: отношенія части и цѣлаго, сходства, соприкосновенія, одновременности.

Умозаключеніе въ области метафоры. Заключеніе отъ сходства *а* съ *б* къ ихъ причинному отношенію.

Сюда, какъ примѣръ, относится все изложенное въ предыдущемъ очеркѣ, ибо: общее, родовое понятіе, идея есть образъ явленія, такъ что ученіе объ идеяхъ, какъ первообразахъ, причинахъ, есть миѳическое заключеніе по формулѣ: *а* сходно съ *б*, слѣдовательно, *а* есть причина *б*.

Звонъ=слухъ, слава. (О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ), 28—30; „Слово о полку Игоревѣ", 52. Отсюда *звонъ* въ ухѣ—примѣта. Чтобъ колоколъ былъ звончѣй—слухи.—У древнихъ—какъ примѣта: „absentes tinnitu aurium praesentire sermones de se, receptum est", Plinius, Historia Naturalis, XXVIII, 5. Комментаторы къ этому мѣсту прибавляютъ ссылки на Аристенета, Epistolae, II (IV вѣка): *„οὐκ ἐβόμβει σοι τὰ ὦτα, ὅτε σου μετὰ δακρύων ἐμνήμην*. Non tibi tinniebant aures, quum tui lacrymans meminissem? и на отрывокъ изъ Виргилія или другого неизвѣстнаго писателя: Garrula, quid totis resonans mihi noctibus auris, Nescio quem dicis nunc meminisse mei?

Свистъ=вѣтеръ. Отсюда свистомъ вызывать вѣтеръ, несвистать въ избѣ, несвистать во время посѣва. Аѳанасьевъ, Поэтическія Воззрѣнія..., I, 308.

Соръ—шумъ, соръ—богатство. Откуда „изъ избы сору невыносить". О св. нѣкр. представ. Обливать корову для удоя. Аѳ. П. В. I, 664. Пожаръ—молокомъ, ib. I, 667, коровьей шкурой, ib. 687.

Высохъ, какъ щепка. Отсюда „ежели кто имѣетъ привычку бить домашнихъ *лучиною*, то весь его домъ будетъ нездоровъ, и изсохнутъ всѣ, какъ лучина". Абевега (русск. суевѣрій...) 232.

Ходитъ, какъ спутанный. Отсюда: „Когда младенецъ начинаетъ ходить и первый разъ переступаетъ ногами, то хватаютъ скорѣе ножъ и рѣжутъ онымъ ту часть пола, которая тогда случится промежъ его ногами, знаменуя тѣмъ, что они разрѣзываютъ или разрѣшаютъ его нехожденіе, Абевега, 239.

Горящая свѣча — жизнь. Образчикъ современныхъ мѣщанскихъ нравовъ. Мать проклинаетъ дочь: „Ахъ ты такая сякая. Я думала (когда къ тебѣ шла жить), что у тебя содержатель богатый... Я Іоанну Воину свѣчку ракомъ (вверхъ ногами) поставлю, чтобъ тебя разразило.

„*Садиться*" „щоб усе добре сідало". „Присядзіш, штоб пщолки садзілісь, Записки Географическаго Общества по Этнографіи, I, 413.

Сладко—любовно, счастливо. Когда передъ свадьбою парится невѣста, поддавать пару пивомъ или медомъ, чтобъ жизнь брачная была сладка. Терещенко, Бытъ русск. н., II, 171.—(Когда—женихъ, пару водкою, ib. 172).

Изъ превращенія метафорическаго образа въ причину—множество примѣтъ, сновидѣній, заговоровъ, чаръ. Объясненіе малорусск. пѣсень. II, 60—3.

Образъ—причина явленія.

До настоящаго времени мѣстами считается неприличнымъ сидѣть въ обществѣ, положивши ногу на ногу. У древнихъ это считалось дѣйствіемъ прямо враждебнымъ, преступнымъ, ибо всякое

соединеніе не только подколѣна съ колѣномъ, но обхватываніе руками своихъ колѣнъ, извѣстное соединеніе пальцевъ рукъ, замыканье (дверей, замковъ), вязанье узловъ, были нетолько символами, но и причинами замедленія или прекращенія извѣстныхъ дѣйствій. На оборотъ всякое развязываніе, отпиранье и пр., какъ до нынѣ совершаемое отпираніе царскихъ дверей, коммодовъ и ящиковъ при родахъ (въ Ромнахъ и др. мѣстностяхъ)—есть содѣйствіе:

„Assidere gravidis, vel cum remedium alicui adhibeatur, digitis pectinatim inter se implexis, veneficium est (=чары); idque compertum tradunt (говорятъ, что это испытано) Alcmena Herculem pariente. Pejus, si circa unum ambove genua, item poplites alternis genibus imponi. Ideoque haec in conciliis ducum potestatumve fieri vetuere majores, velut omnem actum impedientia. Vetuere et sacris votis ve simili modo interesse“. Pl XXVIII, 17.

Гриммъ Mythologie[2] 1127—8, говоря о чарахъ, состоящихъ въ вязаньи, замыканьи и пр. (nestelknüpfen, schlosschliessen, binden), къ этому мѣсту Плинія приводитъ изъ Овидія, Metamorphoses 9,298.......... „Dextroque a poplite laevum Presso genu, digitis inter se pectine junctis, Sustinuit nixus (задержив. роды), tacita quoque carmina voce Dixit, et inceptos tenuerunt carmina partus и далѣе ib., 310, 314.

Отъ сходства къ причинѣ.

Echeneis, задерживаетъ корабль; поэтому... „Est parvos (=us) admodum piscis adsuetus petris (обычно держащійся у скалъ), *echeneis* appellatus; hoc carinis (киль) adhaerente naves tardius ire creduntur, inde nomine inposito; *quam ob causam* amatoriis quoque veneficiis infamis est (пользуется дурною слакою) et judiciorum ac litium mora, quae crimina (дурныя свойства) una laude pensat fluxus gravidarum utero sistens (останавливаетъ кровотеченіе родильницъ) partusque continens ad puerperium] (удерживаетъ въ утробѣ плодъ до самыхъ родовъ). Pl. IX, 41.

Жемчугъ=роса=изъ росы.

Has (conchas margaritiferas), ubi genitalis anni stimularit hora (когда побудитъ пора года благопріятная зарожденію), pandentis

se quadam oscitatione inpleri roscido conceptu (оплодотворяются, воспріявши росу) tradunt, gravidas postea niti (чувствуютъ потуги), partumque concharum esse margaritas, pro qualitate roris accepti: si purus influxerit, candorem conspici, si vero turbidus (мутная), et fetum sordescere; eundem pallere coelo minante conceptum (плодъ блѣднѣетъ (отъ страха), будучи зачатъ при грозномъ небѣ); ex eo quippe constare, coeli quietis majorem societatem esse quam maris (въ большей зависимости отъ неба, чѣмъ отъ моря), inde nubilum trahi colorem aut pro claritate matutina serenum; si tempestive satientur (если восприняли (сѣмя) вовремя и досыта), grandescere et partus; si fulguret, conprimi conchas ac pro jejuni modo (смотря по тому, насколько они остались впроголодь (неудовлетворены) minui; si vero etiam tonuerit, pavidas ac repente conpressas quae vocant physemata efficere [1]), speciem modo inani inflatam sine corpore (одна надутая оболочка безъ зерна); hos esse concharum abortus. Sani quidem partus multiplici constant cute, non inproprie callum ut existumari corporis possit (что небезосновательно можно считать ихъ твердымъ *мясомъ*=corpus); itaque expurgantnr a peritis.

Противорѣчащія наблюденія:

Miro ipso tantum (странно только), eas coelo gaudere, (а между тѣмъ) sole rufescere candoremque perdere, ut corpus humanum, quare praecipuum custodiunt (особенно сохраняютъ бѣлизну) pelagiae (въ открытомъ морѣ), altius mersae, quam ut penetrent radii... Pl. IX, 34—54.

Отъ сходства къ причинѣ:

Веснушки считались тѣлеснымъ недостаткомъ. Поэтому „invenio apud auctores, his qui lentigines habeant, negari magices sacrificiorum usus =non esse idoneos ad sacra peragenda, по мнѣнію чародѣевъ) Pl. XXVIII, 50. Sunt quaedam magis perfugia (увертки, отговорки), veluti lentiginem habentibus non obsequi nu-

---

[1]) Ср. такимъ-же образомъ громъ и крикъ ястреба пугаетъ насѣдку и портитъ высиживаемыя ею яйца: si incubitu tonuit, ova pereunt, et accipitris audita voce vitiantur. (Pl. X, 75—54).

32

mena aut cerni (ихъ неслушаютъ, имъ непоказываются вызываемыя божества) XXX, 6.

Веснушки отъ *stellio* (родъ пестрой ящерицы). Quum immortuus est (заморенъ *stellio*) vino, faciem eorum, qui biberint, lentigine obducit. Ob hoc in unguento necant eum (женщины, жены), insidiantes pellicum formae (умышляющія противъ красоты соперницъ). Remedium est *ovi luteum* (какъ отъ желтухи) ib. XXIX, 22.

„Раньше всѣхъ деревьевъ теряетъ плодъ ива (верба), прежде чѣмъ онъ достигнетъ зрѣлости, почему у Гомера она названа теряющею плодъ (*„μακραί τ' αἴγειροι καὶ ἰτέαι ὠλεσίκαρποι*, Од. X, 510). Позднѣйшее время изложило это наблюденіе къ своему позору, ибо сѣмя ивы извѣстно, какъ средство сдѣлать женщину безплодною“. Pl. XVI, 46.

„Орлиные камни, находимые въ орлиныхъ гнѣздахъ „хранятъ въ *своемъ чревѣ* мягкую глину, пѣсокъ или другой твердый камень. Навязанныя на беременныхъ женщинъ или четвероногихъ въ кускѣ кожи жертвеннаго животнаго, они удерживаютъ въ ихъ чревѣ плодъ и должны быть снимаемы только при наступленіи родовъ; въ противномъ случаѣ страдающая родами вовсе неможетъ родить“. Pl. XXXVI, 39.

Tribus primis et quinto aquilarum generi inaedificatur nido lapis aetites... est autem lapis *ille praegnans* (беремененъ), intus alio, cum quatias, *velut* in utero sonante, sed vis illa medica non nisi nido direptis, ib. X, 4.

Отъ сходства:

Яйце ворона: „Ore eos (corvos) parere aut coire volgus arbitratur, ideoque gravidas, si ederint corvinum ovum, per os partum reddere atque in totum difficulter parere, si tecto inferuntur. Aristoteles negat, non hercule magis, quam in Aegypto ibim, sed illam exosculationem (schnäbeln) quae saepe cernitur, qualem in columbis esse. ib. X, 15.

— Отъ крови—красное. Gromphaena (=amarantus gromphaena. kugelamaranth) съ зелеными и розовыми листьями, попеременно сидящими на стеблѣ—sanguinem reicientibus medetur. Pl. XXVI, 23.

— *Polypodium* (=polypodium vulgare) „quam nostri feliculam vocant“—filix). „Aridae (radicis) farina indita naribus polypum consumit“ ib. XXVI, 37.

— Catanancen *(καταvάγκη*, по однимъ ornithopus compressus, по другимъ astragalus; одољан, одолѣн, Kolberg, Pokucie, III, 146) Thessalam herbam, qualis sit, describi a nobis supervacuum est, cum sit usus ejus, ad amatoria tantum. Illud non ab re est dixisse ad detegendas magicas vanitates, electam ad hunc usum conjectura, quoniam arescens contraheret se ad speciem unguium milvi exanimati, ib. XXVII, 35.

— Orchis *(ὄρχις* testiculus) растенiе, разные виды коего мр. любжа, любка, „люби мене непокинь“, у Даля—любжа: „Inter pauca mirabilis est orchis herba sive serapias... gemina radice testiculis simili, ita ut major sive, ut aliqui dicunt, durior, ex aqua pota, excitet libidinem, minor sive mollior e lacte caprino—inhibeat... Concitatricem vim habet satyrion; duo eius genera: una... radice gemina ad formam hominis testium... altera *satyrios orchis* (сатирово мудо) cognominatur et feminam esse creditam.... Haec (послѣдняя) tumores et vitia partium earum... sedat..., superioris radix in lacte ovis... data nervos intendit, eadem ex aqua remittit, Pl. XXVI, 62.

„Graeci satyrion... tradunt... radice gemina, cujus inferior pars et maior maris (=es) gignat, superior ac minor feminas. Et aliud genus satyri (=ii) erytraicon appellant... venerem etiamsi omnino manu teneatur radix stimulare, magis adeo si bibatur in vino austero; arietibus quoque et hircis... in potu dari, et a Sarmata equis ob adsiduum laborem pigrioribus in coitu.... In totum quidem Graeci, cum concitationem hanc volunt significare, satyrion appellant, sic et *crataegin* cognominantes, et thelygonon et arrenogonon, quarum semen testium simile est. Pl. XXVI, 63.

Cynosorchim (hundstode) aliqui orchim vocant.... radice bulbosa, ablonga, duplici ordine, superiore quae durior est, inferiore quae mollior... Ex his radicibus si majorem edant viri, maris generari dicunt, si minorem faeminae, alterum sexum. In Thessalia

molliorem... viri bibunt ad stimulandos coitus, duriorem vero ad inhibendos; adversantur altera alteri (дѣйствіе противоположно). Pl. XXVII, 42.

Быть можетъ, по противоположности между сатирами, отъ имени коихъ *orchis*—satyrion, и нимфами—nymphaea—какъ средство противъ безсилія: Venerem in totum adimit... nymphaea heraclia etc. Pl. XXVI, 61.

Lithospermum отъ камня. Inter omnis herbas lithospermo (=lith. offic. горобейникъ) nihil est mirabilius, aliqui exonychon (козье копыто) vocant. Herba... gerit iuxtra folia singulas veluti barbulas et in earum cacuminibus lapillos candore et rotunditate margaritarum, magnitudine ciceris, duritia vero lapidea: ipsi qua pediculis adhaereant cavernulas habent et intus semen... His lapillis drachmae pondere potis in vino albo calculos frangi pellique constat et stranguriam discuti; neque in alia herbarum fides est visu statim (съ такою достовѣрностью при первомъ взглядѣ), ad quam medicinam nata sit. Pl. XXVII, 74.

Пятоперстникъ (пятолистникъ, quinquefolium, potentilla, греч.—pentapetes=пятокрылъ, pentaphyllon, Pl. XXV, 62): Digitorum vitiis omnibus et privatim pterygiis (ноготь, волосъ) quinquefolium medetur. Pl. XXVI, 14.

Козла держатъ на конюшняхъ отъ домового (Аѳ. П. В. I, 714—5) Ср.:

Natrix (кнутъ, плесть) vocatur herba cuius radix evolsa *virus hirci redolet.* Hac in Piceno feminis abigunt quos mira persuasione (въ силу страннаго убѣжденія) *fatuos* vocant, ego-species lymphantium hoc modo animorum esse crediderim (я же считалъ бы мечтою=соннымъ видѣніемъ душъ, объятыхъ такимъ безумнымъ страхомъ), quae tali medicamento juventur. Pl. XXVII, 83. (растеніе *natrix* неопредѣлено въ точности *ononis* natrix? ononis *hircina*?).

Лѣкарства отъ сходства. „Morbo regio (желтухѣ) resistunt sordes aurium... Gallina si sit *luteis* pedibus, prius aqua purificatis, dein collutis vino, quod bibatur... Avis icterus vocatur a co-

lore (icterus желтуха), quae, si *spectetur*, sanari id malum tradunt, et avem mori. Hanc puto latine vocari galgulum (=galbulum). Pl. XXX, 28 (мр. средства — отваръ моркови, купанье въ отварѣ *желтыхъ* муравьевъ и обвязыванье краснымъ поясомъ, на который выходитъ желтяница, *крокісъ* (шафранъ), коралі, яичный желтокъ, Чуб. I, 113. Смотрятъ въ вычищенный мѣдный тазъ, въ которомъ живой окунь.

Отъ желтухи *ἐρυθρόδανον*, крапъ, radix tinctorum (красильное) внутрь. „По нѣкоторымъ оно исцѣляетъ желтуху даже если его привязать такъ, чтобъ было на виду. Pl. XXIV, 56.

... Et alibi genus *chrysolachani* (atriplex hortensis, червона, жовта лобода) traditur flore aureo... Haec herba adalligata morbum regium habentibus ita ut spectari ab his possit, sanare id malum traditur, Pl. XXVII, 43.

Отъ сходства къ причинности.

Когда установилось отношеніе сходства между образомъ внѣшней природы и душевнымъ явленіемъ, то дальнѣйшій шагъ можетъ состоять не только въ томъ, что образъ станетъ причиною, производящею душевное явленіе (cera liquescit... sic Daphnis nostro amore), но и наоборотъ:

Сила чувства изображается тѣмъ, что оно во внѣшней природѣ производитъ свой символъ: (См. метонимію *τὸ χλορὸν δέος).*

Ой як же я закувала, ввесь сад поламала.
(О св. нѣкр. предсг. 11).

Про все мені байдуже, а кобзи як би неділю небуло, такъ я й гори топлю. З. о. Ю. Р. I, 13. Мое Сл. о П. Иг., 75.

Як ми з тобою зпознавалися,
Сухі дуби развивалися,
А як кохаться перестали,
Й однолітки повсихали, М. 69.

Сердце горючее=огонь. Слѣдовательно при извѣстныхъ условіяхъ огонь можетъ распалять сердца, и сердце — производить *пожаръ*.

Отсюда величанья, „кад одмакну сватови с дјевојком:

Бубањ бије од града до града,
Воде Іању од Соколовића:
Прео које горе преведоше,
Она гора јабуком родила;
Прео које воде преведоше,
Она вода вином отјецала;
(Об. мр. п. II, 389, 392)

У које је село уведоше,
Оно село здраво и весело;
У коју је кућу уведоше:
Око куће сење и јасење,
А у кући здравље и веселье.
Ђ. Рајков. 108.

Кад јој видим црне очи,
Не пада ми сан на очи
Већ ми пада јад на срце;
Од јада ми гора вене,
И у гори горско цвиће,
Горско цвиће трандофиле.
Ђ. Рајков. 110 Н. Бегов. 76.

Од севдаха ништа горе нејма,
Од севдаха суши се и трава;
Како неће срце у дјевојке?
К. Ристић. 35.

Отъ сходства къ причинности, (*починъ*).

Слѣдствіе есть повтореніе причины. N таковъ, потому, что въ такомъ настроеніи родила его мать. (Ср. Метлинскій, 275).

„Хоћеш, ћери, ти за Иву поћи?“
— Нећу, мајко, ја за Иву поћи:
Ја сам с Ивом на слогу [1]) прежела [2]).

[1]) Слог=*Леха*.
[2]) (Жать на в-заводи? на перегонку?).

Ја говорим, а он са мном неће,
Ја се смијем, он се смијат неће,
Ја се наньга с јабукама бацам,
А он на ме ни с каменом неће;
Камено му срце материно,
Која га је срдита родила,
Јер га није весела родила
К'о што ј'мене моја мила мајка.

Ђ. Рајков. 19.

Можетъ быть сюда: „дѣло будетъ таково, потому что задумано или начато при такихъ то предвѣстіяхъ. Х идущій на смерть, незная объ этомъ:

Коња седла, коњ се одседлава,
Узду меће, узда с' одуздава.

Ђ. Рајков. 168.

Какъ образецъ миѳическаго мышленія, заключеніе отъ образа къ объясняемому: „тыи всѣ части (казаня, т. е. эксордіумъ, наррація, конклюзія) маются згажати з' ѳемою. бо, якъ з малого жродла выходитъ великая рѣка, єднакъ вода у рѣцѣ згажаєтъся з' тоїю водою, которая єстъ в' жродлѣ, такъ з малои ѳемы великоє походитъ казанє, за чимъ части котрыи ся в' казаню знайдуютъ, повинны ся з' ѳемою згажати, жебы, що ся в' ѳемѣ знайдуетъ, тоє в' ексродіумъ и в' нарраціи, и в' конклюзіи ся знайдовало. Наука албо способъ зложеня казаня въ Ключѣ разумѣнія Іоанникія Галятовскаго 1659. Буслаевъ, Историч. Христоматія. 1126.

По подобію. Платонъ: міръ есть животное. Льюисъ 332.

Отъ частнаго сходства къ тождеству. Замѣна одного другимъ: крапива и т. п. вмѣсто огня. Пѣтухъ вм. огня. Аѳ. П. В. I, 524. Яйцо и громовая стрѣла, ib. 538. Коровій калъ, какъ лѣкарство, ib 672. Прутья вербы и громовыя стрѣлы, ib. 702.

Ѣдучи съ панычемъ Романомъ Тихоновичемъ въ полкъ, Кирюшка замѣчаетъ, что отъ города имъ на встрѣчу летятъ птицы, и все смирныя, нехищныя, и онъ толкуетъ, что не воевавши ни

съ кѣмъ, панычъ скоро воротится. Герой Очаковскихъ временъ, Квитка III, 258.

Огурцы *вяжутся*. Чтобъ лучше вязались—чары съ поясомъ, лаптемъ (Номис, № 257—8), съ растеніями „котиками".

Веснушки. Хто має ластовиння на виду, то, побачивши весною у перше ластівку, примовля: „ластівко, ластівко, на тобі веснянки, дай мені білянки", а потім умивається. Ном. 5.

Въ Куявахъ женщина, впервые весною увидѣвши ласточку, утираетъ лицо ладонями, какъ бы умываясь, чтобы незагорать отъ солнца. Kolb. Lud III, Kujawy, 91.

„Кольца, что складываются изъ мотыльковыхъ яичекъ на... вѣткахъ...—то „зозуля наковала". Максимовичъ, „Дни и мѣсяцы украинск. селянина". (Собр. соч. II, 482).

Въ Пензенской губ. мнѣ эти кольца называли „кукушкины слезки".

— Встрѣтить съ *полнымъ* предвѣщаетъ удачу. Квитка, Гер. Оч. Вр., 262, 255, 275.

„Виставляючи по весні бджоли, переносять їх черезъ гостру *косу*, щоб були злі и недалися чужій бджолі: вони нетілько недадуться, а ще й чужу забьютъ". Мандж. (=посічуть).

Выбирая мѣсто подъ хату, смотрятъ, чтобъ подъ нее не пришлась прежняя дорога; въ противномъ случаѣ въ новой хатѣ жильцы скоро вымрутъ. П. Ивановъ. Купянск. у. Х. г.

— Начинать строить хату въ день Преподобнаго, а не мученика, а не то—недостроишь, ib.

Понедѣльникъ тяжелый день для всего, кромѣ посадки огурцовъ, дынь, арбузовъ, которые слѣдуетъ садить въ понедѣльникъ, чтобы первые цвѣты были съ завязью, ib. („Понеділок божій клюшник, Об. мр. п. I, 108).

Когда въ хатѣ сидитъ птица на яйцахъ, нельзя печь яицъ ни жечь яичной скорлупы въ печи, иначе запекутся зародыши въ яйцахъ подъ насѣдками. Тогда же нечистить сажи въ трубѣ, а не то яйца подъ насѣдками внутри почернѣютъ. П. Ив. Куплянск. у.

При лѣченіи отъ „урокiв“ наговоренную воду выливаютъ подъ пяту двери, „щоб лихо так крутилось, як крутяться двери. ib. — Землю съ могилы сыплютъ подъ порогъ хаты, чтобъ у ворчливой свекрови или мачехи языкъ онѣмѣлъ, и она перестала браниться. ib.

„Негодиться“ держать въ хатѣ вѣникъ изъ дерезы, а то въ семьѣ будутъ частыя ссоры. ib.

Дѣвка бросаетъ за выходящимъ изъ хаты парубкомъ щепоть соли, чтобъ онъ ходилъ къ ней, какъ овца къ соли. Kolb. Pok. III, 141.

Умозаключеніе въ области метонимiи, когда причиною становится метонимическій образъ=*cum v. post hoc, ergo propter hoc*. Эта послѣдняя формула—шире разсматриваемаго случая, потому что *а* можетъ быть одновременно съ *б* или слѣдовать за нимъ, небудучи его образомъ.

Свойство животнаго черезъ пищу переходитъ въ его *калъ*:

„Capras negant lippire (у нихъ негноятся глаза), quoniam eae quasdam herbas edant; item dorcadas (быстроглазыя газели: *δορκὰς, παρά τό βλέπω (δέρκομαι), ὀξυδερκές γαρ τό ρῶον καί εὐόμματον):* et ob id fimum earum cera circumdatum nova luna (чтобъ зрѣніе росло вмѣстѣ съ нею) devorari jubent. Et quoniam noctu aeque quoque cernant, sanguine hircino sanari lusciosos putant, nyctalopas a Sraecis dictos (невидящими ночью)“. Pl. XXVIII, 47).

Cum hoc (какъ соприкосновеніе, пространственное сближеніе) *ergo propter*:

Наузы. (Для укрѣпленія шатающихся зубовъ и отъ зубной боли—зубной порошокъ изъ жженаго или сырого оленьяго рога):

„Magnum remedium est in luporum capiis cinere, certumque est, in excrementis eorum plerumque inveniri ossa. *Haec adalligata* eundem effectum habent“. (Pl. XXVIII, 49).

„Febres arcet cervorum caro... easque quidem, quae certo dierum numero redeunt, *oculus lupi* dexter salsus adalligatusque“ (ib. 66).

Отъ зубной боли навязывать зубъ собаки, крота, змѣи (ib. XXX, 7—8).

Летучая мышь — ночное животное, отсюда: „Somnum arcet vespertilionis caput aridum adalligatum“ (ib. 48). Навязанная *кукушка* наводитъ сонъ (векуветъ ночью). Куры спятъ ночью. Отсюда—отъ неспячки носить дѣтей къ курамъ. См. заговоръ отъ безсонницы взрослому—черную курицу зарѣзать, ощипать, мясо бросить, чтобъ никто несъѣлъ, а перьями подкурить. (Кв. Гер. оч. врем. III², 262).

Въ числѣ прочихъ наузовъ отъ лихорадки: „Et in tertianis fiat potestas experiendi, (quoniam miserias copia spei delectat), anne aranei, quem *lycon* vocant, tela cum ipso, in splenio resinae cerae que, imposita utrisque temporibus et fronti prosit, aut ipse calamo adalligatus, qualiter et aliis febribus prodesse traditur“. (Pl. XXX, 30).

„Tanta vis mali est (яда бѣшенной собаки), ut urina quoque calcata rabiosi canis noceat, maxime ulcus (чирей) habentibus... Minus hoc miretur, qui cogitet, lapidem, a cane morsum,... in proverbium discordiae venisse“ (ib. XXIX, 32). (Объясняютъ): „fortassis ita dictitabant in hominem convitiatorem et rixosum: „hic lapidem calcavit a cane morsum“).

Медвѣдь. „Primis diebus (спячки) bis septenis tam gravi somno premuntur, ut ne vulneribus quidem excitari queant. Tunc mirum in modum veterno pinguescunt... Ab iis diebus resident ac priorum pedum suctu vivunt... Mirum dictu, credit Theophrastus, per id tempus coctas quoque ursorum carnes, si adserventur, increscere“ (ib. VIII, 54). Теофрастъ говоритъ о медвѣжьемъ жирѣ.

Тюлень. (Vitulus marinus, phoca monachus). „Ipsis in somno (слышится) mugitus, unde nomen vituli... Nullum animal graviore somno premitur... Pellis eorum etiam detractas corpori sensum aequorum retinere tradunt (=чуютъ море) semperque aestu maris recedente (при отливѣ) inhorrescere (ощетиниваются); praeterea dextrae pinnae (ластъ) vim soporiferam inesse somnosque adlicere subditam capiti“. (Pl. IX, 15).

Орлы пожираютъ другихъ птицъ. Отсюда: „Aquilarum pinnae, mixtas reliquarum alitum pinnas devorant“ (ib. X, 4).

Post hoc. Кукушка въ ястреба и обратно: „Соссух (кукушка) повидимому—изъ ястреба (ex accipitre) измѣняетъ видъ (лишь) на (нѣкоторое) время года, такъ какъ въ это время ястреба показываются лишь въ теченіе немногихъ дней. Сама кукушка показывается лишь на короткое лѣтнее время, а затѣмъ ея невидно. Изъ всѣхъ ястребовъ у нея одной когти не кривые, ни головою и ничѣмъ она непохожа на ястребовъ, кромѣ цвѣта; по клюву—скорѣе на голубя. Ястребъ ее и истребляетъ, если случится имъ показаться въ одно и тоже время. Т. о. кукушка единственная птица, убиваемая другими того же рода (a suo genere interempta). Она измѣняетъ и голосъ. Появляется весною, скрывается при восходѣ каникулы". (Pl. X, 11).

Козодой: „Caprimulgi appellantur grandioris marulae adspectu, fures nocturni, interdiu enim visu carent. Intrant pastorum stabula caprarumque uberibus advolant suctum propter lactis, qua injuria uber emoritur caprisque caecitas, quas ita mulsere, oboritur" (ib. 56).—(Ср. *Ласточка*—Аѳ. II. В. I, 669).

Звѣзды—роса: „Sidus, appellatum Veneris... aemulum solis ac lunae. Praeveniens quippe et ante matutinum exoriens, Luciferi nomen accipit, ut sol alter, *diem maturans* (ускоряя появленіе дня своимъ свѣтомъ); contra ab occasu refulgens nuncupatur vesper, ut prorogans lucem, vicemque lunae reddens... Hujus *natura* cuncta generantur in terris. Namque in alterutro exortu (утромъ и вечеромъ), *genitali* rore conspergens, non terrae modo conceptus implet, verum animantium quoque omnium (conceptus) stimulat" (ib. II, 6).

Звѣзды — роса, медъ. (Эти сочетанія въ слав. и др. инд.—см. въ моихъ „Объясн. мр. п. I, 96, 114).

„Venit hoc (=т. е. mel) ex aere et maxime siderum exortu, praecipueque ipso sirio explendescente fit, nec omnino prius vergiliarum exortu (Плеядъ, 48 дней послѣ весенняго равноденствія), sublucanis temporibus (передъ свѣтомъ). Itaque, tum, prima Aurora (какъ только зазорѣетъ), folia arborum melle roscida inveniuntur ac, si qui matutino sub divo fuere (кому случалось бывать утромъ подъ открытымъ небомъ), unctas liquore vestis (=es) ca-

pillumque concretum (слипаются) sentiunt. Sive ille est coeli sudor, sive quaedam *siderum saliva*, sive purgantis se aeris sucus (=cc.), utinamque esset et purus ac liquidus et suae naturae, qualis defluit primo; nunc vero (хотя) e tanta cadens altitudine multumque dum venit sordescens et obvio terrae halitu infectus, praeterea e fronde ac pabulis potus et in utriculo congestus apium (ore enim eum vomunt), ad hoc suco florum conruptus et alvis maceratus (ослабленный вліяніемъ ульевъ) totiensque mutatus magnam tamen caelestis naturae voluptatem adfert (приноситъ большое наслажденіе согласно своей небесной природѣ)". Pl. XI, 12.

„Ibi optumus (mel м. р.) semper, ubi optumorum doliolis florum conditur (гдѣ скрытъ въ чашечкахъ)... sorbetur (пчелами) optumum et minume fronde infectum e quercus, tiliae, harundinum foliis" (ib. 13).

„Immensa circa hoc (въ этомъ) subtilitas naturae mortalibus patefacta est, ni fraus hominum cuncta pernicie conrumperet (если бы обманъ непортилъ и негубилъ всего). Namque ab (при) exortu sideris cujuscumque, sed nobilium maxume, aut caelestis arcus, si non sequantur imbres, sed *ros* tepescat solis radiis, medicamenta, non mella, gignuntur, oculis, ulceribus internisque visceribus dona caelestia. Quod si servetur (если собирается медъ) hoc sirio exoriente casuque congruat in eundem diem, ut saepe, Veneris aut Iovis Mercurique exortus (если случится совпаденіе), non alia suavitas visque mortalium malis a morte vocandis, quam divini *nectaris*, fiat (то сладость и сила удалять болѣзни смертныхъ отъ смертнаго исхода не меньше, чѣмъ...)" ib. 14.

Трава отъ укушенія змѣй появляется и исчезаетъ вмѣстѣ съ ними:

„In eadem provincia (Hispaniae) cognovi in agro hospitis (своего хозяина) nuper ibi repertum *dracunculum* appellatum caulem pollicari crassitudine, versicoloribus viperarum maculis (=отъ сходства), quem ferebant contra omnium (viperarum) morsus esse remedio, alium quam quos in priore volumine (—XXIV. 23—) ejusdem nominis diximus; sed huic alia figura, aliud miraculum exse-

renti se terra ad primas serpentium vernationes bipedali fere altitudine rursusque cum iisdem in terram condenti; nec omnino, occultato eo, adparet serpens, vel hac hoc per se satis officioso naturae munere, si tantum praemoneret tempusque formidinis demonstraret" (= было бы уже то одно достаточно благодѣтельнымъ даромъ природы, если бы это растеніе предостерегало и указывало время, когда слѣдуетъ бояться). Pl. XXV, 6.

Cum hoc=propter hoc: „Hominum dentibus quoddam inest virus, namque et speculi nitorem ex adverso nudati habetant (если оскалить ихъ противъ зеркала, то оно тускнѣетъ) et columbarum fetus inplumis (=es) necant" ib. XI, 64.

— *Огонь* самъ себя рождаетъ, *скрытый въ камнѣ, деревѣ*:

„Quum sit hujus unius elementi ratio faecunda (одна эта стихія способна разрождаться, распространяться) seque ipsa pariat et minumis crescat a scintillis, quid fore putandum est in tot rogis terrae (что наконецъ будетъ изъ столькихъ костровъ въ землѣ?), quae est (какъ могущественна) illa natura, quae *voracitatem* in toto mundo avidissimam sine damno sui pascit. Addantur iis sidera innumera ingensque sol. Addantur humani ignes, et lapidum quoque insiti naturae, attrita inter se ligna, jam (на конецъ) nubium (ignes) et origines fulminum" (огонь скрытъ въ облакахъ, порождающихъ молнія) ib. II, 111.

Пчелы и другія насѣкомыя—*изъ дохлыхъ животныхъ*:

„Sunt qui... (apes) iu totum... amissas reparari (putent) ventribus bubulis recentibus cum fimo obrutis, Vergilius (—Georg. IV, 284 сл.—) juvencorum corpore exanimato, sicut equorum vespas atque crabrones, sicut asinorum — scarabaeos, mutante natura ex aliis quaedam in alia (=*превращенія*). Sed horum omnium (vesparum, crabronum, scarabaeorum) coitus cernuntur (можно видѣть совокупленія, тогда какъ совокупленія пчелъ (по XI, 16) никто никогда ненаблюдалъ), et tamen in fetu (относительно зарожденія) eadem prope natura, quae apibus" ib. XI, 23.

Cum, post hoc=propter hoc—въ грамматикѣ:

Въ лат. abl. abs.—отъ отношенія времени къ условію, основной причинѣ: „Venae latiores candidioresque pulpae fissilibus (arboribus) insunt. Ideo fit, ut, *aure* ad caput trabis quamlibet praelongae admota (=если...) ictus ab altero capite... sentiantur, penetrante rectis meatibus sono (=такъ какъ...) ib. XVI, 73.

— Отъ безсонницы заговоры—къ зорямъ, а такъ какъ пѣтухъ зоветъ свѣтъ, то и къ курамъ.

Жаворонокъ приноситъ *весну*: „Малий соловейко сади розвиває"; jau uždégs kéle kodeli. (Мр. п. по сп. XVI в., 35).

„Німці, як прилетить *черногузъ*, кажуть: „уже черногузъ полудень приніс", та й починають полудновати; а як піде у вирій, то й полудень кидають". (Манж. Новомоск. у.).

— *Почин*—Объясн. мр. п. II, 64—4.

— *Счастливыя* (и несчастныя) *вещи*. Когда при насъ была такая-то вещь, намъ была удача. Слѣдовательно—нужно держать ее на счастье:

„Пак се Лазар поче облачити...
И припаса све сретно оружје,
Са којим је на бој ударао
И здраво се на траг повраћао. (Кар. Пјес. IV, 299)

Т. о. изъ ряда обстоятельствъ случая *А* выдѣляется одно, на пр. мѣсто и т. п. и ставится единственною причиною этого и другихъ подобныхъ случаевъ:

„(Стоянъ) хитро преспо у Личку крајину
Од Котара до воде студенца,
Што се вода Несретница зваше:
Когођ пио злосретан је био...
Код воде је витез погинуо...
Но Стојан се тврдо усријао:
Пивом жеђу утулит неможе,
До напій се воде Несретнице,
Ко ј' гођ пио несрецан је био.
Пак с' одмаче под јелу зелену,
Под јелу га санак преварио

Ђе је срећа, ту је и несрећа
Те се Турска чета подоскула
И пред четомъ сила Мустајбеже,
Доће чета па воду студену,
Код воде је трудна погинула
љеба ију, ладне воде пију
Па кад су се одмарили Турци,
Рече дружби силан Мустајбеже;
„Чујете л' ме љубезна дружина!
Та се вода зове несретница,
Ко гођ пио, несретан је био;
Іа се бојим Іананвић Стојана.

Турки овладѣваютъ Стояномъ... Хаики, сестра Мустайбега, освобождаетъ его и бѣжитъ съ нимъ. На возвратномъ пути непьютъ этой воды. Турки ихъ догоняютъ, Стоянъ избиваетъ.

Умозаключеніе—pars pro toto: напр., цѣлое—борьба грековъ съ варварами. Причина ея, по Геродоту (1), похищеніе такихъ-то женщинъ съ одной и съ другой стороны.

— „Has (cunctas margaritites)... inpleri *roscido* conceptu tradunt". (Pl. IX, 34).

— Рад би вітер повівати—рад би милій прибувати:

„Пуни ми, пуни, ладане
Дођи ми, дођи, драгане"... (Давидовић, С. н. п. 96).

Ладан (при хладьнъ), какъ:

„Разболе се боланс Іоване". (Б. М. С. н. п... у Срему 14).

Мутити—љутити:

„Не чудим се..........
Ани води, што се често мути,
Већ мом драгом, што се на ме љути".
Давидовић, С. н. п. 79).

— Понятіе *genus, родъ* (общее)—антропоморфично. *Родъ—слѣдъ*:

„Прођ се, сине, турскијех ерлија
И прођи се каурских ђидија

(Два су врага, а једнога трага)
Већ се жени, води ми одм'јену".
(Беговић, С. н. п. I, 104).

— *Горы толкучія.* Плиній читалъ „Etruscae disciplinae volumina" и нашелъ тамъ между прочимъ описаніе чуда бывшаго за 94 г. до Р. Х.: двѣ горы бились, между ними—дымъ и пламя. (Pl. H. N. II, 85).

Заключеніе отъ созвучія:

„Ты святэй Кузьма—Дземьянъ
Да скуй жа намъ свадзебку!
Да святэй же Лука
Солучи намъ гэту пару" (Шейнъ, Мат. II, 49).
„Быць яму (жениху) ў Божжимъ дому,
Дзѣ самъ Богъ суды судзиць,
Прячиста Матушка пирясуживаиць,
Сынъ Божій винець дзєржиць,
Сьвитая *Сулука* сылучаиць" (Вит. губ. ib. 58).
„Ты святой Лука—Боже!
Солучи нашу свадзебку,
Двухъ молодыхъ въ одно мѣсто" (См. г., Бѣльск. у. ib. 393).

Возведеніе универсаловъ на небо повело къ отожествленію общаго съ желательнымъ и породило ошибочную терминологію, по которой желательное есть *общее*: напр. „Вмѣсто объективно-достовѣрныхъ общечеловѣческихъ началъ правды славянофилы въ основаніи своихъ доктринъ поставили предполагаемый идеалъ русскаго народа" и пр. (В. Соловьевъ „Оч. изъ ист. русск. созн." В. Е. 1889, 11, 383).

Истина, добро, красота входятъ узкими вратами. Стоило ли бы ихъ проповѣдывать и возможно ли было бы изъ-за нихъ страдать, если бы они были въ какомъ-либо отношеніи общечеловѣческими?

Вражда и любовь внѣ животной сферы (метафора):

„Pax secum in his aut bellum naturae dicetur, odia amicitiaque rerum surdarum ac sensu carentium (=противорѣч.?)... quod Graeci sympathiam et antipathiam appellavere, quibus cuncta constant, (чѣмъ все держится) ignis aquis restinguentibus, aquas sole devorante, luna pariente (aquas), altero alterius injuria deficiente sidere (каждое изъ этихъ двухъ свѣтилъ затмѣвается, обижаемое другимъ); atque, ut a sublimioribus recedamus, ferrum ad se trahente magnete lapide et alio (lapide) rursus abigente a sese, adamanta (винит.) opum gaudium, infragilem omni cetera vi et invictum, sanguine hircino rumpente, quaeque alia in suis locis dicemus paria vel majora miratu". (Pl. XX, 1).

Т. о. метаф. *вражда* и *любовь* создаетъ обнимающую весь міръ связь причинъ и слѣдствій. Сюда сказки Аѳанасьева II, № 1 и стр. 130—1, Рудченко I, № 27 („Шуляк—до курей, а кури до червей, а черви до довбні, а довбня до волів, а воли до води, а вода до огню, а огонь до Татаръ, а Татары до людей, а люде до вовка, а вовк до кози, а коза до билини, а билина (що нехотіла поколихати горобця) тоді: „колих, колих, батьку ёго сто лих!"); пословица: „коза дере лозу, хлопъ козу, хлопа жид, жида панъ, пана юриста, а юристу чортів триста".

Quercus et *olea* tam pertinaci odio dissident, ut altera in alterius scorbe depactae (посаженные) moriantur, quercus vero et juxta nucem juglandem.

Pernicialia et *brassicae* cum *vite* odia; ipsum olus (=brassica), quo vitis fugatur, adversum, (противопоставленная), *cyclamino* et *origano* arescit... *Surdis* etiam rerum (изъ неживыхъ вещей) sua cuique sunt venena ac minimis quoque. Philyra (лыкомъ липовымъ) coci (=повара) et polline (мелкою мукою) nimium salem cibis eximunt; praedulcium fastidium sal· temperat.

Nitrosae aut amarae aquae polenta (ячмен. крупа) addita mitigatur et intra duas horas bibi possint, qua de causa in saccos vinarios (weinseihsäcke) additur polenta; similis vis Rhodiae cretae et argillae nostrati. Concordia valent (дѣйствуетъ согласіе), cum

pix oleo extrahitur, quando (такъ какъ) utrumque pinguis naturae est; oleum solum calci miscetur, quando utrumque aquas odit. Cummis (камедь) aceto facilius eluitur, atramentum aqua; innumera praeterea alia... *Hinc nata medicina*; haec sola naturae placuerat esse remedia parata volgo, inventu facilia ac sine impendio (недорогія) (Pl. XXIV, 1).

„Harundinis genera XXIX demonstravimus, non aliter evidentiore illa naturae vi (sympathia et antipathia.), quam *continuis his voluminibus tractamus*. siquidem harundinis radix contrita inposita felicis (папоротн) stirpem corpore extrahit. item harundinem felicis radix" (ib. XXIV, 50).

— *Ненависть извѣстныхъ растеній къ селезенкѣ, къ мясу* (*= попданье*):

„Myricen, quam ericam vocant,... eandem arbitrantur quidam tamaricen (— tamarix gallica — которую смѣшиваютъ по сходству съ erica, heidekraut, верескъ)... ad lienem praecipua est, si succus ejus expressus in vino bibatur: adeoque mirabilem ejus *antipathian* contra solum hoc viscerum faciunt, ut adfirment, si ex ea alveis (корыто; но изъ тамариска можно ли?) factis bibant sues, sine liene inveniri. Et ideo homini quoque splenico cibum potumque daut in vasis ex ea factis" (ib. XXIV, 41).

„Invenit... Teucer... *Teucrion* (gemeine milzfarn) medetur lienibus constatque sic inventam: cum exta super eam projecta essent adhaesisse lieni eumque exinanisse: ob id a quibusdam splenion vocatur" (ib. XXV, 20).

„Helleborum album... tradunt absumi carnis (=es) si coquatur una" (ib. XXV, 23).

„Necant invicem inter sese (plantae) umbra vel densitate atque alimenti rapina: necat et hedera vincieus; nec viscum prodest, et cytisus (geissklee) necatur eo, quod halimon (atriplex halimus, strandmelde) vocant Graeci.

Quorundam natura non necat quidem, sed laedit odore aut sac(caeli mixtura, ut raphanus (rettig) et laurus vitem: olfactatrix enim intelligitur (этимъ изъясняютъ, что лоза [illegible] чувствительна къ

запахамъ) et tingui odore mirum in modum; ideo, cum juxta sit, averti (отворачивается) et recedere soporemque inimicum fugere. Hinc sumpsit Androcydes medicinam contra ebrietates raphanum, mandatur praecipiens (предписывая жевать). Odit et caulem (kohl, капусту) et olus omne, odit et corylum (орѣшникъ), ni procul absint (и если они не вдали, то...) tristis atque aegra. Nitrum quidem et alumen, marina aqua calida et fabae putamina vel ervi ultima venena sunt (для лозы) (ib. XVII, 37).

„(Graeci) putant (brassicam)... vino adversari, ut inimicam vitibus, antecedente in cibis caveri ebrietatem, postea sumpta crapulam discuti“ (ib. XX, 34).

Коровій навозъ и *пчелы*: „Circumlini alvos fimo bubulo utilissimum... alvos hieme stramento operiri, crebro suffiri (окуривать), maxime fimo bubulo. Cognatum hoc iis (такъ какъ по повѣрью, пчелы изъ внутренностей быковъ (ib. XI, 23) или изъ дохлыхъ быковъ), innascentis (=es) bestiolas necat, araneos, papiliones, teredines, apis (=es) que ipsas excitat“ (ib. XXI, 47).

Бракъ лозы и тополя: „In Campano agro populis nubunt (vites) maritasque (populos) conplexae atque per ramos earum procacibus brachiis geniculato cursu scandentes cacumina aequant, in tantum sublimes, ut vindemitor auctoratus (нанимаясь) rogum ac tumulum excipiat (выговариваетъ себѣ погребальный костеръ и могилу)... Ulmos quidem ubique exsuperant, miratumque altitudinem earum Ariciae (въ Ариціи) ferunt legatum regis Pyrri Cinean facete lusisse in austeriorem gustum vini (съострилъ, намекая на терпкій вкусъ вина), merito *matrem ejus* (лоза) pendere in tam alta cruce“ (ib. XIV, 3).

Учить свирѣль играть... (Прежде, въ старину у Грековъ) „Caedi solebant (calami fistulis—для свирѣлей)... sub arcturo (въ сентябрѣ). Sic praeparatae, aliquot post annos utiles esse incipiebant. Tunc quoque multa domandae exercitatione et canere tibiæ ipsæ edocendæ“ (ib. XVI, 66).

Рѣзать свирѣль изъ бузины, *де кури непіють*:

„Ex qua (sambuco) magis canoram bucinam tubamque, credit pastor, ibi caesa, ubi gallorum cantum frutex ille non exaudiat“ (ib. XVI, 71).

Прищепка—прелюбодѣяніе. (Вслѣдствіе того что подъ городомъ (Римомъ) даже отдѣльныя деревья продавцамъ приносятъ большой доходъ (на пр. 2000 сестерцій=266.......), „Ob hoc insita et arborum quoque adulteria excogitata sunt, ut nec poma pauperibus nascerentur“ (ib. XVII, 1).

„Neque enim animalium tantum est ad coitus aviditas, sed multo major est terrae et satorum (растеній) omnium libido, qua tempestive uti (отъ того чтобы воспользоваться) plurimum interest conceptus (зависитъ); peculiare utique in insitis (въ особенности это о прищепахъ), cum sit mutua cupiditas utrique coeundi. Qui ver probant (тѣ люди, которые), ab aequinoctio statim admittunt, praedicantes germina parturire (ссылаясь на то, что тогда беременѣютъ почки) ideo facilis corticum esse conplexus (что поэтому легче берется одна за другую кора); qui praeferunt autumnum, ab arcturi ortu, quoniam statim radicem quandam capiant (пускаютъ корень), et ad ver parata veniant atque non protinus germinatio auferat viris (=es)“ (ib. XVII, 30).

Лѣкарствомъ служатъ *враждебное* тому, что произвело болѣзнь:

„Est contra morsum ejus (muris aranei, землеройки, земляне щеня?) remedio terra ex orbita. Ferunt enim non transiri ab eo orbitam torpore quodam naturae“ (XXIX, 27).

„(Mures aranei) ubicunque sint, orbitam si transiere, moriuntur“ (ib. VIII, 83).

„Scorpionibus contrarius... invicem stellio (sterngäcker, stern eidechse) traditur, ut visu quoque pavorem iis afferat et torporem frigidi sudoris. Itaque in oleo putrefaciunt eum et ita volnera perunguunt“ (ib. XXIX, 28).—На оборотъ: „Scorpio tritus stellionum veneno adversatur“ (ib. XXIX, 22).

„Et iis (cervis) est cum serpente pugna. Vestigant cavernas nariumque spiritu extrahunt retinentes. Ideo singulare ([illegible])

abigendis serpentibus odor adusto cervino cornu. Contra morsus vero praecipuum remedium ex coagulo hinnulei, in matris utero occisi... Febrium morbos non sentit hoc animal, quin et medetur huic timori. Quasdam modo principes feminas scimus omnibus diebus matutinis (по утрамъ) carnem eam degustare solitas, et longo aevo caruisse febribus„ (ib. VIII, 50).

Теорія противоядій: „Antiquorum curam diligentiamque quis possit satis venerari! Constat omnium venenorum ocissimum esse *aconitum* (=по Роговичу мр., *борецъ*; по другому чтенію—*acontium,* что̀ принимаютъ за doronicum pardalionches, doronicum scorpioides, Seneswurz; о немъ Pl. XXV, 75: „Thelyphonon herba (=женоубійца) ab aliis scorpion vocatur propter similitudinem radicis, cujus tactu moriuntur scorpiones; itaque contra eorum ictus bibitur. Thelyphonon omnem quadripedem necat inposita verendis (=pudendis) radice.), et tactis quoque genitalibus feminini sexus animalium eodem die inferre mortem. Hoc fuit venenum, quo interemptas dormientis (=es) a Calpurnio Bestia (участникъ заговора Катилины) uxores M. Caecilius accusator objecit; hinc illa atrox peroratio ejus in digitum.

Ortum fabulae narravere e spumis Cerberi canis, extrahente ab inferis Hercule, ideoque apud Heracleam Ponticam, ubi monstratur is ad inferos aditus, gigni.

Hoc quoque tamen in usus humanae salutis vertere, scorpionum ictibus adversari experiendo datum in vino calido. Ea est natura, ut hominem occidat, nisi invenerit quod in homine perimat. Cum eo solo conluctatur (ср. *борецъ*), veluti pari intus invento (нашедши себѣ противень); sola haec pugna est (этимъ ограничивается борьба), cum venenum in visceribus invenit, mirumque, exitialia per se ambo cum sint, duo venena in homine commoriuntur (умираютъ вмѣстѣ), ut homo supersit. Immo vero etiam ferarum remedia antiqui prodiderunt, demonstrando, quomodo venenata quoque ipsa (сами ядовитые) sanarentur.

Torpescunt scorpiones aconiti tactu stupentque pallentes et vinci se confitentur; auxiliatur his helleborum album, tactu resol-

vente (....... прикосновеніе ихъ (скорпіоновъ) освобождаетъ) ceditque aconitum duobus malis, suo (helleboro) et omnium (=scorpioni)...

Tangunt carnis (=es) aconito necantque gustatu earum pantheras... ob id quidam *pardalianches* appellavere; at illas statim liberari morte excrementorum hominis gustu demonstratum (cp. Pl. VIII, 41).... alii (appellavere aconitum) *thelyphonon*... kadix incurvatur scorpionum modo, quare et *scorpion* aliqui vocavere; nec defuere, qui *myoctonon* appellare mallent, quoniam procul et e longinquo odore muris necat" (ib. XXVII, 2).

Лѣкарства по противоположности:

Какъ *печень* отъ *болѣзни* печени, такъ вещь, обладающая извѣстнымъ свойствомъ, отъ болѣзни, состоящей въ недостаткѣ этого свойства. Для отличенія этого отъ пріема современной медицины (желѣзо—отъ недостатка желѣза въ крови) нужно прибавить, что въ миѳическомъ мышленіи свойство лѣкарства есть символъ того свойства, которое считается недостающимъ въ болѣзни.

Зрѣніе=свѣтъ, яркій, особенно желтый цвѣтъ. Отсюда отъ помраченія зрѣнія—желчь.—Товій излѣчиваетъ слѣпоту отца полученною отъ ангела желчью какой-то рыбы.—„Отъ помраченія (contra caligines)—желчь козья,... заячья" (Pl. XXVIII, 47), при чемъ полагаютъ, что важно, чтобы коза была рыжая (rutuli coloris), (ib.).

„Minorum animalium (fel) subtilius intelligitur et ideo ad oculorum medicamenta utilius existimetur" (ib. XXVIII, 40).

„Fel testudinum claritatem oculorum facit" (ib. XXXII, 14).

(Отъ болѣзни *печени* и пр. *печень* и пр.): „Sanguinis excreationes haedinus sanguis recens... cum aceto et vino acri (reficit) (ib. XXVIII, 54).

„Iocineris dolores—lupi jecur aridum... asini jecur aridum" (id. 55).

„In renium dolore leporis renis crudos devorari jubent, aut certe coctos, ita ne dente contingantur" (ib. 56).

„Lienem sedat... efficacissime (tamen) inveteratus lien asini... Eadem ex causa emi lienem vituli, *quanti indicatus sit* (сколько запросятъ), jubent magi *nulla pretii cunctatione* (немедля, неторгуясь), quoniam hoc quoque religiose pertineat, divisumque per longitudinem adnecti tunicae utrimque, et induentem (кто надѣваетъ) pati decidere ad pedes; dein collectum in umbra arefacere. Quum hoc fiat, simul residere (осядетъ, успокоится) lienem aegri vitiatum, liberarique eo morbo dicitur“ (ib. 57; также ib. 78).

„Pecudis lien recens magicis praeceptis super dolentem lienem extenditur, *dicente eo qui medeatur, lieni se remedium facere.* Post hoc jubent eum in pariete dormitorii ejus (qui medeatur) tectorio includi (замазать въ стѣну) et obsignari anulo (запечатать) terque novies (3×9) carmen dici („remedio lienis facio“). Caninus (lien), si viventi eximatur et in cibo sumatur, liberat eo vitio. Quidam recentem superalligant. Alii duum dierum catuli ex aceto (въ уксусъ) scillitico (scilla — морской лукъ) *σκίλλα* и *σκύλαξ* — щенокъ) dant ignoranti, vel herinacei (ежа) lienem“ (ib. XXX, 17).

„Vesicae (мочевой пузырь) calculorumque cruciatibus auxiliatur urina *apri* (если у мужчины) et ipsa vesica pro cibo sumpta... Vesicam elixam... et a *muliere — feminae suis*“ (ib. XXVIII, 60) [1]).

„Leporis renes inveterati in vino poti, calculos pellunt“ (ib.).

„Articulorum vitiis (боль въ суставахъ, ревматизмъ)... utilissimum .. leporis pedes adalligatos. Pogagras quidem mitigari pede leporis viventis absciso, si quis secum assidue habeat“ (ib. XXVIII, 62).

„Si vulvae leporum in cibis sumantur, mares concipi putant. Hoc et testiculis eorum et coagulo profici. Conceptum (зародышъ) leporis, utero exemptum his, quae parere desierint, restibilem fecunditatem afferre“ (ib. 77).

„Dens lupi adalligatus infantium pavores prohibet, *dentienti*que morbos (болѣзни при прорѣзываніи зубовъ)... Dentes, qui equis primum cadunt facilem dentitionem praestant infantibus adalligati efficacius si terram non attigere“ (ib. 78).

---

[1]) Т. о. водянкѣ — бычачій калъ — мужчинамъ, коровій — женщинамъ (ib. XXIII, 68).

„Dente talpae vivae exempto sanari dentium dolores adalligato affirmant“ (ib. XXX, 7).

„Dentium doloribus... medetur... caninus dens sinister maximus circumscarificato eo (dente) qui doleat“, (ib. 8).

Отъ колотья — колючее: „Въ числѣ колючихъ растеній главное eryngе или eryngion, растущее отъ змѣй и отъ всякихъ ядовъ. Корень его пьютъ отъ уколовъ и укушеній“ (Pl. XXII, 8).

„Sorpio herba (scorpionis solcati) получила названіе отъ сѣмянъ, похожихъ на хвостъ скорпіона. Оно дѣйствительно отъ того животнаго, имя котораго носитъ“ (ib. 17).

Нѣм. *bermutter*, das von der kolik gebraucht wird („die bermutter hat mich gebissen“ — о боли въ животѣ) bezeichnet eigentlich die mutterkrankheit und sie wird nicht nur als kröte sondern auch als *maus* dargestellt, die aus dem leib gelaufen kommt und der ein degen über den fluſs gelegt ist (=какъ душа. Gr. Myth.[2] 1112 и 1036).

Недавно ко врачу въ Харьковской губ. принесли больного ребенка съ выѣденнымъ пупкомъ. Оказалось, что у него была *грыжа* (боль живота), и что по совѣту бабки къ пупку ему припустили голодную мышь, но по недосмотру лѣкарство подѣйствовало слишкомъ сильно. (Сообщ. врачемъ Ф. В. Писнячевскимъ).

Отъ колотья — колоть: *желѣзо* „полезно отъ вредныхъ чаръ взрослымъ и дѣтямъ, если очертить ихъ кругомъ или трижды обнести вокругъ мечъ; отъ страха привидѣній ночью, если вбить въ дверной порогъ вырванные изъ надгробныхъ памятниковъ гвозди; легкіе уколы мечемъ хороши „отъ того, когда вдругъ заколетъ въ боку или въ груди“ (Pl. XXXIV, 44).

— Мр……: „Отъ всѣхъ уроковъ и недобраго глаза.... возьмите простую иголку со сломаннымъ ушкомъ, воткните себѣ гдѣ-нибудь въ платьѣ, чтобы только чужой глазъ невидалъ и... какъ бы васъ ни хвалили, какъ бы вамъ ни завидовали, васъ нестанетъ морозить съ плечь, непадаетъ на васъ зѣвота, слѣдовательно „уроки“ непристанутъ къ вамъ“ Кв. „Г. оч. вр.“ [2]) III. 261).

„Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись"—въ смыслѣ *клинъ клиномъ выгонять*:

„Viperae caput impositum, vel alterius (даже не той самой), guam quae percusserit, sine fine prodest. Item si quis eam in vapore baculo sustineat, ajunt enim praecanere (что она уничтожаетъ т. о. чары. Ср.—жабу вѣшать въ дымарь—). Item si quis exustae ejus cinerem illinat. Reverti autem ad percussum serpentem necessitate naturae... Fiunt ex vipera pastilli, qui theriaci vocantur a Graecis" (Pl. XXIX, 21).

„Praeterea constat, contra omnium serpentium ictus, quamvis insanabiles, ipsarum serpentium exta imposita auxiliari, *eos* que, *qui aliquando viperae jecur coctum hauserint*, nunquam postea feriri a serpente" (ib. 22).

Phalangium... In remedio est, si quis ejusdem generis alterum percusso (уязвленному) ostendat. Et ad hoc servantur mortui. Inveniuntur et cortices (bälge) eorum, qui triti et poti medentur" (ib. 27).

Contra omnium (araneorum) morsus... ipsi aranei quicunque in oleo putrefacti.... si jumenta momorderit, mus (araneus, землеройка, тарантулъ) recens cum sale imponitur... Et ipse mus araneus contra se remedium est, divulsus et impositus... Optimum, si is imponatur, qui momorderit. Sed et alios ad hunc usum servant in oleo aut luto circumlitos" (ib.).

„In canis rabiosi morsu tuetur a pavore aquae canini capitis cinis inlitus vulneri... Idem et in potione proficit. Quidam ob id (противъ водобоязни) edendum dederunt. Aliqui et vurmem e cadavere canino adalligavere, menstrua ve canis in panno subdidere calici (изъ чего пьетъ больной), aut intus ipsius caudae pilos combustos insuere (вводили) vulneri... Est limus salivae sub lingua rabiosi canis, qui datus in potu, fieri hydrophobos non patitur. Multo tamen utilissime jecur ejus, qui in rabie momorderit, datur, si possit fieri, crudum mandendum, sin minus (если этого нельзя), quoquo modo coctum, aut jus coctis carnibus. Est vermiculus in lingua canum, qui vocatur a Graecis lytta (=λύσσα rabies), quo exempto infanti-

bus catulis, nec rabidi fiunt, nec fastidium sentiunt. Idem ter igni circumlatus datur morsis a rabioso, ne rabidi fiant... Necantur catuli statim in aqua ad sexum ejus, qui momorderit, ut jecur crudum deboretur ex eis" (ib. 32).

„Lacerta, quam hi *sepa*, alii *chalcidicen* vocant, in vino pota, morsus suos sanat" (ib.).

„Inter venena piscium sunt porci marini spinae in dorso cruciatu magno laesorum; remedio est limus ex reliquo piscium eorum corpore" (ib. XXXII, 19).

„Murenae morsus ipsarum capitis cinere sanantur. Et pastinaca (raja pastinaca, stechrochen) contra suum ictum remedio est, cinere *suo*, ex aceto, illito, vel alterius" (ib. 20).

„Як собака порве, то набрати з неї шерсти, испалити її, та тим попелом рани затоптувати" (Манж.).

„Як гадюка укусе, то треба її розрізати, та тією з неї середеною мазати укушене місто" (ib.).

Отъ заживляющаго раны растенія куски мяса въ горшкѣ сростаются:

„Centaurio (=centaurea, centaurium, tausendgüldenkraut=золототысячникъ) curatus dicitur Chiron, cum Herculis excepti hospitio pertractanti arma, sagitta excidisset ei in pedem, quare aliqui Chironion vocant... Vis in vulneribus tanta, ut cohaerescere etiam carnis (es) tradatur, si coquatur simul". (Pl. XXV, 30).

Живокостъ, *пол*., żywokost, żywignot, symphyton:

„Alum quod nos vocamus, Graeci symphyton petraeum... Volneribus sanandis tanta praestantia est, ut carnis quoque dum cocuntur conglutinet addita, unde Graeci nomen imposuere (*συμφύω*—сращиваю). Ossibus quoque fractis medetur". (ib. XXVII, 25).

„Empetros, quam nostri *calcifragam* vocant... recens urinas ciet, decoctum in aqua vel tritum calculos... frangit (камни въ мочевомъ пузырѣ). Qui fidem promissio huic quaerunt (желающіе увѣрить въ этомъ) adfirmant, lapillos, qui subfervefiant una (которые варятся вмѣстѣ съ нимъ), rumpi" (ib. 51).

Мр. *Стягачъ* (подорожникъ, plantago lanceolata) Ср.:

„Holoston (=plantago holosteum v. plantago coronopus (sine duritia est, herba ex adverso (отъ противоположнаго свойства) appellata a Graecis, sicut fel dulce... Usus ejus ad volsa, rupta in vino potae; volnera quoque conglutinat; nam et carnes coguntur, addita“ (ib. 65).

Зачатіе отъ искры:

Прирожденная вѣдьма (съ хвостикомъ), упирь:

„Если на *Свит-вечір* въ непокрытый горшокъ съ кушаньемъ впадаетъ *искра* изъ печи, а беременная съѣстъ ее вмѣстѣ съ кушаньемъ, то ребенокъ будетъ смотря по полу вѣдьмою или „опиром“ (Kolb. Pok. III, 111).

Зачатіе отъ вѣтру:

Neque in alio animali par opus libidinis (какъ у перепелокъ или куропатокъ?); si contra maris (=es) steterint feminae, aura ab his flante praegnantes fiunt, hiantes autem exserta lingua per id tempus aestuant. Concipiunt et supervolantium adflatu, saepe voce tantum audita masculi“ (Pl. X, 51).

„Inrita ova, quae hypenemia (Windeier) diximus, aut mutua feminae inter se libidinis imaginatione concipiunt, aut pulvere, nec columbae tantum et gallinae, perdices, pavones, anseres, chenalopeces, sunt autem sterilia et minora ac minus jucundi saporis et magis umida. Quidam et vento putant ea generari, qua de causa etiam zephyria appellantur. Urina (ova) autem vere tantum fiunt, incubatione derelicta, quae alii cynosura dixere“ (ib. 80).

Кобылы жеребѣютъ отъ вѣтру:

„Constat in Lusitania circa Olisiponem oppidum et Tagum amnem, equas Favonio flante obversas (ноздрями противъ вѣтра) animalem concipere spiritum, idque partum fieri, et gigni pernicissimum ita, sed triennium vitae non excedere“ (Pl. VIII, 67).

— Къ этому: Virg. „Georgicon“ III, 273—5:

„Ore omnes versae in zephyrum stant rupibus altis,
Exceptantque leves auras, et saepe sine ullis
Conjugiis vento gravidae“.

Комментаторъ: „Quanto consoltius et Trago Iustinus l. XLIV, 3: In Lusitanis fluvium Tagum, vento equas concipere multi aucto-

res prodidere, quae fabulae ex equarum fecunditate et gregum multitudine natae sunt, qui tanti in Salloecia et Lusitania ac tam pernices visuntur, ut non immerito vento ipso concepi videntur".

Вѣтеръ—жеребецъ („Об. мр. и ср. н. п." II, 590).—Конь какъ вѣтеръ (Иліада XIX, 415). — Борей въ жеребца (ib. XX, 223).

Фавоній, какъ самецъ, оплодотворяющій природу:

„Ordo autem naturae annuus ita se habet. Primus est conceptus (зачатіе), flare incipiente vento Favonio circiter fere sextum Idus Februarii (8 февраля). Hoc (vento) *maritantur* (=fecundantur) vivescentia *e* terra, quippe quum etiam equae in Hispania, ut diximus (VIII, 67). Hic est *genitalis spiritus* mundi a fovendo dictus (согрѣвать, высиживать яйца), ut quidam existimavere. Flat ab occasu aequinoctiali, ver inchoans. Catulitionem (=catulire ad venenum incitari) rustici vocant, gestiente natura (sich sehnen) semina accipere, eoque (Favonio) animam inferente omnibus (plantis) satis. Concipiunt variis diebus, et pro sua quaeque natura. Alia protinus, ut animalia; tardius aliqua, et diutius gravida partus gerunt, quod germinatio (s. knospen) ideo vocatur. Pariunt vero quum florent flosque ille ruptis constat utriculis (mutterhüllen). Educatio in *pomo* est (плодъ); hoc et germinatio—laborum (=educ. et germin. -- plena laboris) (Pl. XVI, 39).

Ростъ древесины—беременность.

„Et reliquae quidem arbores, ut primum coepere, continuant germinationem; robur et abies et larix intermittunt, tripertita ac terna germina edunt. Ideo et ter squamas corticum spargunt, quod omnibus arboribus in germinatione evenit, quoniam praegnantium rumpitur cortex". (ib. 41).

Религія слоновъ: „Maximum (animalium terrestrium) est elephas, proximumque humanis sensibus, quippe intellectus illis sermonis patrii (старшихъ), et imperiorum obedientia, officiorumque, quae dedicere memoria, amoris et gloriae voluptas, immo vero, (quae etiam in homine rara) probitas, prudentia, aequitas, religio quoque siderum, solisque ac lunae veneratio. Auctores sunt, in Mau-

retaniae saltibus od quemdam amnem, cui nomen est Amilo, nitescente luna nova, greges eorum descendere, ibique se purificantes sollemniter aqua circumspergi, atque ita salutato sidere in silvas reverti, vitulorum fatigatos prae se ferentes“ (Pl. VIII, 1). Нравы *пчелъ* (ib. XI, 4) (1261).

По какимъ побужденіямъ человѣкъ убиваетъ вошь? У Ливійцевъ сосѣднихъ съ Египтомъ—*„Ἀδυρμαχίδαι“*: *„Αἱ γυναῖκες... τοὺς φθεῖρας ἐπεάν λάβωσι τοὺς ἑωυτῆς* (на себѣ) *ἑκάστη ἀντιδάκνει καὶ οὕτω ῥίπτει* (elles les mordent par repressailes). *Οὗτοι δὲ μοῦνοι Λιβύων τοῦτο ἐργάζονται*“ (Her. IV, 168).

Отъ *печени—печень* и т. п.: „Зелье растущее на головѣ статуи, собранное въ полу платья и навязанное въ красной ткани, немедленно успокаиваетъ головную боль (растеніе б. м. мохъ—byssus antiquitalis) (Pl. XXIV, 106). „Подъ подушечкою—завернуты въ *красное* сукно разныя сонъ дающія травы...“ (Кв. „Гер. оч. вр.“ III^2, 291).

Ignis sacer—рожа; отсюда лѣченіе высѣканіемъ огня.

Lusus naturae: Упомянувъ о чудесныхъ породахъ людей (помѣсь со звѣрями, люди съ косматымъ хвостомъ, укрывающіеся ушами и пр.): „Haec atque talia ex hominum genere ludibria sibi, nobis miracula (себѣ на глумъ, намъ на диво) ingeniosa fecit natura“ (Pl. VII, 2). Разсказавъ, что природа сводитъ на бой равно опасныхъ, какъ змѣй удавовъ (dracones) и слоновъ: „Quam quis aliam tantae discordiae causam attulerit, nisi naturam spectaculum sibi ac paria componentem (сводитъ равныхъ, какъ въ циркѣ. ib. VIII, 12; XI, 45).

Змѣя оживляетъ травою дѣтеныша:

„Xanthus historiarum auctor in prima earum tradidit, occisum draconis catulum revocatum ad vitam a parente herba, quam *ballim* nominat, eademque Tylonem, quem draco occiderat restitutum saluti; et Iuba in Arabia herba revocatum ad vitam hominem tradit“ (Pl. XXV, 5).

Языкъ лягушки заставляетъ спящую отвѣчать: „Democritus tradit, si quis extrahat ranae viventi linguam, nulla alia corporis parte adhaerente, ipsaque dimissa in aquam, imponat supra cordis palpitationem mulieri dormienti, quaecumque interrogaverit, vera responsuram" (ib. XXXII, 18).

Разрывъ трава: „Dixit Democritus, credidit Theophrastus, esse herbam, cujus contactu inlatae ab alite, quam retulimus (—picus martius, зеленый X, гдѣ объ этомъ, что creditur volgo... и что Tretius auctor—) exsiliret cuneus a pastoribus arbori adactus..." (Pl. XXV, 5).

Смерть съ отливомъ: „Aristoteles, nullum animal, nisi aestu recedente exspirare. Observatum id multum in Gallico oceano, et dumtaxat in homine repertum" (Pl. II, 101) („Косари", оторванныя ноги паука, косятъ до захода солнца).

Змѣя и пониманіе птичьяго языка:

„Qui credat ista (— въ существованіе пегасовъ, грифовъ, трагопановъ, сиренъ), et Melampodi profecto auris (=es) lambendo, dedisse intellectum avium sermones dracones non abnuat (тотъ неотвергнетъ и того, что змѣи...), quarum confuso sanguine (отъ смѣшенія крови) serpens gignatur (=какъ змѣя изъ пѣтушьяго яйца), quem quisquis ederit intellecturus sit alitum conloquia, quaeque de una ave gallerita (=alanda cristata) privatim commemorat" (Pl. X, 70).

„Democritus... monstra quaedam (чудесныя лѣкарства) ex his (anguibus) conficit, ut possint avium sermones intelligi" (ib. XXIX, 22).

Укусившей человѣка змѣи земля непринимаетъ. Земля — мать, дающая только добро. Что же *до*... то... „Pestifera enim animantia, vitali *spiritu* habente culpam (виновникъ коихъ — жизненный духъ—Ср. Favonius etc.—), necesse est illi (terrae) seminata pestifera excipere, et genita sustinere; sed in malis generantium noxa est (но вредъ имъ приносимый—отъ дурныхъ свойствъ порождающихъ...). Illa (сама же земля) serpentem, homine percusso, non amplius recipit". Pl. II, 63.

„Inter omnia venenata salamandrae scelus (bosheit) maximum est. Cetera enim singulos feriunt, nec plures pariter (за разъ) interimunt, ut omittam (неговоря уже...), quod *perire conscientia* dicuntur, homine percusso, neque amplius admitti ad terras. Salamandra populos (множество людей) pariter (за разъ) necare improvidas potest. Nam si arbori irrepsit, omnia poma (плоды)inficit veneno, et eos, gui ederint, necat frigida vi, nihil aconito distans. etc.“ (ib. XXIX, 23).

Въ жабѣ косточки: холодъ и жаръ, равнодушіе и любовь:

„Sunt (ranae), quae in vepribus tantum vivunt, ob id *rubetarum* nomine... quas Çraeci phrynos vocant, gravidissimae cunctarum, geminis veluti cornibus, plenae veneficiorum. Mira de his certatim tradunt auctores. Illatis in populum silentium fieri. Ossiculo, quod sit in dextro latere, in aquam ferventem dejecto, refrigerari vas, nec postea fervere, nisi exempto. Id inveniri objecta rana formicis, carnibusque erosis, singula in solium addi“ (кладя по одной въ ванну). Et aliud esse in sinistro latere, quo dejecto, *fervere* videantur, apocynon (отъ собакъ) vocari. Canum impetus eo cohiberi, amorem concitari, et jurgia (=гнѣвъ=огонь), addito in potionem; venerem adalligatum stimulare. Rursus e dextro latere refrigerari ferventia. Hoc et quartanas sanari adalligato in pellicula agnina recenti, aliasque febres. Amorem inhiberi eo. Item et his ranis lien contra venena, quae fiant ex ipsis“ (Pl. XXXII, 18).

Хвощь. — „*Equisaetum* hippuris (конскій хвостъ) Graecis dicta et in pratis vituperata nobis (какъ сорная трава), est autem pilus terrae (земляной волосъ) equinae saetae similis“ (Pl. XXVI, 83).

Підбілъ. — „Bection, tussilago... folia sunt majuscula, quam haederae... subalbida a terra, superne pallida... quidam... et alio nomine *chameleucen* putant“ (ib. XXVI, 16).

Hypericon perforatum, *звѣробой* = нѣм. jageteufel, teufelsflucht,— средство отъ чаръ и чорта; сокъ давали вѣдьмамъ, чтобъ уни-

чтожить въ нихъ враждебную силу, и чтобы при пыткѣ они говорили правду. (У нѣмцевъ—это Iohanniskraut—29 Іюня).

Намъ легко выраженіе „была звѣздная, лѣтняя ночь“ понять прозаически, т. е. отвлекаясь отъ тѣхъ образовъ, какіе даны въ этомъ выраженіи, [*ночь*—сущ. ж. р., т. е. названіе женскаго существа, способнаго имѣть другія качества (звѣздная) и производить дѣйствія (была)]. Это такъ же легко, какъ однимъ почеркомъ пера стенографически изобразить молнію, выстрѣлить изъ ружья, позвать слугу, подавить пуговку электрическаго звонка и т. д.

Но трудно было дойти до всего этого. Напр. понятіе 1000 возникло у Индо-европейскихъ народовъ лишь по ихъ раздѣленіи, до котораго, по достовѣрному свидѣтельству языка, они стояли уже на относительно высокой степени культуры.

Такъ и отвлеченная рѣчь труднѣе прозаической [1]) и позднѣе ея, и если мы хотимъ ознакомиться съ характеромъ мысли древняго человѣка, мы должны наблюдать пріемы нынѣшней мысли или еще недоросшей до отвлеченности, какъ у дѣтей, или минующей ее ради высшихъ цѣлей, какъ у современныхъ поэтовъ.

Передъ извѣстными отвлеченностями мысль наша и теперь становится въ тупикъ и неможетъ одолѣть представляемыхъ ими трудностей. Такъ природу мы представляемъ совокупностью явленій и *силъ;* но *сила* есть для насъ то, что *способно* производить явленія, т. е. *сила* есть то, что *имѣетъ силу;* силы мы неможемъ представить иначе, какъ разлагая ее на субстанцію (нѣчто имѣющее силу) и дѣйствіе.

„Selbst in unseren zeiten, wo wir doch die Natur als eine kraft begreifen, was bezeichnen wir mit *Kraft*, wenn nicht etwas kraftbegabtes?“ (M. Müll Ess. II, 50). Ср. изображеніе явленій природы у поэтовъ.

---

[1]) Поэтической рѣчи.

Отдѣлъ четвертый.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Общія свойства эпоса. Объ Одиссеѣ.

Настоящее— постоянно нарождающееся и тутъ же исчезающее мгновеніе — неуловимо. Вся область сознанія, слѣдовательно, и область поэзіи есть объективно-прошедшее. Сознанію (апперцепціи) подлежатъ лишь воспріятія, опустившіяся на дно души.

Это прошедшее по степени удаленія отъ объективно-настоящаго и вмѣстѣ по характеру вліянія на него есть менѣе отдаленное (субъективно-настоящее) и болѣе отдаленное (субъективно-прошедшее).

Принадлежностью къ одному изъ этихъ двухъ отдѣловъ воспріятій опредѣляется разница между эпосомъ и лирикой.

Лирика—praesens. Она есть поэтическое познаніе, которое, объективируя чувство, подчиняя его мысли, успокаиваетъ это чувство, отодвигаетъ его въ прошедшее и такимъ образомъ даетъ возможность возвыситься надъ нимъ. (Carriere „Die Poesie“ 371—2, 392, 395).

Лирика говоритъ о будущемъ и о прошедшемъ (предметѣ, объективномъ) лишь на столько, на сколько оно волнуетъ, тревожитъ, радуетъ, привлекаетъ или отталкиваетъ. Изъ этого вытекаютъ свойства лирическаго изображенія: краткость, недосказанность, сжатость, такъ называемый лирическій безпорядокъ. (Carriere, ib. 381) [1]. Такимъ образомъ произведенія по мѣрѣ увеличенія ихъ эпичности могутъ становиться длиннѣе (элегія, сатира—Carr, ib. 415).

Этому противопоставляется пластичность v. живописность эпоса.

---

[1]) Сродство съ музыкою (ib. 388, Göthe „An Lina“ I, 73.). Мр. пѣсни безъ музыки теряютъ больше, чѣмъ сербскія. Это мѣрило лиричности.

Сродство лирики съ субъективными тропами, фигурами, напримѣръ: повтореніе (Carr. ib. 392), единоначатіе (повтореніе образа: „Рыбалочка по бережку“, Нехилися сосно—Göthe, I, 50), припѣвъ.

Хотя всякое, въ томъ числѣ и поэтическое, познаніе вліяетъ на поступки, но лирика имѣетъ болѣе непосредственную связь съ дѣйствіями и въ этомъ смыслѣ практична (при теоретичности эпоса). Во многихъ лирическихъ стихотвореніяхъ можемъ прямо усмотрѣть побужденіе къ извѣстному дѣйствію [1].

Подъ субъективностью разумѣется: 1) личная душевная жизнь въ отличіе отъ внѣшняго міра (вещей и событій); 2) отличіе лица отъ другихъ = своеобразность. Первое—содержаніе всякой лирики, второе—свойство, характеризующее всякія (и лирическія, и эпическія и драматическія) произведенія временно обособившейся личности и личнаго творчества.

— *Эпосъ—[illegible]*. Отсюда спокойное созерцаніе, объективность (отсутствіе другого личнаго интереса въ вещахъ изображаемыхъ и событіяхъ, кромѣ того, который нуженъ для возможности самаго изображенія). Въ чистомъ эпосѣ повѣствователя не видно. Онъ не выступаетъ со своими размышленіями по поводу событій и чувствами (ср. лиро-эпическія поэмы Байрона и др.). Не [illegible] любитъ родину, а изображаемый имъ Одиссей, который хочетъ увидѣть дымъ родины, хотя бы затѣмъ умереть. [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

нія одного событія). Длительныя грамматическія формы русскаго эпоса выражають тоже свойство мысли въ примѣненіи къ каждому отдѣльному моменту событія.

Тоже требованіе въ примѣненіи и къ ряду событій: краткость періода, чтобы поэтъ могъ заполнить всѣ моменты этого періода. (Гораціево правило: не ab ovo, а in medias res). Въ Иліадѣ изъ десятилѣтней войны—нѣсколько дней, о которыхъ можно разсказать отъ зари до ночи. Въ Одиссеѣ—конецъ путешествія и месть женихамъ. Ср. „Германъ и Доротея". (Это и общее поэтическое требованіе—pars tro toto). Расширеніе предѣловъ времени въ видѣ отступленій (ретроспективныхъ повѣствованій). Злоупотребленіе этимъ пріемомъ. (Carr. 201—2).

Разница между эпосомъ и драмою. Въ послѣдней нѣтъ повѣствователя, посредника между зрителемъ и событіемъ. Поэтому—никакихъ описаній, повѣствованія и монологи сведены до минимума. (Въ противномъ случаѣ—нѣчто въ родѣ подписей подъ картинами, замедленіе дѣйствія, скука). Единства дѣйствія и времени доведены до минимума.

— *Эпосъ*—поэтическое повѣствованіе о событіи или рядѣ событій, составляющихъ одно крупное событіе (безъ главнаго героя—историческій эпосъ) или одну жизнь (біографическій эпосъ). Отъ сложнаго эпическаго цѣлаго требуется того же, чего отъ простѣйшаго поэтическаго образа: онъ долженъ давать великое въ маломъ.

Рядъ событій, образующихъ одно цѣлое, связанъ причинностью. Но причинность некончается за границами этого ряда. Она по исконному вѣрованію и убѣжденію обнимаетъ все.

Удовлетворяя требованіямъ высшаго порядка, эпосъ долженъ заключать указанія на связь мѣлкихъ причинъ, составляющихъ его содержаніе, съ міровыми. Оба разряда причинъ, смотря по степени и характеру развитія поэта, могутъ представляться или внѣшними силами или внутренними свойствами явленій. Въ первомъ случаѣ—чудесное въ миѳологическомъ смыслѣ, во второмъ, если можно такъ выразиться, чудесное научное. Какъ ни назовемъ

великую связь причинъ и слѣдствій, Богомъ или рокомъ, міромъ— все равно она въ цѣломъ ирраціоналистична, недоступна нашему пониманію.

Никогда изученіе языковъ и поэтическихъ произведеній непроизводилось въ такомъ широкомъ стилѣ, какъ въ нашъ вѣкъ. Ему обязано происхожденіемъ сравнительное языкознаніе, лежащее въ основаніи наиболѣе спеціальныхъ изслѣдованій. Оно съ одной стороны условлено широтою и раздѣльностью понятія о человѣчествѣ, съ другой его условливаетъ. Никогда не сознавалась такъ многосложность отношеній поэтическихъ произведеній разныхъ, нерѣдко чрезвычайно отдаленныхъ народовъ, какъ теперь.

Фридлендеръ протестуетъ противъ заключенія отъ древне-нѣмецкихъ народно-поэтическихъ произведеній къ стихотвореніямъ Гомера, „несравненному созданію несравненнаго народа“ (—побужденіе эгоистическое: удовольствіе думать, что мы знаемъ нѣчто несравненное—). На это Штейнталь: „Греческій языкъ есть тоже несравненное созданіе несравненнаго народа, по тѣмъ не менѣе его необходимо сравнивать съ индійскимъ, персидскимъ, кельтскимъ, славянскимъ или цыганскимъ“ Z. f. V-ps. VII, 26).

Нашъ вѣкъ характеризуется, между прочимъ примѣненіемъ изученій народной поэзіи къ гомерическимъ пѣснямъ.

Вопросъ о томъ [1]), созданы ли великія поэмы, Иліяда и Одиссея, однимъ лицомъ, или онѣ—произведенія многихъ народныхъ пѣвцовъ, что совершенно очевидно относительно эпическихъ пѣсень славянскихъ, финскихъ и др., ставили въ зависимость отъ единства плана этихъ поэмъ Что до единства характера изложенія, то и многія народныя пѣсни его имѣютъ.

(Хотя и можетъ прійти намѣреніе изъ пословицъ сложить болѣе длинное стихотвореніе, но успѣхъ незначителенъ). Писистрату и другимъ діаскевастамъ врядъ ли могло прійти въ голову сложить Иліаду или Одиссею изъ отдѣльныхъ пѣсень, если бы

---

[1]) Steinthal „Ueber Homer und insbesondere die Odyssee. Z. f. V-ps. VII.

не было распространено мнѣніе, что эти пѣсни могутъ и должны быть сложены въ одно цѣлое. Это мнѣніе вытекало изъ природы этихъ пѣсень, дѣйствительно предполагающей единство (Steinth.). (Тутъ аналогія съ тѣмъ единствомъ плана, который можно замѣтить въ разныхъ отрасляхъ знанія).

Есть сказанія, способныя поглощать и ассимилировать себѣ массу другихъ.

Ср. Летучій корабль и сказаніе о походѣ Аргонавтовъ. „Сказаніе объ Ахиллѣ первоначально было столь же мѣстно, какъ и сказаніе о Мелеагрѣ. Тоже—о Гекторѣ, Агамемнонѣ, Діомедѣ, Аяксахъ, Одиссеѣ. Только эпическое пѣснопѣніе, при благопріятныхъ политическихъ событіяхъ и отношеніяхъ, свело эти разрозненныя сказанія въ одно обширное, въ коемъ этимъ героямъ дана была возможность обнаружить свой характеръ, въ коемъ они только члены цѣлаго, при томъ всѣ на совершенно чуждой для себя почвѣ. Сказаніе о Троянской войнѣ обнаруживаетъ удивительную силу собирать разсѣянные элементы, силу, какой никогда необнаруживали и величайшіе поэты“ (ib. 74).

Такъ и планъ Одиссеи созданъ (вѣками) силою народнаго пѣснопѣнія. [Величайшія произведенія человѣка, какъ языкъ, народность, великія государства создаются безсознательно, т. е. такъ, что намѣренныя усилія отдѣльныхъ личностей теряются, какъ капля въ морѣ].

У Ѳеаковъ, гдѣ гоститъ Одиссей, „было пированье, почестный пиръ“. „Муса побуждаетъ пѣвца *ἀειδέμεναι κλέα ἀνδρῶν*“, т. е. къ героической эпической пѣснѣ изъ *οἴμη*, пользовавшейся именно тогда особой славой.

[*Μοῦσ' ἄρ ἀοιδόν ἀνῆκεν* (trieb an) *ἀειδέμεναι κλέα ἀνδρῶν Οἴμης τῆς* (von welcher *οἴμη*=attractio inversa=Virgil. urbem quam statuo vestra est) *τότ' ἄρα κλέος οὐρανόν εὐρὺν ἵκανεν Νεῖκος Ὀδυσσῆος καὶ Πηλεΐδεω Ἀχιλῆος*, „Од. VIII, 73—5“].

— Какъ и теперь сербскіе гусляры поютъ о героихъ иногда въ ихъ присутствіи, во всякомъ случаѣ вслѣдъ за событіемъ.

„Неподлежитъ сомнѣнію, *οἴμη* означаетъ нѣчто большаго объема, изъ котораго пѣли. Нѣкоторые думаютъ, что это было большое стихотвореніе о разрушеніи Трои, готовое твореніе Демодока; но я—что это эпическій кругъ, т. е. кругъ возможныхъ эпическихъ пѣсень, быть можетъ, имѣвшій особый напѣвъ. Т. о. дѣла героевъ подъ Троей образуютъ одну *οἴμη*, странствованія Одиссея—другую и т. д. Изъ этого круга избирается точка для начала (—Од. VII, 500: *ἔνθεν ἑλὼν ὡς...*), не стихъ готовой пѣсни, а отдѣлъ круга сказаній, круга возможныхъ пѣсень, моментъ, о которомъ пѣвецъ пѣлъ безъ приготовленія.

„Въ запѣвѣ 1-й п. Одиссеи ст. 10: „*τῶν ἀμόθεν γε* (изъ этого откуда-нибудь, von irgendwo an) *Θεά θύγατερ Διός εἰπὲ καὶ ἡμῖν*". Какъ странно было бы, если бы кто, думая воспѣть всѣ приключенія Одиссея, просилъ музу начать откуда бы ни было? Такъ можетъ говорить только лишь тотъ, кто хочетъ пропѣть именно лишь часть Одиссеевой *οἴμη*. *Προοίμιον* Одиссеѣ, стало быть, относится не къ готовой цѣлой Одиссеѣ, но къ цѣлой *οἴμη*, т. е. къ каждой пѣснѣ внутри этого круга.—Начало Иліяды небыло даже запѣвомъ всей *οἴμη* объ Ахиллесѣ, а тѣмъ менѣе всей Иліяды.

Небуду оспаривать возможности того, что *μῆνις* можетъ означать „гнѣвъ Ахиллеса въ его продолженіи и заключеніи, обнимая и месть за Патрокла и убіеніе Гектора"; но *προοίμιον* ничего неговоритъ объ этомъ. Богиня должна воспѣть гнѣвъ *(μῆνιν)*, и нѣтъ основанія разумѣть подъ этимъ что-либо другое, чѣмъ то, что разумѣется подъ этимъ словомъ въ Иліядѣ I, 75, причину гнѣва; а это и есть содержаніе первой пѣсни. (Steinth. z. f. V-ps. VII, 77—8).

Для опредѣленія главныхъ началъ цикла *(οἴμη)* Одиссея:

„Миѳъ о лѣтнемъ (солнечномъ) Богѣ, уходящемъ на зиму (7 мѣсяцевъ на островѣ Калипсо) = царь—въ изгнаніе или на войну на 7 лѣтъ; злодѣй овладѣваетъ его престоломъ, хочетъ жениться на его женѣ. Царь возвращается въ лохмотьяхъ, нищимъ старикомъ. Побѣждаетъ своего двойника = герм. о Гейнрихѣ Львѣ. (Добрыня Никитичъ).

Отсюда слѣдуетъ, что отдѣленіе странствованій Одиссея отъ его возврата, избіенія жениховъ и пр. могло (если и было) быть лишь дѣломъ искусственной поэзіи.

Относительно измѣненія наружности и платья Одиссея ср. Добрыня. Эвриклея и Лаертъ узнаютъ Одиссея по рубцу на ногѣ.

Лѣтній Богъ на зиму—въ преисподнюю. Поэтому посѣщеніе Аида, *νεκυία* — есть болѣе древній элементъ Одиссеи, чѣмъ пріуроченіе ея къ Троянской войнѣ.

— Размноженіе приключеній посредствомъ одного: Островъ Калипсо (Огигія) = остр. феаковъ (Схерія) = Аидъ.

ОТРЫВКИ

изъ перевода Одиссеи

Александръ Аѳанасьевичъ Потебня подъ конецъ жизни задался мыслью перевести Одиссею на малорусскій языкъ, но этой работы ему не удалось окончить. Считая для будущихъ поколѣній дорогимъ всякій набросокъ этого высокоталантливаго и глубокоученаго языковѣда, ученики его и почитатели, знавшіе его почеркъ и способъ писанія, при помощи вдовы покойнаго, возстановили то, что сдѣлано было имъ вчернѣ карандашемъ на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги. За исключеніемъ очень малыхъ отрывковъ изъ разныхъ пѣсенъ Одиссеи, такимъ образомъ получились двѣ съ половиною расподіи, приготовленныя имъ, правда еще въ черновыхъ набросках, но безъ пропусковъ и перерывовъ, именно: 275 стиховъ 3-ей расподіи (*τὰ ἐν Πύλῳ*), вся 7-ая расподія (*Ὀδυσσέως εἴσοδος πρὸς Ἀλκίνοον*) и почти вся 8-ая (*Ὀδυσσέως σύστασις πρὸς Φαίακας*).

Эти отрывки, хотя и въ незаконченномъ и неотдѣланномъ въ критическомъ отношеніи видѣ, ясно показываютъ, какого хорошего труда лишила насъ ранняя смерть знаменитаго профессора. Посвятивъ много лѣтъ изученію малорусской поэзіи, ознакомившись съ тончайшими изгибами поэтическихъ оттѣнковъ простонародной рѣчи, профессоръ задумалъ исполнить задачу, которую еще Гоголь указывалъ нашимъ писателямъ — сдѣлать Одиссею всеобщею народною книгою. Зная, что для достиженія такой цѣли необходимо прибѣгнуть къ народному языку, чуждому всякой напыщенности и вычурности, этому языку, который такъ поражаетъ насъ своею задушевною искренностью, энергическою выразительностью и поэтическою красотою въ произведеніяхъ безыскусственной словесности, Александръ Аѳанасьевичъ былъ глубокій зна-

токъ этого языка; но, приступая къ переводу Одиссеи, онъ началъ своеобразную подготовку къ этому труду, указывающую на то, съ какою серьезностью онъ относился ко всему, что начиналъ.

Краткій разсказъ о ходѣ этой подготовки, на сколько о томъ можно судить по оставшимся матеріаламъ, можетъ быть очень полезенъ въ настоящее время, когда въ педагогическомъ мірѣ нашемъ обращено особенное вниманіе на точность и простоту переводовъ изъ классиковъ и, конечно, прежде всего изъ Гомера, этого образца простоты и естественности. Какъ выставка набросковъ, этюдовъ и прочей черновой работы, служившей подготовленіемъ къ созданію Рѣпинымъ картины „Запорожецъ", была поучительна для художниковъ-живописцевъ, такъ точно можетъ быть глубоко поучительна для филологовъ и поэтовъ работа, произведенная А. А. Потебней передъ переводомъ Одиссеи.

Прочитавъ Одиссею въ подлинникѣ и въ переводахъ на разные славянскіе языки и возобновивъ такимъ образомъ въ памяти тѣ предметы, образы, положенія, дѣйствія и пр., и аттрибуты ихъ, какіе нужно было выразить въ переводѣ, профессоръ принялся за чтеніе образцовъ народной словесности и классическихъ малорусскихъ писателей, извѣстныхъ ему также очень хорошо. Въ особой пачкѣ бумагъ мы находимъ сдѣланныя имъ выборки словъ, выраженій, рѣченій, какія могли бы понадобиться ему при передачѣ встрѣчающихся въ Одиссеѣ названій предметовъ, дѣйствій, эпитетовъ, опредѣленій, характеристикъ и т. п.

Эти выписки лексическаго матеріала съ указаніемъ на страницы книгъ, употребляемыхъ для этой цѣли профессоромъ, показываютъ, что онъ пересмотрѣлъ Геродота, лѣтописи Ипатьевскую, Самовидца, многіе акты, изданные Археографическими коммиссіями, сборники пѣсенъ и пословицъ Чубинскаго, Головацкаго, Метлинскаго, Номиса, Кольбера, Романова, матеріалы, изданные въ „Запискахъ о Южной Руси", въ „Основѣ", сочиненія авторовъ: Котляревскаго, Квитки, Гулака-Артемовскаго, Гребінки, Куліша, Марка-Вовчка, Глѣбова, Манджуры и др.

Выписокъ изъ этихъ книгъ сдѣлано имъ болѣе 2500. Они состоятъ или изъ отдѣльныхъ словъ, или изъ поставленныхъ рядомъ синонимовъ и омонимовъ (горопаха, бідолаха, бідаха, густо, багато: скоро, швидко, хутко, шпарко, мерщій: бігти, чвалати, чесати, чухрати, чімчикувати, попхатися; більше, кріпше, дужче, сильнійше, міцнійше и т. п.), или изъ сложенія словъ, употребляющихся въ народной поэзіи рядомъ для извѣстнаго понятія (ревно заплакати, гвалт зчинити, раду складати, у славу вбитися, неславу зложити, слёзи ронити, словами мастити, жалю серцю завдавати) или для опредѣленія предмета (ліс непролазний, качечка качуриста, ясна зброя, смажні уста, супротивне слово, люба згода, добра слава, пташки співучі, бжоли гудючі, золота брама—срібні одвірки, препишна вечеря, славні вечорниці, дівчина чемна, старець божій, сука облесна и пр.), или наконецъ изъ цѣлыхъ рѣченій и фразъ, оказавшихся почему-либо характерными или пригодными для перевода Одиссеи, напр.: а в вись висока, а в ширь широка: в гору багрява, а въ верх кудрява: сама стала—задумала, карі очі зарюмала: як була я сім літ удовою—не чула я землі під собою, як пішла я за вражого сина,—побила мене лихая година и т. п.

Иногда слова, выраженія и реченія сопоставляются съ польскими, чешскими, бѣлорусскими, великорусскими, греческими: напр.: русявий—[illegible]: иншої мови [illegible]: охрати—chradnouti: padam do nóg—вдарити челомъ—[illegible] (Од. VI, 231)—ой на мені кучерики, як на барвіночку (Чуб. IV, 481) и т. п.

Иногда въ началѣ листка встрѣчаются замѣчанія, послѣ которыхъ уже идутъ выписки, напр.: „Постоянные эпитеты. Къ вопросу объ аттрибутивности существительнаго. Чтобы существительное могло быть аттрибутивно, въ немъ долженъ сознаваться признакъ. Постоянный эпитетъ есть не непремѣнно возстановленіе признака, этимологически даннаго въ существительномъ (это—только частный случай), но непремѣнно долженъ удовлетворять потребность мыслить въ вещи опредѣленный признакъ. Между прочимъ постоянный признакъ служитъ и идеализаціи: „Ой, косе! не рік

я тебе плекала, молодим борщиком змивала, *шовковов* хусточков стерала, *золотим* гребінцем чесала (Гол. IV, 634). Білі руки, дрібні слёзи (ib. 634, 635) и т. д.

Нѣкоторые листки сложены вчетверо съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи можно было разрѣзать ихъ, и на отдѣлахъ сложенныхъ листкахъ сдѣланы разнородныя выписки. Изъ этого видно, что систематизаціи выписокъ еще не было сдѣлано, что все это пока первоначальные наброски; тѣмъ не менѣе многіе изъ выписанныхъ словъ и выраженій уже употреблены въ начатомъ переводѣ Одиесеи; другіе очевидно ждали еще пересмотра, критики, сопоставленія съ гомерическими выраженіями и, какъ можно видѣть изъ сравненія, съ другими мѣстами тѣхъ же рукописей, еще не получили окончательной формы справочнаго подготовительнаго матеріала.

Въ общемъ вся указанная подготовительная работа даетъ прекрасный методъ для желающихъ заняться переводомъ Гомера и достичь простоты и естественности языка, столь необходимыхъ въ данномъ случаѣ.

Въ прилагаемыхъ отрывкахъ приведены въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній тѣ разнорѣчія, какія найдены въ рукописи А. А. Потебни на самихъ листахъ перевода; очевидно они поставлены были имъ съ цѣлью выбрать то или другое при окончательномъ переводѣ.

А. Русовъ.

Одиссея. III рапсодія.

Ніч всю і світом судно їх мокрую путь розтинало;
Гелій схопився, покинувши моря затоку прекрасну,
Й на небо зійшов мідяне світити богам несмертелним
Й смертним вмірущим на всій землі хлібородній;
Тоді вони в Пил Нелеїв добрезбудований город
Прийшли, а ті на пісках у моря правили жертви:
Чорних биків синекудрому богу, що землю хитає.

Сиж було девъять рядів, по пьятьсот чоловіка сиділо
В кожному ряді й по девъять биків було перед рядом.
Саме потрух вони коштували й части бедер палали
Богу у честь, як ті з кораблем рівнобоким пригнались. [1]
Парусея підтягли і згорнули, причалили й війшли на берег.
Вийшов з судна и Телемах, попереду ж єго Атена.
Й перша промовила так ясноока богиня Атена:
„Вже ж, Телемаху, тут сорома нетреба и трохи
За тим бо й поплив єси по морю ти, щоб роспитати про батька,
Де єго вкрила земля й на яке безголовъя набіг [2] він.
Так ну бо тепер до Нестора просто іди, вкротителя коней:
Довідаємось, якую він раду у грудяхъ ховає.
Сам ти єго попроси, щоб сказав він нехибнуро, щируо [3] правду.
Брехні ж він нескаже, бо чоловік він дуже розумний“.
Їй ув одвіт Телемах розумний став промовляти:
„Менторе, як єго йти, як пригорнутись [4] до єго?
Я ж до річей вимовних ніякої вправи немаю.
Та впъять таки стид молодому випитувать мужа старого“.
До єго промовила так ясноока богиня Атена:
„Дещо, Телемаху, сам в своїй голові ти змикуєш.
Дещо піддасть тобі бог. Така бо думка у мене, що
Не на перекір же [5] богам ти зродився и згодувався“.
Так сказавши, єго повела Паллада Атена
Спішно, а далі [6] і він пішов слідом богині.
Так підійшли ік громаді мужів Пилян і їх сиджам.
Нестор сидів там з синами, навколо єго товариство
Пир готовали, мъясиво пекли й на ріжки настромляли.
Скоро узріли гостей вони, юрбою вийшли на зустріч,
Стали руками витати й сідати їм звеліли.

---

[1] Пригребалися
[2] Напад
[3] Тобі усю
[4] До єго доступитися
[5] Не против волі
[6] А потім

Перший Пизистрат Несторович підійшовши близенько,
Взявъ за руки обох, та за пир увсадовив їх
На смухах мъяких, на пісках на березі моря
Поруч із рідним братом своїм Тразимедом і батьком.
Потроху дав по частині, у кубок од злота самого
Насипав вина й витаючи став промовляти словами:
„К Палладі Атені, Дія дочці Эгидодержавця,
Помолися, гостю, тепер Посейдаону пану,
Ви бо прибувши сюди (як раз) к єго учті поспіли [1])
Як же зіллєш і помолишся сам як слід по закону,
Дай і сёму опісля вина солодкаго кубок,
Хай ізіллє. А чей же і він богам несмертелним
Молиться: всім бо людям треба богів (непомалу).
Тілки що він молодший, одноліток [2]) мабуть зо мною.
Тим то перше тобі я чару дам золотую.“
Сказав, та в руку дає їй вина солодкого кубок.
Змиливсь Атені сей муж справедливий, розумний
Тим, що попереду їй він чару подав золотую.
Й зараз змолилася щиро вона Посейдаону пану:
„Молимося, услиш Посейдаоне земледержче,
Та щоб збулися сі речи, немай за надто велике
Несторові і синам найперше дай [3]) славу, панство;
Далі затим и иншим милую [4]) дай нагороду
Вкупі [5]) пилянам, усім за преславну великую жертву;
Телемаху ще і мені дай вернутись, те діло зробивши,
Зачим із чорним швидким кораблем сюди ми прибігли.“
Так молилась вона (та самаж усе ізробила).
Телемаху далій дала гарную чару двійчатку.
Также саме молився й любий син Одисеїв.
Тіж, як верхні мъяса попекли і з ріжків поздіймали,

[1]) Попали
[2]) Ровесник
[3]) Вділя.
[4]) Вдачную. Губ. IV, 363.
[5]) Посполу.

Стали порозділявши препишний пир пирувати [1]).
Як же до пива й їстива уже одігнали охоту,
Слово ізняв до них Нестор Геренійский комонникъ:
„Тепер уже краще розвідати та гостей роспитати,
Хто в'ни такі, як вже вдоволнили їжею душу.
Гості, хто ви такі? Відкіля по мокрій дорозі?
Чи ви за ділом яким, чи вештались світ за очима, [2])
Наче здобишники ті, що здря блукають по морю,
Душі свої кладучи й чужеземцям розносячи лихо."
Ему пак в одвіт Телемах розумний став промовляти,
Всміливщись, бо Атена сама ёму смілость у сердце
Вложила, щоб міг ёго роспитати про батька в одлуці,
Та щоб про самого поміж людьми [3]) стала добрая слава:
„Нестор' Нелеєвичу, великая слава Ахаян,
Питаєш мене, відкіля ми? так я скажу тобі зараз:
Ми прийшли із Итаки, що під Неіоном горою,
Діло ж у мене те, що кажу, свое негромадське.
Йду я, дальнёї слави про батька чи де не зачую,
Про Одисея душі терпеливої. Він колись, кажуть,
Бився у купі с тобою та город Трояньскій розбурив.
Про инших же всіх, с Троянами що воювали,
Нас вісти заходять, де хто загинув смертьтю гіркою.
Ёго ж и погибель саму без вісти [4]) зоставив Кроніон,
Бо де він загинув, ніхто неможе сказати напевно:
Чи на сухій землі мужі вороги подоліли?
Чи пан на морі погиб він посеред хвиль Амфитриты
Тим то к колінам твоїм припадаю, ачей твоя ласка
Про смерть ёго гірку розказати, коли часом бачив
Своїми очима, або чував, що росказував' казки
Про ёго, бо овсі нещасного мати ёго породила

[1]) Славную учту справляти.
[2]) Навмання, наудачу.
[3]) Миром:
[4]) Чутки.

Неусолужуй нічого з уваги на мене і жалю.
Гаразд мені все росскажи, як тобі довóдилось бачить,
Прошу, коли чесний мій панотець Одисей може часом
Словом чи ділом тобі обіщавшись та став у пригоді
В Трояньскій землі, де ви біди лихі терпіли Ахеї.
Згадай се тепера мені й скажи усю щирую правду".
Ёму одповів на сеє Нестор Гереньский комонник:
„Друже, коли єси нагадав біду, що в землі тій [1])
Витерпіли ми Ахейські сини на одвагу невпинні,
Або скільки—як съ коробллями по морю без краю
Ми побивались з добиччю, де Ахиллей нам довóдив,
Або скільки під градом великим Пріяма пана
Бились... Вбито там згодом усіх, які були луччі:
Там и Айант хоробрий поляг и Ахúллей там,
Там и Пáтрокл поляг, до совіту [2]) рівний з богами.
Там и любий мій син, и силач и на вроду без вади
Антúлох, він бігати був швидкий над усіх и боєць був!
Ну та и нáдто чимало стерпіли ми иншого лиха,
Все ёго хто ж би з смертелних людей приміг росказати?
Як би б и навіть і пьять год і шість год ти тут зоставався у мене,
Про злидні роспитуючи, які ми там терпіли Ахайці,
Скорійш надоїло б тобі й у отчизную землю б вернувся.
Девъять бо літ ми захожувались [3]), їм сшиваючи лихо
Всякими хитрощами, аж насилу кінець дав Кроніон.
Радою там ніхто неважив рівнятись прилюдно [4])
З ним, Одисей бо далеко над усіма верхи брав
Всякими хитрощами, отецъ твій, як що і справді
Шадок ёго єси; аж страх бере, як подивлюся,
Вже бо й речи твої такі ж самі й несказав би,
Щоб молодая людина до діла так говорила.

---

[1]) Коли нагадав єси горе, що в тім краю.
[2]) Ради.
[3]) Цорались.
[4]) Ввічи.

Там то ми увесь час я із ясним Одисеєм
Ні у громаді, ні в раді різно неговорили,
А однією душею на розум и добрую раду
Ми Аргивян навчали,[1] щоб вийшло як можна найлучше.
Коли ж ми город на кручі високій розрушили Пріяма пана
(Й назад потягли в кораблях и бог нас роскидав[2]) Ахейців,
Тоді то Зевс нам смутне вороття у серці замислив.
Як не усі були розважні та справедливі.
Тим то чимало із них лихую злобало[3] доля.
Все через пагубний гнів[4] дочки могучого батька.
Що межи двома Атрея синами звела сварку.
Як скликали вони Ахайців усіх до громади
Поквапно та не по ладу[5] (уже навечір к заходу сонця.
А ті Ахайські сини уже важкі од вина, як зійшлися.
Так стали казати, для чого людей зібрали.
Тут Менелай тоді всім Ахайцям повелівав
Гадати про вороття по спинах моря широких.
А Агамемнону сеє не до вподоби, хотів бо
Задержать людей та справить святі жертви великі.
Щоб чи гніву страшної Атени неутихомирить.
Нерозумний! незнав він того, що Атена недасться вблагати.
Бо не зміняється сразу серце[6] богів живосущих.
Так, мінячися важкими[7] словами, стояли
Обоє, аж схопилися з міст Ахайці добропоножні
З криком — сказати неможна й була у їх надвоє думка[8].
Ніч ми перебули, в душі замишляючи злеє[9]
Одна на одних, бо Зевс на нас уже нагодив лихо.

---

[1] Научали були мене на добрий розум научать X. 372
[2] Росточив
[3] Настигло
[4] Небавність
[5] Через лад
[6] Думка
[7] Грізними
[8] [illegible]
[9] Ворогуючи злобне у серці

Вранці ми судна взяли істягати на синеє море
Брати добиток на них та жінки підперезані низько.
Так половина людей уперлася там позостатись
При Атреєвичу Агаме́мноні, людей пастухові;
Ми ж, посідавши на судна, погнали, й вони дуже швидко
Бігли [1] и бог нам як скатерть прослав великую моря пучину.
К Тенеду ми прибувши богамісправили жертви,
Гадаючи вже до дому, та Зевс вороття несудив ще
Немилосердний, зняв він сварку лихую у друге.
Ті потягли кораблі круторебрі, назад повернувши,
Из сподарем Одисеем розважним на вигадки хитрим,
В Атреєвича Агамемнона запобігаючи ласки;
Яж узяв с кораблями всіма, що ходили за мною,
Втікати: дознавсь, що нам лихо замислила божая сила.
Втікав и Тидеїв хоробрий син із своїм товариством. [2]
Далі вже згодом рушив за нами й русявий Менелай
Та [3] на Лесбі догнав, де ми довгий плав обмишляли:
Чи маєм вище Хия крутобескедного взяти
На остров Пекрію, его зоставляючи вліві;
Чи маєм нижче Хия плисти повз Мимант вітристий?
Бога просили ми знак проявити, [4] и він показав нам
Серéдину моря звелів ростинати, на острів Эвбою,
Щоб яко мога скорійше могли ми вибратись з лиха.
Вітер свистучий знявсь дути у тил, кораблі дуже швидко
Путі многорибні пробігли та до Геройста
Пристали в ночі. Посейдону багато тут стегін бичачих
Ми на вівтарь принесли, [5] перемірявши море велике.
День четвертий ішов, коли кораблі рівнобокі
Тидеєвича товариство Диомеда, вскормителя коней

[1] Пливли
[2] Товариство піднявши
[3] Одначе
[4] Ип. 577
[5] Зложили ми на вівтарь. Объяс. II. 127, 323.

В Арзі ставало; яж ік Пилу держав, а вітер
Вже невгавав, з того часу як бог послав ёго дути.
Так то вернувся я, люба дитино, без вісти й незнаю,
Які із Ахайців збавились смерти, якиї погибли.
Чого ж я сидячи тут, у палатах у нашихъ довідавсь,
Знатимеш, як тому й слід, од тебе непотаю я.
Здорові, кажуть, дійшли Мирмидони—ясині копья [1]),
Що Ахиллея—великого серця син їм доводив;
Здоровъ вернувся и Филоктет Пойантовичъ славний,
Идоменей на Крету привів усе товариство,
Яке уціліло 'д войни: невзяло в ёго море нікого.
А про Атреєвича и сами ви хоть здалека чули.
Хоть він вернувсь, та Айгист гіркую погибель замислив.
Але, правда, що й сам дав за се слушну заплату.
Добре, як вбитий муж по собі та сина зоставить [2])
Бо от и той, Орест, душогубу добре оддячив
Зрадливому [3]) Айгистові, що вбив ёму славного батька.
(Так ти, друже, бо бачу вроду та зріст твій, борися [4]),
Щоб хто й з далніх нащадків [5]) тебе помъянув добрим словом)."
Ему так в одвіт Телéмах розумний став промовляти:
„Нестор Нелеєвичу, великая тіхо Ахайців!
Вже ж так, що оддячив Орест, пронесуть ёго славу Ахайці
Геть широко-далеко, що й будучі щадки почують;
Як би б той мене боги [6]) одягли в таку силу, щоб міг я
Дать женихамъ одплату за їх досадниї збитки,
Що гордуючи мною вони [7]) неподобнеє роблять!
Алеж боги мені такого щастя неспряли,
Батьку мóму і мені; так притьмом тепер треба терпіти".

[1]) З. о Ю. Р. I, 36.
[2]) Як то гаразд, коли вбитий муж та сина зоставить.
[3]) Лукавому.
[4]) Кріпися.
[5]) Потомків.
[6]) Мені боги дали.
[7]) Що вони з гордості мені.

Ёму одповів на сеє Нестор Гереньский комонник:
„Друже, коли вже мені нагадав, та сказав єси сеє,
Кажуть, що женихів в твоєі неньки багато,
Та против волі твоєі вони коять лихо въ палатах.
Скажи же мені: сам ти ім піддаєшся, чи може люде
Земляне [1]) тобі вороги послухаючи божого гласу?
Хто зна? Може вернувшись колись, він їх заплатити [2])
Заставить, чи сам один, а чи із Ахайцями вкупі,
Як би б тебе зволила такъ полюбить ясноока Атена,
Як тоді вона Одисеєм славнимъ журилась
В трояньскій землі, коли біду ми терпіли Ахайці...
Бо я невидав, щоб боги кого так очевисто любили,
Як очевисто ёго зяступала Паллада Атена;
Як би б, кажу, зволила такъ полюбить, та тобою пеклася,
То не один би із них навік забув женихання“.
Ему пак в одвіт Телемах розумний став промовляти:
„Старче, щоб се слово справдилось я й негадаю,
Бо дуже велике воно, аж страх бере. Ні несправдиться.
Хоть би сподівавсь я, хоть би б була на те й божая воля!“
Тут пак промовила так ясноока богиня Атена:
„Слово яке з-за зубів частоколу в тебе злетіло!
Богу легко, як зволить, и здалека мужа вернути.
Про мене ж лучче б я рад, хоть набравшися всякого горя,
До дому вернутись, та день вороття свій побачити;
Ніж вернувшись (скоро)погинути дома, як Агамемнон
Погиб од Айгиста та од своєі суложниці зради.
Правда одначе: й боги сами од спільноі смерти
Оборонити й того, кого люблять, неможуть, коли вже
Доля лихая кому погинути смерттю гіркою“.
Ій ув одвіт Телемах розумний став промовляти:
„Менторе, годі про се говорити, хоть нас воно й журить!

---

[1]) Люде землі, мир.

[2]) Хто зна, чи він, вернувшись колись, за кгвалт заплатити їх не заставить, чи сам один, чи з Ахайцями вкупі.

Певно, немає ему вороття, а вже погибель
І чорную смерть судили ёму боги несмертелні.
Тепер же про иншую річ розвідати хочу й спитати
Нестора, як над усіх справедливий він та розумний,
Бо кажуть, тричі він панував вже, три покоління.
Та, як подивлюся на ёго—неначе безсмертний здається.
Нестор' Нелеєвичу, скажи мені щирую правду [1]):
Як погинув Атреєвич, можний пан Агамемнон?
Де був Менелай тоді та якую згубу замислив
Айгист зрадливий, що вбив куди-хоробрійщого 'д себе?
Той [2]) був не в Арзі Ахайскім либонь, а де небудь инде
Блукав по світах [3]), що Айгист осмілився вбити?"
Ему на се одповів Геренійській Нестор комонник:
„Так я, дитино моя, тобі роскажу усю правду.
Вже ж таки й сам ти догадуєшся, як воно сталось [4]),
Як би б не тó що, а хоть би в живих застав [5]) у палатах
Айгиста, вертаючись з Трої, русявий Менелай,
Ані могили над трупом ёго ненасипали б люде,
Розшматували б б собаки ёго та хижеє птаство
В полі од города геть-де, та голосити по ёму
Нестала б з Ахаянок жодна, бо дуже лихеє він вдіяв,
А то стояли ми там та часті зводили битви,
А він тут любенько собі у кутку конеплодного Арга
Старавсь Агамемнонову жону вчаровати словами.
Спершу таки того неподобного діла цуралась
Ясна Клитаймнестра, бо добрий розум вона собі мала,
Та й був муж-співак при їй, що ёму одїжжаючи в Трою
Атреєвич був-приказав своєї жони доглядати;
Коли ж її зволі богів, попутала доля піддатись,

---

[1]) Менелай.
[2]) Між людьми.
[3]) Розмишляеш, що з того вийшло.
[4]) Іздибав.
[5]) Не потай мені правди:

То той тоді співака запровадив на острів безлюдний [1])
Та там і покинув птаству на здобич та на поталу.
Її ж охочий охочу, одвів до своеєі домівки.
Багато стеген богам на святих вівтаряхъ попалив він.
Багато пишних дарів їм повішав, шатами й злотом,
Великеє сповнивши діло, що й несподівався ніколи.

VII рапсодія.

Поки там так моливсь ясний Одиссей многотерпець,
Дівку [2]) тим часом у город сила везла пари мулів.
Як же до батькових славних вельми хорім добралась,
То зупинила мули в воротіх. Брати наоколо
Стали, подобні богам несмертельним, далі із воза
Мули повипрягали й у хату повносили плаття;
Сама ж у свій терем пішла. Там їй огонь розпалила
Стара Апейронка, її покоёва, Евримедуса.
Сю з Апейри колись кораблі привезли крутобокі;
Та її Алкиною вибрано в дар, як над усіми
Феаками він папував и народ ёго слухавсь, як бога.
Вона згодувала в хоромах білорукую Навсикаю,
Для неї огонь роскладала та ій окроме готовала вечерю.
Тоді то підвівсь Одиссей, щоб до города йти, Атена ж,
До ёго зичлива, туманом густим ёго оточила,
Щоб часом який з високоумних Феаків спіткавши [3])
Нестав глумитись [4]) над ним словами та роду питати.
Коли ж уже мав уступити у город веселий [5]),
То там зустріла ёго ясноока богиня Атена,
Дівчиною молодою, з глекомъ въ руках, обернувшись,
Стала вона перед ним, а ясний Одиссей став питати:

---

[1]) Пустинний.
[2]) Панну.
[3]) Зустрівши.
[4]) З його глузувати.
[5]) Приязний.

„Дочко, чи непровела б ти мене до домівки мужа
Алкиноя, що тут меж сими людьми панує?
Бо я тут чужий, зазнавши й перетерпівши чимало.
Приходжу з далекого краю, тим то незнаю нікого
З людей, що держать сей город [1] і ниви сі роблять [2].
Й єму проговорила так ясноока [3]) Атена:
„Так я ж тобі, гостю [4], той дім покажу, що ти кажеш,
Бо се недалеко од чесного батька мого домівка.
Тілько ти мовчки іди, а я по переду йтиму;
Не поглядай ні на кого і не питайся ні в кого.
Бо тут такі, що недуже чужих людей поважають,
Недуже то люблять вітати [5], як прийде хто з иншого краю.
На кораблі швидкім вони [illegible] на море
Пучину [6] на них [illegible] так дав їм земле-потрясатель;
А кораблі в їх швидкі, як птиця крило або думка."
Так то сказавши, вперед повела Паллада Атена
Спішно, а він за нею пішов по слідах богині [7].
Й не постерегли його корабельники славні Феаки,
Як він по городу йшов поміж ними. Бо не пустила
Красноволоса Атена, грізна богиня, на його
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Застанеш як раз у ёму царів, годованців Дия,
Що пир пирують; ти ж увіходь, нічого небійся.
В душі смілий бо муж з усякого діла найлучче виходить,
Хоть би прийшов звідкіля на чужину из иншого краю.
Перш усёго 'спожу старайся знайти у палатах.
Ймення її недаром Арета й предків тих самих
Вона, що породили й мужа її Алкиноя.
Бо Навзитоя зпершу зродив Посейдон, що землю хитає,
І Перибоя, найкраща з жіноцтва [1]) на уроду,
Менша дочка великого серця Эвримедонта,
Що колись був царем над міру гордих гигантів
Та свій народ загубив нерозумний і сам з ним загинув;
З нею ж понявсь Посейдон і породив собі чадо,
Навситоя великого духа, що панував у Феаків.
А Навситой породив Рексенора та Алкиноя.
Того бездітним стрілою убив Аполлон срібнолукий,
Ще молодожоном у хаті. Він одно тільки чадо [2]) зоставив,
Арету, що Алкиной собі поняв за подружжя
Та її чтив, як ніхто нечтіть ні жодної в світі,
Скільки ні есть жінок, що замужем держать хазяйство,
Оттака то їй честь [3]) була, як і есть, сердешна [4])
І од любих дітей й од самого Алкиноя,
І од людей, що на неї дивляться, наче на бога,
Та словами вітають, як отсе вона городом йтиме,
Вже ж бо доброго розуму їй позичати нетреба.
До кого вона зичлива, тим сварки мужам вона примиряє;
Як би б і тобі добра въ душі вона забажала,
Певна б надія була що своїх ти побачиш, [5]) та прийдеш
До високого дому, до свого рідного краю“.

---

[1]) З жінок
[2]) Одиницю, одиночку
[3]) Повага
[4]) Од щирого серця
[5]) И отчизную землю

По сій мові 'дійшла ясноока богиня Атена
На непліднеє море, покинула милу Схерію
До Маратона прибула і улиць широких Атена,
Та в дом кріпкий Ерехтея ввішла. Одиссей же тим часом
К славними палатам [1]) ішов Алкиноя. Тут в серці чимало
Думок він перебрав в мідяного ставши порога,
Неначе бо 'д місяца світло стояло
Скрізь по високому дому Алкиноя великого серця;
Стіни бо йшли мідяниї сюди і туди од порога
Аж геть, а зверху карниз на них з синёї криці навколо.
Од золота двері до дому кріпкого вхід замикали.
Срібні одвірки [2]) стояли на мідяному порозі
Срібний же був і наддвірок [3]), а кільце у дверей золотеє
Срібні ж та золоті пообіруч собаки стояли,
Що їх Гефест поробив розумом хитрими та мудрим,
Щоб дому стерегли Алкиноя великого серця;
Бесмертні вони були й нестáрілися нівві́ки,
В домі ж сюди і туди до стін приставлені кресла
Скрізь од порога аж в глиб килимами укріті
А килими мьягкі доброткані, жіноча робота.
Там то сижували на них Феаків привідці,
Пьючи та їдячи, бо було в їх усего доволі,
Далі хлопці там золотиї на гарних підставках
Стояли в руках їх походні палали (огнем та світили).
Щоб видко було по ночах гостям пировати.
Пьять десятків робинь жинок було в ёго в домі.
З них которі на жорнах мелють яру пшеницю,
Которий пак за верстатами ткуть, та сидячи вовну
Прядуть, неначе те листя шумить на високій тополі;
Ткання ж густе, що аж з ёго стікає вохкая олива.

---

[1]) Хоромам
[2]) Чуб. IV. 468.
[3]) Притолока

Як Феаки сами над усіх людей уродливі [1])
Шо морю гнати швидкій корабель, то так їх жіноцтво
Кросно ткати, бо над усіх дала їм Атена
Діло вміти робить чепурне та чеснеє серце [2]).
Поза двором побиля дверей сад там великий
На чотирёх десятинах, навкруги ёго йде огорожа,
Там дерево (всяке) високе росте, цвіте й зеленіє.
Груші, гранати, яблука плоду доброго їсти [3])
Та солодкиї фиги та зелені оливи.
Плід на них непропада й небуває ёму недостачі
Ані зімою, ні літом год круглий. Зефир бо вічне
Там подиха: те ростить, а тому дає доспівати.
Одно за одним, за грушою груша, за яблуком яблуко зріє
Винні китяги одна за одною, за фигою фига.
Там далі посажений в ёго сад виноград многоплідний,
Инші китяги в ёму на припеці на рівному місті
Вьянуть на сонці, а иншиї лиш ізбірають,
Инші вже давлють, а спереду лози там ще зелені.
Инші ще цвіт іскидають, а на инших вже кгрона бриніють.
Там далі ще с самого краю грядки до ладу чепурниї:
Всячина там росте, цілий годъ цвіте та буяє.
Дві там криниці: одна ростікається по всёму саду,
Друга з тиї сторони під порігом двора протікає,
Побиля високого дому та з неї воду беруть городяне.
Оттакі то красні дари богів були в Алкиноя.
Ставши там, роздивлявсь ясний Одиссей многотерпець.
Коли ж пак на все надививсь та в души своій надивовався,
Спішно через поріг він переступив та ввійшов у хороми.
Саме застав там Феацьких привідців та радців,
Що в честь зливали із чар лучному Аргоубійці.
Ёму звикли зливати послідпёму вже про спочивок згадавши.

[1]) Тямущі.
[2]) Добрий розум.
[3]) Яблука красні.

Ішов же через палату ясний Одиссей многотерпець,
Імлою вкритий густою, що его оточила Атена;
Аж поки дійшовъ до Арети та до царя Алкиноя.
Коли ж Одиссей вже руками обвив Арети коліна,
Тоді лиш додолу із его стекла імла несказанна.
Ті ж запитали усі у палатах мужа уздрївши.
Дивилися та дивувались, а Одиссей став благати:
„Арето, Рексенора дочко, що рівен з богами!
До мужа твого, до твоїх колін припадаю я бідний,
І пирнихъ гостей сих молю (хай боги їм у щасті дарують
Вік свій прожити, та нехай кожен з них дітям зоставить
І свій добиток у домі й що в честь ему дано народом),
Ви ж одправу мені знарядіть, щоб скорійше [1]) вернутись
До дому, давно бо вже горе терплю я од роду далеко".
Так сказавши, він сів на огнищі на попелищі
Побиля огня, ті ж всі ущухнувши мовчки сиділи.
Аж дуже вже з годом озвавсь стар чоловік [2]) Ехеной,
Що з Феаків мужів найдавніш народився
Й річмі перевишував всіх [3]), давнини багато зазнавши.
Сей, добра їм жичливий [4]), обізвався и слово промовив: [5])
„Алкиной, негарно тобі й зовсім недоділа
Те, що гість долі сидить на огніщі на попелищі.
Так підведи бо ти гостя й на сріблом цвяховане кресло
Посадови та окличникам ще ізвели намішати
Вина, щоб могли ми і Диєві в честь громолюбцеві злити,
Як випада нам при чесних странніх, що помочі просять.
(Що із чесними странніми разом [6]) до нашего дому приходить)
Хай гостю й вечеряти клюшниця дасть, що знайдеться въ домі...
А коли Алкиноя великая сила сеє зачула,

[1]) Швидче.
[2]) Витязь.
[3]) Узяв над всіма.
[4]) До них добровільний.
[5]) Стан промовляти.
[6]) Вкупі. Гость в дом,—Бог в дом.

То Одиссея на думки богатого взявши за руку
З огнища ёго підвів, посадив на лискучому кресли,
Синові встать приказавши хороброму Лаодаманту,
Що найближче до ёго сидів та був ёму наймилійший.
Служка води принесла у гарнім глеку золотому
Й на руки злила над срібною мисою руки помити,
Далі розставила стіл гладкий побиля гостя,
Хліба клюшниця чесна тут принесла й положила,
Наставивши всяких наїдків, рада дати, що въ домі знайшлося.
Він же став пити та їсти, ясний Одиссей многотерпець.
Оттоді до окличника такъ Алкиноева сила озвалась:
Рознеси, Понтоною, змішавши у чаші напиток"
Усім по палаті, щоб и Диєві въ честь громолюбцю ізлити,
Що з чесними странніми в купі до нашого дому приходить".
Так він сказав. Понтоной, медового вина намішавши
Й порозливавши по чарах, усім порозносив в палаті.
Вони ізлили й напилися, скільки душа забажала.
Тоді Алкиной до них обизвавшися став промовляти:
„Послухайте лишень мене, Феацькі привідці та радці,
Нехай я скажу, що у грудях душа мені повеліває.
Одпирувавши теперь ідіте спати до дому,
Завтра ж рано з зорі, старшини ще більше зізвавши,
Гостя въ палатах ми вгостимо та великеє свято
Справим богам, а затим вже і як виправляти в дорогу
Будем гадати, щоб гостю зовсім без труда и досади
За проводом нашим добратись до свого рідного краю
Весело й скоро, хоч як би туди було там далеко;
Та щоб тим часом він недознав ни лиха, ни горя,
Поки неступить на свою землю, а там нехай терпить,
Що ёму доля дала на роду й неласкавиї пряхи
В нитку упряли, коли ёго мати на світ породила;
Колиж—пак хто із безсмертних тепер зійшов до нас з неба,
То значить либонь, що боги инше щось мають на думці [1])

[1]) Инше щось затівають.

Бо досі боги завсегда [1]) зъявляются нам очевисто,
Скоро ісправимо їм з ста биків преславную жертву,
Та там, де і ми, пирують, із нами сідаючи поруч.
Хоч би і сам ідучи із нас подорожній спіткався,
То нехороняться 'д его, бо ми ж їм рідня недалека
Так, як і киклопи, такъ, як і дикі племена гигантів."
Ему ув одвіт Одиссей многодумній став так промовляти:
„Алкиною, журися не сим, коли хоч, а чим иншим,
Бо я неподобен богам, що держать широкеє небо,
Station ні зростом, такий я, як всі смертельнії люде,
Та кого знаете ви із людей, що найбільше печалі [2])
Зазнали [3]), то хиба з тим яб міг своїм горем зрівнятись.
Можна б мені вам щей більше про лихо своє росказати,
Скільки усячини вытерпів я із волі бесмертних,
Тільки хош і смутному, дозвольте мені повечерять,
Бо безстиднійшого над живіт ненавистний нічого
Немає; він силоміць про себе згадати заставить,
Хоч як ти захлянь од біди, хоч як буде горе на серці
От хоч би й я маю горе на серці, а він все таки мене
Нудить [4]) їсти та пити і про все велить забувати,
Що я перетерпів, та все лиш себе велить поповняти;
Ви ж поспішіть та завтра, скоро заря забіліє,
Одішлите [5]) мене бідолаху до мого рідного краю,
Хоч би й богато прийшлось бідувати, хоч збутися віку,
Тільки що вздрівши хазяйства [6]), робинь і дім свій високій."
Так він сказав, ті ж всі похвалили та ізвеліли [7])
Одправити гостя до дому, бо він до діла говорить.
А як излили й напилися скільки душа забажала,

---

[1]) Завше.
[2]) Горя найбільше
[3]) Винесли
[4]) Силує
[5]) Виправляйте
[6]) Добро
[7]) Дали пораду

Кожен спати лягати побравсь до своєї домівки.
Тільки сам ясний Одиссей в палаті зоставсь,
А коло його [1]) сиділи Арета та боговидний
Алкиной, служки ж пирове прибірали начиння.
От почала білорука Арета такую розмову.
Пізнала бо, вздрівши плащ та сорочку, гарну одежу,
Що робила її [2]) сама із служебним жіноцтвом,
Та озвавшися стала крилаті слова промовляти:
„Гостю, попереду [3]) я сама тебе попитаюсь,
З яких ти людей? відкіля? хто дав тобі сюю одежу?
Чи ти неказав, що по морю блукаючи к нам ти прибився?“
Одповідаючи їй, Одиссей многоумний промовив:
„Трудно, царице, [4]) іздрібна напасти мої росказати,
Бо їх чимало дали боги з високого неба
Тільки скажу, про що розвідуєш ти та питаєш.
Огигія, остров такий лежить на одшибі в морі,
Там Атланта дочка живе, лукава Калипсо,
Краснокоса [5]) страшная [6]) богиня.
Ніхто ні з богів, ані з смертних людей незнається з нею,
Тільки мене до її очага привела лиха доля,
Як перуном ясним швидкий корабель підо мною
Вдаривши Зевс розщепив посеред виноцвітного моря.
Инше все там погибло чесне моє товариство;
Сам я, за киль корабля крутобокого взявшись руками,
Девъять дней носивсь, на десятий темної ночи
К острову Огигії прибили боги. Там Калипсо
Живе довгокоса (грізна) страшная богиня. Вона мене взявши,
Щиро мене доглядала й кормила, нераз обіщалась

[1]) Та при йому
[2]) Пряла та ткала
[3]) З самого першу
[4]) Княгине,
[5]) Довгокоса
[6]) Та грізна

Вчинити бесмертним та щоб і нестарівсь николи [1]),
Одначе [2]) серця мого в грудях немогла вговорити,
Там я сім год підряд пробував, бесмертниї шати,
Що їх Калипсо дала, нераз обливав слёзами [3]).
Коли ж прийшов осьмий...
Тоді сама підштрикнула [4]) мене й звеліла вертатись.
Чи то Зевс їй звістку послав [5]), чи в самої думка змінилась,
На поромі одпустила кріпкому, понадавала
Їжи й напою смачного, вдягла у бесмертну одежу
Й вітер попутний послала погожий та тихий.
Сімнадцять день я плавав так перебуваючи море,
На вісімнадцятий вже замаячили темниї гори
Вашій землі, і зраділо милеє серце у мене
Злощасного, ще бо мав я приняти [6]) лиха чимало:
Его набавив мені Посейдон, що землею хитає.
Вітри на мене піднявши, усі путі завъязав він,
Море змутив несказанно; хвиля ніяк недавала
На поромі плисти, довелося тяжко стогнати.
Далі вітер паром мій роскидав, яж став пучину
Перебувати у плав, розрізаючи воду, аж поки
Ік вашій землі мене вітер приніс, та море прибило.
Тут, як вилазити став, силоміць понесла мене к берегу хвиля
Й на скелі великі шпурнула, на негожеє місце.
Пустившися берега, впъять я поплив, аж поки добрався
До річки. Тут здалося мені було кращеє місце:
Скель небуло, та надто був ще захпет од вітру.
Впав я дишучи важко [7]) і ніч на мене бесмертна
Зійшла. Далі геть одійшовши од річки, що падає з неба,

---

[1]) По всі дні
[2]) Тільки.
[3] Слізми обливав гіркими.
[4]) Наустила.
[5]) її сповістив.
[6]) Зазнати.
[7]) Набіраючись духу.

Спати уклався в кущах, купу листя собі назгрібавши,
І бог тут на мене сон излив безконешний.
Там закопавшися [1]) в листя, з смутком у серці своєму
Спав я всю ніч, щей ранок і дня половину.
Заходило сонце, тоді мене сон покинув солодкий.
Тут служок твоєі дочки я вздрів на горбочку;
Грались вони, сама ж серед ïх неначе богиня.
Став я благати ïï, в єï добрий розум [2]) знайшовся;
Несподівавсь я сёго, молодую людину спіткавши,
Що так вона вчинить, бо, що молоде, завсегда нерозумне. [3])
Вона мені хліба у волю дала й вина, що од ёго
Щоки горять, у річці помила й дала сю одежу.
От я тобі смутний расказав усю правду.“
Ёму пак одповідати став Алкиной та озвався:
„Гостю, одначе ніяк того нездумала гречи
Дитина моя, щоб тебе у купі з служками дівками
До нас привести. Адже ж ïï першу вмовляв ти“ [4]).
Одповідаючи, так Одиссей многоумний промовив:
„Герою, за се несварися, прошу, на чесную панну,
Вона бо звеліла мені іти у купі з служками.
Так я несхотів, бо сором було, та таки і боявся,
Щоб як побачиш, душа твоя часом нерозъярилась,
Бо ми на землі племена людськиï—серця палкого“.
Ёму пак Алкиной одповідати ставъ та озвався:
„Ой не такеє, гостю, у грудяхъ серце у мене,
Щоб необашно яритись, лучче все вміру та гречи,
Щож? Як би б, Дию-отче, Атено і Аполлоне,
Такий, як от ти, та однакових думок зо мною
Взяв дитину мою та зятем моïм назвався,

---

[1]) Заривпшися.
[2]) Рада.
[3]) Необашне.
[4]) Просив.

Тута жити зоставшись! Двір би я дав тобі і хозяйство. [1])
Як би ісхотів ти зостатись. Силоміць же ніхто із Феаків
Тебе незадержить. Було б се Дневі батьку немило.
А щоб ти знав певно, такъ я одправу тобі назначаю
На завтра. Поки ти будеш знеможенний сном спочивати,
Судно будуть гнати по тихому морю, аж поки пристанеш
До краю й до берегу, чи пак куди тобі любо.
Нехай би і геть було дальше туди, аніж до Евбеи—
Вона найдальша од нас, мовляли ті, що видали
З наших людей, як туди русявого Радоманта
Возили з Титієм побачитись сыном землі
За день добігли вони туди без труда і без втоми,
Та ще у ту самую днину назад до дому вернулись.
Сам ти побачиш своїма очима, які кораблі в нас,
Та чи молодці наші вміють море веслом розтинати"
Так рече. Ізрадів ясний Одиссей многохитрець,
Молитися став і слово сказав, іменням назвавши:
„Дню отче! [2]) бодай бо усе, що сказав він, збулося!
Алкиною бодай була невгасимая слава
По хлібодарній землї, мені ж дай до дому вернутись".
Поки вони собі так один із одним розмовляли,
Білорука Арета тимчасом служкам ізвеліла
На піддашку ліжко цоставить, килим пурпуровий гарний
На єму покласти, а зверх килимів простині прослати.
Та ще положити косматі плащі, щоб було чим укритись.
Взявши світло [3]) у руки, вийшли служки із палати.
Коли ж незабаром єму впругеє ложе послали.
То перед ним поставали та стали підводить словами:
„Вставай уже, гостю, йди спати, постіль тобі вже готова".
Так говорили, й єму хотілося вже одпочити.
Так там став засипати ясний Одиссей многотерпець

[1]) Добиток.
[2]) Батьку.
[3]) Походні.

На ложі з різьбою на гулкому [1]) підашші.
Алкиной же вклався у дальній кімнаті високого дому,
А біля єго пані єго стала постіль собі слати.

VIII рапсодія.

Скоро зъявилася рання зоря, рожевиї пальці,
З ложа тоді підводитись стала [2]) Алкиноя великая сила.
Встав тоді й Одиссей божеродний городоборець. [3])
Іх повела тоді Алкиноя великая сила
На радний майданъ Феаків, що в них був 'д кораблів недалеко.
Прийшли й посідали поруч на тесаних з каменя сижах.
Тимчасом по городу скрізь ходила Паллада Атена.
Алкиноевого окличника вид на себе принявши
Та вороття Одиссею великому серцю готуючи мудро.
Біля кожного мужа вона зупинялась та слово казала:
„А ну-те збірайтесь сюди, Феацькі привідці та радці,
Ідіте у раду на плець новинку почути про гостя,
Що то недавно прибув [4]) до Алкиноя разважного дому,
Наблукавшись по морю и станом подобен бесмертним.“
Сеє сказавши, у кожній души охоту збудила.
Спішно зібралися люде, повен майдан став и сижі.
Багато [5]) таких було, що тутъ дивувалися глядя
На сина розважного батька Лаерта. Єму бо Атена
Невимовну [6]) красу ізлила на главу і на плечи,
Вищим зробила на вид і ширшимъ у плечіх, [7])
Щоб Феакам усім став він любий та милий,
Грізний и честний, та щоб тому усёму він подужав,

---

[1]) Гучному, дзвінкому.
[2]) Підвелась
[3]) Городів розрушитель
[4]) Завітав
[5]) Народу
[6]) Несказанну
[7]) Щоб вищим здавався на погляд і товстійшим (дебельшим).

Чим мали спробовати его сили (мужі) Феаки.
Як же зібрались Феаки та до громади зійшлися.
То тоді Алкиной озвався, та так до них став промовляти:
„Послухайте лишень сюди, Феацькі привидці та радці!
Нехай я скажу вам, що у грудях душа мені повеліває:
Гость сей, незнаю хто він, приблудившися до мого дому
Не то од людей сходових, не то [1]) од західних, незнаю,
Просить одправи та молить напевно ёму щоб сказати
Такъ ми ёму, як вже й бувало, даймо скорійше одправу;
З тих бо, хто коли-небудь до мого дому заходив,
Ще тут ні один не тужив [2]), дожидаючи довго одправи.
Такъ нумо, чорний стягнім корабель на божеє море,
Ще первоплавний та ще нехай одбереться з народу
Пьятьдесять два молодці, які вже звісні за луччих.
Ідіте усі й до уключин весла гаразд привъязавши,
Виходьте на суходіл [3]) та обід готуйте нашвидку,
До нашого [4]) дому прийшовши, а я усёго в волю достачу.
Се ж молодцям поручаю, а ви усі инші,
Берлодержці, князі ходіте до мого дому
Красного й будемо любъязно гостя въ палатах приймати [5]).
Неодмовляйся ніхто й співака Демодóка кличте
Божого, бо не кому бог дав пісню людей звеселяти
Всяк раз, як тільки співати ёго душа потагає“...
Так сказавши, перед повів, за ним берлодержці
Услід, співакові ж божкому поводирем бувъ окличник.
Пъятдесят і два молодці, що їх одібрано з люду,
Пішло, як той ізвелів [6]) на берег неплодного моря.
Як же до корабля дійшли й до хвилястого моря

[1]) Чи.
[2]) Не жалкував.
[3]) Вертайтесь та.
[4]) Мого.
[5]) Любенько гостю въ палатах справимо учту.
[6]) Приказав.

Чорний стягли корабель на глиб солоного моря.
На кораблеві щоглу звели й паруси приладнали,
В ремінниї петлї весла вони повдівали,
Все як подоба [1]), та білі вони паруси розіпъяли.
Од берега геть корабель вони встановили [2]), а далї
Пустилися йти до палат розважного Алкиноя.
Повно стало людей на піддашшях [3]), в дворі і в палатах
І молодих і старих багато туди назбіралось.
Їм Алкиной дванадцятеро овець дав на жертву,
Вісім свиней яснозубих, та пару биків кривоногих.
Обідравши й обпатравши все, вони пир собі милий зробили.
Окличникъ тут підійшовъ, ведучи співака любъязного:
Паче всіх [4]) его Муса злюбила, добром наділивши і лихом,
Світло згасила [5]) очей и дала солодкую пісню.
Ему Понтоной поставив сріблом цвяховане кресло
Посеред гостей пирових, спиною к стовпу [6]) его прислонивши,
На клинцї [7]) завісив ему кобзу він голосную
Над головою як раз й навчив, як їх руками достати.
Кошик гарний із хлїбом поставив побиля его
Й на похваті чару вина, щоб пив, як душа забажає.
Ті ж до готової страви [8]) руки попростягали.
Як же до пива й їства уже одігнали охоту,
То Муса слїпця наустила славу мужів воспівати,
Пісень, що їх слава тоді досягала широкого неба
Про Одиссееву сварку [9]) з Пелеєвичем Ахиллюм,
Як на пишнім божім пиру вони раз посварились

---

[1]) Як слід.
[2]) Прикренили.
[3]) Присінках.
[4]) Вельми.
[5]) Збавила світла.
[6]) До стовпа.
[7]) На кілку, на клиночку. Kolb. II, 128.
[8]) Котл. 152.
[9]) Спірку, суперечку.

Страшними [1]) словами, а владика [2]) мужів Агамемнон,
Нишком радів, що вже найперші з Ахеєв сваряться,
Бо віщуючи так був пророк ёму Феб Аполлон
В Питі святій, як поріг камъяний переступив він,
Щоб бога спитати; тоді котився ще лиха початок
На Троян і Данаїв з ізволу [3]) великого Дия.
Так оттаке-то співак преславний співав, Одиссей же,
Плащ великий багровий руками потужними [4]) взявши,
Натягъ собі на главу і закрив собі красне обличчя.
Бо Феаків стидно було, що з під брів ёму слези точились. [5])
Як тільки ж переставав співати співак божественний,
То, втерши слізу, з голови собі плащ ізнімав Одиссей
І, чару двійчату узявши, на честь богам ізливав він.
Коли ж той упъять починав [6]) і ёго понукали співати
Мужі знайчнійші з Феаків, бо їм пісьня була до вподоби [7]),
То, голову вкривши упъять, Одиссей починав тужити.
Од инших усіх втаїлося те [8]), що він плаче слёзами,
Тілько Алкиной один завважив та догадався,
Бо близько сидів [9]) і чув его важкеє зітхання.
Й зараз до весловюбців Феаків став такъ промовляти:
„Послухайте лишень сюди, Феацькі привідці та радці,
Досить вже душу свою вдоволнили [10]) ми пиром посполу
Й бандурою [11]), що то веселій беседі [12]) есть товаришка,
Тепер же виходьмо й давайте усяково пробувать сили,
Щоб гість наш міг росказати своїм, до дому вернувшись,

[1]) Грізними.
[2]) Сподарь.
[3]) Зволі.
[4]) Міцними узявши
[5]) З очей йому слёзи лилися.
[6]) Розпочинав, заводив.
[7]) Подобалась пісня.
[8]) З инших не постеріг ніхто.
[9]) Сидячи близько та чувши.
[10]) Напасли до сита.
[11]) Ясному пирові.
[12]) Лирою.

Як над иншими ми усіма узяли й навкулачки
І боротьбою, й скаканням і навзáводи бігом.“
Так сказавши, перед повів, а ті за ним слідом.
Впъять на кілок голосную бандуру [1]) повісив окличник,
Взяв Демодока за руку і повів ёго із палати.
Й попростував із ним туди ж, куди пішли инші
Значнійші з Феаків, на грище дивитись на перебійців.
Побралися всі на майдан, а з ними юрба велика,
Тьма несчисленна. Добрих молóдців тут встало багато.
Акроней піднявся, за ним Елатрей и Окіал,
Встали Навтей и Примней, встав Еретмей и Анхіал,
Встали Понтей и Прорей и Тоон и Анабесиней,
Далі Амфіал, син Тектоновича Полинея,
Й Евріал устав, мужогубцю Арею подобний,
И Навболíд, що після безпорочного Лаодаманта
Був з Феаків усіх найкращий вродою й станом;
Встало й троє синів безпорочного Алкиноя,
Лаодамант и Ґалій и богоподобний Клитоней.
Попереду пробувать стали вони, хто швидкий на ноги.
Од мети простягся їм тік [2]); вони всі посполу
Швидко [3]) пустилися бігти, збиваючи порох [4]) по полю.
Бігати ж вдавсь куди лучший од всіх безпорочний Клитóней.
Які на цілині [5]) въ пари мулів гони бувають,
С—так перегнавши, вернувсь до людей, [6]) ті ж поодставали.
Инші давай боротьбою важкою міряти силу.
Тут Евріал усіх і найлуччих подужав [7]);
Скакати ж з усіх найлуччий вдався Амфіал,
Круг же кидати був Елатрей з усіх найзручнійший [8]);

[1]) Кобзу
[2]) Біг
[3]) Проворно
[4]) Порох, пил
[5]) новині
[6]) К меті він вернувсь,
[7]) одолів і найлуччих
[8]) Над всіма далеко зручнійший

На кулаки ж Лаодамант, вдалий син Алкиноя.
Коли ж так серце своє уже вдоволнили змаганням,
Так тут до них Лаода́мант озвавсь, Алкиноєво чадо;
Давайте, братця, спитаємось гостя, чи він невміє,
Чи часом незвик до якого змагання? На зріст він незгірший,
На стегна і литки нещуплий й на обидві руки ізверху,
На въязи дебелі й великую силу. Ще й нестарий він,
Тілько що лихо ёго хиба скрутило велике,
Бо, я кажу, немає на світі гірше, як море:
Знівечить мужа воно, хоть якаб була в ёго сила.
Еврия́л ему тут одповідати став та промовив:
„Лаодаманте, дуже іг речи сказав єси слово!
Сам же пійди та визви ёго й скажи, в чому сила.“
Як же зачув сеє слово вдалий син Алкиноя,
Виступив, став [1] у громаді й до Одиссея промовив:
„А ну лишень, гостю паноче, і ти (з нами) сили попробуй,
Коли часом в чому ти мистець; та мабуть ти знаєш се діло,
Бо мужу, аж поки він жив, немає більшої слави
Над то, що він вдіє ногами й руками своїми.
Так нубо спробуй, розбий свої сердешниї туги:
Довго одправи ждати небудеш, вже бо для тебе
Стягнено і корабель і готове уже товариство.“
Ему у одвіт Одиссей многоумний став промовляти:
„Лядаманте, чи се не на глум мені велите вы? [2]
Злидні мої у мене на душі, а не змагання:
То бо я був натерпівся немало, й намучивсь немало!
Тепер на майдані вашім сижу та жадаю [3] одправи,
В господаря и в народу всёго благаючи ласки.“
Став тут Эвріял [4] ему одвічати та в вічи налаяв:
„Значить, не до того молодця тебе, гостю, рівняю,

[1] Пішов по середині, став
[2] Чи се велите вы мені на наругу (на сміх)?
[3] Жегну
[4] Одповідати йому став

Що вмілий на всякі змагання, яких між людьми єсть чимало,
А до того, що, вештаючись з кораблем многовеслим,
Над такими, що і гребці і купці, ватагує,
Кладь держить на умі, та (й) вимінять де визирає
Та вхопить баришів. На бійця, бачу я, ти непохожий·“
Скоса на его зирнувши, прорік [1]) Одиссей многоумний:
„Негарно ти, гостю сказав [2]), немов чоловік необашний.
Так то не всім мужам боги усе гарне дарують
Вкупі і зріст и розум добрий и красную мову: [3])
Инший муж на вроду буде собі непригляднии,
Та бог словам его постать дає и людям на ёго
Мило дивитись, як він без упину до їх промовляє
Тихо та чесно, над усіма беручи у громаді;
І коли він городом йде на ёго глядять, як на бога;
Инший упьять [4]) буде на вроду подобен богам несмертельним,
Так річей-бо ёму на вкругй краса неквітчає;
От як і в тебе прекрасная врода, що й бог її инше
Та краще нездужа зробить, а на розум єси ледащо.
В грудях моїх ти мені усю змутив єси душу
Словом своїм незвичайним [5]): ненеук бо я у змаганнях,
Як от ти кажеш. Думка така, що бувавъ я у перших,
Поки на вік молодий свій вповав та на свої руки.
Тепер мене лихо й журба узяли [6]), бо терпів я багато,
Через битви [7]) з людьми и хвилі важкі пробивався;
Ну та дарма, хоть терпів я сто лих, а попробую сили,
Бо в серце въїлася річ, мене въязвив [8]) єси єю.“
Так. Та як був у плащі, исхопившись узяв він у руку

---

[1]) Сказав
[2]) Сказав еси, гостю, негарно,
[3]) Тиху вимову
[4]) Пак
[5]) Негожим. Ном. 348, 378.
[6]) Скрутили
[7]) Побої Гол. IV, 43
[8]) Серцеїдная річ; уразив.

Круг і білший и товщий, немалим чим дебелійший
Од тих, якими кидались попроміж себе Феаки,
Та размахавши ёго, пустив міцною рукою.
Камінь загув; ік самій землі аж поприпадали
Довговеселиї Феаки, мужі корабельщики славні,
Під каменя лётом, а він перелетів всі признáки,
Швидко пустившись з руки. Положила признаку Атена,
Станом вподобившись мужу, слово рекла і сказала:
„Й сліпий тобі, гостю, міг би твою роспизнати прикмету
Пóмацки, з іншими бо вона незмішавшись у купу,
Геть тобі далше лежить. Так ти за сей раз небійся:
Сюди з Феаків ніхто недокине, ані перекине“.
Так сказала, зрадів Одиссей многотерпець
Тим, що друга собі прихильного вбачивъ на грищі
Й з легшим серцем уже озвавсь до Феаків:
„Поки що докидайте молодші, [1]), а я зараз і другий
Каминь пущу у слід туди ж, або може ще далше.
З инших же всіх Феаків, кому серце велить та охота,
(Той) Виходь сюди спробуйсь зо мною (бо мене ви розсердили дуже)
На кулаки, чи борбою, та хоч би і бігти: нідчого
Неодрікаюсь ні з кім, аби не з Лаодамантом,
Бо я ёго гість; а з тим, хто часгує, хто ж буде битись?
Муж такий либонь [2]) нерозумний був та нікчемний,
Щоб хазяїна став визивати на спір та битву
Въ чужій стороні. Такий сам же своєє все теряє.
З инших усіх никомý не 'дмовляю, ніким не гордую.
Рад я кожному глянути в вічи, помірятись з кожним,
Бо я незгірший у всіх, які межи людьми єсть змагання.
Добре вмію я лука гладкого узяти у руки,
Перший з усіх в свою попаду я стрілою у купі
Мужів ворогів, хоч би б товариства і дуже багато

[1]) Докиньте, хлопці.
[2]) Хибаб

Поруч зо мною [1]) стояло й стріли метало [2]) в ту купу.
Тільки один Филоктет мене подужував луком
В троянській землі, як почнем було з лука стріляти, Ахейці;
Од инших усіх, я кажу, я буду далеко зручнійший,
Які тепер на землі живуть та хліб жують [3]) люде.
Из стародавними ж я мужами тягатись нехочу,
Ані з Гераклом, а ні з Эвритом из Ойхалії.
Ті нераз і з богами безсмертними луком змагались;
Тим то и скоро погиб великий Эврит, недійшовши
До старостей у палатах; на ёго розгнівавсь Аполлон
Та вбив за вину [4]), що той визивав ёго з лука стріляти.
Сулицю мечу я [5]) туди, куди инший стріли недокине;
Тільки за ноги боюсь, що мене якій из Феаків
Пережене, бо страх як дуже [6]) мене вгамовали
Хвилі многі, як не все ж було можна у волю живитись [7])
На кораблі. От тоустави мені розвъязало".
Так він сказав, а ті усі притихли й мовчали,
Тільки Алкиной один у одвіт ёму став промовляти:
„Гостю, не на досаду ж ти нам сі речи говориш,
А хочешь виявить вдачу [8]) свою, що ходить у парі з тобою [9]).
З жалю, що муж той [10]) на грищі приставши тебе ізневажив,
Коли вдачи твоєї либонь и жоден смертний незгудить,
В кого розуму стане що б до ладу що сказати [11]),
Тепер і од мене вислухай слово, щоб ще кому міг ти
Переказати з героїв, коли у своїх ти палатах

---

[1]) Побіля мене.
[2]) Пускало.
[3]) Їдять.
[4]) За те.
[5]) Копье я пускаю туди.
[6]) Бо дуже аж сором.
[7]) Як не все було шановатися можно (роскошувати).
[8]) Доблесть.
[9]) Слідом за тобою.
[10]) Пристав на тічку.
[11]) Що має розум та до ладу вміє слово сказати.

Его частуватимеш вкупі з жоною і з дітьми своїми
Й про доблесть нашу спомъянеш про те, на які діла й нашим [1])
Вдачу [2]) Зевс приспоря [3]) ще од батків зпредковіку.
Бо хоть кулашники ми не найлуччі, а ні борці ми,
Так ногами бігти прудкі ми, кораблями—ми перші,
Пир нам милий по всяк день, китара та корогоди,
Та перемінниї шати, та теплі купелі й постелі.
Так нуте ви, плясуни Феацькі, якиї найперші,
Пляшіте, нехай наш гість свому милому роду росскаже,
До дому вернувшись, як над всіма верха беремо ми
І мореходствомъ і бігомъ прудким, і плясом і співом,
Та нехай кто мерщій шатнеться, та кобзу дзвінку Демодоку
Хай принесе, вона лежить либонь въ нашихъ палатах.“
Такъ сказав Алкиной до бога подобний. Окличник
Зхопивсь [4]), щоб кобзу гладку принести із царьского дому.
Девъять усіх суддів [5]) повстало громадьских вибранців,
Що добре всякої справи вони доглядали на грищахъ.
Розрівняли тічок, простор ізробили на грищі.
Окличник тут надійшов та кобзу дзвінку Демодоку
Приніс. Сей на середину вийшов, его оточила
Молодь, що саме сієцця ус, та вдала [6]) до танця
Й притупуючи чудовий танок повела. Одиссей же
Дивитися став на ніг миготню та в души дивоватись.
Той же грати на кобзі почав та гарно співати,
Як покохались Арей й Афродита у краснім віночку [7]),
Як у перш понялись тайком у Гефайста в палатах:
Надавав їй багацько Арей, ложе й постіль обещестив
Гéфайста пана, та незабаром сёму приніс звістку

[1]) И нам до діла якого.
[2]) Вдачу.
[3]) Ном. 236; дарує.
[4]) Встав.
[5]) Судей.
[6]) Скусна.
[7]) Про кохання Арея и у краснім вінку Афродіти.

Гелій, що постеріг, як вони милувались обнявшись.
А Гефайст, скоро иж жалем сердешним зачув сеє слово,
В кузню пішов, на дні душі коверзуючи злеє[1],
Надів на колоду[2] ковадло велике й став пута[3] кувати,
Що не зламати ні розвъязати: так тамъ і застрянуть[4].
Колиж змудрував тую пастку, лютуючи все на Арея,
У спальню свою побрався, де в єго ліжко стояло,
Та од ніжок навкруги відусіль розіпъяв тиї сіти.
Чимало[5] їх ізвисало й од сволока понад кроваттю,
Як паутина тонких, що нікто б їх незауважив
Навіть з блаженних богів: так були зроблені хитро.
Коли ж свої хитрощі всі він розіпъяв круг кроваті,
Прикинувсь, що в Лемнос иде, у гарно збудований город,
Бо тая земля єму з усіх земель наймилійша;
Несліпу ж сторожу держав и Арей, віжки золотиї:
Вздрівши, що Ге́файст роботою славний з двора вирушає,
Зарав пустився[6] іти до преславного Ге́файста дому.
Любощів бо забожалось єму Китереї в віночку.
Недавно од батька могучого[7] Кроновича повернувши,
Тілько що сіла вона, як той увійшов у палати,
За руку стиснув її й назвавши слово промовив:
„Мила, сюди, до ліжка, ляжмо зажиймо утіхи,
Гефайста дома немає, десь вже потяг він
До Лемна, до Синтіїв, люду дикої мови“.
Так він сказав, і їй показалося мило лягти з ним
В парці до ліжка; пішли і поснули, а штучниї пута
Ге́файста премудрого тут відусіль облягли[8] їх.

---

1) Ляхо.
2) Дуба.
3) Сіти.
4) Ахей и Афродіна.
5) Багато.
6) Зібрався.
7) Потужного.
8) Обняли.

Ані рукою-ногою рухнути, ані устати.
Стямилися тоді; як було вже шкода [1]) утікати.
Зблизивсь до них преславний Ґефайст сильний обіруч,
Що повернувся назад, до Лемна землі недійшовши,
Бо Гелій єму сторожу держав, та сказав, въ чому сила.
Попростував до палат, в серці смутний невеселий,
Став у дверях, и дикий гнів почав єго брати,
Й крик страшний він підняв, аж чутко стало богам всім:
„Дию батьку и всі ви боги счастливі та вічні,
Йдіть подивіться сюди на смішне й незноснеє діло,
Як хромого мене Дия дочка Афродита
Вік в зневазі держить и Арея губителя любить, [2])
Тим що гладший [3]) кріпкий на ногах, а я недолугий
Вродився. Адже ж сёму нїхто мені инший невинен,
Як батько та мати. Було їм мене неспложати!
Гляньте лишень, у чому любенько собі спочивають,
На ліжко моє забравшись! а я дивлюсь та нужуся [4])
Тілько; ачей вони невлежалиб так і часину,
Хоть як собі любляться дуже; минулася б ґараз охота
Спати у двох, та *коварство* моє і пута продержать,
Аж поки батько мені всёго віна до цяти [5]) неверне,
Що я вручив єму за дівку безстидную суку.
Бо в єго гарна дочка, та тілько душі в їй немає.“
Так він казав. Зібралися [6]) боги к мідяному порогу
Дому; прийшов Посейдон земледержець, прийшов і добродій
Гермей, прийшов і пан стріловержець Аполлон,
Лиш [7]) богині—жінки з сорома́ зосталися дома.
Стали у дверіх боги, подателі всякого вжитку, [8])

[1]) Дарма.
[2]) И коха душогуба Арея
[3]) Хороший
[4]) Журюся
[5]) До щерти
[6]) Ізійшлися
[7]) А
[8]) Блага

Й сміх невгавущий боги підняли проміж себе блаженні,
Глядючи на премудрого Ге́файста ви́гадкі хитрі.
І не один з них оттут на сусіду зглянув та мовив:
Не на користь [1]) лихі вчинки; і тихий настигне прудкого,
Як от і тепера Гефайст нескорий та злапав Арея,
Хоть найскорійшого з всіх богів, що живуть на Олимпі,
Хромий та штучний [2]) підходом. Той мусить дать одчіпного.
Як оттакеє вони один із одним говорили,
До Гермея промовив пан син Диїв Аполлон:
„Диїв сину, посланче богів, подателю блага!
Чи несхотів би й ти, може, у тенета [3]) такиї попавшись,
Спати оттак на ложі при золотій Афродиті?“
Тут ёму ув одвіт став скорий посел промовляти:
„Як би б сеє сталося, пане Аполлоне далековлучний,
Нехай би тричі твої безконечні нас пута держали,
Нехай би дивилися всі ви боги́ та ще й всі богині,
Я все таки рад би лежати при золотій Афродиті.“
Так він сказав. Між богами безсмертними регіт піднявся,
Лиш Посейдаона сміх небрав, він ви́робом сла́вного
Гефайста пильно [4]) просив розвъязати Арея
Й, до его озвавшися, став крилаті слова промовляти:
„Пусти ёго! а за ёго́ обіщаюсь, що, як сам прикажеш,
Він по правді заплатить усе, як закон [5]) між богами!“
Ему пак обіруч сильний мистець пресловутий [6]) промовив
„Ти, Посейда́оне земледержче, мені неросказуй
Такого, бо за ледачих ледачі й поруки бувають.
Як я тебе́ між богами безсмертними маю въязати,
Як часом Арей повіється, збавившись довгу і пута?“

[1]) Добро
[2]) Хитрий
[3]) Пута
[4]) Щиро
[5]) Слід
[6]) Славетний

Тут промовив упъять Посейдаон землі потрясатель:
„Гéфайсте! хоть би часом Арей, от довгу утікши,
Повіявсь куди, так од мене самóго візмеш заплату“.
Ёму пак обіруч сильний мистець пресловутий промовив:
„Score Неможна мені і неслід [1]) твоєму перечити слову“.
Так сказавши, пута зняла Гефайстова сила.
Тіж двойко, скоро [2]) од уз кріпких вслобонились,
Скочивши зараз, він у Траку побрався,
Вона на Кипр, у Паф одійшла смішлива Афродита,
Бо там єї гай і алтарь, де запáшниї куряться жертви.
Хáрити там обмили її, вмастили олійком
Божествéнним, який на богах блестить присносущих,
І в шати її одягли повабні навдивовижу.
Так оттаке-то співак преславний співав, Одисcей же
Слухаючи, у серці втішався, также і инші
Файаки довговеселні, мужі кораблями преславні.
Далі Алкиной звелів Галію й Лаодаманту,
Щоб поскакали удвох [3]), бо з ними ніхто й нерівнявся.
От узяли вони в руки гарний мъяч пурпуровий,
Що Пóлиб розумний для них ізробив нарочито,
Та один ёго став підкидати [4]) аж попід темниї хмари,
Загнувшись назад, а другий 'д землі підскочивши в гору,
Легко ловив усяк раз, ще на землю неставши ногами.
Коли ж пак мъяча вже доволі напідкидалися в гору,
Стали затим плясати вже по землі многоплодній,
Перебігаючи [5]) часто; инші [6]) влад у долоні плескали,
Стоячи вкруг на тічку, и ляск тут великий ізнявся.
Тоді до Алкиноя так ясний Одиссей обізвався:

---

[1]) Негоже.
[2]) Як тілько.
[3]) Самі.
[4]) Кидати.
[5]) Переміняючи.
[6]) Инші.

Алки́ною пане, з людей всіх найзнакомитший,
Як єси похвалився, що плясуни в вас найкращі,
Так тому й правда. Дивлюся, та аж страх розбірає.“ [1])
Так сказав. Израділа Алкиноева сила велика
Й зараз він (тут) до Файаків весловюбивих промовив:
„Послухайте лишень сюди, Феацькі привідці та радці,
„Гість сей, здається мені, людина дуже розумна,
Так нумо даймо ёму гостинця, як припадає. [2])
Дванадцятеро пресвітлих князів у насъ старшинують
Державних [3]) в народі, я сам тринадцятий буду;
Так кожен гарно виправий плащ та сорочку
Й золота дорогоціннаго гривню ёму принесіте,
Та зараз міттю усе ізнесімо до купи, щоб гість наш,
Вже мавши в руках, вечеряти йшов із серцем веселим;
Еври́ял ёго самого лиш нехай перепросить словами
Й даром, бо притьмом не до діла [4]) слово сказав він.“
Так він сказав, а ті ухвалили усі и звеліли,
Й окличників, кожен свого, послали дари поприносить.
А Еври́ял одповідати став та озвався:
„Алки́ною пане, з людей всіх найзнакомитший,
Так я́, як повелівает, буду гостя єднати.
Дам ёму меч сей увесь мідяний, а державко срібне.
Піхви ж ему новопиляною слоновою костию
Обложені скрізь; велику в ёго він матиме ціну.“ [5])
По мові сій, сріблом цвяхований меч оддав ёму в руки
Й озвавшися став ёму крилаті слова промовляти:
„Здоров бувай [6]), гостю паноче! Колиж яке грізнеє слово
Сплескалось, нехай ёго зараз вихрі занесуть ісхопивши!
Тобі ж боги хай дадуть до подружжя й в отчизну вернутись,

---

[1]) Торопію.
[2]) Пристало.
[3]) Чуб. IV, 211.
[4]) Через лад, через міру.
[5]) Йому він стоітиме дорого.
[6]) Радуйся.

Давно бо вже терпиш ти горе од милого роду далеко".
Ёму ж ув одвіт Одисей розсудливий [1]) став промовляти:
„Друже, здоров був і ти! Бодай і тобі усе добре,
Та бодай би тобі ніколи нетреба було жалкувати
Меча, що ось єси дав, мене поєднавши словами".
Сказав так, та перечепив собі меч цвяхований сріблом.
Сонце зайшло, то славниї дáри були вже готові.
В палати Алкиноя їх однесли окличники пишні.
Тут Алкиноя мужа без вади синй, поприймавши,
Побиля матері чесної гарні дари посклададали.
Иншим же перед вела Алкиноева сила велика.
Ввійшли у палату й посіли усі на креслахъ високих,
И до Арети тоді промовила так Алкиноева сила:
„А ну бо, жоно, неси сюди гарний сундук, який кращий,
Чисто випраний плащ туди положи та сорочку і
Казан мідяний на в'гонь поставте й укропу [2]) зогрійте,
Щоб як помиється гість та побачить зложені гарно
Дари, що Файаки ёму безпорочниї понадавали,
Втішно було пирувати ёму та слухати співу.
Я ж отсю чару свою золоту та оздобну [3]) дам у придаток:
Нехай мене згадує він по всяк день в своїх у палатах,
Зливаючи Дию у честь і иншим богам несмертелним".
Так-то рече. Арета ж служкам сказала поставити
Великий треногий казан на огонь, як мога скорійше,
А ті на жаркому огні купальний треніг [4]) встановили,
Води в ёго налили, дрів під ёго підложили,
Вогонь ёго черево став обіймати й вода розогрілась.
Тим часом Арета для гістя сундук прехороший з кімнати
Внесла: красні дари у ёму посклададала до діла:
Шати й золото те, що Файаки ёму дарували.

---

[1]) Многорадний.
[2]) Воду.
[3]) Прекрасну.
[4]) Казан.

Гарний плащ од сéбе туди положила й сорочку
Й озвавшися стала к ёму крилаті слова промовляти:
„Сам огляди теперь віно й узлом завъяжи ёго цупко,
Щоб тобі кто ненашкодив в дорозі, як впъять часом будеш
Сном спочивати солодким на чорному їдучи човні“.
Скоро ясний сеє зачув Одисей многотерпець,
Зараз прилагодив віно й узлом завъязав ёго цупко
Мудрим, тим що колись ёго пані Кирка навчила.
Потім клюшниця зараз купатись ёму ізвеліла
Iйти у купальню, й ему було у жадобу [1]) в души ізгадати
Теплую купіль, бо недоводилось роскошувати
З часу того, як покинув оселю косатоі нимфи.
Там же ёго доглядали [2]) та пилнували, як бога.
Помили ёго служки, вмастили оливою тіло,
Гарний на ёго накинули плащ, одягши в сорочку.
Вийшов він із палати й пішовъ до мужів винопийців,
А Навзикая, ’д богів красу свою [3]) маючи й вроду,
Стала в одвірка кріпко збудованиоі палати
Й чудилася на Одиссея, таким його [4]) вздрівши очима.
Далі озвавшись стала [5]) крилаті слова промовляти:
„Здоров бувай, гостю! Колись, як в отчизній землі будеш,
Згадай і мене: бо першій мені ти викуп життя свого винен.“
Їй ув одвіт Одиссей многоумний став промовляти:
„Дочко Алкйноя великодушного Навсикає!
Так судив нині Зевс, пан Герин, сильно гремучий,
Щоб я до дому вернувся та день вороття свій побачив!
Тоді я там молитися буду тобі, яко богу,
По вік, по всяк день, бо ти вернула життя мені, панно!“
Сказав та на кресла сів біля Алкйноя князя,

---

[1]) Мило.
[2]) Годили.
[3]) Собі.
[4]) Такого.
[5]) Взяла. Kolb P. II, 84.

А ті поділили вже мъясо на части й вино вже мішали.
Окличник тут підійшов, ведучи співака любъязного,
Демóдока чесного людям; ёго посадив він
Серед гостей, к гінкому стовпу прислонивши плечима.
Тоді до окличника так Одиссей многоумний промовив,
Од хребтини одрізавши (ще і зосталось чимало)
Яснозубого вепря, а жир був навколо лискучий:
„На ось, подай сеє мьясо Демóдоку, хай поживає!
Нехай же і я к ёму пригорнуся, [1]) хоч як мені гірько;
Бо співаки у всіх, які на землі живуть люде,
Мають шанобу [2]) й повагу за те, що їх муса
Співати пісень навчила, спивацький їх рід ізлюбивши.“
Так він сказав, а окличник поніс і оддав (часть) у руки
Демóдоку вілному мужу; той взяв ізрадівши душею.
Всі до готові страви руки попростягали;
Як же до питва й їстива собі одігнали охоту,
Тоді до Демодока так Одиссей многоумний промовив:
„Демодоку, я тебе й так над смертних усіх вихваляю, [3])
Чи тебе ж муса, Дия дочка, научила, а чи пан Аполон?
Бо ти по ряду притьмом про недолю Ахеян співаєш,
Що учиняли й терпіли и як їм бувало сутужно,
Сам ти неначе бував там, або чував од бувальців.
Ось нубо далше піди й про коня деревъяного правду
Ти заспівай, що Эпей ізробив із Атеною вкупі,
А що ясний Одиссей на зраду увів ёго в замок,
Мужів у ёго посажавши, що Іліон розруйновали.
Вже коли і про се ти мені до діла розкажеш,
Зараз хоть би й усім я людям рад объявити,
Що бог, до тебе ласкавий, дав тобі божеську пісню.“
Рік, а той погнан од бога завів та виявив пісню.
Відтіль почав, як Аргеї на добропалубні судна

[1]) Прихилюся
[2]) Честь собі
[3]) Величаю

Сіли та одплили, курені свої підпаливши,
Инші ж із ватажком Одиссеем преславним сиділи
В Трої уже серед ради, въ коні тому поховавшись.
Бо троянці сами зволокли коня того въ замок.
Так він там і стояв, а ті, навкруги посідавши,
Радили хто що хотя, і була у їх на троє думка:
Або порожнєє древо пробити нещадною мідью,
Або на кручу ёго 'дволокти та звалити із скелі,
Або зоставити так на прочудо, богам на благання.
Так як раз опісля воно статися мало,
Бо доля була їм погинути, скоро їх город укриє
Коня із деревні великого, де усі луччі сиділи
З Аргеїв, троянцям смерть несучи й кроваву загладу.
Співав, як сини Ахейські город розбурили Трою,
Повисипавшись з коня та опорожнивши засаду.
Инші ж пішли хто куди пустошити город високий,
А Одиссей, він співав, потяг ік Деіфоба дому,
Неначе Арей, з Менелаєм в купі, богу подобним.
Там, мовляв, Одиссей на страшенную битву одваживсь,
Аж подолів таки через Атену, великую серцем.
Так оттаке-то співав преславний співак, Одиссей же
Таяв од жалю, слёзою з під вік вмочаючи щоки,
Як плаче припавши жона, обнявши милого мужа,
Що перед містом і людом своїм положив головою,
Оселі бороначи й діти свої од страшного часу.
Бачить вона, як конає й снагою здригається всею,
Та обхопивши ёго у голос голосить, а ззаду
Ратищами вороги бьючи її в спину і плечі
Гонять в неволю на працю тяжку та горе терпіти.
Й од найжалчійшого жалю лице у неї марніє.
Жалко так Одиссей із під брів точив слёзи гіркиї.
Од инших же всіх втаїлося те, що слёзи він ронить,
Тілько Алкйной один завважив та догадався,
Сидячи близько та чувши ёго важкеє зітхання.

Зараз він тут до Феаків весолюбців промовив:
„Слухайте лишень сюди, Феацькі привідці та радці!
Кобзу свою голосну нехай зупинив би Демодов.
Бо либонь не усім до сподоби, що він співає.
Як сіли вечеряти [1]) ми та почав співак божий співати,
З часу того сей гість невгаваючи плаче гіркими.
Десь великая дуже журба обняла ёго серце!
Так нехай бо співак перестав, щоб усім за одно веселитись
Нам, хазяйству и гостеви; так буде краще далеко.
Все бо тсе для-ради чесного діється гостя:
Одправа й любі дари, що даруємо 'д щирого серця.
Гість і той що притулку благає—за рідного брата
Всякому мужу, в кого хоч трохи є чулеє серце.
Тим то тепер непотай із своєкористної думки,
Чого я у тебе спитаю; бо краще буде сказати.
Имёння скажи, як звали тебе там мати та батько
Й инші свої городяне і ті, що живуть наоколо.
Вже ж без мення притьмом ніхто з людей небуває,
Прбстий чи родовитий, скоро на світ народився:
А всякому ймення дають, як сплодили батько та мати.
Скажи мені землю свою і народ свій і город, тебе щоб
Могли кораблі завезти, туди наміряючи думку.
Бо у Феаків немає тих, що деменом правлять
Нема в. них і деменів тіх що в прочих суден бувають;
Судна сами розуміють думки та гадки людскиї,
Знають вони города всіх людей і тучниї ниви
Й швидко перебувають безодню солоного моря,
Туманом та хмарою вкриті. Нема їм ні жодного страху:
Шкоди собі ніякої ні згуби вони небояться,
Тілки ось що чував я, колись-то розказував батько
Мій Навзитой, що „Посейдон, мовляв, позавидів
[Нам за те, що усіх перевозимо ми невредимо,

[1]) Відколи вечеряем ми. Kolb II, 109

І казав, що колись він розібъє Феацких мужів корабель
Зроблений добре, як буде вертатись назад після провід,
В морі туманному, город же скелью важкою замкне“.
Старий так казав [2]). Чи буде все од Бога ізроблено,
Чи без поконання перейде,—як серцю ёго буде мило!
А ти ж пак мені розкажи и незхибно повідай:
Звідкіля ти приплив и в землях ти яких пробував?
Про людей: про самих і про їх городи,—чи добре живуть там?
Може які неприязні і дикі, й закону немають?
Може гостей привітають, маючи бога у серці?
Розкажи, чом ти нудиш і плачеш сам собі в мислі,
Як почуєш про гибель Іліона та про Аргїев, Данаїв?
Боги бач так ото спорудили, що людям назначили
Гибель, щоб пісня про їх була для нащадків во віки!
А може у тебе якого з рідні під Іліоном вбито,
Що був тобі зятем чи тестем любъязним: бо тиї найближчі
І найдорожчі бувають опісля кревного роду:
Або товариш який, чи добродій до тебе прихильний:
Бо часом буває незгірше иншого рідного брата
Той товариш, що вміє добру пораду нам дати.“

Миѳъ и слово.

Взгляды Аѳанасьева на происхожденіе миѳа, на отношеніе его къ слову и позднѣйшимъ ступенямъ развитія мысли немогутъ быть названы сплошь невѣрными только потому, что они непослѣдовательны.

Основное положеніе Аѳанасьева, что „зерно, изъ котораго выростаетъ миѳическое сказаніе, кроется въ *первозданномъ* словѣ“ (П. В. I, 15), отчасти вѣрно

Мы видѣли, что не первозданное только, но всякое слово съ живымъ представленіемъ, разсматриваемое вмѣстѣ со своимъ зна-

[1]) Переводъ этой пѣсни оконченъ съ 566 с. по нѣкоторымъ наброскамъ А. А. *Ред.*
[2]) Так батько казав.

ченіемъ (однимъ) есть эмбріональная форма поэзіи. Такъ какъ миѳъ есть тоже поэтическая форма, (по Аѳанасьеву „миѳъ есть древнѣйшая поэзія“ I, 11), но весьма общая, допускающая различныя степени развитія, отъ простѣйшихъ до наиболѣе сложныхъ, то напередъ вѣроятно, что простѣйшія формы миѳа *могутъ* совпадать со словомъ, а миѳъ, какъ цѣлое *сказаніе*, можетъ предполагать миѳъ, какъ *слово*. За тѣмъ остается вопросомъ, въ какомъ именно случаѣ миѳъ тождественъ со словомъ, и какова именно преемственность слова-миѳа и слова-немиѳа. На это у Аѳанасьева два противоположные отвѣта: одинъ, повторяемый имъ множество разъ на разные лады, имъ сознается; другой прокрадывается невзначай.

1) Слово и выраженіе сначала были „метафорическимъ уподобленіемъ“, имѣвщимъ лишь „поэтическій смыслъ“ (П. В. I, 9-10). При этомъ предполагается, что „поэтическій смыслъ“ ни въ какомъ случаѣ не есть истинный, что поэтичность есть риторичность. „Стоило только забыться, затеряться первоначальной связи понятій, чтобы метафорическое уподобленіе получило для народа все значеніе дѣйствительнаго факта и послужило поводомъ къ созданію цѣлаго ряда баснословныхъ сказаній. Свѣтила небесныя уже нетолько въ переносномъ смыслѣ именуются „очами неба“, но въ самомъ дѣлѣ представляются народному уму подъ этимъ живымъ образомъ, и отсюда возникаютъ миѳы о тысячеглазомъ, неусыпномъ стражѣ—Аргусѣ... (П. В. I 9-10).

Такимъ образомъ, по мысли Аѳанасьева (и М. Миллера), человѣкъ сначала сознаетъ, что представленіе свѣтилъ подъ образомъ очей неба имѣетъ лишь субъективное основаніе; потомъ, по нѣкоторой причинѣ, о которой — послѣ, онъ забываетъ это и „находитъ, что дѣйствительно у неба есть очи“. Вотъ еще нѣсколько выраженій въ томъ же родѣ:

„Какъ скоро утрачено было настоящее значеніе метафорическаго языка, старинные миѳы стали пониматься буквально“ (ib 13). „Миѳы *стали* пониматься буквально“, — слѣдовательно и при прежнемъ небуквальномъ пониманіи миѳы уже существовали!

Стало быть, въ чемъ же, по Аѳанасьеву, разница между миѳомъ и риторической прикрасою?

„Подъ вліяніемъ метафорическаго языка глаза человѣческіе должны были получить таинственное, сверхъестественное значеніе. То, что прежде говорилось о небесныхъ очахъ, впослѣдствіи, понятое буквально, перенесено человѣкомъ на самого себя" (какимъ образомъ? вѣдь буквально говорилось о небесныхъ очахъ?). „Знойный блескъ солнечнаго ока производитъ засуху, неурожаи и болѣзни; сверкающіе взоры Перуна посылаютъ смерть и пожары: таже страшная сила усвоена и человѣческому зрѣнію. Отсюда родилась вѣра въ *призоръ* или сглазъ" (П. В. I, 172).

„Преданія о кладахъ составляютъ обломки древнихъ миѳическихъ сказаній о небесныхъ свѣтилахъ, скрываемыхъ нечистою силою въ темныхъ пещерахъ облаковъ и тумановъ; но съ теченіемъ времени, когда народъ утратилъ живое пониманіе метафорическаго языка, когда мысль уже неугадывала подъ золотомъ и серебромъ блестящихъ свѣтилъ неба, а подъ темными пещерами —тучъ, преданія эти были низведены на землю и получили значеніе дѣйствительныхъ фактовъ. Такъ было и со множествомъ другихъ вѣрованій: небесная корова замѣнилась простою бурёнкою, вѣдьма туча—деревенскою бабою и т. д." (П. В. I. 202-3)

„Впечатлительная фантазія первобытнаго народа быстро схватывала всякое сходство. Колесо, обращающееся вокругъ оси, напоминало ему (только напоминало!) движущееся по небесному своду солнце"... (ib. 207).

„Поэтическое представленіе солнца огненнымъ колесомъ вызвало обычай зажигать въ извѣстные годовые праздники колёса — обычай доселѣ соблюдаемый между нѣмецкими и славянскими племенами" (ib. 210.).

Прихотливой игрѣ творческой фантазіи мы обязаны созданіемъ многихъ миѳовъ (ib. 217).

„Руны и чародѣйныя пѣсни... всесильны: онѣ могутъ и умертвить, и охранить отъ смерти, и даже воскресить, дѣлать больными и здоровыми... насылать бури, дождь и градъ, разрывать

цѣни... все это не болѣе, какъ метафорическія выраженія, издревле служившія для обозначенія небесныхъ явленій, но впослѣдствіи понятыя буквально и примѣненныя къ обыкновенному быту человѣка. Какъ вой зимнихъ вьюгъ мертвитъ и усыпляетъ природу, и какъ оживляютъ (пробуждаютъ) ее звуки весенней грозы, такъ туже силу получила и человѣческая пѣсня... (ib 424-5) и т. д.

Изъ этихъ и т. п. мѣстъ видно, что, по мнѣнію Аѳанасьева, источникомъ миѳовъ служитъ въ концѣ концовъ неспособность человѣка удержаться на той высотѣ мысли, на которой онъ, безъ всякихъ усилій со своей стороны, очутился въ началѣ. Исторія миѳовъ выходитъ исторіей паденія человѣческой мысли.

Это напоминаетъ пессимитическій взглядъ Мефистофеля на правовѣдѣніе:

Es erben sich Gesetz' und Rechte
Wie eine ew'ge Krankheit fort;
Sie schleppen von Geschlecht sich zum Geschlechte
Uud rücken sacht von Ort zu Ort.
Vernunft wird Unsinn, Wohlthat Plage;
Weh dir, das du ein Enkel bist!
Faust I, 1618 и слѣд.

Такой взглядъ умѣстенъ въ устахъ Мефистофеля, но намъ нужно стараться понять его односторонность. „Горе тебѣ, что ты родился внукомъ", но твой дѣдъ въ свое время тоже былъ внукомъ. Стало быть въ ряду поколѣній мы не найдемъ ничего, кромѣ внуковъ, для которыхъ существуетъ только „unsinn" и „plage". Гдѣ же тогда найдется мѣсто для "vernunft" и „wohlthat"?

Миѳъ [1]) принадлежитъ къ области поэзіи въ обширномъ смыслѣ этого слова. Какъ всякое поэтическое произведеніе, онъ а) есть отвѣтъ на извѣстный вопросъ мысли, есть прибавленіе къ

[1]) Подъ миѳомъ въ общемъ смыслѣ мы понимаемъ, какъ простѣйшую миѳическую формулу (mythische anschauung, Steint. Z. f. v·ps. II. 7), *миѳическое представленіе* (Котляр. Разб. соч. Аѳ. Поэт. В. 17), такъ и дальнѣйшее ея развитіе (миѳич. сказаніе, Котл.). Здѣсь рѣчь о 1-мъ, которое относится ко 2-му, какъ слово—къ развитому поэтическому произведенію.

массѣ прежде познаннаго; б) состоитъ изъ образа и значенія, связь между коими не доказывается, какъ въ наукѣ, а является непосредственно убѣдительной, принимается на вѣру; в) разсматриваемый, какъ результатъ, какъ продуктъ, заключающій собою актъ сознанія, отличаясь тѣмъ отъ него, что происходитъ въ человѣкѣ безъ его вѣдома, миѳъ есть первоначально словесное произведеніе, т. е. по времени всегда предшествуетъ живописному или пластическому изображенію миѳическаго образа.

Миѳъ отличенъ лишь отъ поэзіи, понимаемой въ тѣсномъ значеніи, позднѣйшемъ по времени появленія. Вся разница между миѳомъ и такою позднѣйшею поэзіей состоитъ въ отношеніи сознанія къ элементамъ того и другого. Непринявъ во вниманіе этого смотрящаго ока, т. е. разсматривая отвлеченно лишь словесное выраженіе, различить этихъ явленій нельзя.

Для насъ миѳъ, приписываемый нами первобытному человѣку, есть лишь поэтическій образъ. Мы называемъ его миѳомъ лишь по отношенію къ мысли тѣхъ, которыми и для которыхъ онъ созданъ. Въ позднѣйшемъ поэтическомъ произведеніи образъ есть не болѣе какъ средство созданія (сознанія) значенія, средство, которое разлагается на свои стихіи, т. е. какъ цѣльность, разрушается каждый разъ, когда оно достигло своей цѣли, т. е. въ цѣломъ имѣющее только иносказательный смыслъ. Напротивъ, въ *миѳѣ образъ и значеніе различны, иносказательность образа существуетъ, но самимъ субъектомъ несознается, образъ цѣликомъ (неразлагаясь) переносится въ значеніе*. Иначе: миѳъ есть словесное выраженіе такого объясненія (апперцепціи), при которомъ объясняющему образу, имѣющему только субъективное значеніе, приписывается объективность, дѣйствительное бытіе въ объясняемомъ.

Такимъ образомъ двѣ половины сужденія (именно образъ и значеніе) при миѳическомъ мышленіи болѣе сходны между собою, чѣмъ при поэтическомъ. Ихъ различеніе ведетъ отъ миѳа къ поэзіи, отъ поэзіи къ прозѣ и наукѣ.

Множество примѣровъ миѳическаго мышленія можно найти и не у дикарей, а у людей, близко стоящихъ къ намъ по степени

развитія. Напримѣръ, когда говорится, что средство объ „обжога“ „вытягиваетъ жаръ“ (т. е. оно тянетъ жаръ, какъ вещь); „стѣна потѣетъ“, т. е. осажденіе воды изъ воздуха, охладѣвшаго отъ соприкосновенія съ гладкой и холодной поверхностью, представляется потомъ, выходящимъ изъ кожи. (Спенсеръ, Осн. Соц. I, 113).

Большая или меньшая человѣкообразность образовъ при сужденіи объ общемъ характерѣ такого рода мышленія несущественна. Въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между „стѣна потѣетъ“ и „*Ζεὺς βροντᾷ, Ζεὺς ὕει*“.

Миѳическое мышленіе на извѣстной степени развитія—единственно возможное, необходимое, разумное; оно свойственно не одному какому-либо времени, а людямъ всѣхъ временъ, стоящимъ на извѣстной степени развитія мысли; оно формально, т. е. неисключаетъ никакого содержанія: ни религіознаго, ни философскаго и научнаго.

Результаты этого мышленія становятся извѣстны человѣку (=это мышленіе сознательное въ своихъ результатахъ) вслѣдствіе того, что они выражаются внѣшними знаками (пластическими, живописными, мимическими) и преимущественно словомъ. Такимъ образомъ, *миѳъ* есть преимущественно *словесное произведеніе* и какъ такое, изъ двухъ родовъ словесныхъ произведеній—поэзіи и прозы, относится къ 1-му. Тройственное дѣленіе словесныхъ произведеній на миѳическія, поэтическія и прозаическія невозможно [1]).

---

[1]) *Есть ли миѳологія — поэзія?* Аѳанасьевъ, назвавши свое сочиненіе, посвященное миѳологіи, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“ рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно. М. Миллеръ говоритъ, что миѳологія — не поэзія:

„Извѣстныя части миѳологіи—религіознаго, другія—историческаго свойства (Natur... то появляются въ ней метафизическія, то поэтическія воззрѣнія“ (какъ будто метафизика неможетъ быть содержаніемъ поэзіи) „но миѳологія, какъ цѣлое, неесть ни религія, ни исторія, ни философія, ни поэзія: всѣ эти факторы выражаются въ ней въ своеобразныхъ произведеніяхъ, которыя на извѣстныхъ ступеняхъ развитія мышленія и рѣчи естественны и понятны, но часто становятся неестественными и непонятными, переживая въ преданіи“. (M. Müll. Ess. II. 200).

Что миѳологія неесть поэзія, справедливо въ томъ смыслѣ, что миѳологія обнимаетъ въ себѣ не только словесныя выраженія миѳическаго мышленія, но и выраженія живописныя, скульптурныя, мимическія, и пр. Но за этимъ исключеніемъ все словесное въ миѳологіи въ тоже время поэтично. Поэтичность есть образность въ своей, стало быть, форма, неисключающая никакого: ни религіознаго, ни историческаго, ни философскаго содержанія.

Поэтому въ опредѣленіе миѳа должно войти его отличіе отъ немиѳическаго, поэтическаго произведенія.

Языкъ есть главное и первообразное орудіе миѳическаго мышленія. Но немыслимо орудіе, которое своими свойствами неопредѣляло бы свойствъ дѣятельности, производимой при его посредствѣ: то, что мы дѣлаемъ, зависитъ отъ того, чѣмъ мы дѣлаемъ: иначе пишутъ перомъ, а иначе углемъ, кистью и т. д. Сталобыть, вліяніе языка на миѳы безспорно.

Съ другой стороны вліяніе языка всеобще; оно простирается какъ на словесные миѳы, такъ и на прочія словесныя произведенія. (Поэтическія произведенія передаются на другіе языки лишь въ отвлеченіи и измѣненіи). Поэтому въ опредѣленіе миѳа должно войти указаніе на *разницу во вліяніи языка на миѳическое и немиѳическое мышленіе.* Безъ этого видѣть „въ возвратномъ дѣйствіи, въ преломленіи лучей языка... разрѣшеніе загадки миѳологіи“ (M. Müll.) значило бы всякое мышленіе при помощи слова считать миѳологическимъ.

Когда человѣкъ создаетъ миѳъ, что туча есть гора, солнце—колесо, громъ—стукъ колесницы или ревъ быка, завываніе вѣтра—вой собаки и пр., то другое объясненіе этихъ явленій для него несуществуетъ. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ оцѣнивать выраженія, употребляемыя о древнѣйшемъ состояніи языка и вѣрованій: „языкъ былъ исполненъ метафоръ“, „разоблачить метафорическіе образы народнаго эпоса“; „погибель великановъ *въ переводѣ на простой языкъ* значитъ исчезновеніе съ неба громоносныхъ тучъ“ [1]).

Если подъ метафоричностью языка разумѣть то его свойство, по которому всякое послѣдующее значеніе (resp. слово) можетъ создаться не иначе, какъ при помощи отличнаго отъ него пред-

[1]) Аѳанасьевъ passim, но и Буслаевъ: „въ эпоху образованія языка и преданій... метафора была необходимою, существенною оболочкою языческихъ вѣрованій, олицетворяющихъ душевныя силы въ образахъ вещественной природы, (Оч. I 166).

шествующаго, въ силу чего изъ ограниченнаго числа относительно элементарныхъ словъ можетъ создаться безконечное множество производныхъ; то метафоричность есть всегдашнее свойство языка, и переводить мы можемъ только съ метафоры на метафору. Появленіе же метафоры въ смыслѣ сознанія разнородности образа и значенія есть тѣмъ самымъ исчезновеніе миѳа. Но о другой метафоричности при созданіи миѳа въ словѣ неможетъ быть и рѣчи. Для человѣка, для коего есть миѳъ *туча=корова*, одновременное съ этимъ названіе тучи коровою есть самое точное, какое только возможно.

Объясняя миѳы, мы вовсе непереводимъ *метафорическаго* и первобытнаго языка на *простой и современный*. Если бы мы дѣлали это, то наше толкованіе было бы умышленнымъ искаженіемъ, анахронизмомъ. Мы только подыскиваемъ подлежащія, невыраженныя словомъ, къ даннымъ въ миѳѣ сказуемымъ и говоримъ, что предметомъ такого-то миѳическаго объясненія (=корова) было воспріятіе тучи. Метафоричность выраженія, понимаемая въ тѣсномъ смыслѣ, начинается одновременно со способностью человѣка сознавать, удерживать различіе между субъективнымъ началомъ познающей мысли и тѣмъ ея теченіемъ, которое мы называемъ (неточно) дѣйствительностью, міромъ, объектомъ. И мы, какъ и древній человѣкъ, можемъ назвать мѣлкія, бѣлыя тучи *барашками*, другого рода облака *тканью*, душу и жизнь—*паромъ*; но для насъ это только сравненія, а для человѣка въ миѳическомъ періодѣ сознанія—это полныя истины до тѣхъ поръ, пока между сравниваемыми предметами онъ признаетъ только несущественныя разницы, пока напримѣръ тучи онъ считаетъ хотя и небесными, божественными, свѣтлыми, но все же барашками; пока *паръ* въ смыслѣ жизни есть все-таки, несмотря на различіе функцій, тотъ же паръ, въ который превращается вода.

Подобныя мысли, исключающія мнѣніе о забвеніи основныхъ значеній словъ, о порчѣ языка (которой, по нашему, никогда не было), какъ объ источникѣ миѳовъ, несоставляютъ, какъ извѣстно, новости.

Ср. Котляревскаго „Разб. соч. Аѳанасьева „Поэт. Возвр.", (XXXIV присужденіе Демид. пр. отд. от.), гдѣ однако нѣкоторыя выраженія кажутся мнѣ сбивчивыми. Именно, послѣ сказаннаго выше о полномъ отсуствіи метафоры въ миѳѣ, такъ какъ о метафоричности мы вправѣ говорить лишь тамъ, гдѣ она признается самимъ человѣкомъ, я не могу признать точнымъ выраженіе, что „народъ, (еще небудучи въ силахъ держать въ мысли раздѣльно предметы, производившіе сродное впечатлѣніе), *оказывалъ предпочтеніе къ метафорѣ* именно потому, что... природу... онъ могъ понять только какъ совокупность живыхъ дѣйствующихъ существъ". Это противорѣчитъ тому вѣрному мнѣнію автора, что, говоря „солнце садится" человѣкъ употребляетъ это выраженіе вовсе „не въ переносномъ поэтическомъ смыслѣ". (Котл. 15).

„По М. Мюллеру поэтическая метафора явилась вслѣдствіе лексической бѣдности древняго языка: непользуясь достаточнымъ запасомъ словъ, языкъ вынужденъ былъ употреблять одинакіе термины для обозначенія различныхъ предметовъ и впечатлѣній; по мнѣнію же г. Аѳанасьева, которое нельзя нераздѣлить, метафора произошла вслѣдствіе сближенія между предметами сходными по производимому впечатлѣнію; *она создавалась совершенно свободно* [1]), черпая изъ богатаго источника, а не по нуждѣ, не ради бѣдности языка" (ib. 14).

Въ томъ видѣ, въ какомъ здѣсь выраженъ взглядъ М. Мюллера, этотъ взглядъ заключаетъ въ себѣ лишь ту невѣрность, что въ немъ *явленіе* метафоры можетъ заставить думать о времени, когда ея небыло; между тѣмъ понимаемая въ извѣстномъ смыслѣ метафоричность есть единственный, первоначальный способъ, доступный языку, уже предполагаемый отсутствіемъ представленія въ словѣ, прозаичностью слова. Впрочемъ совершенно вѣрно, что языкъ, какъ продуктъ, вмѣстѣ со вновь привходящими чувствен-

---

[1]) Что это можетъ значить? Необходимость борьбы съ выраженіемъ, возможность побѣды неуказываетъ ли на то, что и здѣсь, какъ во всѣхъ явленіяхъ познанія и воли, можно находить развѣ трансцедентальную свободу, или же свободу въ смыслѣ неизвѣстности намъ мотивовъ?

ными впечатлѣніями, направляющій послѣдующую дѣятельность мысли, не только въ началѣ, всегда бѣденъ по отношенію къ требованіямъ этой мысли. Этимъ условлена неограниченность развитія языка и, сколько извѣстно, отсутствіе въ этомъ развитіи цикловъ и крутыхъ поворотовъ, въ родѣ существовавшаго еще недавно противоположенія періода созданія и разрушенія языка. Эта бѣдность, вынуждающая, какъ каждый изъ случаевъ позднѣйшей метафоричности, такъ и созданіе миѳовъ, есть собственно не бѣдность, а возможность дальнѣйшаго развитія.

Созданіе миѳа не есть принадлежность одного какого либо времени. Миѳъ состоитъ въ перенесеніи индивидуальныхъ чертъ образа, долженствующаго объяснить явленіе (или рядъ явленій) въ самое явленіе. Напримѣръ, если бы кто, зная, что галки садятся и гнѣздятся на соборной колокольнѣ, вывелъ отсюда заключеніе, что колокольня удобна галкамъ не тѣми своими свойствами, которыя у нея общи съ другими нежилыми башнями и т. п., а тѣмъ, что колокольня принадлежитъ къ христіанской церкви, что на ней крестъ, колокола,—то это былъ бы миѳъ, равно какъ то, если бы кто сталъ доказывать необходимость христіанскихъ основъ воспитанія примѣромъ галокъ, вьющихъ гнѣзда на колокольнѣ. Былъ бы миѳъ, если бы человѣкъ, которому для объясненія молніи показана электрическая искра, добытая при помощи извѣстнаго снаряда, мысленно перенесъ этотъ снарядъ въ облака.

Все это кажется крайне нелѣпо; но уже менѣе нелѣпо, но (тѣмъ не менѣе) миѳично было бы то, если бы кто приписалъ литературному типу значеніе дѣйствительнаго лица и наприм., заключилъ, что человѣкъ базаровскаго типа долженъ рѣзать лягушекъ, что всякій французъ легкомысленъ и т. п. Развѣ не было людей, которые весьма серьезно представляли себѣ Малороссію по повѣстямъ Гоголя и пр.?

---

[1]) Миѳъ создается на почвѣ вѣры въ объективное существованіе (личной въ сущности) мысли; ср. перенесеніе изображеній божества во внѣ, идолопоклонство въ христіанствѣ.

Въ связи съ вѣрованіемъ въ какую-то особенную метафоричность языка во время образованія миѳа, вовсе не такую, каковая наблюдается нами теперь, стоитъ вѣрованіе, что душевная жизнь первобытнаго человѣка характеризуется особымъ развитіемъ фантазіи, особою наклонностью къ олицетворенію. (Спенс. Осн. Соц. I, 488).

Болѣе здраво мнѣніе, что различіе въ результатахъ душевной дѣятельности человѣка разныхъ временъ зависитъ не столько отъ различія самыхъ процессовъ, (которыхъ измѣненія такъ медленны, что врядъ ли могутъ быть замѣчены въ короткіе періоды, болѣе менѣе намъ извѣстные), сколько отъ количества данныхъ. Самый положительный изъ современныхъ умовъ, занимающійся теперь химическими анализами, сравнительно-анатомическими сближеніями, статистическими выводами и т. п., назвалъ бы и счелъ бы облако коровою, если бы объ облакѣ и коровѣ имѣлъ столько свѣдѣній, сколько древній Аріецъ. Если образы, отождествляемые въ языкѣ и миѳахъ, кажутся намъ чрезмѣрно далекими другъ отъ друга, то это лишь особенность нашего взгляда.

При недостаточности наблюденій и при чрезвычайно слабомъ сознаніи этой недостаточности и стремленіи къ намѣренному ея пополненію, сходство этихъ образовъ казалось такъ велико, что отождествленіе ихъ могло быть дѣломъ здраваго ума, а не тупоумія или болѣзненнаго настроенія.

Первоначально каждая миѳическая апперцепція имѣла свое особое подлежащее: та туча, которую называли горою, то солнце, которое представляли свѣтлымъ колесомъ, были совсѣмъ другіе предметы, чѣмъ туча, представляемая коровою, солнце—представляемое жаръ-птицею.

Ошибочно мнѣніе, что эти различныя названія и объясненія чувствовались сначала эпитетами одного и тогоже подлежащаго, а потомъ наступило умственное затмѣніе, въ силу котораго изъ эпитетовъ образовались особыя существа. Такое обширное подлежащее могло бы быть только результатомъ сильнаго отвлеченія, а откуда было взять это отвлеченіе, если условіемъ его и служило именно образованіе понятія при помощи слова.

38

Когда потомъ въ силу отвлеченія эти подлежащія были отождествлены, то мысль, смущенная различіемъ образовъ того же явленія, потребовала возстановленія закона тождества. Но ни одинъ изъ этихъ образовъ немогъ быть устраненъ; небыло основаній сказать: „только кажется, что солнце есть птица, а на самомъ дѣлѣ оно колесо колесницы, управляемой божественнымъ существомъ“; ибо небыло еще разницы между мнимымъ и дѣйствительнымъ. Оставался одинъ выходъ: принять разновременность этихъ образовъ и сказать, что существо, управляющее солнечной колесницей, по временамъ становится птицей. Это въ общихъ чертахъ теорія миѳическихъ превращеній столь обычныхъ въ сказкахъ и повѣрьяхъ. Таково же происхожденіе позднѣйшихъ сравненій въ родѣ: „Всеславъ... въ ночь влъкомъ рыскаше“, „полечю зегзицею по дунаеви“, „буй-туръ Всеволодъ“ и пр.

Веселовскій („Сравнительная миѳологія и ея методъ“, по поводу Zoological Mythology, by Angelo de Gubernatis, 1873 г., В. Е. 1873 г., V) непризнаетъ упомянутой выше основной дробности подлежащихъ въ миѳѣ.

„Если вѣрить Де-Губернатису и еще кой-кому изъ современныхъ изслѣдователей по сравнительной миѳологіи, то наши пастушескіе праотцы не только небыли первобытно наивны, но и во многомъ перещеголяли людей XVIII и XIX столѣтія. Чтобы встрѣтить такое тонкое пониманіе природы и ея красотъ, какое раскрываютъ намъ въ основѣ ихъ миѳовъ, надо перешагнуть черезъ средніе вѣка прямо къ Бернардену де-Сенъ-Пьеръ, Бюфону и лекистамъ; чтобы умѣть такъ ловко подмѣтить всякую мѣлочь, всякую тѣнь въ облакѣ, осмыслить каждый шагъ солнца по небесному своду, нужно быть безстрастнымъ, холодно-сознательнымъ аллегоризаторомъ, и мы опять мѣтимъ въ XVIII вѣкъ, и намъ (т. е. сравнительнымъ миѳологамъ) невдомекъ, что вся эта сознательность и искуственность встрѣчается уже при первомъ появленіи человѣческой мысли на землѣ, въ миѳѣ“. (Весел., 646).

Послѣ оговорки, что, говоря о дошедшихъ до насъ миѳахъ, мы имѣемъ дѣло вовсе не съ первыми проявленіями человѣческой

мысли, можно бы спросить автора, считаетъ ли онъ обиліе синонимовъ доказательствомъ высокой степени пониманія природы и результатомъ холодной аллегоризаціи?

„Личности, присоздающія (въ языкѣ) новое къ прежнему, или вовсе незнаютъ этого прежняго или въ моментъ созданія неимѣютъ его въ сознаніи. Вообще говоря, лишь другія личности, слыша отъ одного новое, отъ другого старое, доходятъ до употребленія то того, то другого“ (Paul, Princ. 131).

Мы думаемъ иначе. Современный пейзажистъ способенъ уловлять оттѣнки свѣта и тѣни, облаковъ, воды и пр., въ такой степени, до которой никогда невозвышались предшествующіе вѣка; между тѣмъ можно положительно сказать, что въ рѣчи его (въ его личномъ словарѣ) найдется едва-ли по нѣскольку синонимовъ для этихъ явленій, тогда какъ въ древнѣйшемъ словарѣ къ Ведамъ насчитываютъ 15 синонимовъ для солнечнаго луча, 23—для ночи, 16—для утренней зари, 30—для облака, 100—для воды. (Kuhn, Ueber entwickelungstufen der Mythenbild. Abhan. der Berl. Ak. 1873, 123). Впрочемъ за доказательствами того, что богатство синонимовъ вовсе непредполагаетъ высокой степени развитія мысли, нѣзачѣмъ ходить далеко. Въ русскихъ нарѣчіяхъ напр. гораздо болѣе 40 названій лошадиныхъ мастей, болѣе 40 глаголовъ для понятія говорить, болѣе 30 названій хлѣба. Вообще умѣнье различать оттѣнки явленій, столь важныхъ для человѣка, непредохраненнаго отъ враждебныхъ вліяній природы, какъ атмосферическія, и выражать эти оттѣнки словомъ (resp. миѳомъ) можетъ быть сравнено съ умѣньемъ распознавать слѣды животныхъ и людей. Извѣстно, что въ этомъ послѣднемъ искусствѣ цивилизованный человѣкъ безъ всякаго вреда для своего развитія далеко отсталъ отъ дикаря.

Упрекъ, дѣлаемый Веселовскимъ сравнительнымъ миѳологамъ въ томъ, что они приписываютъ первобытному человѣку „сознательныя наблюденія колорита надъ тѣнями вечерняго и утренняго неба“, и что они „меньше всего отдали себѣ отчетъ въ той степени сознательности, какая предполагается миѳическимъ творче-

ствомъ и на какой степени находился человѣческій индивидуумъ въ пору этого творчества“ (647)—несправедливъ.

Степень развитія, предполагаемая извѣстнымъ миѳомъ, опредѣляется не апріори, а на основаніи самаго миѳа. Степень эта можетъ быть весьма различна, ибо миѳическое творчество непрекратилось и въ наши дни.

Созданіе новаго миѳа состоитъ въ созданіи новаго слова, а никакъ не въ забвеніи значенія предшествующаго.

Есть взглядъ, возникшій изъ стремленія устранить крайности теоріи М. Миллера посредствомъ ея ограниченія:

„Въ миѳологіи мы должны отличать двѣ совершенно различныя области: первая есть продуктъ миѳическаго объясненія явленій реальнаго міра, вторая—продуктъ забвенія смысла словъ, затемнѣнія рѣчи; содержаніе первой—реальный міръ, изъясняемый миѳически, дѣйствительность ненаучно понятая (антропопаѳическое міросозерцаніе), содержаніе второй—фантастическій міръ миѳическихъ образовъ, сфера сверхъестественнаго, поставленная за предѣлами чувственнаго міра; первую мы назовемъ *миѳическимъ міросозерцаніемъ,* вторую *миѳологіей* въ тѣснѣйшемъ смыслѣ; солнце, какъ живое, разумно и цѣлесообразно дѣйствующее существо, есть реальный объектъ перваго; богъ Геліосъ, какъ личность, стоящая выше человѣка, какъ божество, есть фиктивный образъ второй; словомъ, въ миѳическомъ міросозерцаніи невѣрно понимаются реальныя явленія, миѳологія же создаетъ фиктивные образы. Этого различенія... ученые доселѣ недѣлали, а оно между тѣмъ весьма важно“.

„Во 1-хъ миѳическое міросозерцаніе обусловливается исключительно психическими процессами (басносмысліе), миѳологія создается факторами лингвистическими, и М. Мюллеръ здѣсь правъ; неправъ онъ распространяя свою лингвистическую теорію и на первую область миѳа“.

„Во 2-хъ, содержаніе первой области миѳа есть исключительно природа, тогда какъ во второй области мы имѣемъ образы, неимѣющіе никакого отношенія къ естественнымъ явленіямъ“.

На пр. Амазонки, какъ „безгрудыя", по ошибочной этимологіи отъ ἀ и μαζός грудь. (Карѣевъ, Миѳ. этюды, Ф. З. 1873 года III 65—6).

„Въ понятіе миѳа входитъ представленіе о божеской личности, а демонизмъ (вѣра въ духовъ, состоящая въ родствѣ съ грубымъ фетишизмомъ) тѣсно связанъ съ представленіемъ о темныхъ силахъ, въ которыхъ личность необособлена, которыя понимаются колективно" (Карѣевъ, Ф. З. 1872 г. III, 12).

Приложимъ къ объясненію этого разсужденія различеніе двухъ элементовъ, по нашему составляющихъ непремѣнную принадлежность всякаго поэтическаго произведенія, а стало быть и миѳа: представленія (образа) и значенія. Спросимъ себя, какая разница между содержаніемъ миѳическаго міросозерцанія съ одной и миѳологіи съ другой стороны?

1) Подъ содержаніемъ миѳическаго міросозерцанія авторъ разумѣетъ не только „реальный міръ", „дѣйствительность", напр. солнце (т. е. извѣстный комплексъ чувственныхъ воспріятій), но и миѳическое v. антропопаѳическое толкованіе эпитета, именно солнце, разсматриваемое „какъ живое, разумно и цѣлесообразно дѣйствующее существо". Само міросозерцаніе принято за „реальный объектъ" міросозерцанія. Послѣдовательнѣе было бы, смѣшавши здѣсь два различныхъ момента мысли, оставить ихъ въ этомъ смѣшеніи, говоря и о миѳологіи; но

2) Подъ содержаніемъ миѳологіи авторъ разумѣетъ *только* „миѳическіе", сверхъ естественные образы, только богъ Геліосъ.

Мы исправимъ эту ошибку, сказавши, что и богъ Геліосъ не лишенъ былъ для грековъ отношенія къ солнцу, которое было реальнымъ основаніемъ этого образа.

И такъ *значеніе* въ обоихъ случаяхъ есть солнце. Въ чемъ же разница образовъ? Въ 1-мъ случаѣ образъ „живое разумно и цѣлесообразно дѣйствующее существо"; во второмь образъ—богъ Геліосъ; но послѣдній есть тоже „живое и пр. существо". Вѣроятно какая-нибудь разница между тѣмъ и другимъ. Конечно, авторъ нерѣшится утверждать, что Геліосъ, ставши богомъ, поте-

рялъ для самого грека отношеніе къ солнцу; но если бы было и такъ, еслибы послѣдовало отдѣленіе Геліоса отъ видимаго солнца, то этимъ не уничтожилась бы еще двойственность его моментовъ: образа и тѣхъ, положимъ, нравственныхъ, но все же естественныхъ отношеній, на которыя онъ указываетъ. Разница между представленіями солнца въ томъ, что авторъ называетъ миѳическимъ міросозерцаніемъ, и въ томъ, что у него миѳологія, можетъ быть только въ степени развитія мысли; но представленія эти въ обоихъ случаяхъ, а не только въ 1-мъ суть „образы фиктивные“ предъ судомъ позднѣйшей мысли.

Нѣтъ никакого основанія вмѣстѣ съ авторомъ утверждать, что „міръ сверхчувственнаго въ ученіи о душахъ и духахъ данъ былъ еще первобытнымъ анимизмомъ, тогда какъ божескія личности, какъ таковыя, возникли путемъ не одного одухотворенія явленій природы, *но и путемъ забвенія смысла миѳической рѣчи*“ (ib. 67) Во взятомъ имъ примѣрѣ можно видѣть не забвеніе смысла, (т. е. значенія солнца, которое есть и въ нарицательномъ ἥλιος), а развѣ забвеніе этимологическаго признака (т. е. по Курціусу, у котораго *Ἥελιος* изъ ἀλίος=ἀυελος=лат. Auselius, Aurelius („Aureliam familiam... a sole dictam putant), какъ ἠώς атт. ἑώς Эолич. αὔως=лат. ausos(a)=aurora, Gr. № 612 отношеніе къ тому корню, къ коему относится и русс. Авсень, усень, упоминаемый въ вр. колядкахъ); но это забвеніе, если даже предположить, что оно древнѣе образованія божественной личности Геліоса (что сомнительно), вовсе не необходимо для созданія такой личности. Въ противномъ случаѣ слова, столь этимологически ясныя, какъ инд. dêvas, немогли бы имѣть миѳическаго значенія. Напротивъ, этимологическая ясность слова даетъ направленіе мысли, сосредоточивающей около этого слова черты, изъ коихъ слагается миѳическій образъ, будетъ ли этотъ послѣдній богомъ, или простымъ духомъ.

Признавая здѣсь образовательное, направляющее вліяніе нормальнаго, а не порченнаго языка, я непостигаю, какъ въ томъ, что названо миѳическимъ міросозерцаніемъ, солнце могло быть

представлено „живымъ, разумнымъ и цѣлесообразно дѣйствующимъ существомъ“ помимо такого же вліянія языка? Было бы крайне грубымъ заблужденіемъ о двухъ сторонахъ миѳа: „психологической и лингвистической“ (тотъ же авторъ въ Ф. З. 1872 г. III, 6) представлять себѣ эту послѣднюю, какъ нѣчто отдѣльное отъ психологическихъ процессовъ, производящихъ слово. Тѣже душевные процессы, которые производятъ слово, на извѣстной ступени вмѣстѣ со словомъ создаютъ миѳъ.

Человѣкъ таковъ отъ природы, что только при помощи языка онъ добываетъ себѣ такія средства знать о своей мысли, какъ письмена и искусства; до этого единственнымъ свидѣтелемъ о движеніи его мысли служило ему слово. Безъ слова невозможно было бы никакое преданіе, никакая ступень человѣческаго знанія, а другое, кромѣ человѣческаго, намъ неизвѣстно.

Всякое пониманіе слова есть въ извѣстномъ смыслѣ новое его сознаніе, и всякое слово, какъ дѣйствительный актъ мысли, есть точный указатель степени развитія мысли. Признавши эти положенія, мы можемъ говорить о недостаткахъ извѣстнаго языка не по отношенію къ какой-либо неподвижной мѣркѣ, а лишь по отношенію къ другому языку; мы вовсе лишаемся права говорить о какомъ-то деспотизмѣ языка (какъ будто его внутренняя сторона не есть наша же мысль), о его вредномъ давленіи на мысль говорящаго. Такія пустыя рѣчи похожи на то, какъ еслибъ хромой сталъ думать, что если бы не костыли, то онъ бы ходилъ, какъ здоровый. Пусть тѣ, впрочемъ умные люди, которые полагаютъ, что нашъ языкъ недалеко ушелъ отъ языка дикарей, и что, говоря имъ, мы какъ бы продолжаемъ рубить каменными топорами и съ трудомъ добывать огонь треніемъ (Тейлоръ, у Карѣева, ib, 72), будутъ хоть послѣдовательны и признаютъ, что и вообще мы недалеко ушли отъ дикарей. Если же послѣднее несправедливо, то и первое—лишь слѣдствіе недоразумѣнія, принимающаго прозрачную глубь языка, которая открывается изслѣдователю, за близость дна. Пусть тѣ, которыхъ стѣсняетъ то, что, по велѣнію судебъ, мысль для преображенія въ высшія формы нуждается въ симво-

дахъ языка, и то, что слова лишь символы, а не самая мысль, пусть жалуются, что неродились на свѣтъ богами, искони вмѣщающими въ себѣ совершенное знаніе.

Случаи, на которые могутъ указывать, какъ на доказательства вреднаго вліянія языка, въ дѣйствительности также не доказываютъ этого вліянія, какъ языческое поклоненіе христіанскимъ иконамъ не можетъ быть объяснено вліяніемъ высшей формы христіанства. Если бы человѣкъ, который ставитъ свѣчи только передъ своими, а не чужими иконами, не зналъ этихъ иконъ, онъ молился бы пню. То одно, что у него есть христіанскія иконы, не даетъ ему пониманія христіанства. Такъ звуковая оболочка слова, бывшая нѣкогда знакомъ сложнаго содержанія, переходя къ другому, не приноситъ съ собою всего этого содержанія. Послѣднее должно быть вновь создано этимъ другимъ и будетъ создано согласно съ уровнемъ его мысли. Слово послужитъ ему лишь возбужденіемъ, а что послѣднее бываетъ сильнымъ и благотворнымъ, это мы видимъ на малыхъ дѣтяхъ, которыя лишь при помощи языка проходятъ пути развитія, которыя въ жизни человѣческой измѣряются тысячелѣтіями.

Зная это, мы не вѣримъ, чтобы когда-либо было иначе.

Объ участіи языка въ образованіи миѳовъ.

Котляревскій (Разб. соч. Аѳ. II, и сл. 17), справедливо отвергая порчу языка, какъ источникъ первоначальныхъ миѳовъ, заходитъ слишкомъ далеко, говоря, что „языкъ, какъ сила дѣйствующая“ (что это: недѣйствующая сила несуществуетъ?), „оставался совершенно чуждъ первоначальнаго происхожденія миѳическихъ представленій; онъ оказалъ сильное вліяніе на миѳы, такъ сказать, вторичнаго образованія, когда худое толкованіе древнихъ выраженій и словъ, происходившее отъ забвенія первоначальнаго значенія ихъ, произвело цѣлую массу сложныхъ безсмысленныхъ повѣствованій; и какъ возможно объяснить этотъ вторый періодъ въ

исторіи миѳологіи, недопустивъ перваго, ему предшествовавшаго, періода первичныхъ миѳическихъ воззрѣній, возникавшихъ изъ наивнаго дѣтскаго взгляда на явленія природы!"

Подобнымъ образомъ говоритъ и де-Губернатисъ: „Двусмысленность (словъ — по Куну точнѣе полиономія) безъ сомнѣнія играла главную роль при образованіи миѳовъ; но сама эта двусмысленность не всегда можетъ быть объяснена безъ предположенія предварительнаго существованія, такъ сказать, живописныхъ аналогій. Дитя, которое еще и нынѣ, взглянувши на небо, принимаетъ бѣлое облако за снѣжную гору, конечно незнаетъ, что *парвата* на языкѣ Ведъ означало гору и облако... Двусмысленность словъ обыкновенно шла по пятамъ вслѣдъ за аналогіею внѣшнихъ образовъ, представлявшихся первобытному человѣку. Когда онъ еще неназывалъ облака горою, онъ уже видѣлъ его горою. Послѣ смѣшенія образовъ, смѣшеніе словъ становилось почти неизбѣжнымъ и служило лишь для опредѣленія перваго, для сообщенія ему внѣшняго (?) звука и болѣе прочной формы, для образованія изъ него какъ бы корня, изъ коего при помощи новыхъ наблюденій, новыхъ образовъ, новыхъ двусмысленностей могло вырости цѣлое дерево миѳическихъ генеалогій" (Die steine in der indogerm. myth. 665.)

Я отвергаю только порчу языка, какъ источникъ миѳологическаго т. е. познавательнаго творчества. Если смерть есть только смерть, то изъ нея неможетъ выйти жизни; но то, что мы называемъ смертью, и то, что называютъ (хроническою, а не единичною и случайною) порчею въ языкѣ, есть лишь новое сочетаніе элементовъ, при томъ въ языкѣ, при жизни народа, сочетаніе болѣе совершенное. При принимаемомъ мною опредѣленіи миѳа, какъ словеснаго произведенія, т. е. (въ простѣйшемъ видѣ одного слова) какъ совокупности образа (=сказуемаго), представленія (tertium comparationis) и значенія (=психологическаго подлежащаго т. е. того, что подлежитъ объясненію), для меня совершенно немыслимо, какъ можно предполагать когда-либо существованіе миѳа помимо слова и какъ, кромѣ первыхъ, недосягаемыхъ для нашей мысли, ступе-

ней человѣческаго развитія, можно думать, что послѣдующій миѳъ могъ создасться безъ помощи предшествующаго миѳа-слова.

Если бы человѣкъ сначала смѣшалъ образы облака горы, а потомъ создалъ миѳъ, то получилось бы не объясненіе облака горою, а объясненіе облака-горы въ ихъ нераздѣльности чѣмъ-либо другимъ. Существенная черта миѳа какъ апперцепціи въ словѣ (Steinthal) есть именно то, что отождествленіе или частное сліяніе объясняющаго и объясняемаго не предшествуетъ объясненію, а слѣдуетъ за нимъ.

Дѣти и животныя могутъ имѣть „живописныя аналогіи", т. е. и въ нихъ извѣстныя сочетанія элементарныхъ воспріятій могутъ находиться въ связи съ другими сочетаніями, но миѳовъ они еще несоздаютъ.

Впрочемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣленіе вліянія слова представляетъ новыя трудности, и я вышесказаннымъ никакъ недумаю оправдывать скороспѣлыхъ заключеній по готовому шаблону, въ родѣ тѣхъ, которыя нерѣдко встрѣчаются у Аѳанасьева, напр.: „*Такъ какъ* древнѣйшій языкъ употреблялъ одинаковыя названія и для звѣриной шкуры, и для животныхъ, покрытыхъ мохнатою шерстью; то арійское племя не только признавало въ облакахъ небесное руно, но и сверхъ того олицетворяло ихъ бодливыми баранами, рѣзвыми овцами, прыгающими козлами" и пр. Аѳ. П. В. I, 682).

Тутъ еще вопросъ, прежде ли представлялось облако шкурою, а потомъ козломъ, бараномъ, или наоборотъ, или же эти представленія возникли независимо, въ отвѣтъ на различные вопросы, вызываемые различными новыми впечатлѣніями. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, которые не должны быть спеціализированы, апріорныя основанія миѳа могутъ быть различны. Извѣстно, напр. что въ словѣ мѣхъ=лит. màiszas, saccus первое значеніе—баранъ, какъ оплодотворяющій (скр. мѣша, баранъ), а второе—мѣшокъ, шкура.

„Сколько существуетъ въ языкѣ метафоръ и синонимовъ, говоритъ Котляревскій (Разб. с. Аѳ. П. В. 17), которые невызываютъ смѣшенія и недаютъ повода къ созданію миѳовъ! Почему напр.

называя словомъ *двиджа* дважды рожденное, и яйцо [1]) и брахмана, болѣзнь языка непроизвела миѳа о рожденіи брахмана изъ яйца? Почему метафорическія выраженія: *слѣпой орѣхъ*, *живой* или *мертвый* лѣсъ невыродились и неразрослись въ миѳы?“

Пока говорится противъ М. Мюллера, я согласенъ, потому что болѣзни языка ни въ образованіи граматической формы, ни въ образованіи миѳа ненахожу; но за тѣмъ замѣчу́, что такіе вопросы ничего недокажутъ, если останутся и безъ отвѣта. Если-бы точно небыло упомянутыхъ миѳовъ, то значитъ движеніе мысли отъ брахмана къ яйцу, или на оборотъ, произведенное омонимами двиджа, встрѣтило какое-либо препятствіе. Но подобный миѳическій разсказъ о птицахъ брахманахъ дѣйствительно есть (Gubern. Die Thiere in der indogerm Myth 471-3). Утверждать, что нѣтъ подобныхъ миѳовъ, мы можемъ лишь со скромною оговоркою; нѣтъ для насъ, такъ какъ неговоря о свойственной человѣку ограниченности знанія, мы, занимающіеся подобными объясненіями, имѣемъ дѣло лишь съ широкораспространенными народными миѳами; миѳъ же несомнѣнно можетъ скрываться и въ узкой сферѣ личности. Кому извѣстны миѳы создаваемые нашими дѣтьми, подъ вліяніемъ того же языка, которымъ говоримъ мы. Какъ скоро a priori мы убѣдились въ томъ, что слово во всякомъ случаѣ есть готовое русло для теченія мысли, намъ въ частномъ случаѣ, гдѣ этого теченія незамѣтно, остается искать препятствій. Могущественнѣйшее изъ этихъ препятствій, впрочемъ неуничтожающихъ его и усложняющихъ трудъ изслѣдователя этого вліянія, есть богатство опыта.

Вліяніе языка есть одинъ изъ видовъ апріорности мышленія, подъ которымъ, конечно, слѣдуетъ разумѣть не вообще участіе прежде добытой мысли въ новыхъ ея работахъ (ибо въ такомъ случаѣ съ первыхъ дней жизни апостеріорнаго мышленія нѣтъ, а добываніе новыхъ мыслей исключительно или преимущественно изъ старыхъ [2]).

---

[1]) Не яйцо дважды рождается, а птица: «Два рази родився, ни разу нехрестився, всяка тварь его гласу слишить» (—пивень)—Манджура.

[2]) Слѣдуетъ объяснить, что математическое мышленіе въ этомъ смыслѣ не апріорно.

Наклонность къ апріорному мышленію находится въ обратномъ отношеніи къ величинѣ запаса данныхъ, какимъ располагаетъ мысль: чѣмъ меньше этотъ запасъ, тѣмъ сильнѣе апріорность, Если это построеніе вѣрно, то оно одинаково уничтожаетъ, какъ мысль о появленіи нѣкогда болѣзни языка, а вмѣстѣ съ нею и миѳовъ, такъ и мнѣніе очень сходное съ этимъ, что только вторичные миѳы возникли подъ вліяніемъ языка. Ибо чѣмъ ближе къ началу исторіи, тѣмъ меньшимъ капиталомъ мысли обладаютъ люди.

Между апріорностью заключеній и предразсудкомъ лишь та разница, что предразудокъ есть апріорность, разсматриваемая въ тѣхъ моментахъ, когда уже имѣются или предвидятся данныя, перетягивающія вѣсы мысли на сторону новаго, болѣе апостеріорнаго заключенія. Поэтому то, что съ теченіемъ времени становится предразсудкомъ (въ глазахъ посторонняго наблюдателя), въ свое время, при отсутствіи противовѣса было лишь законнымъ стремленіемъ мысли къ объединенію своихъ элементовъ.

„Названія звѣздъ и созвѣздій, знаковъ обозначающихъ области неба, періоды дней и годовъ, какъ бы они ни были произвольны“ (т. е. собственно говоря, какъ бы они ни были несогласны съ позднѣйшими знаніями(„составляютъ для астролога матеріалъ, который онъ можетъ... приводить въ идеальную связь съ житейскими событіями. Довольно было астрологамъ подраздѣлить путь солнца воображаемыми знаками зодіака, чтобы изъ этого возникли астрологическіе законы, по которымъ эти небесные знаки имѣютъ дѣйствительное вліяніе на настоящихъ овновъ, тельцовъ, раковъ, львовъ, дѣвъ. Ребенокъ, рожденный подъ знакомъ льва, будетъ мужественъ, а рожденный подъ знакомъ рака недалеко пойдетъ въ жизни и пр. (Тейлоръ, Первоб. культ. 122).

При состояніи мысли, недающемъ возможности явственно разграничить субъективное познаніе отъ объективныхъ его источниковъ, слово, какъ наиболѣе явственный для сознанія указатель на совершившійся актъ познанія, какъ центръ относительно-измѣнчивыхъ элементовъ чувственнаго образа, должно было пред-

ставляться сущностью вещи. Есть много свидѣтельствъ о чрезвычайной распространенности этого вѣрованія. (См. „Мысль и языкъ“ 125, 146—51).

Религіозный миѳъ.

Подъ миѳомъ разумѣются между прочимъ такія простыя поэтическія объясненія явленій, какъ „облако—это камень, гора“, „душа—это дыханіе, паръ, дымъ, вѣтеръ“. Въ тоже время къ области миѳовъ относятся и тѣ, предметомъ коихъ служатъ дѣянія высшихъ человѣка существъ, управляющихъ міромъ и человѣкомъ, и во всѣхъ миѳологіяхъ, относимыхъ преимущественно къ небу. Очевидно, послѣдніе миѳы должны быть позднѣе по времени образованія, такъ какъ они предполагаютъ болѣе-менѣе значительную степень широты и единства міросозерцанія. Отношеніе между тѣмъ и другимъ въ общихъ чертахъ слѣдующее.

Извѣстны наблюденія, что человѣкъ „подъ лѣсомъ видитъ, а подъ носомъ невидитъ“, сначала заноситъ въ лѣтописи военные подвиги и т. п., и лишь гораздо позже на высокой степени развитія начинаетъ интересоваться мѣлкими и близкими бытовыми явленіями; сначала пытается объяснить себѣ, что такое солнце, молнія, туча, а потомъ уже—что такое домашній огонь, зеленое дерево и т. п.; небесная радуга требуетъ объясненія и объясняется, а радуга въ водяныхъ брызгахъ, производимыхъ самимъ человѣкомъ во время купанья, или незамѣчается вовсе, или является чѣмъ-то непосредственно понятнымъ. Тѣмъ не менѣе по общему правилу (сначала) объясняется отдаленное близкимъ. Это потому, что болѣе близкія, земныя, непосредственно окружающія человѣка явленія повторяются чаще, впечатлѣнія отъ нихъ опредѣленнѣе, комплексы этихъ впечатлѣній болѣе расчленены. Обычность и ясность этихъ комплексовъ находится въ обратномъ отношеніи къ силѣ потрясенія, которое они производятъ, вновь появляясь въ душѣ. Менѣе обычныя явленія производятъ болѣе

смутныя воспріятія, но болѣе сильныя чувства; они слабѣе въ теоретическомъ, но сильнѣе въ эмоціональномъ отношеніи. Только намъ кажется, что животное и человѣкъ суть неизмѣримо бо́льшія чудеса, чѣмъ облако, солнце и пр., и что земное горѣніе никакъ не менѣе удивительно, чѣмъ атмосферное электричество. Для первобытнаго человѣка это было наоборотъ. Хотя самое первоначальное названіе земного огня, коровы и т. п. было уже миѳомъ, но этотъ миѳъ послужилъ только матеріаломъ для созданія миѳовъ, имѣющихъ предметомъ явленія болѣе потрясающія и потому божественныя. Земной огонь, земныя коровы послужили отвѣтомъ на вопросы, что такое огонь небесный, что такое туча. Лишь за тѣмъ вновь возникъ вопросъ: что же такое земной огонь, что такое земная корова? Отвѣтъ: земной огонь есть тотъ же небесный, нисшедшій на землю; земная корова есть таинственное воплощеніе небесной, и потому извѣстными своими дѣйствіями можетъ указывать на дѣянія первой. Вмѣстѣ съ этимъ создается теорія, что малое и слабое происходитъ изъ великаго и сильнаго, (Steinth. Die sage von Prometheus, Z. f. v. ps. II, 15—88), образуются болѣе-менѣе обширныя связи между небесными явленіями и земными.

Вышеприведенные примѣры невыдуманы. Число подобныхъ имъ огромно. Напр. молнія есть птица, а потомъ наоборотъ, птица, напр. дятелъ, имѣетъ извѣстныя свойства молніи (повѣрья, что она знаетъ и пользуется разрывъ-травою, или разрывъ-камнемъ); солнце есть горящее колесо и наоборотъ зажженное посредствомъ тренія земное колесо имѣетъ извѣстныя свойства солнца, напр. служитъ къ предсказанію урожая и т. п.

Отношеніе язычества къ христіанству, вѣры къ знанію. Заговоры.

Теперь по истеченіи (почти) 900 лѣтъ послѣ оффиціальнаго принятія христіанства въ памяти народа сохранились безо всякаго участія письменности (или лучше сказать благодаря незнакомству съ письменностью) столько остатковъ язычества, что по нимъ можно довольно полно возсоздать образъ этого язычества.

Въ разной степени тоже встрѣчается и во всѣхъ христіанскихъ странахъ.

Старинная письменность передала намъ лишь скудныя извѣстія о языческихъ богахъ и игрищахъ, между тѣмъ какъ богатство изустныхъ языческихъ преданій до сихъ поръ еще неисчерпано.

Какія же причины этой долговѣчности язычества?

Сама церковь во многомъ волею-неволею содѣйствовала этому сохраненію язычества. „Самимъ духовнымъ. говоритъ Гриммъ, не всегда удавалось найти границу между языческимъ и христіянскимъ: подъ ихъ собственный вкусъ могло подходить многое языческое, коренившееся въ толпѣ.

„Въ языкѣ рядомъ со множествомъ греч. и лат. словъ, вновь введенныхъ для церковнаго употребленія, осталась и часть нѣмецкихъ, связанныхъ съ язычествомъ, на пр. именъ боговъ—въ названіяхъ дней недѣли. Къ этимъ словамъ незамѣтно примкнули и языческіе обычаи, языческія празднества, такъ сросшіяся съ жизнью народа и такъ тягучія, что принимали въ себя постороннюю, христіянскую примѣсь, лишь бы сохранить хоть отчасти любимую испытанную старину. Христіянскіе праздники повидимому не безъ умысла со стороны церкви совпадаютъ съ языческими. Церкви воздвигались на мѣстахъ именно низверженныхъ идоловъ или священныхъ деревьевъ, и народъ продолжалъ привычныя посѣщенія этихъ мѣстъ.

Нерѣдко самыя стѣны языческаго храма превращались въ церковь. Языческіе горы и источники принимали имена христіянскихъ святыхъ, и на этихъ послѣднихъ переходило уваженіе, которымъ нѣкогдя пользовались первые. Священные лѣса становились собственностью вновь основаннаго монастыря или короля; но и въ частныхъ рукахъ они отчасти продолжаютъ чествоваться. Юридическіе обычаи, особенно суды Божьи и клятвы (присяги), обходы границъ, благословенія, обносы изображеній боговъ, сохраняя свою языческую сущность, соединялись съ церковными обрядами. Нѣкоторые обычаи языческіе и христіянскіе сходились.

Такъ на пр. языческое окропленіе водою новорожденнаго напоминаетъ крещеніе, форма молотка (оружіе Тора)—крестъ и т. п.

„При столь многообразномъ смѣшеніи языческой и христіанской внѣшности немогло не произойти и смѣшеніе взглядовъ простодушнаго народа. Еврейское и христіанское ученіе стали сближаться съ языческимъ, и языческія заблужденія и предразсудки *стали заполнять мѣста, незанятыя* новою вѣрою. (То на христіанское содержаніе повліяли языческія формы, то на оборотъ), (Gr. Myth. XXXII, III).—Какія же мѣста немогли быть заняты новою вѣрою? Въ чемъ христіанство немогло удовлетворить потребностямъ новообращенныхъ?—Христіанство, отвѣчаетъ Шварцъ, принесло только вѣру во единаго Бога и Христа, пострадавшаго за грѣхи человѣчества, и за тѣмъ—немногосложное богослуженіе. Но оно, вообще исключающее природу, недало объясненія многимъ чудеснымъ явленіямъ природы, которыя язычникъ объяснилъ, связавши со своею вѣрою. Только немногія главныя явленія природы, на пр. гроза, теченіе звѣздъ, да и то поверхностно, приведены въ связь съ христіанскимъ Божествомъ. Поэтому христіанство могло лишь нѣсколько ограничить, но не могло вполнѣ устранить той части язычества, которая обращена къ природѣ. Далѣе, христіянство оставляло много незаполненнаго пространства вокругъ событій семейной жизни, рожденія, брака, смерти, вокругъ занятій напримѣръ, охоты, земледѣлія, скотоводства, пряденья. (Schwarz, „Der heilige volksglaube und das alte heidentum, 5).

Единобожіе, оторванное отъ своихъ корней и перенесенное на чуждую почву, незаключаетъ въ себѣ знанія природы. Преимущество его передъ язычествомъ относительно знанія природы заключается въ томъ, что оно ставитъ Божество, какъ конечную причину, внѣ міра и даетъ возможность объяснять явленія природы механическими взаимодѣйствіями частей. Между тѣмъ языческій пантеизмъ помѣщаетъ боговъ внутри природы, ближе къ человѣку и тѣмъ самымъ принужденъ чаще искать объясненія явленій въ конечныхъ причинахъ, въ рѣшеніяхъ божества. Для еврейско-христіянскаго единобожія міръ за исключеніемъ души че-

ловѣка—это матерія, приводимая въ порядокъ Божествомъ. Для языческаго многобытія міръ—это само божество или совокупность божествъ. Но такое преимущество единобожія обнаруживается не сразу. Оно только облегчаетъ познаніе природы, но незаключаетъ его въ себѣ. Язычество беретъ верхъ до тѣхъ поръ, пока единобожіе принуждено отвѣчать на всякій научный вопросъ: такъ Богу угодно. Это не отвѣтъ. И язычники признаютъ, что безъ воли Божества, управляющаго явленіемъ, непроисходитъ самое явленіе. Гораздо удовлетворительнѣе языческія объясненія, напр. грозы: громъ—это, положимъ стукъ колесницы, катящейся по небесному помосту, громовой ударъ—это стрѣла пущенная тѣмъ, кто ѣдетъ въ той колесницѣ. Движеніе колесницы, стукъ колесъ, полетъ стрѣлы,—все это происходитъ по тѣмъ законамъ, какъ и на землѣ; чудесное состоитъ лишь въ томъ, что это небесная колесница, а не земная.

Такимъ образомъ побѣду надъ язычествомъ христіянство могло одержать только при пособіи науки. Такъ какъ науки небыло или такъ какъ она была и отчасти есть достояніе немногихъ, то низшіе слои и продолжаютъ быть язычниками во всемъ, неисключая отношенія явленій къ конечной причинѣ, Богу. При этомъ слѣдуетъ помнить что, какъ видно изъ опыта, мысль множества людей можетъ обойтись безъ того, что мы называемъ знаніемъ конечной причины.

Какъ же опредѣлить ближайшія отношенія науки, которая пособляетъ христіянству въ борьбѣ съ язычествомъ, но можетъ стать и во враждебныя отношенія къ самому христіянству, каковы же отношенія науки къ христіянству и язычеству.? Ставя вопросъ шире, можемъ выразить его такъ: что такое вѣра и что знаніе?

„Различіе, дѣлаемое философами между вѣрою и знаніемъ основано на ошибочномъ пониманіи міросозерцанія. Вѣра есть эстетическое дополненіе знанія въ искусствѣ (посредствомъ искусства). Она становится ложью и безсмыслицею, когда силится сохранить господство въ такихъ областяхъ, гдѣ возможны уже от-

вѣты знанія. Мы знаемъ тѣ явленія, взаимныя отношенія коихъ познаны до такой степени, что неизмѣняются въ нашихъ глазахъ и при дальнѣйшихъ открытіяхъ." Предѣлы между знаніемъ и вѣрю зависятъ отъ степени образованности, т. е. отъ того, какъ далеко можетъ зайти наша мысль, нетеряясь въ неопредѣленномъ горизонтѣ. Подобнымъ образомъ дитя лишь исподоволь пріобрѣтаетъ умѣнье правильно пользоваться своимъ зрѣніемъ.—Дикарь, для коего прошедшее и будущее ограничено вчерашнимъ и завтрашнимъ днемъ, вполнѣ удовлетворенъ мыслью, что небо есть твердь, сводъ, изгибающійся надъ его головою. Не малыхъ напряженій стоило его мысли зайти такъ высоко. Дошедши туда, она успокаивается и нелегко можетъ быть подвинута къ дальнѣйшему изслѣдованію, къ вопросу: а что же тамъ дальше, за этою твердью?

Естественно, что дикарь населяетъ свой небесный Олимпъ существами, образъ коихъ сложенъ изъ наблюденій надъ земными предметами. При этомъ процессѣ онъ слѣдуетъ тѣмъ самымъ законамъ мысли, какъ и при познаніи ближайшей дѣйствительности. Неизвѣстное объясняется извѣстнымъ. Онъ видитъ напр. движеніе солнца, мѣсяца; онъ видитъ, что всякое земное объяснимое движеніе, т. е. взятое такимъ, въ которомъ начало, конецъ и причина того, а не другого направленія вполнѣ ясны, исходитъ отъ живыхъ существъ. Онъ обобщаетъ это и принимаетъ *живое* существо за причину всякаго движенія.

Такимъ образомъ живое существо водитъ по небу эти свѣтила. Падаетъ громовой ударъ: конечно, онъ пущенъ человѣческой рукою, потому что бросать можетъ на землѣ только человѣческая рука. Всякій земной предметъ сдѣланный, начало коего можетъ быть указано, стало быть всякій предметъ, мыслимый для дикаря по отношенію къ своему началу, въ рѣшительномъ большинствѣ случаевъ сдѣланъ человѣкомъ. Поэтому въ рѣшительномъ большинствѣ случаевъ на небо ставится человѣкообразный создатель. (Впрочемъ, будетъ ли это человѣкообразное существо или животное—это зависитъ отъ степени развитія. Извѣстно, что зооморфизмъ предшествуетъ антропоморфизму). Какія бы религіозныя

представленія ни образовалъ себѣ дикарь, во всякомъ случаѣ въ нихъ нѣтъ ничего такого, чтобы специфически отличало эти представленія отъ остальнаго его знанія. Бѣжитъ ли въ его глазахъ солнце отъ преслѣдующаго врага, ѣздятъ ли по небу въ колесницѣ, разрубливаютъ ли мѣсяцъ по поламъ или пожираетъ его чудовище, во всякомъ случаѣ это случайная ассоціяція человѣческихъ дѣйствій съ небесными явленіями. Эта ассоціяція становится временнымъ объясненіемъ явленія, и ея вѣрность или невѣрность такъ же неможетъ быть непосредственно доказана, какъ невозможно нашимъ астрономамъ взять въ руку мѣсяцъ и пальцемъ показать на немъ горы и долины. Астрономическое объясненіе линій, описываемыхъ мѣсяцемъ, законы движенія планетъ—вѣдь это тоже случайныя ассоціяціи наблюденій, которыя отличаются отъ первобытныхъ ассоціяцій въ головѣ дикаря лишь большею художественностью сопоставленія частей. Въ сущности свѣдѣнія наши о звѣздахъ такъ же невелики теперь, какъ и тогда, когда ихъ считали за вбитые въ небо золотые гвозди. Мы сдѣлали множество наблюденій надъ ихъ быстротою, величиною, формою и составили изъ этихъ наблюденій систему, которая до тѣхъ поръ будетъ оставаться истиною, пока изъ нея будутъ безъ натяжки объясняться всѣ наблюденія, но которая каждую минуту можетъ быть разрушена новыми открытіями, какъ Птоломеева была разрушена системой Коперника. Добытое нами преимущество состоитъ въ томъ, что паденіе системы можетъ совершиться безъ вреда для разъ навсегда добытыхъ фактовъ; въ томъ, что обобщенія служатъ для насъ лишь временнымъ объединеніемъ и завершеніемъ отдѣльныхъ явленій.

Прогрессъ нашего времени состоитъ въ премуществѣ естественно-исторической методы изслѣдованія, которая будучи способна къ органическому развитію изъ себя, сдѣлала впредь невозможнымъ возвращеніе отъ знанія къ вѣрѣ. Такія отпаденія постоянно встрѣчались въ древности, потому что мысли недоставало той поддержки со стороны накопленія массы наблюденій, которая для насъ служитъ широкимъ основаніемъ для дальнѣйшихъ (Bastian I, 16—18).

Все содержаніе нашей мысли исчерпывается тѣмъ, что мы знаемъ и тѣмъ, во что мы вѣримъ. Рѣшеніе вопроса объ отношеніи знанія и вѣры зависитъ отъ рѣшенія другого: имѣетъ ли мысль какія-нибудь особенныя средства для усвоенія предметовъ вѣры, дѣйствуютъ ли на насъ эти предметы не тѣмъ путемъ, которымъ дѣйствуетъ познаваемое? Намъ извѣстенъ только одинъ путь: чувственныя воспріятія. Все, что не дано непосредственно чувствами, есть лишь сообразная со свойствами души переработка чувственныхъ воспріятій. Наитіе свыше, зрѣніе помимо глазъ, слухъ помимо ушей принадлежитъ къ числу патологическихъ явленій. Люди, увѣренные въ своемъ непосредственномъ сообщеніи съ неземнымъ міромъ, какъ ни высоко они стояли надъ человѣческимъ уровнемъ по своимъ способностямъ, необъявляли людямъ ничего такого, чтобы немогло быть выведено изъ современнаго имъ запаса знаній. Если же у мысли вѣрующей и мысли познающей одни средства, если знаніе и вѣра строятся изъ того же матеріала, то различіе между ними можетъ состоять только въ степени. Стихіи знанія не трудно показать въ язычествѣ (примѣры см. Bastian) и въ христіанствѣ. Въ чемъ могутъ состоять побужденія вѣрить въ самостоятельность и безсмертіе души, въ существованіе личнаго Бога?—Въ томъ, что при данномъ состояніи знанія эти вѣрованія требуются знаніемъ. Человѣкъ неможетъ себѣ иначе объяснить своихъ духовныхъ явленій, какъ присутствіемъ въ себѣ нетѣлеснаго начала, не подверженнаго разрушенію, видоизмѣняющему матерію; онъ неможетъ иначе понять существованіе міра, какъ допустивши существованіе Творца. Вездѣ исходная точка—знаніе, и цѣль—знаніе. Вѣра нужна для пониманія и сама есть извѣстнаго рода пониманіе. Этимъ исчерпывается ея функція. Практическое значеніе вѣры, ея значеніе для чувства—эти значенія производныя. Такъ, напр., человѣкъ въ скорбяхъ ищетъ успокоенія въ мысли, что эта кратковременная жизнь есть время испытанія, страданіе—слѣдствіе грѣха, за покаяніемъ слѣдуетъ лучшая безконечная жизнь. Здѣсь вѣра успокаиваетъ чувство. Но тоже самое дѣлаетъ знаніе. Напр., у меня

болитъ голова, я успокаиваюсь тѣмъ, что это отъ угару, и что если устранить угаръ, то головная боль пройдетъ.—Въ простѣйшихъ формахъ вѣры особенно легко замѣтить, какъ положенія вѣры возникаютъ изъ ассоціяцій между наблюденіями. Такъ же возникаютъ научныя положенія. (Примѣры).

Однако, есть существенная разница между знаніемъ и вѣрою. То познано нами, что неизмѣняется въ нашихъ глазахъ при дальнѣйшихъ открытіяхъ, и наоборотъ все измѣнчивое въ нашей мысли есть вѣра. Такъ въ любомъ языческомъ объясненіи солнечнаго теченія сознанная круговидная форма видимаго солнца, измѣнчивость точекъ, занимаемыхъ имъ на небѣ, свойство согрѣвать, вызывать растительность—это знаніе, все остальное вѣра. Это знаніе, какъ бы оно ни казалось малымъ, есть уже значительный шагъ впередъ. Животное и ребенокъ не только не имѣютъ понятія о кругѣ, но и незнаютъ, что солнце свѣтитъ. Они только чувствуютъ это. Граница между знаніемъ и вѣрою отодвигается и становится яснѣе по мѣрѣ накопленія въ наукѣ непоколебимыхъ фактовъ. Въ первобытномъ человѣкѣ стихіи знанія и вѣры перемѣшаны. Отношенія ближайшихъ къ нему предметовъ составляютъ предметъ вѣры. Горизонтъ мысли узокъ.—(Примѣры изъ Бастіана).—Средневѣковыя вѣрованія въ участіе Бога въ дѣлахъ человѣческихъ.—Въ ипатьев. лѣт, подъ 1111 г.: „Вложи Богъ Володимеру въ сердце и нача глаголати брату своему Святополку понужая его на поганыя". Этого нельзя считать за благочестивую фразу. Дѣйствительно знаніе душевной жизни такъ мало, зарожденіе мысли въ глазахъ вѣка такъ таинственно, что причиною его люди могутъ считать только первую причину—Бога или, какъ на другой страницѣ (Ип[2] 192), ангела, или же, если мысль злая, наученіе діявола. Бѣгство Половцевъ передъ немногочисленнымъ полкомъ Володимеровымъ есть дѣло сверхъ естественное: „падаху Половци передъ полкомъ Володимеровомъ, невидимо бьеми ангеломъ, яко се видяху мнози человѣци, и главы летяху невидимо стинаемы на землю. И побиша я въ понедѣльникъ страстный... избьени быша иноплеменицѣ многое множество на рѣкѣ Салницѣ

и спасе Богъ люди своя... И въпросиша колодникъ, глаголюще: „како васъ толика сила и многое множество, не могосте ся противити, но въскорѣ побѣгосте?“ Си же отвѣщеваху глаголюще: како можемъ битися съ вами? а друзіи ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни,, иже помогаху вамъ“. Токмо се суть ангели отъ Бога послани помогать хрестьяномъ“. (Ип² 193)

Въ наше время уже ни одинъ образованный человѣкъ не ищетъ объясненія отдѣльнымъ рѣшеніямъ человѣческой воли, отдѣльнымъ историческимъ событіямъ въ непосредственномъ вліяніи Божества. Однако многіе вѣрятъ еще въ свободу воли, какъ далѣе неразложимую причину душевныхъ движеній, однако до сихъ поръ возможно видѣть въ Богѣ перваго двигателя исторіи.

Т. о. прошедшее представляетъ намъ постоянное стремленіе замѣнять первыя причины вторичными, которыя въ свою очередь разложимы и объяснимы другими причинами.—Стремленіе это сдерживается притязаніями вѣры рѣшать по своему вопросы, уже рѣшенные наукой: но послѣдняя рано или поздно беретъ верхъ. Человѣку мало заманчиво „духовное самоубійство“; умъ лишь немногихъ можетъ отречься отъ себя и помириться съ противорѣчіемъ преданія и живой науки.—Можно ли изъ этого заключать, что настанетъ время, когда вѣра вполнѣ замѣнится наукой? Научныя предположенія, еще несоставляющія вѣры, но ближайшимъ образомъ сродныя съ нею, конечно будутъ всегда имѣть мѣсто; конца сущему мы невидимъ и не можемъ представить себѣ времени, которое бы обѣднѣло задачами, которому нечего было бы дѣлать. Изъ этого слѣдуетъ, что тѣмъ менѣе можемъ представить себѣ время, когда бы самые верхи зданія науки были построены разъ на всегда. Если первостепенное неясно и нерѣшено, то и о второстепенномъ могутъ существовать только предположенія. Если вѣра въ личнаго и человѣкообразнаго Бога перестанетъ удовлетворять мысль, это верховное начало замѣнится другимъ, такимъ же временнымъ. Одно несомнѣнно: человѣкъ съ каждымъ шагомъ впередъ научается болѣе и болѣе различать степени вѣроятности и оцѣнивать средства своего

ума. Уже и теперь ясно, что, занимая незначительную частицу міра, нельзя обнять мыслью всего міра. Оцѣнить это убѣжденіе можно лишь сравнивши его съ тою ограниченною цѣльностью взгляда первобытнаго человѣка, примѣры коей были приведены выше.

Возвращаюсь къ поставленнымъ выше вопросамъ.

Язычество есть такое міросозерцаніе, въ которомъ конечныя причины въ большемъ или меньшемъ количествѣ размѣщены въ самомъ мірѣ.

Заговоры.

Л. Майковъ „Великорусскія заклинанья“ (Зап. И. Р. Геог. О. по отд. этн. II 1769 г. стр. 417—580).

Ефименко „Сборникъ малор. заклинаній“ (Чт. Об. И. Др. 1874, I.)

Заговоры (заклинанія) даже въ нынѣшнемъ своемъ видѣ немогутъ быть названы обломками языческихъ молитвъ (Аѳ. П. В. I 43). Молитва собственно есть просьба; въ болѣе обширномъ смыслѣ къ ней принадлежитъ похвала Божеству, имѣющая цѣлью расположить его въ пользу молящагося, и благодареніе. Въ молитвѣ человѣкъ обращается къ божеству хотя болѣе могущественному чѣмъ человѣкъ, но такому, которое подобно человѣку можетъ исполнить просьбу или нѣтъ, которому могутъ быть пріятны или непріятны похвала и благодарность. Въ заговорахъ нѣтъ слѣдовъ благодаренія; только часть ихъ заключаетъ въ себѣ другіе элементы молитвы: изображеніе дѣйствія божества, упрекъ, просьбу, (какъ въ „Сл. о П. И.“: и о вѣтре!... чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?,.. О Днѣпре словутицю! ты пробилъ если каменныя горы сквозѣ землю половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли посады до плъку Кобякова: възлелѣй, господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала слезъ на море рано“), и эта часть дѣйствительно подходитъ къ христіянскому понятію молитвы.

Остальные заговоры имѣютъ съ молитвою лишь то общее, что подобно ей вытекаютъ изъ желанія, чтобы нѣчто совершилось или несовершилось. Нельзя сказать, что они вообще отличны отъ языческой молитвы тѣмъ, что принадлежа „къ эпохѣ болѣе грубаго представленія о божествѣ“ имѣютъ (по мнѣнію говорящаго) „принудительное вліяніе“ (Ор. Милл. „Оп ист. об. р, сл.“[2] 84), ибо явленія въ нихъ упоминаемыя могутъ вовсе неимѣть характера божественности. Опредѣленіе этой формы заговора таково:

Словесное изображеніе сравненія даннаго явленія съ желаемымъ, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее.—Выборъ перваго явленія до извѣстной степени случаенъ, но изображеніе его и толкованіе совершаются подъ вліяніемъ желаемаго:

„Въ печи огонь горитъ, палитъ и пышетъ и тлитъ дрова; такъ бы тлѣло и горѣло сердце у рабы Божіей имяр. по рабѣ Божіемъ имр. во весь день, по всякъ часъ, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“ (Майк. 426, 5).

„Стану я на сырую землю, погляжу я на восточную сторонушку. Какъ красное солнышко возсіяло, припекаетъ мхи—болоты, чорныя грязни (s), такъ бы припекала, присыхала раба Божія имр о мнѣ р. Б. имр.“ и пр. (ib. 433, 19).

„Во чистомъ полѣ путямъ—дорогамъ (—Новг. твор. п.) бѣжитъ рѣка Ока. И обмываетъ рѣка Ока круты берега, и шелковы травы и мелки пески, и камушки. Такъ бы обивала и обмывала съ раба имр. всѣ осуды и призорушки“ (ib. 511, 231). (заговоръ записанъ въ Валд. у. Новг. губ., а потому, если онъ не занесенъ туда изъ друг. мѣстн., Ока есть нарицательное.—фин. joki—рѣка. —Гр. Фил Роз. 259).

Пчеловодъ. Въ первую недѣлю новаго мѣсяца пойди на текучую воду, наклонись надъ нею и говори такъ: „Як тоєі води ніхто неможе обернути на свій обичай, так щоб мої бжоли жадний уречи немог“ (Тр. этн. эксп. Чубин. I, 73).

Увидѣвши первый цвѣтъ на житѣ: „Яко тоє жито наповнюется от влаги земной и от роси небесной, и як той квіт доброволько отпадає от своєі ниви при своєму корені, так би от моіх

во время своє вольно рої одходили и сідали въ моій пасіці... при своєму корені...(ib. 74).

Въ навечеріе Богоявленія Господня спѣши набрать святой воды: „Як сего святого вечора люди тиснутся и радуются до сей святой води, так би тиснулись и радовались моі пчели, носячи густиє меди, желтиє воски“ (ib, 72).

Стоя въ церкви на Воскресеніе Христово: „Як до священника люде тиснутся и радуются, до тоі дари идучи, так би ся моі пчоли тиснулися и радовалися, матки (—ці?) и роєві до моєі пасіки, идучи до мене раба Б. N.“ (ib. 74).—Ср. заговоръ пастуха:

„Какъ сходится народъ Божій крещенный по колокольному звону къ служенію и пѣнію Божественному къ отцу духовному и радѣютъ слушать слово Божіе... душою и сердцемъ; такъ-бы радѣло и приходило мое счетное стадо коровье, конное и овечье на мой голосъ и трубу сами изъ толкучихъ горъ, съ дремучихъ лѣсовъ“ и пр. Майк. стр. 532).

Садясь въ сани: „Сажусь я въ сани крытыя бобрами, соболями и куницами. Какъ лисицы и куницы, бобры и соболи честны и величавы (ср. мр. величні) между панами и попами, между міромъ и селомъ; такъ мой нарожденный сынъ былъ бы честенъ и величавъ между панами и попами между міромъ и селомъ.“ (Сах. Сказ. р. н. I, 2, 20).

Для заговоровъ этого рода характеристично то, что относительно неопредѣленное желаніе здѣсь специялизируется подъ вліяніемъ явленій, приводимыхъ на мысль воспріятіями, которыя сами по себѣ случайны, но въ которыхъ говорящій усматриваетъ тѣ или другія стороны, смотря по господствующему настроенію.

— Ср. начала мр. пѣсень съ образованіемъ, случайныхъ воспріятій („Мысль и яз.“ ². 212—214) или ругательства, примыкающія къ случайному слову отвѣта, на пр.: „Та я ж ходив“...— А бодай тебе ходила лихая година.

„Не чуо кукавице!“ (=недочекао прољећа). Кад ко послије другога викања одговори: „*чујем*“, или се правда за што да није чуо. (Кар. Посл. 212).

„Та вже (ж) його, тіточко, відтіля випустили: сам справник приїжджав та и випустив!“—„А щоб випускала лихая година та несщаслива и вашого справника, и старого лисого Макуху зо всім вашим поганим родом и приплодом!... Випустили! От так ти випускай“. (Кв. ² II, 55—6).

Самъ по себѣ *приколъ* неимѣетъ никакого отношенія къ пчеловодству и въ другое время въ человѣкѣ онъ не возбудилъ бы никакой мысли о пчелахъ; но, проникнутый заботой о пчелахъ, человѣкъ находитъ эту вещь и говоритъ: „Як тоє бидло було припьяте, немогло пійти від того міста нігде, так би мої матки немогли вийти из пасіки, від мене р. Б·“ (Тр. этн. эксп. Чуб. I, 74). Понятно, что и здѣсь возможно, что представленіе въ самомъ названіи случайнаго явленія можетъ спеціялизироваться направленіемъ мысли. Такъ, напр., въ заговорѣ, произносимомъ на Благовѣщеніе, то, что въ этотъ день возвѣщено Дѣвѣ Маріи Арх. Гавріиломъ *зачатіе* отъ Святого Духа, даетъ поводъ говорить: „Повели Господи... пчелам... *зачати* им густыє меды“ и пр. (ib. 74).

То, что мы назвали даннымъ или случайнымъ явленіемъ, можетъ не представлять для человѣка ничего божественнаго, и заговоръ въ этой формѣ непредполагаетъ никакого богопочитанія.

Простѣйшая форма обряда и чаръ.

Изъ случайно усмотрѣннаго отношенія напр., конскаго прикола и сидѣнія матокъ въ пасѣкѣ образуется такое сочетаніе того и другого, что если въ мысли появится второй членъ ассоціяціи (какъ желанный), то онъ приведетъ съ собою и первый. Мысль о приколѣ потребуетъ дополненія со стороны новаго впечатлѣнія отъ этой вещи. Въ тотъ разъ приколъ былъ на лицо, теперь его нѣтъ; остается поискать его нарочно. И вотъ возникаетъ требованіе: когда хочешь заговаривать матокъ, чтобы сидѣли „найди приколень, що коня припинають, и вийми його из землі и мовъ так: „як тоє бидло було припьяте“... (ib. 74).

Заговоръ сопровождается здѣсь дѣйствіемъ. Это дѣйствіе, простѣйшая форма *обряда* или *чаръ*, (*чары*—отъ кор. *кар*—дѣлать),

есть *активное, умышленное изображенiе перваго члена ассоцiяцiи* (того съ чѣмъ было сравнено желанное явленiе), *съ тѣмъ, чтобы, вызвать появленiе второго члена*, т. е. сравниваемаго или желаннаго. Этимъ достигается только болѣе живое изображенiе желаемаго въ *мысли*; но, при безсилiи человѣка различать объективное и субъективное, такой результатъ принимается за мистическое осуществленiе желаннаго, за мѣру необходимую для появленiя его въ дѣйствительности.

Такимъ образомъ *обрядъ—чары* и первоначально и до нынѣ *могутъ* неимѣть никакого отношенiя ни къ небеснымъ явленiемъ, ни къ божествамъ, и въ этомъ смыслѣ несправедливо мнѣнiе, что „первые (древнѣйшiе) обычаи (gebräuche) оказываются простѣйшими изображенiями небесныхъ явленiй" (Schwartz „Der Urspr. der mythol." XVI).

Человѣкъ замѣчаетъ, что сучокъ въ соснѣ засыхаетъ и выпадаетъ, и что подобно этому въ чирьѣ засыхаетъ и выпадаетъ стержень. Первое приводитъ ему на мысль второе и наоборотъ. Ему желательно второе; но оно само по себѣ, непосредственно недостижимо; тогда какъ первое можетъ быть легко добыто. Поэтому онъ беретъ сухой сукъ самъ собою выпавшiй изъ дерева, для укрѣпленiя связи сука съ чирьемъ очерчиваетъ сукомъ чирей и говоритъ: „какъ сохнетъ сукъ, такъ сохни чирей, вередъ" (Аѳ. П. В. I, 259—60).

Это способъ заключенiя миѳическiй; но онъ не предполагаетъ какихъ-либо развитыхъ представленiй о божествѣ, а напротивъ предполагается ими. По моему мнѣнiю ошибается Аѳанасьевъ, думая (ib. 258) что въ приведенномъ заговорѣ и другихъ подобныхъ (Майк. 499) сухое дерево имѣетъ значенiе молнiи, которая въ сербскомъ тоже носитъ эпитетъ сухой.

Болѣзнь и сродное (уроки и призоры, притчки и ломоты) представляются чѣмъ-то столь же грубо вещественнымъ какъ сукъ дерева, и какъ сукъ можетъ засохнуть и выпасть „изъ бѣлой болони и краснаго сердца", такъ и болѣзнь изъ человѣка.

Ее можно вырѣзать ножомъ; но это сдѣлать трудно; гораздо легче, но столь же и болѣе дѣйствительно воткнуть ножъ въ полокъ бани [1]), и сказать ради большой крѣпости трижды:" булатный ножъ, подрѣжь черную болѣзнь въ ретивомъ сердцѣ"... (Майк. 234).

Стоя въ церкви у заутрени на Свѣтлый Праздникъ и глядя на толпящійся народъ, рыбакъ думаетъ о своей рыбѣ, какъ выше пчеловодъ—о пчелахъ. Призвать въ дѣйствительности первый образъ невозможно, но можно имѣть вещь напоминающею объ этой заутренѣ и толпѣ. И вотъ свѣчою, горѣвшею во время стоянія у этой заутрени, окуривается рыбная ловушка, съ приговоромъ: „сколько было въ церкви народу, столько бы въ моей ловушкѣ рыбы". (Майк. 324).

Пусть будетъ данъ миѳъ: „любовь (объясняемое) есть огонь". Еслибы можно было въ любимой женщинѣ зажечь огонь, то тѣмъ самымъ бы въ ней загорѣлась и взаимная любовь. Зажечь въ ней самой огня нельзя, но можно подвергнуть дѣйствію огня нѣчто имѣющее къ ней отношеніе, замѣняющее ее, напр. ея изображеніе (куклу изъ воску или другого матеріала, волосы, сорочку и пр.), ея слѣдъ (взятый изъ подъ ногъ „горячій слѣдъ"). И вотъ, сопровождая чары заговоромъ, человѣкъ разжигаетъ слѣды, ожидая появленія въ женщинѣ (resp. мужчинѣ) любви. Такіе заговоры и чары на любовь („присушки"), извѣстные намъ по русскимъ источникамъ, передаетъ по Ѳеокриту Виргилій въ VIII Эклогѣ, при чемъ достойно вниманія то, что и здѣсь, въ отдѣльныхъ элементахъ заговора (или точнѣе въ отдѣльныхъ заговорахъ), также невидно никакихъ слѣдовъ божествъ, какъ и въ приведенныхъ и имъ подобныхъ русскихъ. Чары у Виргилія состоятъ между прочимъ въ томъ, что женщина дѣлаетъ два изображенія привораживаемаго: одно изъ илу (глины) другое изъ воску, приближаетъ ихъ къ огню, говоря:

[1]) Баня тутъ—ради другихъ обрядовъ, состоящихъ въ омываніи.

„Limus ut hic durescit et haec ut cera liquescit
Uno eodemque igni; sic nostro Daphnis amore".

(Virg Ekl. VIII, 80—1).

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ миѳами, но не съ культомъ божествъ.

Въ миѳахъ „любовь=огонь", или *Daphnis*=(въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ) его изображеніе (resp. его exuvies, по нашему—сорочка) между сравниваемыми существуетъ еще отношеніе тожества. Въ чарахъ и заговорахъ на любовь между огнемъ въ субститутѣ человѣка и любовью въ немъ самомъ оказывается промежутокъ пространства и времени, и этимъ отношеніе тожества превращается въ отношеніе причины.

Языкъ и языки, по поводу статьи Макса Мюллера, (Deutsche Rundeschau 1881. № 11.)

„Въ эти дурныя времена, когда становится уже мало, что человѣкъ можетъ читать нѣмецкія, англійскія, французскія, итальянскія, испанскія, португальскія, новогреческія, датскія, шведскія и голландскія книги, но когда уже напускаются на несчастнаго ученаго, за то, что онъ не прочелъ или не можетъ прочесть доставленной ему книги по своей спеціальности, написанной на русскомъ, польскомъ, мадярскомъ, финскомъ, румынскомъ или сербскомъ, даже на санскритскомъ, бенгальскомъ, даже индусскомъ языкѣ; въ эти времена показалось мнѣ умѣстнымъ закричать „караулъ".

„Я это сдѣлалъ тамъ гдѣ, мнѣ думалось, не оставлять совсѣмъ безъ вниманія моего вопля, именно въ „Albumul macedo-român", сборникъ, который долженъ былъ появиться въ Румыніи съ благотворительною цѣлью.

„Въ Румыніи развивается новая bieblіche, вѣроятно самородная и народная литература. Почему-бы и не такъ? чѣмъ больше тѣмъ лучше. Но зачѣмъ трудамъ Академіи Наукъ въ Бухарестѣ выходить на румынскомъ языкѣ? Чтобы ихъ никто не читалъ кромѣ тамошнихъ членовъ Академіи, да и то вѣроятно не всѣхъ? Тоже можно сказать и объ ученыхъ изданіяхъ Русской, Мадярской, Финской и многихъ другихъ Академій и учоныхъ обществъ, хотя отъ поры до поры они дѣлаютъ уступки несвѣдущему учоному и выпускаютъ въ свѣтъ болѣе важные свои вклады на французскомъ, нѣмецкомъ или англійскомъ языкѣ.

„Въ средніе вѣка вѣдь тоже говорили и писали на разныхъ неизвѣстныхъ языкахъ, но великій европейскій учоный парламентъ за lingua franca принималъ всегда языкъ латинскій, на которомъ могъ быть повсюду выслушанъ всякій, кто хотѣлъ, чтобы его чи-

тали лучшіе люди своего времени. Теперь кромѣ папы, никто не пишетъ по латыни, и мнѣ (говоря только о своей спеціальности) совсѣмъ недоступны цѣнные труды Ленрота, Аѳанасьева, Хыджеу. Гунфальви, если не сжалится надо мною кто либо изъ болѣе многоязычныхъ моихъ друзей. Если такъ пойдетъ дальше, то скоро намъ прійдется разбирать по складамъ валлійскія, сербскія, японскія и сингалезскія учоныя записки, и наконецъ учонымъ прійдется погибнуть отъ mezzo fantitis chronica.

„Пусть не говорятъ, что нельзя выучиться другому языку, кромѣ родного, на столько, чтобы выражаться на немъ понятно. Что было, то можетъ быть повторится, а языкъ англійскій и французскій, конечно, не труднѣе латинскаго, на которомъ умѣлъ писать всякій образованный человѣкъ въ вѣка мрака и невѣжества.

„Но къ чему проповѣдывать въ пустотѣ? скажутъ благоразумные люди, слыша о стремленіи, которое неможетъ достигнуть своей цѣли при ихъ жизни. Конечно, мы не доживемъ до того, когда учоныя книги не будутъ печататься ни на одномъ языкѣ, кромѣ четырехъ всемірныхъ... Ничто не движется впередъ такъ медленно, какъ разумъ; онъ истая черепаха; но наперекоръ всему онъ обгонитъ зайца. Что сталось бы со свѣтомъ, безъ проповѣдниковъ въ пустынѣ, безъ мучениковъ и пророковъ...

„Первоначальная цѣль языка — соединеніе людей. Но то, чего хотѣлъ языкъ, то разрушено языками: языки не соединяютъ людей, а раздѣляютъ ихъ болѣе, чѣмъ горы и моря... Какъ птица въ клѣткѣ, такъ духъ человѣческій заключенъ въ своемъ языкѣ. Онъ стремится вонъ на чистый, вольный воздухъ; но желѣзная рѣшетка языка отталкиваетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не забудетъ древней грезы человѣчества (о человѣчествѣ) и не назоветъ людей, живущихъ въ другихъ клѣткахъ „млеггhа“ (болтунъ) нѣмымъ (нѣмецъ) если не варваромъ.

„Ну вотъ есть весьма мудрые люди, говорящіе намъ: такъ должно было случиться, не могло быть иначе. Не было казнью смѣшеніе языковъ, „такъ чтобы одинъ не разумѣлъ другого“. Было благодѣтельно раздѣленіе человѣчества, ибо лишь при немъ

во многихъ меньшихъ кругахъ могло осуществиться все богатство человѣческой природы.

„Такъ, такъ! Есть такая мудрость, по которой все дѣйствительное разумно. Но есть и другая, которая заботится о томъ, чтобы хоть нѣчто изъ разумнаго стало дѣйствительнымъ.

„Какая-нибудь тысяча языковъ человѣчества — это чистое недоразумѣніе, ибо то, что противорѣчитъ само себѣ, есть и будетъ, несмотря ни на какую философію, неразумно, а что мостъ есть ровъ—это само себѣ противорѣчитъ. Но царство неразумія велико и могущественно и развалить его сразу нельзя.

„При томъ министры его хитрые люди. Никто неговоритъ такъ благоразумно, какъ жрецы святого неразумія. Когда хотятъ оправдать нѣчто скверное, такъ ходятъ въ монашескихъ рясахъ: собираясь сказать нѣчто очень глупое, облекаются въ академическіе таляры; когда нужно предотвратить нѣчто истинно общеполезное, они надѣваютъ фригійскіе колпаки или украшаются національными цвѣтами и знаменами.

„Такимъ образомъ, подъ личиною любви къ отечеству, они увѣрили народъ, что нѣтъ ничего неприкосновеннѣе и священнѣе родного языка, и что, оставляя свой языкъ народъ перестаетъ быть народомъ. Валлійцы должны говорить и писать по валлійски; валлонцы только по валлонски; въ противномъ случаѣ они измѣнники себѣ и своимъ отцамъ.

„Теперь едва ли есть языкъ, едва ли есть народъ большой или малый, необращенный въ эту вѣру, кромѣ одной Японіи, пристыжающей весь свѣтъ. Когда этотъ народъ, числомъ около 35 мил., съ цивилизаціей и литературой, болѣе древними, чѣмъ большинство европейскихъ, пробудился и увидѣлъ себя среди міра чужимъ и непонимаемымъ; то онъ почувствовалъ, что при своемъ языкѣ, какъ съ ядромъ на ногѣ, онъ не можетъ пойти въ запуски съ человѣчествомъ. И истинные патріоты этой страны, коимъ больше лежало на сердцѣ благо потомства, чѣмъ удобства современниковъ, рѣшили, чтобы во всѣхъ ея школахъ учили англійскому языку, чтобы подростающее поколѣніе могло прійти въ

духовное общеніе съ народомъ Англіи и Америки, даже съ метрополіями всего міра.

„И развѣ для этого нужно искоренять отечественный языкъ? Нѣтъ, онъ останется и на долгія времена, задушевнымъ языкомъ дома и очага, любви и горя, какъ Шлезвигъ-гольштинцы не даютъ отнять у себя себя свой „modensprak so sticht und recht", хотя на духовномъ полѣ битвы также сильно владѣютъ языками Лютера и Гёте, какъ Швабы и Баварцы.

Было время, когда латинскій языкъ былъ *lingua franca* духа. Это время миновало, и теперь на мѣстѣ мертваго языка стоятъ въ Европѣ четыре живые, англійскій, французскій, немѣцкій и итальянскій, изъ коихъ любой можетъ быть выбранъ народомъ вступающимъ на міровую сцену

Всякій *ученый*, философъ, политикъ, желающій участвовать въ общемъ разговорѣ долженъ свободно говорить и писать на одномъ изъ этихъ языковъ, какъ всякій образованный долженъ понимать ихъ всѣ.

„Кто станетъ сомнѣваться, что рядомъ съ этой всемірной литературой по прежнему будетъ процвѣтать родная поэзія, что мы изъ году въ годъ будемъ получать въ изобиліи румынскія пѣсни, сербскія баллады, датскія трагедіи, нижненѣмецкіе разсказы русскія повѣсти. Но міровыхъ языковъ, у которыхъ есть прошедшее и есть будущность, въ Европѣ только четыре.

„Будетъ ли когда либо одинъ всемірный языкъ, на которомъ на которомъ будутъ переговариватьсл народы, церкви и акедеміи,— кому извѣстно? Языки Вавилона и Іерусалима, Аѳинъ и Рима замолкли: развѣ англійскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій настолько лучше ихъ?

„Впрочемъ оставимъ въ сторонѣ будущее и великія надежды. Что возможно каждому, такъ это на широкомъ полѣ неразумія вырвать съ корнемъ хоть одинъ предразсудокъ.

„Такой предразсудокъ то, что истинная любовь къ отечеству невозможна безъ отечественнаго языка, и что первая обязанность всякаго патріота въ томъ, чтобы во вѣки, на войнѣ и въ мирѣ носить старую, тяжелую ржавую броню мѣстнаго языка.

„Кто можетъ вѣрить, что языки существуютъ для того, чтобы люди не понимали другъ друга, тотъ пусть останется при этомъ догматѣ.

„Будущность покажетъ, что ни одинъ человѣкъ, ни одинъ народъ не сможетъ выплатить размѣнною монетою своего долга человѣчеству".

Максъ Мюллеръ хочетъ увѣковѣчить разстояніе между языкомъ науки и поэзіи. Между тѣмъ разцвѣтъ поэзіи въ новой литературѣ вездѣ сопряженъ съ уменьшеніемъ этого разстоянія (Пушкинъ). Существованіе этихъ разстояній вредно вліяетъ на развитіе, которое дѣлаетъ то, что и самые научные дѣятели набираются изъ узкаго круга, скуднаго талантами. Онъ хочетъ стало быть выгодныхъ условій для четырехъ народовъ и невыгодныхъ для остальныхъ.

Авторъ слишкомъ ученый и добросовѣстный человѣкъ для того, чтобы, подобно нѣкоторымъ послѣдователямъ той же вѣры, въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, видѣть явственные признаки наступленія торжества этой вѣры. Онъ не ликуетъ напр., пророчествуя, что въ XX-мъ вѣкѣ въ Америкѣ не останется другихъ языковъ кромѣ испанскаго и англійскаго. Романскіе языки покроютъ Африку, по крайней мѣрѣ Сѣверную; языки англійскій и русскій раздѣляютъ между собою Азію. (Русскій языкъ онъ повидимому относитъ къ языкамъ имѣющимъ прошедшее и будущее, и въ этомъ послѣдовательнѣе нашихъ филоглотовъ). Напротивъ, видя появленіе разныхъ Гунфальфи и то, что теперь „едва ли есть народъ необращенный въ эту (ложную съ его точки зрѣнія) вѣру", онъ вопіетъ: „хто въ Бога вірує, рятуйте".

На дѣлѣ, какъ упомянутымъ выше, еще рано испускать побѣдные клики, такъ и Максу Мюллеру нѣтъ основанія считать себя проповѣдникомъ въ пустынѣ. Въ дѣйствительности онъ стоитъ за монополію господствующихъ литературныхъ языковъ, на сторонѣ которыхъ сильная и богатая часть обществъ и народовъ. Раздраженіе, которое знаменитый ученый испытываетъ, при мысли, что не все замѣчательное, что пишется по его части, доступно

ему по языку, сходно и сродно съ тѣмъ, которое испытываютъ цари биржи и владыки рынковъ, распорядители судебъ народовъ, при видѣ того, что не все золото стекается въ ихъ мѣшки, не вся промышленность въ ихъ власти, не всѣ возжи въ ихъ рукахъ. Это раздраженіе еще усиливается столь легко пріобрѣтаемыми и столь легко поддерживаемыми апріорными заключеніями, сознаніемъ, что они именно видятъ дальше и яснѣе другихъ; что именно у нихъ на сердцѣ „благо потомства", благо, ради коего слѣдуетъ жертвовать временными удобствами современниковъ". Если наша вѣра правая, единая спасающая, то съ еретиками, жрецами лжи, носителями личины патріотизма,—не слѣдуетъ стѣсняться. По одной покатой плоскости нужно будетъ дойти до правила: „цѣль (благо потомства) оправдываетъ средства" причиняющее лишь временное неудобство современниковъ. Съ одной точки зрѣнія нужно признать, что печатать труды, скажемъ, Финской академіи, по французски и нѣмецки, (слезми моря доповняти) есть благо, хотя оно несоздаетъ читателей между финами; а то, что напр., Аѳанасьевъ писалъ по-руски, есть зло, хотя иначе онъ и не могъ бы писать и хотя сочиненія его несомнѣнно читаются многими, незнающими ни одного иностраннаго языка; хотя, появись оно на иностранномъ языкѣ, оно навѣрное не было бы переведено на русскій; тогда какъ нѣмцы отъ незнакомства съ нимъ теряютъ менѣе, потому что этимъ сочиненіемъ пользовались ихъ ученые.

Впрочемъ ошибочно думать, что такіе взгляды недобросовѣстны. На свѣтѣ множество случаевъ, когда человѣкъ необходимо, слѣпо, т. е. незамѣтно для себя, въ теоріи и жизни слѣдуетъ правилу: „цѣль оправдываетъ средства", „лучшій журавль въ небі, ніжъ синиця въ жмени".

Трагизмъ положенія въ томъ, что ему кажется, что онъ уже держитъ этого журавля въ рукѣ. Отсюда теоретическія объясненія близкаго дальнимъ и трансцендентальнымъ. Сюда относится практическое изгнаніе радостей жизни, самоистязаніе, самосожженіе и сожженіе другихъ какъ у нѣкоторыхъ раскольниковъ. Сюда относится все дѣлаемое для загробной жизни. Напр., когда у Осе-

тинъ родственники умершаго продаютъ необходимое, чтобы пышно его одѣть: при жизни одѣвался бѣдно, пусть хоть теперь одѣнется пышно, чтобы на томъ свѣтѣ не было стыдно показаться умершимъ. (сб. св. о Кавказ. горц. IX. отд. III, 2-3) Когда дѣлаются самоистязанія у гроба, потому что покойникъ видитъ и цѣнитъ ихъ, когда живого хоронятъ съ мертвымъ. (Тейлоръ III, 50. Спенс. осн. соц. I 202—3, 212); когда посылаютъ души враговъ на службу тому, за кого мстятъ (Патроклъ и троянскіе юноши; месть Ольги). Признаніе необходимости каторги (у Достоевскаго)— ради спасенія души. Убійство милыхъ для ихъ блага. [1])

Какъ въ консервативномъ станѣ предписывать въ подобныхъ случаяхъ скептицизмъ, спокойное изслѣдованіе, движеніе къ противоположнымъ мнѣніямъ, все равно, что совѣтовать поймать птицу, посыпавши ей соли на хвостъ.

Противоположное направленіе состоитъ, конечно, не въ отрицаніи дальнихъ цѣлей и идеаловъ, какъ разница между хорошимъ шахматнымъ игрокомъ и дурнымъ состоитъ не въ томъ, что одинъ стремится къ выигрышу, другой нѣтъ, а въ томъ, что у другого цѣль заслоняетъ промежуточныя ступени.

---

[1]) ф. „Катерини сина прижила
Въ колодязи затопила,
Зъ буйнымъ вітромъ говорила:
„Повій вітре буйнесенькій
„Та нажены чорну хмару,
Спусти зъ неба дрібний дощикъ
Позаливай всі слідочки,
Щобъ туди люде неходили
Зъ колодезя води брати,
Щобъ дитяти незвискати
Мій батенько *мене любить*,
То він мене зъ світи згубить.

Въ 1851 г. покойный врачъ Улеговскій показывалъ мнѣ кѣмъ-то добытый изъ архива Харьковскаго Врачебнаго Управленія актъ освидѣтельствованія умственныхъ способностей мужика, хорошаго семьянина и благочестиваго человѣка, убившаго нѣсколькихъ членовъ семьи, потому что они бы вошли въ составъ военныхъ поселеній (такъ называемая высшая политика, оказывающаяся на дѣлѣ очень недальновидною), такъ и въ радикальномъ, дѣйствія называемыя, смотря по точкѣ зрѣнія, благоразумными, политичными, иногда—преступными.—Сюда—революціонная дѣятельность христіанства по отношенію къ народной литературѣ. Сюда—многія нынѣшнія дѣйствія разряда „цѣль оправдываетъ средства“.

Въ дѣйствительности разстоянія между противоположными крайностями могутъ быть не велики. Найти границу между тѣмъ и другимъ разъ на всегда невозможно. Вѣрно опредѣлять ее—въ этомъ трудное искусство жить.

Отдать изъ любви къ ней (цѣли) молодую дѣвушку за богатаго старика—-дурно,—выйти по любви и незнать чѣмъ прокормить себя и дѣтей—тоже. Копить деньги, подавляя насущныя потребности—дурно; по примѣру дикаря недумать о завтрашнемъ днѣ—тоже. Противиться введенію конституціи, потому что она поведетъ молъ къ соціальной революціи (=недавать сыну хлѣба: а давать камень, потому что если дать хлѣба, онъ захочетъ всего наслѣдства)—нехотѣть конституціи, потому что она ведетъ къ плутократіи.

Искусственный языкъ Макса Мюллера vorl. II 38 слѣд.

а) Побужденіе для принятія такого языка (еслибы онъ былъ изобрѣтенъ) могло бы состоять въ признаніи его превосходства. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ бы въ условіяхъ менѣе выгодныхъ, чѣмъ любой изъ наличныхъ великихъ литературныхъ языковъ. Превосходство одного изъ послѣднихъ могло бы быть признано, еслибы вездѣ порвалась связь преемства, кромѣ того мѣста, гдѣ этотъ языкъ туземенъ. Въ дѣйствительности чужой языкъ вытѣснялъ бы туземный лишь насиліемъ.

б) такой языкъ предполагалъ бы существующіе языки. Въ формальномъ отношеніи онъ имъ выражалъ бы систему категоріи даннаго языка (слѣдовательно принятіе его было бы принятіемъ этого послѣдняго), или былъ бы эклектиченъ, Въ обоихъ случаяхъ, гдѣ мѣрка относительнаго превосходства грамматическаго строенія? Сближаются ли языки между собою? Пролагается ли такимъ образомъ путь къ общему языку?

в) этотъ языкъ предполагалъ бы готовую систему познаннаго, готоваго. Возможна ли она, какъ нѣчто прочное неподвижное? Онъ былъ бы *прозаиченъ* и въ этомъ смыслѣ неудобенъ для познанія.

Вводителями искусственнаго языка были бы отдѣльныя личности, а не массы. Введеніе его было бы похоже на радикальную перестройку общества, было бы также деспотично.

Вступительная лекція.

1881—2 г.

Прежній обычай начинать чтенія съ указанія на важность предмета представляетъ опасность въ томъ отношеніи, что ожиданія слушателей могутъ быть обмануты; можно принять мѣры противъ ошибочнаго толкованія такого обманутаго ожиданія. Надо разсчитывать на слушателя, способнаго понять, что есть авторитетъ выше личности: авторитетъ науки, ощутимой въ массѣ своихъ произведеній, въ живости, силѣ ея стремленій, которыя мы должны носить въ себѣ. Если мы неудовлетворены школою, преподавателемъ, не по нашей винѣ (небрежности, самомнѣнію, неподготовленности), то это самое доказываетъ, что мы носимъ въ себѣ частицу силы, создающей зданіе науки.

Предметъ чтеній—синтаксисъ русскаго языка. За неимѣніемъ каѳедры общаго языкознанія сюда — общія понятія о языкѣ и о задачахъ языкознанія.

Срединность языкознанія.

Казалось бы равно обязательнымъ для всѣхъ положеніе, что нѣтъ въ мірѣ явленій, изслѣдованіе коихъ было бы недосттойно усилій человѣческаго ума, что нѣтъ науки, которая немогла бы вести къ высшимъ задачамъ ума, что можно говорить только относительно удобствъ и количества извѣстныхъ знаній въ такомъ-то мѣстѣ и времени, а не объ ихъ достоинствѣ. И однако, безсознательное самолюбіе нерѣдко подсказываетъ людямъ, что знаніе, которое они случайно усвоили, родъ дѣятельности, на который натолкнули ихъ обстоятельства,—безусловно полезнѣйшій. Какъ гейневскій школьникъ, который нехочетъ знаться съ другимъ неумѣющимъ склонять *fora*; какъ институтка высшаго класса, пре-

зирающая кофишку; какъ нашъ гимназистъ,—трудно сказать, насколько шутя, настолько серьезно,—величающійся цвѣтомъ канта и буквами на шапкѣ; такъ иногда серьезные люди въ одномъ ходѣ умственныхъ занятій, въ одномъ пріемѣ мысли видятъ достоинства, отъ одного чаютъ блага обществу, его спасенія. Если такія пристрастія или антипатіи принимаютъ обширные размѣры, то въ нихъ знаменіе времени.

„Извѣстный складъ мысли установляется во Франціи въ XVII в. одновременно съ монархическою централизаціей и съ свѣтскою бесѣдою и сопровождаетъ ихъ не случайно, потому что онъ есть дѣло новой публики, которую создаютъ новая политическая система и новые общественные нравы; онъ есть произведеніе аристократіи, устраненной отъ всякаго дѣла захватами монархической власти, произведенія благороднаго происхожденія и стараго воспитанія, которые, будучи устранены отъ всякой дѣятельности, бросаются на разговоръ и употребляютъ всѣ свои досуги на наслажденіе серіозными или изящными удовольствіями ума...

Въ XVII вѣкѣ этихъ людей называютъ порядочными (les honnêtes gens) и впредь всякій писатель, даже самый отвлеченный будетъ обращаться со своими произведеніями только къ этой публикѣ. „Порядочный человѣкъ, напр., Декартъ, вовсе необязанъ читать всѣ книги или знать основательно все то, чему обучаютъ въ школахъ“. Декартъ низко ставитъ простыя познанія, пріобрѣтаемыя безъ помощи разсужденія, каковы напр., „языки, исторія, географія и вообще все то, что основано на одномъ только опытѣ“. По эго мнѣнію, порядочный человѣкъ столь же мало обязанъ знать греческій и латинскій языки, какъ и какое-нибудь швейцарское или нижнебританское нарѣчіе; точно также исторія римско-германской Имперіи обязательна для него не болѣе, чѣмъ исторія самого крошечнаго изъ европейскихъ государствъ. Главное „природный здравый смыслъ“ (причемъ предполагается, что у мужика, разночинца и ученаго педанта его нѣтъ). Послѣднее разсужденіе Декарта озаглавлено: „Изслѣдованіе истины съ помощью того естественнаго свѣта, который самъ по себѣ и безъ всякаго посо-

бія со стороны религіи и философіи, опредѣляетъ тѣ мнѣнія, которыя долженъ имѣть *порядочный* человѣкъ обо всемъ, долженствующемъ быть предметомъ его мысли".

Эти „порядочные" люди представляютъ не только аудиторію, но и судей. „Надо стараться изучать вкусъ двора, говоритъ Мольеръ, потому что нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ рѣшенія были бы такъ вѣрны и правильны, какъ тутъ. Простой естественный здравый смыслъ и постоянное общеніе между собою представителей всего хорошаго свѣта создаютъ тутъ особенный складъ ума, который судитъ обо всемъ несравненно умнѣе и тоньше, чѣмъ все заржавѣлое знаніе педагоговъ". Съ этого момента верховнымъ судьею истины является не ученый, какъ было прежде, а свѣтскій человѣкъ. Педантъ, а затѣмъ и ученый, человѣкъ спеціальности, отодвинуты въ сторону...

Въ XVIII вѣкѣ авторитетъ свѣтскаго человѣка получаетъ характеръ верховной власти. „Въ людской толпѣ, составленной изъ глупцовъ и пересыпанной педантами, говоритъ Вольтеръ, всегда имѣется маленькое отдѣльное стадо, называемое хорошимъ обществомъ; будучи богато, хорошо воспитано, образовано и учтиво, оно представляетъ собою какъ бы цвѣтъ человѣческаго рода; для него подрудились и трудятся самые великіе люди; оно же раздаетъ славу и извѣстность". Въ 1789 году, говорилъ аббатъ Мори, французская академія одна только пользовалась уваженіемъ и одна только дѣйствительно давала человѣку извѣстное положеніе. Академія же наукъ не значила ровно ничего въ общественномъ мнѣніи, равно какъ и академія надписей... Языки—наука глупцовъ. Д'Аламберъ стыдился того, что былъ членомъ академіи наукъ. Математика, химика и т. п. слушаетъ лишь небольшая горсть людей, тогда какъ писатель и ораторъ обращается ко всей вселенной. Мори прибавляетъ:

„Мы, члены французской академіи, смотрѣли па членовъ Академіи наукъ, какъ на нашихъ лакеевъ", а между этими лакеями были тогда Лавуазье (химикъ), Лагранжъ (геометръ), Лапласъ (астрономъ, авторъ „небесной механики"). Подъ вліяніемъ такого

давленія духъ принималъ ораторскій и литературный складъ и приспособлялся къ требованіямъ, удобствамъ, вкусамъ и степени образованности и внимательности своей публики. Отсюда—происхожденіе классической формы. Она слагалась изъ привычки говорить, писать и думать, стоя въ виду свѣтской аудиторіи салона.

Языкъ преобразуется подъ вліяніемъ „свѣтскаго употребленія словъ и хорошаго вкуса", это языкъ" порядочныхъ людей". [1]) Онъ измѣняется въ словарѣ и грамматикѣ. Словарь облегчается отъ излишней тяжести. Изъ него исключается большинство словъ, относящихся до спеціальной эрудиціи, изъ него выбрасываются черезчуръ латинскія и черезчуръ греческія выраженія, спеціальные термины школы, науки, ремесла и хозяйства,—все, что отзывается слишкомъ сильно какимъ-либо особеннымъ занятіемъ, что неможетъ считаться у мѣста въ обыкновенномъ свѣтскомъ разговорѣ. Изъ него выкидывается множество выразительныхъ и картинныхъ словъ: всѣ нѣсколько грубыя, старогальскія или наивныя слова *мѣстнаго*, *провинціяльнаго* или личнаго, самодѣльнаго происхожденія, собственныя, домашнія или простонародныя, выхваченныя изъ пословицъ и поговорокъ, [2]) множество оборотовъ, отличающихся живостью, рѣзкостью, откровенностью... все, что, производя черезчуръ живое потрясеніе, могло бы шокировать приличія свѣтской бесѣды...

Достаточно одного неудачнаго слова, говоритъ Вожела, чтобы заслужить презрѣніе общества и, даже наканунѣ революціи быть отброшеннымъ въ глазахъ его въ разрядъ „богъ знаетъ кого" (especes).

Путемъ такого соскабливанія языкъ сокращается и обезцвѣчивается... Доходитъ до того, что никакая рѣчь не составляется

---

[1]) Vaugelas, Remarques sur la langue françoise: Это—манера говорить самой здравой части двора, согласная съ манерой писать самой здравой части авторовъ даннаго времени... Гораздо лучше справляться у женщинъ и у тѣхъ, которые неслишкомъ много учились, чѣмъ у тѣхъ, которые очень свѣдущи въ греческомъ и латинскомъ языкѣ.

[2]) Одною изъ причинъ паденія маркиза д'Аржанька въ XVIII в. и немилости къ нему короля была привычка его употреблять этотъ родъ выраженій.

иначе, какъ изъ общихъ выраженій. По совѣту Бюффона, эти выраженія употребляются даже для выраженія особенныхъ вещей. Это болѣе согласно со свѣтской учтивостью, которая слаживаетъ, смягчаетъ и устраняетъ всѣ слишкомъ рѣзкія или слишкомъ простыя ударенія, и для которой многія идеи показались бы слишкомъ грубыми и низкими, если бы ихъ не облекали полувуалемъ. Это болѣе удобно для лѣниваго вниманія, потому что общіе, термины бесѣды способны разбудитъ мгновенно ходячіе, общепринятыя идеи; всякій сразу понимаетъ ихъ ужъ по тому одному, что принадлежитъ къ членамъ салона; тогда какъ, на оборотъ, спеяльные обороты потребовали бы усилія памяти или воображенія. Напр. говоря объ американскихъ дикаряхъ или древнихъ франкахъ, если скажу „военная сѣкира", всѣ поймутъ меня съ перваго разу, тогда какъ, если я скажу „томагава" или бердышъ, то многіе вообрязятъ, что я говорю по-тевтонски или по-ирокезски. (Или-изъ Оптимиста "колена д'Арлекиля" (1788): „сцена изображаетъ рощицу благовонныхъ деревьевъ". Авторъ поступилъ бы противно классическому духу, если бы указалъ, какія это были деревья: сирень, липа, боярышныкъ. Такъ и на пейзажахъ тогдашнихъ живописцевъ деревья не принадлежатъ ни къ какому извѣстному роду. Это просто деревья вообще). Чѣмъ возвышаннѣе литературный родъ, тѣмъ строже соблюдается это правило; такъ изъ поэзіи изгнано всякое слово, называющее вещь по ея имени; она замѣняется перифразомъ. Поэтъ XVIII вѣка имѣетъ въ своемъ распоряженіи лишь около $^1/_3$ словаря, а подъ конецъ поэтическій языкъ столь тѣсно ограниченъ, что когда человѣку приходитъ желаніе сказать что нибудь, онъ уже неможетъ сказать этого въ стихахъ.

За то, чѣмъ больше расчищается лѣсъ, тѣмъ свѣтлѣе становится въ немъ... „Учтивость", „точность" два слова, рождающіяся вмѣстѣ съ французской Академіей, представляютъ собою краткій итогъ реформы, оплотомъ коей служитъ эта Академія, и которую салоны навязываютъ публикѣ черезъ ея посредство и рядомъ съ нею... (Многіе) трудятся съ большою добросовѣстносью

и тонкимъ тактомъ надъ тщательнымъ взвѣшиваніемъ каждаго слова и выраженія... отношеніемъ его къ другому, его употребленіемъ.

Грамматика преобразуется одновременно въ томъ же направленіи. Установляется порядокъ словъ (болѣе свободный въ XVIв.) (подлежащее съ прилагательнымъ, глаголъ, прямое дополненіе, косвенное дополненіе); недопускается опущеніе мѣстоименій je, il, nous, vous, ils, члена le, la, les глагола est. Фраза расчитана на наименьшую затрату вниманія, на увѣренность усмотрѣть на каждомъ шагу присутствіе или отсутствіе связи между отдѣльными частями.

Методъ построенія простой фразы управляетъ также построеніемъ періода, параграфа и всей цѣпи параграфовъ; создавъ синтаксисъ, онъ создаетъ и стиль. Этотъ стиль созданъ для того, чтобы объяснять, доказывать, популяризовать... Отправляясь отъ нѣсколькихъ простыхъ терминовъ, онъ легко и быстро ведетъ читателя къ комбинаціямъ самаго высшаго характера. Съ этой стороны французскій языкъ въ 1789 году можетъ считаться первымъ изъ всѣхъ языковъ Европы. Берлинская Академія объявляетъ конкурсъ и назначаетъ премію за объясненье причинъ его превосходства. Дипломатія неупотребляетъ другого языка, кромѣ французскаго. Онъ становится международнымъ, какимъ былъ когда-то латинскій... всякому невольно кажется, что назначенъ и впредь служить предпочтительнымъ органомъ разума.

Но на дѣлѣ этотъ языкъ—органъ лишь извѣстнаго разума, а именно резонирующаго (la raison raisonnante), разума желающаго мыслить съ наименьшею подготовкою и съ наибольшимъ удобствомъ, какія только возможны; разума, который довольствуется имѣющимся у него запасомъ свѣдѣній, недумая объ ихъ увеличеніи или обновленіи, который нехочетъ или неумѣетъ обнять всей полноты реальныхъ вещей. По своему пуризму, своему презрѣнію къ специяльнымъ терминамъ и живымъ оборотамъ рѣчи, по мѣлочной правильности въ развитіи каждой мысли, классическій стиль неспособенъ къ полному изображенію или регистраціи безконечныхъ и прихотливыхъ подробностей опыта. Онъ неможетъ

выразить... безчисленно подвижныхъ и разнообразныхъ чертъ не человѣческаго характера вообще, но именно характера даннаго человѣка, чертъ, изображеніе коихъ небыло бы возможно даже... Бальзаку или Шекспиру, если бы ихъ богатый языкъ, обогащаемый еще ихъ собственными смѣлыми нововведеніями недоставлялъ имъ разнообразныхъ оттѣнковъ для выраженія многочисленныхъ подробностей ихъ наблюденій. [1]) Этимъ стилемъ невозможно перевести ни библіи, ни Гомера ни Данта, ни Шекспира. У Вольтера изъ монолога Гамлета осталась одна отвлеченная декламація. Гомеровское описаніе острова нимфы Калипсо, на которомъ гнѣздятся чайки и другія длиннокрылыя морскія птицы въ прекрасной прозѣ Фенелона превращается въ такой-то паркъ, разбитый, „чтобъ тѣшить взоръ". Въ XVIII вѣкѣ иностранные романисты, которые притомъ сами принадлежатъ къ классическому періоду (Фильдингъ, Свифтъ, Де-Фоэ, Стернъ, Ричардсонъ) допускаются во Францію лишь съ сокращеніями и смягченіями, причемъ переводчикъ еще извиняется за то, что имъ оставлено: у нихъ есть черезчуръ откровенныя слова, черезчуръ сильныя сцены; ихъ простодушныя, грубыя или странныя выраженія были бы пятномъ па тогдашнемъ французскомъ языкѣ.

Въ этомъ языкѣ имѣется мѣсто лишь для нѣкоторой части истины, при томъ довольно узкой, а постоянное возрастаніе очищенія ежедневно дѣлаетъ эту часть уже и уже... Классическій стиль постоянно находится въ опасности ограничить свои матеріалы одними общими мѣстами самаго мѣлкаго и тощаго свойства.

По этимъ свойствамъ стиля можно судить о свойствахъ ума, органомъ коего служилъ этотъ стиль. Работа человѣческой мысли состоитъ въ двухъ операціяхъ: въ присутствіи вещей получать отъ нихъ возможно точное, полное и глубокое впечатлѣніе; покинувъ эти вещи,—разлагать и классифицировать свои впечатлѣнія и выражать извлеченныя отсюда идеи. Классическій умъ испол-

---

[1]) Въ сочиненіяхъ Мольера около 8000 словъ, у Шекспира около 15000. Въ словарѣ старой Франціи около 30000, а словарь отдѣльныхъ писателей классическаго вѣка очень бѣденъ.

няетъ второе съ особеннымъ совершенствомъ. Принужденный приспособляться къ своимъ слушателямъ, т. е. свѣтскимъ людямъ, чуждымъ всякой спеціальности и отличающимся большою разборчивостью и требовательностью, онъ долженъ былъ довести это до высокаго совершенства—искусство заставлять слушать и понимать себя, т. е. искуство—сочинять, писать... Во всѣ литературные роды вносятся свойства хорошей ораторской рѣчи... Вторая операція вредитъ первой, потому что обязанность говорить всегда красиво не даетъ иной разъ возможности сказать все, что слѣдуетъ... (поэзія въ накладѣ). Вольтеръ: „изъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ нашъ наименѣе поэтиченъ". Изъ сочиненій въ стихахъ болѣе всего въ модѣ во французскомъ театральныя пьесы, которыя должны быть написаны естественнымъ слогомъ, приближающимся по возможности къ разговорному. Лица, создаваемыя классическимъ стилемъ, всѣ люди свѣтскіе, хорошо говорящіе, даже животныя Лафонтена, слуги и служанки Мольера, персіяне Монтескье, вавилоняне, индійцы и пр. Характеры общи, неподвижны. Дѣйствіе происходитъ ни въ какой странѣ и ни въ какомъ времени, куда дѣйствительность (свѣтское французское общество) прокрадывается лишь безъ воли автора...

Слѣдовать при каждомъ научномъ объясненіи методу математиковъ, извлечь, уединить нѣсколько очень простыхъ и общихъ понятій, затѣмъ покинуть опытъ, сравнивать и комбинировать ихъ между собою и изъ полученнаго такимъ образомъ, искусственнаго соединенія вывести путемъ чистаго разсужденія всѣ слѣдствія, которыя въ немъ могутъ заключаться: вотъ пріемъ классическаго духа. Этотъ способъ изслѣдованія—отъ Декарта черезъ всю революцію и Имперію, даже при реставраціи...

Характеристическая подробность, обстоятельный примѣръ, знаменательный и полный обращикъ—постоянно опускаются... Правильное и правдоподобное сооруженіе на основаніи ничтожныхъ данныхъ.

(Тэнъ. Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи, I, 249—73).

Въ Россіи настроеніе скорѣе неблагопріятное для языкознанія, чѣмъ наоборотъ. Разнообразіе этнографическаго состава государства недостаточно для возбужденія научныхъ стремленій. Сравните съ одной стороны Германію, съ другой—Россію. Въ одной Европейской Россіи съ Кавказомъ; а) кромѣ господствующаго по числу многонарѣчнаго русскаго племени, есть изъ славянскихъ племенъ поляки, болгары; изъ другихъ индоевропейскихъ западныхъ; б) литовцы и латыши; в) нѣмцы и шведы; г) румыны; д) греки, изъ индоевропейскихъ восточныхъ отъ 4 до 5 племенъ иранской отрасли; изъ малоизслѣдованныхъ; ж) грузины съ подраздѣленіями и з) около десяти кавказкихъ племенъ; изъ семитовъ; и) евреи въ двухъ разновидностяхъ, хотя и не говорящіе семитическимъ языкомъ, но читающіе на немъ; і) не менѣе 11 финскихъ; к) около 6 тюрко-татарскихъ и л) одно монгольское. Сюда надо присоединить еще Сибирь и Среднеазіятскія владѣнія. Тѣмъ неменѣе языкознаніе у насъ не процвѣтаетъ, несмотря на теоретическую и практическую важность литовскаго и лотышскаго языковъ, и несмотря на то, что всѣ лотыши и огромное большинство литовцевъ въ Россіи, почти все сдѣланное для изученія этихъ языковъ, написано на нѣмецкомъ. Общество было равнодушно, правительство даже воздвигало препятствія.

Самое теоретическое изученіе русскаго языка въ значительной степени спорадично и случайно. Ломоносовъ—физикъ, химикъ н металлургъ, Даль—медикъ, Максимовичъ—ботаникъ. Филологи по образованію и ремеслу посвящали языкознанію только часть своей дѣятельности, а другую большую—археологіи, исторіи, литературѣ. Русскихъ насчитываютъ около 55 милліоновъ, сербовъ, хорватовъ и словинцевъ вмѣстѣ вдесятеро меньше. Между тѣмъ въ настоящее время у словинцевъ есть Миклошичъ, у Сербовъ—Даничиħ, у Хорватовъ—Ягиħ. Согласно съ этимъ у русскихъ должно бы быть человѣкъ тридцать крупныхъ славистовъ; но наберется ли ихъ три—это еще вопросъ. По крайней мѣрѣ въ академіи наукъ изъ занимающихся славянскими языками русскихъ двое (Гротъ и Буслаевъ) 3-й Ягиħ—хорватъ.

Слишкомъ большое преобладаніе въ болѣе именитой и обезпеченной части общества хлѣбныхъ интересовъ, практическаго матеріализма, который, какъ извѣстно, распредѣляетъ между прочимъ студентовъ по факультетамъ. Конечно,—не безъ исключеній, и надо думать, что это явленіе временное, остатокъ Митрофана Простакова, осужденный на умаленіе, а не на возрастаніе.

Число низшихъ и среднихъ школъ растетъ, хотя несоразмѣрно потребностямъ. Какъ ни тѣсно въ нихъ, какъ ни дуренъ воздухъ, какъ быть можетъ, ни неудовлетворительно преподаваніе, однако они переполняются больше и больше. И во всѣхъ ихъ частью исходною точкою, частью средоточіемъ служатъ языкознаніе, въ частности не практическое только, но и теоретическое изученіе отечественнаго языка.

Или это только предразсудокъ? или нѣчто навѣянное обществу извнѣ?—Измѣненіе системы образованія можетъ измѣнить количественно и качественно отношеніе древнихъ и новыхъ иностранныхъ языковъ къ отечественному, можетъ иначе распредѣлить другіе такъ называемыя реальные предметы преподаванія, но, мнѣ кажется, неослабить, а усилитъ срединность и основность преподаванія отечественнаго языка.

Стало быть, жизнь усилитъ спросъ на высшее теоретическое языкознаніе въ университетахъ и академіи, ибо врядъ ли можетъ быть сомнѣніе, что теоріи вырабатываемыя на верху рано ли поздно спускаются до низу, даже до первоначальнаго обученія грамотѣ. Эти теоріи даже и теперь можно замѣтить и въ букваряхъ, хотя въ тоже время недобросовѣстность и устарѣлость этихъ теорій, незнакомство авторовъ съ тѣмъ, что прямо и косвенно дѣлается для русскаго языка иностранными учеными, бросаются въ глаза въ большомъ количествѣ новыхъ учебниковъ русскаго языка.

Важность языкознанія въ элементарномъ (среднемъ и низшемъ) обученіи никакъ не можетъ быть названа *предразсудкомъ*, т. е. тѣмъ, что въ пословицѣ: „була правда, та заржавіла". Въ средніе вѣка на западѣ весь кругъ тогдашнихъ наукъ подчинялся

богословію. Такъ называемыя artes liberales, въ томъ числѣ и грамматика, были ancillae theologiae. Такъ было и у насъ и отчасти осталось въ простомъ народѣ, гдѣ обученіе грамотѣ (состоящее между прочимъ въ анализѣ звуковъ рѣчи) имѣетъ цѣлью часословецъ и псалтырь. Во времена возрожденія въ концѣ XV и XVI вѣка считались достойнымъ изученія только языки греческій, ради усвоенія сокровищъ античной цивилизаціи (какъ смотрятъ нѣкоторые классическіе филологи и до нынѣ) и еврейскій ради библіи. Стало быть, значеніе языкознанія было опять таки подчиненное. Стало быть, срединность языкознанія въ преподаваніи можетъ быть или новою истиною, или новымъ заблужденіемъ, но не предразсудкомъ.

Истина ли это, или заблужденіе?

— Человѣкъ стремится къ *познанію природы* и *къ пользованію ея силами*. Познаніе—первое, примѣненіе—второе. Самая область познанія дѣлится на науки чистыя или основныя и прикладныя, состоящія въ систематизаціи примѣненія первыхъ къ частнымъ цѣлямъ дѣятельности. Успѣхи человѣческаго развитія выражаются въ сознаніи, что чистая наука, познаніе сущаго безъ всякой утилитарной цѣли способно удовлетворить человѣка, какъ и удовольствіе, доставляемое искусствомъ, но что нѣтъ такого познанія (если оно вѣрно), которое рано или поздно не могло бы быть направлено къ улучшенію человѣческой жизни.

Обширное понятіе природы исчерпываетъ собою все познаваемое. Сверхестественное, совершающееся не по законамъ природы, еслибы существовало, небыло бы доступно познанію и невходило бы въ кругъ наукъ, безъ исключенія—естественныхъ.

Природа заключаетъ въ себѣ человѣка и все окружающее его. Отсюда раздѣленіе наукъ на гуманитарныя и естественныя въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, раздѣленіе приблизительное, такъ какъ нѣкоторыя части обоихъ отдѣловъ тѣсно связаны между собою, стоятъ на межѣ этихъ отдѣловъ; нѣтъ рѣзкаго скачка отъ того, что не есть человѣкъ, къ человѣку.

Будетъ ли человѣкъ наблюдать за своею личною жизнью, или за жизнью своего племени, во всякомъ случаѣ настоящее становится доступнымъ наблюденію, лишь когда оно отодвинуто въ прошедшее, стало слѣдомъ. Такимъ образомъ всѣ науки о человѣкѣ сводятся къ изученію прошедшаго, къ исторіи языка, искусства, науки, религіи, права, быта, политическихъ учрежденій. Всякое наблюденіе даннаго момента вызываетъ наблюденіе предшествующаго и вытягивается въ нить исторіи, нити сплетаются въ постоянно возобновляемую ткань жизни. Такимъ образомъ въ сущности историчны и такія науки, которыя неносятъ имени исторіи. Напр., психологія должна стремиться быть исторіей возникновенія душевныхъ явленій въ предѣлахъ личной, племенной, народной жизни. Языкознаніе при расширеніи круга наблюденій изъ описанія состоянія языка стремится перейти въ исторію.

Положеніе языкознанія въ ряду гуманитарныхъ наукъ вызывается соображеніемъ: мы незнаемъ человѣка до языка; онъ предшествуетъ всѣмъ остальнымъ спеціально человѣческимъ дѣятельностямъ и сопровождаетъ ихъ. Подъ древними развалинами ассирійскихъ и вавилонскихъ городовъ, заключающими въ себѣ между прочимъ цѣлыя библіотеки изъ дощечекъ обожженной глины, на коихъ—исторія погибшихъ царствъ и, между прочимъ, религіозныя сказанія, представляющіяся источникомъ первыхъ страницъ приписываемой Моисею книги Бытія: подъ этими развалинами находятся невыглаженныя каменныя орудія неизмѣримо болѣе древняго человѣка. Эти орудія находятся и въ Европѣ подъ огромными толщами земли, на образованіе коихъ должны были пойти, можетъ быть, сотни лѣтъ. И однако, мы твердо вѣримъ, что люди, заострявшіе эти кремни и тупившіе ихъ на костяхъ уже вымершихъ звѣрей и себѣ подобныхъ, были существа говорящіе членораздѣльными звуками. Мы вѣримъ въ это, ибо никто невстрѣчалъ рода существъ, создающихъ оружія для битвы, но неговорящихъ.

Такимъ образомъ, если средство есть дѣятельность и созданное ею орудіе, безъ которой другая дѣятельность и другое орудіе невозможно: то языкъ, будемъ ли мы его разсматривать, какъ

дѣятельность или какъ вещь, есть *средство* (или орудіе) всякой другой человѣческой дѣятельности.

Если бы языкъ имѣлъ только свойства механическихъ орудій, какъ топоръ, пила, шершебель, рубанокъ, фуганокъ, то и въ такомъ случаѣ мы должны бы сказать, что буде языки различны, то различно должно быть и свойство условленныхъ имъ дѣятельностей. На дѣлѣ языкъ—больше, чѣмъ внѣшнее орудіе, и его значеніе для познанія и дѣла болѣе сходно со значеніемъ для человѣка органа, какъ глазъ и ухо; но какъ бы ни было,—ясно, что, если языкознаніе стоитъ на высотѣ своего предмета, то по отношенію ко всѣмъ гуманитарнымъ наукамъ, оно есть наука основная, разсматривающая элементарныя условія явленій, составляющихъ предметъ другихъ наукъ этого круга. Хотя на дѣлѣ языкознаніе и неможетъ еще показать, какъ извѣстныя свойства извѣстнаго языка отражаются въ дѣятельности говорящаго имъ народа; но и теперь оно явственно стремится къ этой цѣли, и теперь безъ его участія немогутъ рѣшаться важнѣйшіе историческіе вопросы. Иногда оно необладаетъ еще средствомъ для положительнаго рѣшенія, но имѣетъ ихъ для *veto* относительно попытки рѣшенія безъ него. Между прочимъ съ большою вѣроятностью можно сказать, что первенство народовъ индо-европейскаго племени среди другихъ племенъ земного шара основано на превосходствѣ строенія языковъ этого племени, и что причины этого первенства немогутъ быть выяснены безъ дальнѣйшаго изслѣдованія свойствъ индо-европейскихъ языковъ.

Такимъ образомъ въ Universitas literarum словесный факультетъ, называвшійся такъ отъ словесности=belles lettres, можетъ быть названъ такъ съ большимъ правомъ *отъ слова*, какъ предмета основной науки этого факультета, языкознанія.

— Жизнь тѣла состоитъ въ преломленіи и рефлексіи толчковъ, получаемыхъ имъ извнѣ. Чѣмъ сложнѣе и объединеннѣе тѣло, тѣмъ болѣе преобразуется въ немъ внѣшній импульсъ. И жизнь человѣка, наиболѣе сложнаго изъ извѣстныхъ намъ орга-

низмовъ, исчерпывается рефлексіею. Только кажется, что человѣкъ самъ по себѣ можетъ быть источникомъ своей дѣятельности.

Одно изъ такихъ человѣческихъ рефлексивныхъ движеній, служащихъ отводомъ, предохранительнымъ клапаномъ для жизненнаго механизма, есть языкъ. Въ ряду человѣческихъ дѣятельностей ниже языка по степени сложности и большей важности для животной жизни стоятъ движенія, прямо направленныя къ къ устраненію боли.

Постояннымъ признакомъ языка является членораздѣльный звукъ. Понятіе языка исчерпывается извѣстнаго рода сочетаніемъ членораздѣльнаго звука и мысли. Звукъ—покровъ, тѣло, форма; связанная съ нимъ мысль—покрываемое, душа, содержаніе. Кожа можетъ быть содрана съ тѣла, какъ членораздѣльный звукъ можетъ быть отдѣленъ отъ мысли; но въ природѣ кожа существуетъ лишь, какъ покровъ животнаго тѣла, звукъ лишь какъ форма мысли. Отсюда заключеніе, что та доля мысли, которая связана съ членораздѣльнымъ звукомъ, безъ него существовать неможетъ. Мы видимъ, что замыселъ ремесленника и художника можетъ выразиться только извѣстными преобразованіями и сочетаніями вещественныхъ формъ, цвѣтовъ, музыкальныхъ звуковъ; но также и то, что все это невмѣщающееся въ языкъ подготовляется имъ. Опредѣлить долю мысли безъ членораздѣльнаго звука невозможно, и ея вліяніе на другія стороны человѣческой дѣятельности есть наиболѣе широкая задача языкознанія. Она существовала бы и въ томъ случаѣ, если бы все человѣчество говорило однимъ языкомъ. И въ такомъ случаѣ языкознаніе было бы наукой о формахъ, принимаемыхъ мыслью до проявленія ея въ ремеслѣ, искусствѣ, наукѣ, религіи, государствѣ и обратно о вліяніи этихъ проявленій на мысль, заключенную въ языкѣ.

Сравнительно съ этою, остальныя цѣли языкознанія суть частныя, второстепенныя, уже предполагаемыя главною и достигаемыя мимоходомъ при стремленіи къ главной. Такъ, подчиненная цѣль—изученіе чужого языка для расширенія общенія съ людьми (употребленіе чужого языка не для этой цѣли, а для вы-

дѣленія себя изъ своего народа — цѣль презрѣнная). Научное языкознаніе предполагаетъ уже практическое знаніе не только родного языка, но насколько вмѣстимо, насколько обиліе матеріала неподавляетъ дѣятельности наблюденія и обобщенія, и практическое знаніе чужихъ. Здѣсь высшее языкознаніе сходится съ элементарнымъ преподаваніемъ отечественнаго языка, ибо послѣднее тоже предполагаетъ въ значительной степени въ ученикѣ умѣнье говорить на этомъ языкѣ и стремится не только къ дальнѣйшему развитію этого умѣнья, но и къ тому, чтобы довести до сознанія ученика тотъ путь, по которому направляется его мысль въ силу того, что онъ говоритъ и думаетъ отечественнымъ языкомъ. *Говоритъ* и *думаетъ*, ибо по сказанному та доля мысли, которая безъ языка невозможна, если бы и непроизносилась громко, если бы даже была усвоена молча (у глухого), есть все-таки рѣчь. Въ этой мѣрѣ вѣрно называютъ полинезійцы мышленіе — рѣчью въ брюхѣ (M. Müller, II, 68), а старинный славянскій книжникъ „гаданіе—съкръвьнъ глаголъ".

Польза языкознанія—польза исторіи вообще. Круговоротъ жизни—выраженіе неточное. Жизнь неповторяется. Личность и ея положеніе въ данномъ случаѣ никогда таковой прежде небывала и впредь неповторится (анекдоты о лѣкарѣ, портномъ и сапожникѣ). Тѣмъ не менѣе исторія, опредѣляя направленіе событій, показываетъ, какъ человѣку плыть по ихъ теченію; замѣнять личные идеалы болѣе объективными, т. е. тѣми, которымъ по указанію событій суждено осуществляться въ человѣчествѣ.

Впрочемъ судить не по соображеніямъ, не сравненіями, не apriori, а на основаніи скопленія результатовъ о пользѣ теоретическаго изученія языка пока довольно трудно, такъ какъ это изученіе есть дѣло нашего вѣка.

Какъ бы ни было, не есть ни предразсудокъ ни заблужденіе то, что языкознаніе считается основнымъ предметомъ элементарнаго обученія. Эта его роль обусловлена значеніемъ языка. *Математическія* и *естественныя науки* противополагаютъ человѣка природѣ и образовательную силу произведеній человѣческаго духа

такой же силѣ предметовъ природы, идеализмъ реализму. Но человѣкъ непротивопоставляется природѣ, а вытекаетъ изъ нея и гармонизируетъ съ нею. Познавательная сила неприкасается непосредственно къ предмету. Лицемъ къ лицу съ тою же внѣшней природой стоялъ дикарь и извлекалъ изъ нея не положенія современной науки, а фетишей, боговъ. Поставимъ и нынѣшняго неподготовленнаго человѣка передъ явленіемъ природы и получимъ почти тѣ же результаты: равнодушіе или безмысленный страхъ и поклоненіе.

Между вещью и познавательною способностью всегда посредникомъ является сумма пріобрѣтенныхъ способностей и преданія, будетъ ли случайно или же будетъ систематично излагаться учителемъ и книгою. Стало быть, изученіе внѣшней природы есть тоже изученіе произведеній человѣческаго духа.

Внѣшняя природа тоже имѣетъ свою исторію, такъ что и тутъ нѣтъ противоположности. Законъ и тамъ и здѣсь. Какъ въ отдѣлѣ наукъ о человѣкѣ основою является языкознаніе, такъ здѣсь математика, главныя категоріи коей величина и форма. И по отношенію къ математикѣ языкъ есть основное явленіе. Было бы напрасно учить четыремъ правиламъ ариѳметики дикаря, въ языкѣ коего есть числительныя недалѣе четырехъ, а затѣмъ начинается много. У насъ нѣкогда *много* начиналось за *двумя*. Въ нашу элементарную школу поступаютъ дѣти 6—7 лѣтъ, которыя сравнительно съ этими дикарями—великіе математики и философы.

Главенство языкознанія и математики въ первоначальномъ и среднемъ образованіи основано на ихъ основномъ характерѣ по отношенію къ другимъ наукамъ. Оно прочно, потому что наиболѣе цѣлесообразно, потому что служитъ единственнымъ входомъ въ познаніе человѣческой жизни и природы. Тутъ же и ограниченія первенства этихъ наукъ.

УКАЗАТЕЛЬ.